Высокопреосвященный Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. Том 1
архимандрит Сергий (Василевский)

Том 2 * Том 3

Предисловие

Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих[1]

***

Иже сотворит и научит сей велий наречется в Царствии небеснем[2]

***

Не отъидет память его и имя его поживет в роды родов. Премудрость его поведят людие, и хвалу его исповесть Церковь[3]

***

Сто с лишком лет протекло от рождения и тридцать – уже после блаженной кончины Высокопреосвященного Филарета, бывшего Митрополита Киевского; но доселе не явилось в нашей литературе цельного и полного жизнеописания этого Святителя Божия, бывшего истинно светильником и украшением не для Киевской только паствы, но и для всей Православной Русской Церкви[4]

Предисловие

В Предисловии к изданному мною жизнеописанию Высокопреосвященного Антония (Амфитеатрова), бывшего Архиепископа Казанского и Свияжского[5], я высказал, что покойный Владыка Антоний поручил мне составление биографии дяди своего – Высокопреосвященнейшего Филарета, в схимонашестве Феодосия, (Амфитеатрова), бывшего Митрополита Киевского и Галицкого.

«Этот труд, – сказано было мною в Предисловии, – если Господь благословит и благопоспешит, я уповаю приготовить в скором времени для напечатания отдельным изданием. На выполнение этого моего труда я имел честь и утешение, в бытность в Санкт-Петербурге в Июле 1884 года, лично получить от Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Исидора, Митрополита Санкт-Петербургского особое благословение с выражением, при этом, личного его и для меня священнообязательного желания, чтобы выполнение с моей стороны

последовало возможно скорее».

Господь Бог благоволил даровать мне силы и возможность совершить, предпринятый мною труд и, таким образом, выполнить как завещание покойного Архиепископа Антония, так и желание Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Владыки Митрополита Исидора.

В благодарнейших чувствах за отечески милостивое благовнимание к моему посильному труду Его Высокопреосвященства, Маститейшего Первосвятителя нашего, я с Его личного соизволения почитаю священным для меня долгом и отраднейшим утешением посвятить Его имени сей самый мой труд.

"Автор"

Казань

Зилантов Успенский монастырь.

Ваше Высокопреосвященство

Высокопреосвященнейший Первосвятитель!

Имени Вашего Высокопреосвященства, как бывшего непосредственного Преемника, в Бозе почившего Иерарха Русской Церкви, Митрополита Киевского Филарета, в схимонашестве Феодосия, и свято чтущего память его, смиреннейше посвящает настоящий труд свой – автор – Архимандрит Сергий.

День Покрова Пресвятой Богородицы, 1 Октября 1888 года.

Отдел I. Время от рождения до окончания курса семинарского образования (1779–1798 г.)

Глава I. Место рождения Высокопреосвященного Филарета, его родители и родословная. Первые отроческие впечатления и проявления душевных свойств

«Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко Сам благодатию Своею вложил еси в бедное сердце мое ещё в отрочестве избрати житие иноческое и вчинил еси мя в лик иноческий Святыя Чудотворныя Киевопечерския Лавры, её же Настоятельница есть Сама Преблагословенная Пресвятая Владычица Богородица, под Ея же Материм Святым Покровом аз родихся»[6].

В Орловской губернии в Кромском уезде находится село *Высокое*. У местных жителей сохранялись устные предания, что на месте села *Высокого* в старину были становища каких-то буйных поселенцев. Затем, по сказаниям достоверным, местность эта сделалась вотчинною собственностью лиц одной из древних фамилий Русского боярского рода *Колычевых*[7], из которой происходил по рождению Святой *Филипп*, Митрополит Московский, современник Царя *Иоанна Грозного*. По описанию одного очевидца, относящемуся лет за пятьдесят до настоящего времени, село Высокое замечательно особенной красивостью своего местоположения и окрестностей. «Невдалеке от села с одной стороны виднелась превосходная роща, с другой расстилался открытый дол, тянулись богатые помещичьи сады, а между ними струилась быстрая речка *Сосна* и блестело озеро *Немец*. Все это рисовалось в особенно прекрасном виде из самого села, с того места, где находилась сельская церковь и дома священно-церковно-служителей. Но ещё более приятными представлялись окрестности и самое село с церковью с принадлежащего церковному причту полевого участка, находящегося на расстоянии 5–6 вёрст от селения[8].

В этом селе Высоком состоял священником при находящейся в нём Покровской церкви о. *Георгий Никитич (Амфитеатров)* – родитель Высокопр. *Филарета*, Митрополита Киевского, родившегося в 1779 г.[9] 17 Апреля и наречённого при св. крещении *Феодором*, – (во имя св. *Феодора Сикеота*, память коего 22 Апреля). Жена о. *Георгия*, – родительница *Филарета*, была по имени *Анастасия*. Как далеко восходила родословная о. *Георгия* неизвестно. Достоверно, однако, что родитель Иерея *Георгия*, дед Высокопреосв. *Филарета*, *Никита* был священником в селе *Высоком*:

он, как увидим впоследствии, любил заниматься, между прочим, обучением грамоте своих внуков и особенно своего любимейшего внука – *Феодора*. Что же касается самой фамилии *Амфитеатровых*, то трудно определить её происхождение. Носил ли эту или другую фамилию самый дед о. *Никита*, неизвестно. Знаем только, что родной брат о. *Георгия* носил другую фамилию – *Монастырев*. Впоследствии фамилия *Амфитеатровых* распространилась на значительное число лиц, ведших свой род от Иерея *Георгия*, из которых более известны следующие: Преосвященный *Антоний*, бывший Архиепископ Казанский, – бывший ординарный профессор Московской Духовной Академии *Егор Васильевич*, – Протоиерей в г. *Севске Николай Амфитеатров* и бывший профессор Киевской духовной академии, известный в литературе глубокой учёностью, Я.К. *Амфитеатров*[10]. В самом же селе *Высоком* фамильный род *Амфитеатровых* пресёкся в мужском поколении, так как о. *Георгий* самоё священническое своё место уступил по старости и слабости здоровья, зятю своему *Косме Ивановичу Красину*, который прежде, в течение двадцати пяти лет, состоял причётником при местной же Покровской церкви и женат был на второй дочери о. *Георгия – Анне*.

Это последнее обстоятельство, т. е. что родители Высокопреосв. *Филарета*, несмотря на своё священническое звание, отдали в замужество дочь свою за причётника, с одной стороны указывает на небогатость их состояния, а с другой свидетельствует о тогдашнем образе понятий и взглядов, чуждых всякой рассчитанности на знатность рода и звания, и вообще о тогдашней простоте в образе и условиях жизни и быта. Об этом читаем следующие, между прочим, сведения: «Родители Высокопреосв. *Филарета* при относительной бедности считались всё-таки в ряду своих сельчан и прочих членов притча людьми, как говорится, зажиточными. Если доходы от священнического места были и незначительны, то недостаток их восполнялся из другого источника – трудолюбия по части сельских домашних хозяйственных работ и занятий. У них был собственный дом с разными хозяйственными при нём заведениями, как-то: садом, огородом, конопляником и пчельником. Пчеловодство было вообще развито в селе *Высоком*, чему благоприятствовала самая местность, и составляло, между прочим, один из достаточных источников для средств к содержанию. На церковной земле велось хозяйство в хорошем порядке; им занимались, наряду с наёмными работниками, и сам о. *Георгий* с женой, и все домашние, не исключая даже детей по мере их возраста. В этих работах, как увидим впоследствии, участвовал Высокопр. *Филарет* в годы своего детства, служа даже для прочих братьев примером

трудолюбия[11].

Родители *Феодора* до рождения его имели уже троих детей, – двух дочерей и сына, бывших ещё в малом возрасте. Всех же детей у них было восьмеро, – пять сыновей и три дочери. Имена первых – *Василий, Феодор, Гавриил, Симеон, Никита,* – последних – *Евдокия, Анна, Мария*[12]. При такой многочисленности семейства, само собою, трудно было ожидать, чтобы дети были постоянно окружены особенными родительскими заботами. Но как Феодор, по словам доставителя сведений, в младенчестве был слабеньким[13], то мать, при всей обременённости и семейством и разными хозяйственными трудами и хлопотами, не оставляла его без особенных попечений и тем паче, что замечала в нём какое-то особое выражение благодарности за её попечения и сочувствия к её трудностям. Выражение это видела мать *Анастасия* в необычайной его тихости и всегдашнем довольстве малым, начиная с грудного молока, которого по замечанию её он по средам и пятницам почти не сосал, хотя и брал сосок в губы. Эти свойства от младенчества перешли и в последующий детский его возраст. Ими-то он обратил особенное внимание и приобрёл к себе, преимущественное перед другими детьми, расположение и любовь родителей и в частности деда, о. *Никиты*[14].

Останавливаясь вниманием на сказанных свойствах младенца *Феодора*, можно бы почесть их не более как естественными следствиями одной лишь слабости телесной, но позволительно смотреть на подобные естественные явления и с точки высшего духовного понимания. Недаром и сама мать сознавала в них что-то особенное. Мы хотим сказать, что здесь приложимы слова Апостола: »*если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется*« (2Кор. 4:16), т. е. этот закон, преобладания внутреннего духовного начала над внешним телесным, заранее проявляется по силе благодати в своих действиях, в самых телесных свойствах лиц, имеющих быть особенными подвижниками в духовной жизни. У таких лиц, ещё при самом первом их развитии, плоть пленяется уже в послушание духу. Впрочем, бывшая у *Феодора* от младенчества, слабость телесная с последующим возрастом миновалась. В описании последних дней жизни Высокопр. *Филарета* свидетельствуется, что он имел крепкое телосложение и сохранил свои физические силы от всякого преждевременного расстройства и истощения строгой воздержанной и правильной жизнью, какую всегда вёл от самого раннего детства, отличаясь до глубокой старости неутомимостью как в трудах своего пастырского служения, так и в подвигах строгой иноческой жизни и особливо в потаённых подвигах бдения и молитвы[15]. Это свидетельство

действительно оправдывается самыми, можно сказать, разительными фактами, относящимися к самой ранней жизни в Бозе почившего Первосвятителя. Любил он и сам нередко воспоминать о времени своего детства в этом именно отношении и значении. В подобных воспоминаниях он живо и наглядно изображал и самую житейско-домашнюю обстановку, перебирая как бы по пальцам и огород и пасеку (пчельник) и конопляник, и сарай с сеном, и опушку леса, прилегавшую к месту полевых работ, в которых участвовал. В доказательство этого участия он показывал на левой своей руке мизинец, который подрезал серпом во время жнитвы, и который остался у него навсегда согнутым в одном из суставов. Но воспоминания эти были не плодом одной лишь твёрдой памятливости и живости воображения, а того внутреннего чувства умиления при воспоминании своей юности, о которой говорит Св. Пророк: *Благость мужу, егда возмет ярем Господень от юности своея* (Плч. 3:28). Факты, о которых теперь говорится, взятые именно вместе с самыми воспоминаниями Высокопр. *Филарета*, свидетельствуют несомненно, что и пасека, и конопляник, и огород, и опушка леса и пр. служили для отрока *Феодора* истинными питомниками, в которых он не только почерпал первые уроки, но совершал уже втайне и опыты, как бы пробуя свои силы, насколько он мог взяться за *ярем Господень от юности своея и взявшись не озираться вспять*. И потому всё это, как увидим в своём месте, совершалось им в уединении и втайне от других. А это-то самое, говоря словами церковного панегирика[16], «бывает тогда, когда благоволит Господь по предведению Своему избрать кого в особенное орудие Своего Промысла для какого-либо высокого служения, хотя в то же время Сам же Господь устрояет так, что эти избранные сосуды благодати облагает как бы закровом, подобно как пчёлы свой улей от праздно-любопытных взоров наблюдателей, поучая и приготовляя этим самым избранников своих к хранению себя и своего избраннического состояния в сокровенности и через это полагая и утверждая в них краеугольное основание для всякого истинного духовного возрастания и преуспеяния – *смирение*".

«Так и было, – говорил тот же церковный оратор, – с в Бозе почившим, великим святителем-отцом нашим. Его, ещё юного отрока, посылал нередко отец его на домашний пчельник стеречь рои пчёл и давал ему читать там Четьи Минеи. И вот здесь-то, под жужжанием пчёл – делательниц сота и мёда, невинное отроческое сердце *Феодора* увлекалось чтением житий Святых и услаждалось ими паче меда и сота. В один же из этих разов сердце его особенно усладилось и восхитилось при чтении жития праведного *Филарета* Милостивого; и юный *Феодор* тогда же

решается и даёт обет принять на себя имя этого угодника, чтобы всю жизнь идти по следам его. Вот где и как положено было в сердце в Бозе почившего начало и основание тех великих духовных подвигов, в коих подвизался он в течение всей своей жизни, – начиная с осуществления, возродившейся в нём при настоящем случае, решимости принять имя *Филарета*, – или что то же – принять иноческое звание».

Правда, жизнь Св. Праведного *Филарета* была не иноческая, и самые подвиги его благочестия и добродетелей совершались в среде мирской, житейской, и потому избрание имени этого Угодника с одной стороны как бы не соответствовало тому званию, на которое решился юный *Феодор* – т. е. званию иноческому. Но зато здесь имела место и значение другая сторона. Читавшие житие Св. Праведного *Филарета* Милостивого (память его 1 Декабря) несомненно знают, что он отличался особенными свойствами души – кротостью и довольством малым для себя и безграничной щедродательностию для других. А эти-то самые свойства и были замечены в *Феодоре* ещё от младенчества матерью его и развивались в нём явственно для всех в семье, и особливо для отца его, во все дальнейшее время. Эти же свойства и в иноческом состоянии составляют одно из совершенств. Таким образом, сколь ни рановременна была по возрасту и потому могла бы казаться нерассудительной самая решимость отрока *Феодора* обречь себя на иноческое состояние, столько же наоборот, она является самой естественной и по человеческим здравым истинным суждениям, и по тем естественным физическим и психическим требованиям и условиям, какими только может определяться истинное призвание к иночеству. Следующее подробное изложение того самого (прежде упомянутого) факта, что у мальчика *Феодора* особенно усладилось и восхитилось сердце во время чтения им на пчельнике жития Св. Праведного *Филарета* Милостивого, как нельзя более доказывает сейчас указываемую истину.

Дело было так:[17] "О. *Георгий*, имея надобность сам проведать пчельник, застал приставленного караульщика роёв так, что хоть самого унеси... Читавши Четью Минею сидя на земле, Феодор склонился лицом на самую книгу и спал прекрепко... Остановившись над спящим, о. *Георгий* заметил, что из глаз ребёнка перед его засыпанием изливались обильные слёзы, сильно измочившие даже самую страницу в книге, на которой он остановился чтением и заснул: а с тем вместе, из самого положения лица спавшего видно было, что он не столько склонился от одолевшего его сна, сколько припал сам прямо своими губами к странице, как бы целуя её на известных строках...[18]. О. *Георгий* присмотрелся к

книге и увидел, что *Федей* читано было житие Св. Праведного *Филарета* Милостивого. Не трогая сына и осмотревши пчельник, о. Георгий заметил, что из одного улья только что вылетел рой... но где был последний, – он долго искал, но понапрасну. В чувстве досады, он готов был наброситься на спящего караульщика... как в эту минуту очнулся и сам *Федя*. Отец к нему... и начал журить его…, что он-де прозевал рой... который или вовсе пропал, залетевши не весть куда, или быть может, был уже перехвачен кем-либо из соседних пасечников... Тогда *Федя*, нисколько не смутившись недовольством и журением отца, вдруг взглянувши в книгу, сказал: а что же батюшка за беда, если бы рой этот достался кому-либо из соседей... Вот на ко посмотри, что я сейчас только читал в Божьей-то книге... вот в житии Св. Угодника *Филарета* Милостивого, – которое я сегодня начал читать уже во второй раз... Тут Федя, водя вместо обычной указки пальцем по тем самым строкам, которые были омочены слезами, стал читать: «Таковая у себе премногая богатства блаженый имея, а иных во мнозей скудости и в последней нищете бедствующих видя, подвижеся на благоутробие и умилився душею, глаголаше к себе: – еда ли того ради таковая от руки Господни приях благая, да сам един ими питаюся и в наслаждении иждиву оная, угождая чреву... Не имам ли тех великих от Бога данных мне благ разделити не имущим, вдовам, сиротам, странным, убогим...». «Так-то так, мой родимый, – сказал о. *Георгий*, – и слава Богу, что ты так вникаешь в Божественное-то чтение; но всё-таки не ладно, что ты прокараулил рой то... Впрочем, может статься, ты и заснул-то недавно, – так не припомнишь ли, куда мог пролететь рой-то?! Тут *Федя*, оглянувшись на ближайший куст и в нём находившийся пенёк, вдруг сказал отцу: «да вот рой-то, батюшка, здесь как есть... и я помню сквозь дремоту, что он кружился и жужжал прямо надо мной, да я то больно задумался и задремал так, что не мог и отмахнуть его, не то – чтобы встать...» Тут-то о. *Георгий* понял всё… и значение чтения своего сына и знаменательность самого роя, который кружился над самым лицом ребёнка, но не коснулся его, тогда как мог бы изжалить его насмерть, – и вместе с тем так спокойно уселся вблизи прозевавшего его караульщика. Потому-то, когда впоследствии о. *Георгий* стал более и более наблюдать за состоянием своего сына *Феденьки* и высказываться о нём (как увидим вскоре из его рассказов), что «*будет прок из мальчика*: и ещё, что *Феденька мой, верно, будет монахом*, тогда к слову – монах – присовокуплял, что будет он монахом, как есть *Филаретом* Милостивым!»

И действительно, на будущем *Филарете*-иноке, проведшем в иночестве целых шестьдесят лет, оправдалось во всей полноте изречение:

«*По имени его тако бысть и житие его*». «Это-то призвание, – скажем опять словами того же панегириста, – и самое рвение в Бозе почившего к духовным подвигам, однажды возжёгшись в душе его, не прекращалось впоследствии никогда, по временам же разгорались таким ярким пламенем, который не мог не быть приметен и для других, несмотря на то, что духовно-подвижническая жизнь в Бозе почившего, подобно жизни всех ревнителей благочестия, запечатлена была глубокой сокровенностью. Вместе с возрастанием телесным он возрастал и преспевал в подвигах духовных: восходя по степеням служения выше и выше, он в то же время больше и больше полагал в сердце своём и совершал духовные восхождения к Богу, доколе из степеней сего восхождения не составилась лествица, возведшая его от земли к небеси[19]. «Впрочем, мы не можем – говорил указываемый проповедник – изображать теперь и здесь всех трудов и подвигов духовных в Бозе почившего Архипастыря нашего в течение его 60-летней святоиноческой жизни, и проявившихся ещё ранее от дней самого его детства; – сего не могли не видеть, имевшие очи видети, при возможных наблюдениях за самыми свойствами его души и разнообразными действиями».

Указываемые сейчас, свойства уже нам известны; естественно должны быть известны и самые имевшие очи видеть и благоразумно наблюдать их проявление. Это родители *Феодора*. Если мать – *Анастасия*, усматривавшая ещё в младенческом возрасте своего сына, свойства, возбуждавшие в ней особенное к нему сочувствие и слагала всё это только в сердце своём; зато отец *Георгий* уразумевал уже силу и значение этих свойств своего сына и потому открыто отзывался о его, например и доброте так: «Добрый он, мой сыночек – *Феденька*-то!.. Вот уж добрый-то! Дай Бог всякому православному иметь такую утеху в жизни семейной. Бывало, другие дети пошалят, порезвятся, а он, мой драгоценный – ходит, как *овечка смирная*, и воды бывало, не взмутит». Эти слова отца *Георгия* характеризуют кротость его сына, по-видимому, с одной только стороны, выражавшейся в его действиях и поступках, что показывает самая наивность уподобления смирной овечке. Но эта же самая кротость вскоре стала усматриваться в отроке, как свободное проявление сердечных чувств и настроения душевного, когда, по словам того же о. *Георгия* и других свидетелей-очевидцев, «малый *Федя*, находясь вместе с другими братьями на полевых работах, часто уклонялся являться в семейную среду, иногда даже забывая о времени и самого обеда, и незаметно удалялся в опушку леса, когда другие предавались обычному отдыху»[20]. Эта кротость и уклончивость от других не замедлили породить и проявить в нём

склонность вообще к уединению, но не для праздного детского развлечения, – как другим думалось сначала, – а ради удовлетворения внутреннего стремления к Тому, Чья присносущная сила в красотах видимой природы открывалась его невинно-детскому сердцу. По словам тех же лиц очевидцев, «бывало во время завтрака или полуденного отдыха *Федя*, отделившись от своих, не только устранял себя от пищи и покоя, но в тишине уединения в опушке леса беседовал с Богом: часто видели его там стоящим на коленах и молящимся на Церковь, которая виднелась с места полевых работ как на ладони[21]. То же самое бывало часто и в самом доме. Вот подлинный рассказ об этом о. *Георгия*: «Бывало соберёмся обедать, и сядем уже все за стол; а *Феденьки* нет, как нет. Где же, спрошу других, *Федя*? Где он?! Никто не знает... И пойду я сам, бывало, искать его. Ищу по двору, по саду, на пчельнике, кличу, зову: нет моего *Феденьки*. Взойду на сарай на самую поветь; смотрю, – а он, мой дорогой, стоит на коленях в коноплях и Богу молится. Сойду, бывало, потихоньку с повети, подойду поближе к конопляникам и громко кликну его, будто бы не вижу его... И он – мой голубчик, тотчас прибежит, как нигде не был, – и пойдёт со мной обедать. Или, бывало, ночью братья спят, а он встанет на колени на лавочке или на сене под сараем, да так усердно молится... Увижу, бывало, потихоньку перекрещусь и скажу про себя: слава Тебе Господи! будет добро из мальчика. А чтобы прогулять когда-нибудь вечерню, или утреню, (не говорю уже – про обедню), Боже упаси! Всегда первый прибежит в Церковь и последний выйдет из неё. Ну, – думаю – быть моему *Феденьке* монахом молитвенником. Так и случилось»[22].

Относительно Церкви, кроме неопустительно усердного посещения мальчиком *Феодором* Богослужения, нужно заметить ещё то, что самое *наименование* её во имя *Покрова Пресвятой Богородицы* имело для него своё особенное значение. С той поры первого сознания, – говорит один из доставителей сведений, – когда малютка *Феодор* стал уметь отличать дом родительский от дома Божия и своим лепетом произносить священное наименование церкви «Покров Пресвятой Богородицы» – это наименование врезалось навсегда в душе его, и приняло в его детском понимании такой неизменный смысл, который он приложил и усвоил себе, именуя Покров Пресвятой Богородицы *не иначе, как её Материм, собственно над ним распростёртым покровом, под коим он родился*. Положим, это с одной стороны было выражением детского наивного чувства, но с другой – здесь заключалось, несомненно, знаменательное проявление особенного избранического призвания. Свидетельством и доказательством последнего служит самое, неизменное во всю жизнь,

благоговейнейшее убеждение его в непрестанном покрове над ним Пресвятой Богородицы. Потому-то, когда Покровская церковь в селе *Высоком*, бывшая деревянная, пришла от времени в крайнюю ветхость, и когда местный помещик *Колычев* и прихожане видели необходимость в сооружении новой[23], Высокопреосв. *Филарет* принял самое живое участие в последнем деле весьма многими разными от себя приношениями[24]. Наконец, когда за 15 лет до кончины своей Высокопр. *Филарет*, бывши Митрополитом Киевским, избрал для особенных подвигов уединения Голосеевскую пустынь, то устроил на свой счёт каменную *церковь тоже во имя Покрова Пресвятой Богородицы*, и во время стройки носил сам кирпичи; причём он свидетельствовал открыто, что делает это именно в воспоминание *рождения своего при церкви Покрова Пресвятой Богородицы*[25]. В Клировых ведомостях значится под рубрикой «*Капитал причта*: имеется билет в 1000 руб. серебром, выданный из Орловского приказа Общественного Призрения, положенный в 1856 г. Декабря 29, за № 1634 от Синодального Члена, Митрополита Киевского и Галицкого, Высокопреосвященного *Филарета* на проценты в пользу причта на поминовение его родителей Священника *Георгия* и *Анастасии*. В описи церковной значатся некоторые церковные облачения, пожертвованные им же». Напоследок всего и в самом духовном завещании своём в Бозе почивший, в особенных чувствованиях умилённого исповедания всех неизреченных Благостей к Нему Господних во всех возрастах и судьбах его жизни, изрёк следующие, между прочим, слова: «Благодарю Тя Господи Боже Мой, яко сам Благодатию Своею вложил в бедное сердце моё ещё в отрочестве моем избрати житие иноческое; в последние же лета жизни моей вчинил еси мя в лик иноческий во святей Чудотворной Киево-Печерской Лавре, её же Настоятельница есть Сама Пречистая Преблагословенная Владычица наша Богородица, *под Еяже Матерним Святым Покровом аз родихся*"[26]. А так как это духовное завещание было писано им в 1851 г. за 17 лет до его кончины[27], когда, (как оказалось впоследствии из дополнительного завещания) Высокопр. *Филарет* принял, потаённо от руки духовного отца своего Иеросхимонаха *Парфения* – великую схиму и вслед за этим устроил в Голосеевой пустыни на свой счёт вышеупомянутую Церковь во Имя Покрова Пресвятой Богородицы, – то здесь открывается особенно знаменательное сочетание фактов и выяснение их значения. Ясно, что изречённые в завещании слова благодарения Господу, вложившему в сердце его ещё в отрочестве желание иноческого жития, теперь, с принятием схимничества, завершились ещё сугубейшим стремлением к высшему иночеству. Таким

образом, здесь окончательно раскрылась вся полнота и глубина тех свойств души, какие впервые отразились ещё, по выражению свято-иноческих писателей, *от отроческих ногтей* Феодора, затем развилась и возросла в лице его – как инока *Филарета*, и наконец, достигла своего совершенства в лице *Феодосия*, когда он прикрыл белым митрополичий клобук, с блистающим на нём бриллиантовым крестом, смиренным куколем схимника, и все первосвятительские украшения и отличия – одеждой самоуничижения[28]. Сам в Бозе Почивший, хотя и прикровенно или только намёками указывая на это своё новое высшее подвижническое звание в задушевных беседах с иными, понимавшими и ценившими особенно высоко его достоинства по званию Митрополита и в частности великого учёного – Доктора Богословия, – говаривал так: «…нет и нет!.. напрасно вы так судите... Белый-то клобук с драгоценным крестом мне пожаловали и носить повелели, а чёрный-то я сам возжелал и воспринял на себя с обетами: за него-то я и буду, прежде всего, истязан на страшном судище Христовом. – Митрополитом быть, конечно, знатно, да не больно нашему брату-монаху статно, начиная от внешнего образа-жития... – Толи бы дело, как я часто подумываю, живя в Голосеевой, – коли бы сидеть напр., на пасеке караулить рои… как бывало в дому у батюшки, – да и спать-то бы ложиться под сараем на сене»... Эти последние выражения оправдывал он и самым делом, когда напр., быв уже Митрополитом, заезжал (по пути из *Петербурга*) на родину, в село *Высокое*. «Вечером, – так рассказывала его сестра[29], – когда пришло время ложиться спать, я внесла в горницу свой большой пуховик... Как братец-то вдруг вскричит на меня: «что ты это вздумала, сестрица»... Да я и не умею спать-то на пуховике... Я вот пойду под сарай спать на сено, как в старину спал, бывало, с братьями... И так-таки не согласился мой родимый-то братец лечь на пуховке, а велел мне принести в горницу и послать соломы на полу и накрыть простынёй, хотя и на этой-то постели не спал: то молился Богу, то писал что-то».

«Так, (скажем ещё словами прежде уже цитированного нами надгробного слова) – истинно благое семя пало на благоплодную почву, чтобы во время своё принести плод сторицей во всём Богоизбранническом житии того, кто теперь предлежит перед нами честными останками своими во гробе сём, – в который и вошёл он, по слову Божию, »*якоже пшеница во время пожатая, или яко же стог гумна во время свезенный* (Иов. 5:26). Воистину, – «благость мужу, егда возмет ярем Господень от юности своея (Плач. Иер. 8:27) и егда, *взявши сей ярем*, понесет его, *яко иго благое и бремя легкое*, хотя бы несение сие было среди тяжких скорбей

и страданий, и встречалось со многими преградами и искушениями, – что действительно и совершилось в долговременном житии в Бозе почившего Архипастыря нашего, начиная от дней юности его, именно, по отношению к его призванничеству и решимости принять иночество». Так он, – как увидим в подробности в своём месте, – ещё во время школьного воспитания своего в духовном училище и семинарии решился было дважды идти тайком, – однажды из дома родительского во время вакации, а в другой раз из квартиры, когда учился в Семинарии, но в обоих случаях он был силою удержан, а один раз возвращён даже с дороги. Наконец, по окончании курса, хотел было он решительно скрыться от всех навсегда, в ту именно пору, когда о. *Георгий* силой заставлял его ездить с ним по нескольким сёлам ради приискивания и избрания ему невесты в прямых видах определения его на своё священническое место, где бы будущая невестка заменила в управлении хозяйством, скончавшуюся незадолго перед сим мать *Анастасию*. Но замечательно здесь, в частности в учебно-педагогическом отношении, то явление, что при всём столь, можно сказать, исключительном настроении юноши воспитанника *Феодора Амфитеатрова* к иночеству, дело научно-образовательное у него не только не выпадало, как говорится, из рук и из головы, а наоборот он успевал в науках настолько, что имея только 16 лет от роду, он был уже переведён в богословский класс и кончил курс на 19 году, что в тогдашнюю пору составляло редкость диковинную, так как и в первые-то классы семинарии – пиитику и риторику поступали из училища ученики в большинстве почти что с бородами... Сам в Бозе почивший Высокопр. *Филарет*, вспоминая об этих сотоварищах, говаривал, что ему приходилось от них иногда очень жутко, а потому он среди их побаивался быть и в классе до прихода наставника или в перемену уроков; они его, как малого ребёнка, таскали на руках для потехи, причём доставалось ему немало, то таскания за вихор, за уши, то толчков и подзатыльников… тоже для потехи, или в смысле тогдашних бурсацких любезностей. Об особенных же успехах своих, при всей его молодости, он свидетельствовал сам в Записках, писаных с его слов племянником его *А. Антонием*, что «сему обязан был он тем, что воспитывался под добрым надзором и руководством благочестивых родителей и домашних-старших и сбережён был с детства от всего неблагоприятного для нравственности и способностей к учению».

Дальнейшее изложение мы и начнём с повествования о домашнем и училищно-семинарском воспитании в Бозе почившего Первосвятителя.

Глава II. Домашнее воспитание отрока Феодора. Обучение Феодора Амфитеатрова в духовном училище и Семинарии

«Первоначальное домашнее воспитание получил я под добрым родительским надзором и в строгом исполнении правил благочестия. Самым успехам хорошим в науках и в училище и семинарии я обязан был именно тому, что сбережён был в дому родительском с детства от неблагоприятных сообществ и дурных к чему-либо навыков»[30].

В настоящее время, когда рассуждают и пишут о начальном воспитании детей, от одного многообразия теорий, приёмов, методов и вообще систем педагогических, трудно определить, – как совершается на самом деле нормальное доброе и полезное воспитание детей. Родители же, как воспитатели детей, занимают едва ли не наименьшее место и участие при исполнении этого первейшего и священного для них долга. Родители, если и являются при этом деятелями, то не столько самостоятельными, сколько почти рабски обязанными выполнителями, часто неприложимых к положению их самих и детей их, педагогических требований и условий, и многими едва ли сознаваемых, как должно. Не то было в старину; не так рассуждали и поступали тогдашние родители относительно воспитания детей, – чему пример увидим сейчас в родителях *Феодора* при воспитании его и всех других детей.

В старину не было никаких даже рассуждений о методе воспитания. Родители знали только одно, что воспитание детей есть их первейший и священнейший долг. Они старались передавать и влагать в детей, именно при самом их воспитании всё, что имели в себе доброго и полезного, как в физическом и житейско-практическом, так и в нравственном и умственном отношении. Как на тяжкий грех смотрели прежде, когда у родителей недоставало ревностного желания передать всё истинно хорошее и полезное своим детям, и страшились, как величайшего несчастья, когда замечали, что к детям мало прививается доброе воспитание. Наоборот родители не находили слов к выражению своего утешения, когда видели в детях добрые успехи и плоды воспитания. Вспомним, как радовался о. *Георгий*, когда он, при одном воспоминании о детстве своего сына *Феодора*, говаривал: «Да добрый был он мой сыночек *Феденька*; уж такой добрый, что дай Бог всякому родителю иметь такую утеху в жизни». Да и впоследствии, когда *Феодор* был уже архиереем, и

тогда о. *Георгий* не находил лучшего и большего критерия для оценки достоинств его, как сравнивая их с тем, что видел он в сыне своём ещё в дни детского воспитания. «Да, – говорил он, – каков был (*Филарет*) *Феденькой,* таков и теперь *Филаретом* Епископом, да кажется, ещё лучше стал».

Такой характер и значение воспитания известны не в описываемую только пору. В самых древних жизнеописательных повествованиях прежде всего обозначались свойства родителей и целого фамильного рода. Таковы обыкновенно встречаемые в древних жизнеописаниях выражения: «*родися сей блаженный отрок от благочестивых родителей*" или "*произыде яко ветвь или отрасль от благочестивого корене* или *семене*" и т. п.

О родителях Высокопр. *Филарета* и о данном ему ими воспитании до́лжно сказать не иначе, как словами же древних жизнеописателей. Родился он от благочестивых родителей. Об этом, кроме других достоверных свидетельств, сам в Бозе почивший, во-первых, в своём духовном завещании говорит, что «родился под Матерним Пресвятой Владычицы святым покровом от благочестивых родителей – Иерея *Георгия* и *Анастасии*». Во-вторых, в Записках, составленных с его собственных слов, читаем такое свидетельство: «первоначальное воспитание получил я в доме родительском под добрым строгим надзором и в строгом исполнении правил благочестия». И ещё: «самым успехом моим в науках в училище и в семинарии я обязан был именно тому, что сбережён был дома родителями моими с детства от неблагоприятных для нравственности и успехов сообществ», от которых он действительно уклонялся даже в среде своих товарищей, бывших, сравнительно с ним, очень взрослых и потому могших проявлять какие-либо навыки и поступки, далеко не соответствовавшие настроению кроткого богобоязненного юноши.

В чём же состояло благочестие и вообще личные достоинства родителей *Филарета* и как оно переходило, как воспитательное начало, на юного *Феодора*? Чтобы определить благочестие самого отца его, достаточно прежде всего, принять во внимание, что он был Священник. Священническое же, как и епископское, достойное своего звания, хождение св. Апостол выражает в таких положениях: «Подобает быти непорочну, трезвенну, целомудру, благоговейну, честну, страннолюбиву, учительну, не пиянице, не бийце, не сварливу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу; свой дом добре правящу, чада имущу в послушании со всякой чистотою. Аще же кто своего дому не умеет правити, како о своей церкви прилежати возможет? Подобает же ему и свидетельство добро имети от внешних: да не в поношение впадет и в сеть неприязненну».

(Тим. 3:2–7). Потому, если Иерей *Георгий*, чтобы ходить достойно своего звания, твёрдо памятовал и посильно исполнял эти слова Апостола, то он поистине ходил в благочестии[31]. Во всяком случае, сам Высокопр. *Филарет*, составлявший своё духовное завещание на 73 году своей жизни, не мог свидетельствовать о родителях пристрастно и ошибочно. Он был уже столько лет архипастырем и на опыте изучил разнообразные состояния и положения многочисленнейших священно-церковно-служителей и их семейств, поэтому, более чем кто другой, мог верно и достойно определить как дух и образ благочестивой жизни своих родителей, так и влияние сего духа и образа благочестия, воспринятое им в данном родителями воспитании от пелен его детских.

Следуя буквальному значению вышеприведённых слов Апостола, – каким подобает быть Иерею, мы, на основании данных, должны отметить следующие черты по отношению к о. *Георгию*, как Иерею и как главе семейства. Подобает Иерею быти, учит св. Апостол, дом свой добре правящу. Аще же кто своего дому не умеет правити, како о своей церкви прилежати возможет. Если принимать слова Апостола и в самом тесном смысле, т. е. разуметь под управлением домом не более как внешнюю домохозяйственную обстановку со всеми принадлежностями и родами сельских занятий, то эта сторона жизни о. *Георгия* уже отчасти известна нам, как благоустроенная во всех отношениях. Но *добре* ли управлялось и происходило у него всё это в действительности?! Нередко можно видеть и иначе, т. е. что при благоуспешном, по-видимому, ведении хозяйства, занятия и труды сего рода или поставляются целью любостяжания, или соединяются с недовольством и ропотом от разных встречающихся трудностей и недостатков, так что всё это оказывается похожим как бы на положение, по выражению Апостола, *вола молотяща*. А таким образом и самое звание, и служение Священника оказываются в том значении, как выражался св. *Дмитрий Ростовский – не ради Христа а ради хлеба куса*"[32]. В подобных же случаях нередко приходится терпеть и самым детям священнослужителей немало укоризн, как будто они виновники таких тяжких трудов и забот для родителей, особливо, когда семейство бывает многочисленно, – как например, и у самого о. *Георгия* состояло оно из восьмерых детей и, проживавших у него же, – старца отца его и брата жены его *Анастасии* – Диакона *Иоанна*.

Один из доставителей биографических сведений Высокопр. *Филарета* хотя кратко, но характеристично описывает образ жизни и домашне-хозяйственных занятий семейства о. *Георгия*, и вместе с тем самое воспитание детей и в частности сына *Феодора*. Мать, – пишет это лицо, –

была одинокая, (разумея), что у неё не было в семействе, при рождении *Феодора*, никого из родных женского пола, которые бы могли разделить её труды и по домашнему хозяйству и пр. Прислуги она не имела и потому, можно сказать, постоянно была занята заботами и хлопотами о малолетних детях. Для работ по хозяйству и на поле были у о. *Георгия* и работники, если не постоянные, то по крайней мере, нанимаемые временно для покоса, пашни, жатвы и молотьбы хлеба. Но с тем вместе в этих же самых работах участвовали и дети. При этом в частности о сыне *Феодоре* доставитель сведений говорит так: «с сыновней готовностью разделял он полевые работы во всём, в чём только мог, жал, косил, возил снопы в житницы, молотил хлеб. А так как в селе *Высоком* церковное поле было на расстоянии 5–6 вёрст от села, и потому нужно было в рабочее время отправляться в поле ещё до восхода солнца, – то, когда прочие братья его ещё спали, он, благословенный и трудолюбивый отрок, ранее самых рабочих вставал и помогал им при сборах на поле, и там целый день находился с ними[33]. Как бы в неизменное напоминание самому в Бозе почившему Святителю и в осязательное свидетельство другим о действительности описываемых работ его и юности мизинец на левой руке его остался на всю жизнь согнутым в срединном суставе. Это произошло от пореза серпом в одно время при занятии его жнивом хлеба. В этих работах участвовал он не в пору лишь детства в доме родительском: он в свободное время упражнялся в полевых работах и с чужими домохозяевами в бытность его в училище. Даже, бывши уже митрополитом, принимал участие в хозяйстве, делая по временам свои замечания и распоряжения на докладах экономических, – иногда же лично присутствовал при полевых работах и нередко обозревал хозяйственные заведения. Об этом он сам любил вспоминать и рассказывать не приближенным только своим, а открыто перед сторонними лицами. «Так, иногда он проезжал из *Петербурга* в *Киев* через *Орёл* и здесь, – по словам очевидца, – был в кафедральном Соборе, куда сбежалось множество народа, то помолившись Богу и благословивши народ, стал говорить: «Здравствуйте православные! здравствуйте, мои земляки! Ведь я сам Орловский уроженец. Вот здесь, где теперь архиерейский-то дом, прежде было уездное училище: в нём я учился мальчиком. А там, на нижней слободке монастырской, я квартировал. Был тут однодворец *Селихов*: что жив ли он? небось уже стар теперь стал? И когда в тот же день пришёл к нему тот самый однодворец *Селихов*, Владыка сказал: «ну, здравствуй, хозяин! уж какой ты старый стал»! А помнишь ли, как мы бывало с тобой снопы возили? – Старик не мог говорить, заплакал от радости. Я приеду к

тебе в дом», сказал Владыка. И в самом деле, на другой день Святитель вместе с преосвященным *Евлампием*[34] были у *Селихова* в его доме, пили у него чай и провели часа два в воспоминаниях о прошлом»[35].

При всех этих сведениях о старинном образе воспитания и быте учившихся в заведениях по нынешним взглядам на это дело, само собой, многое может казаться несообразным с учебным делом, как например, самое то, что ученик *Феодор* участвовал в возке снопов с хозяином квартиры. Но подобные взгляды неосновательны и совершенно неверны с историческими данными – именно по части образа и характера всего быта духовенства и учившихся детей его. В самых предписаниях высшего Начальства за описываемое время (например, в указе Св. Синода 81 Октября 1798 г. в пункте 7 повелевалось, – «чтобы во время пребывания в училищах ученики приобретали нужные сведения в сельской хозяйственно-домашней экономии. Для этого же приурочено было и самое время отпуска учеников в дома родителей так, чтобы они могли прибывать как раз к началу полевых работ –сенокосных, жатвенных и других и оставались до первых чисел Сентября». Впрочем, этот порядок относился и не к слишком старинным временам, – а соблюдался и до недавних пор. В этом отношении замечательный факт отмечен в лице, например, бывшего знаменитого Митрополита Литовского *Иосифа* (*Семашко*). «Любя сельское хозяйство, он желал, чтобы и священники занимались им; этим он думал более привязать их к и самым местам их служения. И потому, присутствуя на так называемых публичных экзаменах в семинарии, бывавших всегда в Июле перед отпуском учеников на вакацию, он почти всегда обращался к ним с наставлениями, чтобы они помогали непременно своим родителям в хозяйстве, указывал прямо на себя, что он и сам бывало возил копны и снопы. Однажды же так сказал Ректору Семинарии: «Вы и благословения не давайте тем из возвращающихся с вакации, у которых будут белые руки, это значит – лентяи; и тех особенно благословляйте, у которых руки и загорели от солнца и даже помозолились от работ: видно, что они трудились об руку с трудолюбивыми родителями и вообще семейными»[36].

Покойный Высокопр. *Антоний* (Архиепископ Казанский), по прочтении этого факта в первоначальной, бывшей на рассмотрении его, нашей рукописи, высказал от себя следующее: «Если и не отрицать этого сказания о Митрополите *Иосифе* (так как он и по происхождению-то был из называемых шляхтичей – полубар), то нельзя и не признавать его совершенным как бы повторением того же, что известно было мне ещё во время моего обучения в Калужской Семинарии о покойном Владыке

Филарете. Бывшему тогда ректору семинарии Архимандриту *Бенедикту* (впоследствии Архиепископу Слонецкому) Владыка говорил точь-в-точь, что и Митрополит *Иосиф*. Мало сего, Владыка *Филарет* и во время поездок по епархии, приходившихся во время семинарско-училищных вакаций, проверял сам на месте, работали ли дети у своих родителей, да и самих то родителей пробирал порядком, когда замечал, что полевые работы запущены, и на дворе видел, что сараи и повети, амбары и загороди в неустройстве. «Видно, – говорил он при этом, – что всё добро из рук валится от явной нерадетельности; видно, что хозяева белоручки и любят праздность, а от отцов это переходит и на детей. Дети, навыкнув в домах отцовских целых почти два месяца ничего не делать, и в школы переносят привычку лентяйничать». При подобных случаях он высказывал и о себе, как бывало, занимался работами и дома с раннего детства и во время вакаций, и даже находясь в училище, где с хозяином вязал снопы, – присовокупляя к этому, что в ту же пору книжки-то школьные не только не выпадали из рук, а напротив. Бывало так, что снопы то возишь, а в уме-то наизусть твердишь, что успеешь заранее перед этим заучить... А ещё главное, что при таких-то работах само собою и никакая дурь-то, хотя и ребячья, бывало, не залезает в голову, и наконец, после трудов-то и естся вкусно всякая и простая пища, и спится крепко, и силы свежеют и всё тело здоровеет, – а ведь сказано: «mens sana in corpore sano».

Последствием этих ревизий в наставлении бывало даже то, что когда иные священники и диаконы и пр., дознанные на месте нерадетельными к хозяйству, напр. подавали прошения семинарскому или училищному Начальству о принятии детей их на казённое содержание, (коль скоро обучалось таковых одновременно двое или трое), то Владыка, при всей своей благостности, иногда отказывал в приёме детей для вразумления таковых отцов и детей и в урок для других, – а скорее оказывал тайные вспомоществования для содержания сказанных учеников, препровождая эти вспомоществования к хозяевам квартир через посредство инспекторов или лиц доверенных. «Эти мои слова, – сказал мне тогда же Владыка *Антоний*, – ты можешь внести в твоём изложении целиком именно здесь... Это послужит, по-моему, хорошим правильным финалом для всего изложения о физическо-нравственном воспитании Владыки *Филарета* собственно в доме родительском, и переходом к воспитанию учебному домашнему и дальнейшему училищно-семинарскому».

В указных синодальных распоряжениях, относящихся к половине прошедшего столетия[37], и остававшихся в силе и действии в описываемую пору, повелевалось: «начинать учение детей с семилетнего возраста и

учить их в домах родительских славяно-российской грамоте, т. е. букварю с десятословием, Часослову и Псалтири и скорописи, не более трёх лет, а потом представлять детей в школу. В противном случае священно-церковно-служители обязаны были без всякого опущения вносить штрафы за непредставление детей в указанные места, в школу или за невыучку их дома в назначенные сроки». Значит, домашнее обучение сына *Феодора* с целью приготовления его в школу должно было совершаться по этой же указанной программе. Это видно из того, что сам Высокопр. *Филарет*, когда бывши уже Архиереем, принимал участие в воспитании осиротевших детей родного брата[38], рекомендовал держаться этой же самой программы, – т. е. начинать славянской азбукой и продолжать Часословом с Псалтирью. В этом факте замечательно особенно то, что Высокопр. *Филарет* очень хорошо знал о существовавших в эту пору и, как он выражался, превозносимых заведениях для начального образования детей, но при всей возможности отдать туда своих питомцев-сирот, предпочёл для них обучение домашнее и непременно по старинному обычаю, приводя в основание то, что читающие увидят в следующих письмах его по этому предмету. Поводом к этим письмам послужило то, что самого младшего племянника *Сергия*, к которому Высокопр. *Филарет* относился с особенным участием, как бывшему его крестнику[39], родные (в *Калуге*) хотели отправить в *Москву* к дяде его, служившему в университете, *Семёну Раичу*.

«Если малютке *Серёже*, – писано было в первом письме, – приспела пора учиться грамоте, пусть начинает славянской азбукой, а потом продолжает Часослов и Псалтирь славянскую. В них семена благочестия и страха Божия. А там, в превозносимых ныне заведениях, начинают баснями. Пусть они (басни) в своём роде будут и превосходны; но нам-то до́лжно из младенцев образовывать будущих служителей Церкви Божией инаковым образом. Во всяком случае, *Серёжу* пожалуйста никак не отпускайте в *Москву* к немцам[40]. Теперь вот и *Яша* становится уже добрым *Яковом*[41], а потому долг его прямой принять усердное участие в начальном обучении *Серёжи*. Если кому, то братьям единокровным подобает друг друга тяготы носить».

Под именем *немцев* Владыка *Филарет* разумел семейство одного из младших родных своих братьев *Семёна* (по фамилии *Раич*), который состоял на службе в Московском университете и был известным литератором. Брат этот был женат на немке, потому Владыка *Филарет* и величал это семейство немцами. Не желая никак, чтобы они брали к себе на воспитание упоминаемого в письме, Серёжу, в другом своём письме

Филарет выразил простодушно, но метко характеристично, свой взгляд на самую жизнь этого брата (*Семёна*) в таких словах: «Весьма не нравятся мне и самое-то *житьишко Семёна колотырное*... да и ремесло-то его занятие какое-то журнальное, пиитическое, а главное все фантастическое… существенного ничего нет. Боже сохрани, ежели пойдёт этой дорогой кто-либо из наших[42]...

Впрочем, сказанная программа обучения детей грамоте по Часослову и Псалтири была в употреблении не в среде лишь духовенства: она современна самому изначальному складу и строю православной русской жизни[43]. Даже указанный срок начинать обучение детей с *семилетнего* возраста был так же не новостью не только в описываемую пору, но и в глубокую старину. Довольно лишь раскрыть любую из страниц в четьи-минейных житиях, или летописных сказаниях, где только говорится о начальном обучении в пору детства, – там встречаются повсюду следующие и подобные им сказания: »*отроку, достигшу семилетнего возраста, вдан бысть в научение*», или: "*исполнившуся седмилетию возраста отрочате, вдаша его родители в научение*»; и т. п. Посему самые распоряжения начальственные имели своё значение и действие в той силе и мере, в какой они соответствовали, освящённому веками и жизнью, порядку и в частности примерам святоугоднического научного воспитания. Вышеприведённые Синодальные указы очевидно имели, между прочим, целью подействовать на родителей, не исправных в обучении детей и в особенности на уклонявшихся от представления их в школы, – что показывает самое наложение штрафов. Благопопечительные же из родителей, зная из свято-угоднических и вообще – древне-старинных опытов и примеров, что обучение детей начиналось и раньше семилетнего возраста, могли начинать и действительно начинали обучать своих детей и прежде положенного в указах срока. Такой пример и видим мы на отроке *Феодоре*.

Один из доставителей сведений о детстве Высокопр. *Филарета* пишет: «охота к учению в нём рано обнаружилась; *шести* лет начал он учиться грамоте под руководством дедушки своего, Иерея *Никиты*, любившего *Феодора* более всех других внуков и внучек за его кротость, смирение и послушание»[44]. Причиной такой охотности мальчика *Феодора* к учению грамоте, несомненно было его чрезвычайное усердие к церкви и богослужению. Чтобы понять последнее, нужно принять во внимание, как смотрели в старину на грамотность, и как происходило самое обучение. Процесс обучения был, можно сказать, своего рода богослужением[45], от этого и самое чтение происходило похоже на церковное полу-распевное.

Поэтому, если *Феодор* особенно любил бывать в храме Божием, где слух его оглашался постоянно чтением и пением, из которого хотя он мало понимал, зато несомненно воспринимал многое невинно-детским своим сердцем, то обнаружение особенной охотности к учению было самым естественным результатом частого посещения Богослужения. *Феодор*, слыша то, что читается в церкви, например из Часослова и Псалтири, сам естественно стал возгораться желанием как бы скорее приступить к учению, чтобы иметь возможность повторять и дома то, что слышал он в церкви: и ещё ему по чувству любви к храму Божию желалось всевозможно скорее быть не только слушателем читаемого там, но и читать самому для других. Последнее, как увидим скоро, вполне оправдалось, притом так же рано, судя по возрасту, как рано обнаружилась в нём и самая охота к учению.

Феодор начал учиться под руководством своего деда *Никиты*. Явления и опыты такого рода, т. е. когда родные бабушки нянчат своих внуков и внучек, а дедушки обучают их в первые годы детства грамоте, едва ли теперь в редкость. В описываемую же пору это было самым обычным делом и входило, можно сказать в ряд почти обязательных отношений и условий в семейном быту при тогдашней патриархальной жизни, и особливо в среде духовенства. Отцы из духовных, при первой возможности и удобности предоставляли детям свои служебные места, и доживали при них последние свои годы. И в этом-то положении они всего естественнее принимали на себя обязанности домашних педагогов своих внуков, чтобы не оставаться праздными и вместе с тем недаром пользоваться приобретаемым детям и достоянием, и чтобы проводить и упрочивать своё родоначальническое влияние не на детей только, но и внуков, нередко даже и на правнуков. При подобных занятиях старцев-дедов с детьми внуками и сами отцы наперёд могли быть уверены в благотворности такого воспитания детей. Уверенность эта была тем более несомненна, когда самые старцы-деды были искренно расположены к внукам. Вместе с родственной любовью первых сама собой соединялась и особенная заботливость об успехах учения последних. «О. *Никита*, любивший *Феодора* более всех прочих внуков и внучек, действительно с особенной любовью и утешением смотрел на занятия и успехи его, как ученика»[46]. "Метод о. *Никиты* (говорит доставитель сведений), как и вообще тогдашнего обучения, был таков, чтобы дети учились от зари до зари с известными отдыхами. Бывало прочие соученики братья *Феодора* как-либо ускользали и в недозволенное время от своих занятий, но он, без благословения дедушки, никогда не оставлял книги и потому ранее других

успел. Псалтирь была любимая его книга. Ему было только *восемь* лет, а он читал кафизмы уже очень внятно для народа в храме Божием»[47]. В этих сведениях, что ни слово, что ни действие, буквально веет той своеобразностью старины, с которой менее всего может примириться современная педагогика. Но нужно знать, что при старинном методе имелось в виду не только научить скорее дитя читать бегло и правильно; обучение имело значение своего рода определённого курса. Псалтирь и Часослов не были лишь учебникам для одной практики в чтении; эти книги возможно заучивались на память, соответственно древне-отеческим учебно-воспитательным правилам и наставлениям. Для этого были задаваемы учащимся так называемые проучки, которые сначала выучивались и твердились в отдельности каждая, а затем повторялись по нескольку вместе, – что выражалось известным термином: «*читать зады*». Отсюда и самый успех, и вообще ход учения определялся тем, кто учил Часослов, а кто Псалтирь, и в последней – которую по счёту кафизму. Делалось всё это потому, как сказано в предисловии к Часослову, «*да обычай сей вглубит корение свое в сердцах детей*». Иначе и в старину разве не было скороучек, и недоучек или недорослей?! О подобных же явлениях своего времени едва ли могли не знать и о. *Никита* и о. *Георгий*, – притом не из сценических представлений, а из живых опытов, – с которых сняты первые, – когда в его время многие из детей дворян оказывались едва умевшими подписывать своё имя, и когда, между тем, глумились над *Кутейкиными*, а с ними и над самыми изречениями Слова Божия, как видим это в комедии «Недоросль». Потому-то о. *Никита*, как служитель Церкви и готовивший питомцев-внуков своих к тому же служению, тем более старался держаться своего и общепринятого тогда метода. А что этот метод не препятствовал развитию учащихся и усвоению ими других учебных предметов, доказательство в лице того же *Феодора*. Он, кроме Часослова и Псалтири, обучен был ещё дома же начаткам некоторых наук, преподававшихся в тогдашних училищах и, между прочим, – начаткам латинского языка и настолько успешно, что на 10 году возраста он был принят прямо во 2 класс духовного училища»[48]. Да и во всё время училищно-семинарского образования, он оказывался настолько успевавшим в науках, что на 16 году переведён был в Богословский класс».

Каково же было воспитание *Феодора* в духовных заведениях – училище и семинарии?

Известно, что обучение в духовных училищах в описываемую пору сопровождалось большими неудобствами и затруднениями. Строгость взысканий начальства и учителей с учеников, телесные наказания,

скудость в пищи и бедность в одежде не отрадны были для учащихся. Впрочем, говоря это, мы отнюдь не разумеем тех описаний, вроде *Помяловщинских* и К°, где представлено состояние указываемых заведений в известных карикатурных картинах и в каком-то затаённо-злорадственном смысле и тоне... Мы обратимся к самым подлинным и притом современным именно описываемой поре свидетельствам тех лиц, которые сами переживали тогдашнее своё училищное образование, – и наконец, лиц авторитетных в самой высокой степени – даже богопрославленных уже в святости. Так, например, новоявленный угодник Божий – Святитель *Тихон* – сам свидетельствовал о себе следующее. «Бывало, когда получу казённый хлеб, то из оного оставлю половину для себя, а другую половину продам и куплю себе свечу, и с нею сяду за печку и читаю книжку. А богатых отцов дети начнут, бывало, надо мной смеяться». Ради же удовлетворения других нужд, для которых очевидно недоставало продаваемой части хлеба, тот же св. Угодник нанимался копать гряды в огородах в свободное от училищного и домашнего обучения время[49]. Так точно замечательны в этом же отношении и слова Высокопреосв. *Филарета*, Митрополита Московского, сказанные им при освящении домовой церкви в столичной Московской семинарии в 1844 г. (1 Ноября)[50]. Слова эти в особенности замечательны тем, что Московский Первосвятитель прилагает изображённое им состояние бывших учебных заведений и учащихся к себе самому, как относившееся ко времени его учения. А как он был сверстник и Высокопр. *Филарету* (Киевскому) и значит, учился в одну пору, (он был моложе последнего только на три года), то ниже приводимые слова первого совершенно одинаково приложимы к последнему. Мы приведём эти слова, как истинно замечательные и по содержанию своему самые назидательные для настоящего времени при нынешних взглядах и суждениях относительно образования прежних и нынешних семинаристов.

«Дети – говорил Первосвятитель, – вопросите родителей ваших или отцов их: с такой ли, как ныне, многообразной заботливостью они призреваемы, когда, полувеком ранее проходили поприще образования, вами теперь проходимое? Из не благоустроенных жилищ нередко целыми поприщами измеряли мы неблагоустроенный путь до дома учения: и случалось, что только *в поучении нашем разгорался огнь*, (Пс. 38:4), когда в согревающем, или освещающем огне нуждалась учебная храмина... Воспоминаю сие не для того, чтобы возбуждать упрёки прошедшему, которое имеет свои добрые и достопочтенные воспоминания, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вам предоставляется жилище,

устроенное покойно, даже благолепно, величественно: и нам открывается совсем новая надобность напоминать вам, чтобы вы были в нём не более как обласканные и скромные гости, и чтобы не слишком привыкали утешаться оным... Надлежит вам помышлять и приучать себя помышлять с любовью, что, после сего, можно сказать, вельможеского дома множайшим из вас до́лжно будет вновь обитать в смиренных жилищах, посещать убогие хижины, и к сему до́лжно вам перейти не с чувством тяготящей нужды, но с чувством освящённого и вожделенного долга и призвания».

Но при всём сказанном неблагоприятном состоянии бывших в старину училищ и семинарий, относительно *Феодора Амфитеатрова* можно было и положительно надеяться, что он не мог подпадать под строгие взыскания по самой его кротости и хорошим успехам, а от скудости содержания тоже не мог переносить лишений по самому прирождённому ему свойству довольствоваться – малым. Зато, как увидим впоследствии, когда сам он – *Филарет,* был Префектом и Ректором в этой же Севской семинарии, то первый восчувствовал всё тягостное положение и обстановку, бывших при нём, воспитанников и простёр свою ревность об улучшении их положения до того, что сам потерпел за это тяжкие преследования по службе. Правда, и во время школьного своего обучения *Феодор Амфитеатров* подвергался своего рода телесным наказаниям, но это было со стороны своих сотоварищей. Об этом было сказано уже отчасти прежде. Здесь же мы и приведём рассказ[51], относящийся ко времени к той поре, когда Высокопр. *Филарет* был уже Архиепископом Казанским и Симбирским. «Обозревая церкви в Симбирской губернии, (составлявшей тогда с Казанской одну епархию), Владыка, бывши в самом городе *Симбирске* и посетивши тамошнюю гимназию, был у Директора, где находились лица гимназической корпорации и законоучители гимназический и училищный. Вдруг Директор говорит: «А помните ли, Ваше В-ство, как я Вас бывало за волосы драл?! и при этом высказал несколько напоминательных слов»... Владыка смиренно промолчал. Затем, проводив гостя, хозяин-директор (*А. Ив. Гапонов*) стал рассказывать и присутствовавшим: «я ведь учился вместе с Преосвященным в одном училище. По рождению я из Орловской губернии: отец мой был священник в тамошней епархии. Учился я долго, и наука плохо давалась мне, да и озорник я был. Учившиеся со мной были некоторые – мальчишки по возрасту, а я уже большой, и вот я, бывало, их то всех переколочу, а *Амфитеатрова* просто в пух изобью. Таскаю, бывало, его, таскаю за волосы, да приговариваю: *Федька, Федька* такой... растакой…, а он,

бывало, слова не скажет, руки не оттолкнёт и учителю не пожалуется. Бывало, как суббота, так и расправа за других жаловавшихся, а за *Амфитеатрова* никогда меня не наказывали. Учителя спросят его, тебя прибил *Гапонов*? а он промолчит. А то за него-то расправа досталась бы мне ещё похруще, потому что все учители особенно любили *Амфитеатрова* и за кротость его и за прекрасные успехи[52].

В описываемую пору в Орловской епархии были два главных духовных училищных заведения, – одно в *Севске*, где была и резиденция Архиерея, другое в *Орле*. По близости к месту своей родины Феодор был отдан в училище Орловское: это было в 1789 году. Здесь он обучался до окончания Философского курса: затем непосредственно перемещён был в г. *Севск* – в класс Богословский. Такое перемещение зависело от того, что высший Богословский класс относился к собственно называемой Семинарии; последняя же находилась в г. *Севске*, как резиденции епархиального архиерея, чтобы удобнее было ему непосредственно наблюдать за преподаванием богословских предметов и за окончательным приготовлением воспитанников к поступлению в сан священства. Потому в Семинарию, или паче в Богословский класс, переводимы были те только воспитанники, которые оказывались вполне способными и готовыми получить полное семинарское образование.

Воспитанник Феодор Амфитеатров перемещён был в Севскую Семинарию в 1795 г.; следовательно, считая от времени поступления его в училище Орловское, он обучался в последнем 6 лет. Судя по тому, что он принят был прямо во второй класс, и принимая во внимание число существовавших тогда классов по Философии включительно, учение сие продолжалось в каждом классе по году. Ясно, что *Феодор* был из самых успешных учеников. Не нужно думать, что тогдашнее учение слишком далеко уступало нынешнему, особливо по степени развитости учащихся. Вообще должно сказать, что в деле тогдашнего научного образования господствовало мудрое положение, наследованное от веков древних, преподавать – non multa, sed multum». Так, относительно учебных предметов, мы читаем в формулярном списке в Бозе почившего, что он обучался: – Поэзии, Риторике, Философии, Богословию, Истории, Географии и языкам: Латинскому, Греческому, Немецкому и Французскому. Положим, все эти науки были не обширны по своему составу, и преподавание их, как свидетельствовал и сам в Бозе почивший, в классе бывало иногда *плоховато*[53]: зато требовалось от учеников возможно твёрдое изучение наук. Посему кто имел достаточные способности и, сознавая цену образования, желал получить его не

формально только и поверхностно, тому потребен был труд усидчивый и самостоятельный. Об этом так свидетельствовал сам же в Бозе почивший: «успехам в науках я наиболее обязан был собственному занятию и чтению»[54]. При этих же условиях, хотя и неблагоприятных со стороны самого преподавания, приобреталось учившимися особенная развитость всех способностей в такой степени и направлении, что воспитанники, и не особенно даровитые, являлись способными и годными к усвоению себе серьёзных наук и познаний, не только через дальнейшее слушание уроков в высших заведениях, но и сами собою посредством чтения книг и собственных занятий. Такой характер и достоинство старинного научного образования оправдывается всей историей от времён Ломоносовских до начала позднейших преобразований и специализаций воспитательно-научного образования.

Неизвестно, обладал ли особенно отличными способностями в юношеском своём возрасте Высокопр. *Филарет*. Зато, как увидим впоследствии, научные познания его сколько были обширны, столько же отличались строгой отчётливостью и глубокостью мысли и разумения, особливо по отношению к религиозным и духовно нравственным истинам. Всё это в своей полноте, само собой, достигнуто и усвоено было им впоследствии, но несомненно воспринято ещё и на скамье школьной, особливо богословским наукам. После перемещения в Севскую семинарию в Богословский класс он слушал здесь уроки не менее трёх годов[55], посвятив, таким образом, целую треть учебно-воспитательной жизни специально богословскому образованию, как соответствовавшему его душевному настроению, так и глубоко понимаемому в силе и значении его в деле общеобразовательном. Если мы не имеем на это свидетельств, прямо относящихся к лицу и состоянию в Бозе почившего на время его семинарского образования, зато ясно можно видеть это из следующего.

Когда родной племянник Высокопреосв. *Филарета Яков Козмич Амфитеатров* обучался в двадцатых годах в Орловской семинарии и, всей душой полюбив науку, решился было остаться ещё на курсе в среднем отделении, иначе – Философском классе, тогда дядя-святитель (бывший в эту пору Епископом Калужским), писал к нему: «Мне очень приятно, что ты имеешь ревность к наукам. Просвещение истинное есть высочайший дар Божий человеку. Но мне не очень нравится желание твоё остаться на другой курс в Философском отделении. Лучше займись изучением богословия, как нужнейшим для всякого христианина, и особенно для тех, которые призываются на служение Алтарю Господню[56]. И далее, когда этот племянник его был уже воспитанником Киевской Академии,

Архипастырь писал ему, между прочим: «Благодарю Господа Бога, помогающего тебе успевать в науках. Мне очень приятно, что ты в числе отличных студентов Академии по учению. Будь же отличнейшим и по благочестивой жизни и Господь Бог поможет тебе совершить *подвиг* учения и приготовить себя служителем Церкви Его Святой. Моё желание, чтобы ты готовил себя именно для служения Алтарю Господню, а потому книги нужны для тебя, более относящиеся к уразумению догматов. Ни *Дежерандо*, ни *Теннеман* столько для тебя не нужны, чтобы иметь их собственными. Довольно прочитать их. Старайся успеть в Греческом языке, яко в священном»[57]. Тоже читаем в письмах Высокопр. *Филарета* относительно другого племянника (бывшего Архиепископа Казанского *Антония*), когда он обучался (в тридцатых годах) в Калужской Семинарии. «Купите для *Яши* книг, сколько и каких только нужно. Да сделайте милость, напитывайте его чтением книг святых. Хорошо бы купить для него Библию латинскую *Кастеллиона*, и читать ему Сираха и Новый Завет и Псалтирь и прочее и по назначению вашему (опекуна его – Профессора тамошней Семинарии), чтобы он, таким образом, особенно хорошо мог подготовиться к слушанию богословских наук[58].

Из этих писем, писанных спустя тридцать лет по окончании курса Высокопреосв. *Филаретом*, очевидно, что такой взгляд на образование сложился и сохранился у него не иначе как по собственному опыту. В особенности здесь замечательны слова из письма к первому племяннику – «будь отличнейшим по благочестивой жизни и Господь поможет тебе совершить подвиг учения». Самый термин – *подвиг*, – приложенный к слову учение, так характеристичен, что, как нельзя более выражает личное состояние того, кто и сам смотрел на научное образование своё не иначе, как на подвиг и не только смотрел, но и самым делом готов был при первой возможности променять положение ученика и звание учёного на смиренное послушничество и пустынное подвижничество.

Припомним здесь, прежде намеченные нами факты, когда *Феодор* дважды решался, было, тайно уйти в какую-либо пустынь. Это было ещё, – говорит доставитель сведений, – на половине его училищного курса. «Когда не исполнилось ему ещё 14 лет от роду, он почувствовал в себе такое пламенное стремление к монашеству, что собрался было скрыться или в Площанскую или Белобережскую пустыни[59], которые известны были ему только ещё по слуху, но которые действительно как тогда, так и в нынешнее время отличаются особенной иноческой строгостью устава и жизни. В первый раз решился он уйти тайно из дома родительского, но был возвращён уже с пути старшим братом – Василием; в другой раз

собрался с одним из жителей г. *Орла*. Однажды как-то пришёл *Феодор* от вечерни к себе на квартиру и говорит своим товарищам: «Что мы, братцы, живём на свете в такой суете житейской! То ли дело удалиться от мира и водвориться в пустыни! Уйду в какую-нибудь далёкую-далёкую пустынь. Вот говорят, есть у нас и какая-то Белобережская или Площанская пустынь; поселюсь там и посвящу себя на молитву Господу». Говорил он это так решительно и с таким чувством, что нетрудно было догадываться, – как бы в самом деле не вздумал он уйти в пустынь. Так, действительно и случилось. С одним избранным им заблаговременно вожатым, он совсем собрался в путь. Но только благоразумие самого же вожатого заставило, так или иначе, сообщить о тайном намерении *Феодора* старшему брату – *Василию*, а последним сообщено родителям. Родители же могли удержать его от исполнения своего намерения, по крайней мере, с обещанием, что они отпустят его в монастырь по окончании полного курса в семинарии[60].

Отдел II. Время служения в Орловской духовной Семинарии в г. Севске (1798–1804 г.)

Глава III. Испрошение от родителя благословения на поступление в монашество на 19 году от роду. Первые годы монашества и учительства Филарета. Филарет – Префект и Ректор Семинарии в г. Севске на 24 году от роду. Перемещение его в Уфу

«Господь, дивный в делах Своих, испытав послушание и терпение юного раба своего, родителя его укрепил во здравии, а ему назначил высокое служение в иноческом звании – быть Пастырем пастырей»[61]. «Проходил он службу, правда, под тяжким крестом, начиная его с Севска; а особливо он нанёс и мне великую скорбь, когда его заслали в далёкую Сибирь. Зато вот теперь Архиереем стал мой-то *Феденька*"[62].

В формулярном списке Высокопр. *Филарета* значится: «Обучался в Орловской семинарии и в 1797 г. кончил курс наук. Определён учителем Поэзии и низшего греческого класса в Орловскую же семинарию 1798 г. Марта 1 дня». Из этих официальных сведений очевидно, что оставался и промежуток времени, которое протекло в жизни кончившего курс *Феодора Амфитеатрова* без определённого назначения. Промежуток этот равняется приблизительно восьми месяцам. В чём же прошло это время – или говоря прямее: от чего *Феодор Амфитеатров*, который в течении курса выказывал такое сильное желание и стремление поступить в монашество, что не раз решался даже тайно уйти в пустынь, и удержан был от такой решимости лишь волей родителей, и притом до окончания лишь курса, – отчего не стремится он теперь так же горячо и решительно к своей вожделенной призваннической цели, а проводит время без всякого назначения и определённого дела?! К тому же из формулярного списка видно, что он вступает на такую службу, которая не имелась в виду и со стороны родителя; последний, как отчасти нам известно, если и желал отклонить сына от монашества, то с целью предоставить ему своё священническое место в селе *Высоком*. Наконец *Феодор* является на службе, но о монашестве нет пока и помину. Все эти вопросы и обстоятельства объясняются следующим.

До окончания *Феодором* курса учения в семействе о. *Георгия* произошли многие перемены. Две дочери старшие – *Евдокия* и *Анна* были выданы в замужество; старший сын *Василий*, кончивший курс прежде *Феодора*, был уже Священником в другом приходе; деда, о. *Никиты* не стало в живых, сама мать *Анастасия* тоже скончалась, – словом –

о. *Георгий* осиротел. Хотя в семействе его находились ещё другие дети, но как они все были более или менее не взрослые, то положение о. *Георгия* было ещё затруднительнее; к тому же сам о. *Георгий* в это время стал чувствовать слабость своих сил и здоровья. Всё это, естественно, не могло не относиться к личному положению в будущей судьбе *Феодора*, когда он только что кончил курс. Сколько ни верен был он своему призванию к монашеству, любовь к отцу и сочувствие к положению его и всего родного семейства, а равно и послушание воле родительской должны были, хотя на время, остановить в нём порывы и виды его собственного желания. Доставитель сведений об этом предмете пишет: «Окончив курс богословских наук, *Феодор* из глубочайшего сыновнего послушания согласился было поступить на родительское место в село *Высокое* по слабости своего родителя; но Господь, дивный во всех делах Своих, испытав послушание и терпение юного раба своего, здоровье отца его укрепил, а послушному сыну назначил высокое служение в иноческом звании – быть Пастырем пастырей»[63].

Более подробное изложение этого дела читаем в следующем рассказе, записанном со слов самого о. *Георгия*. На вопрос собеседника (записавшего этот рассказ), – «Что же? Ещё бывши в семинарии, сын ваш *Феодор*-то пошёл в монахи? о. *Георгий* отвечал: Нет! Он кончил курс и приехал домой. Я ещё ездил с ним искать ему невесту. Были мы в селе *Студенках* у Священника, были ещё кое-где во многих местах. Но верно уже чему быть, тому не миновать. Странное дело! нигде что-то нам не ладилось. Там невеста не понравится жениху, в ином же месте жених не понравится невесте[64]. Так мы ездили с ним и все без успеха. Наконец как-то однажды приехали мы из гостей: вошёл я в горницу, – а он, драгоценный мой упал предо мной в ноги и заплакал…

– Что ты? говорю, *Феденька*! Что с тобою?!

– Да отпустите, – говорит, – меня, батюшка, в монахи!

– Как в монахи? Что с тобой?

– Я ведь давно уж, батюшка, решил на этом, да только боялся вам сказать, а теперь говорю решительно.

– А перенесёшь ли ты труды-то монашеские, молодой парень?

– А Господь-то и Спаситель! ответил он.

– Я замолчал и думаю себе: ведь в самом деле Господь Сам сказал: »*оставити детей приходити ко Мне»*. Бог с ним! Верно такая судьба его! Снял я с полочки образ и говорю: ну, – что делать?! Молись Феденька! Он положил три земных поклона, приложился к образу… и я благословил его, а сам заплакал... и вот теперь видите, к чему вёл его Господь! Прошёл он,

правда, под тяжёлым крестом, немалую и мне причинил скорбь о своей участи, начиная ещё с *Севска*, а особливо когда его заслали в далёкую Сибирь... Но зато вот теперь Архиереем стал мой-то *Феденька*"[65].

Смотря на обстоятельства и ход дела, нельзя не признать, что пережитое *Феодором* было великим для него испытанием, а равно и послушание его было глубочайшее. Будучи человеком уже развитым, с правами на свободный образ действования и, особенно в деле такого выбора и решения, от которых зависела вся дальнейшая судьба его, и которые прямо клонились и готовы были уже осуществиться совершенно вопреки его внутреннему решительному призванию, – *Феодор*, однако поступает так, как бы дело не его касалось... Он является здесь именно по прежнему буквальному выражению отца, «*как смирная овечка*», но в ином смысле этого выражения. Здесь выразился весь, свойственный ему, характер как человека, решившегося поступить в монашество и потому всецело отрёкшегося даже и от своей воли. Он если и дозволяет выразить перед отцом своё прямое желание и стремление, то не прежде, когда воля и желание родительские уже вполне удовлетворены. Притом как выражает?.. Не пускаясь ни в какие объяснения, он падает в ноги отцу и плачет; и даже на вопрос отца: – перенесёт ли он монашеские труды, – отвечает не от себя, а только указывает на помощь Господа Спасителя! Такого характера и образа действования может не понимать и ценить именно один только дух и взгляд суеты мирской! На самом же деле *Феодор* является здесь именно тем, как только можно было ожидать на основании всех, прежде известных о его личном характере, данных, или можно сказать более, – он превосходит здесь даже самые ожидания… И сам о. *Георгий*, которого мы уже знаем вообще, как благочестивого и благоразумного Иерея и отца, является здесь окончательно достойным своего имени. В лице его отец побеждён христианином. При словах сына: «а Господь-то и Спаситель!» о. *Георгий* замолчал, и явился сам во всей силе веры, послушником и исполнителем воли Того, Кто рек: «*оставити детей приходити ко мне*".

Итак, теперь *Феодор* уже на пути к своей вожделенной цели. После воли и благословения родительского оставалось получить лишь соизволение начальства. В письменных сведениях об этом читаем, между прочим: «Владыка (Высокопр. *Филарет*), явившись к строгому Преосвященному *Аполлосу*, со смирением возвращает данный ему для поступления в брак билет, и в то же время изъявляет желание поступить в монашество. Желание было принято Преосвященным, но с тем вместе объявлено, – что он должен поступить в учители Семинарии»[66]. В

Записках, писанных с устного рассказа самого Высокопреосв. *Филарета*, указано ещё на следующее, бывшее при этом, обстоятельство: «Когда он был уже определён учителем в Севской Семинарии, то Ректор, Протоиерей *Кутепов*, предлагал ему просить место в епархии, указывая на особенные выгоды: но он остался непоколебим в своём намерении и, испросив окончательно благословение от родителя, 22 Апреля (в день своего ангела) того же года, подал прошение о монашестве». Вскоре, по надлежащему разрешению Святейшего Синода, он был пострижен на 20 году от роду Преосв. *Аполлосом* 7 Ноября[67]. Правда и самое учительство, по словам в Бозе почившего, не очень-то было для него *по вкусу* потому, что это служебное положение отвлекало его от главной желанной цели – быть монахом, *как есть – по-монастырски*, но пред Преосв. *Аполлосом*, недаром прозванным – строгим, он не смел уже и заикнуться с какими-либо объяснениями. Со своей же стороны Преосв. *Аполлос* назначил быть ему учителем собственно потому, что знал его как воспитанника даровитого, успешного и отличавшегося особенной доброй нравственностью, и наконец, как будущего монаха. На учёных монахов тогда по преимуществу обращено было внимание в видах учительства и вообще учёных занятий. Такое понятие об учёных монахах исходило, впрочем, не из взглядов и убеждений одного лишь высшего духовного начальства, как состоящего из лиц монашествующих же. Значение учёного монашества, как и вообще духовного просвещения и влияние его на общество, оценено и признано так, а не иначе, Верховной Властью. Таков был Именной Высочайший Указ (18 Декабря 1797 г.) об учреждении особой учёной и учебной корпорации из лиц, монашествующих со званием *Соборных Иеромонахов*. А как исполнение по сему Высочайшему Указу со стороны Св. Синода последовало 29 Ноября 1798 года, то и начало и конец этого дела совпадают, как раз со временем определения *Феодора Амфитеатрова* и на должность учителя и пострижения его в монашество. Замечательно, что в самом определении Св. Синода об избрании кандидатов в число Соборных Иеромонахов значился уже и учитель *Феодор Амфитеатров*, хотя о нём было только ещё представлено Преосв. *Аполлосом*, как о кандидате на монашество. Мы приведём здесь, хотя сокращённо, подлинные Указы – и Высочайший, и Синодальный.

В помянутом Высочайшем Именном Указе, данном Св. Синоду 18 Декабря 1797 года[68] об учреждении духовных академий в *Санкт-Петербурге* и *Казани* и проч. изложено следующее: «Попечение о благоустройстве Церкви и призрение к служащим ей, почитая одной из главнейших обязанностей Царствования, приняли Мы за благо сделать на

пользу оной следующие распоряжения:

1) Как просвещение в благонравии духовного чина способствует просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, то и полагаем начальнейшей надобностью устроения, в лучшем по возможности виде, духовных училищ, и для сего повелеваем, сверх бывших доныне Духовных Академий в *Москве* и *Киеве*, учредить таковые же в *Санкт-Петербурге* при Александро-Невском монастыре и в *Казани* и пр.

2) В Киево-Печерской Лавре, в Александро-Невском монастыре, который повелеваем переименовать Лаврой, также в *Москве* – в Ставропигиальном Донском монастыре иметь в каждом месте *по 10 соборных Иеромонахов* с прибавкой им оклада, по росписи показанного, определяя на сии места, по дозволению Синода, из монашествующих, учение своё в Семинариях и Академиях с успехом и пользой окончивших. Синод Наш не оставит предписать точную их должность, имея за правило, чтобы они упражнялись в переводах, сочинениях, в проповеди Слова Божия, в преподавании наук по академиям или семинариям, сверх того, чтобы в том месте где состоят *соборными*, отправляли службу Божию собором своим в назначаемые им дни, как-то в первейшие Господские праздники, также в дни Рождения Тезоименитства и Коронования Государского, да и вообще, чтобы они не в праздности обращалися, но прямо на пользу церковную и государственную служили, отличаяся добрым поведением, а тем и могли бы достигать помещения на степени архиерейские».

Во исполнение сего Высочайшего Указа не замедлили последовать распоряжения Св. Синода. Первое из этих распоряжений состояло в собрании нужных предварительных сведений. Было предписано циркулярно всем Синодальным Членам и епархиальным Архиереям Указом (в Феврале 1798 г.) доставить, между прочим, следующие сведения:

а) «сколько в каждой Семинарии учителей и впредь настоящего числа их может ли быть довольно?

б) монахи ли они или Священники, или светские?

в) где и чему обучались, и чему обучают и к продолжению того обучения способны ли?

г) из них монахи к помещению в число Соборных при Лаврах и в Донском монастыре достойны ли? И

д) из светских же холостых желает ли кто принять монашество, и надёжен ли к помещению в число Соборных»?[69]

Вследствие сего Синодального Указа в скором времени поступили

рапорты с представлением кандидатов на звание Соборных Иеромонахов. Кандидаты эти были как из монашествующих, так и светских лиц, состоящих на разных служебных степенях, начиная от префектов до учителей Грамматики, а по отношению к духовному сану – с Архимандритов до простых монахов. Св. Синодом кандидатами из светских были признаны собственно те, которые заявили уже желание вступить в монашество. Всех кандидатов, удостоенных Св. Синодом помещения в число соборных иеромонахов, на первый раз было двадцать один. По перечислении всех лиц из монашествующих и других, назначенных в число Соборных Иеромонахов в Донском монастыре, в Синодальном определении сказано: «да сверх того быть Соборными Иеромонахами в сем монастыре учителям же, о пострижении коих в монашество и предписание из Св. Синода уже последовало. Московской Академии *Сергию Москворецкому* и *Орловской* семинарии *Феодору Амфитеатрову*». При сличении этих сведений со значащимися в формулярном списке оказывается, что действительно *Филарет*, пока последовало это циркулярное распоряжение Св. Синода, на основании особого предписания был уже пострижен в монашество 7 Ноября, а 9 числа сего же месяца – посвящён в Иеродиаконы. Соответственно самому званию Соборного Иеромонаха, оставалось быть посвящённым в Иеромонахи: но как в эту пору произошла перемена в святителях Орловских, – вместо Преосв. *Аполлоса* назначен был Преосв. *Досифей*, – то посвящение в Иеромонахи последовало уже по прибытии последнего в г. *Севск*.

Посвящение в Иеромонахи было совершено 13 Января 1700 г. и произошло замечательным образом, как читаем об этом в Записках самого в Бозе почившего. «Замечательно это посвящение тем, что новоприбывший Преосв. *Досифей*, нисколько заранее не предуведомив никого о ставленнике, вдруг при самом служении, в котором участвовал Иеродиакон *Филарет*, – именно во время пения херувимской песни, подозвал его к себе и приказал ему быть готовым к рукоположению в сан Священства»[70]. Такой образ рукоположения действительно был оригинален, т. е. что не был предуведомлён даже и сам ставленник, для которого, и по естественному и по установленному Церковью порядку, потребно было особенное приготовление с особой исповедью. Во всяком случае, если и бывали подобные примеры с другими лицами[71], то они, несомненно, относились к числу самых редких и, так или иначе, знаменательных по духовно благодатному разумению. И если, при всей естественной скромности самого свидетельствовавшего этот факт признан

им тогда же замечательным, то нам теперь, *взирающим на окончание всего жительства* в Бозе почившего, остаётся признать здесь не как замечательное только, но явно знаменательное действие Того, Кто от млека матернего избрал и уготовлял Себе будущего Иерарха Церкви, ведя его к сему высокому званию по степеням Церковно-общественного служебного поприща, начиная от степени Иеромонаха и учителя духовного юношества.

Обращаясь к самым первым годам службы Иеромонаха *Филарета*, нельзя не сказать, что повышения его по службе были весьма быстры, особенно, если судить по его летам. Вскоре, после посвящения в Иеромонахи, он был сделан Префектом (инспектором) Севской Семинарии и затем после трёх лет службы, когда было ему от роду только ещё двадцать три года, он определён был уже Ректором той же Семинарии, сперва в сане Игумена, а потом менее чем через два года возведён в сан Архимандрита. Можно приписать это отчасти особенному благоволению Преосв. *Досифея*. Но благоволение это нужно было заслужить, и оно действительно было заслуженное, – хотя *Филарет* отнюдь не увлекался им, да и на самую учебную службу смотрел так, что дважды решался оставить её, как некогда своё образование в семинарии, чтобы поступить куда-либо в монастырь пустынный. В Записках самого в Бозе почившего читаем об этом следующие сведения: «Спустя недолгое время по посвящению в Иеромонахи, я вдруг почувствовал в себе такое влечение в пустынь, что решился тогда же подать прошение Преосв. *Досифею* об увольнении меня в пустынь Белобережскую; но Преосвященный не пустил в ход моё прошение»[72]. В другой раз дело было так: «Будучи уже Префектом Семинарии и учителем Философии, *Филарет* возымел желание переместиться в Сергиеву Лавру, чтобы в тамошней Семинарии (Троицкой) усовершенствовать себя в науках и с тем вместе жить среди братии иноческой, о чем и послал прошение лично Митрополиту *Платону* (в непосредственном ведении которого состояла эта, по-тогдашнему образцовая, Семинария). Митрополит *Платон* поручил Викарию своему Преосв. *Серафиму* написать к Преосв. *Досифею* Орловскому, что он согласен принять просителя, если не будет препятствия со стороны Преосв. *Досифея*. Но сей последний, получив письмо и, не сказав о нём *Филарету*, ответил, что проситель отложил уже своё намерение, и таким образом оставил *Филарета* при себе. Сколько затем *Филарет* ни усиливался испросить себе отпуск, *Досифей* удержал его, обещав ему всякое своё покровительство[73]. Так поступил Преосвященный в первом случае, как объяснилось, потому что в желании просившегося в пустынь

видел не более как временный порыв юного монаха, а притом стеснялся и тем, что проситель состоял в звании Соборного Иеромонаха, с коим соединялась прямая обязанность или служить в учебных заведениях, или находиться в наличном штате Донского монастыря, где он был зачислен в Соборные Иеромонахи, а не в какой-либо пустыни. Наконец, усмотрев на первых же порах в *Филарете* хорошие способности к службе, Архипастырь нашёл полезным и нужным для юного монаха и для Семинарии оставить его на своём месте, – да и не имел в виду, кем заменить его. Что же касается до второго случая, то Преосв. *Досифей* руководился здесь тем, что и способности и степень образования своего Префекта, а равно и деятельность и успехи его на училищной службе находил столь удовлетворительными, что из благожелания ему же считал излишним для него тратить ещё труд и время на прохождение нового учебного курса. При всем этом Преосв. *Досифей* прямо обещал *Филарету* своё особенное покровительство, что и не замедлил оправдать самым делом. В Марте 1802 года, по представлению Преосв. *Досифея, Филарет* сделан был Ректором Семинарии и учителем Богословия и определён Настоятелем Севского монастыря».

Вскоре – в 1804 году (летом накануне Троицына дня) был в *Севске* Митрополит *Платон*, на обратном пути из *Киева*. Бывши в это время уже ректором, *Филарет* встретил Митрополита рано утром в Семинарии и водил по всему корпусу. Здесь Митрополит *Платон* вспомнил, что он просился к нему в Троицкую Семинарию. Затем, во время представления Митрополиту Платону в архиерейских покоях, Ректор *Филарет* сказал *Платону* речь, которая очень понравилась ему, и он тут же вслух перед всеми дал такой отзыв: «*такая речь годилась бы у него и в Троице*"[74]. Один этот отзыв Митрополита *Платона* о речи *Филарета* служил таким аттестатом, как если бы *Филарет* выслушал полный курс учения в Троицкой Семинарии и даже более потому, что речь его признана *Платоном* годной для Троицы, не как произведение лишь кончившего курс студента, а как Ректора, очевидно показавшего здесь зрелую самостоятельную учёность.

Чем и как мог достигнуть такой степени учёности *Филарет* на первых же годах своей службы?

Ответом на это, прежде всего, должно служить то, что сказано было выше о старинном семинарском образовании – относительно особенной развитости умственных сил и приобретения учившимися тогда навыка и способности к самым усидчивым занятиям науками.

О *Филарете* читаем именно такого рода свидетельство. «Новые

звания и должности требовали от него больших трудов, особливо усовершения себя в богословских науках посредством чтения Отцов Церкви и систем Богословских. Трудам этим он так предался, что даже расстроил своё здоровье и едва остался жив, так как при этих трудах мучила его ещё более двух лет лихорадка, особенно господствовавшая в болотной местности, где находилась семинария»[75]. В ряду служебных званий, требовавших таких усиленных занятий, несомненно, было и Соборное Иеромонашество, так как по самому правительственному положению лицам, носившим это звание, назначались особенные серьёзные занятия и на первых порах, конечно, всего более требовалось от них не номинальное только пользование этим званием, как это видим впоследствии и до настоящих дней, когда соборное Иеромонашество стало составлять нечто в роде лишь награды и как бы переходной ступени к возведению в высший сан, а самое-то значение этого звания по части учёных трудов, оставалось нередко в стороне, а теперь и совсем забыто.

Вообще же ревность *Филарета* к занятиям науками, равно как и взгляд на значение учёной службы объясняются тем же самым, чем занятия и успехи его во время ещё самого учения: и на училищную службу он смотрел не иначе, как на *подвиг*, и тем более в звании монашеском. Как бывши воспитанником, он обязан был успехами своими тому, что был сбережён с детства и сам себя охранял от худых сообществ, так и теперь ревность его к учёным занятиям и самые успехи зависели от сообщества его с такими сослуживцами, из коих многие отличались учёностью и были известны литературными трудами. Известный своей талантливостью знаток-композитор церковного пения, Протоиерей *Пётр Ив. Турчанинов*, бывший в описываемую пору в *Севске* священником и регентом архиерейского хора и находившийся в прекрасных дружественных отношениях со всеми, служившими в Семинарии, вот что пишет вообще о них, и в частности о *Филарете* в своей автобиографии: «Сослуживцами его (*Филарета*) в первую пору его службы в семинарии были Ректор Архимандрит *Израиль*, Иеромонах *Дионисий* (занявший впоследствии место *Филарета* по ректуре) и из светских – учители: *Иван Михайлович Фовицкий* (вызванный впоследствии в *Санкт-Петербург* для высшего назначения), *Крылов* – переводчик «Иерузалема» и «Часов благоговения», *Андрей Кондратьевич Сильвестров* – переводчик книги: «Бог в натуре», и ещё другие, коих имена теперь не припомню; но были они все люди прекрасные, трезвые, учёные. Мы жили как родные братья и каждый почти день в свободное время сходились вместе, пили чай, беседовали, и вели учёные разговоры и шутили, – и время текло невинно и приятно. Когда же

о. *Филарета*, бывшего уже впоследствии Ректором, перевели в *Уфу* Ректором же Семинарии, – и это совершилось так неожиданно... – то мы все лица, служащие и вся Семинария провожали его со слезами; так искренно любили его все[76].

Из последних слов ясно, что вместе с ревностной учёной деятельностью Архимандрита *Филарета* соединялась такая же ревностная и благо-полезная деятельность его и начальственно-служебная, привязавшая к нему крепкой искреннею любовью всех бывших в Семинарии: иначе не из-за чего было бы проливать слёзы при расставании с начальником – Ректором. О такой именно деятельности свидетельствуют следующие сведения: «Юный монах вступает в звание учителя Семинарии, трудится для блага Церкви и скоро делается, сперва Префектом (инспектором), а потом Ректором Семинарии. И здесь-то сразу вполне была замечена его ревность и усилие дать юным питомцам не одно внешнее образование, но более внутренне-духовное; строгость и жестокое обхождение с детьми прекращены; сироты и несчастные, несмотря на не существование бурсы, призрены. Пусть, – говорил он сам, – и сии питаются от крупиц падающих... Тогда ученики Семинарии жили в корпусе с платой; зато по выбытии его в 1804 г. из Орловской Семинарии, много из них выбыло из общей бурсы»[77].

В самом деле, как ни кратки эти сведения о начальнических действиях в учебном заведении, зато в них что ни слово, то черта истинно рекомендательного достоинства. Главное же и особенно важное здесь то, что все эти начальнические действия и черты относятся к лицу и состоянию *Филарета* не как общие, приложимые более или менее ко всякому начальнику учебного заведения, но всецело живо и верно отражающие его характер, его свойства и направление, словом всё то, что постоянно раскрывалось в его личном внутреннем и внешнем состоянии от самых первых дней детства и во все время его обучения. Как он сам с раннего детства стремился к единому на потребу и проходил курс учения в смысле духовного подвига, так и теперь, ставши начальником, он главнее всего старался дать питомцам не одно внешнее, но более всего внутреннее духовное образование. Так же точно, сам отличаясь с детства своего кротостью и покорностью, мог ли он не обратить более всего внимание на бывшие строгости и жестокости в обхождении с детьми-воспитанниками? Наконец, от груди матерней являя в себе довольство малым, и затем ещё в отрочестве предизбрав себе имя *Филарета "милостивого*«, и таким образом постоянно проникнутый духом нестяжательности для себя и щедрости в пользу ближних нуждающихся, сирых и несчастных, – не он

ли, преимущественно перед всеми сослуживцами, мог и должен был оказать всевозможное вспомоществование бедным воспитанникам Семинарии в средствах к содержанию и в особенности в помещении их в общей бурсе?! Чтобы понять и оценить всю благодетельность последней его меры для облегчения воспитанников, довольно только познакомиться с местностью, занимаемою тогдашней Севской Семинарией. Приведём здесь слова из воспоминаний одного воспитанника Севской Семинарии, обучавшегося в ней между 1814–1820 годами. «Больно даже и вспомнить о Севской Семинарии! В ней воспитывалось *более тысячи* детей. Семинария эта была на расстоянии от города около двух вёрст, окружённая со всех сторон болотами, в то время непроходимыми, со свирепствовавшими там лихорадками и сильными горячками. Сколько детей здесь померло! Сколько вышло их с хроническими болезнями![78] Если таково было состояние Семинарии и учившихся в ней в двадцатых годах, то что же было в описываемую пору, и как велико значит было благодеяние, когда найдены были ректором *Филаретом* средства, так или иначе облегчить участь воспитанников. Положим, помещение воспитанников в общей бурсе не избавляло их совершенно от зловредности самой местности, зато чего стоило одно избавление их от хождения в классы из города на расстоянии такого пространства и по болотистым местам[79].

Действительно ректор *Филарет* и сам сознавал недостаточность одной этой меры – устройство бурсы (общежития). В Записках говорится, что он «настаивал на необходимости перевести Семинарию из *Севска* в *Орёл*; но Преосв. *Досифею* этого не хотелось, равно, как особенно не желалось переносить и архиерейскую резиденцию[80]. И этот-то факт послужил, между прочим, поводом к тому, (как замечено в тех же Записках), что «Преосв. *Досифей* не только переменился в своём расположении к Ректору *Филарету*, но последний, по его же желанию, был перемещён из *Севска* в *Уфу* на должность Ректора тамошней Оренбургской Семинарии[81], где тот же Преосв. *Досифей* не переставал, так сказать, отплачивать ему прямым нерасположением, – как увидим в своём месте.

Смотря на этот факт, по самой краткости изложения, трудно определить его значение, в каком он здесь представлен. Трудно примириться с мыслью о возможности столь быстрых резких последствий, судя по служебным достоинствам *Филарета* и по самому делу, на котором он настаивал, как на необходимом для блага заведения, и наконец, судя по самому бывшему расположению Преосв. *Досифея* к *Филарету*. Здесь рождаются скорее естественные предположения: или факт этот был не

единственный или самая настойчивость, с какой действовал здесь Ректор *Филарет*, была слишком неумеренна и неуместна, или, наконец, привходили сюда ещё какие-либо обстоятельства и условия, лично относившиеся к Преосв. *Досифею*. Все эти предположения действительно оказываются не гадательными только, хотя в своё время и для самого потерпевшего – *Филарета*, фактическая сторона не была, как видно, вполне известна и понятна.

Было уже замечено, что *Филарет*, хотя пользовался и заслуженно расположенностью Преосв. *Досифея*, но не увлекался этими личными выгодами своего положения; напротив, где только дело касалось прямого долга и пользы службы, там он действовал решительно, не взирая ни на какие последствия, хотя бы угрожавшие и явно неблагоприятные. В Записках его видим, что с первых же пор службы у него сложилось и осталось на всю жизнь неизменным правило, которое он любил передавать и другим в наставление и руководство: «Иди всегда, – говаривал он племяннику своему[82], – прямым путём: это было моим постоянным правилом и было хорошо. Часто случалось мне, *с самых первых пор службы*, бывать в большой тесноте обстоятельств: и сверху давят и снизу не благоприятствуют, и со сторон теснят, а я всё держался одного прямого пути и так рассуждал: как люди ни хитрят и ни усиливаются, а Бог всех перемудрит и пересилит»[83]. Из такого образа и характера действования и из указания, на часто случавшуюся с самых первых пор службы тесноту обстоятельств, становится уже понятным, что образ действования *Филарета* по делу о перемещении Семинарии был настолько прямой и решительный, что мог вызвать *давление сверху*, именно от Преосв. *Досифея*; равно понятно и то, что этот случай был не единственный. Приведём здесь факт, помещённый в воспоминаниях одного достопочтенного автобиографа, относящийся к описываемой поре, когда *Филарет* был Префектом, а автобиограф был его учеником.

«В пятом классе Семинарии (Севской) меня едва не постигло несчастье. Наш Ректор Архимандрит *Израиль*, поступивший в монашество из военных, вздумал всех учеников в училище и Семинарии, да и самых учителей, привести к добровольному признанию своих погрешностей и недостатков. Он приказал с дозволения бывшего тогда преосвященного *Досифея*, чтобы каждый сделал письменное изложение своих грехов и дурных поступков своих товарищей, и подал бы такое изложение ему, Ректору. Такое изложение все написали, кроме Префекта Иеромонаха *Филарета*, бывшего впоследствии Митрополита Киевского. Он эту исповедь открыто назвал *неуместной и беззаконной*, несмотря на то, что

неминуемо должен был подвергнуться за это гневу Архиерея. По этому то случаю один из моих товарищей показал на меня в своём признании чистую небылицу. Когда же клевета эта на меня дошла до сведения Префекта *Филарета*, он заступился за меня и я избавлен был от наказания; иных же секли, других не отпускали на вакацинное время домой, а иных исключали из Семинарии и училища. Вскоре после этой беззаконной исповеди Префект *Филарет*, которого вся Семинария называла отцом и защитником, подвергся неблаговолению Преосв. *Досифея*, и перемещён был в другую епархию в *Уфу*, под власть другого Архиерея, знакомого Епископу *Досифею*. И этот Архиерей, как слышно было по предубеждению, перешедшему к нему от Епископа *Досифея*, весьма не благоволил к о. *Филарету*[84].

При соображении этого рассказа с общим ходом дела и с обстоятельствами времени, в нём очевидна некоторая неточность. Автор, рассказанному им, факту приписывает такое значение, что будто бы из-за этого факта последовало и самое перемещение *Филарета*, по недоброжелательству Преосв. *Досифея*, из *Севска* в *Уфу*, тогда как этот факт относится ко времени ещё его инспекторства, после которого он был около двух лет Ректором в Севской же Семинарии. Но помимо этой неточности, – которая легко могла произойти или от забывчивости автобиографа или даже от невозможности для него, как бывшего тогда воспитанника, знать в точности, что происходило в сфере начальнических действий и отношений, – описанный факт показывает, что Преосв. *Досифей*, с одной стороны не мог не почувствовать неудовольствия на Префекта *Филарета*, восставшего против распоряжения ректорского, на которое соизволил сам *Досифей*; а с другой стороны этот факт ясно дал понять Преосв. *Досифею*, – какого характера *Филарет*, и что его нельзя было, так сказать, ублажить и самыми благоволениями к нему.

Во всяком случае, из всего хода рассматриваемого дела с сопоставлением разных обстоятельств, становится ясным одно, что охлаждение Преосв. *Досифея* к *Филарету* было постепенное. Так, вслед за изложенным фактом, нужно признать поводом к охлаждению и тот, прежде приведённый нами, факт, – когда был в *Севске* Митр. *Платон*. Одно то, что сам *Платон* вспомнил о *Филарете*, просившемся к нему в Семинарию и будто бы отказавшемся, как сообщил об этом без ведома *Филарета* Преосв. *Досифей*, естественно вызывает мысль, что это обстоятельство не ограничилось только воспоминанием одного без всяких объяснений истины со стороны другого. Далее самая похвала, высказанная Митрополитом *Филарету* за его речь прямо в глазах самого архиерея

Досифея, даёт тоже разуметь, что это было вроде тонкого намёка последнему касательно известной отписки его о *Филарете*. А, наконец, самое произнесение речи *Филаретом* в присутствии своего Архиерея и в его покоях пред таким высоким Посетителем запало особенно в душу Преосв. *Досифея*. Он стал с этой поры считать его, как говорится, *выскочкой*... Можно сказать более, что под влиянием неприязненного чувства Преосв. *Досифей*, вероятно, не удержался высказать что-либо прямо не в пользу *Филарета*, – хотя сам Митрополит, как оказывается, этот невыгодный отзыв Начальника о подчинённом понял иначе – в обратную сторону, так что отнёс его к роду тех, какие свойственны *злым* только *людям*. Что это последнее так, – вот подлинный факт, записанный со слов самого Высокопр. *Филарета*: «Когда он (*Филарет*) ехал к месту своей новой должности в *Уфу*, то на пути через *Москву* был у Митрополита *Платона* на *Перерве*. Митрополит принял его ласково; вспомнил о нём по бывшему свиданию с ним в *Севске* и пожалел, что ему не удалось в своё время переместиться к нему, в Троицкую Семинарию, и что теперь он так далеко послан... Когда же на это *Филарет* ответил, что «видно так угодно было Богу», – Митрополит *Платон* сказал: «Нет! не говори этого... Богу угодно было другое, да злые люди помешали»[85]. Ясно, что в числе этих- то *злых людей* был, разумеем, и чуть ли не главный, – именно Преосв. *Досифей*; во всяком случае, едва ли мог иначе разуметь эти слова Первосвятителя и сам *Филарет*, хотя бы и не имел в душе своей таких понятий о своём Архипастыре, вообще бывшем к нему расположенным, и не могшем, по-видимому, стать для него *злым человеком*... Но что Преосв. *Досифей* действительно был способен измениться в отношениях к лицам подчинённым, к которым имел даже особенную расположенность, – об этом ясное свидетельство встречаем в другом лице, – свидетельство такое, которое имеет самое прямое отношение и к описываемому нами делу, так как оно и приведено собственно в объяснение положения *Филарета*, подпавшего под опалу Преосв. *Досифея*. Свидетельствующее об этом лицо, прежде упоминаемый о. Протоиерей *Пётр Ив. Турчанинов*, в своей автобиографии говорит о себе самом, что «зависть и клевета вооружили против него *Досифея*, несмотря на его бывшее дотоле совершеннейшее к нему расположение и покровительство, чуть не родственное... Так же точно поступлено было со стороны *Досифея* и с *Филаретом*, к которому он прежде благоволил, а затем готов был, как говорится, стереть его с лица земли».

Окончательным поводом к крайнему недовольству Преосв. *Досифея* на Ректора *Филарета* послужило именно то, когда *Филарет* выступил со

своей решительной настойчивостью о необходимости перемещения Семинарии из г. *Севска* в губернский город *Орёл*: хотя он (*Филарет*) и не знал тогда хорошенько, из-за чего, как говорится, так сильно сыр бор загорелся. Такое неведение Ректора *Филарета* свидетельствуется уже известным ответом его Митрополиту Платону, данным конечно, непритворно; да и знать ему что-либо едва ли возможно. Протоиерей *Турчанинов*, в автобиографии которого главным образом и раскрываются подробности сего дела, говорит между прочим: «Вот как премудры пути Провидения!.. Не приезжай я в столицу и не познакомься дружески с секретарём Митрополита (Санкт-Петербургского *Амвросия*), причина перевода *Филарета* из *Севска* в *Уфу* осталась бы, пожалуй, для всех тайной... Тайна же эта состояла собственно в том, что Преосв. *Досифей* имел в настоящем деле свои личные виды, по коим и не хотел во чтобы то ни стало согласиться на перевод Семинарии из *Севска* в *Орёл*. – Дело это было так:

Ректор *Филарет*, хотя сознавал необходимость перевести Семинарию из *Севска* в *Орёл* по своим верным и основательным соображениям, но начинать это дело при несогласии на то Преосвященного, само собой разумеется, не мог. Но вот как раз к этой поре последовало Высшее распоряжение, чтобы резиденции епархиальных Архиереев, находившихся дотоле в некоторых епархиях в городах уездных, были переведены непременно в города губернские. Это-то распоряжение Ректор *Филарет* и взял как главную основу и опору для себя, чтобы настаивать на переводе Семинарии в г. *Орёл* по самым отношениям заведения к главному начальнику – епархиальному Архиерею. Между тем он не знал, как смотрел сам-то Архипастырь Орловский на распоряжение о перенесении кафедры своей в *Орёл*. Преосвященный *Досифей*, ещё прежде своего епископства, был Ректором Севской Семинарии, и вот этим-то объясняется, почему ему не хотелось расстаться с *Севском*. Он сжился с *Севском*, где имел большое и короткое знакомство с тамошним обществом, и в особенности с некоторыми домами. Преосв. *Досифей*, (пишет о себе о. *Турчанинов*) сам даже сватал за меня невесту[86] у госпожи *Зайцевой*, урождённой *Тимиковой*, отец которой был знаком с Преосв. *Досифеем* ещё в бытность его Ректором. Фамилия же *Зайцевых* была одной из лучших в городе, так как они были фабриканты и жили богато и хорошо. С другой стороны желание своё и самую надежду остаться по-прежнему в *Севске* Преосв. *Досифей* основывал на отношениях тогдашнего Митрополита Санкт-Петербургского *Амвросия* как к нему лично, так и к самому городу *Севску*. Последний и сам жил в *Севске*, быв прежде

Епископом Орловским в ту именно пору, когда Преосв. *Досифей* был ректором в Севской Семинарии. На этом основании Преосв. *Досифей* писал Митрополиту *Амвросию* о своём нежелании расстаться со своей резиденцией и получил ответ в таком роде, что он может под какими-нибудь предлогами не спешить с исполнением распоряжения и таким образом проживать по-прежнему в своём месте».

«Не зная ничего этого и с тем вместе видя, что Преосв. *Досифей* не только не хотел переводить Семинарии, но не думал и сам перемещаться в *Орёл*, Ректор *Филарет* простёр свою ревность до того, что решился написать по этому делу письмо к Санкт-Петербургскому Митрополиту *Амвросию*. Каково было подлинное содержание этого письма неизвестно: но можно понимать это из следующих выражений самого в Бозе почившего, когда он, любя вспоминать былое в своей жизни в назидание себе и другим говаривал так: «да и я когда-то был больно боек… думал было тягаться с Архиереем..., но Господь научил смирению». В этих словах, хотя более всего слышится голос христиански смиренного самоосуждения, но с тем вместе очевидна доля сознания и провинности в общечеловеческом значении. Во всяком случае, для Преосв. *Досифея* такой поступок Ректора мог послужить побуждением к окончательному недовольству на него и поводом просить об удалении его из настоящего места службы. Всё это было тем естественнее, что Митрополит *Амвросий* препроводил самое письмо ректора *Филарета* к Преосв. *Досифею* и этим самым, как говорится, живьём выдал первого в руки последнего. Как только Преосв. *Досифей* получил возвращённое ему письмо, то так распалился гневом на *Филарета*, что велел просто-напросто схватить его и запереть в одну из башен архиерейского монастыря: но доброжелатели тайно высвободили его от такого заключения, тем более, что опасались как бы *Досифей* не решился выполнить все угрозы, высказанные им в пылу первого гнева, – именно в роде расправы батогами…[87]

Поступив так жестоко и грубо с Ректором, Преосв. *Досифей*, с тем вместе не замедлил сделать представление об нём к Высшему начальству, как о человеке строптивом и не терпимом на месте настоящей службы. В частности же, в письме своём к Митроп. *Амвросию Досифей* описал ректора *Филарета* так, что «когда прочитал я, – пишет Протоиерей *Турчанинов* – это письмо, то ужаснулся и невольно заплакал. Ибо зная коротко о. *Филарета*, беспорочность его жизни и доброту его характера, я увидел в письме всю клевету, по которой так худо поставил его пред Митрополитом Преосв. *Досифей*, просивший при этом как милости, удалить его из Севской Семинарии и перевести в такой город, где бы он с

жалостью вспоминал о *Севске*». В письме выражено было, между прочим, что «он – Ректор дурной жизни, имеет характер упрямый, гордый, своенравный, беспокойный, выскочка, скучает в *Севске*, не даёт ему покоя и все бредит губернскими городами». Потому-то и лично пропекая всячески *Филарета*, Преосв. *Досифей* прямо при всех говорил ему: «вот погоди... увидишь!.. Чем перемещать Семинарию, я тебя-то самого скоро спроважу туда, куда Макар и телят не гонял». – «И вот Митрополит, – продолжает тот же Протоиерей, – уважая желание Преосв. *Досифея* и веря ему во всем... перевёл *Филарета* в *Уфу*, такой город, которого хуже едва ли было тогда в России». Когда уже был получен указ. Св. Синода о перемещении *Филарета* в *Уфу*, то *Досифей* и тут не опустил случая высказаться не по-святительски, а чисто злорадственно. «Вот и прекрасно... и поделом ему! Слишком он *горячка* и *выскочка*. Пусть ка теперь прохолодится там близ Уральских-то снеговых хребтов... Да недаром *Уфа* по рифме зовётся *глуха*... значит там, в глуши и выскочкой-то не перед кем быть». Преосвященный *Досифей*, наконец, не удовольствовался и этим, но продолжал своё недоброжелательство и прямую месть к *Филарету* и дальше. Когда вскоре по перемещении *Филарета* в *Уфу* назначен был туда Епископом Преосв. *Августин*, то Преосв. *Досифей* писал к последнему, как хорошо ему знакомому, всячески очернив *Филарета* и прося *Августина*, чтобы он держал его, как говорится, *в ежовых* и *повытер* его хорошенько». Преосвященный же *Августин*, как увидим в своём месте, и без того был такого характера, что мог превзойти желания и ожидания просившего. От этого и сложился собственно тот крест тяжких испытаний и скорбей, под коим едва было вконец не пал духом в Бозе почивший, если бы не был укреплён особенным чудесным образом, явленным ему в видении в начертанных на стене словах: «Не бойся! Судьбы Архимандрита *Филарета* в руках Божиих!»

Отдел III. Время служения в Орловской духовной Семинарии в г. Уфе (1804–1810 г.)

Глава IV. Первоначальная служба его в Уфе. Служение его под начальством Преосв. Августина. Самые тяжёлые отношения Преосв. Августина к Филарету

«Не бойся! Судьбы архимандрита *Филарета* в руках Божиих»[88]. «Пятый уже год каждый день паче всякой меры отягощаемо было сердце моё, яко не надеятися мне и живу быти. Состояние моё можно не обинуясь, приравнять к состоянию *Иосифа* во рве. Обаче Господь Спаситель сподобил меня сохранить в незлобии так, что воистину я готов возлюбить вовек всякого, творящего мне напасти»[89].

Тяжкие испытания и скорби, о которых только что предуказано нами в предшествующей главе, постигли Архимандрита *Филарета* не непосредственно по вступлении его на службу в *Уфе*, но спустя полтора года, так как и самый виновник их – Преосв. *Августин* – прибыл сюда Епископом в эту только пору. Поэтому оставляя пока в стороне эти обстоятельства, скажем сначала о состоянии перемещённого и о положении самых дел на новом месте его службы, из чего тем яснее будет видно, что всё, что привелось впоследствии испытать в Бозе почившему, произошло действительно от прямых недоброжелательств и преследований известных лиц.

О самом прибытии в *Уфу* и первоначальном своём положении в ней *Филарет* сам говорит в своих Записках: «В *Уфу* приехал я зимою на святках, в сопровождении родного брата своего *Гавриила*[90] и одного Иеромонаха. Тамошний Преосвященный *Амвросий* (*Келембет*) принял меня весьма ласково, – оставил у себя обедать и потом уже на ночь отпустил меня в монастырь, мне назначенный. Монастырь этот, только что открытый в 1801 году, находился вне города в чистом поле, обнесён плетнёвым забором и состоял из нескольких мазанок, почти совсем занесённых снегом. Поутру встав, я пошёл обозревать свой монастырь и увидел единственную деревянную бедную ветхую церковь и только начавшуюся постройкой новую каменную. Это произвело на меня крайне грустное впечатление и до слёз растрогало меня. Этими слезами я начал здесь своё служение».

Передавая эти сведения для внесения их в Записки, в Бозе почивший объяснял, между прочим, что сам Преосв. *Амвросий* потому-то и продержал его у себя в первый день приезда до поздней поры, и отпустил лишь на ночь в монастырь, чтобы – как объяснил сам *Амвросий* – не дать

ему вдруг увидеть всё жалкое положение монастыря[91].

Описываемая скорбь при виде своего монастыря для *Филарета* была тем естественное, что в этом монастыре он должен был иметь и постоянное жительство, так как в Семинарии не имелось помещения для Ректора, а Семинария отстояла от монастыря на расстоянии около четырёх вёрст. Что же касается средств самого монастыря, то трудно почти поверить их скудости[92]. Так напр. в монастырской экономии не было даже особой лошади, на которой бы Настоятель монастыря мог отправляться к месту службы своей, по званию Ректора Семинарии и члена Консистории, а должен был ходить иногда даже пешком, несмотря на четырёхвёрстное расстояние монастыря от Семинарии. Завести же свой собственный выезд *Филарет* тоже не мог. Сколько скудны были его средства от монастыря, столько же не великие и от Семинарии, о чём увидим в своём месте. Об этих крайних недостатках привелось нам слышать следующий, между прочим, рассказ от одного лица, бывшего в 1850 г. в Киеве на благословении у Высокопр. *Филарета*. «Когда Митрополит услышал, что я прибыл из *Уфы* и узнал мою фамилию (*Ломоносов*), то обратился ко мне с такими словами: А знаете ли вы, что ваш дед – *Александр Борисович* был великий мой благодетель. Когда я служил в *Уфе* и мне приводилось ходить мимо дома вашего дедушки пешком из монастыря в семинарию и обратно, – потому что завести особую лошадь на монастырский или на свой счёт мне не было возможности, – то вот дедушка-то ваш, дай Бога ему царство небесное, сжалился надо мной и подарил мне лошадку, на которой я после того и разъезжал».

Впрочем, *Филарет* успел достроить церковь и устроить кельи для братии почти без всяких готовых монастырских средств. Ясно, что эти последние получались от лиц же, подобных сейчас сказанному благодетелю, сколько по усердию к монастырю, только что восстановленному, столько же и по чувствам уважения и любви к самому Настоятелю. Об этих чувствах и отношениях не только местных граждан, но и вообще жителей губернии, равно как и о самых достоинствах, коими заслужил их в Бозе почивший, вот что свидетельствует один из доставителей сведений.

"Когда *Филарет* переведён был в 1810 г. в *Тобольск* Ректором тамошней Семинарии, то жители *Уфы* и все знавшие его вообще в тамошней губернии крайне о сём сожалели и провожали его к новому месту со слезами. Такова была преданность к *Филарету* всей паствы Оренбургской губернии. И он действительно вполне заслужил добрую о себе память. Жизнь его в сем монастыре была самая монашеская, самая

уединённая, проходившая вся в трудах, в богомыслии и учёных занятиях, среди которых он иногда по целым ночам напролёт не спал. Посты соблюдал *Филарет* самым строжайшим образом и братию монастырскую содержал в отличном порядке; особенно из среды оной старался изгонять пьянство, которое до его управления монастырём сильно было там развито. Словом *Филарет*, будучи архимандритом в *Уфе*, хоть сам и молод был ещё летами, но был удивительный монах по духу и жизни и служил образцом для старых, так что его доблестям монашеским удивлялись все, видевшие и знавшие его»[93].

Сверх этих данных, столько рекомендательных и располагавших к достойному почитанию новоприбывшего Настоятеля монастыря, само собой, служило к этому же и служебное положение его, как Ректора Семинарии. На этой должности он был первый ещё Ректор в сане Архимандрита; до него с начала открытия Семинарии в 1800 г. управлял ею Иеромонах *Тихон*, бывший в тоже время экономом архиерейского дома. По своему образованию *Филарет* был тоже из числа первых учёных по тогдашнему времени. Всё это, несомненно заставляло обратить на него внимание, и тем более, что и сам Преосв. *Амвросий*, видимо для всех, ценил его достоинства и по жизни, и в учёном отношении, и в делах служебных по званию Настоятеля и Ректора.

О самой начальной служебной деятельности *Филарета*, как Ректора и Учителя Семинарии, мы не можем указать каких-либо подробностей из дел официальных потому, что в 1806 г. с 5 на 6 число Марта, в самую полночь здание, в котором помещалось Семинарское Правление, сгорело. С ним сгорели и все дела, бывшие с основания Семинарии. На донесении Семинарского Начальства об этом несчастье Преосв. *Амвросий* написал резолюцию в своём роде замечательную, – а именно: «Что совершилось, того не возвратить. Напредь же будущее время, для охраны от подобного несчастья, учредить из старших взрослых семинаристов стражу по подобию воинской[94]. Так как это событие случилось перед самым перемещением Преосв. *Амвросия* из *Уфы* в *Тобольск*, то нельзя не видеть здесь, как бы своего рода, предзнаменования в отношении к судьбе самого *Филарета*.

С перемещением сего Святителя, говорится в Записках о нём, изменилось положение его совершенно. Преемник *Амвросия* – Преосв. *Августин* с первых же пор показал себя не расположенным к нему, и впоследствии это было причиной всех тяжких искушений и скорбей для него[95].

Самые начальные причины нерасположенности Преосв. *Августина* к

Ректору *Филарету* читающим уже отчасти известны: они состояли в предвзятом мнении, внушённом ему со стороны – от Преосв. *Досифея*. Но от чего это мнение не изменилось и со временем, когда *Августин* мог бы, кажется, убедиться в его неосновательности и несправедливости, узнав короче *Филарета*, – а напротив, перешло в прямую неприязнь и открытое даже преследование, кончившееся лишь тогда, когда, выстрадавший всю тяжесть его, *Филарет* был переведён из *Уфы* в другое место и притом лишь в смысле последствия снисхождения к нему, как бы к падшему несчастному человеку?! Какие же, в самом деле, были этому причины и как вообще сложились обстоятельства, поставившие самого преследуемого в такое безвыходное положение и безответное состояние?!

Сила и степень предвзятых убеждений и действий зависят от разных условий и обстоятельств. Всего сильнее бывают предубеждения, когда они исходят от лиц, имеющих влияние на тех, кому передаются и, вместе с тем подходят более всего под собственный взгляд и характер последних. В этом случае из предвзятых извне предубеждения переходят уже в положительные личные, и тогда-то становятся они ничем неотразимыми со стороны имеющих несчастье подвергнуться им. Самая беспрекословность и благодушная терпеливость преследуемых не только не облегчают их положения, но – или ещё более раздражают виновников их несчастия, или же представляются им как бы фальшивым притворным оправданием для себя даже в глазах других... Так и было в действиях и отношениях *Августина* и в страдальческом положении в Бозе почившего.

Преосв. *Августин* начал своё недоброжелательство к Ректору *Филарету* действительно вследствие, как известно, письма Преосв. *Досифея*[96], который хотел не только предупредить, но прямо вооружить первого против второго. Писавший же, под влиянием личного озлобления, конечно не пожалел красок, чтобы обрисовать преследуемого с невыгодной стороны возможно резче. Достаточно впрочем, если он прописал здесь то же самое, что писал и к Митрополиту *Амвросию*. Да и сам Митрополит, могло статься[97], не умолчал об этом перед *Августином*, когда отпускал его в *Уфу* на епископство. По крайней мере, известно, что Преосв. *Августин* сам был в хороших отношениях к Митрополиту *Амвросию* и дорожил ими, даже до некоторой степени заискивал у Митрополита, так как эта черта была заметна в нём и в отношении к другим знатным лицам в *Петербурге*. В такие личные отношения к Митрополиту и прочим Преосв. *Августин* вошёл ещё тогда, когда до назначения в Епископы, служил в *Петербурге* в должности Законоучителя в одном из Кадетских корпусов и известен был, между прочим хорошим

проповедничеством. Для поддержания этих-то отношений он вёл и из *Уфы* постоянную переписку с *Петербургом*, о чём не скрывал даже перед знакомыми в своей пастве, чтобы выставить через это особенные свои достоинства. Обо всём этом довольно подробно говорится в изданном биографическом очерке его жизни[98], где видно, между прочим, как наивны до странности были некоторые из его писем, посылаемых в *Петербург* в смысле сказанного заискивания. Письма такого рода были, например, к кн. *Голицыну*. В частности же об отношениях и Преосв. *Августина* к Митрополиту *Амвросию* и о взаимной между ними переписке в биографическом очерке говорится, что во время пребывания своего в *Уфе*, *Августин* написал весьма много писем к Митрополиту и почти на каждое из них получал самые любезные ответы[99]. В такой частой переписке, в ряду прочих лиц и предметов, естественно, не мог быть забываем и *Филарет* и, очевидно, не в пользу его[100], так как и сам *Августин*, начав сразу относиться к *Филарету* недоброжелательно, отнюдь не изменялся, а напротив; да к этому же побуждала его и дружба с Преосв. *Досифеем*, о чем прямо свидетельствует *П.И. Турчанинов*: «из-за дружбы к *Досифею Августин* писал дурно о *Филарете* к Митрополиту *Амвросию*, желая этим поддержать первого и угодить ему».

Итак, что же оставалось на долю *Филарета*, как не одно лишь самое безвыходное положение при всей его безвинности!.. Искать ему защиты себе было не у кого, да и не могло быть надежды на успех. Надобно заметить, что в тогдашнюю пору главное управление всем духовно-учебным Ведомством состояло в исключительном почти ведении и власти Митрополита Санкт-Петербургского. А потому искать и просить защиты *Филарет* мог только у Митрополита же *Амвросия*. Но это привело бы скорее к результатам, ещё более неблагоприятным; всякой просьбой он мог бы вызвать лишь новые невыгодные взгляды и мнения о себе, как о строптивом подчинённом и лживом или докучливом жалобщике[101]… Не более было для него надежды и на то, чтобы личными своими истинно добрыми качествами и поступками изменить отношение к себе самого Преосв. *Августина*. Личный характер последнего и самый образ жизни и действий его были самые оригинальные до странности и тяжёлые в отношении к подчинённым. Об этом читаем у разных доставителей сведений следующие описания личного характера и поступков Преосв. *Августина*.

"Преосв. *Августин* был вроде как бы юродивого. Он носил крашенинную рясу и такой же подрясник, подпоясывался простым мужицким кушаком; ездил всегда даже и в торжественные дни к обедне в

простой извозчичьей лубочной кибитке на одной лошади, редко на двух. А за что от этого Преосвященного было страшное постоянное гонение *Филарету*, – Бог весть! Разве, как слышно было за то, что *Филарет* не разделял с ним его полу-юродства, – а вёл себя во всём прилично своему тогдашнему званию; был всеми любим в *Уфе* за свою кротость и смирение более, нежели сам *Августин*"[102]. Другой свидетель пишет: «Преосв. *Августин* имел странности. Например, он ездил по епархии в крестьянской кибитке; брал с собой всегда и Ректора, которого сажал не иначе как на козлах с кучером[103]. О сиденье на козлах с кучером сообщён был мне рассказ бывшим Кафедральным Уфимским Протоиереем (в 1849–54 г.) *Ил. Петр. Поповым*, который во время епископства *Августина*, быв вдовым молодым священником, состоял у него и экономом дома и вместе келейником его». «Мне, – говорил он, – особенно памятна кибитка Августиновская, а главное – козлы: на них мне – Священнику, одетому в рясу, приводилось обязательно… присаживаться к кучеру, чтобы сопровождать Архиерея в поездках к Богослужению, а также и к знакомым лицам в городе. Но этого мало, – так как Преосв. *Августин*, посещая знакомых, не любил и не принимал никаких угощений, даже и чаю, и кофею, а между тем, любил пить кофей ячменный, то желая иногда угодить посещаемым, доставить себе угощение, он приказывал приготовлять мне ещё дома большой чайник с ячменным кофеем, уже сваренным, и брать этот чайник с собой, держа в руках на козлах. И вот бывало, как только приедем в дом, где Владыки угодно подольше посидеть, то он лишь сядет на место, мне тотчас же велит отправляться на кухню, чтобы разогреть в чайнике его кофей и принести для него в гостиную, где он угощался». «Преосв. *Августин*, – говорится в его биографическом очерке, – и дома не любил не только чего-либо излишнего в пище, но и в самой посуде столовой и чайной. К обеду подавали ему на деревянном подносе два, а по праздникам три маленьких горшка, из которых прямо и употреблял он пищу, не трогая никакой более посуды. Серебра на столе терпеть не мог, а когда где подавали серебряную ложку, он отвергал её с презрением и требовал деревянной»...

Вот что ещё свидетельствует об этом первый из доставителей сведений: «Ректор *Филарет*, с самого первого времени по приезде в *Уфу* нового архиерея *Августина*, терпел от сего Владыки страшное гонение, которое простиралось до того, что *Августин* иногда, ни с того ни с сего, – запрещал ему служение или ставил его пред местными иконами в церкви на поклоны. Посещая семинарские классы, делал ему жесточайшие выговоры, в буквальном смысле бранные, к соблазну семинаристов: иногда

же созывал для такой брани в одну огромную комнату архиерейского дома учеников всех классов Семинарии и при них доводил кроткого *Филарета*, безмолвно стоявшего, до горьких слёз... Я сам был свидетелем таковых выходок Августовых, будучи тогда учеником Семинарии. Даже в Консисторию бывало, после классов зазовёт *Августин* многих из семинаристов и там при них часа по два бранит *Филарета*, которого, бывало, так станет нам жаль, что мы особенно малые, сами истощённые иногда усталостью после классов и от долгого стояния тут на ногах, плачем горько. Смиренный же *Филарет* при этом только бывало вздыхает, ни слова не говоря Архиерею, а только разве низко кланяясь ему»[104].

В других сведениях читаем: «Преосв. *Августин* подвергал Ректора *Филарета* по Консистории даже штрафу, взыску и описи имения, тогда как всё имение его состояло из двух лишь ряс – одной будничной, а другой праздничной, – о чём он лично сам говорил Владыке-*Августину*"[105]. Относительно этого последнего факта – конфискации имущества Филаретова в монастыре прежде упоминавшийся о. *Илья Петрович Попов* сообщил мне объяснения такого рода. Когда Преосв. *Августин* постепенно узнавал, что *Филарет* устраивает и церковь каменную и другие монастырские здания, и наконец, что он сам ездит на очень хорошей лошади и тележке, – а между тем высказывается постоянно, что средств у монастыря совершенно нет никаких, – тогда Преосв. *Августин* вдруг и забрал себе в голову (хотя конечно нашлись тут и недобрые люди, особенно выслужившиеся перед *Августином*), что *Филарет* или только прикидывается по части скудости, или просто-напросто злоупотребляет средствами монастыря, заведя себе даже выезд, о котором *Августин* и верить не хотел, что это подарок известного лица *А. Б*. Вследствие этого Преосв. *Августин* велел произвести конфискацию всего имущества *Филарета*[106]. Конфискация эта и была произведена совершенно внезапно. *Филарет*, застигнутый прибывшей Комиссией врасплох, в келейном и простом одеянии, по выслушании Указа всё-таки заявил, что он не может же остаться в том, в чём есть, и потому тут же надевши рясу, крест, клобук, взявши чётки и помолившись с земным поклоном пред иконами, сказал: «ну вот теперь я могу сказать истинно словами какого-то древнего мудреца «omnia mea mecum porto», – так доложите и Владыке… и тут не удержался, – крепко зарыдал... После уже отъезда Комиссии *Филарет*, наконец увидел, что как он был застигнут без сапог, а в домашних туфлях, – к тому же разбитых, – так в них и остался потому, что всё имущество его и белье и сапоги были описаны и заперты. В этих-то туфлях приводилось *Филарету* некоторое время даже являться и на должность, пока не

поспешил доставить ему сапоги искренний его знакомый – Священник *Григорий Андр. Несмелов*, хотя и то тайком «*страха ради архиерейска*...» Этот факт, естественно поражал всех в обществе, особенно хорошо знавших *Филарета*: но *Августин* и тут не щадил преследуемого: он в самом этом факте – в хождении в туфлях – подозревал и уличал *Филарета* в ханжестве, так как и вообще в домах знакомых титуловал его – *хитрой лукавой жучкой*[107].

При одном представлении всех этих, истинно поразительных обстоятельств в жизни в Бозе почившего, приходится помышлять только, – каково должно было быть его состояние и внутреннее и внешнее за всё, пережитое им время, притом столь продолжительное. Для ответа на это нужно было бы только разве заглянуть, как говорится, в душу самого страдавшего! И вот к счастью, действительно, имеется на это самое непогрешительное свидетельство, заключающееся в подлинном письме *Филарета* к искреннейшему другу своему – Протоиерею *Петру Ив. Турчанинову*.

«Весть, которую Вы мне сообщили – писал *Филарет* к *П.И. Турчанинову* – для обременённого скорбями сердца моего есть тоже, что для добродетельного *Иакова* Патриарха было известие о жизни и счастье оплакиваемого им *Иосифа*: честь, доверенность, должность, полезное служение Церкви святой, словом всё, что есть достойного и приятного в общественной жизни, я всё считал для себя потерянным. Пятый год сердце моё, коего чувствования вам известны, каждый день *паче всякой меры отягощаемо было, яко не надеятися мне и живу быти*... Бывшее состояние моё можно не обинуясь, приравнять к состоянию *Иосифа* во рве. Избавляяй же смиренныя Бог избавил меня от всякого греха, и вем, яко и ещё избавит меня. Ежели бы я хотел описать вам все мои страдания, надлежало бы написать к вам целую книгу. Ежели бы случилось мне лично с вами беседовать о том, вы бы не поверили и мне. Но при всём том Спаситель мой сподобил меня *сохранить незлобие моё*... Я и теперь его сохраняю и паче сохраню, даже до того, что *воистину я готов возлюбить вовек всякого, творящего мне напасти*. Я не знаю, чем могу достойно возблагодарить ангела-утешителя Всероссийской Церкви – Высокопреосвященнейшего Митрополита. Ежели бы не его мудрость, проницательность и благость удержали, наконец, стремление воздвигнутой на нас, бури, то я и около десяти отцов семейств должны бы были пить чашу невинных страданий до самого гроба. Я поставлен был главным предметом, на который столь долговременно, и столь сильно устремляемы были все стрелы разогорчённого Епископа. Но Бог мне помог

так всё перенести, что из всех моих страдальцев никто не потерян. Любовью и уважением всех здесь добродетельных я слишком награждён, хоть за сие и терпел я несказанно много... Равно и попечения ваши обо мне я никак оценить не могу, – они для меня останутся вечно наиважнейшими в жизни моей. Я их приемлю точно так: как св. *Павел, находясь в злостраданиях,* принимал от любящих его». Я тем же духом молю Спасителя моего, да даст вам Господь обрести милость от Господа *в день он*. Не писал же я к вам доселе потому, что был не известен о Вашем местопребывании»[108].

Письмо это, как показывает самое содержание, писано было под конец всех страданий, когда виделась уже надежда избавиться от них в недалёком будущем. От этого, естественно, и тяжесть страданий и самое состояние страдавшего могли уже несколько облегчиться. Но каково было *Филарету* в самую пору страданий, коими в течение пяти лет каждый день, по его выражению, «*паче всякой меры* отягощаемо было сердце его», и для описания которых «потребна была бы целая книга»? Благо, что так тверды были и сохранились в нём вера и упование и то незлобие и смирение, о коих не обинуясь, с Апостольским дерзновением, засвидетельствовал писавший; – но чего стоило сохранить всё это, когда отягощение доходило до того, *яко не надеятися ему и живу быти?* Не здесь ли до́лжно всецело признать оправдание, на самом деле всего того, в чём доселе от самого детства проявлялись повременно сила и значение особенных внутренних свойств души и всего истинно подвижнического призвания и настроения в Бозе почившего?!

В самом деле, если судить по одному только содержанию и тону письма, – ясно, что нельзя смотреть на все описываемые обстоятельства и факты, как на внешние и случайные только столкновения и неблагоприятности служебные и вообще житейские. «Это был крест, хотя видимо для других сложившийся из внешних обстоятельств и действий, но здесь – под видимым скрывался незримый, внутренний, духовный, которому Сам Господь в особенных путях Промысла Своего подвергает избранных Своих, с *оставлением их даже на малое время,* дабы после того *милостью великой помиловать их* (Ис. 54:7), так как и сами избранные, претерпевшие подобное испытание до конца, всегда видят в нём впоследствии явное благодеяние к ним Промысла Божия[109]. Об этом состоянии в Бозе почившего сохранились, хотя краткие сведения, зато ясно и верно характеризующие свойства и все направление его».

«С половины 1806 года до конца 1810 г. – говорится в Записках о нём, – был он под тяжким крестом, который и перенёс с терпением: и всё это

обратилось ему в истинную пользу духовную. Здесь слезами своими омыл он грехи юности своей». Каковы же были эти слёзы, в буквальном значении слова, проливаемые им в эту пору, – об этом сохранилось свидетельство одного святителя – бывшего Преосвящ. Орловского *Поликарпа*. Находясь в *Уфе* Инспектором Семинарии – спустя двадцать лет после ректорства *Филарета*, этот Преосвященный сообщал, что он в Уфимском монастыре видел простенькой работы полукресло, на котором сидя *Филарет* облегчал своё горе слезами, от которых остались пятнышки на самом полукресле[110]. Конечно, среди этого горя и самых слёз он искал и находил себе облегчение и иного рода, а именно: «он в это время, – как значится в Записках о нём, – выучил наизусть всю Псалтирь и последние беседы Господа Спасителя с учениками своими и много-много созрел в жизни духовной…»[111] Но как видно, тяжесть скорби его доходила наконец до такой меры и степени, какая бывает посылаема от Бога, и то редко, на особенных только избранников Его: это минуты того *оставления на мало время*, в кои или остаётся страждущему взывать: «*Боже Боже мой, Вскую мя оставил еси*», или быть объятым и преодолеваемому тою *бурею помышлений сумнительных*, которые, может быть, опаснее самых тяжких страданий, и потому для избавления от них всегда является Божия помощь в особенных явлениях и знамениях.

В Записках в Бозе почившего значится следующий факт: «Однажды после одного из самых тяжких оскорблений, нанесённых ему *Августином*, среди пламенной и слёзной ночной молитвы, *Филарет* полу-заснул на полу, (на том месте, где он коленопреклонённый совершал молитву), и увидел в полусонном видении руку, писавшую на стене: »*Не бойся! Судьба архимандрита Филарета в руках Божиих!*« Воспрянув в ту же минуту от своего полусонного состояния, *Филарет* ощутил в душе своей такое отрадное чувство внутреннего спокойствия и утешения, что забыл все свои прежние скорби и, вместе с сим, восчувствовал в себе какую то особенную крепость духа и готовности на подвиг всякого терпения, какой бы ни предстоял ему в будущем. И вот, после этого, (как сказано в надгробном слове), и последовала »*измена десницы Вышнего в судьбе его. Господь извел, яко свет правду его и судьбу, его яко полудне*" (Пс. 36:6)[112].

Но что же было перед этим?! По одному же понятию о знамениях Божиих и тем более по самому выражению – «*не бойся*» – можно судить, что в состоянии страдавшего совершалось что-то такое, за исход чего можно было даже опасаться... В Бозе почивший, сообщив сам в своих рассказах о явленном ему видении, передавал и то, что предшествовало сему видению в его личном состоянии, – но вносить в Записки последнее

не позволил слушавшему и записавшему лицу, племяннику своему, бывшему тогда Ректору Киевской Академии Архимандриту *Антонию,* (впоследствии Архиепископу Казанскому)[113]. Между тем последний поведал мне слышанный им рассказ, чтобы поместить его и в биографии, – именно в следующем содержании. «Когда покойному Владыке приходилось испытывать то состояние, среди которых, как он выразился в письме к о. *Турчанинову, сердце его каждый день Было паче всякой меры отягощаемо,* тогда он приходил к мысли и убеждению оставить учебную службу и удалиться куда-либо в пустынную обитель, – чего сам он первоначально так желал и на что давал особенный не раз обет. И вот, эта-то мысль особенно и запала ему в душу, когда он начал молиться. Ему так и чуялось, что вот Господь, видимо, преследует его за неисполнение данного обета; ему представлялось, что он как бы подобно Савлу »*прёт против рожна*«, и что поэтому самое его состояние, хотя и невинно-страдальческое, не угодно Богу и не будет угодным никогда... Даже у Владыки промелькивала мысль и такая, что-де не по достоинству он принял на себя и самое-то монашество... а потому, намереваясь удалиться в какую-либо пустынную обитель, он хотел было поступить так, чтобы отречься тайно от самого своего сана, и быть простым монахом, самым последним послушником, так что он тогда-то готов бы быть, по слову Св. Апостола, *отребием миру и попранием для всех*, – так как тогда не было бы и молвы, и соблазна из-за него, как это невольно, происходило теперь при настоящем его звании в служебном положении в среде общества, сочувствие которого для него составляло особую горькую чашу, и тем более, что эту последнюю, – как выражено было и в письме его – должны были пить неповинно немало отцов семейств... Потому-то, – заключил покойный Высокопр. *Антоний* свой поведанный рассказ – и не умедлило последовать столь явное успокоение и ободрение страдавшего и от тяжких внешних озлоблений и от внутренних его помыслов со стороны Того, Кто *возносит смиренныя*. "*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих!*"

Так всё это и оправдалось. В то самое время как совершился этот, так сказать, кризис в личном внутреннем состоянии в Бозе почившего, уже начиналось иное направление судьбы его, хотя совершенно неведомыми и неожиданными для него путями, но прямо оправдывающими истину бывшего видения. Из приведённого выше письма ясно, что *Филарет* совершенно не знал о месте служения протоиерея *Турчанинова*: последний же хотя и знал прежде, что *Филарет* был перемещён в *Уфу*, но оставался в неведении относительно его тяжкого положения: да когда и узнал об этом

и почувствовал в себе решимость явиться ходатаем за него, то во всём этом и признавал впоследствии особенные пути Божии. «Вот как премудры пути Провидения! – говорит он в своей автобиографии. – Не приезжай я в столицу и не познакомься дружески с Секретарём Митрополита, то как перевод *Филарета* в *Уфу* остался бы для меня тайной, так и из *Уфы* ему мудрено было бы выбраться». В таком же чувстве благоговейного исповедания путей Божиих он излагает и всё дальнейшее дело в следующих подробностях.

«С домашним Секретарём Митрополита *В. В. Юлиановым* я сошёлся дружески и мы часто бывали друг у друга. В один вечер я начал рассказывать ему о *Севске* и тамошних приятелях, а особенно о *Филарете*, усланном в *Уфу*, как человеке высокой жизни и добродетелей. Когда же, к удивлению моему, узнал я тут же от Секретаря все обстоятельства и увидел всю клевету и пр., то возблагодарил Господа, что предо мной всё открылось, и что я могу при помощи Божией отыскать возможность помочь невинно обнесённому *Филарету*, выяснив перед Митрополитом всё его положение. Хотя Секретарь и говорил мне, что трудно сделать что-либо для *Филарета*, потому что Митрополит любит *Досифея*, да и *Августин* писал тоже худо о *Филарете*, и что этим я могу только повредить самому себе, – но я, несмотря на всё, решился защитить невинного и был уверен, что Господь мне поможет в том.

Немедля я написал *Филарету* в *Уфу*, объяснив ему всё, и советовал ему отвечать мне письмом, в котором бы объяснил он мне всё, что с ним делается, и как он поживает в *Уфе*, и написать так, чтобы я письмо его мог показать о. Архимандриту *Филарету*, (впоследствии Высокопр. Митрополиту Московскому), который был уже Ректором Академии и в большой милости у Митрополита и у князя *Голицына*. По милостивому его ко мне расположению я надеялся, что и он примет участие в судьбе *Филарета* и доложит все обстоятельно Митрополиту.

Скоро за сим получил я письмо от *Филарета* из *Уфы*, которым он со слезами объяснил мне все свои несчастия и страдания. Помолясь Господу, я пошёл к Ректору *Филарету*, рассказал ему, – за что Преосв. *Досифей* рассердился на *Филарета* и, показав его письмо ко мне, убедительнейшее просил вступиться за невинного и упросить Митрополита вызвать его на чреду, или перевести в другую епархию, чтобы только высвободить из *Уфы*. Ректор *Филарет* долго колебался, совсем не зная *Филарета*, но по усиленной моей просьбе согласился ходатайствовать, причём сказал мне, что он будет просить Митрополита, но когда тот его спросит, – почему он принимает в нём участие и как ему известны все обстоятельства, – то он

покажет на меня. Надеясь на Господа, я твёрдо был уверен, что *Филарет* невинен, а невинных Господь Бог оправдывает; любя же его вседушно и помня нашу дружбу и нашу приятную жизнь в *Севске*, я уверил Ректора *Филарета*, что не сробею; и когда Митрополит меня спросит, то я и ему буду тоже говорить. И благодарение Господу, всё устроилось так, как мне то желалось!

Ректор *Филарет* взял от меня письмо и на другой же день объяснил всё Высокопреосвященному. Митрополит позвал меня и стал расспрашивать: я не оробел, но подкреплённый любовью и справедливостью, объяснил ему всё аккуратно, что служило к оправданию о. архимандрита *Филарета*. Митрополит, выслушав, сказал: «ну смотри, *Пётр Иванович*, – я дознаю о твоём добром *Филарете*, переведу его ещё в иную епархию и велю Архиерею каждую треть доносить мне об нём; я уверен, что этот Архиерей не обманет меня. Если же и он будет худо рекомендовать *Филарета*, то вся беда обрушится на тебя. – Ты не боишься этого?!»... Ни мало – был ответ: я уверен, что гонимый оправдает мою рекомендацию о нём вполне. Митрополит сказал: – хорошо! – а через несколько дней *Филарет* из *Уфы* переведён был в *Тобольск* Ректором Семинарии и учителем Богословия. Из всего этого я ясно увидел, что Промысел Божий Сам всё устроил к счастью о. Архимандрита, и что он, яко злато искушённое в горниле воссияет. Я же всегда радовался и благодарил Господа и прежде и теперь, что удостоился по недостоинству моему быть, некоторым образом, орудием Промысла в деле избавления и последующего благополучия такого лица. Письма его, хранящиеся у меня, доказывают и его чувствования ко мне[114].

Высказанное Протоиереем *Турчаниновым* подтверждает ещё другое лицо в таком же духе и чувстве, признающее во всём пути Промысла Божия, так как и самое автобиографическое повествование этого лица, в котором изложены, между прочим сведения, касавшиеся Высокопр. *Филарета*, носит название: «Пути Промысла Божия в моей жизни». Лицо это, уже известное нам, – Протоиерей *Лука Ефремов*. Он, рассказав как совершилось избавление *Филарета* через ходатайство о. *Турчанинова*, у которого по знакомству с ним он видел и самые письма первого, описывает следующий факт, о котором умолчал, вероятно, по скромности сам о. *Турчанинов*. "Когда *Пётр Иванович Турчанинов* был однажды в *Киеве* на поклонении и явился к высокопреосвященному *Филарету*, то Первосвятитель, взяв за руку своего благодетеля, вывел его пред лице всего, случившегося у него, собрания многих знатных особ, и сказал: господа! вот мой благодетель! Он меня своей любовью и своею

рекомендациею, когда я был только ещё Архимандритом, избавил от притеснений и недоброжелателей и как *Иосифа* вывел из рва несчастий». Этот факт достопочтенный автобиограф закончил такими словами: «приятно и поучительно нам бывает слышать или видеть, когда великие люди, стоя уже на высоте почести и славы, не забывают оказанной им услуги и не стыдятся так открыто признавать своими благодетелями какого-либо школьного товарища или друга юности, хотя и отставших от них впоследствии далеко по своему званию и значению».

Такой поучительный вывод действительно верен и по всему праву достойно приложим к значению изложенного факта и к самому лицу. Впрочем, здесь всё-таки видны чувства и отношения лица облагодетельствованного к своему благодетелю за избавление его от тяжких бедствий. Но особенно замечательно и назидательно в лице и действиях *Филарета* то, какие чувства сохранил он к самым виновникам своих бедствий и страданий. В письме своём, как мы видели, *Филарет* писал: «Господь Спаситель сподобил меня сохранить всё незлобие; я и теперь его сохраняю (т. е. когда бы, по-видимому, он мог питать иное чувство, имея верную надежду скоро избавиться из-под власти *Августина*), и паче сохраню даже до того, что истинно готов любить вовек всякого, творящего мне напасти! И это были не слова только, выраженные лишь в порыве временного чувствования. Доказательство на это мы увидим в многочисленных фактах, когда будет говорено в своём месте о последующих отношениях Высокопр. *Филарета* к Преосв. *Августину*, главному виновнику притеснений его. Приведём здесь факт, изложенный в биографическом очерке *Августина*. «Могилу его (*Августина*), – пишет автор очерка, – почтил своим посещением покойный Митрополит Киевский *Филарет*, служивший некогда под начальством *Августина* в *Уфе* в звании Ректора Семинарии. Он нарочито приезжал (в Мае 1842 г.) в Варницкий монастырь (в г. Ростове), чтобы поклониться его праху, и во всё время совершения панихиды стоял на коленах и усердно молился над могилой. Когда тут же присутствовавший Настоятель Спасо-Преображенского Дмитриева Ставропигиального монастыря спросил у него: почему воздаёт он такую честь лицу, находившемуся с ним в известных неприятных отношениях по службе? – Высокопреосвященный отвечал: «я должен преклоняться перед этим человеком, потому что он научил меня терпению и смирению; без его наставлений и уроков, – прибавил Высокопреосвященный, – я, быть может, и не был бы Митрополитом[115]. Факт этот относится по времени к 1842 году: – потому излишне и говорить, как значит неизменны были чувства незлобия в

претерпевшем напасти к виновнику их – Преосв. *Августину*. При самой же жизни *Августина* в этом бедном монастыре Варницком, когда Высокопр. *Филарет*, находившийся, между прочим в Синоде по званию Члена узнал, что и Преосв. *Августин* получал очень малую, издавна ещё назначенную ему пенсию, то принял лично ходатайство перед Синодом об увеличении пенсии, – что и было тогда же сделано[116].

Что же касается самого Преосв. *Августина*, то оказывается, что он до последних пор не совсем-то изменил о Высокопр. *Филарете* свои прежние мнения, о которых при случаях и высказывался. Об этом ясно увидят читающие из следующих разновременных фактов.

Когда Высокопр. *Филарет* в бытность свою Архиепископом Рязанским издал в печати свои «Толковательные Беседы на Ев. Матфея» (главы 5–9), то препроводил экземпляр сего издания и к Преосв. *Августину* при письме, в котором выразил самые искренние чувства почитания к нему. Преосв. *Августин* тогда же приказал списать это письмо в нескольких (до двадцати) копиях и раздавал их своим знакомым из знатных лиц, говоря: «вот как чтит меня Архиепископ и присутствующий в Синоде, но зато он был долго у меня в своё время под руками...»[117]. В другой раз, когда Высокопр. *Филарет* сделался уже Митрополитом Киевским, послал в дар от себя Преосв. *Августину* Патерик Киевский в прекрасном переплёте, и на заглавном белом листе его написал ему весьма много, так что по словам рассказчика-очевидца весь этот лист на обеих сторонах был исписан. Написанное состояло в самых почтительных и смиренных чувствах и выражениях и начиналось так: «Наставнику моей юности и пр….» Преосвящ. *Августин* это писание тоже прочитывал всем знакомым и близким и в том числе самому рассказчику. По прочтении последнему он, между прочим сказал: «Да! – а знаешь ли, что я выгнал этого-то *Филарета* из *Уфы* за дурную его жизнь»[118].

Ещё когда Высокопр. *Филарет* был Казанским Архиепископом, один из купцов казанских *Костылев*, церковный староста и отлично известный Высокопр. *Филарету*, отправившись на родину в *Ростов*, посетил, между прочим Варницкий монастырь и зашёл на благословение к Преосв. *Августину*. Преосвященный принял его как земляка (сам он был родом из *Ростова*), радушно и за чаем высказал: «у вас Архиерей *Филарет*? – «А Вы его знаете? спросил посетитель. Гм!.. Я был Архиерей, а он у меня был Ректором Семинарии: небось помнит меня...» Купец *Костылев*, приехав в *Казань*, ничего не сказал Высокопр. *Филарету* о том, что говорил его бывший начальник. На другой год *Костылеву* нужно было опять ехать в *Ростов*, и вот принимая напутственное благословение от Владыки

Филарета, он сказал ему: «посылайте поклон Вашему бывшему Начальнику Преосв. *Августину*». «Кланяйтесь, кланяйтесь от меня моему отцу и благодетелю: если бы он не так поступал со мной, то я не был бы таким; – он научил меня терпению и раскрыл мои недостатки, которых я сам не мог видеть, а потому и освободиться от них».

При вторичном свидании с Преосв. *Августином, Костылев* сказал: «Преосвященный *Филарет,* наш Архиепископ прислал Вам поклон». – «Полно врать», – отрывисто возразил энергичный Владыка. «Божусь вам!..» Преосвященный *Августин* посмотрел на Костылева зорко и, – готовый как бы прослезиться, или как бы проглатывая слёзы минут пять, наконец промолвил: «да я много его пробирал и, пожалуй, обижал... Что делать? – характер таков у меня. Но Св. Апостол учит: *повинуйтеся владыкам не токмо благим и кротким, но и строптивым*... Зато вон он кто теперь стал... – Архиепископ в старейшей знатной Епархии, из которой переход только прямо в Митрополиты... Впрочем, он был и у меня по службе человеком ретивым и толковым»[119].

Все эти факты не требуют пояснений, чтобы видеть в них и характер *Августина* и чувства и отношения его до последних пор к Высокопр. *Филарету*. Останавливаясь же вниманием на последних словах *Августина*, что "*Филарет* был у него на службе человеком ретивым и толковым», мы обратимся к изложению данных, которые вполне подтверждают этот отзыв бывшего, хотя столь сурового и прямо неприязненного Начальника о подчинённом. Указываемую рекомендацию о ретивости и толковости по службе, *Филарет,* очевидно, мог заслужить по преимуществу и даже исключительно по учебным должностям, как Ректор и Преподаватель в Семинарии, так как другие служебные его обязанности, – каковы: Настоятеля в монастыре и Члена в Консистории, – были, так сказать, побочными и не могли представлять такого поприща для деятельности, где бы могла проявляться особая толковость в широком высшем значении этого слова. Семинария же, наоборот, по самой новости её открытия в г. *Уфе* – в 1800 г. и потому, что в первые четыре года не было почти и Ректора в Семинарии, а был лишь приставленный временно к управлению ею бывший эконом архиерейского дома, наконец и потому, что не было ещё определённых Высшим Начальством и устава и штатов ни в административном, ни в учебном, ни в хозяйственном отношении. Семинария, говорим, напротив требовала от ново-определённого Ректора и ретивости и толковости, особливо под таким главным начальством, каково было Августиновское.

В своё время (в 1849–1850 г.) мы (пишущий) имели счастливый

случай пользоваться всеми данными архива Оренбургской Семинарии в виду предпринятого нами тогда, посильного труда – составления «Краткого Исторического очерка развития духовного просвещения в Оренбургском крае и в частности, в Оренбургской Духовной Семинарии», которой в эту пору исполнилось пятидесятилетие её существования (с 25 Сентября 1800 г. по 25 Сентября 1850 г.)[120]. С особенной душевной отрадой обращаемся мы теперь к страницам нашей, юношеским ещё пером начертанной, рукописи, чтобы извлечь из неё всё, подходящее теперь к содержанию настоящего нашего повествования, – именно к описываемому времени ректорства Архимандрита *Филарета* (1806–1810 г.).

Глава V. Состояние Оренбургской Семинарии в административном, учебном и педагогическом отношении

«Будучи призван государственной обязанностью в г. *Уфу* на выбор судей, я имел удовольствие заметить в здешней Семинарии благословенные успехи, обучающегося в оной, юношества в духовном просвещении. При сём, не мог я не усмотреть, что Семинария сия обязана в сём цветущем во всех частях благоустроенном порядке единственно отличным распоряжениям своего Начальства. Но как Семинария сия не имеет постоянной библиотеки, то я жертвую из моего собственного капитала без возврата десять тысяч руб. асс. в пользу Оренбургской Семинарии»[121].

Оренбургская духовная Семинария, – так выражено было в подлинной рукописи, – справедливо может хвалиться славой, что первым своим учредителем имела лицо, знаменитое своим высоким духовным просвещением, лицо, начальствовавшее впоследствии в двух высших духовно-учебных заведениях[122], лицо, и ныне занимающее одно из высших мест в иерархии Русской Церкви. Это – *Филарет*, – с 1804 года Архимандрит Ректор Оренбургской Семинарии, Настоятель Уфимского Успенского монастыря, ныне – Митрополит Киевский и Галицкий, Член Святейшего Синода, Священно-Архимандрит Киево-Печерской Лавры. Он из Ректоров Орловской Семинарии определён в Оренбургскую Указом Св. Синода от 10 Октября 1804 года и управлял ею до конца 1810 г. Ему по всей справедливости принадлежит имя первого устроителя здешней Семинарии. После него Семинария опять оставалась несколько времени без главного Правителя под ведением Префектов, из числа коих в сане Архимандрита был *Афанасий* (в миру *Александр Инфантьев*), бывший воспитанник в здешней Семинарии самого же *Филарета*, проходивший при нём разные должности, начиная с комиссарской, ещё во время своего учения в Семинарии.

Почти с началом управления здешней Семинарией Ректора Архимандрита *Филарета* совпадает начало управления здешней Епархией одного из её архипастырей, особенно памятного для своей паствы как по продолжительности управления ею, так и по своей неутомимой деятельности и ближайшему вниманию к Семинарии – преосвященного *Августина*. Тогдашнее Семинарское Правление, состоявшее из Ректора и

Префекта, находясь в полной безусловной зависимости от епархиального Архиерея, в то же время зависело во всех своих внутренних распоряжениях и от местной Консистории, которая давала ему указы, а Правление входило в Консисторию рапортами, донесениями, объяснениями и т. п. При такой зависимости Семинарское Правление совершенно было, так сказать, затенено Консисторией и не имело прямых сношений с другими присутственными местами, которые едва знали о его существовании.

Что касается до способов и условий преподавания наук в тогдашней Семинарии, то в этом отношении всему надобно было только ещё полагать начало, всему давать первое движение и правильный ход. Выбирать было и некогда и не из чего; надобно было довольствоваться тем, что было под рукой. Но, тем не менее, к чести Оренбургской Семинарии нужно отнести, что в ней, при общих первостепенных по своей важности для духовного просвещения предметах, на первых же порах было вводимо преподавание и других предметов, составлявших уже как бы роскошь образования. Так в 1807 г. открыт был класс рисования; в том же году открыт класс славяно-греко-латинского церковного красноречия, порученный Префекту Протоиерею *Усовичу*, и введено преподавание Медицины, принятое на себя тремя тогдашними членами здешней врачебной управы: (преподавались – Патология, Терапия и Хирургия). В 1808 году открыт класс Французского языка: преподавание же Немецкого введено было ещё ранее[123]; а в это время оно разделено на два класса – высший и низший. Нет сведений, долго ли и с каким успехом продолжалось преподавание каждого из этих предметов. Но, во всяком случае, самое введение их показывает и заботливую попечительность Ректора *Филарета* и ясное сознание пользы вводимых предметов.

«С такой же заботливостью старался *Филарет* и в заведении библиотеки. На первых порах было уже приобретено книг на сумму до 3.000 руб. асс. Так, в одном 1807 году, по поручению Правления, доставлено из Москвы купцом *Подъячевым* книг 39 пудов на сумму – 1.104 руб. 14¾ коп. За неимением по тогдашнему времени собственных средств, Семинария обязана была заведением библиотеки пособиям со стороны жертвователей. Особенно важно и благодетельно было для Семинарии пожертвование в 1809 году помещика Оренбургской губернии, Надворного Советника *Петра Яковлевича Тоузакова*, пожертвовавшего в пользу Семинарской библиотеки *десять тысяч рублей* ассигнациями. Это, важное по количеству капитала, пожертвование важно и достойно особенного внимания по самым побуждениям, вызвавшим его. Здесь мы

видим беспристрастное свидетельство о самом благосостоянии Семинарии и о достоинствах лиц начальственных. Вот собственные слова жертвователя в подлинном акте пожертвования. Г. *Тоузаков*[124] писал, – что «будучи призван государственной обязанностью в г. *Уфу* на выборы судей, он имел высокое удовольствие заметить в Семинарии благословенные успехи духовного юношества в просвещении на самом опыте: что, отдавая всю справедливость успехам его, он не мог не усмотреть, что Семинария обязана в сём, цветущем во всех частях, благоустроенном порядке единственно отличным распоряжениям своего начальства. Но как постоянной библиотеки, наинужнейшего пособия к образованию во всех частях духовного просвещения, Семинария не имеет, то, подражая всё оживляющему духу Высокомонаршей благотворительности Его Императорского Величества Самодержца АЛЕКСАНДРА I и беспримерной любви Его к христианскому просвещению, он на сию потребность для Оренбургской Семинарии жертвует из благоприобретённого им собственного капитала десять *тысяч рублей* асс. и всю эту сумму, яко благоприобретённую его собственность, без возврата посвящает в пользу Оренбургской Семинарии».

«Указанная недостаточность собственных средств Семинарии для заведения библиотеки зависела от тогдашней скудости и самой неопределённости источников этих средств. Какое, напр. жалованье получали тогдашние труженики науки, трудно и поверить! Все они получали жалованье, нужно заметить, не по штатному утверждённому положению, а по усмотрению епархиального Преосвященного, судя по важности преподаваемых предметов и по степени усердия к делу. И как велико было это жалованье?! Ректор Семинарии получал 50 руб. Префект 40 руб. наставники от 15 до 35 руб. ассигн.; – и это не в месяц, – *а за целую треть года*! Но все, как видно, были довольны, по крайней мере, сыты от высших чинов до последнего *калефактора*[125] (истопника), получавшего 2 руб. асс. третнаго жалованья».

«Для сирот и бедных беспомощных учеников был учреждён при Семинарии сиротский дом, где помещались ученики, пользуясь столом, одеждой, освещением и проч. По подробному расчёту, сделанному в Управлении в 1809 году, полное содержание сироты стоило казне 41 руб. 50 коп. ассигн. Последняя, впрочем, цифра оказывается очень значительной сравнительно с ассигнованием в тогдашних годах количеством жалованья тогдашним наставникам».

«В заключение изложенного исторического очерка, именно относительно описываемого первого периода существования

Оренбургской Семинарии, был в нашей рукописи поставлен вопрос: «как же велики и полезны были труды и успехи учащих и учащихся?» – Этот же вопрос ставим и теперь, и в ответ на него приведём подлинный отзыв тогдашнего преосвященного *Августина*, данный 1807 года Мая 5 дня, на одном из донесений Правления о занятиях и успехах учащих и учащихся: «С полным удовольствием признательного сердца рассматривал я представленные мне от семинарского Правления за минувшие Март и Апрель месяцы (1807 г.) классические труды учащих и учащихся, которым объявил всем совершенную мою радость и душевное желание подобно счастливых и впредь трудов и успехов в классическом учении»[126]. А нужно заметить, что этот архипастырь не любил рассыпать похвал; а между тем таких похвальных отзывов от него было много».

Все эти сведения, приведённые из Исторического Очерка, равно как и последнее замечание, в нём же сделанное, о характеристической черте Преосв. *Августина* имеют, очевидно, самое прямое и ясное отношение к настоящему нашему повествованию. Все данные, свидетельствующие о несомненно возможном для тогдашнего времени, благосостоянии Семинарии падают исключительно на время ректорства в ней *Филарета*. Если и приписать честь и заслугу в этом самому Преосвящ. *Августин*у, особенно памятному, – как сказано и в Историческом Очерке, – для всей Оренбургской паствы и по продолжительности управления его и по его неутомимой деятельности и ближайшему вниманию и участию к Семинарии, то, само собой, эта же честь и заслуга нераздельно должны принадлежать и Ректору, как ближайшему Начальнику заведения и притом такому, каков был *Филарет* по отзыву самого же *Августина*, т. е. ретивый и толковый. Эти же качества тем более могли быть проявляемы со стороны *Филарета*, что он был не новичок на своей службе, так как служил Префектом и Ректором в Орловской Семинарии, уже устроенной, да и здесь в *Уфе*, до *Августина*, прослужил тоже уже два года. Наконец, если *Августин* делал много похвальных отзывов о благосостоянии Семинарии, при всём том, что не любил расточать похвал даром и, всего менее, конечно к неприязненному лицу – *Филарету*, то приведённый выше отзыв его и многие другие подобные, рассматриваемые, – помимо личных чувств по отношению Начальника к подчинённому, а с прямой официальной стороны, ясно свидетельствовали о достоинствах и заслугах по преимуществу Ректора *Филарета* по управлению Семинарией.

После всех этих данных становится почти совершенно непонятным: как же это так, – что Преосв. *Августин* давал официально похвальные отзывы о Ректоре *Филарете*, а с тем вместе сам лично преследовал его и

доносил о нём с худой стороны высшему начальству, Митрополиту Санкт-Петербургскому? Ответом на это, с одной стороны, и кажется более всего, служит то, что известно уже о свойстве личного характера Преосв. *Августина* и о его отношениях к известным лицам, коим он желал угодить преследованием *Филарета*. Поступать же так, как только ему хотелось, он мог совершенно свободно по силе всецелой зависимости тогдашних ректоров Семинарий от местных архиереев и даже от Консистории. К тому же тогдашние официальные распоряжения архиереев по делам Семинарии, равно как и все аттестации о служащих у него лицах не восходили определённым административным путём к высшему начальству и не были поверяемы какими-либо ревизиями. Следовательно, писавши одно на официальных бумагах Семинарского Правления, *Августин* мог лично от себя поступать совершенно иначе и доносить так же по своим видам и соображениям. Сказать ли, что это явная несправедливость и обида; но сам Преосвящ. *Августин*, как уже известно, признавался, что он действительно обижал даже *Филарета* несправедливо... С другой стороны из приведённых же за последующее время жизни, отзывов преосвященного *Августина* прямо видно, что он свидетельствовал о *Филарете* как о человеке, собственно по службе достойно-ретивом и толковом, а относительно жизни наоборот так, что за последнюю, как *дурную*, должен был прогнать его от себя из *Уфы*. Потому-то и в донесениях своих Митрополиту Санкт-Петербургскому и *Августин*, всего вероятнее, и мог чернить *Филарета* именно за его поведение, хотя бы последнее было истинно безукоризненное, но могло казаться на крайне оригинальный, даже как бы юродивый взгляд и нрав *Августина* совершенно инаковым... Наконец, были само собою, недостатки в образе действий и самого *Филарета*, – в чём он и сам, как мы уже видели, сколько смиренно, столько и откровенно признавался, говоря при этом, что именно *Августин*-то и был для него истинным благодетелем-наставником, который раскрыл ему эти его недостатки, которых он сам не мог бы видеть и потому освободиться от них. Наконец то обстоятельство, о котором с особенной скорбью в душе писал *Филарет* в письме к Турчанинову, т. е. что от воздвигнутой *Августин*ом бури гонений вместе с ним (*Филарет*ом) должны были пить чашу неповинных страданий несколько отцов семейств, – это обстоятельство даёт разуметь, что самые сопричастники страданий могли вызывать и независимо от *Филарета*, недовольство и преследования *Августина* против самих себя, и нераздельно и против *Филарета*. У одного из доставителей сведений сказано: за что Преосв. *Августин* преследовал Ректора *Филарета*, Бог весть, – разве за то, что все

любили, почитали и хвалили последнего более, чем первого; причём *Филарету* было дано и открыто произносилось наименование «*милостивого*", а *Августин*у "*сурового*», ничем и ни кем *неумолимого*[127]. Понятно, что подобные выражения любви и почитания, и особенно превосходившие, как случается, меру и не всегда уместные, могли, что называется, задевать за живое, кого угодно на месте Начальника в отношении к подчинённому. *Августина* же тем более. Недаром же он и сам, как бы по выражению «невестке в отместку» рекомендовал перед другими, даже знатными, *Филарета* очень неодобрительно, титулуя его «*хитрой лукавой жучкой*".

Впрочем, чем труднее дойти здесь до каких-либо и определённых объяснений по одним лишь человеческим соображениям, тем яснее становится та истина, что в подобных путях и действиях человеческих, не нарушая их свободного течения, совершаются тайные судьбы и пути Промысла Божия. По отношению к лицу и жизни в Бозе почившего *Филарета* это не подлежит сомнению; здесь было для него истинное горнило внутреннего испытания и очищения, а в меру сего последнего готовилось для него и изменение в самой судьбе его и притом в такую пору, когда он и сам почитал себя потерявшим всё: и честь, и службу и пр., и когда Преосв. *Августин* едва ли чаял или вернее едва ли желал ему чего-либо доброго, равно как и Митрополит *Амвросий,* только как бы нехотя, согласился перевести его в иное место, считая его настолько неблагонадёжным, что не предполагали на новом месте его исправления, – почему и предписано было тогда же новому его начальнику – Тобольскому Архиепископу *Амвросию* доносить о его службе и поведении после каждых трёх месяцев.

Но если таковы были пути Божественного Промысла в судьбах преследованного *Филарета*, то что же помышлять об *Августин*е в этом отношении и значении? Если сам *Филарет* во всю жизнь свою почитал *Августина* своим благодетелем, и считал себя обязанным, по его собственному выражению, преклоняться перед ним, так как без его уроков и наставлений он быть может и не был бы тем, кем стал, быть – Митрополитом, – одним словом признавал и исповедовал перед другими в лице и действиях *Августина* явное орудие Того же Божественного Промысла, то вместо каких-либо человеческих чувств и взглядов, невольно как бы слагающихся в смысле укоризны Святителю, остаётся всего справедливее разделить чувства и признание самого же *Филарета*. При этом самые даже сведения, приведённые нами от лица современников-свидетелей, о личном характере и образе действий Преосв. *Августина*

могут быть настолько справедливы, на сколько естественно было судить об них под живыми впечатлениями, так как и сам *Филарет* не прочь был в своё время изливать всю свою душевную скорбь и горечь, когда изображал в известном письме своё самое тягостнейшее состояние – *яко не надеятися и живу ему быти*... К тому же самые сведения, здесь разумеемые, относились, как говорится, к одной лишь стороне медали. И в биографическом очерке «Преосвященный *Августин*», (прежде нами цитированном), и в живых сказаниях, доходивших до нас лично от многих, хорошо помнивших время епископства Преосв. *Августина* в *Уфе* в течение целых 12 лет, действительно есть об нём сведения и совсем другого рода, – именно, как о лице высокой духовной жизни. Самое как бы юродство его могло казаться заслуживающим неодобрения, быть может, только по близорукости смотревших на него. Сохранились несомненнейшие сказания о Преосв. *Августин*е, даже такие, что он обладал духовно-благодатным даром *прозорливости* и сподоблялся многих видений и откровений, как оказалось это фактически при его кончине, – о чём увидим в своём месте. Факт же особенно памятный, как бывший известным всем современникам жителям *Уфы*, сохранился следующий: «Когда в *Уфу*, в течение всего *двенадцатого* года по самой отдалённости, менее всего конечно, могли доходить какие-либо сведения и слухи о военных действиях, вступившего уже в пределы России, Наполеона, тогда истинно изумлял всех Преосв. *Августин*, когда в частных искренних беседах рассуждал он о тогдашних событиях, как будто получавший какие депеши с театра военных действий... Когда же всего менее можно было даже гадать об известном исходе войны, все жители города *Уфы* были буквально поражены, услышав вдруг благовест в большой колокол в Соборе... Все смутились, засуетились, не зная совершенно, – что значит такой праздничный звон... Поспешили в Собор, видят, что приехал Архиерей, собралось всё духовенство... После облачения Преосв. *Августин* выходит на амвон, сначала он положил три земных поклона перед царскими вратами, затем, вдруг обратившись к народу, начал каким-то необыкновенным истинно вдохновенным голосом говорить: «Итак враг – супостат *ныне изгоняется вон* из твердынь и стогнов нашей первостольной столицы Православной Москвы! Вознесём убо молитвы и моления и благодарения Господу Сил и побед! и проч.». И что же, сказывал нам бывший очевидец этого события, – сказать по правде, некоторые усумнились и заподозрили было Преосв. *Августина*… и в чём именно?! в том, – не рехнулся ли де ваш Владыка в уме… а другие – власть имеющие и озадаченные этой необычайностью события и притом опасавшиеся

каких-то последствий за видимую неосновательность такой прокламации Архиерея, хотели было писать экстренный донос на него... и, кажется, даже писали ... Но вот, недели через три, всё это оправдалось точь в точь: – в тот же день именно – 12 Октября, в который Преосв. *Августин* совершил торжественное благодарное молебствие, действительно Наполеон выступил со своими полчищами из Москвы. С этой поры в особенности имя Преосв. *Августина* стало почитаться почти всеми, как великого Святителя, и любовь к нему была неизменна до самого увольнения его из *Уфы*, которое он сам себе испросил, чтобы удалиться на покой в один из бедных монастырей на своей родине – в *Ростове*. Очевиднейшим же для всех доказательством таких чувств и отношений Оренбургской паствы к Преосв. *Августин*у был портрет его, который можно было видеть во многих домах даже в 40–50 годах. Портрет этот, вышиной в 7 вершков, и шириной в 5 вершков, сделан пунктиром и очень хорошей рукой. Под портретом печатная (курсивная) – надпись следующая: «*Августин*. Епископ Оренбургский и Уфимский, родился в 1768 г. в Ярославской губернии в городе *Ростове*; хиротонисан в Епископа в 1806 г. Июня 18 дня. В двух же нижних строках написано: «Из признательности и любви иждивением дворянства, купечества Оренбургской губернии 1818 г.»[128]. В этих же чувствах и иждивением тех же сословий ко времени проводов Преосв. *Августина*, – как сообщил нам за достоверное бывший при нём священник-келейник (ездивший на козлах с кофейным чайником) *И.П. Попов*, – сделано было полное архиерейское облачение и митра для него, так как он ехал в бедный монастырь, где тем более не могло быть архиерейских облачений, а сам Преосв. *Августин* тоже не имел своих собственных. Это приношение было сделано даже с тем, чтобы Преосв. *Августин* возлёг в нём и во гроб. Но оказалось, что по завещанию в Бозе почившего, облачение и митра были возвращены в Уфимский кафедральный Собор[129].

Зная всё это лично в *Уфе* в своё время и бывши в 1866 г. (1–4 Сентября) в *Ростове* и в Варницком монастыре для собирания биографических материалов о Высокопр. *Филарете*, я полюбопытствовал спросить о том, в каком же облачении погребён Преосв. *Августин*? Бывший при нём келейный (в описываемую же пору уже Иеромонах *К.*) сообщил мне, что покойный Преосвященный приготовил себе на сей счёт особое погребальное облачение – саккос, омофор и пр. из самой грубой шерстяно-власяной, (так называемой манатейной) чёрной материи и вместо гаса употребил и на каймы и на кресты простой нитяный нешироκий белый шнурок. Вместе же с положением себя в гроб он строго-

настрого приказал положить туда *двенадцать* небольших икон разных, сделанных им по нарочитому заказу по случаю разных бывших ему видений и откровений в жизни. «Иконы эти были тех Святых, во дни которых были видения и откровения». Я спросил рассказчика – о. *К.* был ли он тут в самую ту пору, когда приезжал в 1842 г. в Мае, в *Ростов* бывший Митрополит Киевский *Филарет,* и посещал могилу покойного *Августина*, и не припомнит ли он чего-либо особенного, бывшего при этом посещении? – «Да, отвечал с каким-то умилением о. *К.*, я именно был тут, как вот теперь с вами нахожусь, – и вовек не забуду этого случая. Владыка-то Митрополит всех нас просто поразил своим беспримерным смирением и благоговением перед нашим бывшим Владыкой *Августином*, которого, сказать по правде, немногие и из здешних хорошо понимали. При этом о. *К.* передал мне прежде всего то, как Высокопр. *Филарет,* стоял на коленях и просто почти обливался слезами во всё время панихиды и что говорил... – о чём уже сказано было вам и прежде. После совершённой мною панихиды над могилой Преосв. *Августина* (погребённого в Церкви), добродушный *К.* сам разохотился передать мне всё, ему известное из обстоятельств посещения Митрополита *Филарета*, – узнав от меня, что я собираю материалы для биографии последнего.

«Вот, – говорил о. *К.* по выходе из Церкви на паперть, – обитель-то наша повинна перед Владыкой Митрополитом, что не сохранила его завета, лично им высказанного тогда вслух перед всеми…». Какого же именно? спросил я, заинтересовавшись сведением. «Да вот видите вы в этом садике беседку... но это вовсе не беседка, а было крыльцо у того домика, в котором жительствовал Преосв. *Августин*. Оно-то только теперь и осталось, а домик продан на слом. Между тем Киевский Митрополит *Филарет,* побывав в существовавшем тогда домике и много-много побеседовав, и расспрашивая о житье-бытье Преосв. *Августина*, наказал строго, чтобы это жилище, или как он назвал тогда, это *гнёздышко благодатного соловья*[130] было непременно поддерживаемо в целости, причём прямо сказал, что он на это жертвует свои деньги, которые действительно тут же и дал, да и после присылал. Но домик-то не поддерживался, и пришлось сломать». А передавали ли вы, – спросил я о. *К.*, – Владыке Киевскому то, что и мне теперь относительно погребального облачения и об иконах, положенных в гроб вместе с покойным *Августин*ом? – «Ах, да, как же! И мне это особенно памятно... как теперь смотрю на бывшего Митрополита, когда он выслушивал мой рассказ... Он при этом как будто забылся, или как бы унёсся куда-то и духом и телом... И вдруг очнувшись, перекрестился на все почти стороны и промолвил: да!

несть сие место, но дом Божий!"… Ведь недаром же, – говорил он далее, – и сия самая обитель основана на том именно месте, где св. Преподобный *Сергий Радонежский*, бывши ещё малым отроком, сподобился видения в лице старца[131]. Значит дух благодатных общений с небожителями здесь и доднесь пребывает для достойных сего... и тем паче сие *и сердцем веруется и устами исповедуется*, что св. угодник Божий *Сергий Радонежский* несомненно посещает духом и телом для *имеющих очи видети* место сие, как излюбленное от невинного ещё своего возраста. И вот ваш-то, жительствовавший в сей храмине, Святитель Божий несомненно имел сии *очи видети*... Недаром они всегда прежде, ещё на Святительской кафедре, тщился подражать Св. Угоднику *Сергию*, от юности возлюбившему нищету рубищную, не одевавшись никогда, вот по нашему грешному обычаю – в шёлк и бархат, а в простую крашенину; – да вот и самое-то погребальное облачение, как теперь известно, он уготовал себе такое же... О братие, братие! Истинно блаженны мы, что сподобляемся хотя *иметь уши слышати*, что я слышал здесь теперь; о когда бы и сердцем всем воспринять в себя слышанное в посильное достоподражание»[132].

И нам, при выслушивании столь смиренно-мудрёного рассуждения в Бозе почившего Святителя, что иное остаётся, как *сложить в сердце* то неложное окончательное убеждение, что действительно как бы ни представлялись по человеческим взглядам и соображениям все бывшие неблагоприятные личные и служебные отношения Преосв. *Августина* к Архимандриту *Филарету* в дни оны, – но верна и *всякого приятия*, по выражению св. Апостола, *достойна* та истина, что под видимыми житейскими обстоятельствами, действиями и путями людей, не нарушая образа их проявления, совершаются в жизни избранников именно те судьбы, о коих начертано было *Филарету*: "*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета в руках Божиих*«, хотя оправдание этих судеб было ещё в будущем неопределённом... Из *Уфы Филарет* должен был отправиться ещё в дальнейшую область Сибирскую – в *Тобольск.*

Перемещение это совершилось по распоряжению Св. Синода[133], и вследствие именно того, что Преосвящ. *Августин*, (о чём были уже сделаны нами предуказания), кроме личных и официальных преследований *Филарета* на месте, делал, особенно в течение последних полутора годов, столь учащательные донесения Св. Синоду с приложением разных следственных дел обвинительных против *Филарета*, что сам Св. Синод поставил ему это, как увидим в своём месте, на замечание в таких именно словах: «таковыми делами, кои более всего зависят от

архипастырского рассмотрения, Ваше Преосвященство затрудняет и отвлекает самый Св. Синод от важнейших его занятий... да и вообще Св. Синод находит Вас в образе управления вверенной Вам епархией тягостным и пр. ...»[134]. Какие же были предметы и действия, по которым назначал Преосв. *Августин* следственные производства, и по последним находил Архимандрита *Филарета* подлежащим даже суду самого Святейшего Синода, – это увидят читатели в подлинных документах, изложенных в следующей главе. В этих же документах, ясно увидится и то, насколько придирчивы и прямо притеснительны были вообще официальные действия Преосв. *Августина* и самой Консистории по отношению к Архимандриту *Филарету* по управлению его как монастырём, так и Семинарией.

Глава VI. Изложение судных дел по службе Филарета Настоятельской и Ректорской, возникавших по личным преследованиям Преосв. Августина. Перемещение Филарета в Тобольск, как человека крайне нехорошего

«Оренбургская Духовная Консистория напрасно и незаконно завлекает меня в суд за такое дело, которое и Богу угодно и с должностью монастырского Настоятеля сообразно»[135].

«Св. Синод по сим и другим делам усматривает, что Ваше Преосвященство резолюциями своими останавливаете законные действия дел по таким предметам, кои по своему существу никакой важности не составляют, к непомерному Консистории и подсудного Вам духовенства отягощению, да и самый Св. Синод таковыми делами затрудняете и отвлекаете от важнейших его занятий и проч.»[136]

Документальные данные, которые имеют быть представлены в настоящей главе, извлечены нами во-первых, из подлинных дел, сохранившихся в архиве Консистории, бывшей тогда Оренбургской – нынешней Уфимской[137], и во-вторых, из таких же дел в Архиве Святейшего Синода[138].

В ряду излагаемых дел на первом месте, и по порядку времени по видимой важности, мы встретили в документах консисторских дело о подсудности архимандрита *Филарета*, как Настоятеля монастыря, по возводимым на него обвинениям в сборных деньгах на устройство церкви, – и будто бы израсходованных им самопроизвольно и безотчётно. Дело это помечено так: «началось 1806 г. Марта 23, кончилось 6 Сентября 1810 г.; всё дело на 106 листах». Следовательно, это дело тянулось, как раз от самого первого времени прибытия Преосв. *Августина* на епархию и до перемещения Архимандрита *Филарета* из *Уфы* в *Тобольск*. Оно доходило не раз и до Св. Синода. Изложим процедуру его, хотя в возможно сокращённом извлечении.

На предмет устройства церкви в монастыре была выдана сборная книга ещё на имя предместника Архимандрита *Филарета* – бывшего Настоятеля *Лаврентия*. По этой книге продолжались сборы и при арх. *Филарете* как им самим лично, так и через посредство других, – на что право было означено в самом заглавии на сборной книге. Эту-то книгу Архимандрит *Филарет* и передал однажды (в 1805 г.) Бузулукскому Протоиерею *Усовичу*, бывшему в то же время и Префектом Семинарии,

для сбора подаяний в Бузулукском уезде[139] и смежном с ним Оренбургском. Протоиерей *Усович* попросил от себя других духовных благочинных и священников посодействовать сбору подаяний. Один из священников (Сорочинской крепости Оренбургского уезда) *Егор Гаврилов* завёл, по особенному усердию сам от себя, тетрадь для вписывания собираемых денег, и передавал её и другим соседним сельским священникам, а собиравшиеся деньги отсылал или прямо в монастырь, или в Оренбургское духовное Правление, которое представляло эти деньги в Консисторию, что и продолжалось долгое время.

Но вот Преосв. *Августин*, рассматривая ведомости о делах Оренбургского духовного Правления, увидел дело и о производившемся сборе денег по тетради... и дал (12 Мая) Консистории такое предписание: «Взять от Настоятеля Уфимского Успенского монастыря – *Филарета* письменное объяснение в том: по собственному ли его желанию и с чьего дозволения, кому и в какое время дана была тетрадь для собирания денежной суммы от доброхотных дателей на построение церкви в Уфимском монастыре, – и представить оное объяснение при журнале»[140].

Приглашённый в присутствии Консистории для выслушивания предписания Преосв. *Августина* и для дачи объяснения Архимандрит *Филарет* написал: «сим почтеннейше объясняюсь, что тетрадь для собирания денежной суммы от доброхотных дателей на построение церкви Уфимского монастыря с чьего дозволения, кем и кому именно и в какое время была дана, мне не известно».

На журнале Консистории по этому объяснению Преосв. написал резолюцию: «Дополнить объяснениями протоиереев *Иоанна Усовича* и *Михаила Немкова*, члена Оренбургского духовного[141] Правления. Оба эти протоиереи объяснили то же, что и *Филарет*, т. е. что им относительно тетради ничего не известно. Отсюда-то и пошло дальнейшее расследование, продолжавшееся несколько лет и сведённое к тому, что вся вина падала на Архимандрита *Филарета* в том, что он передавал самовольно сборную книгу Протоиерею *Усовичу*.

1 Сентября 1809 года Архимандриту *Филарету* была послана повестка такого содержания: «Имеете вы сего Сентября второго числа для некоторой надобности явиться в Оренбургскую духовную Консисторию, о чём к выполнению сего на обороте сей повестки подписавшись, прислать оную обратно в Консисторию. Оказалось, что эта некоторая надобность и состояла в выслушивании экстракта из следственного дела.

По выслушивании в самом присутствии Консистории этого экстракта, изложенного на 7½ листах, подсудимый Архимандрит *Филарет* в

сделанной им по страницам подписи написал следующее:

«1809 года Сентября 2 дня сей экстракт в присутствии Оренбургской духовной Консистории я – Архимандрит *Филарет*, читал и в нём нахожу, что вины в даче мной Бузулукскому Протоиерею *Иоанну Усовичу* сборной книги на устроение Уфимского Успенского монастыря никакой нет. Ибо

1. оная книга не фальшивая, а данная из Оренбургской духовной Консистории.

2. дана была мной книга для вписывания вкладов на Уфимский Успенский монастырь ни с каким худым умыслом, а единственно потому, что считал я и считаю обязанностью моей находить все законные способы для устроения оного монастыря, яко вновь заведённого и созидаемого усердием доброхотных дателей, к тому же самое право на передачу этой книги другим доверенным лицам означено в надписи консисторской на самой же книге.

3. собранные от доброхотных дателей деньги употреблены, действительно, на устроение означенного монастыря. А потому и выписанные к сему делу узаконения к поступку моему не относятся. И Оренбургская духовная Консистория напрасно завлекает меня в суд за такое дело, которое и Богу угодно и с должностью монастырского настоятеля сообразно. Того ради всепокорнейше прошу Оренбургскую духовную Консисторию освободить меня от сего дела».

Из самого дела оказывается, что архимандритом *Филарет*ом собрано денег на построение церкви 6.506 руб. 21 коп. ассигнациями. Что же касается до выписанных к делу узаконений, которые признавал Архимандрит *Филарет* к его поступку не относящимися, – то действительно они были таковы. Узаконения эти приведены и из Соборных правил и из генерального Регламента, и даже из воинских артикулов и указов, начиная с 1714 г.[142] и с явной натяжкой по отношению к делу; а с тем вместе эти узаконения угрожали подсудимому страшными наказаниями даже до ссылки на галеры... с отнятием имения и лишением чина... На основании этих-то узаконений, очевидно, и было конфисковано имущество арх. *Филарета*, так что он остался даже без сапог, как уже известно читателям.

После сделанного в рукоприкладстве архимандрита *Филарета* протеста, – дело это почему-то затянулось. Через долгое уже время Архимандрит *Филарет* вошёл в Консисторию с новым прошением, чтобы благоволено было решить это дело, – и какое по оному Консистория учинит постановление, в том, – писал он, – полагаюсь совершенно на милость и суд Оренбургского Епархиального начальства[143]. Прямого

отдельного постановления по этому делу, однако не последовало; а между тем, в сделанном впоследствии (уже в 1810 г.) донесении Св. Синоду, оно было включено в число прочих обвинительных пунктов.

Между тем, во всё время продолжавшегося сказанного дела, Преосв. *Августин* не упускал никакого случая, чтобы находить в управлении *Филарета* монастырём какие бы то ни было неисправности, и через это представить и признать его неумелым и неспособным распоряжаться по части экономических и хозяйственных предметов и действий.

В этом отношении мы встретили подлинные, проходившие всегда через журналы Консистории, такие распоряжения, в которых самым нагляднейшим образом открывается и вся преследовательность и с тем вместе скрупулёзность возможно придирчивых действий Преосв. *Августина*, – хотя и выходивших, как всюду видно, из ревности его об исправности подчинённых и об интересах служебных, равно как и экономических.

Для образчика мы выписали из архивных документов два-три дела подобного рода. В деле (на восьми листах)[144] читаем следующее: «По предложению Его Преосвященства учинена в Оренбургской духовной Консистории сия образцовая инструкция, по каковой должно действовать Настоятелю монастыря неотменно и без малейшего опущения. Всех пунктов в этой инструкции 12, но мы для краткости выпишем только следующие:

Пункт VI – «Конюхи должны каждый день лошадей чистить, экипажи и конюшенные[145] все приборы содержать в порядке и опрятности; – лошадей кормить чаще, но только понемногу, поить их три раза в сутки, но умеренно; самую же конюшню от сора ежедневно месть (выметать), непременно, выводя в это время лошадей из конюшни, а затем и самых лошадей выводя же чистить, дабы волосы их в сено не попали, от чего бывает вред и кашель».

Пункт VIII – «В летнее время сено косить ранее, дабы сок и влажность из травы высохнуть не могли, и трава имела бы в себе потребную для животных вкусность и питательность; производить же оную сенокосную работу всячески поспешным образом, а именно, в шесть дней, а по крайней мере в десять дней; носить с вечера, а ежели ночь светлая, то всю ночь и утро, пока роса есть, а в самое жаркое время отнюдь не косить и прочих работ не делать. Ибо как людям, так и животным сие весьма вредно, а именно от десятого часа пополуночи до четвёртого пополудни, то есть в самое жаркое время иметь всем свободу; смотреть же, дабы во время самой работы ни малой лености происходить не могло.

Для самого же сенокошения до́лжно приготовить заблаговременно косы, брусья (точильные), вилы, грабли и прочее, дабы ни в чём не было никакой остановки».

Далее в одном ещё пункте говорится о погребах и ледниках, – как первые содержать, очищать и хранить в них положенные припасы, – а касательно ледников предписывается, – когда и как набивать их льдом; – колоть, напр. лёд неотменно в конце Января или не позже первых чисел Февраля, дабы и самая возка льда была удобна, т. е. пока дорога снеговая не стала делаться рыхлой; складывать лёд немедля, чтобы не таял и набивать всячески плотно...

Наконец приведём ещё в доказательство придирчивости со стороны Консистории, а более всего самого Преосв. *Августина*, следующее дело[146]: «В рапорте своём от 8 Февраля 1809 г. Архимандрит *Филарет* доносил Консистории, с приложением к делу подлинного рапорта ему от казначея со старшей братией, что в Декабре минувшего 1808 г. пала буланая лошадь, состоящая по описи вторая», – и просил Консисторию об исключении сей павшей лошади из описи монастырской, о чём и снабдить его с братией Указом». Консистория, в журнале от 15 Января, постановила: «об исключении из описи павшей лошади послать архимандриту *Филарету* с братией Указ; от чего же оная лошадь пала – от старости ли, или от болезни, или от чего иного прилучившегося, – предписать ему Архимандриту, отрапортовать в Консисторию особо. Журнал сей внести в копии к Его Преосвященству на благоусмотрение». Но замечательно, что в первоначальной копии, представленной Преосвященному, слов: «от чего же оная лошадь пала и пр.» не было, а вставлены эти слова совсем другой рукой, и чернилами, совершенно отличными от написанной консисторской копии, но за то *совершенно сходными* с теми, какими написана на ней резолюция Преосвященного.

К числу подобных же придирчивостей и прямых стеснительностей до́лжно отнести и то указное распоряжение, что в случае малейшей болезни, по которой Архимандрит *Филарет* не мог явиться на службу в Консисторию или в Семинарию, он должен был всегда в *самый же день заболевания* представлять рапорты и в Консисторию и в Семинарское Правление», которое обязано было тотчас же рапортовать в Консисторию, – а последняя обыкновенно составляла журнал с таким определением: «Внести оригиналом к Его Преосвященству, – который давал резолюции: «Принять в известие, сдать в повытье»; Семинарскому же правлению или Префекту предписывал доносить, сколько уроков опущено Ректором по случаю болезни, – и могут ли и когда эти уроки быть им восполнены и во

всей ли исправности?» Вследствие этого Ректор *Филарет* обязан был представлять после каждой болезни Преосвященному рапорты с подробным изложением, – в какое время и в чём именно он мог успевать восполнять все уроки[147]. Вообще же на Ректоре лежали самые широкие и труднейшие обязанности в отношении к учебному делу. Так, по личному предписанию Преосв. *Августина,* с первого же года его служения (с 1 Сентября 1806 г.) Ректор обязан был во всех классах вести собственноручную подробную дневную запись классных занятий учеников, а учеников бывало обыкновенно в каждом классе не менее 70, и по окончании каждой недели представлять ему, Преосвященному, при рапорте для надлежащего засвидетельствования, а сверх сего, по прошествии каждого дня в шесть часов пополудни в учебные дни доносить Преосвященному об исправности занятий всех учителей. По окончании же каждого месяца делать для всех классов (восьми) генеральный список учеников и при нём генеральную нотату, в которой отмечать против имени каждого ученика успехи в каждом на память выученном и наизусть прочитанном классическом уроке и в каждом письменном упражнении, в чём бы оно ни состояло, по всем преподаваемым во всех классах учебным предметам в надлежащем виде отмечать и за подписями всех учителей, каждого по своему классу и предмету и за свидетельством Семинарского Правления ему – Преосвященному представлять[148].

При такой, справедливо сказать, почти невозможной к выполнению многосложности занятий по должности ректорской, и при совместной к тому же должности Члена Консистории и Настоятеля монастыря, и при нередких случаях заболевания, а наконец, при тех разнообразных притязаниях, какие мы уже видели и ещё увидим, – архимандрит *Филарет* вынудился просить себе увольнения от всех должностей[149]. Прошение об увольнении было подано им Преосв. *Августин*у 28 Февраля 1808 г. – Изложив в просьбе с начала вкратце всю свою прежнюю службу, Архимандрит *Филарет* писал: «Но как ныне по расстроенному моему здоровью и по причине истощённых телесных моих сил в течение десятилетней моей службы, к исправлению возложенных на меня должностей нахожу себя неспособным, – того ради, Ваше Преосвященство, всепокорнейше прошу от должности присутствующего в Консистории меня уволить, – а об увольнении меня от должностей Настоятеля монастыря и Семинарии Ректора и Богословии учителя, а равно и об определении меня, куда благоугодно будет Главному Начальству для поправления расстроенного моего здоровья, представить Св. Правительствующему Синоду на милостивейшее благоусмотрение».

Прошение было того же 28 Февраля сдано Преосвященным в Консисторию с резолюцией: «Рассмотрев, удовлетворить прошению на законном основании». Консистория по выписке разнообразных узаконений постановила: «отнестись во Врачебную Управу, дабы благоволила Архимандрита *Филарета* в существующей в нём болезни, через кого следует, освидетельствовать и по учинении оного свидетельствования уведомить Консисторию[150]. По освидетельствовании состояния здоровья Архимандрита *Филарета* через Штаб-лекаря *Граденкова*, Врачебная Управа сообщила Консистории, – что «Архимандрит *Филарет*, действительно, оказался одержим от прежде бывшей лихорадки, внутренней в правом боку затверделостью и частыми спазмами в груди, равно же расслаблением всего тела». На журнале Консистории по сему предмету Преосв. *Августин* дал резолюцию (14 Апреля): «Отобрав от Ректора Архимандрита *Филарета* показание, – на каком основании желает он быть уволенным от занимаемых им должностей, изготовить доношение Св. Синоду при журнале Консистории». Архимандрит *Филарет* в показании своём в самом присутствии Консистории написал: «Сим почтительнейше объясняюсь: ежели благоугодно будет Святейшему Правительствующему Синоду, милостивейше воззрев на мою десятилетнюю беспорочную службу, переместить меня из Оренбургской в какую-либо иную епархию к одной настоятельской должности, то я надеюсь, по не старым моим летам, освободившись помощью Божиею от болезней моих, принять и другие послушания, какие благоугодно будет Начальству возложить на меня». Показание это было дано 2 Мая, но дело почему-то не двигалось до 23 Октября. В это число было объявлено Архимандриту *Филарету* об увольнении его от присутствования в Консистории, – в чём и отобрана была от него подписка. Что же касалось до увольнения Архимандрита *Филарета* от должностей ректорской и учительской в Семинарии, то Преосв. *Августин* в представлении своём Св. Синоду об этом увольнении прописал, что «он – Архимандрит *Филарет*, если и желает быть уволен от должностей, то не может быть перемещён в иную епархию, так как вместе с другими лицами, служащими в Консистории, находится под следствием и имеет подлежать денежному взысканию, – на что он – Преосв. и просил Св. Синод дать ему особый Указ, – как поступить ему в случае увольнения Архимандрита *Филарета*"[151].

Знал ли, или не знал об этом содержании представления Архимандрит *Филарет*, из дела не видно. Во всяком случае, видя замедлительность в удовлетворении его прошения, он подал 24 Февраля 1809 года (следующее,

после первого прошения ровно через год) вторичное прошение преосвященному *Августин*у на Высочайшее Имя такого содержания[152]:

«Поданным мной 28 Февраля прошлого 1808 г. на имя Преосвященного *Августина*, Епископа Оренбургского и Уфимского, прошением просил я о увольнении меня, по причине расстроенного моего здоровья, от всех должностей в Оренбургской Епархии, мной занимаемых, и о перемещении меня в другую Епархию к настоятельской в каком-либо монастыре должности: по каковому прошению 23 Октября 1808 г. от должности присутствующего в Оренбургской Консистории я уволен. Но поелику я по болезням моим, к исправлению должностей в Оренбургской Семинарии Ректора, Богословия учителя и монастырского Настоятеля нахожу себя неспособным, – того ради всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было меня от вышеозначенных должностей уволить, а для содержания моего и излечения болезней моих даровать мне половинную из настоятельского жалованья пенсию, позволив иметь лишь пребывание в Уфимском Успенском монастыре».

«Вследствие этого прошения, Преосв. *Августин* вошёл вторичным представлением в Св. Синод от 3 Марта № 604, но с прописанием почти слово в слово прежнего своего представления. Но как из Св. Синода не последовало почему-то никакого распоряжения, то от 28 Июля 1810 года ещё представлено было Преосв. *Августин*ом Св. Синоду, с прописанием новых дел, о совершенном удалении Архимандрита *Филарета* из Оренбургской в другую епархию для прекращения наносимых от него беспокойств Оренбургскому Епархиальному Начальству и о назначении вместо его такого Настоятеля, который бы был совершенно опытен в устроении монастыря и в управлении монашествующей братией, и который бы в Оренбургской Семинарии мог с успехом проходить должность учителя Богословия и должность Ректора, а равно и должность присутствующего в Оренбургской Консистории». Наконец это же самое представление было ещё повторено в Октябре 1810 г. (за № 1025)[153]. Одним словом – все дела и представления, касавшиеся Архимандрита *Филарета*, были направляемы Преосв. *Августин*ом к тому, чтобы он – «*Филарет* был уволен *не по прошению*, но как человек неспособный, неисправный и не надёжный ни к какой службе, и притом, чтобы он, – как выражено буквально в представлении Преосв. *Августина* Св. Синоду – был оставлен на настоящем местожительстве в полной зависимости Преосв. *Августина* для возложения на него монастырских послушаний».

Св. Синод, в силу таких учащательных доношений Преосв. *Августина*,

признал наконец необходимым переместить Архимандрита в *Тобольск*, в Знаменский монастырь; но с тем вместе с особенной строгостью рассмотрев и обсудив самые доношения Преосв. *Августина* по всем делам, в которых он – *Августин* подвергал Архимандрита *Филарета* суду и обвинению, в результате по всем пунктам находил последнего не подлежащим обвинению, а напротив нашёл действия самого Преосвященного по управлению вообще и самые доношения его неодобрительными по их содержанию и определил поставить это на замечание Преосв. *Августину*[154].

Содержание сейчас сказанного определения мы увидим в конце настоящего изложения. Теперь же для полного и точного ознакомления с содержанием других дел, представленных в Св. Синод Преосв. *Августином* в прямое обвинение Архимандрита *Филарета* по его служебным должностям собственно в Семинарии, мы представим краткую выписку ещё из двух Указов Св. Синода[155].

Содержание *первого* из указываемых Указов следующее: «Святейший Синод слушали доношение Вашего Преосвященства с мнением об удалении Уфимского Успенского монастыря Настоятеля, Оренбургской Семинарии Ректора и Богословия учителя Архимандрита *Филарета* от занимаемых им ныне должностей и *об оставлении его в полной зависимости Вашего Преосвященства для возложения на него монастырских послушаний*[156], якобы виновным оказавшегося:

во-первых, в причинении бывшим в Семинарии ученикам *Ильину* и *Яковлеву* и другим сотоварищам их жестокостей;

во-вторых, в беспорядках и упущениях при сдаче семинарской библиотеки;

в-третьих, в неисполнении должности ректорской и учительской, не хождением в Семинарию с 1 по 18 Сентября 1809 г.[157].

По выслушании, *приказали*: «Соображая обстоятельства в представленных выписках и доношении Вашего Преосвященства по каждому делу описанные, Синод находит по *первому* делу о причинённых семинаристам *Ильину* и *Яковлеву* жестокостях, что они наказаны и исключены из Семинарии были ещё в Марте месяце 1806 г. по резолюции Преосвященного *Амвросия*, бывшего Епископа Оренбургского, (что ныне Архиепископ Тобольский), по докладу Семинарского правления за худое их поведение и буйные поступки, оказанные с прочими сотоварищами их, из коих по показанию Архимандрита *Филарета* отдан один в военную службу. После такового разъяснения дела следовало ожидать и забвения сих происшествий. Но вместо того, по происшествии трёх лет, именно

Августа 11 дня 1809 г. Консистория, неизвестно с чего, учинив постановление, отбирала от Ректора Архимандрита *Филарета* и бывшего Префекта Бузулукского Протоиерея *Усовича* новые объяснения об оных учениках, не имея уже ни от кого из них о сём жалоб, в явную противность Высочайших о губерниях учреждений 130 ст. и именному 1714 г. Марта 17 дня Высочайшему Указу, из коих первой статьёю «Палатам собственных своих решений перевершать запрещено», а вторым – «в дела, глас о себе имеющие, и фискалам вступаться не позволено». Сверх того, когда в рукоприкладстве под выпиской Архимандрит *Филарет* и Префект Протоиерей *Усович* просили о дополнении в эту выписку

во-первых, предоставления Семинарского Правления к Преосвященному *Амвросию* об исключении учеников *Ильина* и *Яковлева* с товарищами из Семинарии;

во-вторых, журналов Семинарского Правления по рапортам их и прочих учителей о тех учениках;

в-третьих, справки об *Ильине* и *Яковлеве*, когда к каким должностям они определены и где находятся;

в-четвёртых, имеются ли от них поданные на кого прошения о какой-либо обиде;

в-пятых, по каким законам, решённые об них в 1806 г. дела вновь производством начаты?

то Консисторией не только не учинено сего в явную противность многих узаконений, но ещё в доношении Вашего Преосвященства написано, что «все упомянутые в рукоприкладстве узаконения по содержанию своему нимало не принадлежат ни к существу дела, ни к оправданию подсудимых; а что уважено дело сие особым исследованием по прошествии трёх годов, то единственно по той причине, что Ректор и Префект нанесли ещё многим ученикам в Марте месяце сего 1809 г. опасность новых жестокостей и притеснений...» «Но, как видно из выписки, дело это ничем не доказано».

"По *второму* делу о допущении беспорядков Ректором и Префектом в сдаче библиотеки ясно оказывается, что, хотя всё исследование по нему продолжалось целые пять месяцев, но не иным чем кончилось, как тем, что по неоднократной уже просьбе Ректора Архимандрита семинарская библиотека, по учинённому в 11 день Июля того 1809 г. членами Семинарского Правления свидетельству, найдена вся в целости».

"По *третьему* делу о не хождении Ректора Архимандрита *Филарета* 1809 г. Сентября, с 1 по 18 число того же месяца в класс для преподавания богословских лекций оказалось по следствию, что после вакации учеников

Богословия, ходивших в класс было только двое, как сами сии ученики показали под присягою, для которых, яко малого количества, не дождавшись прочих учеников, и преподавать богословских лекций далее не настояло никакой надобности, кроме повторения самими ими прочитанных предметов; да ежели бы сие и необходимо было нужно, то и тогда Ваше Преосвященство, яко начальник вверенной Вам паствы, могли бы приватным образом внушить Ректору о продолжении лекций, нежели начинать о сём следствие. Ибо

во-первых, вовремя продолжения следствия, с 18 Сентября по 22 Декабря, и по причине требований от Ректора неоднократных ответов, без сомнения отнято более способов к преподаванию всем ученикам лекций, нежели упущено оных двум в 17 дней.

Во-вторых, допустить Консистории до спрашивания учеников Богословия *под присягою* о том только, всякий ли учебный день ходили они в класс, противно и Слову Божию и здравому рассудку.

И наконец, в-третьих, винить по сему делу Ректора и преждевременно *убавлять у него жалованья сто рублей* под предлогом малого числа в его классе учеников и не имения о Богословском классе в течение нескольких недель попечения, крайне предосудительно и есть сущее притеснение».

«Посему, по всем вышепрописанным делам, мнение Вашего Преосвященства, относительно виновности Архимандрита и Протоиерея, яко оказавшихся невинными, отставить. А как Св. Синод и по сим и другим делам усматривает, что Вы резолюциями своими останавливая законные действия дел, обязывали неоднократно Консисторию производить новые исследования по таким предметам, кои по существу своему никакой важности не составляли к непомерному её и подсудного Вам духовенства отягощению, и таковыми делами, кои более зависят от Архипастырского Вашего Преосвященства рассмотрения, затрудняете и отвлекаете самый Св. Синод от важнейших его занятий по лежащей на нём должности; да и вообще Св. Синод, находя Вас во образе управления вверенной Вам епархией тягостным, не может не обратить на всё сие внимание и для того *заметив оное Вам* подтвердить, чтобы впредь в правлении вверенной Вам паствы поступали Вы сообразно правилам Св. Апостол и Отец, клятвенному при посвящении Вас в сей сан обещанию, духовному регламенту и указам. И о том к Вашему Преосвященству для надлежащего исполнения послать сей Указ с тем, что как Архимандрит *Филарет* переведён уже в Тобольскую епархию, то для объявления ему решения Синода, сообщить в тамошнюю Консисторию из Оренбургской[158].

Но прежде чем последовало, изложенное в приведённом Указе, определение Св. Синода, о котором очевидно не знал, да быть может, отнюдь и не предполагал Преосв. *Августин*, – он успел в промежуток времени сделать ещё донесение Св. Синоду, с приложением подлинного журнала Оренбургской Консистории и учинённого по тому журналу определения об оказанных Ректором Оренбургской Семинарии Уфимского Успенского монастыря Архимандритом *Филарет*ом ему самому Преосвященному и Оренбургской Консистории личных оскорблениях – в таких якобы выражениях, (какие внесла в журнал свой Консистория), – что «Вы – Архиерей не есть начальник, и что изготовленные от Оренбургской Консистории и Вами утверждённые, вопросные пункты, предложенные ему, Архимандриту, не годятся». Но по долгому упорству, сопровождаемому разными, его Архимандрита, наглостями, согласился он наконец, дать письменное на те вопросные пункты показание. По этому делу Консистория мнение своё, утверждённое Преосвященным, положила такое: «поелику Архимандрит *Филарет* объявил в присутствии Консистории, что Архиерей ему не начальник, и отзывался в том же присутствии, что предложенные ему вопросные пункты не годятся, и притом оказывал разные наглости, состоящие в неправильных спорах и выражениях, оскорбительных для начальства, каковым поступком Архимандрита *Филарета*, по силе Высочайшего манифеста 1787 г. 21 Апреля, нанесена Его Преосвященству и Консистории тяжкая обида и поелику Архимандрит *Филарет* за означенный учинённый им поступок, по силе 17 ст. означенного манифеста, подлежит ответу, к требованию которого от него, *Филарета*, ни Преосвященный, ни Консистория, яко уже обиженные от него, по силе того же манифеста 1 ст. приступить не могут, то сие обстоятельство представить на высокое уважение Св. Синода с таковым донесением, что Преосвященный и Оренбургская Консистория, (следуя побуждению миролюбивых чувствований, по данному 21 ст. означенного манифеста дозволению, оставляют без иску нанесённую от него, Архимандрита *Филарета*, тяжкую обиду, ежели он, Архимандрит, будет совершенно удалён не только от занимаемых им должностей, но и из Оренбургской епархии, для прекращения всех беспрерывно наносимых от него епархиальному Начальству разных беспокойств и тяжких оскорблений». Св. Синод по содержанию сего донесения и по справке, постановил: «Поелику из доношения Вашего Преосвященства видно, что Архимандрит *Филарет*, при требовании от него ответов, оказал ослушание Консистории в присутствии оной, а в именном Высочайшем Указе, состоявшемся 1724 г. Января 21 дня, изображено: «как пришедшим в

судное место поступать, так и какое наказание чинить тем, кто противно тому поступит, то и следовало Консистории в самое же то время поступить с ним, Архимандритом, по точной силе упоминаемого Высочайшего Указа: но как сего с ним тогда не учинено, а, наконец, он же согласился дать требуемое от него показание, чем и признал над собою власть епархиального Начальства: притом же из ведомства Оренбургской епархии он выбыл, то сим самым прекращаются и все между вами неудовольствия и о том к Вашему Преосвященству послать Указ»[159].

Оба изложенные Указы Св. Синода были получены Преосв. *Августин*ом спустя уже месяц после Указа о перемещении Архимандрита из *Уфы* в *Тобольск*. Судя же по тому, – насколько были сильно неблагоприятны для Преосв. *Августина* решения Св. Синода по его донесениям против *Филарета*, не трудно представить себе, что было бы с *Филарет*ом, если бы он оставался на месте... Какие бы чувствования и отношения могли бы, всего естественнее, неудержимо вырваться у Преосв. *Августина* против *Филарета*, как виновника таких, неожиданных и столь неблагоприятных для доносившего, решений Св. Синода с прямым даже поставлением ему на вид и замечание неодобрительного вообще и тягостного для подчинённых образа и характера управления паствой. Не мудрено, что *Филарету*, быть может, пришлось бы подвергнуться той же опасности, какой подвергался он в *Севске* со стороны Преосв. *Досифея*, особливо если бы о перемещении его в *Тобольск* не было в эту пору Указа. Во всяком случае, даже и тогда, когда последовал этот Указ за месяц ранее (от 10 Ноября 1810 г. за № 3072) и объявлен был *Филарету* в присутствии Консистории с подпиской 1 Декабря (в день его Ангела), – Преосв. *Августин* не замедлил и тут проявить своё нагнетение. Он назначил ему срок выезда не далее трёх суток по объявлении Указа, о чём приказал Консистории взять с него особую подписку и немедленно же приготовить донесение Св. Синоду, в котором собственноручно обозначил день выбытия из *Уфы* – 4 числом Декабря, и сам же рассчитал прогонные ему деньги на 1.248½ вёрст на шесть лошадей по 1 коп. асс. на лошадь – всего в количестве 74 руб. 99 коп. асс.

Впрочем, такой краткий и неотложный срок не был затруднителен для Архимандрита *Филарета* собственно по части сборов к отъезду: вся укладка имущества потребовала не более двух мешков, из коих один был наполнен учебными тетрадями и несколькими книгами. Но крайнее затруднение было для *Филарета* в том, что он никак не мог, по скорости отъезда, получить прогонные деньги из Казённой Палаты, а о своих собственных деньгах нечего было и помышлять. Потому архимандрит

Филарет дал доверенность на получение денег из Казённой Палаты доброму знакомому священнику г. *Уфы* Троицкой Церкви *Андрею Семёнову*, который и получил их уже в Январе 1811 г., а деньги на проезд взял *Филарет* взаймы у своих родственников. При этом же помог ему прежде упоминавшийся г. *Ломоносов* отчасти деньгами, а главнее всего он дал *Филарету* свою хорошую тёплую кибитку и хороший тулуп; – родные тоже снабдили его нужными для дороги вещами и провизией.

О личном состоянии *Филарета* и проводах прощальных в доме родственников мы скажем в следующей главе. Настоящее же изложение мы закончим сведением о том, – как поступал Преосв. *Августин*, когда сам получил увольнение на покой в Ноябре 1818 г. Об этом мы встретили в делах Консистории следующий документ[160]. «Эконом архиерейского дома иеромонах Никодим вошёл с доношением в Консисторию такого содержания: «По прекращении производства жалованья преосвященному *Августин*у, со времени получения Указа об его увольнении, не только находящиеся при его особе три служителя, но и сам Преосв. Епископ *Августин* в продолжение двух месяцев – Декабря и Января не имел насущного пропитания и проводил болезненную свою жизнь через продажу необходимо нужной своей собственности и помещается доныне (по 4 Февраля), по неимению жалованья и услуги, в одной тесной в холодной келье, и не пользуется от Оренбургского архиерейского дома никаким пособием. Донося о сём Духовной Консистории, прошу принять во внимание все претерпеваемые Преосв. *Августин*ом недостатки в насущном его пропитании». По наведённым справкам, через посредство одного Члена Консистории, однако оказалось, что Преосв. *Августин* сам наотрез отказался от всяких пособий от архиерейского дома и по собственному желанию переместился в сказанную келью из архиерейских комнат, которые во всё это время и оставались совершенно свободными, – и сделал он это с тем, чтобы эконом донёс Консистории, а чтобы последняя довела о сём до сведения Высшему начальству[161].

Отдел IV. Время служения Архимандрита Филарета в Тобольске и в Санкт-Петербурге. (1810–1814 гг.)

Глава VII. Служение Филарета в Тобольске; восстановление его репутации и вызов в Санкт-Петербург на чреду священнослужения

«Ну смотри, *Пётр Иваныч*, я дознаю о твоём добром *Филарете*, – переведу его ещё в иную епархию и велю тамошнему Архиерею каждую треть года доносить мне о нём. Я уверен, что этот Архиерей не обманет меня»[162].

«Ваше Высокопреосвященство прислали ко мне на испытание не человека, а ангела во плоти»[163].

В

письме Архимандрита *Филарета* к Протоиерею *Турчанинову* мы видели, что он не находил слов выразить своих чувств благодарения ангелу-утешителю Митрополиту Санкт-Петербургскому *Амвросию* за его мудрость, проницательность и благость, которые удержали, наконец, стремление воздвигнутой бури..; но он не знал, чем и как всё это закончится. Сам *Турчанинов*, как видно, тоже не писал *Филарету* в ответ на его письмо; да и писать что-либо определённое не мог, так как и сам получил от Митрополита только обещание перевести *Филарета* в другую епархию и притом в смысле дознания на будущем новом месте его служения, где он имел в виду Архиерея к нему искреннего и доверенного. О самом же месте и об Архиерее не упомянул.

Но вот скоро состоялось определение Св. Синода (18 Октября 1810 г.) о перемещении Ректора Оренбургской Семинарии *Филарета* в Тобольскую епархию с назначением его только Настоятелем тамошнего Знаменского второклассного монастыря, хотя при этом же монастыре находилась самая Семинария. Весть об этом перемещении с одной стороны была для *Филарета* отрадной; во всяком случае, он, – как сам выражался словами Псалмопевца, – *избавлялся от потопления, и от бури*; но с другой, узнав из Указа Св. Синода, что он перемещается на новое место во-первых, только в Настоятели монастыря[164] и во-вторых, в видах окончательного испытания и дознания его благонадёжности, он само собой, был немало озадачен этим. В частности же озадачивала его самая местность, столь отдалённая и глухая и он называл это перемещение прямой ссылкой в Сибирь, чтобы не чаять никогда оттуда и возвратиться. Эти мысли и чувствования всего более невольно высказывались им перед своим братом – *Гавриилом*, прибывшим с ним из *Севска* и, здесь в *Уфе*

бывшим, по окончании курса в Семинарии, Преподавателем Немецкого языка, а потом уже, женившимся на дочери того самого священника *Григория Андреевича Несмелова*, который из сострадания к *Филарету*, оставшемуся в одних дырявых туфлях, поусердствовал доставить ему сапоги. *Филарет*, во всяком случае, никак не решался приглашать с собой в *Тобольск* своего брата, да и родители жены его ни за что не соглашались отправить дочь в такую даль, и тем более, что сам *Филарет* не скрывал своих, сказанных выше, мыслей о будущем своём как бы ссылочном положении. И так решено было, – рассказывал отец *Григ. Андреевич*, – идти к *немилостивцу* (*Августин*у) искать милости, чтобы благословил он моему зятю остаться в Оренбургской епархии, где он уже поступил священником в золото-приисковом заводе Миасском. *Августин* хотя тут и кольнул меня снова за сапоги[165], но вдруг что-то взмиловался. О самом же *Филарете* промолвил: «вот ему – свату-то твоему, можешь подарить теперь лапти с хорошими оборами и тёплыми онучами на дорогу…, ну а там он сам увидит, во что его обуют по его заслугам».

В личном состоянии и настроении самого *Филарета*, отправляющегося к месту своего назначения, казалось бы, можно предполагать чувства, ободряющие его. Довольно представить, что будущий его Начальник – Архиепископ Тобольский был тот самый – *Амвросий* (*Келембет*), который, в бытность свою Епископом в *Уфе*, вполне благоволил к *Филарету*, прослужившему при нём два года (1804–1806 гг.). Но *Августин* во-первых, через посредство уже свата Несмелова напутствовал *Филарета* слишком неотрадными словами, а во-вторых, и через келейного священника *Ил. Петр. Попова* тоже передал неутешительные предсказания: «пусть ка теперь не больно рассчитывает на свою *хитрость и пронырство*, чтобы объехать *Амвросия* Тобольского по-прежнему, как здесь в *Уфе*... Туда сообщено всё, что нужно и строго-настрого предписано, чтобы не взирать ни на какие его ласкосердия... да и не прикрывать и не замедлять доносить о нём прямо Митрополиту в положенные сроки... а Митрополит-то уже спуску не даст ни при каких забегательствах его приятелей в *Петербурге*"![166] Да и сам *Филарет*, впрочем, вовсе не рассчитывал на помилование, как видно было из его слов перед родными, – что он едет чисто в ссылку... Самое, прежде бывшее к нему, благоволение *Амвросия* в *Уфе*, – куда он тоже явился к нему как опальный... и где считал себя обязанным только личным его чувствам, чтобы пользоваться его архипастырским благоволением, – в настоящий раз, всего естественнее, стесняло и мучило его... Если он, *Филарет*, в письме своём к другу *Турчанинову*, выражался так, что и честь, и

уверенность, и должность, – словом всё, что есть в служении в жизни достойное, – всё для него было уже потеряно, – и если сердце его *паче всякой меры было* отягощено и истощено, – и наконец, как известно, в бывших порывах самоуничижения *Филарет* желал себе только одного, чтобы быть *отребием миру и попранием для всех*… то, кажется, не может быть более подходящего изображения душевного состояния *Филарета*, отправлявшегося в *Тобольск* под начальство своего бывшего, благоволившего к нему, Архипастыря, – как вроде состояния блудного Евангельского сына...

Покойный Высокопр. *Антоний* (Архиепископ Казанский – племянник *Филарета*) – по прочтении сейчас изложенного в прежней, бывшей в его рассмотрении, моей рукописи сказал: «всё это было естественно и совершенно правда, сколько мне известно, как из слов самого Владыки *Филарета*, хотя в кратких намёках, (когда я записывал с его рассказов сведения о его жизни), – так и из рассказов моих родителей, особенно моей матушки. И вот я, кстати, выскажу тебе, что нужно, и что можешь ты, хотя вкоротке, изложить в твоём труде. Мои родители – по случаю прибыли в *Уфу* как раз к поре проводов, и тут-то окончательно решался вопрос: нужно ли и им перемещаться из Уфимской епархии в Тобольскую, если не теперь, то со временем, по лету, или вовсе оставить подобное предположение... Матушка-то и рассказывала, что Владыка *Филарет*, собиравшийся в дорогу, просто изумлял всех нас... и мы даже чего-то опасались за него... Уж такой-то он был унылый: а если заговаривал о чём со мной ли, или с о. *Гавриилом* в особенности, то как будто бы сквозь слёзы... Батюшка один только и выводил его из этого состояния; он был ведь у нас такой весельчак и забавник. Помню, накануне уже самого отъезда собрались к нам вечером многие; батюшка старался всячески развеселить всех и самого *Филарета*; заставил братцев *Петрушу, Ваню, Яшу* петь духовные канты, которые любил и *Филарет*. – И тут-то он вдруг сам запел священную песнь: »*Вскую мя отринул еси от лица Твоего, Свете незаходимый*!» и уж так жалобно, что мы все чуть не навзрыд заплакали... и сам батюшка прослезился, хотя тут же оправился и сказал *Филарету*: «Эх, сват, сват мой любезный! Ты ведь как отличный богослов сам знаешь, что и ослица была некогда пророчицей... так и я тебе скажу: вот мне *Августин* велел тебе приготовить для *Тобольска* лапти... а я так крепко-накрепко верую, что там тебя встретит Архиерей, бывший наш добрейший *Амвросий*, право же, по-Евангельски, обнимет и облобызает тебя, как истинного сына. И помяни моё слово, да я сам доживу до той поры, что увижу тебя не только в хороших сапогах, но и стоящим на орлецах[167].

Итак вместо – »*вскую мя отринул еси*...» давай-ка споём на этот же глас ирмос: *«Ты моя крепость Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты моё радование... и нашу нищету посети*!» Да, брат-сват, ты знаешь поговорку здешнюю: «*Горе коли Августин на кого напустил*…», но зато я тебе теперь же срифмую другую: – «Благо, лишь бы *Амвросий* нас-то не бросил... Так не томись, не тужи – а лишь Богу молись, – верой-правдой служи!» И вот на ко тебе чарочку твоего любимого *красненького*, а мне моя со *светленьким*... и да будут всем нам дни жизни красные, светлые, ясные! Тут-то они сватушки, обнялись, поцеловались и батюшка вдруг запел: «*Тебе Бога хвалим*»... а мы все подхватили... После же пропетия, сам *Филарет* сказал каким-то особенно-спокойным тоном, обращаясь ко всем нам: «да, присные мои! воистину так: *На Тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки. Аминь*, т. е. повторил последние слова пропетой песни, и после этого совершенно успокоился и даже повеселел, – а с ним и все мы. Так мы на другой день, помолившись, и проводили его, даже и не плакали, а чего-то чаяли в душе как будто отрадного... что и сотворил всемилосердый Господь с дядюшкой *Филарет*ом вскоре же там в *Тобольске*, о чём он нам обо всём, бывало, писал, доколе наконец, сам приехал к нам по пути, когда его перевели уж совсем из *Тобольска* куда-то под *Москву* или в самый *Петербург*. Так вот, – присовокупил покойный Высокопр. *Антоний*, – после этого моего теперешнего рассказа как раз кстати и будут следовать в твоём изложении и дальнейшие слова Владыки в моих Записках».

Эти указываемые слова следующие: «По прибытии его (*Филарета*) в *Тобольск*, тамошний Преосв. *Амвросий* (*Келембет*), прежний благодетель его в *Уфе* опять принял его с радостью, утешил, поддержал его... о чём он (*Филарет*) во всю жизнь свою воспоминал с глубочайшей благодарностью». Чтобы понять такой приём и вообще оборот дела, естественнее всего думать, что *Филарет*, по прибытии в *Тобольск*, рассказывал Преосв. *Амвросию* всё подробно о злосчастных обстоятельствах, постигших его в *Уфе* – и рассказывал тем откровеннее, чем яснее сразу увидел, что Преосв. *Амвросий* оказался к нему с прежним неизменным благоволением. Со своей стороны и Преосв. *Амвросий* тем скорее мог поверить всему этому, что и прежде в *Уфу* перемещён был к нему *Филарет* тоже по подобных обстоятельствам, как человек весьма нехороший, но оказался совсем иным. Наконец, по словам одного доставителя сведений, Преосв. *Амвросий* тем более мог принимать такое сострадательное участие в состоянии *Филарета*, что он и сам, как известно, в двух же местах прежней своей службы до архиерейства – в

Киеве и в *Воронеже*, подвергался большим напраслинам и много от них выстрадал»[168].

На службе в *Тобольске Филарет* пробыл недолго, – менее трёх лет; по определению Св. Синода 1 Декабря 1813 г. он был перемещён Настоятелем в Волоколамский Иосифов монастырь и, с тем вместе, вызван был в *Санкт-Петербург* на чреду для священнослужения и проповедования слова Божия. Эта самая недолговременность пребывания *Филарета* в *Тобольске* показывает, что Преосв. *Амвросий,* выполняя предписание, чтобы доносить после каждой трети года о *Филарете*, в своих доношениях свидетельствовал о нём прямо в его пользу. Не зная всех других подобных отзывов Преосв. *Амвросия*, мы можем зато представить один из таких, который с избытком восполняет все другие, как бы хороши они ни были. Довольно сказать только, что в этом указываемом донесении своём Митрополиту *Амвросию*, Преосв. *Амвросий* Тобольский выразился буквально так: «*Ваше Высокопреосвященство прислали ко мне на испытание не человека, а ангела во плоти*». Приведя эти именно слова, прежде упоминаемый автобиограф о. Протоиерей *Лука Ефремов* говорит, что когда Митрополит получил это донесение, в котором Преосв. Тобольский, употребив сказанные выражения, описал затем характер, поведение и ум Ректора *Филарета* самыми блестящими красками, то потребовал к себе *П.Н. Турчанинова* и говорил ему: – «ну, *Пётр Иваныч*, твоя рекомендация о *Филарете* на самом деле оправдалась; Архиерей доносит мне о нём с великой похвалой, и прочитал ему всё донесение». Сам о. Протоиерей Турчанинов пишет, что «вскоре за сим *Филарет* был вызван на чреду служения в *Санкт-Петербург*; Митрополит обласкал его, и имея о нём письмо от Тобольского Архиепископа, который отлично о нём писал, советовал *Филарету* забыть все прежние горести и страдания».

Из этих сведений нельзя не видеть, что одобрительных рекомендаций со стороны Преосв. *Амвросия* Тобольского было немало, и что эта, сейчас приведённая, была вероятно самая последняя. Иначе Митрополит, как сильно предубеждённый против *Филарета*, не мог бы с первого разу и поверить такому, можно сказать, необычайному отзыву о нём, сколько ни был уверен по его же словам, что новый Архиерей не обманет его: особливо же не мог он принять этот первый отзыв с такой решительной достоверностью, чтобы объявлять о нём *Турчанинову*. Да и сам Преосв. Тобольский не мог дать на самых же первых порах такого отзыва о *Филарете*. Положим, он знал *Филарета* ещё прежде по службе в *Уфе*, но всё-таки видел, что теперь он перемещён был к нему сколько на службу, столько под надзор и испытание, и потому должен был выждать, и по

крайней мере время, чтобы дать сгладиться прежним впечатлениям там в *Петербурге*, и тем вернее постепенно провести другие.

Чем же руководился Тобольский Архипастырь, что так вообще похвально рекомендовал ново-определённого к нему Архимандрита, несмотря на то, что последний был понимаем высшим Начальством совсем совершенно иначе?! Одних чувств сострадания, само собой, было здесь недостаточно, сколько бы ни был христиански любвеобилен Начальник. Искомый ответ, очевидно, должен заключаться в действительных достоинствах лица подчинённого. Но эти последние, как оказывается из хода и положения дела, так сказать, раздваивались. Сам, преследовавший *Филарета Августин*, как известно, отзывался о нём двойственно – именно, что «у него на службе в *Уфе* был человек ретивый и толковый», но что «он прогнал его из *Уфы* за дурную жизнь». Таким образом, первая – служебная сторона жизни *Филарета* в *Тобольске* едва ли и должна была подлежать особенному испытанию и контролю, тем паче, что и сам *Амвросий* быв в *Уфе*, мог это видеть и ведать. Ясно что *Амвросий*, если должен был строго проследить и проверить *Филарета*, то собственно по части его нравственности и образа жизни. И действительно, тот самый отзыв Преосв. *Амвросия*, где он выразился о *Филарете* так, что недоумевал как бы, – кого ему прислали под надзор и на испытание, – человека ли или ангела во плоти, – ясно характеризует именно эту нравственную сторону лица, так им аттестованного, – хотя эта последняя, естественно могла и должна была отражаться и на стороне служебной и по званию его как начальника и воспитателя духовного юношества, и как Настоятеля монастыря и даже благочинного над монастырями... Правда, здесь как бы невольно встречается вопрос: – чем и как мог особенно зарекомендовать себя *Филарет* по самой недолговременности его службы в *Тобольске*?

Но если кто, то Преосв. *Амвросий* более других имел основание и право приложить здесь, так сказать, плюс к плюсу – т. е. к настоящей службе *Филарета* в *Тобольске* таковую же, бывшую при нём самом, и Уфимскую. Для этого потребна была одна лишь действительность первых фактов. И вот, при всей краткости данных, читающие могут с уверенностью убедиться в настоящем значении их.

В напечатанных кратких заметках покойного Высокопреосв. *Антония* читаем: "В *Тобольске Филарет* пробыл до начала 1814 г. Тут ему пришлось, сверх обычных трудов по управлению Семинарией и монастырём, строить каменные Семинарские здания, – и всё это было исполнено им благоуспешно: и только». Но этого рода деятельность, хотя и составляет заслугу перед Начальством, – в рассматриваемом деле едва ли

могла иметь особенное значение. Из доставленных других сведений[169], хотя и кратких же, открывается многое, в чём действительно *Филарет* выдавался перед глазами всех, кто бы ни были свидетели – ценители его качеств и достоинств в разных отношениях. После выбывшего в 1808 г. – пишет один доставитель сведений – Ректора Тобольской Семинарии, Архимандрита *Михаила*, Семинария эта была временно управляема *Гавриилом* – Архимандритом Тюменского монастыря – и потом, по смерти его, бывшим в ней Префектом Протоиереем *Земляницыным*. Только уже в самом конце 1810 г. назначен был сюда Ректором бывший Ректор Оренбургской Семинарии Архимандрит *Филарет* (Амфитеатров). Самое же перемещение его из *Уфы* в *Тобольск* состоялось потому, (как стало тогда же известным), что тамошний Уфимский Архиерей крайне не любил его и довёл до того, что этого *Филарета* едва было не устранили вовсе от духовно-учебной службы. Потому-то он, Указом Св. Синода от 10 Декабря 1810 г. перемещён из Уфимской Семинарии в Семинарию Тобольскую с замечанием от Петербургского Митрополита, «что если ещё и Тобольский Архиерей найдёт его, Архимандрита *Филарета*, не хорошим, тогда пусть уже *Филарет* пеняет сам на себя». Но к счастью предостережение высокопреосвященного Митрополита оказалось не нужным: «*Филарет* вёл жизнь самую строгую. Начальству был благопокорен, обращался с сослуживцами, подчинёнными и встречавшимися посторонними лицами тихо и вежливо; проходил свои обязанности, как по званию Ректора и преподавателя Семинарии, так и по званию члена Консистории и благочинного монастырей, с усердием и пользой. Преосвященный *Амвросий* всё это видел, всё это знал и ценил своего Ректора по достоинству. Потому отзывы его перед высшим Начальством о *Филарете* завсегда были наилучшие, и, потому скоро, через два или через два с половиной года службы в *Тобольске*, *Филарета* вызвали на чреду священнослужения в *Санкт-Петербург*». Далее доставитель этих сведений в виде примечания в подстрочном тексте пишет: «*Филарет* в Тобольской Семинарии преподавал Философию, за увольнением тогда от преподавания её учёного, но слабого, Игумена *Вениамина*. Богословия же он, вопреки обычаю почти всех Ректоров того и последующего времени, не преподавал затем, что при приезде его в *Тобольск*, да и во всё время службы его в *Тобольске*, в Семинарии богословскую кафедру занимал весьма почтенный Префект её, кафедральный Протоиерей *Л.В. Земляницын*. *Филарет* оставил по себе в Тобольской Семинарии некоторую память тем ещё, что очень хорошо выучился, занимаясь частным домашним образом, Французскому языку у одного богослова

(*Матвея Неводчикова*), который начал (в 1811 г.) первый преподавать этот язык в Семинарии. Об этом же *Филарете* мне пишущему, (говорит доставитель сведений), в конце 30-х годов не раз доводилось слыхать от даровитейшего ученика его по Орловской Семинарии, бывшего Советника Тобольского Губернского Правления – *Степана Михайловича Семёнова*, как об отлично-способном преподавателе наук, вообще преподаваемых в среднем духовно-учебном заведении. Наконец ещё об этом же *Филарете* осталось памятным то, что по весьма ограниченному тогдашнему семинарскому жалованью, и по скудным монастырским доходам и, особенно по своему нищелюбию, *Филарет*, при отъезде из *Тобольска*, не имел даже тёплой шубы, а уехал в шубе, подаренной ему купцом *Алексеем Мир. Гневашевым*".

Другой доставитель сведений[170] пишет: «В бытность Высокопр. Митрополита Киевского *Филарета* в *Тобольске* Ректором Семинарии и Настоятелем Знаменского монастыря, – Казначеем последнего был из кончивших курс Семинарского учения вдовый Диакон *Константин Алексеевич Попов*. Этот *Константин*, впоследствии Архимандрит-Настоятель Енисейского монастыря *Ксенофонт*, – лично неоднократно рассказывал, что

1) Архимандрит *Филарет* имел только две рясы – одну – самую простую, другую вроде шёлковой.

2) Когда приходил кто-либо из почётных лиц к нему в гости, он приказывал казначею купить полштофик красного вина и только.

3) Каждый день ходил к ранней обедне, (совершение которой он первый завёл) и после неё пил чай с чёрным семинарским хлебом. Один из Иеромонахов монастырских *Израиль*, человек честный, трезвый, добрый, но со странностями, тяготился весьма этими ранними обеднями при малом числе Иеромонахов. Когда в 1812 г. достигла до *Тобольска* весть об изгнании французов из *Москвы*, то в один праздничный день после обедни у Настоятеля *Филарета* вели разговор, что-то будет с *Наполеоном*. И тут-то спросили о. *Израиля*, – что он думал бы сделать с *Наполеоном*? Он резко ответил: «Я бы отрядил его в Тобольский Знаменский монастырь на полгода служить ранние обедни!» Вообще же о. Архимандрит *Филарет* оставил по себе в *Тобольске* самую прекрасную память у всех».

Все эти сведения, сколько ни кратки и отрывочны по своему содержанию и самому изложению, представляют такую характеристику *Филарета*, какая ближе всего подходит к переживаемому им в *Тобольске* положению, равно как эта характеристика вполне соответствует и тому, что известно о его жизни и службе в *Уфе* и даже в *Севске*. Сюда остаётся

только присовокупить ещё тот психологический и прагматический вывод, что сам *Филарет*, после суровых, тяжких опытов и уроков на службе в *Уфе*, всеконечно, научился прилагать их к делу и к жизни, а равно, чувствуя себя теперь в благоприятном состоянии, он ещё более мог раскрывать и проявлять свои природные дарования и свойства, чтобы употребить их на пользу общую в сфере его служебной деятельности и общественного положения. В первом отношении недаром же он сам свидетельствовал об *Августине*, «как лучшем его наставнике и исправителе недостатков, каковы бы они ни были, которых он без него не мог бы сам сознавать и от них освободиться». – В другом же отношении, действительно, не незамечателен тот факт, что *Филарет* сознал и потребность, (очевидно, для своих учёно-служебных целей) и употребил и время и труд, чтобы изучить Французский язык, не стесняясь даже тем, что учителем для него должен был быть его же ученик. Таких же, в своём роде новых и усиленных, трудов требовало от *Филарета* и самое преподавание философских наук вместо богословских. Далее, что касается религиозно-духовной стороны в жизни *Филарета*, то и в этом отношении имеет своё особенное значение, заведённое им, совершение ранних литургий и неопустительное посещение их им самим, – чего он не мог выполнять прежде ни в *Севске*, ни в *Уфе* по самому неимению возможности к этому. Наконец относительно нравственной иноческой жизни *Филарета*, кроме прочих качеств и действий, указанных и изложенных сведениях, особенно рельефно выдаётся тот факт, – насколько он был, как истый монах, нестяжателен, когда не нашлось у него средств, чтобы иметь необходимейшую вещь – тёплую шубу. И это не от неизбежной случайности, когда приходилось ему не иметь даже сапогов – в *Уфе*, а от произвольного самолишения и христианского нищелюбия.

Итак, искомый ответ на вопрос: чем руководился Преосв. *Амвросий*, что так похвально рекомендовал *Филарета* перед Митрополитом Санкт-Петербургским, кажется, по всей справедливости может в полной достаточности заключаться и в одних этих, хотя кратких, сведениях. Но Преосв. *Амвросий*, сколько вероятнее всего, знал о *Филарете* и то, что могли знать и другие более или менее сторонние лица, столько и непосредственно сам лично не мог не видеть и иного многого и не убеждаться, что действительно *Филарет* по всему оправдывал на себе истину, что по имени его было тако и житье его[171]. Со своей стороны и сам *Филарет*, столько обласканный и утешенный с первого раза Преосв. *Амвросием* и затем постоянно видевший к себе такое отеческое его расположение, о чём он, как читаем в его Записках, во всю жизнь свою

воспоминал с глубочайшей благодарностью, – сам, говорим, *Филарет*, несомненно, держал себя в отношении к Преосв. *Амвросию*, как всепреданнейший сын к отцу со всей чистосердечностью, откровенностью, сколько и с полнейшим смирением. Это же всё, само собой, давало Преосв. *Амвросию* прямую и полную возможность видеть и читать, как говорится, насквозь всю душу своего подчинённого-приближенного и определять *самая внутренняя души его*. В силу этого, от избытка своего любвеобильного сердца и святительского духа ревности о правде и истине, Преосв. *Амвросию* действительно оставалось свидетельствовать и пред Митрополитом о лице *Филарета* не иными, как этими словами: «Вы прислали ко мне не человека, а ангела во плоти».

Что было прямым и окончательным результатом всех доношений Преосв. *Амвросия* и особливо с последней рекомендации об Архимандрите *Филарете* на службе его в *Тобольске*, уже известно из приведённых прежде слов друга – ходатая его, о. *Турчанинова*, – именно: «*Филарет* был вызван в *Санкт-Петербург* на чреду священнослужения». Определение Св. Синода об этом состоялось 2 Декабря 1813 года, по которому *Филарет* с тем вместе был перемещён вовсе из *Тобольска* с назначением его Настоятелем Волоколамского Иосифова монастыря, – И вот с этой-то поры началась и стала совершаться, как выражено в надгробном слове, в жизни Архимандрита *Филарета* «измена десницы Вышнего, Который извёл, – по слову Псалмопевца, – »*яко свет правду его и судьбу его яко полудне* (Ис. 36:6) и здесь-то так видимо оправдалось, явленное ему в начертании на стене изречение: «*Не бойся! Судьбы Архимандрита Филарета в руках Божиих*".

Перенося наше повествование, вместе с перемещением *Филарета*, от берегов *Иртыша* к берегам *Невы*, последуем за ним по пути его шествия, остановившись, между прочим, на кратковременном пребывании его у его родного брата – священника Миасского золото-приискового завода в Троицком уезде, Оренбургской епархии, – того самого о. *Гавриила Георгиевича Амфитеатрова*, который, вместе с женой своей – *Татианой Григорьевной* (дочерью известного Уфимского Священника *Григ. Андр. Несмелова*), находился и при проводах, из *Уфы* в *Тобольск*, своего брата *Филарета*. Всё содержание настоящего эпизода в нашем повествовании мы берём исключительно из того же источника, из которого был приведён рассказ о бывших проводах *Филарета*. Мы будем слушать здесь того же покойного Высокопр. *Антония* (Архиепископа Казанского), слышавшего в своё время не раз от своих родителей, а всего более от его словоохотливой матушки, – как принимали они у себя столь бесценного гостя,

возвращавшегося оттуда, откуда он и сам не чаял никак и никогда выбраться, а тем более в таком благополучном для него состоянии.

«Ждать-то мы, и не знай как, больно ждали (таков был рассказ матушки в своё время сыну своему *Яше*)[172], дядюшку-то *Филарета* на пути из *Тобольска* к нам; мы почти что и не верили, что это сбудется. Мне грешной даже и не верилось, что жив-то он и цел, хотя и думалось тогда же, что это было у меня и от радости свидания и от нетерпения... И он сам, родимый наш, как оказалось, только-только что на суточки еле урвался побывать у нас, своротивши очень-таки далеко от трактовой дороги. И вот я помню, что как только вступил он на крыльцо, то перекрестившись, вместо всякого приветствия нам, сказал первые слова такие: *Возвеличьте Господа со мною и вознесём Имя Его вкупе*! А мы-то как будто онемели, и только тоже перекрестились... Потом уже пошли, конечно, разговоры. Он тут же, однако, объявил, что заехал к нам только мимолётом потому, что ему строго предписано явиться всевозможно наскоро, – да и попутчик какой-то купец ожидать должен был его в каком-то городе, так что этот купец дал ему будто бы в задаток и свою шубу на проезд. Нам-то, конечно, всего более хотелось знать, – куда же именно его перевели – на хорошее ли место, и будет ли там к нему какая особенная милость... Но он что-то мало нас утешил ответом, сказав, что его вызывают ещё не на место, а на новую проверку, при этом показал, впрочем, на письмо, которое дал ему от себя Тобольский Архиерей. – А впрочем, проговорил он полушутливо: «ну, уж если не заела меня мачеха-Сибирь, то не будет же мачехой сама матушка-Россия». Расспрашивал он и нас о нашем житье-бытье; осматривал сам всё хозяйство; узнавши же, что прихожане у нас, больше всего, были переселенцы из Орловской губернии[173], он уж особенно этому обрадовался, велел позвать нескольких и долго с ними беседовал по-ихнему тамошнему говору, что мужичкам-то особенно понравилось; говорил им и о церкви, которая только ещё строилась, обещавши в случае помочь... Я сама как-то захлопоталась в стряпущей избе, но он и туда приходил и говорил мне настрого, чтобы я отнюдь ничего не затевала стряпать лишнего, да и с чаем-то не захотел употреблять моих сдобненьких лепёшечек, а попросил простого чёрного хлебца. *Верочку*, (старшая дочь), больно ласкал, заставлял креститься хорошенько, и *Павлушу*, бывшего тогда ещё в люльке, сам покачал, приговаривая прибаутки, а главное, чтобы рос во славу Божию и был бы Священником. А о тебе-то, *Яша*, как будто он спророчил, что скоро родится второй сын[174]. Ну, вот так и так – а времечко-то и пролетело, и удержать его было нельзя. Но всё-таки мы расставались в какой-то непременной надежде, что

Бог даст, быть может, и скоро мы не только увидимся, но и жить будем вместе. Он и сам об этом промолвил: «ну, братец мой – о. *Гавриил*, из-за меня ты попал сюда в зауральские-то горы; помоги же Господи, чтобы я мог высвободить тебя когда-нибудь опять на родную сторонушку. Стал он нам давать денег, – мы всячески отказывались; но нет – выложил, кажется, чуть не половину из всего, сколько у него было, велевши часть употребить и на церковь строящуюся. Я, между временем, полюбопытствовала, сколько с ним всей поклажи дорожной... Посмотрела и удивилась, что у него почти ничего не было из пожитков... Подумала и спросила его... а он сперва будто сконфузился, а потом как бы спохватился, да и говорит: «что ж? я ведь к вам только мимолётом, налегке, – а поклажа-то моя вся там с попутчиком купцом»... После-то на правду вышло иначе; у него действительно ничего не было кроме книг и бумаг разных в двух коробках... да и шуба-то была действительно чужая, но только подаренная ему навсегда, – в чём он и сам вспоминаючи про этот случай уже в *Калуге*, высказывался нам, – а в эту самую пору не хотел нас опечаливать своею бедностью».

Что Высокопр. *Филарет* любил сам вспоминать про это былое время, пишущему приводилось в *Киеве* иметь случаи слышать рассказы его именно и об *Уфе* и *Тобольске* и даже о сейчас описанном Миасском заводе. Да, земляк, говорил он однажды, ты вот и сам, как видно, твёрдо знаешь от Уфимских наших родных, когда и как служил я в *Уфе*-то... Она-то мне, сказать правду, больно-больно памятна на всю жизнь... за что и Слава Богу. Да и всю тамошнюю вашу Уральскую и за-Уральскую Сибирь я поисколесил, сколько и сам Ермак – покоритель её... Я вот знаю и колыбельную-то родину его (*Антония*, при котором и была ведена речь), золото-приисковый Миасский завод. Я заезжал туда повидаться с братцем моим – *Гавриилом* – вот его батюшкой, – когда отправлялся из *Тобольска* в *Петербург*, куда я был вызван тогда на чреду священнослужения, а с тем вместе и вовсе был возвращён из Сибири-то"…

О подобных воспоминаниях Высокопр. *Филарета* и, в частности, об отношениях его к брату своему *Гавриилу* и, по смерти его ко всему семейству и роду, из которого произошёл и именовавшийся »*дитя его сердца*" – *Антоний*, будет речь ещё много раз в дальнейшем повествовании с самой первой поры его епископства в *Калуге* и до самого последнего времени его жизни. До времени же епископства почти шесть лет (1814–1819 г.) службы *Филарета* проведены были им в двух Академиях – Санкт-Петербургской и Московской.

Глава VIII. Перемещение его в Настоятели Волоколамского Иосифова монастыря. Назначение Филарета Инспектором Санкт-Петербургской Академии. Возведение его в степень Доктора богословия. Отношение к нему Ректора Санкт-Петербургской Академии Филарета, впоследствии Митрополита Московского. Перемещение Филарета в новооткрываемую Московскую Духовную Академию

«С этой поры начала и стала явственно совершаться в жизни в Бозе почившего »*измена десницы Вышнего, Который извёл яко свет правду его и судьбу его яко полудне* (Пс. 38:6), и здесь-то оправдалось явленное ему в начертании на стене, изречение: «Не бойся! Судьбы Архимандрита *Филарета* в руках Божиих»[175].

Вызываемые в *Санкт-Петербург* на чреду священнослужения и проповеди, Архимандриты, обыкновенно, удостаиваются этого избрания по вниманию к их особенным достоинствам и заслугам, с тем, чтобы высшее начальство, лично удостоверившись в их достоинствах, могло иметь в виду высшее им назначение, которое, по преимуществу, состоит в кандидатстве на епископство. Такой порядок в прежнюю пору имел, между прочим, прямую связь с Правительственным законоположением об учреждении особого звания и штата «*Соборных Иеромонахов*», в прямую обязанность которых было поставлено проповедание слова Божия, соборные священнослужения и проч. так, чтобы они через это могли достигать, как сказано в Высочайшем Указе, возведения и на степени архиерейские». Потому-то Архимандрит *Филарет*, как удостоенный избрания в штат Соборных иеромонахов при самом ещё вступлении его в учители, кроме даже прочих достоинств и заслуг по службе, мог иметь право на вызов на чреду священнослужения. Чередовые архимандриты обыкновенно состоят, во всё время их пребывания в столице, в непосредственном ведении Митрополита Санкт-Петербургского; для этого они и помещаются на жительство в Александро-Невской Лавре. Обязанности и занятия их состоят в служении с Митрополитом или Викарием его, в сказывании проповедей в особо назначенные дни, а также в занятиях делами Санкт-Петербургской Консистории, или, по особым каким-либо поручениям. В прежнее время, нужно заметить, порядок и значение этих вызовов был определённее и серьёзнее. Самое то, что

вызываемые на чреду лица и ныне состоят в особенном непосредственном ведении Митрополита Санкт-Петербургского, есть, можно сказать, остаток прежнего. В то время, когда с преобразованием учебных заведений, учреждена была Комиссия духовных училищ, то в ней Первенствующим Членом и главным деятелем и распорядителем был Митрополит Санкт-Петербургский. А как Комиссия заведовала всеми делами духовно-учебного Ведомства и ей принадлежало право избирать и назначать лиц на начальнические и наставнические должности в духовно-учебных заведениях, и так же точно из этих лиц указывать достойных и для вызова на чреду священнослужения, и для назначения на какие-либо высшие должности, то Митрополит, как главный администратор в делах Комиссии, мог ближе и вернее удостоверяться в достоинствах указываемых лиц, имея их у себя постоянно перед глазами и под руками. Так было и с вызванным на чреду Архимандритом *Филаретом*. В формулярном списке его значится: «что он именно Комиссией духовных училищ был определён Инспектором Санкт-Петербургской духовной Академии 15 Февраля 1814 г.»

Смотря на сейчас указанное время определения *Филарета* на должность Инспектора СПб. Академии и на время самого вызова его на чреду служения (2 Декабря 1813 г.), промежуток оказывается так мал, что если принять во внимание срок для проезда от *Тобольска* до *Петербурга*, при тогдашних сообщениях, – то назначение его на инспекторство последовало очень скоро, – в какой-либо один месяц по явке его в *Санкт-Петербург*. В этом обстоятельстве нельзя не видеть особого значения: им окончательно свидетельствуется, какое благодетельное для него влияние имели бывшие отзывы о нём Тобольского Преосвященного, быть может в особенности, письмо его к Митрополиту, вручённое самому *Филарету*, – что действительно гармонирует и с тем особенно благоволительным приёмом, какого удостоился *Филарет* при первом своём представлении к Митрополиту. Дело это объясняется следующими обстоятельствами.

О. *Турчанинов* пишет: «По прибытии в *Санкт-Петербург* Архимандрит *Филарет* приехал прямо ко мне. Обоюдной нашей радости, после столь долгой разлуки, и описать нельзя, – так она велика! Потом мы пошли к о. Ректору Академии *Филарету*, главному виновнику улучшения участи безвинно гонимого. Он принял его очень хорошо, долго с ним беседовал и представил его Митрополиту. Затем о. Ректор *Филарет* весьма полюбил его и благодарил меня, что я, будучи сам нов у Митрополита, не убоялся защищать невинно страждущего и твёрдо постоял за него. Скоро о. Ректор *Филарет* сделал его своим сотрудником – Инспектором

Академии». Из этих сведений очевидно, что определением на должность Инспектора, равно как и самым ускорением сего дела новоприбывший *Филарет* был обязан Ректору *Филарету*. Последний же мог сделать это сколько с соизволение Митрополита, столько же и по своему служебному положению, как Ректор Академии и как Член Комиссии духовных училищ, а наконец по особенным близким его отношением к тогдашнему Обер-Прокурору Св. Синода Кн. *Голицыну*. Из этих сведений нельзя не усматривать так же и самых побуждений и оснований к избранию на эту должность не другого кого, как *Филарета*. Если Ректор *Филарет*, уже и в ту пору при всей молодости своей, отличавшийся всем известной гениальностью, сразу полюбил новоявившегося соименника своего так, что благодарил виновника вызова его в *Санкт-Петербург – Турчанинова*, то нет сомнения, он сразу же определил и его достоинства и способности, чтобы избрать его себе в сотрудники по Академии, требовавшей по самой новости своего образования, деятелей особенно благонадёжных. Сам в Бозе почивший Высокопр. *Филарет* Митрополит Московский, при личной беседе со мной[176] о настоящем предмете, говорил так: «всё, что о. Протоиерей *Турчанинов* свидетельствует в своей автобиографии об его собственном участии в судьбе блаженной памяти Преосв. *Филарета*, верно и справедливо: приписываемое же им мне, зависело от него же. Я действовал на основании его заверений, в коих не думал ошибаться и не ошибся. Выбор же в Инспекторы пал на него по моей мысли и по моему указанию, равно как и назначение его, впоследствии в ново-открывшуюся Московскую Академию сначала Инспектором, а потом Ректором, состоялось тоже по моим указаниям». Впрочем, относительно определения *Филарета* на какую-либо должность именно в *Санкт-Петербурге*, принимал прямое участие тот же неизменный ходатай за него о. Протоиерей *Турчанинов*. Он, желая вернее обезопасить положение *Филарета*, а для этого находя всего более надёжным быть ему под непосредственным ведением высшего Начальства, обратился, – как пишет один из доставителей сведений, – к Ректору *Филарету* с просьбой о содействии. Тут-то Ректор *Филарет* сказал Турчанинову: «спросите своего товарища, – согласен ли он быть Инспектором здешней Академии?! И *Филарет* (Тобольский) согласился»[177].

Судя по нынешнему порядку, представляется странным, что лицо, бывшее уже в трёх Семинариях Ректором, назначается Инспектором, хотя бы то и Академии. Но, во-первых, Архимандрит *Филарет* был Ректором Семинарии ещё старинного характера, и потому служба при Академии, в её новообразованном состоянии, была выше. Далее нужно отдать

справедливую честь тогдашнему времени, что благо просвещения предпочиталось личным служебным интересам. В доказательство можно указать на тот, невероятный почти, пример, что в число профессоров новообразованной Санкт-Петербургской Академии не стеснился поступить даже Архиепископ Рязанский *Феофилакт*, и при том без всякого вознаграждения за труды[178], имевши впрочем при себе помощника в звании бакалавра, которого сам же он и рекомендовал впоследствии на своё место. Наконец назначение Ректора Семинарии Архимандрита *Филарета* в Инспекторы Академии составляло не первый и не единственный опыт. Оба предместника *Филарета* были Инспекторами из Ректоров же Семинарий, и тоже вызванных на чреду, а именно: Архимандрит *Иона*, бывший прежде Ректором Калужской Семинарии. Вызванный на чреду в 1810 г. он тогда же был определён Инспектором Академии и вместе даже экономом, а вскоре затем хиротонисан в Епископа Тамбовского[179]. После *Ионы* был Инспектором Ректор Вологодской Семинарии Архимандрит *Амвросий*, на место которого в начале 1814 г. и поступил Архимандрит *Филарет*[180]. Впрочем эти лица, назначаемые инспекторами, не имели занятий по преподаванию предметов. Комиссия духовных училищ, при определении в инспекторы первого из сказанных ректоров – Архимандрита *Ионы*, рассудила так: «по многим уважительным предметам, в состав должности инспектора входящим, и для ближайшего надзора за студентами, признаётся нужным определить к её исправлению такого человека, который бы не был отвлекаем никакими учебными упражнениями»[181].

О всех этих преемственно бывших инспекторах читаем, между прочим, в «Обозрении пятидесятилетнего существования СПб. Академии», следующие строки: «Устроителями нравственной жизни и внешнего поведения первых воспитанников были знаменитые впоследствии пастыри нашей Церкви: *Евгений*, Архиепископ Ярославский, Митрополит *Иона*, и *Филарет*, Митрополит Киевский. Редкое сочетание имён, так чтимых целой Россией»[182].

Служение *Филарета* на должности Инспектора в Санкт-Петербургской Академии продолжалось очень недолго – только полгода, зато в самую важную пору. В Июле 1814 г. состоялся первый выпуск воспитанников этой Академии после её преобразования. Важность этого события, может быть, в наши времена покажется вовсе не такой, какова она была на самом деле, не по отношению лишь к тогдашнему состоянию просвещения, но и к настоящему и даже к всегдашнему будущему в нашем православном Отечестве в среде духовенства. Несомненным уверением и

ручательством в этом служит то, что Государь Император АЛЕКСАНДР I изволил, между прочим, сказать по выслушании благодарственной Ему речи, сказанной от лица Св. Синода Митрополитом *Амвросием*, за дарованные Церкви способы к утверждению и процветанию духовных училищ. Вот слова Монарха: «Я, представляя выгоды для духовных училищ, имею в виду то удовольствие, что сии (училища), и при распространении общенародного просвещения *всегда будут стараться идти, по прежнему, впереди*»[183]. И вот, при окончании первого курса студентами Санкт-Петербургской Академии, и должно было оправдаться то, чего с удовольствием желало и ожидало Сердце Царёво. Действительно, когда представлено было Государю Императору от Комиссии духовных училищ об окончании сего курса, Его Величество благоизволил удостоить Высочайшими рескриптами первенствующего Члена Комиссии Митрополита *Амвросия*, а также и Ректора Академии Архимандрита *Филарета*. В первом рескрипте, между прочим, сказано: «Рассмотрев доклад Комиссии духовных училищ об окончании первого курса новообразованной Санкт-Петербургской Академии, остаюсь уверенным, что сей вертоград наук даст в своё время плоды обильные, поколику принял семена благие, и расцвёл под непосредственным влиянием искусных смотрителей. Слава и благодарение Всевышнему, так благословившему намерения Мои представить Церкви достойных пастырей»[184]. Во втором рескрипте на имя Ректора Академии Архимандрита Филарета сказано: «Донесение об успешном окончании первого академического курса обратило Моё внимание на отличные труды ваши и способность к образованию юношества. Начальство отдаёт вам справедливость, вверяя опытности вашей успех второго курса. Бог да подкрепит силы ваши к перенесению трудов на новом поприще. По благим расположениям души вашей надеюсь, что питомцы, призванные на служение Церкви, научатся от вас ходить в заповедях Божиих и просветятся внутренне светом Евангельского учения»[185].

В такую, говорим, важную пору ново-начавшейся светлой эпохи духовного просвещения в нашем отечестве, суждено было быть *Филарету* в числе деятелей, или, как выражено самим Венценосцем, «искусных смотрителей, под непосредственным влиянием коих самый первый ново-учреждённый вертоград наук принял семена благие и расцвёл, чтобы дать в своё время плоды обильные». Само собой разумеется, что изъявленное Государем Императором столь лестное благоволение к главным представителям Академии относилось, в известной доле, и к лицу Архимандрита *Филарета*, как Инспектора Академии, и следовательно

ближайшего сотрудника Ректора *Филарета*, хотя это сотрудничество и было весьма непродолжительно. Кроме же этого посредственного удостоения чести в лице своего Начальства Инспектор *Филарет* был тогда же почтен самой высшей степенью учёного достоинства – ступенью Доктора Православного Богословия. Эта степень, именно тогда, при самом первом её установлении, имела, само собой, особенно важное значение. Вот что читаем, между прочим, в тогдашнем акте по этому предмету.

«Пред торжественным собранием Конференции Академии 3 Августа 1814 г. она имела предварительное чрезвычайное совещание для принятия и представления Начальству правильных мер к открытию в особенности степени Доктора Православного Богословия. Собрание сие следуя тому опыту, что лучшие заведения как во внутреннем совершенстве своём, так и во мнении народном, возвышаются, или унижаются влиянием и примером лиц, к ним принадлежащих, и по сему рассуждая, что весьма важно для духовного в России просвещения то, какие лица на первый раз будут избирателями в степень доктора Богословия и как поддержать возникающее заведение важностью своего примера, составило проект. По утверждению сего проекта, Конференция в торжественном своём собрании через избранных депутатов поднесла докторальную книгу – 1) Митрополиту Санкт-Петербургскому *Амвросию*, 2) Преосв. *Михаилу*, Архиепископу Черниговскому и 3) Преосв. *Серафиму*, Архиепископу Минскому и Литовскому[186]. Эти лица, приняв звание Докторов почётных, или мужей знаменитых духовными сочинениями и благодетельным влиянием на духовное просвещение, приняли на себя характер избирателей и при первом случае избрания признали достойными возведения на степень Доктора: 1) Санкт-Петербургской Академии Ректора и профессора Богословия Архимандрита *Филарета*; 2) здешней же Академии инспектора Архимандрита *Филарета*; и 3) здешней же Семинарии Ректора Архимандрита *Иннокентия*"[187].

Смотря на эти удостоения степени Доктора, кто-либо подумает, – какие же могли быть особенные достоинства Архимандрита *Филарета* в учёном собственно отношении, чтобы получить высшую степень Доктора, когда он не был даже и профессором Академии, а так же не известен был и на литературном поприще?! Думать так позволительно, особливо когда известно, что Докторство давалось в последующее время почти исключительно за учёные труды, относящиеся притом к таким систематическим богословским сочинениям, которые могли бы быть приняты в учебник или в пособие преподавания в духовных заведениях, или когда в настоящее время требуется от докторантов представление

особого, возможно-капитального, научного труда. Но, во-первых зная то, с какой похвалой отозвался об Архимандрите *Филарете* Митрополит *Платон*, когда выслушал его приветственную речь в Севской Семинарии, и вообще с какой ревностью занимался *Филарет* науками по преимуществу богословскими как в бытность свою в *Севске*, так и в *Уфе* и *Тобольске*, – было бы несправедливо отнимать от него учёное достоинство по тогдашнему состоянию духовного просвещения. К тому же мы скоро увидим ясное доказательство учёности Архимандрита *Филарета* – именно в бытность его Ректором Профессором МДА в 1814–1819 г., где он из академических лекций своих составил полную систему Догматического Богословия (бывшую даже на рассмотрении в Комиссии Духовных училищ), и также часть толкований по Св. Писанию В. Завета. Во-вторых, докторство Богословия по самому статуту назначалось не за одни собственно учёные достоинства лица, но и за то, что означено на самом докторском кресте, именно: *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небесном* (Мф. 5:19). Потому-то и в Уставе было сказано: «никакое совершенство сочинения не должно доставлять звание Доктора Богословия тому, кто чистым и неукоризненным образом жизни не засвидетельствовал о себе вышнего звания быть учителем христианским». В этом же последнем отношении кто усомнится в истинных достоинствах в Бозе почившего, дающих ему неоспоримое право на Докторство?! С другой стороны все звания и знаки отличия, сколько составляют награду за труды или свидетельство о достоинствах отличаемого, столько же имеют (особенно в самом начале их установления) – значение поощрения и возбуждения большей готовности и ревности к дальнейшим трудам и успехам. Весьма интересно и даже поучительно привести здесь слова из благодарственной речи, говорённой именно на эту тему, – собранию Конференции одним из ново-произведённых магистров, (воспитанников первого курса Санкт-Петербургской Духовной Академии) – *Георгием Постниковым*[188].

«Силы умственные умножаются, – говорил юный Магистр, – не иначе, как трудами. Но поелику человеческая природа в каждом труде привыкла увеличивать тягости и изнурение: то, дабы предупредить возмущение природы, надобно было в одних из нас произвести ревность, в других соревнование. Дарованные и предназначенные нам отличия будут поддерживать и в нас и в наших преемниках готовность к понесению всех трудов, на нас возлагаемых. Сия же готовность, распространяясь, очищаясь и превращаясь в бескорыстную ревность Божию, через спеяние просвещения может послужить к преспеянию благочестия». И затем,

обращаясь к своим сотоварищам по воспитанию, тот же юный магистр-вития выразил следующие прекраснейшие мысли и чувства о значении самого креста, как знака отличия для духовно-учёного мужа: «Крест сей, как видимое отличие учительства, не должен быть для одних предметом тщеславия, а для других предметом неправильного домогательства: он служит только к тому, дабы единственная должность учителя Церкви – его собственный крест – никогда не была забвена учителем, и чтобы он постоянно, имея пред очами свою должность, всей полнотой сил своих стремился к её исполнению, – чтобы не внешне носил крест, но внутренне, не на себя токмо возлагал его, но и себя пригвождал к нему – распинался на нём»[189]. Принимая в этом же и высшем значении и смысле звание и должность Доктора, которого удостоен был Архимандрит *Филарет*, кто не согласится, сколь достойно и праведно идёт крест Докторский к лицу пожалованного им, – «всю жизнь,– по его собственному выражению, – жившего на кресте духовного подвижничества и умершего на кресте»[190].

Впрочем, в прямое разъяснение и решение рассматриваемого вопроса о заслуживаемом Архимандритом *Филарет*ом праве на достоинство Докторской степени, мы имели возможность найти *подлинный документ*[191] по этому собственно делу, – следующего буквального содержания:

«Комиссии Духовных Училищ от нижеподписавшихся – Предложение.

«Санкт-Петербургской Духовной Академией быв мы избраны и Комиссией Духовных Училищ утверждены в звании Почётных Докторов Богословия с правом избрания и других в сию степень, долгом поставили мы предложить Комиссии Духовных Училищ, что мы избираем и признаём достойными степени Доктора – Академии оной Ректора Богословии Профессора Архимандрита *Филарета* и Инспектора, бывшего в трёх Семинариях Ректора и Богословии учителя, и ныне по одобренному Конспекту к обучению оной (Богословии) назначенного, – (здесь разумеется назначение *Филарета* в Московскую Академию), Архимандрита *Филарета*; и здешней же Семинарии Ректора Архимандрита *Иннокентия*». – «Подписались: *Амвросий*, Митрополит Новгородский, – *Михаил*, Архиепископ Черниговский, – *Серафим*, Архиепископ Минский».

Этот документ действительно раскрывает дело и в полноте и ясности. Если Архимандрит *Филарет*, как вызванный на чреду, был назначен на должность Инспектора Санкт-Петербургской Академии как бы только временно, и притом без профессорской кафедры, то избрание и

определение его не Инспектором только, а и Профессором богословских наук в ново-открываемой Московской Академии последовало со стороны Начальства, само собой, не без уверенности в его учёных достоинствах. А эта-то уверенность и самые достоинства основывались именно на том, что прямо выражено в приведённом выше предложении трёх Почётных Докторов-избирателей, бывших в тоже время Членов Святейшего Синода. При этом, наконец, нельзя не принять во внимание, что если в эту же Академию – Московскую назначены были одновременно с *Филарет*ом несколько (числом восемь) из лучших магистров-воспитанников первого курса Санкт-Петербургской Академии, – следовательно, и *Филарет* должен был равняться с ними в степени образования. Относительно же значения и степени тогдашнего образования, в лице только что кончивших курс и назначаемых на учебную службу, интересно знать рассуждение об этом предмете самой Комиссии Духовных Училищ: «Новость заведения не токмо не должна унижать понятия о воспитанниках настоящего первого курса, но ещё может возвышать оное. Живость и напряжение сил, преимущественно свойственные началу всякого дела, нередко дают новым заведениям качество неутомимости; а сия уже ручается за успех во всяком роде»[192]. Вообще же в деле избрания и определения указываемых лиц, и в том числе Архимандрита *Филарета*, на должность в ново-открываемую Московскую Академию, Комиссия не только руководилась своими соображениями, но и прямым указанием воли и желания Самого Монарха. В Именном Указе Своём Государь Император изрёк: «Считаю нужным изъяснить Комиссии Мои намерения о воспитании духовного юношества. Первый учебный курс Александро-Невской Академии кончен, образовавший учителей для второго курса Санкт-Петербургского Округа и открытия вновь Московского: то Я желаю, чтобы Комиссия обратила своё внимание как на сих новообразованных учителей, так и на самые училища, чтобы устроить их в прямом смысле училищами истины»[193]. Соответственно этим словам Благословенного Монарха Комиссия, при назначении начальствующих и учащих лиц в Московскую Академию, действительно сделала один из удачных выборов в лице Архимандрита *Филарета*: – это оправдалось всей его административной и учебной деятельностью в течение пятилетнего его служения в Московской Академии. Об этом служении в Бозе почивший сам не обинуясь засвидетельствовал в следующих словах, значащихся в Записках: «Служение в Академии Московской стоило особенно великих трудов, которые и были все вполне благоплодны»[194].

Правда относительно этого, так скоро состоявшегося перемещения

Филарета из инспекторов Санкт-Петербургской Академии в Московскую, приводилось нам слышать сведение и суждение иного рода. Выше было сказано, что это определение состоялось по мысли и указанию Ректора *Филарета*. Поэтому то поводу, в ту ли самую пору или впоследствии сложилось мнение, что будто бы Ректор *Филарет*, как поспешно избрал *Филарета* в свои сотрудники – в Инспекторы, также скоро и разубедился в нём: потому, чтобы не иметь его при себе на будущее время, он воспользовался случаем указать ему другое назначение. На чём основаны эти сведения, трудно было дознать, но неосновательность их очевидна будет для всякого из последующих данных, опирающихся на личных и официальных свидетельствах самого *Филарета*, бывшего Ректора Санкт-Петербургской Академии. В настоящем месте мы приведём только слова покойного Высокопр. *Антония*, которые он сказал, по прочтении этого нашего указания на бывшие суждения... «Сказать можно напрямки, что подобные мнения – чистые бредни, засевшие в головах у тех, которым представлялось, на основании как будто некоторых фактов, что оба *Филарета* и на митрополичьих кафедрах и на Членских Синодальных креслах питали какие-то будто прикровенные несочувствия[195], которыми надеялись некоторые пользоваться в своих видах, подбивая к этому особливо устаревшего тогда совсем, Митрополита *Серафима*... Напротив – говорил Преосв. *Антоний* – что касается до излагаемого теперь дела – т. е. перемещения Владыки *Филарета*, хотя столь ускоренного, из СПб. Академии в Московскую, – то это дело было даже так, что *Филарет*, – ректор Петербургский, подавал в Комиссию прямой и решительный свой голос, чтобы Инспектора *Филарета* переместить *не в Инспекторы, а прямо в Ректоры* ново-открываемой Московской Академии; – а если он и не настаивал решительно на этом своём мнении, то именно потому, что ясно предвидел, что это непременно и скоро само собой осуществится. Да и сам Владыка-дядя, как сам он мне рассказывал, очень стеснялся заносить, как говорится, ногу сразу на столь высокую ступень, сознавая себя мало ещё подготовленным к новому поприщу академического служения. Об этом он со всей искренностью высказался даже и самому Ректору *Филарету*, который очевидно признал эту мысль разумно-практичной, а потому и не настаивал на своём мнении в Комиссии.

Переходя от места и времени служения Инспекторского в Санкт-Петербургской Академии к таковому же служению Архимандрита *Филарета* в Московской Духовной Академии, мы должны во всяком случае с уверенностью признать, что между обоими соименниками сослуживцами взаимные их отношения, полные сочувствия и единения

духа, были несомненны и искренни. Об этом лично засвидетельствовал один из них (*Филарет* Киевский) в своих Записках в следующих словах: «С этого-то времени – (с первого учебного курса в Московской Академии, когда бывший ректором Петербургской Академии Высокопр. *Филарет* (Московский) приезжал ревизовать Московскую Академию) утвердилась та внутренняя искренняя духовная связь между ними, которая вовсю жизнь их продолжалась неизменно». Начало же и первый залог этой связи, очевидно, были при совместном служении обоих *Филарет*ов в Петербургской Академии, где действительно первый *Филарет*-ректор полюбил, по свидетельству о. *Турчанинова*, новоприбывшего своего соименника так, что благодарил и самого *Турчанинова*«. Значит, он в таких же чувствах с ним и расставался; – а не так, чтобы, как говорится, сбыть его лишь от себя, почему бы то ни было... Скорее рождается вопрос такого рода: – от чего *Филарет*-Ректор желал и настаивал, чтобы назначен был непременно его сослуживец *Филарет*, а не кто другой и именно в Московскую Академию? Ответ на это будет ясен в дальнейшем изложении о служении *Филарета*, когда он вскоре же был определён Ректором Московской Академии.

Отдел V. Время служения в Московской Духовной Академии (1814–1819 г.)

Глава IX. Состав лиц Московской духовной Академии и открытие её. – Деятельность Архимандрита Филарета в Академии

«Прибыв на должность Инспектора Московской духовной Академии в самом начале Сентября месяца (1814 г.), я и устроил и открывал сию новую Академию»[196].

«Отцом Инспектором новооткрытой нашей Московской Академии Архимандритом *Филаретом* я очень доволен»[197].

В состав наставников новооткрытой Московской Духовной Академии, как уже замечено, были назначены лучшие воспитанники первого курса Санкт-Петербургской Академии – в числе восьми человек[198], со званием Бакалавров. Кроме же сего Св. Синодом было поручено преосвященному *Августину*, Архиепископу Московскому сделать представление, кого бы он мог сам признать достойными к назначению в Академию, из лиц, служивших при существовавшей дотоле древней Славяно-Греко-Латинской Академии. Преосв. *Августин* рекомендовал Ректора сей Академии – Архимандрита *Симеона*, (впоследствии бывшего Архиепископа Ярославского) в Ректоры же ново-открываемой Академии, а двух соборных Иеромонахов: *Никанора* (впоследствии Митрополита Санкт-Петербургского) и *Гермогена*, как имеющих отличные способности и сведения, рекомендовал в Бакалавры, – первого из них по кафедре исторических наук, а второго – богословских. Рекомендация его была принята во внимание. Таким образом, наличный комплект начальствующих и учащих в Московской Академии состоял из *четырёх* лиц монашествующих и *восьми* светских. На первых порах этих лиц было достаточно, так как сначала был открыт один только младший курс; судя же по количественному отношению лиц монашествующих – 4 и светских – 8, состав этот был совершенно пропорциональный. Эта пропорциональность была, само собой, благопотребна сколько вообще для новообразованного рассадника *собственно духовного* просвещения, столько в частности для рассадника, помещённого в стенах и под сенью *иноческой обители*.

Кроме поименованных лиц Преосв. Архиепископ *Августин* рекомендовал было и в инспекторы для новой Академии и профессора философских наук, Префекта Славяно-Греко-Латинской Академии Архимандрита *Парфения*, «отличающегося, – как писал он в донесении

Комиссии духовных училищ, – сверх многих других сведений, познаниями философскими, и по собственному благонравию и деятельности своей, весьма способного к должности Инспектора»[199]. Но Комиссия не утвердила сего кандидата, а назначила *Филарета*. Чем руководствовалась в этом деле Комиссия? Ответом может служить следующая заметка, выраженная между прочим, в чтениях Московского Общества любителей духовного просвещения по предмету преобразования учебных заведений в Московской епархии: «Видно, в составе Комиссии духовных училищ находились тогда лица, которым хорошо был известен и состав зданий Сергиевой Лавры, в которой определено было открыть Академию, и весь быт Московской епархии и проч.»[200] А так как в составе Комиссии находился Ректор *Филарет*, бывший и воспитанником и учителем Троицкой в Лавре Семинарии, то одного такого лица достаточно было, чтобы Комиссии иметь надлежащие сведения и руководствоваться ими в деле устройства и сформирования новой Академии. Действительно, – при личной, прежде упоминаемой беседе, в Бозе почивший святитель Московский сказав, что указание и назначение в Инспекторы и затем в Ректоры Московской Академии Архимандрита *Филарета* состоялось по его мысли, присовокупил: «это сделано было мною собственно ради блага Академии, как родного мне заведения, хотя и был наготове другой кандидат».

Такое желание, со стороны Ректора *Филарета*, как Члена Комиссии, само собой происходило не из личных только чувств и видов его, но опиралось на верных основаниях и положительных данных, которых не могла не принять во внимание и сама Комиссия, помимо личного желания Ректора *Филарета*. Как ни мало времени пробыл *Филарет*, прибывши из *Тобольска*, на должности Инспектора Санкт-Петербургской Академии, но он несомненно успел уже достаточно ознакомиться со всем устройством и порядком в этой новообразованной Академии, чтобы воспользоваться ими в приложении к вновь учреждённой Московской. Такое же лицо, как он, тем более требовалось в состав начальственной корпорации новой Академии, что главный начальник – ректор *Симеон* был избран из лиц, незнакомых с новыми учреждениями. Далее, хотя Преосв. *Августин* рекомендовал особенно похвально архимандрита *Парфения*, как обладавшего познаниями философскими: но это достоинство познаний, в ту по преимуществу пору, было сомнительно... В своём месте увидим, что философствование тогдашнего духа и направления всячески нужно было более сдерживать и подавлять в воспитанниках, поступавших в состав новой Академии, так как и в Санкт-Петербургской Академии это дело

составляло предмет больших забот для Начальства. В самом проекте Устава Духовной Академии прямо было сказано, «что преподавание по Философии должно быть в постоянном подчинении высшему положительному авторитету – Божественному Откровению». На этом основании сколько не нужен был Архимандрит *Парфений* для Академии Московской, как преподаватель Философии, хотя и мог бы годиться как инспектор, столько напротив Архимандрит *Филарет* был вполне достойным и для инспекторства и для профессорства, как богослов, и *в частности* как толкователь Св. Писания, имевший уже и степень Доктора. Наконец, при всей маловременности инспекторства *Филарета* в СПб. Академии, не могли укрыться от внимательного взора Ректора *Филарета* как способность и опытность его для этой должности, так и, может быть всего более, дух и направление и весь образ его жизни, вполне соответствовавшие будущему месту служения в новом вертограде наук, не без основания помещённом в обители Св. Преподобного *Сергия*. Всё это скоро и оправдалось самым делом. Так сам Преосв. *Августин*, хотя естественно мог отчасти неприятно смотреть на назначение *Филарета* Инспектором, как состоявшееся вопреки его желанию иметь на этой должности, представленного им, кандидата – архимандрита *Парфения*, скоро убедился в достоинствах *Филарета*. От 5 Ноября 1814 года, – значит с небольшим через два месяца, – он писал, между прочим, к Митрополиту Санкт-Петербургскому, *Амвросию*: «О. Инспектором Архимандритом *Филарет*ом я очень доволен»[201].

По какому поводу и случаю последовал такой отзыв Преосв. *Августина*, неизвестно: справедливость же его не подлежит сомнению, не по отношению лишь к начальному, но и ко всему последующему служению *Филарета*, как в звании Инспектора, так и Ректора Академии. Сам в Бозе почивший не обинуясь засвидетельствовал в своих Записках: «служение в Московской Академии стоило мне особенно великих трудов, которые и были все вполне благоплодны»[202]. Труды эти и начались с самого устройства и открытия Академии.

Так в тех же Записках в Бозе почившего читаем: «Прибыв на сию (инспекторскую) должность в самом начале Сентября месяца, я и устроял, и открывал новую Академию. Открытие Академии было совершено 25 Сентября, – в день памяти Св. Угодника преподобного *Сергия*"[203]. В этих словах очевидно доказательство прежде сказанного, т. е. что ему, – как служившему уже в новообразованной Академии, было дано, вероятно, особенное поручение сделать всё нужное в устройстве Академии по возможности сообразно с Санкт-Петербургскою.

Под устройством Академии нужно разуметь здесь отчасти самые постройки зданий, а главное – размещение в них и приведение всего в надлежащий порядок. Производство капитальных строительных работ происходило ещё прежде, и заняться им в начале поручено было Преосв. *Августин*ом Ректору Троицкой Семинарии Архимандриту *Евгению* и профессору *Вениамину*, но они скоро получили новое назначение. Взамен этих лиц Преосв. *Августин* составил Комитет из строителя Сретенского монастыря иеромонаха *Феофилакта*, Протоиерея Рождественской Церкви (в Сергиевом Посаде) Иоанна и Саввина монастыря Иеродиакона *Никанора*[204]. Понятно, что эти лица, по самому своему положению, не могли быть знакомы с устройством и всеми принадлежностями, необходимыми для нового заведения. К тому же назначены они были в Комитет только лишь 28 Августа, и могли приступить к делу, когда прибыл уже *Филарет*; – по этому самому последний естественно принял непосредственное и главное участие в устроении Академии. Работ же оставалось ещё много. От того же 28 Августа Преосв. *Августин* писал Митрополиту *Амвросию*: «в Академии строение кирпичным делом кончено. Теперь покрываем оное»...[205].

Для ново-учреждённой Московской Духовной Академии избрано было место в стенах самой Лавры Св. Преподобного *Сергия*, потому собственно, как писал в донесении своём Преосв. *Августин*, что во-первых, «место сие удалено от столицы и юным воспитанникам не представляется многих, паче же вредных, развлечений». Во-вторых, «никакое другое место не имеет столько зданий, удобных для помещения вновь учреждённой Академии, как бывшая Лаврская Семинария, а особенно, ежели здание, чертогами именуемое, назначить всё под Академию»[206].

В этих-то зданиях, – семинарских и так называемых чертожных и была помещена Академия. Преосв. *Августин*, вместе с донесением об избрании места, указал, между прочим, и то, где быть аудиториям, Академическому Правлению, цензурному Комитету, где иметь жительство Ректору, Инспектору Академии и пр. Насколько выполнены были эти указания его, или сделаны какие-либо изменения, не известно. Каково же было устройство других помещений и прочих принадлежностей Академии, можем читать в воспоминаниях одного из воспитанников этого времени. «В комнатах, – пишет он, – мы – студенты помещались человек по восьми и по десяти; рекреационных зал и отдельных комнат для занятий не было ни у нас, ни у студентов старших. Те и другие где спали, тут и занимались на общем столе; тут же в свободное от занятий время и отдыхали. Кроме сего недостатка, который впоследствии устранили, и

кроме физического кабинета, который тоже устроен после, все прочие принадлежности казённо-учебного заведения новооткрытая Московская Академия имела вполне и в довольно надлежащем виде»[207]. В частности, как о главнейшей принадлежности высшего учебного заведения, – Библиотеке, читаем такие сведения: «Библиотека немедленно же была составлена из книг, принадлежащих библиотекам – прежней Славяно-Греко-Латинской Академии и бывшей Троицкой Платоновской Семинарии, и судя поэтому, могла быть удовлетворительна. Для приведения же в надлежащий порядок академической Библиотеки приложено было особенное попечение. Библиотекарем был определён Соборный Иеромонах *Гермоген*, который, не имея лекций по своей кафедре до открытия старшего богословского курса, занимался целых два года единственно должностью библиотекарской. Успех его тем более был несомненен, что он и прежде был библиотекарем в Славяно-Греко-Латинской Академии. Для скорейшего же успеха были назначены о. *Гермогену* в помощники два студента – *Николай Терновский* и *Платон Доброхотов*, которым назначено было за это и жалованье[208]. «Больница, – говорит тот же воспитанник, – устроена была отдельно от Академии в саду, деревянная, довольно просторная и удобная; имела восемь кроватей, но могла вмещать и до пятнадцати. При больнице были штаб-лекарь, фельдшер, трое служителей и достаточная аптека с надписью: *Врачу, исцелися сам!* Надпись эту сделал митрополит Платон, говорят, в напоминание одному бывшему при Семинарии лекарю, пьянствовавшему частенько, но умному; и Академия не уничтожила этой надписи»[209].

Что касается дня открытия Академии, то хотя в Записках Высокопр. *Филарета* обозначено 25 число Сентября, но в положительных документах значится и впоследствии постоянно из года в год совершалось празднество в память сего открытия 1 Октября, равно как и самый пятидесятилетний юбилей (в 1864 году) был празднован в это число. Разность эта примиряется тем, что Высокопр. *Филарет* разумел открытие Правления академического и вступление в свои должности всех лиц начальственных и исполнительных по управлению, которые тотчас и занялись приготовлениями к торжеству открытия Академии, назначенному в 1 число Октября. – Самое же торжество открытия не могло быть 25 Сентября по одному уже тому, что в этот день невозможно было бы и совместить его с известным великим празднеством в Лавре в память Св. Преподобного *Сергия Радонежского*.

Об этом торжестве открытия читаем следующие небезынтересные сведения[210]:

«Открытие Академии было 1 числа Октября – день благознаменательный, в который новый вертоград наук поручался покрову и заступлению Богоматери, обетовавшей быть неотступною от сего святого места – обители Св. Преподобного *Сергия*. События веков подтверждают и оправдывают истину данного обители иноческого подвижничества: и полвека, прожитые обителью учения, дают нам смелость думать, что Пресвятая Дева покрывает своим омофором и сей рассадник науки, получивший приют и осенение в покровительствуемой Ею обители. Здесь в тиши уединения питаются юные души не одной пищей книжного учения, но святыми помышлениями и чувствованиями духовной жизни... Будем же благодарны Лавре Сергиевой за щедродательное уделение нам духовного озарения. С признательностью воспомянем имена тех, которые так благомудренно водворили Академию в Лавре».

«Начальником торжества открытия Академии был *Августин*, только за месяц перед тем с саном Архиепископа получивший права Настоятеля Троицкой Лавры. В 9 часов утра наставники и студенты собрались в Троицкий Собор к Литургии, которую совершил Архиепископ *Августин*. После Литургии было молебствие перед начатием учения. Затем учащие и учащиеся приложились к мощам Преподобного *Сергия* и, по два в ряд, шли в царские чертоги. По совершении в зале Академической Конференции водоосвящения и по возглашении многолетий Государю Императору с Августейшей Фамилией и Св. Синоду, прочтён был Инспектором Академии Архимандритом *Филарет*ом Высочайший Указ 30 Августа. Главное содержание сего Указа нам известно. По прочтении Указа, студентами был воспет кант, который, как видно по его содержанию, составлен был в совершенное соответствие с содержанием Высочайшего Указа. Вот некоторые куплеты этого канта:

«Внемлите все! Монарха глас, –
Глас вечной правды, глас священный
Гремит и восхищает нас, –
Благословен Благословенный!
«Гремит, – и мудрость – дщерь небес,
Свой храм пришедшим отверзает:
Храм света, истины чудес,
Красой и высотой сияет.
«Стремитесь юные сердца
Небесным светом озариться:
и проч...

После канта Ректор Архимандрит *Симеон* произнёс речь, и всё торжество кончилось пением другого канта и кратким наставлением преосвященного *Августина* (Архиепископа Московского), обращённым к студентам[211].

Ко дню открытия Академии студенты были уже налицо, в числе 70 человек, составивших первый курс, и принятых, что замечательно, без всякого экзамена. Началось учение. «И с каким жаром (читаем в Исторической юбилейной Записке), взялись первые питомцы Академии за науку! Всё это разнородное общество, все эти семьдесят человек, собравшиеся в одно место с разных концов России, глубоко заняты были делом нового, самостоятельного учения: им мало было трудов учебно-классических, – между ними вскоре образовалось учёное общество, под названием »*Учёные беседы*«, учреждение которого утверждено было академическим Начальством. В современной записке одного из студентов, членов этого общества, *Ф.А. Голубинского*, сказано, что «к составлению общества подало случай приятное обыкновение между всеми почти, занимающимися науками, собеседовать между собой о предметах своих упражнений». Он же свидетельствует, что воспитанники первого курса Академии «часто в часы досуга любили с дружеской свободой и откровенностью говорить, что каждый думал о предметах учения: иногда же читали друг перед другом свои сочинения и судили о них. В течение трёх месяцев в этом обществе, состоявшем из 24 студентов, прочитано было 20 рассуждений по предметам наук богословских, философских, словесных и исторических. Вопросы для рассуждений были выбираемы серьёзные и занимательные, например: «опровержение мнения Валентиниан и Социниан, что тайна Св. Троицы была умствована и гадаема языческими философами»; «о том, каким образом прежде закона и в законе угодившие Богу получили спасение без таинства благодатного искупления»; «о взятии *Иерихона*; об обете *Иеффая*»: «о том, был ли день Тайной Вечери Господа нашего Иисуса Христа первым днём опресночным» и т. д. Как много говорит в пользу студентов первого курса это учреждение *учёных бесед*! Как дорожили они временем самого досуга! Как заняты были насущными вопросами науки!»[212]

«Не трудно уразуметь, – говорит затем составитель Записки, – что такое благоприятное движение науки вызвано было деятельностью первых наставников Академии, и во главе последних тотчас же поставляет имя «приснопамятного *Филарета*, читавшего богословские лекции первому курсу, и *В.И. Кутневича*, который преподавал науки философские»[213].

В чём же заключалась особенность наставнической деятельности

Филарета и *Кутневича*, равно как и достоинство их богословских и философских лекций, которые автор Записки не без основания поставил во главе и в столь тесной связи?

По самому Уставу духовных Академий, как мы видели, преподавание Философии должно быть в постоянном подчинении высшему положительному авторитету и, во всяком случае, идти об руку с откровенным учением. Но как в начале первого курса было открыто только низшее отделение, и в нём по Уставу не полагалось преподавание собственно богословских наук, а читались главным образом философские, то здесь-то и заключалась первая и главная заслуга *Филарета* по части наставнической его деятельности. «Ректор и другие профессора высшего отделения, как назначенные на богословские кафедры, в первые два года не преподавали своих наук; один только Инспектор *Филарет* читал по личному желанию лекции герменевтического содержания. Эти лекции продолжал *Филарет* и после – во весь четырёхлетний курс, несмотря на то, что в последние два года этого же курса он, став уже Ректором, имел ещё отдельную кафедру по Богословию Догматическому.

Чтобы оценить этот труд *Филарета*, не достаточно смотреть на него, как на дань одного лишь добровольного усердия; а тем более нельзя видеть в нем выполнение одной лишь формы и буквы устава. Несомненно, что плодом этого на самых первых порах взаимопроникновения философско-богословского преподавания и было столь благоприятное движение науки в первых питомцах. Так и автор исторической Записки, охарактеризовав именно эти лекции – богословские и толковательные по св. писанию лекции *Филарета* и философские *Кутневича*, не без основания выразился в заключении: «Не мудрено, что из школы таких наставников могли выйти такие лица, каковы *Голубинский и Делицын*... Тому и другому, вместе с учением, передали эти наставники и самые черты своего нравственного характера – благочестие, скромность и самоуглубление[214].

Не оспаривая достоинств и заслуг обоих деятелей, чтобы отдавать предпочтение одному пред другим, нельзя однако не сказать, что движение науки в лице, взявшихся за неё с таким жаром, питомцев оказалось на стороне характера и направления преимущественно богословского. Это ясно доказывают самые предметы и вопросы, обсуждавшиеся в «учёных беседах» студенческого общества. Такого результата, положим, следовало ожидать по самой задаче и цели духовного образования, в то время не разделявшегося в академиях по факультетам, – но чтобы выработать его само собой, требовалось особенного труда и особенного влияния. В противном случае могло бы

произойти и в Московской Академии тоже разрозненное направление, какое открылось на первых порах в новообразованной Санкт-Петербургской Академии, и доходило до борьбы между кафедрами богословия и наук словесных и математических[215]. Возможность же подобного явления в Московской Академии была не в одном лишь предположении, а в действительности. Здесь богословским успехам угрожал ущерб со стороны направления и привязанности студентов к занятиям не математическим, а по преимуществу *философским* и притом в духе мистическом. Предусмотреть же это всего естественнее было *Филарету*. Служивши в Санкт-Петербургской Академии, он не мог не знать бывшего в ней сказанного явления, а при назначении в Московскую Академию всего вероятнее получил он особенное указание в руководство на подобный случай в новом месте его служения. Таким образом, если значение чьей-либо наставнической деятельности и влияние в пользу правильного направления академического образования и самых студенческих стремлений не подлежат сомнению, то по преимуществу – деятельности *Филарета*. И вот ради этой-то столь благовременной и потребной деятельности, можно полагать за несомненное, – и желал и настаивал назначить *Филарета* инспектором в эту Академию *Филарет* – ректор Санкт-Петербургской Академии, как вполне наперёд могший знать возможность проявления того духа и направления, против которого так усиленно нужно было действовать в среде ново-открываемой Академии Московской. И нужно заметить, что это направление привнесено было в Академию вместе со студентами, поступающими именно из древней Славяно-Греко-Латинской Академии, а также из двух московских Семинарий – Перервинской и Троицкой, из коих в новооткрытую академию поступило самое значительное число (31) воспитанников. Но нужно и то ещё заметить, что стремление воспитанников к философским учениям соединялось *с мистицизмом*... Об этом прямое указание видим и в Записках в Бозе почившего *Филарета*: «Во время профессорства моего в Московской Академии было сильно общее направление *к мистике и я всеми силами противоборствовал* ему".

На этой последней деятельности *Филарета*, мы не можем не остановиться в частности. Дело в том, что *Филарет* здесь являлся «всеми силами противоборствовавшим мистическому направлению» не в стенах только Академии, и не в лице лишь студентов, юношески увлекавшихся этим направлением, но в более широкой и даже высшей сфере и не светских только лиц, но и духовных высокопоставленных, о коих сейчас узнаем. Мы приведём здесь несколько строк из статьи одного позднейшего

автора об этом предмете, в приложении собственно к излагаемой теперь деятельности *Филарета*. «Ложный мистицизм, – говорит автор, – в среде воспитанников высшей духовной школы находил себе довольно богатую пищу, потому, что он был тогда вообще господствующим направлением русского общества (во 2 половине царствования АЛЕКСАНДРА I) и продолжал существовать приблизительно до 30 годов настоящего столетия. Не вдаваясь здесь в подробное обозрение этого направления, мы скажем только, что оно проникло во все слои общества – высший, средний и низший, и во все учебные заведения – духовные и светские. Им увлекались не только светские, но и духовные высокопоставленные лица. Митрополиты – *Платон, Амвросий* и *Михаил* воспитывались на мистических тенденциях в дружеском обществе. Сам высокопреосвященный *Филарет* (*Дроздов*) тоже сочувственно относился к мистицизму, или вернее сказать, к светлым его сторонам. Другая часть духовенства, не мудрствуя много, шла за высшим. Но для той части духовенства, которая мыслила о явлениях церковной жизни с точки зрения их неизменяемости, мистицизм казался совершенно непонятным и явлением далеко *не православным*. К числу лиц, совершенно не сочувствовавших мистицизму, принадлежал и *Филарет Амфитеатров*. Его ум и благочестие не мирились с учением мистиков; он смотрел на него как на крайнее вольнодумство и извращение веры. Ему крайне тяжело было видеть, как эта опасная зараза быстро охватывала его соотечественников, и с каждым днём увеличивалось число духовно больных. Не разделяя новых, наплывших с запада, идей, он энергично противоборствовал им, принимал все возможные меры к их ослаблению. Так, пользуясь особенным уважением и доверием тогдашнего Министра народного просвещения князя *Голицына, Филарет* внушил ему мысль ввести в университеты изучение богословской системы в более обширном объёме, тогда как прежде преподавался в них только катехизис, полагая в том достаточное противоядие развитию мистических бредней, по крайней мере, среди учащейся молодёжи. Но естественно, особенное внимание *Филарета* было обращено на ближайшую среду – свою духовную Академию, – к чему побуждали его и долг, и совесть, и та пламенная любовь, какую питал он к духовной школе вообще и её питомцам. В частных устных беседах своих со студентами Академии, он со всей ревностью старался подавить их увлечение быстро распространяющимися ложными понятиями о внутреннем благочестии и, так или иначе, поддержать в них доброе настроение. Беседуя с ними, *Филарет* разоблачал всю неосновательность взглядов любителей мистицизма и те гибельные

последствия, какими он необходимо сопровождается; доказывал важность христианского богослужения и различных, установленных Церковью, религиозных обрядов и действий; говорил о необходимости соблюдения постов и вообще касался тех предметов, к которым отрицательно относились мистики. Принимал *Филарет* в редких случаях и более строгие меры, чем простые наставления и увещания: тех из воспитанников, в которых глубоко западал новый дух злобы, как гнилых членов и весьма вредных для других, он решался даже увольнять из Академии[216].

Этого последнего сведения, представленного автором, т. е. что «новый дух злобы настолько заражал воспитанников, что иных, как гнилых членов и вредных для других, Ректор *Филарет* вынужден был даже увольнять из Академии», – мы ни отрицаем, ни утверждаем за не имением на это данных. Во всяком же случае описываемое направление студентов состояло не в одной только школьной привязанности к философии, как к науке, а *в философском вольноумии, нередко сбивавшем их с пути истины*. В этом именно отношении, в смысле даже «*исповеди*», один из воспитанников второго курса Академии, обучавшийся прежде в древней Академии, а затем в Перервинской Семинарии, (откуда он и поступил с таким направлением в Московскую Академию) – вот что свидетельствует сам о себе.

"Ректор (*Филарет*) был человек, – не скажу, – высокого ума, но глубокий знаток своего дела, и умел внушить нам разумную веру. Философское *вольноумие* хоть я учился и не бойко, мне очень нравилось; но оно разбилось наконец о богословский догматизм. Догматический такт сначала был мне тяжёл: не смей думать иначе, нежели как учат, а учат по канве Св. Писания, – надобно верить, а не рассуждать. Только Ректор, – как сказано, – глубокий знаток своего дела, доказав Богодухновенность Библейских книг с математической точностью, легко уже передавал нам богословские истины, утверждая их на текстах Писания»... «Помня однако, свою прежнюю привязанность к Философии, я принялся за неё прилежно. Профессор философских наук (*Кутневич*) был человек умный и близко знакомый с новейшей в то время Философией, и как профессор был эклектик, по крайней мере, наружно; – поэтому История Философии читалась им и по *Бруккеру*, и по *Теннеманну*, и по *Буле*. Входили иногда в дело *Тидеманн* и *де-Жерандо*. Возбуждённый умными лекциями профессора философских наук, уважавшего преимущественно *Платона, Плотина* и всех новейших философов, я ревностно следил за ходом развития мыслящей силы в роде человеческом. Правда, *много раз я*

сбивался с пути, но ненадолго. С трудом выучившись понимать критику *Канта,* я остановился на этом великом философе. Но его Х, – как я ни старался разрешить его по системам *Фихте, Рейнгольда, Шеллинга* и *Якоби,* – стал как неподвижная точка перед моими глазами, как таможенный столб, за которым всякое умствование представлялось мне контрабандой... Этот Х долго томил меня: Якобиева вера или непосредственное ведение абсолютной истины несколько облегчало мой дух; но лишь вспомню Кантов Х, всё опять пропадало; он опять являлся как призрак, от которого ничем не отвяжешься. Наконец я прибегнул к откровению, и оно меня успокоило[217].

Не станем принимать в расчёт, что это говорит не более как воспитанник, суд которого о самом предмете науки и о достоинствах наставника может быть и ограничен и, так или иначе, пристрастен. Впечатления юношеские, при добрых условиях, бывают весьма характеристичны и верны, а особливо те, кои остаются неизгладимыми и руководственными на всю жизнь. Кроме того автор воспоминаний, издавая их в свет в годах уже старческих, по собственному его выражению, «исповедовал себя в них перед публикой и желал, чтобы многие, ко всякой эпохе его жизни прикосновенные, обстоятельства, как не маловажные, не погибли в реке забвения»[218].

Здесь особенно характеристичны и беспристрастно верны слова, что Ректор Архимандрит *Филарет* был человек если не высокого ума, то глубокий знаток своего дела. Последнее достоинство его заключалось в значительной учёности и вообще начитанности, а, что главнее всего, в основательном и глубоко-благоговейном убеждении в истинах веры и благочестия, с проведением их в живое деятельное сознание. Об этой отличительной черте, как в научном, так и религиозном отношении, читаем и в исторической Записке: «В системе *Филарета* замечательно стремление отрешиться от всякого заимствования из систем западных богословов; и это объясняется главнейшей чертой в его личном характере, – именно строгим духом Православия, которым глубоко он был проникнут. В этом случае им всегда владело чувство самого строгого опасения, чтобы черпая из источников западной учёности, хотя бы и нечувствительно, не привнести в своё учение чего-нибудь мутного, нечистого. При таких опасениях крепкой охраной служило ему Слово Божие, которым он подкреплял всякую свою мысль»[219]. Однако черта эта в лице преподавателя *Филарета* не означала, что он отрешался совершенно от всяких источников и пособий для своей системы. Этого не позволял самый устав тогдашнего времени, где «постановлено было

правилом, чтобы авторы и учебные книги для профессоров Академии по части преподавания были в своём роде самые лучшие и, чтобы они держались всегда на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке»[220]. Не позволяли этого также и официальные, повременно выходившие, распоряжения относительно конспектов, учебников и руководств для преподавания наук. «О составленных в ту пору конспектах и преподанных по ним в первые курсы во всех Академиях, уроках – читаем такое свидетельство в истории одной из сих Академий (Санкт-Петербургской): «они послужили верными точками отправления для последующих трудов и изысканий, возведших науки академического образования и их преподавания до той степени точности, ясности и обработанности, на которой они стояли в течение целого полстолетия до последнего времени». И что особенно интересно, – говорит автор, у которого берём и настоящее изложение, – это тот родственный союз высших духовных заведений, в который они введены в самом начале единообразием преподавания и в котором всегда поддерживались и укреплялись общением идей и взаимным обменом приобретений, сделанных каждой Академией на указанных и для всех одинаковых основаниях[221].

И вот Московской Академии принадлежит едва ли не преимущественная пред всеми прочими Академиями честь, что она первая представила начатки трудов и плодов в деле обрабатывания систематического изложения и преподавания богословских наук. Эти труды и плоды, неоспоримо, принадлежат *Филарету* по преподаваемым им наукам – Догматическому Богословию[222] и толкованию Св. Писания. Достоинство этих учёных произведений свидетельствуется уже тем, что первое из них – система Догматического Богословия была представлена автором в тогдашнюю Комиссию Духовных Училищ[223]; относительно же второго – толкования на Св. Писание, (в частности на пророка *Исаию*), – говорится в исторической Записке, – что это замечательный плод учёных занятий *Филарета*, за что он и получил степень Доктора Богословия»[224]. Последнее сведение хотя и ошибочно со стороны автора исторической Записки, но как всего вероятнее, оно внесено здесь на основании общего предания и мнения о трудах *Филарета*, то это самое тем более служит свидетельством высоких учёных достоинств его. Живым доказательством этого же служит и то, что лекции *Филарета* по Богословию и по Толкованию Св. Писания списывались самым тщательным образом слушавшими их, и экземпляры их сохранились до позднейшего времени, вместе с благоговейною памятью об авторе-преподавателе. Наконец по

этим лекциям, например богословским, неизменно продолжалось, как увидим ниже, преподавание в последующие курсы после выхода *Филарета* из Академии.

Представим, хотя в кратком изложении, разбор этих учёных произведений в Бозе почившего и, с тем вместе, укажем на некоторые из его проповедей, говорённые им в описываемую пору, как свидетельствующие о тех же учёных его достоинствах.

Филарет, – как сказано было уже прежде, – начал читать лекции герменевтического содержание по св. Писанию с самого первого времени открытия Московской Академии. Предметом для изъяснения была избрана им сначала книга Бытия, которую и объяснял он, руководствуясь отчасти Записками (тогда ещё неизданными) *Филарета* (*Дроздова*). С Октября до декабрьских экзаменов, кроме общего введения в книгу Бытия, он прочитал описание творения мира и кончил покоем седьмого дня. Затем он начал толкование на исторические и пророческие книги. В последнем отношении особенно замечательным произведением до́лжно признать толкование его на книгу Пророка *Исаии* с общим введением к истолковательному чтению пророческих книг и, в частности, к чтению *Исаии*.

Филарет, при составлении записок, руководствовался обширным сочинением *Витринги* (Commentar, in librum Jesaiae 2 tom. 1732). При толковании он следовал его приёмам, именно: сначала предлагал отдел текста, который приводил в переводе с подлинника, при сём исправлял славянский перевод; потом рассматривал цель, содержание и части избранного отделения или слова: далее у него следует изыскание подлежащего пророчества (т. е. лица или народа, к которому относится пророчество), и времени произнесения пророчества, после того частное разделение слова, наконец изъяснение мест, как трудных к пониманию, так и особенно достойных примечания. При изъяснении слов Пророка *Филарет*, прежде всего, обращается к буквальному смыслу, потом раскрывает символический смысл пророчества. Несмотря на заимствование, труд *Филарета* имеет неотъемлемые достоинства: много такта, много знания, много неутомимого труда требовалось, чтобы из этих обширных толкований *Витринги* извлечь существенно необходимое и годное для слушателей, не утомляя их внимания сбором исследований филологических, сведением множества мест параллельных, свидетельствами из иудейских и других писателей и т. п. Строго говоря, толкование *Филарета* не есть перевод, тем менее буквальный из *Витринги*; это выбор самый строгий и благоразумный.

По Богословию Догматическому план для своих лекций *Филарет* заимствовал[225] из Богословия *Иринея Фальковского*, которое представляет сокращение Богословия *Феофана Прокоповича*. Впрочем, не везде он строго держался плана Богословия *Фальковского*. Так, например, трактат о *предопределении*, который у *Фальковского* занимает место между трактатами о всеобщей благодати и воплощении Сына Божия, *Филарет* поставил после учения о призывании, возрождении, оправдании и пр. Некоторые трактаты – как напр. о Соборах, о врагах Церкви у *Филарета* опущены (вероятно потому, что это относится более к истории). Сюда же должно относиться замечательное в системе *Филарета* стремление отрешиться от всякого заимствование из систем западных богословов и пр. В списках его лекций, (которые мы имели под руками)[226], половина страницы занята латинским текстом трактатов, другая половина – текстами из славянской Библии, и так – по большей части. В тех случаях, когда нужно было обращаться к Еврейскому или Греческому тексту Библии, напр. в трактатах о Именах Божиих, *Филарет* вводил филологические объяснения и толковал значение слов по смыслу подлинного текста. Замечательно и то, что вся система *Филарета* содержит чисто положительное учение: полемическая часть с возражениями, противоположениями и т. п. у него не имеет места, за исключением тех случаев, когда её избежать было нельзя, – напр. в учении об исхождении Св. Духа; но и тут взято только главное: всё же дробное и мелкое устранено. Чтобы избежать подробностей, *Филарет* нередко отсылал студентов к учебной книге: так напр. сказав о главных Именах Божиих, встречающихся в книгах ветхозаветных, *Филарет* говорит: «De caeteris videatur liber classicus». Но зато в некоторых местах его лекций встречаем попытку в большей подробности исследовать тот или другой вопрос: это у него называется – additamentum. Таковы его прибавления к трактату об исхождении Св. Духа, представленные в форме отдельного трактата. В этих трактатах предмет рассматривается несколько шире обыкновенного, но и тут эта широкость гораздо сжатее того образа изложения, который встречаем в сокращённом Богословии *Фальковского*. Наконец следует обратить внимание на ту особенность в лекциях *Филарета*, что из старых схоластических учебников он удержал в своей системе, так называемый, «usus», или нравственный вывод из рассмотрения того или другого вопроса, и ещё заключительные *славословия* (glorificationes) по окончании отделений системы. Это происходило, однако, у него не от увлечения приёмами схоластических богословов, которых он был чужд в своих лекциях, но *от личной его*

благочестиво-нравственной настроенности, которая одно только и нашла лучшего у схоластиков: usum et s. s. Triados glorificationem[227].

По изложению лекции *Филарета* отличаются необыкновенной сжатостью, простотой и ясностью, так что во многих местах они походят на пространный конспект. По свидетельству бывших учеников *Филарета*, богословские его Записки имели собственно назначение облегчить студентам труд приготовления к испытаниям, так как известную часть времени, назначенного для богословских классических занятий, *Филарет* посвящал с тем вместе толкованию священных книг. Преемник *Филарета* по ректуре Архимандрит *Кирилл* не читал сам Богословия до следующего курса, а поручил преподавать его после *Филарета* инспектору *Платону Березину*, который и читал по лекциям того же *Филарета*. Ректор же в это время читал по примеру же *Филарета*, толкование на св. Писание. Затем для третьего курса (с Сентября 1820 года) *Кирилл* начал читать Богословие на русском языке. Замечательно впрочем, что хотя Кирилл следовал преимущественно Запискам Ректора СПб. Академии *Григория* (*Постникова*) с некоторою, впрочем, разностью в плане и изложении, – но внутренним характером и направлением совершенно сходился с *Филарет*ом.

Кроме классических учебных трудов Ректор *Филарет* был известен и как церковный вития. Из многих его слов тогдашнего времени до нас дошли впрочем, *четыре* только, напечатанные в синодальной типографии. *Первое* – говорённое в 1814 году в день Вознесения Господня, в домовой церкви Синодального Обер-Прокурора Князя Голицына; *второе* – говорённое в 1815 году в звании ещё Инспектора, – *в Великий Пяток*; – *третье*, в 1819 году 10 Марта, при отпевании Архиепископа Московского *Августина*, погребённого в Успенском Соборе в Лавре, сказанное в Свято-Троицком Соборе и напечатанное в синодальной типографии[228].

Первого слова мы не знаем содержание. Но замечательно в судьбе его то, что это слово до последних пор (до 1870 г.) приписывалось *Филарету*, Митрополиту Московскому, говорившему будто бы в бытность его Ректором Санкт-Петербургской Академии. И вот, при составлении уже последнего хронологического указателя слов и речей *Филарета*, Митрополита Московского, оказалось, что это слово не его, а принадлежит *Филарету*, бывшему его сослуживцу, – Инспектору СПб. Академии[229].

Второе из указанных слов было из текста (Исаии 53 гл. ст. 1–3): *Господи, кто верова слуху нашему…, умалил паче всех сынов человеческих*. Тема выражена следующими словами: Пред сим достопоклоняемым

изображением Господа Спасителя Нашего испытаем себя, слушатели: имеем ли мы свойства избранных Божиих, которым Отец небесный во Христе Иисусе завещал Царство? (Лк. 22:29). Идём ли мы путём, ведущим в наследие живота вечного? Живём ли мы жизнью, дарованной верующим крестной смертью Иисуса Христа?

Третье слово (при погребении Архиепископа Московского, *Августина*) были из текста: «*Веруяй в Мя, аще и умрет, оживет*» (Ин. 11:25). Вот начальные его слова: «Почил в Господе муж, не столько исполненный дней, сколько исполнивший дни свои подвигами служения Церкви и отечеству. Почил *от дел своих* делатель винограда Христова, от утра жизни своей посвятивший себя учению, *еже по благочестию*, и неутомимо потрудившийся до самого её вечера в воспитании служителей Церкви и в проповеди Слова Божия сынам» Православной веры. Скончал течение неусыпный Пастырь, столь много и столь бодрственно подвизавшийся во днях, наипаче скорби России и посещения первопрестольного града огнём и мечом супостатов: скончал течение своё, едва узрев плоды трудов своих, и не вкусивши здесь сладкого после них покоя – почил в Господе Своём».

Затем изобразив то, чего в лице почившего лишилась паства Московская, и св. Обитель св. Преп. *Сергия*, проповедник обращается, в этом же значении, и к ново-учреждённой Академии: «Ты, вертоград духовного учения, ограждаемый святительским благословением его и хранимый его молитвами, не сретишь уже более милосердого делателя своего, грядущего назирать плоды твои! Но то останется у тебя незабвенным, что первое насаждение твоё было делом рук его, и что он последние силы свои посвятил на последние успехи и плоды первого возраста твоего[230] и сим положил печать непрестающей любви своей к тебе». Потом делая переход словами: «Так сей возлюбленный Пастырь оставил всех нас, – и его скоро все оставят», – он выводил главной темою своего слова взятый им текст так: – «Одна сердобольная Матерь наша Церковь, рождающая чад своих в истинную непрестающую жизнь, не оставит его. Она единая подвизается ныне и никогда не оставит подвига своего в молитвах о нем к Господу Своему, дающему всем жизнь и мёртвых оживотворяющему: верует бо словесам Его, – »*яко веруяй в Него, аще и умрет, оживет*"[231].

Четвёртое слово, находящееся в особом сборнике, говорено было им в Воскресенском (Новый Иерусалим) монастыре 1818 г. 12 Апреля в Великий Пяток из текста: «*Вскую прискорбна еси душе моя*"?!

Итак, чтобы сказать последнее слово об учёных достоинствах

Филарета за описываемую пору, нельзя не отдать ему заслуженной чести, как богослову систематику и преподавателю и как проповеднику. В последнем отношении значение этих достоинств свидетельствуется уже тем, что проповеди его были издаваемы в печати; а в тогдашнюю пору известно, как понималось и ценилось печатное слово. С другой стороны, – как бы ни произошло вышесказанное библиографическое недоумение касательно слова в день Вознесения, – одно уже приписывание его *Филарету* Московскому показывает, что это слово и по достоинству своему подходило под разряд слов знаменитейшего витии. Так же точно и самое приглашение для проповедования в таких местах, какова домовая церковь столь высокого сановника, по тогдашнему времени и обычаю, значило весьма много. Да и вообще известно, как разумелось и ценилось в описываемую пору церковное проповедничество в смысле и значении самой учёности. Достоинства хорошего проповедничества служили лучшими свидетельствами и хорошего наставничества в учебном заведении и такого же обладания научными познаниями, особливо богословскими. На этом-то основании, говоря об учёных достоинствах *Филарета*, как профессора Академии наряду с учебными его трудами и произведениями, мы изложили сведение и об его известности проповеднической.

Но, кроме учёности в специально-богословском отношении, *Филарет*, несомненно, обладал познаниями и по другим наукам. Этого требовало самое служебное положение его: как Ректор, он обязан был наблюдать за преподаванием всех прочих предметов и производить по ним испытания воспитанников. О степени знакомства с другими науками можно вообще судить по самой степени познаний его богословских, так как последние, при надлежащей их основательности и достаточной обширности, включают в себя круг и прочих наук, особливо при тогдашней программе и объёме последних. В частности же нельзя не видеть, что *Филарет* был достаточно знаком с тогдашними, напр. философскими системами. Об этом мы видели отчасти уже прежде; в настоящем же месте за это ручается самое то, что несмотря на господствовавшее в среде воспитанников Академии философское направление, доходившее до степени увлечения, *Филарет* как наставник, силен был смирять кичливое их вольноумие... Чтобы достигнуть этого, очевидно требовалось не поверхностное знание того, чем увлекались воспитанники. Если по собственным словам в Бозе почившего, которые мы уже приводили, «служение в Московской Академии стоило ему особенно великих трудов», то эти труды, конечно, состояли главным образом в его учёных занятиях.

Впоследствии мы увидим, что действительно приготовление им лекций было для него в полном смысле делом подвижническим; потому-то и труды его, как он сам засвидетельствовал, «были все вполне благоплодны».

Впрочем, само собой разумеется, что *Филарет*, как и всякий на его месте, в одном своём лице не мог бы достигнуть столь благоплодных успехов, если бы не имел благонадёжных сослуживцев и сотрудников. С этой стороны не станем говорить о самом большинстве наставников, определённых из воспитанников первого курса Санкт-Петербургской Академии, которые, как вышедшие из-под мудро-опытной и влиятельной руки тамошнего Ректора *Филарета*, а также отчасти самого в Бозе почившего, бывшего инспектором в той же Академии, по одному уже этому могли быть верными споспешниками последнему. Мы скажем только об Архимандрите *Гермогене*, который после определения *Филарета* Ректором Академии, занял его инспекторскую должность, оставаясь с тем вместе по прежнему профессором Академии и, следовательно, был одним из главных и ближайших сотрудников *Филарета* как в учебном, так и нравственно-воспитательном отношении.

Отсылая читателей, желающих ознакомиться с личностью о. Архимандрита *Гермогена* к биографическому очерку его жизни, помещённому в «*Душеполезном чтении*», мы приведём здесь лишь те сведения, которые свидетельствуют об его учёности, высокой духовной жизни и личных отношениях к нему Ректора *Филарета*. Автор очерка говорит: «Ещё при жизни о. Архимандрита *Гермогена* было печатно заявлено, что он служит примером монашествующих, соединяя глубокую учёность со смиренномудрием и пощением. И действительно, о. Архимандрит был муж глубоко учёный, просвещённый Словом Божиим и писаниями святоотеческими. Русскую историю и особенно церковную он знал превосходно. Надобно было видеть его в кругу образованных благочестивых людей, чтобы оценить его высокую христианскую мудрость. Высоко учёные мужи (например, профессор Московской Академии *Ф.А. Голубинский*) слушали его с особенным вниманием и старались чаще пользоваться его беседами». Относительно же высокой духовной жизни о. *Гермогена* свидетельствует, между прочим, следующий факт, кончившийся к несчастью печальными последствиями для его академической службы и для здоровья его на всю жизнь. «В избытке благочестивой ревности *Гермоген*, (бывши Инспектором Академии), пожелал провести сорок дней (вероятно в святую четыредесятницу) в строжайшем посте; но после двенадцатидневного поста он до того ослабел, что не мог отпереть двери своих комнат. Надобно было даже

сломать запор, чтобы войти к нему. Видя его *едва жива суща*, сострадательный Ректор *Филарет* позаботился о нём: – он долгое время почти не отходил от несчастного, доставляя ему нужные пособия и утешения. Жизнь *Гермогена* была спасена, но неосторожность его поступка не осталась без горестных последствий, каковы: потеря голоса, прежде звучного и приятного, и страшное трясение головы, не прекращавшееся до самой смерти»[232]. Об этом факте сообщал и Высокопр. *Филарет* с объяснением самого побуждения, по которому о. *Гермоген* наложил на себя такой подвиг поста. По этому объяснению, высказанному перед *Филарет*ом откровенно самим о. *Гермогеном*, открылось, что он возымел здесь ревность о благочестии *не по разуму*, по вере в силу и действие Благодати, дающей духовные дарования. Пред этим временем только что поручено было о. *Гермогену* преподавание одного нового для него предмета; он, сознавая недостаточность сил и познаний для усвоения и преподавания этого предмета с надлежащей полнотой, возымел мысль восполнить недостаток *просвещением свыше*, подобно тому, как Св. Апостолы прияли от Св. Духа *дары всякого ведения*. И вот, чтобы сподобиться подобного же наития, о. *Гермоген* и решился на такой сверхчеловеческий подвиг, обрекши себя на сорокадневный пост и молитву[233]. «Кроме этого грустного факта в жизни о. *Гермогена*, – говорит его биограф, – служение его как по званию профессора, так и Инспектора Академии было во всех отношениях достойное. Студенты всегда с особенной любовью относились к о. *Гермогену*, высоко ценя его снисходительность и доброту и прекрасное всегда назидательное преподавание[234], хотя в воспоминаниях своих и замечает г. *Измайлов*, «что когда о. *Гермоген* после болезни получил трясение и потому непрестанно кивал головой, то студенты многие ошибались, думая, что он подзывает к себе; – иные даже за это передразнивали его, но не более как в шутку, а отнюдь не в смысле насмешки серьёзной»[235].

Представляя такую характеристику о. *Гермогена*, как ближайшего достойного сослуживца Ректора *Филарета* и по классическим занятиям и по инспекторству, остаётся увериться, что дело образования в Академии ведено было исправно и благотворно как в учебном, так и в особенности, в воспитательно-нравственном отношении. Достоинство первого (учебно-образовательного дела) мы уже видели и, притом, как плод трудов и влияния по преимуществу Ректора *Филарета*, и увидим ещё в своём месте при бывших двух ревизиях Академии. Что же касается второго, нравственно-воспитательного дела, то и здесь наперёд можно сказать, увидим главнейшее деятельное участие и самое благотворное влияние

самого же Ректора *Филарета*, – о чем собственно и будет речь в следующей главе.

Глава X. Характеристика Ректора Филарета, как воспитателя и начальника

«Наш о. Ректор *Филарет* был истинно исполнен духа благочестия и любви христианской. Управление его в Академии было истинно отеческое; мы были для него как дети родные. Благоразумная строгость его, не хвалившего, хотя и щадившего, привязавшиеся к студентам столичные и другие привычки, доводила всех до состояния благонравности»[236].

Н

адзор за поведением воспитанников по правилам Устава, лежит прямым существенным образом на Инспекторе Академии; тем не менее, по силе того же Устава и сам Ректор наблюдает за нравственным состоянием своего заведения. Ректор *Филарет*, как увидим сейчас, исполнял это дело с особенной заботливостью, более даже Инспектора, особливо бывшего болезненного *Гермогена*. При этом забота и действия его отличались возможным устранением формально-дисциплинарных отношений и условий. Вся инспекторская сила влияния его на воспитанников заключалась, сколько с одной стороны в достойно-заслуженном и всеми глубоко-ценимом авторитете начальническом, столько в личном его духе и характере, выражавшихся в искреннейшей христианской простоте, в мягкосердии, прямоте и открытости в обращении с воспитанниками, которые не могли не видеть всей истинно-отеческой попечительности об их благе и искреннейшего, как бы собратского сочувствия ко всем их интересам во всех отношениях. Когда однажды, при личной беседе, обратились мы к одному из бывших воспитанников первого курса в Московской Академии[237] с просьбой, сообщить что-либо из своих воспоминаний о бывшем своём Ректоре *Филарете*, – маститый старец отвечал: «что я вам скажу?! Я ничего не могу сказать!» И в эту минуту, возведя взор свой к небу, с какой-то, просиявшею в лице его радостью, а с тем вместе с вырвавшимся вздохом умиления и, с подавлением готовых выкатиться слёз, сказал: «Знаете ли?! ведь мы считали его *не за человека, а за ангела.* Он вёл себя в отношении к нам не только как отец, и не только как равный нам, но ещё старался быть как бы ниже нас... Потому-то всё в нём было выше наших наблюдений и замечаний, – всё сливалось и поглощалось в одном представлении, – что это не человек, а ангел[238]. И потому-то я не могу ничего сказать о нём особенного, в нём всё было особенное. Необыкновенно у него было и

самое чтение лекций, в которых мы слышали не материал только научных знаний, а что-то в роде благовествования, а потому и слушали не со вниманием только, а с благоговением. Необыкновенно выходило у него и всё прочее, и в действиях, и в словах, словом во всём, что только мы могли видеть или узнавать друг от друга из товарищеских рассказов, из которых некоторые выходят теперь и в печати вроде назидательных воспоминаний, – о которых и вы несомненно уже знаете, как собиратель биографических материалов о приснопамятном великом Иерархе. И мне кажется, что к лицу и ко всей жизни его достойно и праведно приложить во всей полноте слова Премудрого: »*Не отъидет память его, но пребудет в благословениях*, и *имя его поживет в роды родов, и хвалу его исповесть Церковь*» (Сир. 39:12–13).

Указываемые черты в духе и характере Ректора *Филарета*, по части его начальнических воспитательных действий и влияния в среде воспитанников, действительно глубоко запечатлелись в сердцах последних и, что главнее и важнее, были сохраняемы ими как дорогое достояние на всю жизнь. Свидетельством этого служат именно как те назидательные воспоминания, на которые указывал и маститый старец, в появлявшихся в разное время в печатных статьях, так и письма некоторых, присланные[239] как материалы для биографии, а также и личные рассказы. Мы приведём некоторые, особенно характеристичные и интересные из этих сведений.

Сокурсник вышеупомянутого о. Протоиерея *Н.Г. Троицкого*, Вятский Кафедральный Протоиерей *Азарий Тимофеевич Шиллегодский* в письме своём, при доставлении экземпляров сохранившихся у него лекций Ректора *Филарета, К.С. Смирнову*, писал между прочим: «О. Ректор наш *Филарет* был истинно исполнен духа благочестия и любви христианской. Управление его в Академии было истинно отеческое, мы были для него дети родные. Науки, им преподаваемые – св. Писание и Богословие, мы слушали у него с напряжённым вниманием, потому что он сам на лекциях был благоговеен, равно как и во всём прочем, мы видели в нём пример такого его настроения»[240]. Сокурсник же этих лиц – впоследствии Епископ[241], в личных неоднократных беседах с нами при воспоминаниях о Ректоре *Филарете*, однажды выразился так: «мне кажется, что и сам св. Апостол не оскорбился бы, если бы восхитить, так сказать, часть чести того его самосвидетельствования, где он говорит: – »*многи имате пестуны* – (παιδαγωγοῦς), – *но не многи отцы: аз бо вы благовествованием родих*« и приложить эти слова к бывшему нашему Ректору – истиннейшему и »*пестуну и отцу*" *Филарету*".

После этих кратких общих сведений встречаем далее изложения

воспоминаний довольно обстоятельные, где в приводимых фактах особенно рельефно выказываются черты *Филарета* в отношении к воспитанникам и их чувствования и отношения к нему. Обращаемся к воспоминаниям г. *Измайлова*.

«Благоразумная строгость Ректора, не хвалившего, хотя и щадившего столичные наши привычки, и особенное его ко мне внимание, довели меня до состояния воспитанника благонравного. В школе ничем не отличая от прочих, Ректор нередко брал меня с собой в *Москву* и дорогой заводил разговор какой-нибудь нравоучительный. Я был с ним откровенен, вмешивал в разговор свои мысли, иногда спорил; и он не только не сердился, а ещё вызывал меня как бы на диспут. Но не столько нравоучения этого мудрого педагога падали мне на душу, сколько его назидательное обращение со мной. Хотя мне было за 20 лет, но я был прост и открыт как ребёнок; нередко попадал в сети, какие иногда расстилали мне товарищи. Ректор сам был не хитр; но как человек истинно, можно сказать, прозорливый, видел мою простоту и безлукавство и знал, что я слишком доверчив к людям. Одним с собой случаем он дал мне понять, как простодушие и доверчивость к другим приводят иногда и умного и опытного человека в затруднение действовать удачно в свете, и спросил: должно ли же беречь в себе эти детские качества и можно ли сделаться в своём роде хитрым, не потерявши их? Я сначала только заикнулся…, а потом напрямки сказал: «простота – своего рода глупость, а доверчивость показывает незнание людей и неопытность в жизни: убытка не много, если и потеряешь их». «Нет, – возразил о. Ректор, – простота больше предполагает непорочность, и доверчивость – уважение к людям: потерять их или не иметь – большое по-моему, несчастие. Простодушных людей любят все, даже и люди злые; человек же, доверчивый к другим, взаимно выигрывает доверие других и к самому себе. Да и что за беда, если кто тебя и обманет? ни честь твоя, ни твоя совесть не страждут. Если ты сознаёшь, что ты прост и доверчив, храни эти качества, как благодеяние природы, не презирай и не изменяй своей личности». Этот урок, выраженный только иными словами, крепко удержался в моей памяти и весьма был полезен мне в жизни[242].

Автор этих воспоминаний, говоря о благоразумной строгости Ректора, не хвалившего, хотя и щадившего столичные и другие привычки студентов, разумел следующее: «При свободе, какую нам дозволяло начальство, не стесняя излишнею формальностью, и с какой мы в не учебные дни и часы могли отлучаться из комнат и даже из Академии, только не на ночь, – занятия наши перемежались прогулками и шли как-то

легко. Нам не воспрещалось ни пить, ни есть, ни лакомиться; но мы держали себя прилично; посадских трактиров не жаловали, и если кому вздумалось что-нибудь съесть или выпить, ходили в лавки и там пировали в отдельных комнатах, не сообщаясь ни с кем из посторонних. Нередко прихоти свои исполняли и дома: пили чай, ходили в гости друг к другу и заводили разные игры»[243]. По поводу сих прихотей и затей подробно описывается автором воспоминаний следующий случай.

«Однажды, в день именин одного из старших студентов, назначено было собрание. Как день был учебный, то собранию положено быть после ужина в 10, 11 и 12 часов ночи. Званных собралось человек сорок в большой довольно комнате, в которую вход был через другую комнату, также жилую: на пир пригласили и меня. Сошлись, расположились пить чай, сперва так, а после на произволяющего и с прибавлением... Покуда приготовляли чай, ярославские студенты вздумали сыграть »*бурлацкую лодку*«: один нарядился лоцманом, другой – рулевым, 12 человек сели на пол за гребцов: заиграли гусли, скрипки и гитара, запели: «вниз по матушке по Волге», все сдвинулись в кружок и проходная комната осталась совершенно пустой. Лоцман, одетый в вывороченный тулуп, в уродливой шапке, стоял на пороге при самом входе в большую комнату, почти в дверях и командовал. Вдруг, откуда ни возьмись, Ректор; его никто не заметил... Изумлённый необыкновенным зрелищем и раздосадованный, что его никто не видит и не слышит, этот незваный посетитель ударил лоцмана тростью по спине со словами: «что это такое»? и, прочистив себе вход, перекрошил также тростью всю приготовленную на столе посуду – чашки, чайники и стаканы. Студенты, во время работы Ректора над посудой, все успели выбежать, ряженные переоделись, посторонние убрались в свои комнаты, а хозяева, остановившись в комнате передней или проходной, стали в строй и ждали, что будет[244].

Оставшись один и не видя, к кому обратиться, Ректор вышел в переднюю и с довольно спокойным видом спросил: «зачем вы ушли»?! Студенты, которые выпили ещё только по одной чашке чаю, не показывая ни страха, ни уныния, объяснили причину своего собрания и игру, и прилично выразили, что они оскорблены напрасно. Ректор, выслушав их, молча и не сказав ни слова, вышел.

«Именинник досадовал больше всех: чашки, чайники и стаканы были взяты в лавке напрокат: надобно было за них заплатить и недёшево. Поговорив с товарищами, именинник отправился сначала к Инспектору – заявить о происшествии: он не принял, – лёг, сказали, спать: отправился

потом к Ректору, но нашёл все входы запертыми».

«Что делать?! Не горевать же, а спать с досады не хочется: рассудили приняться снова за пир, а жалобу к Ректору и на Ректора оставить до утра. Собрали кое-как по разным комнатам, где что нашлось, чашек, блюдечек, рюмок, кружек, и угощались долго никем и ничем не потревоженные, и едва ли ещё не лучше, нежели как предполагали».

«Утром, перед классами именинник и оба комнатные старшие, где происходила пирушка, явились к Ректору. Ректор принял их в кабинете и встретил очень ласково, так что первый заряд жалобы разрядился у них без выстрела. «Господа! вы ввели меня в искушение, я поступил дурно: будете начальниками, не берите с меня примера; кажется, я ударил какого-то студента, прошу у него извинения; я счёл его за служителя». Эти первые же слова совсем успокоили и именинника и наших депутатов: они только и могли сказать, что чашки у них были чужие. «Это ничего, я заплачу; но мне больно, что я повредил вашему дружескому общению, о чём я забочусь, и что для будущей вашей жизни очень дорого. Если у вас опять и будет подобное собрание, скажите мне, я приду сам; а теперь извините меня неосторожного, забудьте неприятный случай и скажите товарищам, чтоб и они его не помнили». Затем Ректор отпустил претендентов. Растроганные добродушием начальника, они безмолвно приняли благословение и, возвратившись к своим товарищам, закричали: мир! и рассказали, что как было, и мир принят был всеми».

«Ректор сдержал своё слово: в тот же день он прислал деньги за чашки и проч. 30 руб.: а спустя недели две, когда случился также именинник, посетил наше собрание с Инспектором и каким-то приезжим Архимандритом, пил чай, слушал пение и музыку на гуслях: пробыл два часа и вышел довольный, позволив нам продолжать своё веселье»[245].

В доказательство того, что Ректор был доброты необыкновенной, и что студенты любили его и он обращался с ними как отец с детьми, приводится следующий факт.

«Один студент поддался как-то страсти к вину, – студент очень даровитый и хорошей нравственности. В начале курса он ничего не пил, но через год, побывавши в вакационное время на родине, стал пить и сделался пьяницей. Ректор употреблял все меры, чтоб воздержать его: увещевал, стыдил келейно, журил перед товарищами, делал выговоры в классе, лишал, наконец, общего стола, – но ничто не помогло. Даст зарок не пить и не пьёт недели три, месяц; но зарока не выдержит, запьёт как запьёт. «Не могу, это моя стихия», раз сказал он Ректору, и Ректор терпел, приписывая слабость болезни и в каком-то уповании, что пьяницу с таким

искренним сознанием воздержит сам Бог, как кающегося грешника. Само собой разумеется, что этот студент, бывший прежде из первых, далеко стал ниже своих сверстников: но Ректор дал ему кончить курс и, взявши под клятвой слово совсем не пить, сделал его кандидатом и назначил учителем в уездное училище. Упование не посрамило: поклявшийся восемь лет служил и с пользой и с честью, был уже Смотрителем училища, женился: но как здоровье своё он расстроил ещё в Академии, захирел и помер. Какой Ректор, или какой училищный начальник примет столь живое участие в воспитаннике, который ему чужой, непрестанно его беспокоит и срамит заведение?!»[246]

Подобным же образом свидетельствует о *Филарете* и другой из воспитанников Академии, который прежде в бытность свою ещё мальчиком-учеником низших классов в Уфимской Семинарии, был очевидцем жестокого обращения, какое дозволял себе преосвященный *Августин* со служившим Ректором *Филарет*ом. Вот подлинные слова его: «В Московской Академии я, 18-летний уже юноша, а не мальчик, как в *Уфе*, был сам ближайшим свидетелем доблестей *Филарета*. Будучи в Академии Ректором, он обходился со студентами как самый наилучший, нежнейший, попечительнейший отец, – был к нам милостив столько, что даже шалости непростительные умел прощать и исправлять заблудших. Так одного студента, который пьяный в прощальный день бросил в него ломтём хлеба (который к счастью в него не попал, но пролетел мимо виска *Филарета* и затем расшиб два стекла в двойных оконных рамах), он не только никак не наказывал и не мстил за сей поступок, но ограничившись одним только выговором келейным, при окончании курса дал ему лучшее место училищное и снабдил сего студента ещё деньгами на дорогу. Этим самым он заставил виновного совершенно исправиться в нравственности и молиться за него Богу. Этим поступком Ректора *Филарета* студенты все были растроганы до слёз и, в бытность мою после в Академии три года, мы преемники тех студентов, всегда содержали это у себя в живой благоговейной памяти и часто-часто о том разговаривали»[247].

Такие чувства и отношения любви, выражавшиеся в снисходительности и благожелательности к воспитанникам, являлись в *Филарете* не тогда только, когда дело зависело от его лишь воли и власти: он принимал на себя заступничество за них и перед другими высшими лицами тогда, когда проступки провинности были не домашние, а открытые. Так во время одного экзамена по словесности главный экзаменатор, т. е. ревизор, (Ректор Санкт-Петербургской Академии *Филарет*) был почему-то страшно рассержен. Один студент, близкий ещё

мне приятель, вынул билет на трактат о гении и таланте. Ревизор, который всегда молча смотрел на вынимаемые билеты и молча же обыкновенно выжидал ответа, тут вдруг почему-то сказал студенту: «ну-ка, скажи нам, что такое по твоему гений?» – Студент ни мало не думавши, отвечает: «не знаю». Как? с изумлением спрашивает Ревизор и смотрит в список, в котором ответчик, как студент очень умный, поставлен высоко, едва ли не в первом пятке. «Вы изволите спрашивать определение гения, я его не понимаю», – говорит студент. Ревизор взглянул на Бакалавра: Бакалавр говорит студенту: «отвечайте, как написано». Студент возражает: «что же я буду отвечать, когда не понимаю, что там написано»... Бакалавр сконфузился... Ревизор зашевелился на креслах и сердито произнёс к студенту: «а понимаешь ли ты, что говоришь?» Потом, обращаясь к Ректору, говорит: «это – человек буйный, он не может быть терпим, его надо исключить и в солдаты»... Не мудрено, что так бы и вышло, если б за неосторожность студента не вступился Ректор, который знал его очень хорошо»[248].

Мы не можем не указать в частности ещё на одну отличительную черту в свойствах и действиях Высокопр. *Филарета*, которыми ознаменовал он, между прочим, своё служение в Академии. Для иных покажется, может быть, неуместным вносить подобные факты в служебное и, тем более, в воспитательное дело: но если строго и истинно педагогически рассудить, то в деле воспитания указываемые свойства и действия в лице начальников имеют, несомненно, благотворное влияние на питомцев. Мы разумеем здесь *нестяжательность и благотворительность Филарета*. Дела милосердия и благотворительности служат лучшим и яснейшим свидетельством о доброте души дающего, а равно смягчают, умиляют сердца приемлющих благотворение или даже смотрящих на других, которым оно оказывается. В частности, в приложении к состоянию живущих в заведении, подобные явления должны иметь особого рода силу и действие. С одной стороны, если благотворительные пособия относятся к самим нуждающимся воспитанникам, то здесь самая откровенность в нуждах и сыновнее обращение к начальникам за помощью, и удовлетворение сих нужд последними, несомненно, сопровождаются самым искренним обменом чувств; а отсюда, само собой, образуется между теми и другими как бы родственная семейная связь. С другой стороны не безызвестно, что воспитанники Академии или подобных заведений казённых, пользуясь всем готовым содержанием, как бы притупляются и черствеют в собственных чувствах сострадания к ближним и как бы забывают, что есть

и бывают в жизни нужды. Посему живой пример дел милосердия и благотворительности в особенности в лице начальников или наставников действует на них всегда назидательно. Само собой разумеется, что сила примера и сила влияния зависят здесь от тех свойств и чувств, из каких проистекают дела милосердия и благотворительности. Но что сказать в этом отношении о *Филарете*, который ещё от млека матернего отличался этими именно свойствами и чувствами, и в силу их принял самое имя *Филарета милостивого?* Правда, до настоящей поры в его жизни как бы неприметно было особенного проявления этого свойства, но это зависело, вернее всего, от самого положения его, где ни ему самому не приводилось так свободно и открыто, да и не из чего, – совершать благотворение, ни другим подметить, и определить, и признать их достоинство в значении добродетели. Зато теперь и место нахождения, какова Свято-Троицкая Сергиева Лавра[249], и служебное положение, и наконец, самые средства открывали ему самое удобное и широкое поприще для дел милосердия и благотворения. Вот как описывает это, между прочим, один из студентов, свидетелей-очевидцев.

«Сколько Ректор *Филарет* был нестяжателен и щедролюбив, о том свидетельством поставляю собственный мой опыт. При отъезде моём из *Уфы* в 1818 году в Академию Московскую батюшка мой, собрав все крохи, вместе с благословением дал мне 200 руб. ассигнациями. Эти ассигнации я берёг строго и ни одной копейки из них ничего не издерживал. Когда же нашему отцу Ректору *Филарету* надобно было ехать на епархию в Архиереи Калужские, то ему не с чем оказалось предпринять путь за несколько сот вёрст, – словом у него ни гроша не было, как нарочно в ту пору, а заимствовать казённых денег из сумм академических он считал для себя неблагоприличным. Потому, призвав меня[250], он попросил дать ему взаймы помянутые мной 200 руб. ассигнациями. Я тут горько заплакал, встревоженный таким смирением и бескорыстием моего начальника, и в ту же минуту, с многократным целованием руки его, вручил ему деньги, которые и возвратил он мне в *Калуге* по выходе моём из Академии вполне, да ещё с прибавкой, в знак своей благодарности, – чем тогда я был тронут до слёз и эти слёзы были наилучшим вознаграждением за мою ссуду *Филарету*, в его нужде оказанную. Я доныне этот случай вспоминаю с особенным благоговением к *Филарету*. А от чего у него денег не было никогда? От того, что он всем вообще любил благотворить и ближним и дальним; бедных студентов наделял всегда на дорогу даже и на время вакации деньгами, а при отправлении на места служения, кончившим курс учения студентам, всегда оказывал щедрое пособие. Для нищей же братии

на милостыню у него бывало эконом Академии беспрестанно делал особенные запасы из мелкой монеты, так что по размене на оную жалованья его ректорского в Июле месяце не оставалось ничего: зато у крыльца его ректорских покоев постоянно толпились нищие: он обыкновенно сам выходил и обделял всех их тихо, кротко, смиренно, стоящих пред ним и молящихся за него в душе своей тёплой молитвой со слезами. За такое расходование денег своих на нищих он даже часто терпел упрёки от *Никифора* (впоследствии в монашестве *Назария*) своего келейника. Тот бывало, спроста покрикивал на него иногда такими словами: «да что же ты сам-то Ректор после сего кушать-то будешь и во что ты оденешься? Нагой что ли будешь ходить, когда деньги-то жалованные все без остатка на нищих употреблять станешь?»[251].

Изложенные доселе действия и отношения *Филарета* не ограничились одним лишь временем его ректорства и его личным непосредственным лишь влиянием. С отеческой любовью заботясь о благе своих питомцев, он желал, чтобы и впоследствии преемники его могли, возможно безошибочно, определять их личные свойства и достоинства. *Г. Измайлов* например, свидетельствует о себе, что он подпал было совершенно безвинно под немилость нового начальника и был в опасности при окончании курса лишиться через это вполне заслуженной им степени магистра. «Но оказалось, – говорит он, – что прежний Ректор (*Филарет*) при отъезде своём оставил список всех воспитанников со своими о каждом из них подробными рекомендациями. И этот список был принят Конференцией в уважение; таким образом и пятно, которым очернил меня в поведении инспектор, осталось без последствий»[252]. Этот последний факт особенно замечателен. Прочие приведённые рассказы содержат в себе более частные и как бы домашние случаи; но когда видим, что целая Конференция приняла во внимание, оставленные уже отсутствовавшим начальником, рекомендации о воспитанниках, с предпочтением их отзывам и свидетельствам лиц начальствующих, то явно, что вся Академия смотрела на Ректора *Филарета*, как на достойнейшего начальника, и что действия и отношения его имели и впоследствии авторитет и влияние на бывших его подчинённых как воспитанников, так и служащих. Значение же этого авторитета и влияние были не в смысле только официальном, но заключались в том внутреннем общении и единении духа и направления, которое вошло в последующую жизнь академической корпорации, сложившуюся из тех именно элементов, из тех главных свойств и черт, какие положены были в основу её первыми начальниками-воспитателями. Это мы уже и видели отчасти прежде в лице первенцев сего воспитания –

Голубинского и *Делицина*, «которым, – как сказано в исторической Записке, – первые воспитатели-наставники, а во главе их *Филарет*, передали как бы и самые свойства и черты своего личного нравственного характера». Самое же изображение этих свойств и черт представлено в той же исторической Записке такое: «Кроме известности, приобретённой обоими сими наставниками на поприще науки, они оставили по себе живое воспоминание своим нравственным характером. Всем известно, как любвеобильны, кротки, патриархально просты были они в обхождении со своими учениками, как не давали заметить никакого различия между собой и, только что оставившими студенческую скамью, молодыми наставниками: как была увлекательна их беседа о предметах не только учёных, но и относительно вопросов жизни! Сколько полезных советов и наставлений вынесено студентами из их кабинетного уединения!»[253] Читая эти строки, кто не видит, что все эти свойства и черты нравственного характера и истинно человечных отношений к воспитанникам сняты с натуры автором Записки, и прежде и главнее всего, с лица первого воспитателя – отца *Филарета*, и переведены потом на двух его достойнейших первенцев по воспитанию?!

В какой же силе и мере и как надолго преемственно переходило всё это в дух и жизнь воспитателей и воспитанников, видим живое свидетельство, между прочим, одного из таких лиц воспоминателей своей юности, который, и по самому своему происхождению и положению в свете, и по отношениям своим к Академии, не имел ни малейшего побуждения быть пристрастным к предмету своих воспоминаний. Мы находим это свидетельство в известном высокопочтенном лице – Графе *М. Толстом*. Вот что читаем у него в его воспоминаниях о своей юности.

«Много было у меня друзей и знакомых, в V, VI, VII и VIII курсах Московской Академии, – пишет Граф. Не могу пересчитать здесь имена всех их, особенно не могу говорить о живых, потому что и всякое доброе слово о живом человеке может казаться лестью. Но припоминая теперь тихое утро моей жизни, могу засвидетельствовать по чистой совести, что ни от одного из студентов Академии я не видел соблазна, не слыхал гнилого слова, а напротив, каждый из этих молодых людей, благомыслящих и благонравных, мог подать мне собой добрый пример, а от всех их я неприметно перенимал трудолюбие и любовь к наукам»[254]. В другом месте этот же автор воспоминаний, говоря в частности о некоторых лицах, пишет между прочим: «Греческому языку я учился сначала у *Ф.А. Голубинского*, а затем стал посещать лекции молодого Бакалавра *Сергиевского*. С *Александром Родионовичем Сергиевским*

познакомился я, когда он был ещё студентом. Когда же он кончил курс и сделан был Бакалавром Академии, я ходил к нему почти каждый день. Благонравие, скромность, ласковость, приятность в обращении, всегдашняя ровность характера были отличительными качествами прекрасной души *Александра Родионовича*. Кроме пособия в изучении Греческого языка я много обязан ему за доброе дружеское расположение, (несмотря на неравенство наших лет) и за добрые примеры в жизни»[255]. Эти воспоминания относятся по времени к 1825–1830 годам: следовательно, протекло 10–11 лет после выбытия ректора *Филарета*. Но кто не признает в представленных достоинствах студентов прямых наследственных плодов воспитательного влияния *Филарета*. Что же касается в отдельности *А.Р. Сергиевского*, то здесь влияние *Филарета* было самое непосредственное. *А.Р. Сергиевский* был родственник – племянник Митрополита Московского *Филарета*. Во время ректорства *Филарета* в Академии, *А.Р.* и другой родной брат его обучались ещё в Вифанской Семинарии, но были под его ближайшим смотрением и руководством: они представляли ему свои и сочинения и отметки об успехах, обращались к нему в своих нуждах и в свободное время подолгу живали при нём. Такое участие в них принял на себя *Филарет* по желанию и личной просьбе их дяди *Филарета*[256].

Наконец, что сказать о том воспитательном влиянии, его духе и направлении, о котором ныне, кажется, менее всего думают или вернее думают, как бы изгнать его вовсе из среды воспитанников и исключить из самого значения и назначения духовных Академий, а для этого вывести последние даже из самых мест первоначального их водворения – из св. обителей[257]. Мы указываем здесь на влияние и действие воспитания в духе благочестия и подвижничества и на призвание воспитанников Академии к иночеству, о чём и будет речь в следующей главе.

Глава XI. Влияние личного благочестивого образа жизни Ректора Филарета на призвание воспитанников к иночеству

«Московская Духовная Академия с признательностью будет всегда поминать тех, кои водворили её в св. Лавре и своим иночески-подвижническим примером и воспитательным руководством и влиянием содействовали проведению и восприятию в иных душах своих питомцев науки призвание к иноческому житию»[258].

В Исторической Записке читаем, что «в течение полувека существования Московской Академии к сонму учеников св. Преподобного *Сергия* присоединилось более ста иноков из здешних питомцев науки, и из числа их, в течение сего же периода, достигло высшего святительского сана двадцать шесть лиц». Обращаясь же к самым первым курсам Московской Академии, т. е. когда служил в ней *Филарет*, видим, что число поступавших в монашество воспитанников было самое большее. В самый первый выпуск окончило курс в сане монашеском 9 человек, из коих 6 магистров и 3 кандидата; во второй выпуск – 10; да кроме сего, некоторые впоследствии приняли монашество; остальные же почти все вступили в духовное звание. В числе последних были и известнейшие первенцы-воспитанники – *Делицын* и *Голубинский*. Принятие этими обоими лицами духовного сана особенно замечательно в том отношении, что тот и другой, на всю жизнь посвятив себя профессорскому служению в Академии, не имели во всё время никакого особенного служебного назначения в духовном ведомстве, а напротив, и самое священнослужение совершали всегда в храмах обители и в ряду иноков и этим самым состояли как бы причисленными к штату Лавры[259].

Чему же приписать это явление? Ответ истинный положительный на это, конечно, тот, который так торжественно был выражен в той же исторической Записке относительно знаменательности самого места, в котором водворён сей новый вертоград наук. «Видно, – сказано в Записке, – что сила духовного, незримого для нас, влияния от Покрова Богоматери и самого Избранника Её св. Преподобного *Сергия* не оставляла и сего вертограда, из которого присоединялось к сонму иноков столько питомцев науки. Видно, что здесь в тиши уединения юные души питомцев питались не одной пищей науки, но и святыми помыслами о жизни духовной. Будем же благодарны Лавре Сергиевой за щедродательное уделение вам сего

духовного озарения! С признательностью будем поминать тех, кои водворили Академию в Лавре и своим воспитательным руководством и влиянием содействовали проведению и восприятию сего духовного озарения в юных душах своих питомцев»[260].

Но кто же был первый в ряду этих воспитателей-руководителей? В ответ на это нужно обратиться несколько ранее, именно к первоначальному водворению рассадника наук в ограде Св. Обители. Первый виновник этого был Высокопр. *Платон*, Митрополит Московский. Он же был и первый воспитатель и руководитель юных питомцев науки, с тем вместе, призванников иночества. Один из Платоновских питомцев сам о себе (в своём дневнике) говорит: «Платон совершенно овладевал своими питомцами, располагал их силами и распоряжался их судьбой, имея в виду, прежде всего и выше всего благо Церкви. Он-то и был причиной, что я[261] вступил в монашество, как и многие другие воспитанники *Платона*[262], хотя это было »*и не без борьбы*«. «Но почему же шли тогда в монашество, когда даже чувствовали борьбу?! Ведь это значило идти против призвания... Это было насилие!» Так рассуждал говоривший своё слово при гробе почившего, (из которого мы берём настоящую речь), – и вот что и как отвечал на это: «Нет, не в этом дело, а в том, что здесь была тайна тогдашнего воспитания и влияния тогдашних воспитателей, не как *пестунов-педагогов*, но как *отцов*... Воспитывавшиеся тогда в духовно-учебных заведениях воспитывались не под руководством лишь науки о вере, а под влиянием самой веры, изучали не книги только о Священном Писании, но глубоко знали самое Писание; они читали в подлинниках великих истолкователей Писания, св. отцов; они изучали историю Церкви не по сухим учебникам, а по первоначальным живым памятникам и источникам и здесь-то почерпали они и вдыхали в себя и дух веры и ревность благочестия. Отсюда-то дух аскетизма жил в сердцах их. И им отличались воспитанники и *в белом духовенстве*. Поэтому борьба в выборе между светской жизнью и монашеством для них принимала значение не противления призванию, не насилия, а просто искушения слабой плоти и страстей, которое они, однако преодолевали, и приняв трудный подвиг, победоносно его проходили. Поэтому-то долго и после Платона, по силе той же веры и ревности о благе Церкви, как бы по обязательному преданию, цвет дарований из духовных училищ был охотно приносим на жертвеннике иноческого самоотвержения в дар Церкви»[263].

Такое предание, или точнее настроение действительно и сохранялось, и оправдалось самым делом в течение минувшего полувека Московской Академии в обильном числе избранников иночества из юных питомцев

науки. Но как самое начальное преемство и привитие сего настроения от бывшей Платоновской Троицкой Семинарии к новообразованной Академии должно было совершиться, очевидно, на самых первых порах, то, само собой, потребны были и такие лица – воспитатели, которые способны были быть сами достойными преемниками Платоновского духа и характера и всего воспитательного влияния. В этом же отношении едва ли кто иной мог быть благопотребнее *Филарета*. Этим, между прочим, объясняется и самое перемещение его из Санкт-Петербургской в Московскую Академию, последовавшее по желанию тамошнего Ректора *Филарета*. Последний, как уже известно, желал этого перемещения ради особенной пользы родной ему Академии Московской, а эта особенность не могла не условливаться и настоящей потребностью. Можно сказать, что *Филарет*-Ректор отпускал от себя *Филарета*-Инспектора как бы вместо себя самого, дабы успокоить дух почившего уже в это время, своего великого воспитателя – Высокопр. *Платона*, всячески желавшего возвратить его к себе из *Петербурга*. Вот что писал он в донесении Св. Синоду, когда взяты были в Бакалавры Санкт-Петербургской Академии двое из учителей его Троицкой Семинарии – *Филарет* (бывший тогда ещё Иеродиаконом) и *Семён Платонов*: как они учители, Иеродиакон *Филарет* и *Платонов* изъявили своё *нежелание* отправляться в *Петербург*, а желали оставаться по-прежнему при Троицкой Семинарии, что и изъявляли даже *с пролитием слёз*: то я особливо об Иеродиаконе *Филарете* усердно прошу Св. Правительствующий Синод, обратить его паки в Троицкую Семинарию, где он, яко сходственно с его желанием, может лучший успех оказать для общей пользы, – так как и я об нём особливое прилагал в рассуждении его воспитания отеческое старание[264].

И действительно, если бы Платон был жив, то в лице назначенного *Филарета* он нашёл бы то, чего так желал и надеялся в непосредственном своём питомце *Филарете* первом. Припомним, между прочим, что и этот второй *Филарет*, если не в действительности, то в желании и решимости быть некоторым образом тоже воспитанником *Платона*, когда в бытность Префектом Севской Семинарии, посылал к нему прошение о принятии его в Троицкую Семинарию для продолжения своего образования. Равно и сам *Платон*, когда в проезд свой через *Севск*, лично увидел и узнал *Филарета*, недаром отозвался о нём известным уже для читателей образом, принимая во внимание, сказанную тогда *Филарет*ом, речь. Само собой *Платон* разумел здесь сколько научные его достоинства, столько и то, чем отличались питомцы и наставники от Троицкой Семинарии, и в чём заключалась, как сказано, сила и тайна как его собственного отечески-

начальнического влияния, так и избираемых им, воспитателей-отцов, и притом в звании иноческом... Так, если взвесить дух и характер, всех прежде изложенных, начальнических и воспитательных качеств и действий *Филарета,* то сила и влияние их были, несомненно, благотворно-влиятельны и в отношении духовно-подвижнического настроения воспитанников Академии. С этой стороны справедливо назвать его нарочитым избранником и призванником для настоящего места служения, не по воле и соображениям только человеческим, но свыше. А с другой стороны в отношении и к самому *Филарету* нельзя не видеть здесь особенной знаменательности. Если и место водворения Академии, и самый день открытия её давало разуметь всякому, (как выражено в исторической Записке), что «этот юный вертоград поручался особенному *покрову и заступлению Богоматери*, обетовавшей быть неотступной от сего святого места обители Препод. *Сергия,* а следовательно и от рассадника науки, нашедшего приют в покровительствуемой Ею обители, то кем же, преимущественнее всех, могло быть воспринято всей душой такое значение, как не открывавшим Академию – Архимандритом *Филарет*ом. Не он ли, от самого раннего детства своего, всецело предал себя *покрову* Пресвятой Богородицы, так что и самое наименование Покрова приложил и усвоил к себе, как бы родное матернее? Едва ли достаточно самого живого воображения, чтобы представить, – каково было его состояние, когда он увидел, что новый вертоград, а с ним и он сам, как один из главных деятелей его, вручаются так видимо тому же единому *покрову* Богоматери. А как с изначала установлено было ежегодно совершать празднество в день открытия Академии и праздник Покрова, то не с каждым ли годом эти священнейшие его чувства возрастали с сугубой силой, а с ними и то рвение к духовным подвигам, которое, – говоря словами надгробного слова, – «возжёгшись в нём ещё с детства, не прекращалось никогда, а напротив, по временам разгоралось таким ярким пламенем, который не мог не быть приметен и для других, несмотря на то, что духовно-подвижническая жизнь в Бозе почившего, подобно жизни всех ревнителей благочестия, напечатлена глубокой сокровенностью»[265].

И что ж? Для кого ближе всего, мог быть приметен этот яркий пламень, разгоравшийся в лице и состоянии начальника-Ректора, как не для постоянно непосредственно вращавшихся около него и в аудиториях, и в камерах и пр. бывших его питомцев? А что эта примечаемость действительно была, и была истинно действенной на примечавших, – это достаточно показывают те самые отзывы самих воспитанников, какие мы видели уже прежде, и в том числе даже такой, что они *считали* своего

начальника *Филарета "не за человека, а за ангела*«... Так, значит, ярко возгорался и светился пред их душевными взорами и чувствами сказанный пламень рвения к святоподвижничеству и в личных действиях их начальника-воспитателя и в отношениях его к ним самим. Припомним, как *Филарет*, сначала во время инспекторства, а затем и ректорства, но оставлял воспитанников своим постоянным и ближайшим наблюдением, при том не столько в духе начальническом, сколько отеческом и даже как бы товарищески-дружеском, равно и сами воспитанники – в каких находились отношениях и чувствованиях к нему. Отсюда же что могло быть всего естественнее, ближе и прямее как то, что *Филарет*, мог весьма хорошо знать и свойства и направление воспитанников, а, следовательно, не мог не замечать в некоторых из них тех или иных задатков призвания и к монашеству. Да и сами воспитанники, чувствовавшие хотя бы только задатки сего призвания, естественно, не таились перед ним подобно тому, как засвидетельствовал о себе, например, воспитанник *Измайлов*, имевший открытые беседы с Ректором о своих личных свойствах. При таких же отношениях и условиях, само собой, не могло не быть иногда речей и о монашестве, а следовательно, и прямого влияния на живущих и искавших сего звания, и это всё конечно происходило отнюдь не в том виде и смысле, как думают изображать ныне, именно в роде заманки, вербовки и т. п. Если за кого, то за *Филарета* ручается здесь, прежде всего, собственное его настроение. Сам *Филарет* опытно познал на себе в разных обстоятельствах, что значит призвание к монашеству. Известно, чего ему стоило осуществить призвание, несмотря на то, что оно было в нем почти врождённое, и затем, что привелось ему перенести ради сего звания среди известных тяжких искушений, и притом, на довольно уже высоких степенях служебного поприща, которое предстояло и юным призванникам иночества по выходе их из Академии. Возможно ли, не отказавшись от всякой благорассудительности, допустить, чтобы такое лицо было в состоянии представлять для других звание и состояние монашества в каких-либо намеренно приманчивых видах?[266] Напротив, как увидим, он раскрывал не только истинное значение монашества, как высокого и великого подвига, но не скрывал и того, чем могут усугубляться трудности со стороны самих иноков, как людей вообще, и в частности молодых и в особенности учёных. Когда же он действительно усматривал в ком-либо из студентов истинные качества и направление, свойственные монашескому званию, тогда, естественно, не мог духовно не сочувствовать и не содействовать избранникам в утверждении их в этом святом призвании. Правда, мы не можем привести прямых данных, свидетельствующих о

таком именно образе действования, так как всё подобное совершалось лично, непосредственно, но за истинность сего ручаются те свидетельства, кои хотя относятся к дальнейшему времени, но ясно характеризуют всё указываемое теперь. Для точности приведём здесь некоторые из последних. Вот, например, письмо по подобному предмету, писанное *Филарет*ом к своему родному любимейшему племяннику[267].

«Возлюбленный во Христе Иисусе *Я.Г.* С духовной радостью читал я святое намерение сердца твоего посвятить себя к служению Господу Иисусу Христу, Богу и Спасителю нашему в девственной ангелоподобной жизни. Всем сердцем благословляю тебя на сей святой и Богоугодный подвиг. Иго Христово благо, и бремя его легко есть. А мир преходит и похоть его. Горько его иго и тяжко его бремя! Советую тебе в наступающую св. четыредесятницу на первой недели её поговеть и помолиться, очистить свою совесть покаянием и, причастившись св. Таин Христовых, испросить благословение у св. преподобных Отцов *Антония* и *Феодосия* и прочих Печерских чудотворцев и, поручив себя Матернему покрову Пресвятой Богородицы, прислать мне о сём прошение, – ежели сердце твоё утвердится неизменно в Господе и в добром святом намерении твоём».

Письмо это написано было к лицу, окончившему курс в Академии и состоявшему уже на должности Бакалавра и находившемуся к писавшему в самых близких родственных отношениях. И что ж? Читая это письмо, как бы вовсе не видишь ничего близко-родственного, а тем более здесь нет и тени похожего на какие-либо поощрения, могущие возбудить в юном призваннике к иночеству особенные увлечения... Писавший является здесь только как начальник – святитель, призывающий благословение, а с другой стороны как духовный старец – Авва, представляющий сущность и значение истинной монашеской жизни, дающий совет, указующий путь и образ, как достойно приготовиться к самому начинанию и исполнению святого намерения. Если же в Бозе почивший так отнёсся к своему родному племяннику в деле избрания им монашеского звания, которого к тому же он знал с детства и который воспитывался в Академии под его особенным попечением и руководством, то понятно, как поступал и действовал он в отношении к другим своим питомцам в описываемую пору. Далее известно также из фактов, хотя тоже относящихся к дальнейшему времени, что в Бозе почивший с грустной недоверчивостью смотрел иногда на молодых учёных монахов. «Прошу искренно сказать мне, – писал он к одному из близких доверенных лиц, – о новоназначенном в нашу Семинарию Инспекторе, ежели хорошо знаете

его свойства и поведение... *ныне молодые учёные монахи редко удаются,* а паче недостаёт в них смирения и терпения – существа монашеской жизни»[268]. Последние выражения здесь особенно знаменательны. В них ясное свидетельство, что если было в прежние годы большое, сравнительно с последующим, число избранников монашества из академистов, то и самое избрание их совершалось и утверждалось тогда на истинных началах: а это очевидно относится к лицу, писавшему не по одному лишь времени, и не как только общая мысль, а потому что он сам был личным живым деятелем-руководителем, и следовательно, свидетельство это собственно о нём самом.

Итак, если в самые первые годы новообразованной Московской Академии, по преданию и преемству от предшествующей ей, по самому месту водворения её под сенью св. Преп. *Сергия, Платоновской* Троицкой Семинарии, глубоко положены и внедрены были начала духовно-воспитательного характера и в значении иноческо-подвижническом, то несомненно, это принадлежит мудрому и благотворному влиянию первого её Инспектора-Ректора *Филарета*. В этом отношении, если позволить сопоставить здесь имена Платона и *Филарета,* то сила и влияние того и другого в рассматриваемом деле различествовать должны только в том, что *один – Платон* поступал как Митрополит и потому, как выражено в дневнике, – «совершенно овладевал и располагал силами воспитанников и распоряжался самой их судьбой, *яко власть имущий*», а другой – *Филарет* действовал и влиял на своих воспитанников личными свойствами и действиями сколько отечески-начальническими, столько и собственным личным характером и образом действий в духе свято-подвижническом, которые прямо или посредственно, явно или сокровенно открывались перед способными и готовыми к восприятию их питомцами науки. Вслед за этим мы должны бы привести ещё особые, истинно знаменательные и в высшей степени назидательные, сведения об указываемых свойствах и действиях *Филарета,* – но сведения эти, по самой пространности их содержания, мы изложим отдельно, в роде эпилога в последующем месте. Теперь же обратимся к изложению тех официальных данных, в которых увидим, насколько благополезны были все труды и как велики были заслуги Ректора *Филарета* по управлению Московской Академией, и как они, действительно, оценены были в своё же время достойно и праведно Высшим Начальством и увенчаны даже Высочайшими Благоволениями и наградами. Мы начнём речь о бывших ревизиях Московской Академии.

Глава XII. Двукратные ревизии Московской Духовной Академии, произведённые Филаретом, Ректором Санкт-Петербургской Академии. Личное Высочайшее посещение Московской Академии Государем Императором АЛЕКСАНДРОМ ПАВЛОВИЧЕМ

«Я повелел сопричислить вас к ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира второй степени большого креста со звездой как за труды в звании Ректора и профессора, так наипаче за деятельное попечение о духовном назидании воспитанников Академии»[269]. «Его Императорское Величество изволил осмотреть в Лавре новую Академию с удовольствием. – Благодарение Господу»[270].

О

состоянии Московской Академии в самые первые годы её существования мы встречаем такое свидетельство: «В течение первых шести лет новой своей жизни Академия, между тем как занималась уже воспитанием духовного юношества, проходила и сама состояние собственного своего воспитания. Оставалось надеяться, что седьмым годом Академии начнётся её совершеннолетие»[271]. Свидетельство это, скромное по выражению, заключает в себе особенную полноту силы и значения. Довольно знать, что оно было дано тем, кто сам, по выражению в Исторической Записке, был *воспреемником* Московской Академии при самом её рождении и воспитании, так как он посещал её, внимательно следил за всеми первыми движениями её жизни при *троекратных* её ревизиях». Здесь под свидетельствующим разумеется *Филарет*, Митрополит Московский[272]. В приложении же собственно к лицу жизнеописуемому – Ректору *Филарету* настоящее свидетельство имеет то особенное значение, что, если ревизовавшему лицу по праву усвоено имя воспреемника Академии, то последнему с равным правом принадлежит имя *отца* – родившего и воспитавшего её настолько, что через год оставалось ей вступить уже в возраст совершеннолетия. Чтобы признать значение этих титулов в приложении к обоим этим лицам, довольно знать, как уже и знают читающие, – в каких отношениях находились оба *Филарета* взаимно друг к другу, а равно и к самому заведению. Отношения эти начались ещё во время их сослужения в Санкт-Петербургской Академии; и если в силу этих отношений, как мы видели, по особенному желанию одного состоялось назначение другого в

Московскую Академию ради особенного блага последней, – то в этих же видах, кроме других административных соображений, несомненно, происходило и то, что в три[273], один за другим, раза назначался ревизором этой Академии не другой кто, как *Филарет*, Ректор Санкт-Петербургской Академии.

Вот как один из них, (*Филарет* Киевский) засвидетельствовал сам об этих отношениях их в описываемую пору и личных, и в приложении к Академии. «При окончании первого учебного года (в 1815 г.) Московская Академия была ревизована *Филаретом*, бывшим тогдашним Ректором Санкт-Петербургской Академии, чтобы испытать и дать дальнейшее направление. С этого-то времени особенно началась та внутренняя, искренняя, духовная связь между нами, которая и во всю службу продолжалась непрерывно». Далее, когда через три года (1818) при окончании первого академического курса приезжал с той же целью тот же Ректор *Филарет*, (бывший уже в сане Епископа Ревельского – Викария Санкт-Петербургской митрополии) снова ревизовать Московскую Академию, то эта связь скрепилась на всю жизнь, и вместе с видимым знаком, с залогом её, – перешла за пределы жизни. Это была панагия, которую *Филарет* ревизор снял со своих персей и подарил Ректору *Филарету*, а этот впоследствии завещал возложить её на себя по смерти, что и было исполнено»[274].

О таких же точно отношениях имели мы счастливый случай услышать свидетельство из уст другого из описываемых лиц. При прежде упоминаемой беседе с Первосвятителем Московским (в 1866 г.) когда на вопрос его ко мне: «что? Нашли ли вы и достаточно ли материалов в архиве Академии? мной было отвечено, «не совсем-то», он сказал: «да, думаю так». «Особенно интересно было бы, – сказано было мной, – знать о ревизиях, произведённых Вашим Высокопреосвященством». «Едва ли я могу быть пособником в этом деле в формальном его производстве. В этом может изменить мне и память» – был ответ. Тем не менее, он с явной готовностью стал рассказывать о бывших ревизиях. Когда же упомянуто было им о *третьей* ревизии, и я осмелился указать, что это было уже после ректорства *Филарета*, – последовал один из тех стремительных взглядов, коими обладал говоривший.

Я повторил своё указание с присовокуплением объяснения, что при служении *Филарета* в Академии были *только две ревизии*, и последняя произведена была Вашим Высокопреосвященством в бытность Вашу Епископом Ревельским, и что в эту-то пору Вы изволили подарить ему на память Вашу панагию, которую он и унёс с собой в могилу». Он отвечал:

«да! вы правду говорите, и я значит, сказал правду, – что память мне может изменить, как действительно и изменила. Зато я более чем кто, твёрдо и неизменно знаю и помню то, о чём вы напомнили. В каких чувствах унесена в могилу моя панагия, в таких же точно она и дана была мной. И я мысленно припадал к его гробу, да помолится в Бозе почивший, да иду по нём в мире». Ваше Высокопреосвященство изволили выразить это, – сказал я, – и в Вашей телеграмме по кончине Владыки *Филарета*[275]. «Да я в праве был выразить это, как и он в праве был поступить с моей панагией». Затем глубоко вздохнув, Первосвятитель продолжал: «я в праве и теперь сказать о почившем: По истине *по имени его было тако и житие его и служение его.* Он был *мой духовный друг, какого после него для меня нет уже на земле*. Потому-то и относительно двух, бывших при нём, моих обозреваний здешней Академии я должен сказать, что на бумаге у нас было мало дела, и не для чего было, особливо во второй раз. При обозрении мне приводилось только смотреть, что показывали, и находить всё достойным в настоящем и доверяться в таком же будущем. Обозревание было ведено сообща, а нечто я поручал собственно его усмотрению и устроению». В делах архива действительно есть, например, предложение (от 17 июля 1818 г. № 126) от ревизора *Филарета* ректору Академии *Филарету* – «дабы благоволил он (о. Ректор) принять на себя труд поверить и представить своё решительное заключение и проч.»

Такие взаимные дружественные отношения описываемых лиц не должны, всеконечно, набрасывать какую-либо тень на значение самых действий их служебных. Если по общепринятому выражению дружба дружбой, а служба службой, – то по строгому понятию об истинной духовной дружбе, такая дружба не только не вредит деятельности служебной, а напротив, много способствует успеху последней. Такие отношения получают здесь значение, выраженное в словах св. Апостола: «*братолюбием друг ко другу* (бывайте) *любезны: честию друг друга больша творяще*» (Рим. 12:10). Здесь не может быть ни угодливости и искательства с одной стороны, ни высокомерия и покровительственности с другой, а напротив, установляется тот уровень, при котором обе стороны действуют по своим правам и со всей искренностью и прямотой, и в то же время имея в виду один долг и интерес в отношении предмета службы и деятельности. При этом самые отзывы похвальные бывают не иначе, как в смысле законного требования самых достоинств дела, как бы независимо от личной оценки; равно и награды, как бы они ни были часты и велики, вызываются заслуженным правом, что и выражается обыкновенно в самых грамотах. Каковы были отзывы Ревизора о служебных заслугах *Филарета*,

мы не имеем на это подлинных данных; но они понятны по самой личности дававшего их и ясны из тех награждений, которые вскоре же последовали по заслугам *Филарета*. О значении же этих наград свидетельствует одно уже их количество. Наград в течение *четырёх* лет было *шесть*. Из них две от Св. Синода и четыре от Высочайшего Имени. Первые вполне соответствовали духовно-нравственным качествам и подвигам удостоенного: это – сначала (в 1816 г.) присвоение Ректору *Филарету* лично степени Настоятеля первоклассного монастыря, а затем (в 1817 г.) назначение его действительным Настоятелем первоклассного Ставропигиального Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря. Высочайшие же награды были, сколько по начальственному представлению, столько же и по особенному Всемилостивейшему благовниманию. По порядку времени они были следующие: В 1816 г. Ноября 18 *Филарет* был сопричислен к ордену св. Анны 2 степени за долговременное и усердное служение. Награда эта последовала по представлению Начальства. Но замечательно, что Государь Император не удовольствовался таким представлением, а вместе с сопричислением к ордену 2 степени благоизволил того же самого 18 числа Ноября пожаловать инспектору *Филарету* алмазный знак сего ордена и удостоить его Своим Высочайшим Рескриптом. Вот подлинный текст сего Рескрипта.

«Отец Архимандрит *Филарет*, Московской Духовной Академии Ректор! В награду за усердную и долговременную службу Я велел сопричислить вас к ордену св. Анны, коего знаки второго класса будут доставлены к вам из орденского капитула при надлежащей грамоте. В изъявление же особенного Моего уважение к отличным трудам, которые подъемлете вы по званию Ректора новообразованной Академии, жалую вам алмазный знак ордена св. Анны. Пребываю впрочем к вам благосклонный».

Затем, спустя лишь год с небольшим, – именно 12 Января 1818 г. – Ректор *Филарет* был пожалован орденом св. Равноапостольного Князя Владимира 3 степени. Наконец, когда прошло лишь полгода, он удостоен был такой Всемилостивейшей награды, какая была не только в ту пору, но и в настоящую считается одной из самых редких для лиц и в звании Архимандрита. 16 Августа 1818 года Ректору *Филарету* пожалован был орден св. Равноапостольного Князя Владимира 2 степени *большого креста со звездой*, каковой орден по обыкновенному порядку даётся только Епископам, и то после 1 степени св. Анны. Пожалование это последовало, как выражено в Высочайшей Грамоте, «как за труды в звании Ректора и

профессора богословских наук, так наипаче за деятельное попечение о духовном назидании воспитанников Академии».

Итак все награды, сколько важны по своему значению, столько замечательны и потому, что даны одна за другой в столь непродолжительное время. Последняя же награда, кроме важности, можно считать была необычайная. По крайней мере, когда эта же награда дана была прежде (в 1813 г.) Ректору Санкт-Петербургской Академии *Филарету*, бывшему тоже в сане Архимандрита, тогда показалась она такой редкостью, что по собственным его словам, называли его скороспелкой[276]. Чем объяснить такую необычайность награды? Во-первых, если такая награда была уже дана бывшему Ректору Санкт-Петербургской академии *Филарету* и, тоже главным образом «за неусыпные труды по званию ректора и профессора богословских наук и деятельность в образовании достойных служителей алтаря Господня»[277], то справедливо заключить, что труды и деятельность *Филарета* второго были равностепенны. Во вторых ясно, что подобные труды и заслуги ценились тогда столь же высоко, как и самое духовное просвещение и самые заведения духовные. Сам Венценосный Покровитель духовного просвещения, соизволив на тогдашние преобразования, недаром выразил тут же свою вожделенную мысль, что «сии духовные заведения, и при распространении общенародного просвещения, всегда будут стараться идти по-прежнему *впереди*». А потому труды и заслуги собственно на поприще сего просвещения, по самому назначению его приготовлять достойных лиц для апостольского служения, более всего соответствовали самому статуту ордена во имя Того, Кто сам на этом же поприще стяжал себе имя Равноапостольного Просветителя России.

О достоинстве последних трудов и заслуг Ректора *Филарета*, конечно, засвидетельствовал и представил, вторично ревизовавший Академию (в 1818 г.), *Филарет*, Ректор Петербургский, так как награда последовала непосредственно после этой ревизии, когда и сам он, как бы в знак этого свидетельства, подарил свою панагию. Но мог оценить их лично и Сам Государь Император, от личного благоволения Которого зависело и пожалование столь необычайной награды. Государь же действительно знал лично Ректора *Филарета* и имел случай удостовериться в его достоинствах. Это было ещё в 1816 г., в Августе месяце, когда «Государь, проезжая *Киев*, прибыл в *Москву* 15 Августа и в это время посетил Свято-Троицкую Сергиеву Лавру»[278]. При этом случае удостоилась личного посещения Государя Императора и новообразованная Духовная Академия. Когда об этом Высочайшем посещении донёс Св.

Синоду Преосв. *Августин,* Архиепископ Московский, то Обер-прокурор Св. Синода, Князь *А.Н. Голицын,* со своей стороны отвечал ему (от 14 Сентября), между прочим, так: «Его Императорское Величество изволил осматривать в Лавре новую Академию *с удовольствием. Благодарение Господу*!"[279]

Что касается личного удовольствия Государя Императора, о котором свидетельствовал Князь *Голицын* после бывшего осмотра Московской Академии, то оно тогда же было выражено ясно в том Милостивейшем благоволении, что «при Высочайшем обеденном столе в Лавре служили Его Величеству студенты Академии. Этого счастья удостоились восемь студентов: *Ареопагитский, Терновский, Богословский, Протопопов, Покровский, Постников, Смирнов* и *Алявдин*. Каждому из них пожаловано было по сто рублей»[280].

Явление это, справедливо сказать, одно из замечательнейших как по высокости чести, так и по редкости и необычайности. Какое из равностепенных с духовными академиями заведений, например, университетов, хотя именуемых Императорскими, может представить подобное явление в своих летописях?! Главное же, – чем обратили на себя столь благоволительное Внимание Монарха питомцы скромного, водворённого в стенах Обители, духовного рассадника, – это не иное что, как усмотренные Государем добрые плоды того духовного назидания, деятельное попечение о котором, в лице главного их начальника и наставника *Филарета,* признано было преимущественнейшей заслугой в его настоящем служении, а потому и награждено было столь необычайным отличием.

Смотря на этот факт, можно бы признавать его только временным явлением давно минувших дней, обуславливавшимся тогдашним порядком вещей, и в частности, личным воззрением на тогдашнее просвещение Благословенного АЛЕКСАНДРА I. Но вот перед нами другой подобный же факт в лице Государя Императора АЛЕКСАНДРА II. Когда в 1862 г. удостоены были чести быть представленными Его Величеству все служащие в Академии и в числе их о. Протоиерей *Делицын,* бывший студентом во время посещения Императора АЛЕКСАНДРА I, то Его Величество, указывая на о. *Делицына,* как живого Представителя в своём лице *всей истории* Академии, изволил изречь: «Надеюсь, что новая генерация воспитанников будет следовать по пути прежних». Не это ли, говоря словами Исторической Записки[281], Слово Монарха, как вожделенный для Академии отзыв о её прошедшем, составляет живое непререкаемое свидетельство, что Московская Академия «в то самое

время, как проходила своё собственное самовоспитание, способна была произвести такую первичную генерацию воспитанников, чтобы быть примерной и для генераций последующих – нынешних и будущих»... А так как живой представитель этой первичной генерации – о. *Делицин* был один из тех питомцев *Филарета*, в которых, как было сказано, «вместе с образованием перешли и воплотились самые свойства и черты нравственного духа и характера последнего», то излишне договаривать, в какой силе и мере относится это свидетельство к самому виновнику такой генерации по роду и качеству тех учебно- и нравственно-воспитательных начал и всего направления, какие восприял и водился ими сам он под непосредственным благодатным влиянием самого Богопрославленного *добродетелей подвижника*, который *от юности восприял Христа в души своей, мужески в пустыню вселился и чада послушания в ней возрастил, образ быв своим учеником и обещался поминати стадо свое и посещати чад своих и просвещати приходящих к нему с верой, дарования всем подая обильно*[282].

Говоря это, мы хотим теперь сказать о тех знаменательных и назидательных сведениях, о которых преднамечено было выше, как относящихся именно к сейчас указываемому духовному наставническо-подвижническому состоянию Ректора *Филарета*, проявление которого, при всей сокровенности, не могло не отражаться прямым влиятельным образом на воспитанников и образовывать особую в среде их генерацию призванников к иночеству.

Глава XIII. Участие, которое принимал Филарет в избрании Корбухи близ Сергиевой Лавры для Скита. Знаменательный факт исцеления от тяжкой болезни Игуменьи Хотьковского монастыря

«Ведь я здесь (на *Корбухе*), когда служил Ректором в Академии, бывал побольше твоего. А до меня и при мне бывало здесь довольно лиц, по тропинкам коих приводилось мне грешному ходить лишь вслед их… Я же ходил сюда для того, что возьму, бывало, с собой Библию и некоторые книги, да ещё бумагу, чернильницу с пером и, усевшись где-нибудь тайком, поразмыслю, что нужно для лекций и тут напишу... В промежутки же между этими занятиями встану да помолюсь на Св. Лавру. – И глядишь, Слава Богу, лекций приготовишь достаточно и хорошо»[283].

Сведения, которые мы сейчас представим читателям, заключаются, главным образом, в подробном рассказе, который сообщён был нам в 1866 г. высокочтимым († 1877 г.) о. Архимандритом *Антонием*, бывшим Наместником Троицко-Сергиевой Лавры, – сообщён, по его словам, совершенно в первый раз, так как он и вызван был в его памяти собственно теми обстоятельствами, с которых начался самый разговор между им и мной.

«Простите! Согрешил я, что прежде упорно, хотя и искренно, но только по забвению, отнекивался, что не знаю-де ничего особенного и интересного, что мог бы сообщить вам о времени жизни приснопамятного Владыки Киевского *Филарета* за бытность его здесь на службе в Академии, а советовал только вам покопаться хорошенько в архиве академическом и обратиться к нашему Владыке, теперь кстати проживающему здесь в Гефсимании[284], от которого я возвратился только что сейчас. Я застал его в прогулке по лесу, и тут-то вдруг дал мне Господь память. Да и Владыка-то наш знал об этом прежде от меня же, и потому мы вспомнив про вас, что вы прибыли нарочито сюда, чтобы собирать материалы, сообща вспоминали. Выслушайте же, что я вам скажу.

«В 1842 г. в Мае месяце, в последний проезд из *Санкт-Петербурга* в *Киев*, посетил нашу Лавру Высокопр. *Филарет*. Во время пребывание своего, он пожелал посетить, между прочим, Вифанию, куда и пригласил меня сопутствовать ему. На пути я стал рассказывать ему о состоявшемся уже тогда, по мысли и желанию нашего Высокопр. Владыки,

предположении устроить Скит – нынешнюю Гефсиманию. Дело оставалось лишь за выбором места для Скита. А как в ту пору наш Владыка находился в *Петербурге* в звании члена Св. Синода, – то я и вошёл с ним в переписку касательно выбора места. Мне хотелось решить этот вопрос скорее, на тот конец, чтобы в наступившем же лете приступить к работам, – именно, желалось по крайней мере успеть заложить церковь, – выкопать рвы и положить фундамент: остальная же работа, – так как церковь имела строиться деревянная, – могла быть производима и в позднюю осень и в самую зиму. Признаюсь, занятый благоговейной мыслью о предположенном устройстве Скита, я много раз осматривал местность, на которой стоит теперь Гефсимания: ходил по всему пространству её во всех направлениях по разным протоптанным тропинкам, а иногда приходил и сквозь глухо заросший лес, особливо в смежности с трясинным, версты на две простирающемся, болотом. Но взор и внимание мои каждый раз привлекались к одному пункту, носящему с исстари название – *Корбуха*. И вот, в последнем из писем своих нашему Высокопр. Владыке, я осмелился доложить ему, что находил бы более всего удобным и приличным заложить основание скиту на *Корбухе*. Но что ж? Владыка заметно даже оскорбился таким моим докладом о выборе места для Скита. «Нашёл место... – писал он в ответ на моё письмо, – там, где бывали прежде гульбища и игрища с песнями, плясками, хороводами, ты вздумал устроять Скит...» Действительно, близко этого места во время бывших Высочайших посещений Лавры Императрицами – *Елизаветой Петровной* и *Анной Иоанновной* давались, бывало, народные празднества. Зная это, я, тем не менее, смущался и скорбел от такого укорительного отказа, – тем более что иного места не предвидел, а главное – этим отказом задерживалось моё непременное желание приступить к делу с наступавшим летом, – и, признаюсь, не знал, на что решиться; приходил даже к мысли, что, видно, Богу не угодно, чтобы осуществилось наше предположение об устройстве Скита, когда является такая несходственность в самом избрании места. Во всяком случае, я положил в мыслях не напоминать уже более нашему Владыке об этом предмете.

В продолжение всего моего, как и теперь, рассказа, слушавший меня Высокопр. Митрополит не промолвил ни слова, – и мы приехали в Вифанию. На обратном же пути, лишь поравнялись с местностью «Корбухи», он вдруг обратился ко мне: «ну ка покажи место, где ты думал бы устроить ваш Скит». Я приказал повернуть лошадей на тут же бывшую небольшую дорогу; но как проехать в карете до самого места не было возможности, – то мы тотчас же вышли кареты, – и пошли пешком. Идя к

месту, я не мог не заметить, что Владыка вовсе не имел нужды в указании пути; каждый поворот он знал наперёд едва ли не лучше меня. Когда же мы подошли к самому предизбранному мной пункту, он остановившись, спросил: ну, где же именно хотел бы ты, отец, устроить Скит и, главное, поставить церковь? Я отвечал: «да вот, Владыка святой, на этом-то самом месте, где мы теперь остановились». Осмотревшись кругом с глубоким в лице и душе вниманием, он продолжал: «так дело-то говорил ты, остановилось теперь у вас затем, что Владыка – Митрополит ваш, не соглашается на выбор этого места?» «Да! отвечал я с душевной грустью». «А вот если бы я был у вас владыкой – то, знаешь ли, что я сделал бы? Я указом предписал бы тебе, отец наместник, а не то и силой заставил бы тебя строить храм и устроять весь Скит именно здесь, где мы теперь стоим». И устремил всё своё внимание в лицо и слова говорившего. Он же не выдержав как видно невольного, исполненного самых духовных чувств, вздоха – продолжал: «Да, ты говорил, что ты избрал вот это место, – а я тебе скажу, отец, что не ты избрал его, а оно было избрано прежде тебя и меня, – а тебе теперь лишь указано... Говорю тебе, пиши твоему Владыке Митрополиту ещё и ещё о настоящем месте для Скита: здесь, именно здесь, должно быть Скиту, а нигде в ином месте. Пусть Владыка и погневается на тебя, – а ты всё-таки стой на твоём, и помянёшь после, что будет по твоему или иначе, по Божьему указанию тебе. Я открою тебе в чём дело».

«Когда ты вёл меня к этому месту, я уже наперёд его знал и без тебя пришёл бы прямо к этому пункту. Ведь я здесь бывал побольше твоего. Да я ли грешный только... Нет, и до меня и при мне были довольно здесь лиц, по тропинкам коих мне грешному приводилось ходить лишь вослед их. Вот как бывало это: Когда я был определён в здешнюю Академию сначала Инспектором, а с тем вместе и профессором богословских наук, – то признаюсь, мне слишком было трудно проходить эту службу, – особенно же преподавать лекции академические. В Академии я не был, да и вообще кончил курс лишь семинарский, и к тому же по старинному образованию; сослуживцы же мои почти все, не только профессора, но и бакалавры, были образования нового – академисты. Готовых лекций не было, а только лишь конспекты. Потребно было труда и труда, а не меньше того и разных сведений по своей науке. Так вот бывало, всячески дома-то хлопочешь, кропочешь, чтобы приготовить ту или иную лекцию, – а тут ещё отрывают от занятий по разным служебным обязанностям, – или сам развлекаешься чем-нибудь, а потому и мысли как-то не клеятся в голове и не ложатся на бумагу, и всё лишь дело просто-напросто, из рук валится... – Правда

стараешься, бывало, заниматься большей частью по ночам, которые нередко приводилось просиживать напролёт; но всё как-то дело мало зрело и спело: верно от того, что среди подобных ночей не успеешь, бывало, исполнить, как должно, правила монашеского, – да и у утрени и ранней обедни за усталостью не побываешь. Что было делать? Вот я и стал уходить из академии под предлогом прогулки в Вифанию (сада-то тогда никакого ещё не было при Академии[285]), в свободное от служебных занятий время[286]. Возьму с собой св. Библию и другие нужные книги, бумагу, чернильницу с пером или карандаш, приду сюда, усядусь где-либо под кустом, чтобы никто не видел да и давай размышлять и писать. А чтобы дело шло успешнее и с истинной пользой, с самого начала и в частые промежутки, особливо когда мысли не так-то свободно идут, встанешь и тепло-тепло помолишься Господу, и Угодника Божия, св. преподобного *Сергия*, призовёшь в помощь, воспоминая как и ему являлся в лесу благодатный старец и открыл в нём способности к учению и открыл разум к ведению, – и как впоследствии *водворился он в пустыни, чая Бога спасающего*, и там на маковце, устроив храм и обитель во имя св. Троицы, сам соделался вселением Ея, и вот нас недостойных, *учёных невежд*, не отринул принять под кров своей обители... Ну словом, – много-много бывало, поразмыслишь и перечувствуешь в молитвенном своём состоянии, твердя однако одно, как напечатано в старинных наших азбуках: *Боже в помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие*! Таким образом, то помолишься, то поразмыслишь о своём предмете по науке, – и глядишь, слава Богу, приготовишь и довольно-таки своих лекций. И замечательно, что когда станешь бывало, преподавать устно с кафедры обдуманные и записанные здесь мысли, то чувствуешь сам, что они так и просятся из души и с языка, и студенты тоже особенно внимательно слушают и принимают их с особенным вниманием, искренностью и даже с благоговением».

После минутного молчания Высокопреосв. Митрополит продолжал: «Это я говорю тебе о себе; а что делали здесь другие, сюда приходившие? Конечно, они делали делание далеко не такое, как я грешный. Верно, все эти тропинки орошены, да и кусты-то окроплены были их покаянными воздыханиями и слезами, и, верно, по всей этой *Корбухе* всюду насеяны ими семена богомыслия, подобно тому, как там на *маковце*, где тоже сначала была чаща и пустынь, а затем процвела обитель яко крин, и в ней возросли толико благодатные и живоносные плоды для всех, приходящих в неё с верой... Так-то, отец, неспроста привлекало и тебя к себе это место. Здесь, как я сказал, благочестивые старцы и мужи-подвижники засеяли в

обилии семена богомыслия и святости, – а ты призываешься теперь создать здесь житницу, чтобы эти семена, как плодоносные, были собраны воедино и послужили в спасительное питание многим... Ибо, что есть храм, который ты намереваешься прежде всего устроить здесь, – как не житница, в которую сносятся и слагаются, как добрые семена, благие и чистые мысли и чувствования всех истинных чад Веры и Церкви Христовой?! Но довольно, – ты сам всё это разумеешь, быть может, больше моего. Я скажу тебе только ещё раз: пиши к вашему Владыке и настаивай неослабно и без боязни гнева его, чтобы благословил избрать для Скита это, а не другое место, – на коем и да будет благословение Божие за молитвами того, Кто сам некогда, в лесу тёмном и глухом, избравши место на *Маковце*, молил Пресвятую Троицу, – да будет на месте сём храм во имя Ея, и теперь (будем с благоговением и дерзновением верить и уповать) он же указует и сие место к устроению на нём нового храма и обители, как отсадков от его духовно-благодатного рассадника. Сказав то, Высокопреосв. Митрополит осенил место на все четыре стороны своим святительским благословением, и я, приняв таковое же от него, тотчас же заломил три ветви на дереве, стоявшем там, где быть должно будущему храму – и где действительно он и стоит теперь, равно как и весь Скит расположен на местности, именуемой »*Корбуха*".

«Проводив высокого гостя, я (продолжал рассказ свой духовно-назидательный мой собеседник), немедленно отписал к нашему Высокопреосв. Владыке, дозволив себе снова доложить ему касательно предизбранного места для Скита. Ответа не последовало. Через некоторое время я ещё повторил то же, – и получил в ответ: «оставить это дело до моего личного прибытия в Лавру». Но как это прибытие, как я сказал уже прежде, не могло быть раньше конца Сентября, – то значит, мои желания и надежды начать работы тогдашним летом были тщетны. Наконец, когда Владыка прибыл в Лавру, то угодно было Господу и здесь испытать моё грешное и слабое терпение. За несколько дней до прибытия во всё время пребывания Владыки в Лавре стояла столь дурная – дождливая, холодная, ветреная погода, какой и вообразить трудно. Когда я однажды решился было напомнить Владыке «не угодно ли будет ему лично побывать на *Корбухе"*, – он сказал: «что это? На явную болезнь или смерть ты хочешь тащить меня туда в такую погоду!» Через день после праздника Препод. *Сергия*, – именно 27 числа, Владыкой был предназначен выезд в *Москву*: а погода нисколько не изменялась. Ну, думаю, – прощайте все мои надежды и предположения! Но вдруг, задолго ещё до полдня 27 числа, поднялся страшнейший ветер, тучи и облака начали рассеиваться и через какие-

нибудь два часа выглянуло солнце и такое жаркое и жгучее, что день превратился в чисто майский. Часа в два дня Владыка, совершенно неожиданно для меня, потребовал меня к себе, – и говорит: «ну, что же Ты не давал мне ни отдыха, ни срока со своим выбором места для скита на *Корбухе*. Вот погода проветрилась; отправимся, пожалуй, посмотрим вместе. Лошади были немедленно поданы и когда мы выехали за Посад, – то погода стояла истинно очаровательная: вся природа как бы упоевалась ею. Когда мы проехали уже в лес в карете, а затем пошли пешком, хотя было под ногами и очень мокровато, а по местам почти топко, как на болоте, – откуда взялись разные птички, которые кружились над головами нашими и оглашали воздух пением на все голоса, – словом в лесу стало так прекрасно, усладительно, что и весной редко можно чувствовать такое состояние, в каком мы находились. Сам Владыка, как бы не верил себе, смотря на всё окружающее нас в природе, как бы приветствующее каким-то нарочитым торжеством. Таким образом, мне не нужно было ни описывать и местности, ни выхвалять её красот и проч. перед Владыкой, в лице которого явственны были совершенное довольство *Корбухой* и одобрение этого места для устройства Скита. Действительно, после нескольких минут нашего пребывания, Владыка спросил только: где основать самый храм? а затем сам же указал на тоже дерево, которое было мной намечено, и на котором я снова за его благословением надломил три большие ветви.

«Пройдясь ещё несколько и осмотрев местность в каком-то раздумье, Владыка вдруг обратился ко мне с вопросом: «однако скажи мне о. Наместник, от чего ты так неотступно настаивал в твоих, особенно последних письмах касательно избрания этого именно места для Скита? Когда я, нисколько не обинуясь, ответил ему, что настаивать так благословил меня Высокопр. *Филарет*, Митрополит Киевский, осматривавший и указавший это место в недавний проезд его здесь». Владыка сказал: «вот так бы и следовало тебе написать мне, тогда и рассуждать бы мне, ни тебе не нужно было бы. В этом деле он знаток, не то, что мы с тобой: мы не годимся и в ученики к нему по этой науке, по которой, как и *по имени его, тако было и житие его*".

После всего этого рассказа о. Наместника меня заинтересовал вопрос, – с которым я и обратился к нему: «Что за побуждение было у Высокопр. Владыки Московского *Филарета* к желанию устроить Скит именно в это время?!» Он отвечал: «сказать откровенно, это в своём роде был секрет, а какой, вы это узнаете, думаю я, и из сведений о Владыке Киевском, когда успеете собрать их в полноте. Ведь они оба тогда, как говорится,

скатились *с горки на одних салазочках*, хотя их выпроводили-то из Св. Синода навсегда в свои Митрополии не в одно время. Владыка-то Киевский возвращался, как я рассказывал вам, в начале Мая, а наш прибыл позднее. И замечательно, как теперь помню, первый-то Киевский был преспокоен и даже как бы радёшенек, – а наш-то не того... Вообще в их характере, сказать нужно, была большая разница во многом, именно в случае каких-либо непредвиденных и неблагоприятных обстоятельств. Наш-то Владыка, попросту сказать, был трусоват или больно щекотлив и мнителен за себя и за всё своё... Киевский же Владыка наоборот: и он бывал для нашего поддержкой в подобных случаях и обстоятельствах – ещё с давних пор. Вам придётся это узнать из материалов, – особливо например, из письма Киевского Владыки к нашему, когда он (Киевский Митрополит) был ещё Архиереем Калужским, а наш только ещё Архиепископом Московским. Тогда тоже успели было сильно подставить нашему Владыке ногу... особливо по делу о его Катехизисе... Мне сказывали люди знающие, что наш-то чуть было и тогда уже не готов был подумать о Гефсимании, т. е. об устройстве Скита с выходом совсем в отставку, или даже будто хотел себя настолько смирить, что желал бы быть гробовым при Св. Мощах Св. Угодника нашего *Сергия*[287], или в Чудове при Св. Мощах Святителя Митрополита *Алексия*... По крайней мере, есть даже и у меня, добытое в копии по секрету, одно писание под названием: «Молитва заключённого в темнице», которую будто бы составил наш Владыка именно в тогдашнюю пору, когда писано было ему успокоительное письмо от Калужского *Филарета*. Потому то, мне кажется, наш Владыка и промолвил мне по случаю выбора места для Скита на *Корбухе*, предуказанного *Филарет*ом Киевским, «что мы, де, не годимся к нему и в ученики», разумеется по высоте и твёрдости его духа и характера...» «Впрочем, это я говорю вам так, как сам разумею, а другие, может статься, другое об этом разумеют; если что вам будет известно со временем, то вы, конечно, сообразите сами. Теперь, при жизни нашего Владыки, конечно много и многое остаётся сокровенным, хотя я и знаю, что уже многое и записано и, само собой не замедлит появиться в издании немедленно же по его кончине[288]. Ведь вот и о Владыке-то *Филарете* Киевском, только уже по блаженной его кончине, сделалось известным то, что столько лет был он уже *схимником* – потаённым»... При этих словах у меня вырвалось то, что сказать правду, было сыздавна в мыслях: «Что же? может статься, и по кончине Вашего Владыки – Митрополита мы уведаем тоже»... О. Наместник полу-улыбнувшись сказал: «вот вы как забывчивы, честный отче: я ведь вам уже говорил и повторял слова нашего Владыки, –

что мы, де, не годимся и в ученики к тому Владыке... И я первый о себе присовокуплю что, увы! я грешный не дерзаю и помышлять, чтобы был я подобен о. Иеросхимонаху *Парфению*, бывшему духовному отцу своего Владыки – Митрополита Киевского[289], который как известно, сам первый восприял схиму от святительской руки его, а потом возложил и на него свою руку с облечением его в схиму. Нет и нет! Скажу вам больше: вот и насчёт даже места погребения для нашего Владыки, сколько уже вышло изменений! Сперва предуготовлялось место в самой главной деревянной скитской церкви, – затем в церкви, что в скитском корпусе, а теперь уже и это оставлено... Место для погребения предназначено, кажется, окончательно – в самой же Лавре, а вовсе не в Скиту. Какие же мы *схимники*, когда не умеем быть и скитниками?! – Но простите, если я больно уже заговорился и, может статься, даже и чрез меру». Не говоря о знаменательности изложенного рассказа по и отношению собственно к избранию места для скита Гефсиманского, содержание и значение его весьма знаменательны в приложении к нашему повествованию. Прежде всего, из этого рассказа ясно, что сам *Филарет* Киевский был действительно избранником и призванником, чтобы воспринять и оправдать в лице своём то, о чём как сказано в исторической Записке для всех, водворившихся в обители, любителям духовной науки открывался благодатно-духовный дар, имевший, несомненно, благотворное влияние на достойных его. Далее же, что касается того как и в чём могло проявляться и распространяться через посредство такого начальника-духовно-подвижника соответственное влияние на воспитанников и даже на других, об этом дают разуметь следующие данные.

Сам в Бозе почивший не упомянул ни об одном из тех лиц, авторитетом которых свидетельствовался он в отношении духовно-знаменательного значения местности на *Корбухе*. Сообщивший же нам свой рассказ, о. Архимандрит-Наместник хотя и припоминал некоторых, но тут же сам сослался на воспоминание Графа *М. Толстого*, только что пред этим временем напечатанные, и нами затем тогда же прочитанные[290]. «И по возрасту и по занятиям моим я имел более сообщества со студентами Академии, нежели с монахами Лавры, – пишет Граф. Но и между лаврскими старцами случилось мне узнать нескольких истинно-духовных, благочестивых подвижников». Затем Граф перечисляет поимённо шесть таковых лиц[291] с их характеристикой и отчасти с указанием на отношение некоторых из них к лицам академическим и, наконец, с засвидетельствованием о благодатно-чудодейственных дарованиях двух из них, – именовавшихся собственно – *Гефсиманскими*

схимниками, что на *Корбухе*.

Судя по времени, к которому относятся воспоминания Графа *М. Толстого*, почти все поименованные лица были современниками в Бозе почившего Митрополита *Филарета* Киевского в бытность его в Академии. Нельзя допустить, чтобы Ректор *Филарет* не знал их, а зная не имел с ними общения, когда, как увидим, впоследствии, бывши уже Епископом и Митрополитом, он всегда питал особенную любовь и преданность, по преимуществу, к простым смиренным старцам-инокам. Поэтому, когда вспоминал он, в беседе своей с о. Наместником о *Корбухе*, о каких-то приходивших туда лицах, – то, несомненно, под сими последними разумел указанных, хотя он и не называл их имён. Так же точно, хотя он, по чувству смирения, говорил прикровенно, что ему приходилось ходить по протоптанным ими тропинкам, – но, вероятнее всего, он сходился здесь с ними. Таким образом, здесь была особая, и в полном смысле, *духовная* академия, где в минуты прерываемого богомыслия встречавшиеся друг с другом старцы, хотя произносили, может быть, лишь по нескольку слов между собой. Зато эти слова были из рода тех, о коих свидетельствует св. Апостол: *хощу пять словес умом моим глаголати, да ины пользую, нежели тьмы словес языком*. (1Кор. 14:10).

Такие духовные подвиги, хотя и втайне совершавшиеся Ректором *Филарет*ом, но не остававшиеся совершенно неведомыми, – понятно, как высоко должны были ставить его в глазах и воспитанников и сослуживцев, а с тем вместе неотразимо сильно и глубоко действовали на их собственное поведение. И почти излишне спрашивать, – известны ли были воспитанникам и сослуживцам Ректора *Филарета* самые его посещения *Корбухи*, а равно, более или менее, близкие отношения и духовно-дружественные связи со старцами-подвижниками. Нужно знать, что местность *Корбухи* была известна, сыздавна ещё, и начальникам и воспитанникам прежде бывшей Троицкой Платоновской Семинарии, и окрестности её, в месте с Вифанскими, служили лучшим местом для прогулок наставнических и воспитаннических[292]. Преемственно за воспитанниками Семинарии и академисты, с изначала доднесь, отправляются для прогулок преимущественно в описываемые места. Судя по этому одному, хождение Ректора *Филарета*, а также и прочих старцев-иноков, и взаимные их личные отношения, так или иначе, не могли укрыться от взора и наблюдения воспитанников. У воспитанников, в подобных случаях, бывает особенная чуткость к поступкам начальников и наставников. Горе и зло, если эта чуткость встретится с какими-либо впечатлениями или даже догадками не в пользу поставленных над ними, –

и зато наоборот, когда такая чуткость и наблюдения откроют потаённые стороны внутреннего духовно-назидательного свойства, то действия и последствия от этого бывают такие, каких не могут возбудить и внедрить самые образцовые педагогические наставления и руководства, или даже открытая добродетельная жизнь. И вот, не здесь ли верный ключ к уразумению того, что Ректор *Филарет*, неведомо даже для него самого, мог являться проводником духовно-нравственного влияния на своих воспитанников в деле призвания их к монашеству?! Не отсюда ли становятся понятными и те отзывы воспитанников, что они считали его не за человека, а за ангела, и вообще видели в нём что-то особенное, даже необыкновенное и к самым лекциям его чувствовали невольное благоговение?!

То же самое до́лжно сказать и касательно близких духовно-дружественных отношений Ректора *Филарета* сподвижниками-старцами. Последнее так же не могло быть скрыто от воспитанников. Если вспоминатель своей юности Граф *М. Толстой*, бывши в числе вольнослушателей в Академии и бывши лицом светским, мог знать вышепоименованных благочестивых старцев, то и студенты, особливо из чувствовавших в себе призвание к монашеству, могли ли не быть в таких же точно отношениях к этим старцам. Пример в лице старца *Игнатия*, дарившего своими рукописными *хартиями* профессора *Голубинского*, вполне подтверждает истинность подобных отношений. И удивительно ли, что эти самые старцы, приходивших к них, юным питомцам высших наук, коль скоро замечали в них желание посвятить себя иноческому служению, указывали как на первый живой пример им – на их начальника-воспитателя, и этим давали им разуметь, что и высшее образование и высота служебного звания удобно совмещаются с иноческими обетами и подвигами. На чем же могли самые старцы основывать свои отзывы о духовном подвижничестве *Филарета*, ответ на это с одной стороны в том, что подобные состояния *как духовные*, и по слову Апостола, *духовне востязуются* (т. е. уразумеваются и определяются); а с другой стороны как степень подвижничества самых старцев, хотя была ведома отчасти ещё при их жизни, но явственнее открылась по кончине их в таких благодатных действиях, какие видели мы в лице, например, старцев-схимников *Харитона* и *Матфия*, так точно и о в Бозе почившем *Филарете* уместно привести здесь, между прочим, следующий факт, ясно свидетельствующий об особенной благодати, на нём почивавшей при жизни его. Вот тот факт, относящийся, собственно по самому месту события, к настоящему предмету повествования[293].

"Игуменья *К.* монастыря Каллиста, в Октябре 1864 года, рассказывала, что бывши в *Хотькове*[294] слышала она в Августе 1863 года от тамошней Игуменьи *А.*, что последняя, давно ещё за несколько лет до игуменства, страдала ревматизмом и до такой степени, что нельзя были даже до неё дотронуться; поэтому она, уцепившись только за холст, и то кое-как лишь могла приподниматься или поворачиваться на кровати на другую сторону. В одну ночь, во время особенно сильных страданий, подходит к ней какой-то Архиерей с Диаконом и послушником. Архиерей был в ризах, а Диакон в стихаре. Подойдя к страждущей, Архиерей приказал ей встать на ноги и очень строго. Когда же больная сказала, что пошевельнуться не может от страшной боли, то Святитель взял её за ногу, и приподняв, со всего размаха тряхнул её и бросил так, что больная закричала в беспамятстве; потом, постучав кулаком в пятки, присовокупил: «не бойся! будешь здорова, да ещё и начальствовать будешь!» Больная тотчас же почувствовала себя совершенно здоровой и, встав на ноги, ходила по комнате, славя Господа». Долго, после своего исцеления, Игуменья *А.* не знала и не могла знать, – кому она обязана была своим исцелением, – о чём передавала и Наместнику Троице-Сергиевой Лавры Архимандриту *Антонию*. Наконец, стоя однажды при мощах преп. *Сергия*, она в лице, проезжавшего в *Санкт-Петербург*, Высокопр. Митрополита Киевского *Филарета*, узнала своего исцелителя, при коем те же были самые и Диакон и послушник и в тех же облачениях как сам он, так и Диакон. Обливаясь слезами от этой неожиданной и поразившей её до глубины души встречи, она пробилась через теснившуюся около него толпу, чтобы получить его благословение и выразить свои чувства. Но прозорливец – Святитель *Филарет*, благословляя её, сказал ей тихо, но со властью, до двух раз: «молчать прошу, – о чём знаешь».

К какому собственно времени относится факт этого чудодействования, неизвестно; относительно же времени, в которое исцелённая Игуменья *А.* узнала своего исцелителя оказывается, что это могло быть в 1838–1842 годах, в течение которых Высокопр. *Филарет* ежегодно ездил из *Киева* в *Санкт-Петербург* для присутствования в Св. Синоде. Отец Наместник *А. Антоний* тоже не указал нам в точности на время, зато присовокупил к этому, что факты, т. е. и исцеление болящей и узнание ею своего исцелителя были известны в своё же время и Высокопр. *Филарету* Московскому. Поэтому, говорил о. Наместник, наш-то Владыка, как мне сдавалось, и на *Корбухе* выразился так о Киевском Владыке, что *мы не годимся к нему и в ученики*, разумея свято-подвижническую жизнь его и такие духовно-благодатные дарования. Ведь Владыка Киевский-то,

несомненно, и во время служения своего здесь в Академии был наставником не по наукам только, а по духу и влиянию своему был и явным и тайным руководителем для других на пути к истинному подвижничеству, разумеется и для самих академистов. От этого-то Владыка наш и всегда, бывало, радовался, когда получал представления от Академического Начальства с прошениями студентов в пострижение в монашество и приговаривал иногда, – «каков де был корень, таковы и произрастания в ветвях»... «Да вот и на моих уже глазах – сколько перебывало здесь в Академии и Ректоров и Инспекторов и все из здешних, как говорится, доморощенных. А сколько уже теперь вышло из них достойнейших святителей... На бывшем недавно (в 1864 г.) Юбилее Академии особенно отрадно было выслушать в исторической Записке самые прямые об этом свидетельства. Недавно же, я с особенным умилением прочёл речь, сказанную при наречении в Епископы известным учёным, Доктором Богословия *Иоанном*, бывшим здешним же воспитанником, в которой он так живо и, главное, в таких чувствах и с сердечным расположением к званию иноческому, как ведущему, ближе и прямее всего к служению Святительскому учёных-то лиц монашествующих, – изобразил значение и самого образования академического в этом отношении. Вы верно читали это, что я теперь говорю».

Указанная сейчас и столь метко охарактеризованная нашим бывшим собеседником *А. Антонием*, речь бывшего Преосв. *Иоанна* нам была уже известна. Эта речь действительно такова по своему значению, что и в настоящий раз мы не можем не обратиться к ней, чтобы именно её словами закончить всё наше настоящее изложение о значении служения Ректора *Филарета* в Московской Духовной Академии по духу, силе и направлению всей его служебной деятельности и собственной его жизни в деле духовно-учебного и нравственно-воспитательного образования.

Вот несколько главных строк из этой речи.

«Полвека протекло в жизни наших духовных училищ, со времени их преобразования; и в настоящее время они светло празднуют своё *пятидесятилетие*[295]. Да, не достойна ли в самом деле, памяти и торжества их минувшая жизнь, – та жизнь всегда поучительная, когда свет Божественного Откровения, нераздробляемый и непреломляемый во множестве пытливых вопросов человеческого разума, все наши познания возводил к единству вечной Истины, – когда наш дух, строго богословствующий и здраво философствующий, был чужд не только всякого вольномыслия мира, но и самого мира, не считая его дела своими,

когда, поэтому многие и лучшие из нас, в лучшие годы жизни, с любовью и радостью спешили приносить к алтарю торжественные обеты жизни, всецело посвящаемой на служение Богу и Церкви. Когда пред высокими авторитетами в нашей науке и Церкви древних и новых времён охотно смирялся молодой ум, однако ж не менее, а может быть и ещё более умов нынешнего века мыслящий, и юная воля, вовсе не бесстрастная, не знала для себя других начал в жизни, кроме свободной преданности своему званию и терпеливой покорности воле начальственной. Когда сильно чувствовались у нас внешние неудобства жизни, многие нужды и лишения, но ещё сильнее был навык довольства малым, несокрушимого труда и терпения, и мысль, – что есть для человека в жизни нечто высшее вещественных нужд и лишений. И вот, *из такой-то школы* выходил человек, *как подобает служителю Евангелия, с крестом в душе*, готовый на всякий крест в жизни».

После этих истинно глубоко замечательных слов духовного витии, почерпнувшего и вынесшего для себя такие чистые убеждения именно из Московской Духовной Академии, хотя и в дальнейшей уже генерации питомцев, излишне были бы какие-либо ещё комментарии в приложении собственно к жизнеописуемому лицу *Филарету*, как началоположнику всего, изображённого в приведённой речи, состояния высших духовных рассадников просвещения в бывшем их пятидесятилетнем периоде. Нам остаётся лишь сказать, что этот же самый *Филарет* как был истинным начальником, педагогом-отцом на поприще учебно-воспитательном, таковым же явил себя и на поприще святительства, говоря словами речи, «как подобает истинному служителю Евангелия *с крестом в душе и с готовностью на всякий крест в жизни*». На святительское служение вступил в Бозе почивший непосредственно с должности Ректора Московской Академии и совершил его в течение целой (без малого) *четыредесятницы лет* (1819–1857) и, завершив его до последних минут жизни на первосвятительской Киевской кафедре, не обинуясь засвидетельствовал сам о себе в буквальных предсмертных словах: «жил на кресте и умер на кресте»[296].

Первым местом святительского служения в Бозе почившего была *паства Калужская.*

Отдел VI. Служение Епископа Филарета в Калуге (1819–1825 г.)

Глава XIV. Назначение Филарета Епископом Калужским и Боровским. Отличительные качества его как Епископа

«На место преосвященного *Антония*, бывшего Епископа Калужского, Высочайше определён Московской духовной Академии Ректор Архимандрит *Филарет* (*Амфитеатров*), – по благочестию своему, благости отеческой, кротости и смиренномудрию, благоразумию и дальновидности, по сердоболию и искреннему участию к бедным и по всему вообще архипастырскому служению – незабвенный для Калужской епархии Святитель»[297].

Д

оклад Св. Синода о назначении Ректора и профессора Богословских наук Московской духовной Академии и Настоятеля Ставропигиального Воскресенского «Новый Иерусалим» именуемого монастыря, Архимандрита *Филарета* Епископом Калужским и Боровским был Высочайше утверждён в 6 число Апреля 1819 года, что приходилось тогда в самый первый день Св. Пасхи[298]. Об этом определении дан был указ Св. Синода тогдашнему Митрополиту Московскому *Серафиму*, от 21 Апреля за № 2633[299]. В этом Указе подробно прописано Митрополиту, – где и кому с ним совершить наречение и хиротонисание *Филарета* в Епископы, – именно наречение в Московской Синодальной Конторе, а посвящение – в большом Успенском Соборе. Священнодействующими при наречении и хиротонисании были назначены – сам Высокопреосвящ. Митрополит *Серафим* и находившиеся тогда в Москве, преосвященные – Викарий Московский *Лаврентий*, Епископ Дмитровский, Грузинский Митрополит *Иона* и Архиепископы *Пафнутий* и *Досифей*[300]. При Указе приложены были два печатных экземпляра «Чина присяги архиерейской». На одном из них предписано было подписаться по листам *вверху* всем Святителям, рукополагавшим *Филарета* в Епископы, а на другом подписаться по листам же, *но внизу*, самому *Филарету*. Самая эта подпись была прописана во всей полноте на особом, приложенном к Указу, листе и состояла в следующих словах: «Аз, первоклассного Ставропигиального монастыря Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, Архимандрит *Филарет*, ныне наречённый Епископ Калужский и Боровский, сие здесь написанное и подписанное моей рукой, приемлю и вручаю пред святым Евангелием братиям моим, преосвященным Митрополитам, Архиепископам и

Епископам и всему освящённому собору в граде Москве в большом Успенском соборе, лета Господня 1819, Июня 1 дня». Наконец в этом же Указе было предписано взыскать за эти два печатных экз. «чина и присяги архиерейской» (по 9 полулистов в каждом экз.) с хиротонисованного 4р. 50к. ассигнациями, а на проезд его в епархию и домашнее там обзаведение, сообразно существовавшему тогда обыкновению, назначена к выдаче тысяча рублей ассигнациями.

Из выше прописанной подписи *Филарета* на подлинной присяге видно, что между временем Высочайшего утверждение доклада Синода о бытии ему Епископом и временем самого посвящения прошло почти два месяца. Причиной этому было то, что Митрополит Московский *Серафим*, по званию Члена Св. Синода, находился в *Санкт-Петербурге*. По поводу сего (писано было в Указе Московской Синодальной Конторы на имя Архимандрита *Филарета*) Господин Прокурор Синодальной Конторы, Действ. Стат. Советник и Кавалер *Николай Евреинов* словесно предложил: «помянутый Член Св. Синода, Высокопр. *Серафим*, Митрополит Московский и Коломенский и Кавалер, предполагает (по возвращении из *Санкт-Петербурга*) учинить наречение во Епископа 30 Мая, а посвящение 1 Июня. Приказали: «сего ради к тому наречению в Контору Синодальную по утру в 8 часов в мантиях, а к посвящению в Успенский Собор в обеденный благовест в надлежащем облачении быть вам – Архимандриту *Филарету* и всем, находящимся здесь в Москве, Преосвященным Архиереям (следует перечень всех их) и ставропигальных и епаршеских Московских монастырей Настоятелям и первейших Соборов Московских Протоиереям объявить о сём же Указом"… и вам – Архимандриту *Филарету*, дать (и даётся) сей Указ и пр.[301].

Указ этот получен Ректором *Филарет*ом, как помечено его собственной рукой, 29 Мая, следовательно, накануне уже самого наречения. В продолжении же предыдущего, двухмесячного почти, времени оказывается Ректор *Филарет* оставался при службе в Академии, и тут-то, как мы видели уже, он занялся особенной отчётностью о состоянии Академии и составил даже список всех воспитанников с подробными о каждом из них рекомендациями, который был впоследствии принят в особое уважение всей Конференцией при выпуске второго курса воспитанников в 1820 г. следовательно, через год уже после выбытия *Филарета* из Академии.

Как происходило расставание и прощание Ректора *Филарета* с Академией и самый отъезд его из *Москвы*, на это не имеется сведений. Из делопроизводства видно только, что Митрополит Московский *Серафим*

донёс Св. Синоду (от 4 Июня № 2384) о совершённом хиротонисании *Филарета* с препровождением истребованных от него за присяжные листы, денег 4р. 50коп. ассигнациями. О выдаче же ему тысячи рублей ассигнациями на его проезд и домашнее, на будущем месте, обзаведении не было ни слова.

По рассказу покойного Высокопреосв. *Антония*, Архиепископа Казанского, дело об этих деньгах состояло в том, что так как они обыкновенно выдавались, (что значится и в Указе) «из сумм на духовный департамент ассигнуемых», и потому высылались из *Санкт-Петербурга*, – то Преосв. *Филарет* не захотел тратить время на выжидание высылки денег. Тем более, что ему не безызвестны были сведения о Калужской Епархии, требовавшей по её состоянию особенной деятельности. А так как у него самого денег налицо не было нисколько, то он и воспользовался тем случаем, о котором было сказано прежде, т. е. выпросил взаймы 200 руб. ассигнациями у студента – своего родственника по *Уфе*, и на эти деньги отправился немедленно в путь – в *Калугу*.

Обращаемся к самому служению Преосв. *Филарета* на Калужской пастве.

В краткой выписке, составленной[302] из дел архива Калужской Консистории и из других документов и разных сведений о жизни в Бозе почившего, Высокопреосв. Митрополита *Филарета* за время его святительства в *Калуге*, читаем следующие самые начальные строки.

«На место Преосв. *Антония*, бывшего Епископа Калужского, по Высочайше конфирмованному докладу Св. Синода, 6 Апреля 1819 г. определён Ставропигиального Воскресенского монастыря Настоятель Московской Духовной Академии, Ректор и богословских наук профессор, Архимандрит *Филарет* (Амфитеатров), – «по благочестию своему, благости отеческой, кротости и смиренномудрию, благоразумию и дальновидности, по сердолюбию и искреннему участию к бедным и по всему вообще архипастырскому служению – незабвенный для Калужской епархии Святитель».

Все эти исчисленные свойства и черты, которыми так охарактеризовано святительское служение в Бозе почившего в Калужской пастве, не взяты, как говорится, из общих мест и выражены не в смысле только панегирическом. Составитель выписки руководился непроизвольным желанием и соображением, а официальными, или обще-засвидетельствованными данными, в которых, как увидим, каждое свойство и черта выражались и оправдывались действительными фактами. С другой стороны, довольно отнестись только со всем беспристрастием ко

всему предшествовавшему поприщу, и образу жизни, и служебной деятельности *Филарета*, чтобы отбросить всякие мысли против правды и истины относительно святительских свойств и деяний, которые в течение пятилетнего своего служения мог действительно проявить ново-поставленный для Калужской паствы Епископ *Филарет*.

Достойная честь самой Калужской пастве, верно понявшей, достойно оценившей и с такой признательностью сохранившей в священной памяти все истинные достоинства своего Архипастыря! Со своей же стороны, имея в виду, что этими же и многими другими качествами ознаменовано было и всё последующее, почти сорокалетнее, в разных местах и на разных высших по званию степенях, святительское служение Высокопр. *Филарета*, а здесь на Калужской пастве, как самой первой по времени, положено всем им начальное основание, мы будем излагать настоящее наше повествование с особенной подробностью и с характеристикой некоторых из рассматриваемых свойств и действий, дабы не повторять о них в других местах служения, исключая тех из них, которые проявлялись в особенном виде, смотря по местным и современным требованиям и условиям.

Епископа *Филарета* составитель выписки именует незабвенным, прежде всего по его благочестию. Понятие о благочестии слишком обширно в своём содержании, значении и проявлении в жизни. Благочестие, по слову Апостола, на всё полезно есть, потому оно во всём вмещается, всё проникает собой и во всем проявляется, начиная от высших духовных созерцаний и величайших подвигов святости, и оканчивая самыми обыкновенными состояниями и действиями. Но для благочестия же есть и определённые свойства, черты и условия, которые зависят от известной внутренней настроенности человека и от его звания, положения и отношений, в каких он бывает поставлен. В частности, для лица в звании святительском благочестие должно составлять преимущественный атрибут и быть ореолом. Оно здесь есть именно та *соль* и тот *свет*, коими наименовал Сам Пастыреначальник Господь своих избранных учеников-Апостолов, и преемников их – Святителей. Однако как соль должна иметь своё место, и время, и предметы для её употребления и действия, равно и свет, хотя может *светить и во тьме, и не быть объятым* последнею, – но сила и действие его тем не менее, требуют свойственной среды, дабы не только светить, но и согревать, животворить и оплодотворять, – так точно и благочестие в лице Архипастыря имеет свои средоточия – фокусы и стороны – радиусы. В этом отношении мы и встречаем вполне правильные подразделения понятия о благочестии истинного Святителя в тех

свойствах и действиях, которые особенно проявились у в Бозе почившего на паствe Калужской, и которые изображены у составителя выписки с действительных фактов и изложены в подлинных, хотя и кратких сведениях[303].

К Богослужению преосвященный *Филарет* был «преусердный» Архипастырь. Вот какую первую черту благочестия выставляет автор выписки. И действительно, лицо Святителя, если где и когда может стоять выше и сиять чище и светлее в духе и силе своего внутреннего и внешнего благочестия, то в св. храме, когда он там воздевает свои *преподобнические руки* в молитвенном возношении души и священном действенном приношении Бескровной Жертвы о себе и о всех чадах, Богом вручённой ему паствы. Такое состояние Святителя особенно ясно, а с тем вместе величественно, умилительно и назидательно в нашей св. Православной Русской Церкви. Каждый шаг и действие, и вся обстановка архиерейского служения определены и выражены в церковном чиноположении глубоко знаменательно. Те чувствования наших простолюдинов, – которые ложная образованность, а вернее отсутствие всякого религиозного, благочестивого чувства приписывают невежеству их, и потому иногда представляют их в своеобразных карикатурах, – в строгом смысле составляют самое живое и верное свидетельство, как высок в своём благочестии святитель по одному уже священно-благолепному совершению богослужения. Недаром можно слышать в любой пастве на святой нашей Руси, как об особенно благочестивых и высоко чтимых тех именно архипастырях, которые отличались особенным усердием к богослужению и отправлением его с подобающим благоговением и с истовым выполнением всего церковного чинопоследования.

Что касается самого термина «*преусердный* к Богослужению», приложенного к Преосв. *Филарету*, то для читающих излишне и напоминать и тем более разъяснять, каковы были любовь и стремление в Бозе почившего к храму и Богослужению ещё с самого первого детского возраста его, когда он не пропускал ни одной службы церковной. В настоящем месте заслуживает особенного внимания то, что видим в собственных Записках в Бозе почившего. «С тех пор как стал Епископом, я служил во весь великий Пост по средам и пятницам неопустительно[304]. Следовательно, начало этому было именно в Калужской пастве. Потому и в выписке (Калужской) читаем такие, в этом же отношении, сведения. «Пред началом великого Поста на сырной неделе в понедельник Преосв. *Филарет* каждый год уезжал из *Калуги* в Оптину пустынь, в устроенный им же там Скит Иоанно-Предтеченский, и возвращался оттуда в субботу

вечером. Так встречал св. четыредесятницу иерарх сей. Затем вся св. четыредесятница была поприщем особенного его богомыслия. Как сам он во дни великого Поста весь погружался в молитву, так возбуждал дух благочестия и в других. Так ученики Семинарии должны были в течение Поста великого прямо из классов по первому удару колокола ходить каждую среду и пятницу к Преждеосвященным Литургиям, которые неопустительно совершал сам Владыка[305].

Указываемые сведения, с одной стороны, представляют редкость в ряду обычно совершаемых святителями Богослужений. В большинстве весьма мало можно встречать отправление Литургии Преждеосвященной чином архиерейским. Но с другой стороны, так как сам в Бозе почивший особенно усугублял здесь своё усердие, давши нарочитый обет с первых дней своего епископства, и выполнял его во всю последующую жизнь неопустительно, а с тем вместе в это именно время он призывал к особенному участию в Богослужении и юных духовных питомцев, как будущих служителей Церкви, то это дело очевидно, имеет своё значение. В выписке достаточно верно определено это значение, т. е. Преосв. *Филарет* избирал для себя в четыредесятницу поприщем особенного богомыслия, подвигов, поста и молитвы, почему и предначинал её ещё с сырной недели нарочитым уединением в Оптину пустынь, а через это возбуждал особенный дух благочестия и в других, как особенно потребный во дни поста и покаяния. Самый обычай его отправляться ещё с масляной недели в Пустынь давал разуметь и всем, что эта неделя действительно должна быть временем и подвигом приготовления для всех чад Церкви. А что он не оставался там в Пустыни на всю четыредесятницу, а являлся в среду своих пасомых, то и это как нельзя более, соответствует святительскому званию и долгу. Если вся св. четыредесятница есть время и поприще по преимуществу для молитвенно-покаянных подвигов и если, к прискорбию, к этому поприщу менее всего податлива и склонна бывает наша немощь, и усиливаемая мирскими житейскими суетами и доводящая нередко до совершенного равнодушия и беспечности, по коим многие даже оставляют без исполнения святейший долг приобщения Тела и Крови Господних, то личный пример Архипастыря, действующий в среде своей паствы так, чтобы *не ему служили, а самому послужить всем*, и таким образом с радующимися радоваться, с печальными печалиться, понятно, какое имеет благотворное действие на всех. Иначе же оставайся тот же – Преосв. *Филарет* в Пустыни на всю четыредесятницу ради своих лишь, хотя и самых великих, подвигов, он оставался бы *светильником под спудом*, а не *светящим в храмине* для своих пасомых; да и эти пасомые,

взирая на то, что и сам Пастырь как бы не в состоянии был преодолевать своих склонностей и немощей среди общей, мирской, обычной своей жизни и служебных дел, – а потому и удалялся в уединение, – не могли ли приходить ещё к большим *непщевания вины* в своём неисполнении святейшего долга говения и приобщения Христовых Таин. Между тем кому неизвестно исторически и статистически, что не только ослабление духа и самого исповедание Веры, но и самоё уклонение верующих Православных в разные иноверия или в так называемый раскол, по преимуществу, являются последствиями уклонения их от участия в церковном Богослужении и ещё более от спасительного общение со Христом Господом в Его Божественных Тайнах Тела и Крови. Об этих уклонившихся именно в раскол была особенно велика и пламенна ревность в Бозе почившего в пастве Калужской, которая издавна страдала этим недугом, – о чём Преосв. *Филарет* излил свои самые глубокие, молитвенные чувствования при самом даже прощании с Калужской паствой. «Господи Сердцеведче! – взывал он в своей речи, – Ты веси, сколько сердце моё воздыхало и будет воздыхать к Тебе, да сей знаменитый град, цветущий благочестием и добродетелями *отцов наших*, осыпаемый всеми благословениями Твоими, очистится от последних остатков заблуждения и суеверий. Соверши над ним милость Твою, – да будут вси едино стадо, и Ты Един Пастыреначальник»[306]. И мы действительно увидим, что, за время служения Преосв. *Филарета* в Калужской пастве, со стороны самых заблудших раскольников было, если не прямое сближение с православной Церковью, то, по крайней мере, значительное ослабление их ненависти и презорства к ней, и с тем вместе присоединение к единоверцам. С последними же Преосв. *Филарет* сам лично входил в общение; он посещал иногда Богослужение в их храмах и этим самым располагал и их к посещению православных Богослужений, особливо совершаемых им самим в дни поста. Отсюда-то и бывали примеры, особенно благотворно влияния и на других[307].

В этом же значении духовно-благодатного влияния должно смотреть и на поставление в обязанность воспитанникам Семинарии и училища по первому удару колокола являться к Литургии Преждеосвященной. Здесь прежде всего, невольно вызываются воспоминания о детском времени самого в Бозе почившего. Известно как он ещё и ранее удара колокола являлся уже в храм Божий, и как в особенности выполнял это в среды и пятки, проводя их к тому же в возможно строгом пощении. Этим-то самым всего естественнее, кажется, объясняется и его обетный обычай совершать в эти дни Богослужение. Храня неизгладимо в своей душе это святое

религиозное чувство, и, как сказано уже в словах выписки, «сам во дни великого Поста весь погружаясь в богомыслие и молитву», Преосв. *Филарет* желал возбудить, и так сказать, перелить это же чувство благочестия и в других, а тем паче в сердца юных, духовных воспитанников, в том святом убеждении по слову св. Апостола, что *телесное* (книжное) *обучение в мале полезно есть, а благочестие на всё полезно, имущее обетование живота ныняшнего и грядущего.* В этой цели, действительно, мы удостоверяемся из буквальных слов самого же Преосв. *Филарета*, – сказанных им при прощании. Обращаясь к Ректору Семинарии, он говорил: «попекитесь о детях: пусть они будут иметь недостатки в познаниях, только бы были истинные христиане». Обратившись же к самим воспитанникам, в этот самый день сподобившимся приобщения св. Таин, с особенным задушевным чувством сказал: «О! если бы нам увидеться такими чистыми и на суде Господнем, каковыми сподобились вы быть ныне»[308]. Все эти чувствования и выражение благожеланий Архипастыря заключались не в словах только и даже не в обычных только благословениях, но в благодатной силе и действии их, осуществлявшихся даже в последующей судьбе воспитанников. Истинно знаменательный в этом отношении факт читаем в подлинных словах письма одного из числа воспитанников[309]. «Простившись с братией и со всеми, благосердый Архипастырь начал прощаться и со всеми учениками; каждого благословлял, некоторых целовал в голову, и на немногих возлагал святительскую руку, в числе коих и я, скудоумный бурсак, удостоился принять и благословение и возложение святительской руки, – что произвело тогда во мне какое-то сотрясение. Этому событию вот уже более 30 лет, но воспоминание об этом вечно остаётся в сердце и памяти моей. И что ж я Вам, Преосвященнейший Владыка, доложу?! Из нашего курса редкие удостоились принять священнический сан, но многие поступили в светское звание и в военную службу по известному разбору, бывшему в тридцатых годах». Да, чтобы понять значение, или вернее знаменательность этих действий и отношений лица святительствующего к юным духовным питомцам, очевидно, нужно руководиться не одними взглядами и чувствами человеческими, – а высшим духовным воззрением.

Впрочем, обо всех истинно архипастырских и примерно-отеческих, любвеобильных отношениях Преосв. *Филарета* к воспитанникам духовных заведений будет ещё особая речь в своём месте. Теперь же последуем мы порядку изложения соответственно прежде указанной выписке.

Непосредственно за свидетельством о постоянном, примерном усердии Калужского архипастыря *Филарета* к Богослужению, в выписке читаем, что он не менее прилежал и к проповеди Слова Божия. Строго рассуждая, одно без другого и быть не может. Для проповеди нет более удобного и благоприличного времени и места, как в церкви и тем более, когда имеющий власть и долг проповедовать бывает в ней не как присутствующий только для молитвы, но и священнодействующий. После принесения Бескровной Жертвы и приобщения Святейших Таин состояние священнослужителя не по преимуществу ли должно быть таково, как выражает его Св. Церковь по отношению и ко всем чадам своим. «*Видехом свет истины, прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную,* – и потому *да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, соблюди нас во Твоей святыни, весь день поучатися правде Твоей*». И со стороны самих присутствующих при Богослужении, с посильным благоговением в молитвенно-духовном настроением, едва ли не в это время более всего бывают отверсты и способны слух и сердце к восприятию *поучения правды Божией*. В наши времена церковная проповедь вообще, и из уст самих архипастырей в частности, бывает более всего при служениях в великие праздники или торжественные дни. Главная причина этого кажется в том, что проповедующие пользуются здесь особенными данными для содержания своих проповедей, а потому всегда, более или менее, рассчитывают и на достоинство своих проповедей по отношению и к их содержанию и влиятельному действию на слушающих, имея в виду большое собрание последних, и в ряду их слушателей более понимающих, так именуемых, интеллигентных... Но едва ли здесь не жертвуется духу и вкусу времени истинный дух и значение церковной проповеди?! Архипастырь Калужский *Филарет* поступал не так: «По воскресным дням, – говорится в выписке, – на литургиях начал говорить он с первых же пор и подряд »*Беседы на Евангелие от Матфея*«, которые были после вскоре же напечатаны. С глубоким вниманием предстоящие в соборе слушали эти беседы и назидались ясностью и простотой изложения их. Ученики же Семинарии обязаны были по выслушивании каждой беседы излагать дома порядок мыслей в сих беседах и представлять наставникам»[310].

В этом свидетельстве обращает на себя внимание особенность самой формы церковного проповедания, а нераздельно с нею и дух, и характер, и содержание учения. В самом деле сколь ни безразлично, по-видимому, принятое у нас понятие о проповедях под разными названиями их – «*слово, поучение, речь, беседа*», но в существе дела эти названия весьма характерны, каждое само в себе. Таковы по преимуществу по самому

названию своему «*Беседы*». И по филологическому и историческому в церковной практике значению этот вид и образ проповедания не без основания был в употреблении издревле в большинстве у всех великих Пастырей и Учителей Церкви. С одной стороны здесь, как нельзя более выражается так называемая ныне популярность, а точнее церковно-народность, а с другой – внутреннейшее и высшее достоинство самого проповедника, именуемое «*помазанием*». Последнее особливо проявляется в *беседах «толковательных*» на какую-либо из книг священного Писания, каковы и были беседы в Бозе почившего на Евангелие от Матфея, т. е. *толковательные. Помазание есть дар свыше*, – как учит о сём св. Апостол, – «*и вы помазание имате от Святого Духа*, и *не требуете да кто учит вы, – яко то само помазание учит вы о всем*». (1Ин. 2:27). По одному этому приемлющий святое намерение предложить в своих беседах толкование той или иной Богодухновенной книги должен прежде всего, всемерно потщиться *возгревать* в себе самом этот *дар*, приводить себя в возможно-близкое соответствие тому благодатно-духовному состоянию, в коем пребывал и сам Богодухновенный Писатель. Говоря иначе, – поставить себя в такое благодатно-духовное отношение к последнему, чтобы соделать его живо соприсущим себе собеседником-истолкователем[311], и таким образом низводить и на себя наитие, в известной мере и степени, того же Боговдохновляющего Духа, Который, по слову Апостола, всегда и доднесь разделяет сии дары и служение. «Одному даётся Им слово мудрости, другому – слово знание, иному – вера, иному – дар чудотворение, иному же – дар *пророчества* (толкование) – (1Кор. 12:4–10).

Таким-то *помазанием* действительно и обладал в Бозе почивший, или по крайней мере, тщательно возгревал в себе этот дар, когда начал и продолжал постоянно по воскресным дням свои толковательные беседы на Евангелие от Матфея. Впоследствии, как увидим, этот *дар помазания* достиг в нём той степени, что он предлагал подобные же и другие по разным обстоятельствам проповеди буквально экспромтом, и именно в том помазанническом духе и в такой силе, что он, – как сказано в надгробном слове, – «являлся не как проповедник-оратор, но как *благовествователь* Тайн Божиих, изрекавший глаголы живота вечного *не в препретельных человеческия премудрости словесах*, но просто, общедоступно, отечески от сердца к сердцу, и от того, – как выражено в другом надгробном слове, – «истина Евангельская всегда для всех являлась из уст его ясной, удобоприемлемой и несомненной». Яснейшее свидетельство сего и в приведённых из выписки словах, – именно «что с

глубоким вниманием предстоявшие в соборе слушали предлагаемые беседы и назидались ясностью и простотой изложения их: самые даже дети, – ученики низшего класса Семинарии, были способны внимать им так, что могли по выслушиванию их излагать самый порядок мыслей на бумаге». Очевидно, что в этих беседах господствовал именно тот дух и характер святоотеческих поучений, образцы которых видим в наших древнерусских поучениях святительских, о коих с тем вместе встречаем именно такие летописные свидетельства: *и вси и стар и млад любезно* или *сладостно послушаша*... Ясно, что Калужский архипастырь глубоко и мудро понимал духовные потребности своих пасомых и, в частности слушателей бесед его. Выше мы приводили слова из прощальной речи к Калужской пастве, где в Бозе почивший молитвенно свидетельствовал о граде *Калуге*, как цветущем благочестием и добродетелями *отцов своих*; – поэтому, что могло быть свойственнее и ближе к состоянию сих пасомых в деле просвещения и назидания их словом богоспасительной истины, как именно беседы в сказанном *древле-отеческом* духе и тоне? А как в тоже время здесь находились и недуговавшие расколом, корень которого, хотя и ложно, опирается по преимуществу на *древле-отеческих же учениях*, то и на сих последних не могли, более или менее, не действовать к разгнанию их слепоты и заблуждений, подобные же беседы. К тому же, когда эти толковательные беседы Преосв. *Филарета* были вскоре и напечатаны, то так или иначе, экземпляры их не миновали рук и раскольников[312]. Замечательно, что самый переплёт этих бесед в большинстве был кожаный по старинному обычаю и употреблению книг церковно-учительных. Нам приводилось встречать именно подобные экземпляры у частных лиц, и притом отчасти придерживающихся «*старой веры*".

Далее, обращаясь к самым предметам и содержанию «толковательных бесед» на главы V, VI, VII Евангелия от Матфея, нельзя не видеть, что выбор их был сделан не просто наудачу, но с глубоким смыслом и значением и по духу и по цели. Указанные главы в Евангелии от Матфея содержат в себе учение Господа Иисуса Христа, известное под названием «*нагорной Беседы*», впервые проповеданное Им перед лицом и вслух множества народа, о чём повествует Евангелист. «*И по нём идоша народи мнози. Узрев же народы, взыде Иисус на гору и отверз уста Своя, учаше их*»... (Мф. 5:1–2)... «*И бысть егда сконча Иисус словеса Своя, дивляхуся народи о учении Его. Бе бо уча их яко власть имеяй и не яко книжницы и фарисеи*» (Мф. 7:28–29). В этом уже одном видно, что архипастырь Калужский лишь только вступил на свою первую святительскую церковную кафедру, сам первый перенёсся духом как бы на гору по

стопам своего Божественного Пастыре-начальника, чтобы начать своё проповедование не об иных истинах, как изречённых Господом Спасителем в «нагорной Беседе», которую достойно именовать сокращением всего Евангельского учения.

Впрочем, вместо наших слов, послушаем учение об этом самого, как нагорного проповедника, – Святителя Калужского на первых трёх страницах вступительной его беседы. «Из всех мест Св. Евангелия нет другого, в котором бы с такой подробностью и полнотой, и в таком порядке в совокупности изложены были все обязанности христианина, как в той поучительной проповеди, которую Господь и Бог наш Иисус Христос, вступая в великий подвиг спасения рода человеческого, говорил на горе избранным двенадцати ученикам Своим и великому множеству, собравшегося к Нему, народа. Проповедь сия начертана в пятой, шестой и седьмой главах Евангелиста Матфея. В ней Спаситель с Божественным искусством и премудростью изложил всё то, что нужно для начала, возрастания и совершенства истинно христианской жизни. Желательно, чтоб всякий тот, кому дорого спасение души своей, сколь можно чаще и внимательнее, читал и слушал оную в назидание своего сердца».

«Но не одно слышание и чтение потребно к спасительному разумению небесных истин и словес единого Наставника и Учителя нашего Господа Иисуса. К сему потребно наипаче и более всего, искреннее расположение и всеусердное тщание к исполнению Святых заповедей Его. В словесах Господних сокрывается живоносная манна, единая могущая оживотворить, питать и укреплять души наши. Но мы не иначе можем вкушать и получать крепость от этой духовной пищи, как по мере исполнения нами заповедей Евангелия. Сам Спаситель говорит о сем в заключение Своей проповеди: »*всяк, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свой на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени*«. И напротив: »*всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце, и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине той, и падеся: и бе разрушение ея велие*«. (Мф. 7:24–27). Дабы и нам, братие, храмину спасения и блаженства нашего основать не на песке, но на твёрдом камне, поучимся свято в словах Господних. Призвав Спасителя нашего в помощь, в простоте сердца, в Святом Его присутствии дадим Ему первее всего обет исполнять заповеди любви Его, да Он отверзет сердца наши к слышанию и спасительному разумению оных. Отложивши земные помышления и всякие мудрования, взыдем

мысленно на гору ко Господу и Богу нашему Иисусу Христу, да *семя слова Его падёт на сердца наши, яко на землю благу*, и принесёт плод истинного исправления жизни нашей по Святым Его заповедям».

Наконец мы должны остановиться вниманием ещё на одной, особенно знаменательной стороне рассматриваемых бесед Калужского Святителя, именно в отношении к тогдашнему духу и направлению в разных мистических, религиозно-духовных учениях, значительно проникших и в самый образ и характер церковных проповедей и духовных изданий. В этом отношении о духе, содержании и самом образе толковательных бесед Преосвящ. *Филарета* до́лжно сказать здесь тоже, что видели мы уже в преподавании им академических уроков, (по объяснению Св. Писания). Эти уроки у него были направлены, почти главным образом, против тогдашних мистических и других лжеимённых учений, и они-то теперь послужили для него готовым материалом для толковательных Бесед его, как Архипастыря на первой же его пастве – Калужской.

Обращаясь к содержанию этих бесед и других проповедей Преосв. *Филарета*, говорённых к Калужской пастве, действительно мы встречаем по местам, даже отчасти прямые указания на вышесказанное значение их и направление. Это видится преимущественно там, где Преосв. *Филарет* с особенной ревностью внушает и располагает пасомых к усердному чтению и слушанию Слова Божия, – но тут же всемерно предупреждает и наставляет, чтобы не вдаваться в какие-либо мудрования и своемысленные исследования истин Божественного учения, так как и его собственная, чисто-богословская, верующая мысль отнюдь не допускала какого-либо философского элемента, а тем паче в значении критического отношения к истинам Богооткровенного учения. Из глубочайшего благоговения к этим истинам он страшился, как греха, позволять себе, так сказать и всматриваться критически и в их содержание. «Необходимо, – учит он в одном слове, – смирить гордый ум и покорить его в послушание слову Божию; иначе человек навсегда останется в собственной своей тьме, хотя бы приобрёл и всю земную мудрость, – подобно как непокорное и упрямое дитя останется при своём полном невежестве». «Верить слову Божию, в Евангелии нам преподанному, внушается (в слове на четвёртую неделю великого Поста), мы должны в простоте сердца, – верить всему с детским и младенческим сердцем, ведая и помышляя одно, что в этом Слове всё говорит Сам Бог».

Чтобы признать сейчас указываемое значение за толковательными беседами и за личным внутренним характером и направлением Преосв. *Филарета*, т. е. что Преосв. *Филарет* глубоко уразумевал зло

современного духа и образа направления новоявившихся лжеимённых христианских учений, мы имеем в виду ещё особенное основание. Мы разумеем, явившееся в 1819 году, так называемое «Библейское Общество», которое самим Правительством учреждено было для перевода Св. Писания В. и Н. Завета на Русский язык и в котором, между тем, вскоре же обнаружились пропагандистские стремления и прямые цели в пользу мистицизма и других своемысленных сектантских учений.

Правда, Преосв. *Филарет* с первого раза отнёсся, нельзя сказать – к самому Библейскому Обществу, а собственно к переводу Св. Писания, с полным сочувствием. Но зато он вскоре же понял и признал и дело самого перевода в совершенно ином значении, что увидим из собственных его слов в ближайшем изложении[313]. О первоначальном сочувствии и даже содействии к настоящему делу, как явившемуся по инициативе и распоряжению самого Правительства, мы читаем следующие сведения в выписке Консисторской.

«Кроме толковательных бесед в Бозе почившего, в бытность его Калужским Епископом, и других обыкновенно называемых проповедей, (как видим это в полном собрании его сочинений), его глубокое чувство благочестия и пастырской ревности о просвещении пасомых своих светом Слова Божия с не меньшей силой выразилось в содействии к возможно большему и успешному распространению в своей епархии только что созданного тогда, учреждённым с Высочайшего Соизволения Библейским Обществом, перевода Св. Писания со славянского на русский язык. Это общество открыло тогда во всех почти губернских городах свои отделения, и местные архипастыри, по самому званию своему, должны были быть главными членами – сотрудниками, как в отношении распространения переводных священных книг, так и содействия Обществу через посредство доброхотных жертвований. Но Преосв. *Филарет* Калужский, видимо горел собственным чувством ревности о благоуспешности сего дела. Несомненным свидетельством сего служат сохранившиеся в подлинниках собственноручные его писания. Это во-первых, *Предложение его Калужской духовной Консистории,* и во-вторых, *слово, сказанное им с церковной кафедры.* Предложение, при всей своей внешней официальной форме, составляет, вернее, как бы пастырское окружное послание ко всем своим собратьям и сослужителям о Господе, а через них ко всем чадам своей паствы, так что содержание сего предложения и по мыслям и по изложению во многом тожественно с церковным словом. Слово или также вернее сказать воззвание сказано было в день Рождения Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, с самым удачным соединением

предмета слова со значением дня торжества церкви и отечества и обратно. Приводим в подлиннике это слово с некоторыми только выпусками.

«Принесши благодарение Господу перед Алтарём Его за сохранение драгоценной жизни Монарха нашего и мольбы наши о продолжении её для блага Церкви и отечества, освятим день сей делом благочестия, святым делом Слова Божия, которое изрекает благотворную истину Царям и царствам и изливает на них жизнь и свет.

Благочестивейший Государь перед лицом всего света торжественно исповедует, что единственным правилом его царствования есть правило, почерпнутое из словес и учения Спасителя нашего Иисуса Христа, и с нежнейшим попечением убеждает своих подданных со дня на день утверждаться в правилах и деятельном исполнении обязанностей, в которых наставил человеков Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миром, который истекает от доброй совести в который един прочен.

Сии обязанности, от исполнения которых происходят благословения мира и счастья в настоящей временности и возвращённого блаженства в будущей вечной жизни, содержатся в священной книге Слова Божия, дарованной Церкви верующих Самим Господом. И кто бы не пожелал, чтоб сию Божественную книгу, сокровище истины, открытой человекам Самим Богом, всякий имел у себя, читал оную и по наставлению её располагал свою жизнь?! Ибо тогда бы царствовала добродетель на земле... и благословение Божие почивало во всяком граде, во всякой веси, во всяком доме, во всяком сердце.

Но перед словом истины не скроем и того, что Слово Божие не во всех приносит желаемый плод, и что многие не читают его под разными предлогами: – но от сеяния до благословенной жатвы потребно иметь терпение; и Един Господь весть, как и когда возращать плод сего сеяния. Сам Он произнёс в Евангелии назидательную для нас притчу о сём: «Тако есть Царствие Божие, яко же человек вметает семя в землю; и спит и восстаёт ночью и днём, и семя прозябает и растёт, якоже не весть он. От себе бо земля плодит прежде траву, потом клас, та же исполняет пшеницу в класе. Егда же созреет плод, абие послет серп, яко наста жатва».

Отче светов и жизни Подателю Господи! Ты сияешь солнце Своё на всю землю – и несть, иже укрыется теплоты его. Воссияй свет Слова Твоего по всей вселенной, да вси узрят в нём путь спасения и обрящут жизнь вечную».

Отделение Библейского Общества открыто было в *Калуге*, как сказано в выписке, в самый первый год епископства Преосв. *Филарета*. А так как

значится в собственных Записках в Бозе почившего, что он по вступлению на Калужскую паству с первого же раза особенно посвятил себя проповеди Слова Божия и, между тем начал предлагать толковательные беседы, – то понятно, как одно дело совпадало самым естественным образом с другим, и сколько одно должно было содействовать другому. Но не так оказалось вскоре же на деле. По поводу этого поворота покойный Высокопреосв. *Антоний* рассказывал, что сам Владыка *Филарет*, впоследствии помня твёрдо своё (выше приведённое) слово, высказывался так: «Да, сколько от чистого сердца и нелицемерной совести приводил я в своей проповеди к Калужской пастве известную притчу Господню (выписанную выше) об уподоблении Слова Божия и самого царствия Божия семени,.. – так вскоре же от глубины души восчувствовал я и приял в сердце своё истину другой притчи Господней, именно и той, где изречено: »*Уподобися Царствие небесное человеку, сеющему доброе семя на поле своём... спящим же человеком, прииде враг и всея плевелы по среде пшеницы... Егда же прозябе трава и плод произрасти, тогда явишася и плевелие*«... (Мф. 13:24–26). Да, так именно совершалось в этом пресловутом деле Библейском, продолжал Владыка *Филарет*, – всё *как будто нам бывшим спящим*... хотя Бог Судия – Свидетель, что я не был причастен к сему состоянию, так как и не был тогда приставлен, чтобы быть мне в ряду призванных к бодрствованию, как непосредственному участнику... Благо, что эти сеемые плевелы скоро-скоро проявили себя по роду своему и заставили тогда же открыть глаза *даже и спящим*, да и самые плевелы, хотя и медленно, слава Богу, заглохли... Но зато вот теперь снова начинают они прозябать, и к тому же сеемые *не спящим уже приставником*, а рукой некоторых из них же самих»... Вспоминал всё это, по словам Высокопреосв. *Антония*, Владыка *Филарет* по поводу появившегося в 1840–1842 г. перевода пророческих и других книг В.З. составленного Протоиереем *Павским* и, почти одновременно, перевода Архимандрита *Макария*, Алтайского миссионера. Перевод первого (*Павского*), когда только появился в Академиях в литографированных экземплярах, и когда стало известно об этом Высокопр. *Филарету*, тогда он первый и почти один назвал этот перевод буквально «*нечестивым*», и немедленно же обратился с настоятельной просьбой к Обер-Прокурору Св. Синода, чтобы назначить строжайшее исследование по этому делу в Академиях и в *Петербурге*, и в *Москве*, и в *Киеве*. Наконец же, когда в 1856–1857 г. выступил снова вопрос о потребности перевода всей Библии на Русский язык, и было уже об этом постановление Св. Синода, и между тем не было требовано мнение об этом от Высокопр. *Филарета*, то здесь-

то мы окончательно видим, как во всей искренности и чистоте своей души и святительской совести смотрел и понимал в Бозе почивший настоящий вопрос, начиная от самых первоначальных действий бывшего Библейского Общества. У нас сохранился подлинный документ[314], заключающий в себе (на восьми листах с половиной) изложение мнения в Бозе почившего Первосвятителя, в ответ на отношение по этому предмету бывшего Обер-Прокурора Св. Синода Графа *А.П. Толстого*. Было и ещё другое письмо на имя его же[315]. Имея в виду для изложения этого дела своё дальнейшее место (именно в конце всего служения в Калужской епархии), мы здесь выпишем только самые начальные и заключительные слова из указываемых документов, дабы предознакомить читающих с сущностью и важностью дела, а равно с духом и образом воззрений в Бозе почившего, вопреки общему тогдашнему определению Св. Синода.

«Призвав Господа Бога на помощь, пастырским долгом моим поставляю изложить мои мысли по крайнему моему разумению и по убеждению совести моей пред очами Божиими без малейшего пристрастия. Я не участвовал в переводе Св. Писания, сделанном, бывшим в начале столетия, Библейским Обществом, и отнюдь ему не сочувствовал. До сведения Его Императорского Величества вероятно ещё не дошли все подробности бывшего сего дела. На Вас лежит обязанность всеподданнейше доложить Помазаннику Господню обо всех обстоятельствах, по долгу служения вашего. Бог свидетель! Я не имею в душе моей ни малейшей мысли предосудительной для моих собратий и сослужителей, согласившихся на восстановление Нового Завета на Русское наречие. Я всех сердечно уважаю и почитаю ревнителями Православия и Пастырями, пекущимися о назидании вверенных им паств; – сверх того почти все они мои давние друзья. Но, при всём моём глубоком уважении к их достоинствам и дружбе, не могу с ними согласиться на восстановление перевода. Боже сохрани, – если после Библии начнут переводить со Славянского на Русский языки книги Богослужебные».

Затем, после пространного изложения своего мнения, Высокопр. *Филарет* написал в заключение: «Изложив мои мысли с глубочайшим смирением пред очами Божиими и пред словом его Святым и Св. Православной Церковью, приближаясь ежедневно к кончине моей и готовясь предстать пред нелицеприятный Суд Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, – всем сердцем молю Его Благость, да не по мудрованиям человеческим, а по Премудрому Промыслу Своему, Сам Он устроит, якоже весть, лучшее и полезнейшее касательно сего чрезвычайного дела и сохранит мир в Православной Церкви Своей после

того, как благоволил даровать и благодатный мир (после Крымской войны) Отечеству нашему через Помазанника Своего Благочестивейшего Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА».

Обращаемся по порядку к изложению сведений о других действиях Преосвящ. *Филарета* – собственно по епархиальному управлению Калужской паствой.

Глава XV. Ревностная заботливость Преосв. Филарета о построении храмов Божиих, о распределении церковных приходов, об улучшении содержания причтов, о благоустройстве монастырей и учреждении новых

«Своей примерной попечительностью и трудами Преосв. *Филарет* созидал и новые храмы, и обновлял и украшал прежние, а равно устроял обители, иные приводя в лучший вид, а другие устрояя вновь; с особенной же заботливостью и верной предусмотрительностью занялся он с первых же пор правильным распределением церковных приходов и улучшением нравственного и материального состояния духовенства».

Рядом с изложенными доселе свойствами и действиями Преосв. *Филарета*, в коих выражался дух его благочестивой архипастырской ревности о благе своих пасомых с внутренней, духовно-влиятельной на них стороны, – в выписке читаем о его столь же ревностной деятельности со стороны внешней, по устройству и благолепию Храмов Божиих и обителей. В наши времена, конечно, найдутся в числе многих, которые на деятельность подобного рода смотрят двусмысленно, или даже в прямую укоризну самому чувству усердия создателей и благотворителей храмов и обителей, затрачивающих иногда на это, собранные веками и трудами предков, сокровища вместо того, чтобы дать им общегосударственное, производительное назначение и употребление. Но истина и дело благочестия, как бы в прямой упор подобным мнениям, не престают, благодарение Господу, идти своим чередом. О всех доброхотных жертвованиях ныне сообщается даже во всеобщее сведение, с подробными известиями о предметах приношений на пользу храмов и обителей святых и о самых жертвователях с обозначением даже достойных воздаяний последующим в виде благословений Св. Синода и грамоте, и нередко, наград государственно-правительственных, например, медалей и орденов. Явление истинно отрадное, как вполне соответствующее историческому, православно-русскому духу и характеру благочестивых предков. Сколько известных знаменитостью рода, звания и проч. имён *отошедших отцов и братий* доднесь сохраняется в древнейших синодиках и свято поминается в молитвенных возношениях, как незабвенных создателей и благотворителей храмов и обителей: и сколько сохраняется разных их приношений, как предметов святыни: и наконец, сколько самых св.

угодников Божиих, прославленных в нашей св. Церкви, как основателей обителей, храмоздателей и вообще любителей благолепия дому Божия?... Если только понять и оценить, как до́лжно значение всех этих фактов и явлений в историческо-церковно-религиозной жизни нашего Православного народа, и воспользоваться им в приложении к нынешнему и всегдашнему состоянию того же народа, – то одно это даёт уже уразуметь, какая сила спасительного благочестия заключается в видимых, внешних приношениях по отношению к внутреннему, духовному преуспеянию. И что ж? Кому же ближе и обязательнее уразумевать и прилагать к делу, во спасение своё и пасомых, такой смысл и значение благочестивого усердия на пользу храмов Божиих, – как не Архипастырям? О Преосв. *Филарете* мы действительно удостоверяемся из многообразных фактов, что он, – говорится в выписке, – «своею примерной попечительностью и трудами созидал и новые храмы, и обновлял, и украшал прежние, а равно устроял обители, иные приводя в лучший вид, а другие устрояя вновь, равно он же, с особенной и можно сказать примерной же заботливостью и верной предусмотрительностью, занялся с первых же пор правильным распределением церковных приходов и улучшением нравственного и материального состояния духовенства».

Указываемая особенная попечительность и деятельность Преосв. *Филарета*, нужно заметить, вызывалась особенными нуждами самой епархии Калужской. До 1799 г. она принадлежала к Московской Митрополии и потому, при огромности последней, естественно не могло быть обращаемо особенного внимания на её состояние. Затем, со времени учреждения в ней самостоятельной епископии, в течение двадцати лет до самого прибытия в неё Преосв. *Филарета*, в ней были особенно часты перемены Архиереев. В эти годы в ней перебывали четыре Архиерея, из коих двое последних – Преосв. *Евгений* (впоследствии Митрополит Киевский) и *Антоний* – предместник Преосв. *Филарета*, служили в *Калуге* каждый по два только года с половиной. Всё это, естественно, отзывалось запущением многого и многого в устройстве епархии, и потому-то, как мы видели, и сам Преосв. *Филарет* особенно поспешал прибытием на эту свою кафедру.

Об архипастырских действиях Преосв. *Филарета* по части храмоздательства, читаем следующие сведения[316]. «С самого же начала своего служения в *Калуге* Преосв. *Филарет* обратил особенное внимание на благоустройство церквей и распределение приходов. До него церкви были по большей части деревянные, что конечно имело свои большие неудобства. В видах устранения их, Преосв. *Филарет* издавал постоянные

распоряжения о построении вместо деревянных, каменных храмов. К такому важному делу в большинстве случаев располагал он богатых помещиков, в которых тогда не было недостатка[317]; побуждал к тому своими архипастырскими увещаниями также и самих прихожан. Для достижения своих целей *Филарет* прибегал иногда и к более действенным средствам и решительным мерам. Чтобы побудить прихожан к устройству каменной церкви в той или другой местности, он давал, например, подобного рода резолюции: «Через отца благочинного объявить прихожанам такого того села, чтобы они безотлагательно приступили к постройке новой каменной церкви; в противном же случае приходская их церковь деревянная будет запечатана, а приход будет приписан к другим церквам»[318]. Благодаря такой настойчивости преосвященного *Филарета*, при нём было построено в Калужской Епархии, и притом в непродолжительное время, около 25 каменных церквей, например, в Жиздринском уезде – в *Холмищах, Крапивне, Ловати, Песочне* и *Речицах*, в Медынском уезде – в *Межетчине* и *Плове*, в Боровском уезде – в *Русинове, Федотове, Гостешеве* и другие. В самой же *Калуге* устроена церковь при тюремном замке и исправлен заново тёплый соборный храм Иоанно-Богословский.

Такая ревностная попечительность о храмоздательстве вызывалась у Преосв. *Филарета* само собой не ради только количества церквей, но для удовлетворения духовных потреб пасомых и их отношений к своим приходским храмам, так как и сама св. Церковь возносит особые моления о *братиях св. храма сего*, разумея под сими братиями в буквальном собственном значении всех прихожан со священно-церковно-служителями во главе. Об этом читаем сведения, извлечённые из подлинных дел Консисторского архива[319], следующие: «до сего времени приходы были здесь распределены без всякого приноровления к расстояниям, вследствие чего происходили нередко крайне печальные явления, как можно это видеть из донесения, например, Козельского духовного Правления его Преосвященству». «В городе *Козельске* за не разделением приходов по кварталам следуют многие и для всего духовенства предосудительные беспорядки, в исправлении приходских треб величайшие затруднения, нехождение прихожан в свои церкви, и за дальностью оных часто совершаются по значительным из прихожан умершим отпевание не в приходских церквах; нередко же совершаются оные даже в домах за неудобностью носить те мёртвые тела к приходским церквам совсем в противную сторону от кладбища, мимо всех церквей, – от чего бывают немаловажные по церквам в свечных доходах убытки. Прихожане, не

терпящие отсрочки требы, просят исправлять ближайших церквей священнослужителей, а не столь нужные требы, в случае отречения ближайших священнослужителей, остаются совсем без исправления. И многие из прихожан решительно не знают своих приходских священников, а последние своих прихожан. Словом: до такой степени беспорядок дошёл, что иные дома ни в каком приходе не состоят, а другие почитаются многих церквей приходскими, и одного дома семейство разделено бывает на разные приходы, и многих церквей священнослужители в оный ходят для исправления треб: отчего происходят у них между собой и с прихожанами ссоры и крайние неудовольствия, а от сего многих охлаждается усердие и расположение не только к священнослужителям, но даже к самой церкви Божией и священным её обрядам[320] и проч.». Все подобные печальные явления, бывавшие и в других местах Калужской епархии, были постоянно устраняемы разделением приходов применительно к местам жительства прихожан в сёлах и деревнях, – что разумеется потребовало немало труда со стороны и покойного Преосвящ. *Филарета*.

Устраивая церкви и приходы так и не иначе, Преосв. *Филарет* имел в виду улучшение и материального благосостояния их. Всякому известно, что материальное положение приходских церквей и духовенства вообще бывает скудно. Для улучшения этого положения Преосв. *Филарет*, управляя Калужской епархией, употреблял многоразличные меры и средства. Так, если он замечал, что в известных приходах священнослужители терпят большой недостаток в насущном своём содержании, он обязывал или самих прихожан доставлять особо посильное вспомоществование[321], или располагал местного помещика выдавать духовенству определённую ругу[322], или же соединял два бедных прихода в один[323], если открывалось для этого удобство по самому местному расстоянию. Далее, для облегчения духовенства он побуждал прихожан строить священнослужительские дома[324]. Наконец для безземельных церквей, скудных по средствам, хлопотал об отводе земли в достаточном количестве; для этого сносился с местным гражданским начальством и входил с особым ходатайством в Св. Синод. Помимо же этих общих мероприятий, особенно нуждающимся из духовных лиц в материальной поддержке, он помогал часто из своих собственных средств, равно как делал это же в случае нужд и для самых церквей при их построении, или исправлении, принимая при этом нередко своё личное участие в строительском архитекторском деле».

Указываемое в последнем роде, личное, деятельное участие Преосв.

Филарета мы встречаем в особенности в деле устройства прежде упомянутых храмов в самом г. *Калуге*, – именно храма в тюремном замке и соборного Иоанно-Богословского.

О первом в выписке говорится так: «При Калужском тюремном замке Его Преосвященством, по его личной инициативе, заложена и, под его надзором и при материальных приношениях сооружена, и им же освящена церковь во имя Святителя Николая»[325]. Излишне говорить, какие чувства должны наполнять всегда душу всякого, когда представишь себе и заочно состояние тюремных заключённых. В нашем Русском простом народе в особенности глубоки и, с тем вместе, характерны эти чувства по одному уже наименованию всех, без различия степени преступления и виновности, заключённых не иначе, как «*несчастными*». Потому, когда Русский Православный видит отъявленного даже злодея, заслужившего законную кару, хотя бы смертную казнь, – и тогда он выражает к нему тоже неизменное чувство сострадания, как к «*несчастному*»; видя его, он и молится за него, и делает тут же приношение в его пользу, или на помин его души. Понятно, каковы чувства должны были проникнуть в сердца граждан и прочих пасомых Калужских, когда лишь дошли до них первые слухи, что Архипастырь их предпринял такое благочестивое дело – сооружение храма для «несчастных» узников. Эти чувства были тем глубже, что сооружение сего храма было в ту пору, когда не существовало ещё нынешних, Высочайше учреждённых, попечительных о тюрьмах Комитетах, на обязанности коих лежит долг попечения о благоустроении помещений и облегчении участи заключённых, а в том числе и об устроении для них храмов. «И на самом деле, – говорит доставитель сведений, – оказалось так, что самая инициатива такого святого дела собственно по благой мысли Архипастыря, и тем паче, его же личное участие в устройстве храма с принятием на себя звания храмоздателя и жертвователя, глубже и назидательнее всякого слова и воздействовали на сердца многих избранных, чтобы не укоснеть своим усердием и приношением в пользу несчастных заключённых на предмет такого благодатно-христианского для них утешения. При этом имело особенное значение и влияние самое посвящение сего храма Св. Угоднику Николаю, столь усердно чтимому в Православно-Русском народе, олицетворяющем, так сказать, в одном имени его – »*благость и милость и со всем в скорбных и бедах и во узах и темницах сущим*«... Остаётся присовокупить, – что нет сомнения, как глубоко совпадало с этими чувствами и имя самого храмоздателя Архипастыря *Филарета*, оправдывавшего подобными деяниями носимое им имя св. *Филарета* милостивого, и, как вскоре

увидим, действительно получившего этот эпитет и наименование *благостного* Архипастыря и *милостивого* отца всей паствы Калужской.

Вторым из подобного рода деяний Преосв. *Филарета* было исправление заново и освящение тёплого соборного храма во имя Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Потребность в этом деле, положим, вызвана была неожиданным, несчастным событием – пожаром: зато здесь открылась одна из особенно высоких и назидательнейших в лице Архипастыря духовных сторон его, – это сила его веры и молитвенного дерзновения, оправдавшихся в значении даже чудодейственности. От слова до слова это событие изложено в выписке так: «В 1822 г. в тёплом Калужском Богословском соборе, от коего только стеной отделяются зимние покои Калужских Преосвященных, по неосторожности случился пожар. Преосвященный *Филарет*, узнав о сем, и не обращаясь никуда, ни к кому, ни за чем, пал со слезами перед иконой Спасителя и молился, несмотря на то, что дым уже проник в самые покои молящегося Преосвященного; когда, наконец, стали уже силой принуждать его оставить молитву и выйти из покоев, в которых от дыму невозможно стало видеть и почти дышать, то он тогда только согласился, когда ему сказали, что пожар вдруг сам собой стал совершенно потухать, так что здание всё снаружи уцелело, и остались лишь внутри его повреждения, которые скоро и были восстановлены усердием Владыки, и собор в непродолжительном времени был освящён Преосвященным[326]. Читатели, конечно, видят здесь всю скромность излагавшего это сведение о лице бывшего Святителя. Он выражается как бы гадательно, сколько и с явной уверенностью, приписывая скорое и без большего вреда потухание пожара силе и действию Святительской молитвы. Последуем и мы вполне достойному примеру столь уместной скромности относительно этого факта. Скажем только одно, что мы с особенной уверенностью и благоговением должны дать сему факту значение действительности и чудодейственности, так как имеем впереди совершенно тожественный факт в жизни в Бозе почившего при другом несчастном случае, – именно во время известного, страшного наводнения, бывшего в *Санкт-Петербурге* в Ноябре 1827 г., когда в Бозе почивший проживал там (на *Васильевском Острове*) по званию Присутствующего в Св. Синоде. И как последний факт мы слышали непосредственно из уст достовернейшего свидетеля – очевидца, который при одном воспоминании о сём факте, изливал слёзы умиления и благоговения к имени и памяти виновника его, – то предоставляем чувству всякого благочестивого читателя определить и то, каково было состояние и Калужских пасомых, когда они осязательно

узрели в лице своего Архипастыря столь высокий дух благочестия в видимом, чудодейственном знамении, совершившемся силой его веры и молитвы, и какое отсюда могло и должно было проистекать влияние на души и сердца, способных воспринимать силу и значение подобных явлений. В цитируемой нами выписке действительно приводится ещё один факт, который судя и по времени, и по отношению к тому же самому Богословскому Соборному храму, является как живое свидетельство указываемого влияния. «Калужский купец *Чернов*, движимый усердием к новообновлённому уже Владыкой храму, обратился к нему за благословением, чтобы сделать пожертвование для собора – именно, заказать в *Москве* отлить большой колокол. Владыка от души благословил, и колокол скоро же был отлит превосходным весом в 550 пудов и повешен при особом молебенном торжестве, совершенном самим Владыкою». Правда, при этом факте мы с одной стороны неизбежно встречаемся с теми же *велеречивыми* современными суждениями, каких коснулись мы прежде, при изложении сведений по части устроения храмов и монастырей, – сказать даже более, относительно колоколов кажется всего чаще и резче выступают указываемые велеречия как бы против какого-то положительного злоупотребления самыми чувствами благочестивого усердия жертвователей... Но закрывая эту подложную сторону медали, и обращаясь к другой лицевой, истинной, мы из настоящего же факта убеждаемся, что в благословении Архипастыря на такое пожертвование заключалась прямая цель в значении сколько христианско-назидательном, столько и народно-русском духе. Колокольный звон вообще, по самому каноническому положению св. Церкви, имеет не одно лишь значение звука, как сигнала к призыванию и собранию верующих в храм на Богослужение. Самое общепринятое название сего звона именем «*Благовест*» даёт широкий и глубоко знаменательный смысл, начало которого, очевидно, заключается не во внешней стороне, а во внутренней, духовно-религиозной. Совершенно ложны и даже кощунственны те мнения, что будто бы усердие Русского народа приобретать для храмов колокола особенно значительной величины – есть не более как желание, чуть не перешедшее в моду и страсть, чтобы отличиться одному приходу перед другим, городу перед городом в громкозвучности звона. Напротив, исторически-статистически свидетельствуется, что чем город древнее, тем более в нём благолепных храмов, а на сих последних особенно много веских и звучных колоколов, а по этому отличию безошибочно можно заключить и о степени благочестия живущих в нём. Снимите с Кремлёвской колокольни Царь-колокол, затемните золотые купола и

маковки на храмах Московских, не услышьте одновременно громогласного благовеста на всех *сорока-сороках*... и вы не узнаете, что были в *Москве*, как *сердце* России – в значении благочестивого, Православно-Русского духа и чувства. Если же и о городе *Калуге* свидетельствовал сам, в прежде поминаемой прощальной своей речи, Преосв. *Филарет*, как и о городе древнем, цветущем благочестием и добродетелями отцов и предков, то не только благословение, но и нарочитое убеждение и расположение жертвователя *Чернова* как нельзя более согласовалось с мудрой, благочестивой попечительностью Архипастыря.

Далее, что касается до попечительности и ревностной деятельности Преосв. *Филарета* по отношению к монастырям то, – как читаем в сведениях, – «не удивительно, а всего естественнее, было ожидать, что Владыка *Филарет*, как ещё от юности своей возлюбивший свято-иноческую жизнь и бывший сам в полном смысле строгим монахом, в числе первых же предметов архипастырского управления Калужской епархией обратил особенное внимание на состояние монастырей в видах возможного улучшения и внешнего и внутреннего их устройства, с учреждением даже новых двух монастырей – одного самостоятельного – под наименованием »*Добрый*«, и другого – устроенного при Оптиной Пустыни, в значении »*Скита*«, как места удобнейшего для ищущих безмолвного, строго-подвижнического жития, к устроению которого он и приложил особеннейшее усердие и труды к трудам».

Об одном, и первом по времени из монастырей – *Лаврентьевом* значится в собственных Записках в Бозе почившего такая краткая заметка: «В Лаврентьевом монастыре на первых же порах устроена домовая Церковь и обновлена большая, главная Церковь, а также и весь монастырь приведён в благоустроенный вид[327]. Этот монастырь (Лаврентьев), основанный ещё в XVII в., с 1799 г. причислен был к кафедре Калужских архиереев, и по близости расстояния его от города, – (в 3 вёрстах), служил местом летнего пребывания их. Такое назначение этого монастыря очевидно совпадает со временем самого учреждения в г. *Калуге* отдельной, самостоятельной, епархиальной кафедры, так как этот город и другие, смежные с ним, принадлежали к митрополии Московской. Но как было замечено прежде, что бывшие в течение 20 лет Преосвященные Калужские часто переменялись, особливо два последних, то естественно, что монастырское загородное помещение менее всего вызывало их заботливость об устройстве самого монастыря. Потому-то и оказалось, на первых же порах, нужда в благоустроении этого монастыря и, тем паче, в

устроении особой, домовой церкви, потребность в которой всего естественнее ощущалась в самом в Бозе почившем в силу его всегдашнего, глубоко молитвенного настроения духа.

В отношении к другим обителям Преосв. *Филарет* тоже не укоснил приложить свой архипастырскую заботливость. Так в архиве Консистории встречается дело за первый же год служения его в Калуге[328] о *Лютикове* монастыре. Положение этого монастыря было особенно до крайности скудно, главным образом в материальном отношении. Вот что доносил в своём рапорте об этом Настоятель монастыря на имя Преосвященного в первый же месяц его прибытия. Лютиков монастырь, с давнего времени оставаясь без поддержки, пришёл в самое жалкое состояние и требует серьёзной поддержки во всех своих частях; но сумм достаточных, кроме небольшого подаяния от доброхотных дателей, которое собрать надежда есть, не имеет». Принявши во внимание такую бедность монастыря, Преосв. *Филарет*, как видно из дела, хотя и не без особых хлопот, упрочил за ним около 100 десятин лучшей луговой земли, принадлежавшей до того времени соседней Ильинской церкви, которая перед тем сгорела, а по сему случаю и самый приход был распределён по другим ближайшим церквам. Наконец встречаем сведения об учреждении нового монастыря, о чём впрочем, говорится в сведениях самым кратким образом без указания причин и обстоятельств, по коим последовало это учреждение. Не имея сами лично никаких других данных, мы и ограничиваемся только следующими словами, буквально значащимися в указываемом сведении. «Благодаря стараниям самого Преосв. Архипастыря *Филарета*, открыт был новый в Калужской епархии мужской монастырь с наименованием *"Добрый"*, где тогда же устроены были – Церковь, кельи для монашествующих и другие необходимые здания»[329].

Зато, как бы взамен краткости сведений о сейчас указанном монастыре – *"Добром"*, мы имеем перед собой самое обширное и обстоятельное повествование о другом подобном деянии Преосв. *Филарета* в Калужской епархии. «Это, – как говорит составитель исторического описания Оптиной Пустыни, – навеки долженствующий оставаться незабвенным не для Калужской только паствы, но и для всех истинных любителей и ревнителей отшельнического жития, – истинно *великий подвиг* Калужского Святителя *Филарета* по основанию им Иоанно-Предтеченского Скита, находящегося при Оптиной Пустыни. В сердце сего Архипастыря родилась свято-благочестивая мысль основать при Оптиной Пустыни Скит как для того, чтобы доставить желающим средство к безмолвнейшему житью, так и для того, чтобы возвысить и

укрепить навсегда в духовном отношении любимую им обитель – Оптину». А сверх сего, как открыл впоследствии в своих Записках сам в Бозе почивший, «была в душе его и та мысль, чтобы со временем обрести себе здесь же покой от служения епархиального и посвятить себя подвигу иноческому»[330].

В видах истинно-назидательного интереса мы надеемся не обременить читающих, хотя и очень не кратким, изложением сведений о настоящем архипастырском подвиге в Бозе почившего. В этом изложении мы воспользуемся помянутым историческим описанием[331], соображая его с имеющимися у нас особыми данными.

Глава XVI. Особенное расположение Преосв. Филарета к Оптиной пустыни и устройство им в ней Скита

«Оптина Пустынь справедливо называется возрождённой Митрополитом Московским *Платоном*, но столько же справедливо она была окончательно утверждена и благоустроена *Филаретом*, бывшим Епископом Калужским, и возвышена в самом духе пустынножительского благочестия устроением при ней особого Скита»[332].

«Митрополит там – в другом месте, а здесь – в Ските он просто – инок»[333].

Едва исполнилось, – пишет составитель исторического описания Оптинского Иоанно-Предтеченского Скита, – двадцатипятилетие со времени возрождения Оптиной Пустыни приснопамятным *Платоном*, Митрополитом Московским, как вступил в управление Калужской епархией Преосв. Епископ *Филарет*, – и Оптина Пустынь нашла в нём нового, на веки незабвенного благодетеля».

«Преосвященный *Филарет*, любя по собственному выражению от самой юности всей душой монашеское житие, часто посещал монастыри вверенной ему епархии и обратил особенное внимание на пустынную обитель Оптину, которая отличалась внутренним устройством и благолепием. Видя это, Боголюбивый Архипастырь с удовольствием посещал её и возымел особенное расположение к бывшему тогда Настоятелю её о. Игумену *Даниилу*".

«Подобно Митрополиту *Платону*, Преосв. *Филарет* особенно пленялся красотой места, занимаемого Пустынью и удобством, которое представляли её лесистые окрестности к прохождению уединённого, пустынного жития, по примеру древних св. отцов. В сердце Святителя родилась благочестивая мысль основать при Оптиной Пустыни отдельный Скит, как для того, чтобы доставить желающим удобство к безмолвнейшему житию и, с тем вместе, возвысить и укрепить навсегда в духовном отношении любимую им, обитель».

«Но кому поручить устройство и управление Скита?

В Смоленской губернии, в 40 вёрстах от города Рославля, среди глубоких лесов издавна подвизалась семья безмолвно-любивых отшельников, прославленных именами знаменитых старцев *Варнавы*, *Никиты*, *Иакова*, *Василиска*, *Зосимы*, *Адриана*, *Афанасия* и других.

В то время, к которому относится наше повествование, т. е. в 1820 г. в братстве этом состояли следующие лица: старцы – Иеросхимонах

Афанасий и *Досифей*, (последний родом из *Карачева*), иноки: отец *Моисей* с родным братом о. *Антонием* – (из московских купцов *Путиловых*), о. *Савватий, Иван Феодоров Дранкин* – (из карачевских граждан).

К ним-то и обратилось мудро-опытное внимание Преосвященного. Он уже знал отчасти эту семью: нередко то тот, то другой из монашествующих его епархии просил у него благословения побывать »*пользы ради и совета духовного*« у отшельников Рославльских; не раз он слыхал об их достоподражательной жизни и от схимонаха Оптиной пустыни о. *Вассиана*, который пользовался благосклонностью Владыки.

Этих-то пустыннолюбцев вознамерился призвать и Преосвященный *Филарет* для устройства, предполагаемого им при Оптиной пустыни Скита и для постоянного их в нём водворения. Бог вспомоществовал благому намерению Архипастыря: оно исполнилось ранее, чем он мог предполагать. В конце 1820 года один из числа Рославльских отшельников, инок *Моисей*, имея необходимую нужду быть в *Москве*, вздумал по пути туда побывать и в Оптиной пустыни, о которой много был наслышан от приходившего к ним оттуда, «пользы ради и совета», подвижника монаха *Феофана*. Настоятель Оптиной пустыни, Игумен *Даниил*, зная о благом намерении Преосвященного, представил ему о. *Моисея*. Отечески милостиво принял его *монахолюбивый* Владыка и советовал переместиться с братией в его Епархию, дабы принять на своё попечение заведение и устройство Скита в любом месте леса, принадлежащего к Оптиной пустыни.

О. *Моисей*, по его собственным словам, будучи привлекаем благосклонностью Архипастыря, вниманием о. Игумена Оптиной пустыни *Даниила* и старца оной о. *Вассиана*, хотя и соглашался сердечно на исполнение их общего совета, но не мог совершенно решиться последовать ему без свидания и совета со своими старцами и сожительствующею братией, почему и отправился в обратный путь, получив от преосвященного *Филарета* письмо к начальному их старцу – Иеросхимонаху *Афанасию*, следующего содержания:

«Брат ваш, а мой сын по духу, схимонах *Вассиан*, возвестил мне, что вы имеете желание, для удобнейшего прохождения подвигов монашеской жизни, избрать себе и с единодушными вам братьями уединённое место при Введенской Оптиной пустыни. То же самое подтвердил и о. *Моисей*, бывший у меня проездом в *Москву*. Таковое желание ваше, считая особенной милостью Божией к моему недостоинству, я готов принять вас и других пустынножителей, которых вы с собой взять заблагорассудите, со всей моею любовью. Я вам позволяю в монастырских дачах избрать для

себя место, какое вам угодно будет, для безмолвного и отшельнического жития, по примеру древних св. отцов-пустынножителей. Кельи для вас будут изготовлены, как скоро вы изъявите на то своё согласие. От монастырских послушаний вы совершенно будете свободны; уверяю вас пастырским словом, что я употреблю всё моё попечение, чтоб вас упокоивать. Любя от юности моей, от всей моей души монашеское житие, я буду находить истинную радость в духовном с вами собеседовании. Призывая на вас благословение Божие, и моля Господа Иисуса Христа, да совершит Он благое желание ваше, с моим истинным к вам почитанием и братской любовью имею радость быть. P. S. И настоятель теперешний, о. Игумен *Даниил*, очень рад будет пришествию вашему. Он человек весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите».

Возвратясь в своё уединение, инок *Моисей* вручил старцу *Афанасию* письмо Преосвященного и подробно объяснил единомысленной с ним братии те удобства и духовную пользу, которые представляет возможность проходить уединённое житие, при благоустроенной Оптиной пустыни и под покровительством такого боголюбивого Архипастыря, каков преосвященный *Филарет*. Предложение о. *Моисея* было принято с радостью и на общем совете согласились все последовать сему призванию, признав его и за призвание Божие, особенно в том внимании, что в это же время, попущением Господним, мирное их безмолвие начало несколько подрываться притязаниями окружного земского начальства. Вследствие этого решения о. *Моисей* немедленно отнёсся как к самому преосвященному *Филарету*, так и к Оптинскому Игумену о. *Даниилу*, письмами. Старец *Афанасий* также послал свой смиренный ответ на архипастырское письмо.

Преосвященный *Филарет* немедленно почтил письмо старца *Афанасия* ответом следующего содержания: «Душевно я возрадовался, что Господь Иисус Христос вложил в сердце ваше благую мысль о водворении вас с братией в Оптиной обители. По желанию вашему я препоручил о. Игумену *Даниилу* отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни место на монастырской пасеке, и дозволить усердному благодетелю, купцу *Брюзгину*, строить кельи. Когда вы с братией прибудете к нам, тогда формальным образом можем учредить и правила для скитского жития по мыслям вашим и по духу св. пустынножителей. Безмолвие ваше ограждено будет как со стороны братии монастырской, так и со стороны мирских людей. По получении известия о прибытии вашем, я сам поспешу видеться с вами, чтобы взаимным советом совершить сие святое и богоугодное дело. Отцу *Моисею* прошу

свидетельствовать мою любовь. Я очень благодарен за его ко мне писание. Особенно к нему не пишу, ибо уверен, что у нас »*едино сердце*".

Это письмо служит ясным доказательством, какое живое участие принимал Преосв. *Филарет* в устройстве скита и вообще, как он много ревновал к пользам душеспасительной иноческой жизни.

Когда приглашенные старцы (кроме, впрочем, Иеросхимонаха *Афанасия* и о. *Досифея*) явились в *Калугу* пред лицо Преосв. *Филарета*, отечески милостиво принял их владыка, обрадованный искренно тем, что благое желание его начинает приводиться в исполнение. После духовной беседы о правилах для скитской жизни по духу св. пустынножителей, отшельники получили от Преосвященного пастырское наставление и благословение на избрание, по их усмотрению, места в лесу близь Оптиной пустыни. Посоветовавшись взаимно, они заняли место уже предизбранное для безмолвной жизни блаженным старцем *Иоанникием*, – среди леса на восточной стороне монастырских владений, – в 170 саженях от обители близь пасеки. Тогда же о. *Моисей* с Игуменом *Даниилом* составили план к строению Скита и представили его к преосвященному *Филарету*, который немедленно утвердил его следующей резолюцией: «1821 года Июня 17 дня. По сему начертанию строить Скит да благословит Господь Бог и благодатью Своею да поможет совершить». Причём, Преосв. *Филарет* почтил Оптинского Игумена *Даниила* собственноручным письмом следующего содержания:

«Для строения Скита представили мне пустынножители план, который я подписанием своим утвердил. Прошу покорно отвести им, по их и вашему избранию, место; Господь да благословит начать им доброе и угодное Ему делание: пусть они трудятся в очистке места. Ежели готовы материалы, то я благословлю обеими руками строить прежде кельи, а потом и прочее нужное. Я буду к вам в начале Успенского поста на целую неделю говеть. Приятно бы для меня было, ежели бы до того времени они построились. До решительного положения полных правил жития их, прошу вас теперь же сделать:

1. братиям воспретить к ним вход без вашего дозволения и не в назначенное время;

2. женскому полу совершенно возбранить туда вход;

3. другим мирским людям не иначе позволять вход, как с согласия их старца;

4. во всём, где можно, помочь им в построении без отягощения монастыря, не откажите;

5. запретите строго рубить всякий лес около сего Скита; – а что ещё

откроется нужным, я полагаюсь на известное мне благоразумие и усердие ваше».

«Имея благословение Архипастыря, призвав в поспешение имя Господне, о. *Моисей* с братией своей и Схимонахом *Вассианом* приступили к делу, и именно: скитяне выстроили себе на первый раз из срубленного на месте леса небольшую келью на юго-восточной стороне и жили в ней все пятеро вкупе общежительно. Потом обнесли всё расчищенное место дощатым забором и наконец, приступили, с благословения Преосвященного, к построению скитской церкви во имя собора св. Иоанна Предтечи Господня. По воле Архипастыря ей присваивалось название »*домовой церкви* для архиерейского приезда», на каковой конец и предложено устроить западную часть её по домовому расположению. И первоначальный иконостас в ней был пожертвован Преосв. *Филарет*ом, – именно тот самый, который он устраивал было для своей домовой церкви в Калужском Лаврентьевском монастыре».

«Боголюбивый Архипастырь, бдительным оком надзирая за успешным устроением Скита, ободрял труждающихся словом и делом. По освящении церкви, 1822 г. Июня 3 дня, с разрешения Святейшего Правительствующего Синода, он постриг о. *Моисея* в монашество: 22 Декабря того же года рукоположил в Иеродиакона, 25 числа во Иеромонаха, и в то же время определил его общим духовником Оптиной пустыни. Не оскудевала и паче возрастала и ревность о. *Моисея* в порученном ему деле устройства Скита: постепенно, в течение 4-х лет, возникали, видимые ныне по сторонам церкви, отдельные флигели братских келий. Между же келий и вокруг церкви по всему Скиту насаждены плодовые деревья, перемежающиеся ягодными кустарниками: на восточной стороне Скита, на малом протоке запружены два пруда; словом, устроены все, видимые ныне, принадлежности скитского общежития.

В западной части, устроенной, как сказано, по домовому расположению, обыкновенно помещался Преосв. *Филарет*, когда приезжал в Скит. Между прочими в ней помещениями и теперь посетители увидят дверь из главного покоя (залы), ведущую налево в так называемую архиерейскую опочивальню: кровать и простой шкаф для книг с комодом внизу составляют всё её убранство. Опочивальня эта оставлена в том самом виде, в котором она служила местом краткого успокоения от дневных трудов незабвенного Калужского архипастыря, Преосв. *Филарета* (блаженного Митрополита Киевского). Он, после основания Скита в 1821 г., почти ежегодно проводил здесь сырную

седмицу, для чего приезжал запросто, без всякой свиты, удивляя и утешая всех скитян своею примерной простотой, доступностью и усерднейшим молитвенным подвигом. Настоятель обители – тогда настоятель Скита, о. *Моисей* заменял ему келейника, считая за честь послужить своему Архипастырю в его невзыскательных и несложных нуждах. В шкафу хранится полный круг богослужебных книг, присланный покойным Митрополитом в дар Оптинскому Скиту, некоторые с собственной его надписью, в 1857 г. – за два месяца до своей кончины. Итак, это последний видимый знак его отеческого внимания к Оптинскому Скиту, о котором он, вдали от него, часто вспоминал, называя в беседах «мой Скит».

«Пройдя домовую часть церкви, вы входите как бы в поперечный коридор, в коем на левой стороне устроена кладовая комната для ризницы; а правая составляет, так называемый, «молитвенный покоец», где в 1838 г. усердием московского купца *Алексея Ивановича Лобкова* сделан иконостас; здесь прежде стаивал во время службы преосвященный *Филарет*, часто по целым неделям проживавший в Оптиной обители; теперь же денно и нощно читается здесь Псалтырь в те дни, когда не бывает церковной службы».

«Выражая постоянное заочное внимание к Скиту и вдали при воспоминаниях называя его не иначе, как *"мой скит"*, в Бозе почивший в течение последующей своей жизни лично посетил его двукратно. Так, в 1837 г. Июня 17 дня, проезжая из *Санкт-Петербурга* в *Киев*, куда он только что назначен был Митрополитом, он прибыл в Оптину пустынь. На утро следующего дня высокий гость прибыл в устроенный по его благословению Скит; отслужив литургию, изволил обходить весь скит, и, остановившись против церкви, поучал братию от отеческих словес со смиренномудрием, которое он трогательно показал пришедшему к нему перед обеднею с поздравлением Козельскому градскому голове *Карлину* и прочим гражданам: «Митрополит в монастыре: а здесь в Ските он – просто инок – кротко молвил Архипастырь, и уклонился от принятия почётного поздравления, показывая собой пример смирения. В заключение всего Высокопреосв. Владыка посетил келью скитоначальника о. *Антония* и некоторых из скитских старцев. С ним находился и провожал его Преосв. *Николай*, Епископ Калужский. В 12-м часу после праздничной обедни Высокопреосвященнейший *Филарет* отправился из Оптиной пустыни через г. *Козельск* в дальний путь, оставив как в обители, так и в ските неизгладимую память своего милостивого внимания».

В другой раз Скит удостоился видеть в своей ограде незабвенного виновника своего существования в 1842 году 20 Мая. Об этом посещении

читаем следующий подробный рассказ в историческом описании скита:

«От монастырского перевоза на реке Жиздре Высокопреосв. *Филарет* изволил идти пешком и был встречен Игуменом и братией соборно в облачении у ворот входной башни. Отсюда по лестнице, ведущей на гору, взошёл во св. врата и вступил ими в соборную церковь при пении стихиры: «Днесь благодать Святого Духа нас собра». После ектении и многолетия изволил благословлять по ряду всю братию. Причём видя, с каким благоговением и любовью собор иноческий стремился принять его архипастырское благословение, Высокопреосв. Владыка, обратившись к предстоящему Игумену *Моисею*, сказал ему: «*Отец Моисей! веди всех их в царство небесное, – ни одного не оставляй*». Эти незабвенные слова глубоко напечатлелись на сердцах Оптинских иноков, и без сомнения долго будут передаваться от одного другому, как завет милостивого внимания и отеческой любви Высокопреосв. *Филарета* к их обители и вообще к монашескому сану... Многие из окрестных дворян, узнав о прибытии их бывшего Архипастыря, поспешили в Оптину пустынь получить его благословение. С благоговением заметили они, что через час с небольшим по прибытии Высокопреосв. *Филарета* в обитель, во время молебствия в церкви, ниспослана благодать Божия на их пределы; именно после засухи, продолжавшейся почти месяц, пролился на землю обильный, благотворный дождь[334] и оросил почерневшие поля, «а на земле сердец наших, – (прибавляют к сему замечанию оптинские иноки), благословением сего высокого посетителя излился дождь духовного утешения и радости».

По выходе из церкви, Митрополит посетил настоятельские кельи; перед всенощной, по просьбе Козельского почётного гражданина *Александра Дмитриевича Брюзгина* и братьев его, служил панихиду по их родителям, погребённым в здешней обители, а после панихиды почтил литией на гробе память блаженного старца Иеросхимонаха *Леонида* (*Льва*). После того всенощную сначала слушал в монастырском храме, а во время чтение кафизм посетил Скит и слушал, продолжавшееся в то время в скитской церкви, бдение до величания: потом, приложившись к святой иконе Владимирской Божией Матери, возвратился в монастырь для отдохновения будучи утруждён путешествием.

На другой день в 6 часов утра Архипастырь отправился в Скит пешком, слушал здесь литургию, а после оной удостоил своим посещением скитоначальника о. *Макария*, где было поднесено Его Высокопреосвященству рукоделие скитской братии: деревянные ложки и токарная ваза, которые он благоволил принять с пастырской

благосклонностью. Отеческую беседу свою, при этом случае, Высокопреосв. *Филарет* заключил печальным известием, что он уже последний раз посещает Скит. Посетивши кельи некоторых старцев и милостиво побеседовавши с ними, он прошёлся ещё раз по Скиту, как бы желая напечатлеть в памяти его расположение, вкусил скитского хлеба и отправился в монастырь. Пришедши в настоятельские кельи, потребовал к себе скитоначальника и пожаловал дорогого фиолетового бархата, приказав сделать из него в скитскую церковь одежду на св. престол и жертвенник.

Вообще истинно отеческой любовью к обители и благосклонным обхождением со всеми Высокопр. *Филарет* оставил неизгладимое впечатление в сердцах оптинских иноков, которые, при глубочайшем почтении и уважении к его высокому сану, питают к нему искреннюю, сыновнюю любовь и признательность; рассказ о последнем посещении их обители Киевским Владыкой они обыкновенно оканчивают печальным воспоминанием прощальных слов скитянам: «я уже последний раз посещаю ваш Скит»[335]. В Ските, именно в одной из комнат, находящейся при домовой церкви, между другими портретами, досточтимых скитянами лиц, находится и теперь портрет в Бозе почившего Высокопреосв. *Филарета*, писанный акварелью чрезвычайно похожий, пожертвованный в пользу Скита Иеромонахом оного *Леонидом*, а им получен в подарок от покойного князя Д.Н. Урусова[336].

Такова история, основанного в Бозе почившим Владыкой *Филарет*ом, Скита, который достойно и праведно назван незабвенным памятником не только для Калужской паствы, но и для всех любителей и ревнителей истинно отшельнического жития в нашем православном отечестве.

Обращаемся к дальнейшему изложению сведений об административной деятельности Преосв. *Филарета* в Калужской Епархии.

Глава XVII. Административная деятельность Преосв. Филарета, отношения его к духовенству, объезд епархии, внимание к сиротам и вдовам. Отношения его к учащимся в Семинарии и училищах

«Все дела по управлению Епархией (Калужской) текли у преосвященного *Филарета* во всём неопустительно, стройно и в порядке, и потому благоуспешно и благотворно. Главнейшей и отличительной чертой и как бы задачей во всех его решениях и распоряжениях была – благодать»[337].

«Вся Калужская паства молила Господа (при расставании с Преосв. *Филаретом*), да пошлёт ей в утешение подобного, истинного отца – Архипастыря»[338].

Все дела в Консистории по управлению Калужской епархией, текли у Преосв. *Филарета* во всём неопустительно, стройно, в порядке и, потому, благоуспешно и благотворно. Главнейшей и отличительной чертой и как бы задачей во всех его архипастырских решениях и распоряжениях была *благость*"[339]. Эти слова, значащиеся в выписке о служении Преосв. *Филарета* в Калужской епархии, и поставленные нами в эпиграфе, – насколько можно наперёд сказать, – должны служить девизом и для всего *сорокалетнего*, архипастырского служения в Бозе почившего во всех других местах до последних буквально минут его жизни. Правда, все эти административно-епархиальные дела и занятия, отличавшиеся образцовой неопустительностью, по временам видимо тяготили его: не раз помышлял было он и об увольнении от епархиального служения, – что мы видели уже и в истории устроения Оптинского Скита[340], и не раз приготовлял было уже и прошения[341], особливо по чувству и настроению к пустынножительству. Но при всём этом, видим в описании последних дней его жизни такое свидетельство: – «Опасаясь, чтобы не было каких-либо опущений в делах епархиального управления, он при всей своей старческой немощи до самых последних пор всегда твёрдо держал их в своих руках, хотя и имел у себя Викария. Даже 13 и 14-го чисел Декабря, следовательно, ровно за неделю до кончины, и при тяжких уже симптомах болезни он занимался делами, принимал доклады, журналы, подписывал бумаги[342], не говоря уже о словесных распоряжениях».

Судя по одной такой, сохранившейся до гроба, энергии в деловых занятиях, естественно заключение, и что она была плодом постоянной,

сознательной, а не формальной лишь деятельности, – начало которой, как видим, было положено с самых первых пор Святительского служения в Калужской епархии. При этом же нельзя не признать той ещё отличительной черты, (как увидим в многообразных фактах), что в какой мере в душе в Бозе почившего время от времени развивалось и усовершалось чувство и настроение духовно-подвижническое, (в силу которого и проявлялось у него такое *монахолюбие*, образец которого видели мы в Ските Оптинском), – в такой же мере и даже как бы сугубо развивалось в нём, – если можно так выразиться,– *пастырстволюбие* и в частности – *духовенстволюбие*. В этом отношении нам представляется особенно характерным и знаменательным то самое выражение в Бозе почившего – что «в Скиту нет Митрополита, а простой монах». Так точно это же выражение тожественно по своему значению и приложению к нему и наоборот: на Епархии, – среди пасомых и в отдельности в среде духовенства он был уже *не монах* – а *Архипастырь*, лицо общественно-служебное, поставленное в обязанность входить во все потребности, условия и отношения, в каких только можно и до́лжно было видеть всю паству в разнообразных общественных[343] и частных, житейских и семейных положениях. Наконец же, что главнейшее во всех этих действиях и отношениях, это то же самое, что мы видели в лице в Бозе почившего в значении монахолюбия. Как он являлся всегда в среде простых иноков истинно как в родной семье и не как главенствующий, но более всего собратствующий всем и каждому; так увидим в действительных фактах, что и в среде духовенства являлся он как в родной семье, истинно как отец сочувствующий, сердобольный и самым делом являвший ко всем и всякому свою милость и благость, и такую расположенность и любовь, образцовый пример которой можно было видеть в нём и к своим родным по плоти. Потому-то он сам именовал духовенство именно «…*родным своим сословием*".

К этим характерным фактам мы должны присовокупить ещё и содержание весьма многих писем (в числе 40)[344], писанных самим в Бозе почившим к разным лицам, в связи с его воспоминаниями о времени служения в Калужской пастве и, в частности, о незабвенных для него – Оптиной пустыни и Ските. Чтобы наперёд дать понять читающим содержание этих писем, мы воспользуемся здесь одним, глубоко и верно характеризующим эти письма, свидетельством.

«С замечательной до редкости ясностью, полнотой, определённостью освещают эти письма внутреннюю жизнь и деятельность в Бозе почившего. Они изображают нам и его Евангельскую веру, и твёрдость

упования, и живую, всецелую любовь к Богу, а отсюда, как из *независтного источника* истекавшие, свойства и черты его духа, жизни и действий, – исполненную сердечности, заботливости о всех пасомых, отеческое участие в радостях и скорбях всех, особливо же лиц из среды духовных, прибегавших к нему с жаждой и надеждой его благодатного утешения, совета, слова, помощи. Потому-то, при чтении этих писем, в виду несомненных, многообразных фактов, невольно овладевает душой умилительная, грустная мысль, – что не стало, в своё время, такой духовной, человечной, высокой, светлой личности, такого благочестивого Старца, и такого Христоподражательного *благостного* Архипастыря»[345].

Обращаясь к самым фактам и сведениям об них, мы не можем не остановиться вниманием, прежде и главнее всего, на сказанном отличительнейшем свойстве архипастырских действий и отношений Преосв. *Филарета* – именно его «*благостности*». Этот термин, как неотъемлемый атрибут, замечательно встречается почти повсюду в сведениях – и в письмах, и в прошениях, и разнообразных воспоминаниях о его лице и жизни. Слова: «*его благость*", или "*он благостнейший*» и т. п. составляют, как бы отождествляемое с самым именем его, титулование. Наконец, и в самых надгробных словах и речах эти же наименования в Бозе почившего были всюду самыми частыми и в особенности характерно определявшими и освещавшими личность и всю жизнь его во всей натуральности, а не в смысле только панегирическом.

Составитель выписки, сказавши, что во всех решениях и распоряжениях Преосв. *Филарета* видна была благость, – тотчас приводит для примера такой факт: «Один причётник по производству дела был отрешён по определению Консистории от места; но благостный Архипастырь сжалился над несчастным и разрешил причётнику остаться на прежнем месте». Подлинная резолюция (значащаяся в той же выписке), была собственноручно положена на деле о причётнике следующая: «1820 г. Ноября 17 дня. Апостол Иаков Духом Святым глаголет: *хвалится милость на суде*. Слушая сей глас и повинуясь ему, предлагаю Консистории из человеколюбия оставить просителя на прежнем месте в селе N»[346]. Но этот факт приведён в выписке, очевидно, как только пример. Зато во множестве других письменных сведений указываются целые серии подобных действий Преосв. *Филарета*. Мы с удовольствием и благодарностью пользуемся теми данными, которые извлечены из подлинных документов Консисторских и изложены в статье прежде упоминавшегося Автора.

Автор, сказав сначала, что «постигал ли кого-либо из лиц духовенства

пожар, или другое подобное несчастие, наносившее полное расстройство домашнему хозяйству, – тот смело обращался к благостной руке *Филарета* и всегда получал от него такое, или иное удовлетворение своей просьбе», излагает далее следующее: – «Уже из этого можно судить наперёд о тех отношениях, в каких находился Преосв. *Филарет* вообще к Калужскому духовенству. Как видим, нужды и интересы священнослужителей находили в нём самое живое сочувствие. Но мало сего, – отеческая попечительность его простиралась на все стороны их жизни. Таким или иным путём улучшить положение подведомого ему духовенства, доставить ему уважение среди православных христиан, защитить его от обид и нареканий со стороны других – было одним из предметов особенной заботливости покойного Архипастыря Калужского. Много страдало тогда духовенство от капризов своенравных помещиков, которые дозволяли себе иногда обходиться со служителями Церкви не много лучше, чем со своими крепостными крестьянами. Не ограничиваясь своими различными притеснениями, в нередких случаях, они старались даже подорвать к ним любовь и высшего епархиального начальства, – подавая на них жалобы, лишённые по большей части, всякой правдивости. Преосвящ. *Филарет* не давал в обиду своих подчинённых, всегда внимательно рассматривал все подобные доносы, назначал по ним строгие следствия и удовлетворял лишь одной справедливости. Конечно, бывали и законные жалобы. Калужское духовенство не могло составить собой счастливого исключения: и оно было несвободно от многих тёмных сторон. Бывали священнослужители, не отвечавшие своему званию и заслуживавшие потому должной взыскательности. Излишнее употребление разгорячающих напитков, грубое обращение со своими прихожанами, небрежное отношение к своим обязанностям, исправление треб без соблюдения важных и вполне необходимых обрядностей и формальностей[347] и многое тому подобное можно было встретить в среде тогдашнего Калужского духовенства. Во всех таких случаях *Филарет* высказывал законную требовательность и прибегал к известным мерам наказания. Последнее обстоятельство, однако, не возбуждало в подчинённых чувства недовольства им уже потому, что строгим и взыскательным начальником являлся *Филарет* лишь по требованию крайней необходимости. По большей же части духовенство видело в нём доброго и снисходительного отца.

Особенно приятное впечатление производил Преосв. *Филарет* на духовенство своим обращением и приёмом. Он считал лишним делом обставлять своё отношение к духовным внешним лоском, различными

обременительными формальностями и каким-либо этикетом. Определённых, строго установленных часов для приёма лиц из духовного звания у него не существовало; доступ к нему возможен был для них во всякое время дня. Пришедшего священника принимал он всегда очень приветливо и ласково, вступал в откровенную беседу с ним не только о предмете его просьбы, но часто о вещах и других, подходящих к беседе. Выходя от своего Архипастыря, всякий священнослужитель отнюдь не ощущал чувства собственной приниженности: напротив, вследствие такой близости к себе высшего Начальника, самосознание его значительно возвышалось. Понятно, к столь доброму начальнику и являться можно было без страха и трепета с любой просьбой и со всяким недоразумением, требующим архипастырского разъяснения.

Простота и мягкость в обращении с Калужским духовенством особенно заметно обнаруживались во время обозревания епархии Преосв. *Филарет*ом. Обозревая свою паству, он имел обыкновение производить экзамены священнослужителям. Слушая, иногда не совсем удовлетворительные их ответы, он не приходил, однако, в раздражённое состояние, не кричал на них, и если видел, что выговоры его приводили их в большое смущение, он тут же старался смягчать свои замечания. В случае какой-либо неисправности по церкви, он делал кому следовало, должные наставления и опять-таки спокойно, тихо и любовно. Столь снисходительного Начальника, конечно, всякому священнику приятно и отрадно было пригласить в свой дом откушать хлеба соли. Преосвященный *Филарет* не имел обыкновения отказываться от таких приглашений и вполне охотно удовлетворял всякого, желающего оказать ему радушный приём. Посещение его не было обременительно и тяжело. Особенной разборчивости в столе он не обнаруживал и был доволен всяким угощением, лишь бы оно предлагалось с добрым чувством и расположением. Всех домашних приветливого хозяина награждал он лаской и вниманием, расспрашивал о семейном его положении и нуждах и вообще старался, по возможности, говорить о предметах обыденных и житейских, допуская иногда простые, чистосердечные шутки. Впрочем, не простого развлечения искал *Филарет* за трапезой со своими подчинёнными, тут обнаружился особый практический его такт. Через чистосердечную беседу, во время подобных затрапезных угощений, отношение его к пасомым становились более близкими. Он лучше мог узнать ту среду, на которую, прежде всего, должна быть обращена его административная деятельность, и легче мог сообщить те свои взгляды, которые привести в известность путём официальным не совсем было

удобно.

Соответственно этим сведениям, взятым нами у цитируемого Автора, мы имеем ещё следующие, относящиеся именно к тому, что во-первых, оказывалось иногда при экзаменах священно-церковнослужителей и особливо причётников и пономарей, и отчасти Диаконов, бывших из недоучек, или просто неучей; и во-вторых как Преосв. *Филарет*, при вышесказанных трапезных собеседованиях допускал иногда простодушные полу-шутки в разных рассказах о былом, но с тем вместе, в этих самых рассказах проводил в среду присутствовавших тут подчинённых духовных назидательные вразумления. Последние, в имеющихся у нас данных, относятся в частности к уразумению слова Божия и тем паче к употреблению текстов Св. Писания, из которых некоторые, как не безызвестно и в светской литературе, начиная например, с Фонвизинского «Недоросля», употреблялись ради вящего юмора и двусмысленно и карикатурно и даже намеренно изуродовано. К прискорбию же сказать, и сами духовные лица иногда, как говорится, вторили этим литературным и вообще светско-образным юморизмам, неосмысленно выражаясь словами и целыми текстами Св. Писания. Всё это, само собой, не безызвестно было и Преосв. *Филарету*, и тем паче для его священнолюбивого чувства было тяжко-грустно[348]. В первом отношении мы имеем в сведениях такой рассказ.

"Владыка *Филарет* вёл однажды такую беседу. – Один Преосвященный, (а это был, вернее, он сам), имевший правилом при посещении сельских приходов испытывать всех лиц причта в знании христианского вероучения, спросил Диакона: что значит именование «Диакон»? Спрошенный, немного подумав, отвечал: «Древо». Преосвященный был озадачен таким поразительным объяснением и спросил диакона: «как же это так и откуда ты узнал это?» Диакон с полной, твёрдой уверенностью отвечал: «Когда я служу Литургию, то после выхода великого священник, снимая с моей головы дискос, всегда произносит: *с древа снем Пречистое Тело, значит: диакон и есть древо*». Спросил Преосвященный и Пономаря: «что значит слово Пономарь?» Последний смело и быстро отвечал: «*Благовестник*», и тут же в доказательство привёл слова Ап. *Павла*: "*не посла мя Бог крестити, но благовестити*".

Относительно же неосмысленного употребления текстов Св. Писания лицами духовными, Владыка *Филарет* говорил: «Вот мне памятен факт, действительно бывший по свидетельству рассказчика. На одном обеде в доме прихожанина была подана большая жареная рыба; священник,

отрезав часть рыбы с головой, произнёс: *в главизне книжней писано есть*; – затем диакон, выделяя себе срединную часть рыбы, примолвил: *посреде Церкви воспой Тя*; а дьячок и пономарь, разделяя между собой оставшуюся часть, возгласили: »*и оставиши останки младенцам своим*«. «А вот и ещё факт, – говорил Владыка: – Один помещик, приняв к себе в дом церковный причт для праздничного молебствия, предложил им и вместе другим гостям угощение; при этом, указывая на огромный свиной окорок, после первой выпивки обратился к присутствующим и к священнику с причтом с такими словами: «ну что же, гости и отцы. *Предлагаемая да ядим, – примите, ядите*!» Но благо, что священник был из серьёзных и вдруг сказал хозяину-помещику: «что же не докончили вы изречение – *сие есть тело мое*".

После этих же рассказов Владыка самым серьёзным тоном с глубочайшим чувством архипастырской ревности сказал присутствовавшим: – вот видите ли, до чего может довести неразумение Божественных словес Писания и какой страшный грех – такое кощунственное употребление Богоспасительных речений, когда в Писании же Божественном прямо речено: «за всякое слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нём слово (т. е. ответ) в страшный день судный». Всего же паче не простителен этот грех в устах священно-церковнослужителей, у коих всякое слово должно быть *солию растворено*, а «отнюдь не такое гнилостное и, просто сказать, гнусное, как сказанное помещиком. Благо, что священник был благоразумен и не устрашился вразумить его, как своего пасомого. Потщитесь же всячески отцы и братия подражать этому примеру, и друг друга вразумляйте, а также наставляйте и таких диаконов и причётников, чтобы не мудрствовали по своему-то, как сказанные те неучи».

Как заслуживающую глубокого внимания и признательности, – продолжает Автор, – следует отметить ещё одну черту из Калужской архипастырской практики покойного *Филарета*. Известно, как особенно непригляден и жалок материальный быт вдов и сирот из духовного сословия. Денежных определённых пособий выдаётся им слишком мало и, притом, не всегда и не всем. «Христос, да добрые люди, – вот где главный и существенный источник их существования». Скажут: местные причты выделяют им известную долю церковной земли как пахотной, так и усадебной. Соглашаемся с этим и даже прибавим, что они, кроме того, в силу издавна установившегося обычая, и не принуждают сносить с церковной земли сиротские жилища и берут с собой сиротствующих в некоторые годовые праздники в приход собирать гроши. Но достаточны ли

все подобные, чисто случайные средства для содержания целой осиротевшей семьи; они исключают собой разве только положительную, вопиющую нищету. Такое-то положение духовных лиц, лишившихся своих родителей, всегда озабочивало благостнейшего Преосвящ. *Филарета*. Хотя положение его самого было обставлено сравнительно хорошо, и как лицо монашествующее, сам он не испытал всех тяжёлых, хлопотливых забот в попечении семейного быта, однако он чувствовал их сердцем сострадательного человека, – болел душой, когда узнавал о семейных потерях, которые испытывали супруги и дети, и не только словом, но щедрой рукой и своими архипастырскими распоряжениями утешал скорбящих. С тёплой любовью и искренним расположением готов был он всегда, так или иначе, пристроить сироту, оставить за ним праздное приходское место, хотя это стоило ему больших хлопот[349]. Нередко обращался он с особым заявлением в духовную Семинарию, – не найдётся ли в ней достойных воспитанников, желавших поступить к тому или другому семейству в дом. Бывало и так, что заявившие о таковом желании должны были полгода, или даже год, ещё доучиваться; в этом случае покойный Преосвященный оставлял известные священнослужительские места свободными до полного окончания ими семинарского образования, приходские же требы за это время исполнял кто-либо из соседних священников[350].

В пояснение и дополнение всех этих данных, излаженных у цитируемого Автора, мы должны присовокупить, что денежные пособия вдовам и сиротам в описываемую пору вовсе не были выдаваемы в значении определённых ассигнований, так как нынешних, так называемых Епархиальных Попечительств, тогда ещё не существовало. Учреждение последних последовало по распоряжению Св. Синода только в 1823 г. и то не сразу и не везде. Поэтому, что служило к облегчению тяжкой доли беспомощных вдов и сирот, всё исходило из личного участия и распоряжений Преосв. *Филарета*. Для этого он лично располагал и всячески внушал, например, Благочинным, чтобы они особенное имели наблюдение и попечение о бедных из духовного звания; от них (благочинных), помимо всяких официальностей, он требовал и сведений о подобных семействах и через них же посылал от себя деньги по назначению. Одному, между прочим, Благочинному, показавшему в себе чувство холодности к этому делу, Преосв. *Филарет* внушительно, даже при других, сказал: Эх! отец Благочинный. Какой же ты Благочинный, коли не желаешь *благо чинить* ближним, и какой же ты *отец* в среде, вверенных попечению твоему, всех без различия лиц *нашего общего,*

родного, духовного сословия. Отселе же ты знай и другим передавай, что Благочинный есть собственно тот, у которого в инструкции, а паче всего на скрижали сердца, должны значиться первым параграфом слова Царя Давида: «*тебе оставлен есть нищий, сиру ти буди помощник*»... Иначе смотри, отче, чтобы над нами не сбылось другое слово того же Царя Давида: «*иже с гордым оком и несытым сердцем, – с сим не ядях и сего изгонях*»... А эти слова недаром читаются каждый день на утрени на первом часе. Внемли убо сему, и перемени *твоё и око, и сердце*! – Наконец есть несомненное сведение, что если не в самую пору своего служения в Калужской епархии, то впоследствии в Бозе почивший не забывал своего благотворительного участия в средствах Калужского Попечительства, которое было учреждено после уже его епископства. Один из доставителей сведений в письме своём к покойному Преосв. *Антонию*, бывшему в то время Викарием Киевской митрополии, писал, между прочим: «Не нужно ли подробное сведение о пожертвованиях Владыки (*Филарета*) в наше Калужское Попечительство о бедных?! Я сделал бы выписку из книг Попечительства. Года четыре назад (за два года до кончины) в Бозе почивший Владыка прислал в наше Попечительство тысячу руб. серебром»[351].

Постоянно выражая и словом и делом такое отечески благостное участие к нуждам бедных вдов и сирот в их местожительствах, Преосв. *Филарет* с таким же участием относился и к тем из сиротствующих, которые обучались уже в духовных заведениях – Семинарии и училище. В самой выписке говорится: «В день своего ангела (1 Декабря) приятнейшим долгом поставлял для себя благостнейший Владыка отпускать свои наличные деньги для беднейших учеников Семинарии и училища до 500р. на их нужды». Один из доставителей сведений пишет об этом следующее: «В день ангела своего Владыка раздавал ученикам каждый раз не менее 500р., чтобы на эти деньги были покупаемы вещи, какие кому из учеников были особенно нужны. Деньги эти даваемы были старшим из учеников, которые с купленными вещами вместе с учениками, для коих они куплены, обыкновенно являлись к келейному Владыке о. *Назарию* и ему отдавали отчёт. Стол для учеников семинарских и училищных в этот день (ангела его) тоже устраивался на счёт Владыки: на этот предмет присылаемы были им деньги впоследствии даже и из Рязани»[352].

Правда, такие пособия представляются не более, как вроде раздачи именинных подарков – гостинцев. Но не нужно забывать условий тогдашнего времени вообще и быта тогдашних учеников, а наконец и самого состояния в Бозе почившего в рассуждении его собственных

средств. Шестьдесят с лишком лет назад сумма в 500 руб. ассигнациями была очень значительна, чтобы покрывать немалые нужды многих учеников. А как в Калужской Семинарии и училище, по тогдашней многочисленности учащихся, многие из них волей неволей оставались без всякого от казны пособия, особливо по части одежды, поэтому какие-нибудь рубли *два-три-четыре*, очевидно, составляли собой слишком немалое и дорогое пособие. Это-то и разумел *благостный* Архипастырь, когда отпускал деньги вовсе не с тем, чтобы разделять их вроде подарков и гостинцев на предметы какого-либо удовольствия, – а собственно на нужды. Чтобы удовлетворить эти нужды как насущные, он приказывал делать и покупки не по своему назначению или по усмотрению начальствующих, а поручал это самим же нуждающимся, при содействии лишь старших из товарищей, – которые и являлись, как сказано, с отчётом в употреблении денег и в купленных вещах. Кроме этого в добрую старину, как и в описываемую пору, был обычай, что и ученики в дни своих именин имели почти правилом для себя являться к Начальникам – Ректорам, Смотрителям, инспекторам, состоявшим в духовном сане и по преимуществу к монашествующим, чтобы получить благословение, и при этом приносили от себя или просфору или просто булки... Преосв. *Филарет*, как видно, знал про этот обычай ещё сыздавна, начиная со своей Севской Семинарии. И вот, когда ученики Калужской Семинарии и училища стали являться и к нему в дни своих именин, – то он был особенно рад этому, видя в воспитанниках такую нестеснительность, чисто родственную, сыновнюю. Покойный Высокопреосв. *Антоний*, бывший в это время учеником же – мальчиком и постоянно живший у Владыки *Филарета*, как родного своего дяди, рассказывал нам много фактов, – как являлись ученики именинники, из которых иных он лично видел у Владыки, а иные сами рассказывали ему в своё время и даже после уже выбытия его из *Калуги*. «Конечно, говорил он, цель-то была в подобных явках именинников не одна только, чтобы получить благословение от Владыки... да и сам-то он ясно понимал, в чём тут дело, – и этому, кажется, ещё более радовался. Потому-то, как только завидит бывало, пришедшего именинника, то сейчас же велит допустить его к себе, иногда даже во время занятий делами и с просителями, и тут же заводил с ним разговоры, начиная с того: в какой церкви он молился, усердно ли призывал в молитве своего Ангела; спрашивал, – хорошо ли знает он житие святого тезоименника своего; читал ли житие и других каких святых; читает ли вообще, и знает ли наизусть молитвы вечерние и утренние; расспрашивал, – учили ли его этому дома родители, и тут же

расспросит бывало, обо всей семье..; далее узнавал, где он живёт в бурсе ли, или на квартире и у кого, как ведёт себя, как учится,… есть ли у него все книжки учебные, есть ли одежда, присылают ли ему что нужно родители, почём платит за квартиру, и не должен ли, и много ли, и давно ли... После всего этого результат бывал известный. Достаточным ученикам давал то образок, то книжки, иногда мне приказывал тут же дать что-либо из гостинцев-лакомств; недостаточным ученикам, смотря по возрасту, или лично в руки отдавал деньги на нужды, или через Инспектора отсылал к хозяевам в уплату долга за квартиру. При каждом удобном приёме именинника приказывал напоить чаем, а бедному бурсачку выдать ещё булок... И замечательная, до удивления, была память у Владыки. Спустя иногда и очень долгое время, посещая классы, он сразу узнавал, бывших у него перед тем, именинников и непременно предлагал учителю вызвать и спросить при себе же, того и другого; судя по ответам, спрашивал учителя, – как он находит их способности, прилежание и успехи. И тут-то иногда приговаривал: да, вот вы так судите, – а знаете ли, что и рад бы вот он N учиться гораздо, да у него и книжек нет, а вон ему хозяева не дают иногда и свечки для занятий от того, что он задолжал за квартиру, – а родителям-то прислать не из чего... Вот дай ко мне Бог не забыть, – сказать о. Ректору или смотрителю (училища), чтобы как-нибудь поместить NN в бурсу; и ему-то будет лучше для учения, да и отец-то с матерью вздохнут посвободнее, чтобы не выбиваться из последнего, при крайних, домашних, семейных нуждах... Семейка-то у них оказывается и без него, целая *семеренька*, а средства-то приходские, я знаю, не ахти-то... Ну так вы, – обращался бывало, Владыка к учителям, – не больно на него пока налегайте в случае каких либо временных неисправностей в уроках; а ты, чадо, отнюдь не унывай и не ослабевай... паче же Deum ora et labora». Замечательно, как твёрдо сохранилось всё это в памяти и переходило из рода в род, как бы священное предание. При слушании мной приведённого рассказа покойного Высокопр. Антония, мне тогда даже твёрдо вспомянулись рассказы студентов, бывших моих по Киевской Академии товарищей, поступивших из Калужской епархии, которые в большинстве от слова до слова повторяли тоже, переданное им от их родителей.

Представляемые здесь отношения Преосв. *Филарета* объясняются, между прочим, самой близостью Калужской Семинарии к Архиерейскому дому. Последняя находилась в то время под одним кровом с архиерейским домом, в котором жил Преосв. *Филарет*[353]. Упоминаемый нами Автор пишет: «Семинария вообще была одним из главных предметов его (Преосв. *Филарета*) забот. Так как она находилась в близкой связи с

(зимним) архиерейским домом, то *Филарет*, когда жил здесь, очень часто посещал её; а в одно время, по выбытии Ректора *Феофилакта* и до прибытия нового – *Венедикта*, ходил сам в богословский класс и давал уроки; исправно присутствовал всегда на экзаменах, внимательно проверяя познания учеников. Присутствие Преосв. *Филарета* на семинарских экзаменах не казалось тяжёлым ни для учащихся, ни для учащих, благодаря той простоте и тому благородству, с каким он вёл себя во время испытаний. Дозволял он входить в лёгкие прения между собой экзаменующим наставникам, и сам нередко принимал живое участие в них, избегая при этом всех тех выражений, которые могли нанести хотя бы какое-либо оскорбление другому лицу. Участниками в подобных прениях он старался делать даже и учеников. В спорах он обнаруживал, должно заметить, обширное знание всех тех предметов, которые преподавались в Семинарии. Такая тактика *Филарета* во время экзаменов, разумеется, была очень уместна; путём прений он ближе мог познакомиться с познаниями не только учеников, но и учителей, а это в свою очередь должно было служить сильным побуждением для последних быть усердными к своему делу. Искреннее и внимательное отношение *Филарета* к Семинарии обусловливалось вообще его глубокой любовью к духовному просвещению, которая побудила его открыть ещё духовное училище в г. *Боровске*». В выписке тоже значится, что «по выбытии из Калужской Семинарии Ректора Архимандрита *Феофилакта* в *Тамбов* в Епископы, до времени прибытия нового Ректора, Преосв. *Филарет* сам изволил ходить в богословский класс и преподавал богословские уроки[354]. Факт действительно примерный и в наши времена едва ли мыслимый! Что же касается экзаменов, то по словам одного из доставителей сведений, бывшего в описываемое время учеником, – Преосв. *Филарет* всегда бывал на экзаменах сам и мы ожидали, бывало, экзаменов как праздников; вообще же обращался он с учениками истинно по-отечески»[355]. Об этих отношениях свидетельствуется и в других сведениях подобными же словами. Нам остаётся только высказать в заключение, что изложенные действия Высокопр. *Филарета* по отношению к духовенству, как *общему* по его выражению, *родному своему сословию*, мы встретим повсюду – и в *Рязани*, и в *Казани*, и в *Киеве*, и вообще в архипастырском служении его до гроба, и все эти действия и отношения составляли постоянную характерную черту в том собственно значении, что были проникнуты и запечатлены духом истинного архипастырства по образу Божественного Пастыреначальника Христа и Господа нашего, являвшего Себя по отношению к *ученикам Своим и учителем, и другом, и братом, и слугой*.

И действительно, чем более вглядываемся мы в свойства и качества души приснопамятного Владыки *Филарета*, из коих истекали излагаемые теперь действия и отношения его, тем более живо представляются в перспективе ещё многие другие черты. Изобразить их здесь совершенно уместно. Черты эти, или точнее сказать целая картина из них, состоят в том, чего всего чаще не признают за лицами монашествующими неправильно понимающие или вовсе не разумеющие духа и смысла монашеских обетов. Они вроде, например, ходячих сентенций, – «что монах, де, отрекается и от отца, и от матери, и всех сродников по плоти», видят и понимают монахов вообще какими то, если можно так выразиться экс-людьми... Рассуждения эти, само собой, положительно не правильны и не осмысленны. Входить, впрочем, в это дело было бы излишне... – Пусть вместо этого скажут самые факты.

Мы указали отчасти на бывшего племянника Высокопр. Митрополита *Филарета*, жившего при нём постоянно и избранного им из среды своих родных как бы в усыновление. В биографии последнего (разумеем Архиепископа Казанского *Антония*) читавшие эту биографию знают, какие были истинно родственные, точнее – чисто отеческие чувства и отношения к нему Высокопр. *Филарета*. Оставляя сказание об этом, мы обратимся к тем фактам и сведениям, которые теперь у нас под руками, и в которых читающие увидят, можно сказать наперёд, такие родственно-любивые, во всей искренности и чистоте чувства и отношения, которые, дай Бог, послужили бы образцами для членов всякой доброй христианской семьи в общежитейском быту.

Глава XVIII. Отношения Филарета к родственникам. Заботы о раскольниках

«Подлинно, каков был он – родимый мой, – *Феденькой*-то, таков и теперь *Филаретом* – Архиереем-то, – да ещё лучше, кажется, стал»[356].

«Вот и я, Бог дал, повидалась с братцем своим – Преосвященным Калужским. Уж как он рад-то был, если бы вы знали! И не знал, как принять и как угостить-то меня»[357].

Читатели припомнят, как в Бозе почивший был провожаем родными из *Уфы* и как он заезжал к своему родному брату, Священнику *Гавриилу Георгиевичу* (отцу Высокопр. *Антония*) в Миасский завод на пути из *Тобольска* в *Санкт-Петербург*. Мы переносимся на время к этим именно обстоятельствам.

На первом плане является именно перемещение этого брата с семейством из далёкой Сибири вовнутрь России – в *Калугу*. Подробные сведения об этом мы указываем (опять) в биографии Высокопр. *Антония*. Мы должны сказать здесь, прежде всего, – как примерно, глубоко и нежно было в душе Преосв. *Филарета* родственное чувство любви к своему брату. Лишь только вступил он, так сказать, через порог на поприще самостоятельного положения в звании и служении архиерейском, он в тот же год поспешил вызвать к себе своего брата, разделявшего с ним в дни оны все тяжкие скорби его изгнанничества, начиная от *Севска* до *Тобольска*. Правда, в *Уфе* уже не было в эту пору Преосв. *Августина*, который, так или иначе, мог относиться к брату его, священнику Миасского завода, не совсем расположенно, и родные Уфимские не совсем-то желали расставаться с зятем и дочерью; но Преосв. *Филарет* просил не отказать ему в родственном утешении, – иметь брата с семейством при себе, – что и исполнилось в 1820 г., т. е. на другой же год епископства его в *Калуге*. У брата о. *Гавриила* было в семействе трое детей – старшая – дочь и два сына, из коих младший *Яков* был только ещё пяти лет. Этого-то последнего Преосв. *Филарет* и избрал себе как бы в усыновление. Сам в Бозе почивший твёрдо вспоминал уже на последней старости, – как он нянчил его на своих коленях. Сам он обучал его первоначальной грамоте; рассказывал ему жития святых угодников, и сделал его ещё в отрочестве церковником, посвятив в стихарь и назначив его жезлоносцем при своих архиерейских служениях. Сам же руководил его в занятиях учебных, когда он поступил в училище. Одним словом, этот племянник был *дитё его сердца*, что и оправдал достойный любви

племянник до последних дней его жизни всем последующим своим служением в сане святительском, следуя в возможно многом по стезям своего истинно отечески расположенного дяди-воспитателя. Мы разумеем Высокопр. *Антония*, Архиепископа Казанского, который нам лично передавал многое из своих воспоминаний о времени своего детства, проведённого под непосредственным воспитанием в Бозе почившего Владыки – *Филарета*. Об этом приведён уже нами один из его рассказов об отношениях Преосв. *Филарета*, тоже как бы родственных, к воспитанникам семинарским и училищным, – в чём он лично бывал участником.

По рассказам покойного Преосв. *Антония*, а с тем вместе и по многим другим сведениям, (уже печатным), нам следует сказать о том, как относился Преосв. *Филарет*, во всей полноте примерно-родственных чувств, к приезжавшим к нему в *Калугу* разным родственникам из Орловской губернии и из *Уфы*. К числу первых относятся – его родитель, старец Священник, о. *Георгий Никитич* и родная сестра – *Анна Егоровна*, а из Уфимских – его сват – Священник *Григорий Андр. Несмелов* и сын его – студент МДА *Яков Несмелов*, – известный кредитор Преосв. *Филарету* на 200 руб. ассигнациями при отъезде последнего на паству Калужскую.

Мы обращаемся, прежде всего, к сведениям о посещениях Орловских родственников. Первым поспешил в *Калугу* родитель Преосв. *Филарета* о. *Георгий* в чаянии утешения, – подобно как патриарх *Иаков* к возлюбленному сыну своему *Иосифу*, – узреть своего *Феденьку*, а с тем вместе и другого сына, *Гаврюшеньку*… Нельзя без особенного умиления читать те рассказы, которые по словам составителя их, списаны им чисто с натуры. В этих, давно уже напечатанных, рассказах есть, однако неполнота, которую восполняют имеющиеся у нас данные. Последние заключаются собственно в сведениях, доставленных покойному Преосв. *Антонию* как материалы для биографии Высокопр. *Филарета*, вскоре после кончины его. Преосв. *Антоний*, прочитывая их со мной, многое в них разъяснял от себя, зная твёрдо иное по личным воспоминаниям, а иное по полученным им от своих родных сведениям.

Доставитель указываемых сведений[358] в письме своём (от 18 Ноября 1850 г.) писал к Преосв. *Антонию*, бывшему тогда Киевским Викарием: – «Преосвященнейший Владыка! Вы знаете, в какой мы были дружбе с покойным братцем Вашим *Яковом Козмичем Амфитеатровым*. Вместе с ним мы поступали в Орловское Уездное Училище, вместе учились и переходили по классам, вместе жили на одной квартире, и из *Орла* перешли в Севскую Семинарию, а оттуда и в Академию. Вместе из

Семинарии и из Академии ездили домой на каникулы, потому что родина моя – село *Долгоруково* в 30 вёрстах от родины *Якова Козмича* – села *Высокого*. Вот почему я знаю некоторые замечательные подробности из жизни в Бозе почившего Высокопреосвященного *Филарета*, Митрополита Киевского. Слышал я их от самого отца *Егора*, – родителя Его Высокопреосвященства, и от *Анны Егоровны*, – сестрицы его.

По приезде в первый раз в село *Высокое* я застал ещё в живых родителя Его Высокопреосвященства. Он отдал свой дом дочери *Анне Егоровне*, а место священническое передал зятю своему Отцу *Козьме*, – (отцу *Якова Кузмича*) и жил у них на покое. Убелённый сединами, ещё бодрый старец, добродушный и смиренный подвёл нас тогда к большому портрету и стал говорить.

«Вот посмотрите-ка; это мой *Феденька*! Он теперь Архиереем в *Калуге*. Захотел меня обрадовать и прислал мне свой портрет. Спасибо ему! спасибо! Поеду вот скоро я и сам к нему; зовёт больно меня к себе».

…А давно ли, – спрашиваем мы, – вы виделись с ним лично?

«Да! уж давно, очень давно! С той именно поры, как из Ректоров нашей Севской Семинарии отправили его в Сибирь – в *Уфу*, на службу же, а с ним тогда я благословил отправиться и Гаврюшеньку. Там служил он всё время под тяжёлым крестом; немалую и мне причинил скорбь о своей участи; приходилось ему бедному и в разбитых туфлях ходить; но зато теперь Архиереем. Вот скоро поеду к нему в *Калугу*".

«В другой раз после того мы опять приехали в *Высокое* – на каникулы. Добродушный о. *Егор*, уже дряхлый и слабый старичок, посадил нас подле себя и стал рассказывать. Ну вот, побывал я и у своего *Феденьки-Филарета*. Слава Богу! повидался с ним. Запряг я тележку парой, взял с собой мальчишку вместо кучера и отправился в *Калугу*. Приехал я туда на самый праздник Преображения Господня. Еду себе по породу на тележке в старом подряснике запачканном, – потому что сам дорогой и колеса подмазывал. Погода была, помню, уж такая хорошая! Вдруг вижу, – сзади меня едет карета на четвёрке. Поди, поди! кричат... Я тотчас к своему мальчишке: посторонись, говорю, посторонись скорее, – и сам схватил вожжи и направил свою тележку в сторону. Карета проехала мимо меня, но тотчас и становилась. Вижу, из неё выходит Архиерей. Так и обомлел я от страха, – соскочил с тележки, схватил с себя шляпу и стою как вкопанный. А он мой родимый – сам идёт ко мне. Я тотчас положил шляпу под мышку, и сложил руки под благословение. А он ухватил мою руку и хочет её целовать. Я рву у него руку, а сам горько плачу, – сам не знаю чего. Такая тут была удивительная сцена! А тут ещё народ сбежался вокруг

нас. Владыка ехал в то время от обедни; служил где-то в городе и вслед за ним из церкви шло множество людей. Как увидали, что Архиерей остановился среди города и вышел из кареты, так и сбежались к нам. Да, ведь, и в самом деле, удивительно, не постыдился же он – мой родимый ни моего запачканного подрясника, ни моей деревенской тележки, но взял меня под руку и ведёт в свою карету. Я говорю ему: не надо, не надо! я доеду в своей тележке: нет таки, всадил меня в свою карету, а мальчику моему сказал: поезжай за нами! – Подлинно, каков был он – родимый мой *Феденькой*-то, таков и теперь *Филаретом*, да ещё лучше, кажется, стал. Поверите ли, что я в тот день даже и есть ничего не мог... Он меня потчует и тем и сем, а я и рта не в состоянии раскрыть, чтобы кусок проглотить... а он, мой дорогой, то и дело повторяет: Ах, батюшка-батюшка, мой родной, – да чем же мне вас потчевать, чем вас угостить-то право же, но знаю и не умею».

– «Долго вы пожили у него – спрашивали мы о. *Егора*.

– Да больше месяца прожил, в таком спокойствии, довольстве и радости, словно в раю жил... Иной сын важный, ведь стыдится своего бедного отца и не показывает его на глаза при хороших гостях: а он, словно нарочно бывало, мной хвалится и в глаза и за глаза перед всеми рассказывая, что к нему де, приехал я – отец его. Всем этим он значит, меня хотел утешить; мне хотел во всём угождать... О Боже! какое счастье иметь такого сына. Мне кажется, ни одна мать не лелеет так единственного своего сына, как он заботился обо мне. Бывало так, что приедут к нему важные гости, – я и уйду в свою комнату, чтобы скрыться от них, а он как будто занят одним мной, начнёт всякому рассказывать: «а ко мне мой родитель приехал, уж как я рад ему!» И тут же пойдёт сам и приведёт, бывало, меня к ним, да ещё станет при них благодарить меня за воспитание. А я скажу ему: «какое же моё воспитание, Владыко? Не я грешный простак, а Господь милосердый воспитал тебя».

«Что же вы мало так прожили?»

«А что ж мне отвлекать его от дел? Я-то теперь человек праздный, а он завален делами. Что мне ему мешать? Он и сам меня упрашивал пожить у него хоть до самой смерти моей. Да как же мне расстаться со своей Высокинской церковью, при которой столько лет служил я Господу Богу? Нет! При ней и умереть хочу. Ведь почём знать может быть, ныне завтра сложу подле неё и свои грешные кости».

И в самом деле, в последний раз мы виделись тогда с о. *Егором*. В скором времени услышали в *Севске*, что он скончался. Вечная память добрейшему Священноиерею!

Покойный Высокопр. *Антоний* комментировал мне (при разборе биографических материалов) содержание изложенного письма весьма подробно и с особенным чувством... Да, – говорил он, – всё это правда, (как сущая действительность). Самое например выражение дедушки о. *Георгия*: «такая была тут удивительная сцена» для меня и теперь представляется чем-то вроде отражения, как бы в зеркале... – Я сам, будучи тогда ещё мальчиком, находился как раз тут же в карете с дядей – Владыкой. Меня прежде всего озадачило, что Владыка вдруг приказал остановиться и вышел из кареты среди улицы... Я увидел его встречу с каким-то духовным лицом... затем вдруг вижу, что Владыка буквально тащит под руку старца в подряснике (по-тогдашнему полукафтанье) старом запачканном, сам подсаживает его в дверцы кареты... Я ничего не понимал... а Владыка ко мне: …привстань *Яша*, пока с места. Когда же стали усаживаться все, – тогда Владыка сказал: ну-ка, батюшка, посади и подержи пока у себя на коленях своего внучка. Тут-то я понял... а дедушка-то прижал меня к себе крепко и, снявши мою фуражку, – тут же начал и целовать и крестить мою голову, изливая на неё целый поток слёз и приговаривая: родименький мой, соколик ты мой... Ах Ты Господи, ах Ты Господи премилосердый! Я взглянул на самого Владыку, а он тоже чуть не всхлипывает... Да, это была истинно, как сказал дедушка, *сцена*, которая может быть уподоблена только той, какая происходила при встрече *Иосифом* отца своего *Иакова* во Египте, – о чём учивши ещё в детстве, в Истории священно-библейской, бывало растрогаешься до слёз... По приезде к самому дому было немало народу, особливо из нищих, всегда ожидавших по обычаю Владыку у крыльца. И тут Владыка, вышедши из кареты вперёд, и давши выскочить мне, сам протянул руки к дедушке, чтобы высадить его, не давши лакею даже и помочь; а мне сказал: беги скорее, скажи *Назарию*, что приехал-де гость самый дорогой... Между тем Владыка стал раздавать нищим обычные подаяния и, на этот раз сугубые, так что кошелька его не достало. Я побежал сказать о. *Назарию*... Он мне: «ну-ну дяде-то твоему все гости дорогие... дешёвых то, видно, не дал ему Бог». – Я ему: «да ведь, дедушка приехал. Тут я впервые только заметил, что из вечно хмурого, ворчливого, о. *Назарий* как будто преобразился... засуетился необычным образом. Дедушка о. *Георгий* жил постоянно у Владыки, но часто бывал и ночевал у нас – в семействе, куда отправлялся с ним и я, а также приезжал и Владыка. Впрочем, всего не переговоришь, что живо теперь вспоминается и чувствуется, – сказал покойный Высокопр. *Антоний*, – за всё тогдашнее время гощения дедушки. Сказать разве ещё то, что относилось собственно ко мне. О. *Назарий*, – как я

сказал, – как бы преобразился. Он действительно особенно сблизился задушевно с дедушкой за его простоту, особливо же когда видел его одетым, в отсутствие Владыки, в свой дорожный с заплатами и запачканный в дёгте подрясник. Однажды о. *Назарий*, говоривший очевидно обо мне и прежде с дедушкой, сказал мне: «ну вот посмотри-ка ты, в чём ходит твой дедушка... а ты и ваши-то всё хотят ходить по барскому. И дедушка, держа меня и гладя по голове, приговаривал: «да, *Яшуня*, старайся быть тем, кем был в твои годы *Феденька*, твой теперешний дядя, – тогда даст Бог, пойдёшь по стопам его же, будешь монахом и, пожалуй Архиереем. Владыка *Филарет*, – говорил покойный Высокопр. *Антоний*, – вскоре же, по приезде, приготовил своему батюшке новое одеяние – подрясник и рясу. Дедушка, увидавши это, сказал: ну, родимый Владыко, спасибо тебе... носить-то это одеяние я уж ни за что не стану, а лучше скажу словами Св. Евангелия: «сие сотворивши, ты на погребение сотворяеши мя. В твоём этом подрясничке я и велю непременно положить себя во гроб; а рясочку я благословлю отцу Кузьме. Я заштатный, – к чему она мне теперь. Да ты видишь, что и та ряса, которую ты мне подарил, ещё бывши в *Севске*, и которую я привёз теперь с собой, – почти что новенькая, да и прежняя-то помнишь, нанковая, тёмно-жёлтая и та ещё цела. Ведь ты знаешь как мы, священники, одевались бывало, в рясы-то: в великие только Христовы Праздники и когда нужно было являться к Архиерею; да и тут бывало, несёшь рясу-то в узелке под мышкой, и когда уже нужно, наденешь и затем опять в узелок, да в сундук. Да и покойница *Анастасьюшка*, твоя матушка, дай Бог ей царствие небесное! – ты помнишь, как бывала бережлива на этот счёт... Помню, она и тебя особенно любила за то же. Кто-кто, а *Феденька*, – говаривала она, – бывало, пример, образец другим деткам. Другие бывало поизорвут что-нибудь, как будто ни в чём ни бывало... а у тебя, – говаривала она, – всегда всё в исправности[359]. Недаром тебя и батюшка мой, твой дедушка, хвалит, бывало, не на хвалит за добрый твой нрав и порядок во всём. Да вот и теперь сказать: я ведь видел все твои порядки... уж сколько у тебя дел-то всяких разных, и ты как будто не Архиерей, а просто-напросто слуга. Вот и о. *Назарий* рассказывал мне, что он дивуется не надивуется, что ты уж больно живёшь не по-архиерейски; его даже задора берёт из-за этого... Всяк к нему, – говорит он, – так и лезет в пору не в пору, и мне отдохнуть-то не дают. Ну а я-то ему сказал: эх брат – отец *Назарий*! Видно ему на роду так написано *быть Филаретом – милостивым*, – и рассказал ему про всё твоё детское время. При самых сборах дедушки к отъезду дядя-Владыка, помню, – говорил покойный

Владыко *Антоний*, – вручил ему прекрасные воздухи для церкви Покровской в селе *Высоком* – и, полученный им незадолго перед тем за погребение N, цветной, малиновый бархат, с тем, чтобы из него были сшиты риза и стихарь пасхальные».

После уже смерти о. Егора, – писал тот же доставитель сведений, – мы с *Як. Кузьмичом* по-прежнему приезжали в село *Высокое*. Тут-то *Анна Егоровна* рассказала нам также про себя, – как она ездила в *Калугу* к братцу-Архиерею.

«Вот и я, – говорит, – Бог дал, повидалась с братцем своим, Преосвященным Калужским. Уж как он рад-то был, если бы вы знали! И не знал, как принять и угостить-то меня». Я-то прошу, бывало: братец! не беспокойся обо мне: я очень довольна-предовольна всем. Нет! нет! говорит, сестра: ты пожалуйста сама всем у меня распорядись, как хозяйка, сама требуй, что тебе нужно. Бывало, приедут к нему знатные гости-князья, да генералы: я незаметно и уйду в другие комнаты, чтобы не было стыдно братцу-то от такой родни, да, главное, и мне-то было больно неловко при таких знатных лицах... А он тут же и кличет меня при них: Сестра, а сестра, куда же ты ушла?! поди сюда, – я порекомендую тебя: призовёт и посадит меня подле себя. Такой добрый и усердный братец! А как я собралась ехать домой, то-то бы вы посмотрели, что было...»

«Ну, что ж, – говорит, – сестра! ведь, надо тебе дать денег на дорогу». На что! говорю, братец! Я, слава Богу, не нуждаюсь; на своих лошадках приехала, на них и домой поеду. «Нет! нет! – говорит. – А то скажут люди: вот-де какой Архиерей! Приезжала к нему сестра, а он и на дорогу ничего ей не дал. Я-то, пожалуй, и не боюсь злых языков: да вам то, родным моим, будет стыдно от такого брата – Архиерея. Нет! уж ты не отговаривайся. Позовите-ка ко мне эконома».

А у братца был экономом какой-то старичок-монах – такой строгий и расчётливый. «Что ж, – говорит братец ему, – нам надо дать что-нибудь сестрице на дорогу: она едет домой». А я кланяюсь ему и прошу: пожалуйста, братец не нужно...

– В эту пору, – рассказывал Высокопр. *Антоний*, – я был тут, и тут же был о. *Назарий*. Последний не вытерпел: «Да что ты, мать родимая, *Анна Егоровна*, – ужели думаешь, что он вот так и отсыплет тебе целые сотни. Вот тебе Бог, что у меня-то он все и деньги позабирал», – а у эконома – тоже я знаю, всего-навсего осталось 70 руб. асс. Но Владыка, как бы обрадовавшись этому, сказал: «иди же скорее и принеси те 70 руб.» О. *Назарий* принёс и, отдавая деньги Владыке, сказал: «на… возьми... отдай. Да смотри, что если ты боишься *недобрых языков*, что то и то-де скажут

там, на родине, – зато нам-то не на что будет чего-либо и лизнуть *своими языками*»... Эконом прямо сказал, что больше нет денег на покупки с завтрашнего же дня. Деньги 70 руб. отданы были сполна сестре; а о. *Назарий* взглянул только на иконы, развёл руками и, не провожая гостьи, скрылся с обычной ворчливостью.

О посещении родственника Уфимского свата Преосв. *Филарета*, священника *Григория Андреевича Несмелова*, мы, сколько твёрдо знаем рассказы покойного Высокопр. *Антония*, столько же сведения об этом живо памятны нам из рассказов, слышанных ещё прежде в *Уфе* из уст самого старца, о. *Григория*, которые были известны и его детям и ими при случаях повторялись, как дорогое для них предание. Для полноты характеристики мы соединим содержание тех и других рассказов.

Сведения покойного Владыки *Антония* состояли из его личных, детских и других воспоминаний, затем из рассказов его матушки *Татьяны Григорьевны*, особенно словоохотливой говоруньи в этом отношении и умевшей, по словам Владыки *Антония*, до удивления воспроизводить былые факты. За это, – говорил Владыка *Антоний*, – в бытность моей матушки уже у меня на жительстве в *Киеве* (в 1850–1856 гг.) покойный дядя – Владыка *Филарет* особенно любил её, и когда бывало прихворнётся ему, он приказывал мне: ну-ка, скажи твоей матери-старице, чтобы она приехала ко мне на целый день; она такая рассказчица-краснобайка, особливо о старине, что и болезнь забудется. Я в один раз отправил ещё с утра мою матушку и сам приехал часам к 12. Благословив меня, Владыка, несмотря на явную болезненность, проговорил с весёлым видом: «видишь, мне слава Богу и полегчало... Вот мы с ней уже чего-чего не переговорили и всё про старину. Ведь и Псалмопевец недаром изрёк: *помянух дни древние и поучахся*... а не сказал воззрех на современные, текущие дни... Да и замечательно, – прими и ты навсегда для себя к сведению, что когда люди уже совсем стареются, то удивительная бывает у них память обо всём, что было за несколько десятков лет от самого детства, а что было на самых недавних порах, то как сквозь решето... Нас-то, ведь, не учили наукам – психологическим и физиологическим... но теперь я глубоко, по опыту, понимаю эти законы, что и вправду так должно быть. – Верно изречение – Seniores tamquam juniores – (старый что малый)... И вот как раз, – продолжал дядя Владыка, – речь у нас зашла теперь о её батюшке, твоём дедушке *Григории Андреевиче*. Ведь ты и сам помнишь его, когда он приезжал в *Калугу*». Это меня действительно заинтересовало, так как много сохранилось у меня детских воспоминаний, проверить и восполнить которые, для меня было интересно, как материалы для биографии. Всё

содержание излагаемых сведений мы передадим теперь собственно от лица покойного Владыки *Антония*, со включением и прочих вышеуказанных данных.

"Дедушка *Григорий Андреевич* был весельчак до забавности даже и для нас бывших тогда детей, – говорил покойный Владыка *Антоний* (об этом припомнят читатели в изложении о проводах *Филарета* ещё из *Уфы*)[360]. Дедушка этот гостил собственно в нашем доме, куда я поэтому весьма часто был отпускаем. Сам Владыка-дядя тоже любил приезжать попросту. Дедушка прибыл в *Калугу*, как раз когда старшая сестра моя *Вера*, его внучка, была уже засватанной невестой, поэтому по русскому обычаю весёлость дедушки была особенно кстати. Тут на первом же плане являлся не раз и Преосв. *Августин*, Епископ Уфимский». Не имея места представить здесь всю картину, как изображал её нам покойный Владыка *Антоний*, который и сам-то впервые узнал эти обстоятельства, мы тем не менее, можем высказать, что нужно, так как и нам самим приводилось не раз слышать рассказы о. *Григория Андреевича* о бытности его в *Калуге* у свата – Архиерея. Потому и мне пишущему интересно и приятно было выслушивать сказания Владыки *Антония*, чтобы проверить и свои воспоминания – детские же. Что относится к моим воспоминаниям, я (пишущий) помню особенно твёрдо, как о. *Григорий Андреевич* во все большие праздники – в Рождество Христово, Св. Пасху и ещё 1 Декабря (день именин Владыки *Филарета*) являлся непременно в подаренной ему от свата, Владыки *Филарета*, рясе атласной, тёмного, вишнёвого цвета на шёлковой подкладке. «Вот, – приговаривал он в среде семьи и кружка бывавших гостей, – и я по ряске-то чуть не Архиерей, – вот тут должна быть и звезда орденская», причём указывал он на дырочку на грудной стороне ряски, где прикреплялась звезда у Преосв. *Филарета*. А теперь-то у него – как Митрополита, столько звёзд и орденов всех, что вся грудь, как есть, унизана крестами и звёздами, и жаловать-то, говорят, ему уже больше нечего[361]. И в самом деле, как не подивишься и как не скажешь, что Преосв. *Августин* был в своём роде пророк-прозорливец... Ведь он, выезжая из *Уфы* (в 1818 г.) на покой, при последнем благословении, сказал мне: «Ну ты знаешь, что роденька-то твой, *Филарет* вышел теперь на большую дорогу (в это время был он Ректором МДА); скоро будет и Архиереем и затем дальше в гору и в гору и превзойдёт всех... Благо, что в своё-то время я проучил, проутюжил его, как следовало..., небось до гроба не забудет». Эти слова *Августина* я, – говорил о. *Григорий*, – передавал в точности и своему Владыке *Филарету* в бытность мою у него в *Калуге*".

Преосв. *Августин*, – как уже сказано, – был на первом плане

воспоминаний действительно на эту именно тему. Дедушка, будем говорить словами рассказа Высокопр. *Антония*, по весёлости и забавности своего характера, и самые грустные воспоминания о пережитом *Филарет*ом тяжёлом состоянии в *Уфе*, умел как-то выражать и изображать в особенно занимательном, и для нас детей, роде и тоне. Тут была речь и о туфлях разбитых, и о лаптях, и о руготне, и других проследованиях со стороны Преосв. *Августина*, – и о горемычных песенках на счёт *Августина*, и о портрете его, перевертываемом лицом к стене, экземпляр которого о. *Григорий Андреевич* привёз в дар от себя в память свату – Преосв. *Филарету*. Батюшка же и матушка, особливо последняя, не умедлили высказаться и о заезде *Филарета* к ним из *Тобольска* в Миасский завод, когда состояние его было тоже ещё неопределённое, и когда у него не было, на что купить и дорожной, тёплой одежды и пр. и пр. Впрочем, когда дедушка позволял себе при своих воспоминаниях и рассказах немножко как бы подтрунивать над бывшим Преосв. *Августин*ом, а с тем вместе, хотя и без лести, но не совсем умеренно, представлять настоящее состояние *Филарета*, как Архиерея, вполне обезопашенным, и как бы на степени полнейшего благополучия, чуть не блаженства..., тогда Владыка дядя со своей стороны, хотя видимо и разделял подобные воспоминания и рассуждения своего свата, – но в тоже время воздерживал себя, (что особенно было заметно для всех даже и для нас, детей), со всем смирением пред всеми судьбами в прежней жизни своей, и с глубочайшей почтительностью к имени Преосв. *Августина*... «Ну, сват мой любезный, как ты ни толкуй, а я своё тебе скажу и всегда и всем до гроба моего стану свидетельствовать, что оного времени я не только не помяну лихом, но считал и считаю страшным, смертным грехом, чтобы и заикнуться в этом роде на счёт виновников, пережитых мной, скорбей, – разумею не только *Августина*, но и *Амвросия* Орловского. Без этих, хотя суровых наставников, Бог весть, что было бы со мной[362]. Что я теперь Архиерей, то случилось Божьей милостью, как и вообще *благодатию Божиею есмь, еже есмь*». Что архиерейство представляется в глазах других так, как и ты, сват, теперь изображаешь и видимо соутешаешься моему благополучию и пр., то и это далеко не так в истине и действительности. Все смотрят обыкновенно на архиерейские богатые покои, на карету с четвернёй, на бархат и шёлк на их рясах, на чествование их и поклонение перед ними... – но ведь, избави Бог, как бы не услышать слова: «*благая восприял еси в животе твоём*». Нет и нет, сват, – ты забудь навеки ублажать меня, смотря на настоящее моё положение». И замечательно, присовокупил при этом Высокопр. *Антоний*, что дядя-

Владыка проговорил от слова до слова то, что привелось мне прочитать в одном из его писем относящемся к дальнейшему уже времени. Эти слова в указываемом письме следующие: «Мы живём во времена скорбей и искушений, которые по-видимому, как бы не ощущаются нами, но которые так внедрились в моём сердце, что я не хочу и не могу видеть истинных чад Божиих, живущих на земле, точию пребывающих в скорбех и искушениях... здесь истинное злато в горниле и пр.»[363]

Наконец, что особенно осталось для меня памятным, в частности из описываемого времени, – говорил Высокопр. *Антоний*, – это разговоры между Владыкой и дедушкой Уфимским о тогдашнем воспитании детей и вообще о домашнем, семейном быте в среде духовенства. У дедушки было трое сыновей, коих всех знал лично ещё детьми Владыка *Филарет* в бытность в *Уфе*; – а один из них, младший Яков, бывший при нём в Московской Академии, теперь находился тут же, приехавши тогда из *Витебска*, где он служил чиновником Ген. Губернатора, нарочито для свидания с о. *Григорием*. Владыка с него-то и начал речь: «вот Яков-то твой[364] больно нестатно поступил, что ушёл из духовного, родного звания в светское, хотя служит-то и хорошо. Ну а что другие-то как у тебя сынки?» На это дедушка с каким-то самодовольством сказал: «ну уж сынки-то мои *Петруша* и *Ванюша*[365] вышли из под моего воспитания не баричами, и в священстве-то примерные. Вот, когда мы после страшного, бывшего в 1816 г., пожарища строили новый дом общий для всех, хотя *Петруша* был уже Диаконом, а *Ванюша* уже кончил курс, то они истинно удивили меня своею работящностью; они сами ездили за брёвнами на реку *Белую* версты за три и ездили туда в простых зипунах и на босу ногу, несмотря на то, что нужно было проезжать через всю улицу Казанскую, а там, при выгрузке брёвен, приводилось им быть в воде чуть не по пояс... Да и сам-то я, ведь ни топора, ничего мимо своих рук не пропускаю»[366]. Дядя Владыка,– продолжал Высокопр. *Антоний*, – выслушивал всё это с явным одобрением и удовольствием, и о себе вспоминал, что он тоже хаживал до самой философии в зипуне, а бывало и в лаптях и просто босиком, а по части работ тоже любил всегда и топор, и серп, и вилы, и косу. При этом он указывал ближайшим образом и на Семинарию и на училища Калужские, в которых многое множество недостаточных учеников, у коих и куска-то дневного не всегда достаёт. И вот тут-то, – говорил он дедушке, – и поймёшь, что значит архиерейство, когда каждый год в Семинарию, а тем паче в училище, навезут целую гурьбу ребят-голышей, особенно сирот, – которых к тому же и помещать в бурсы-то нет решительно местечка, а отпускать вспять домой на произвол судьбы, ведь

это уже чисто значило бы подставлять себя под приговор св. Апостола: «*аще кто о своих, паче же о присных, не промышляет, веры отвергся есть, и неверного горший есть*», (1Тим. 5:8).

Не распространяя более приводимых рассказов, содержание и значение которых, несомненно и без того, вполне понятны читающим, мы присовокупим только то, как все подобные чувствования, рассуждения и действия в Бозе почившего Высокопреосв. *Филарета* были всегда искренни и неизменны на всю жизнь, начиная с первой его паствы Калужской. Вполне достойнейшей и назидательнейшей в этом отношении иллюстрацией может служить следующее письмо в Бозе почившего, писанное ими бытность его уже Митрополитом Киевским[367] к бывшему тогда Викарию его в *Киеве* – Преосв. *Иннокентию*, по поводу представленного ему отчёта по ревизии Киевской Семинарии и училищ и составленного, по его выражению, *по ревности не по разуму*... «То правда, что ученики спять и по двое на одной кровати, и ходят в халатах иные без поясов, ходят и босиком... И что ж?... Я сам очень знаю бедность содержания учеников и тесноту и проч., да зачем так высчитывать всё... и с такой подробностью говорить, например, о подштанниках и т. п. и открывать таким образом матернюю наготу?! Я сам до самой философии ходил и в лаптях, и босиком, и не только в халате, но и в сером зипуне. И что же, – ужели лучше оставлять сих бедных малюток в домах родительских без всякого обучения?! Извольте милостиво послушать, так ли и мне платят за то, что я сам от себя *пять тысяч* рублей жертвую (на содержание сих бедных) ежегодно[368]. Верно, что ревизовавший сделал такое описание по ревности к улучшению содержания учеников; но *ревность не по разуму* влечёт обыкновенно за собой вредные последствия».

О родственно-любивых чувствах и отношениях Высокопр. *Филарета*, в особенности к описанному семейству брата его *Гавриила*, мы увидим ещё много сведений впоследствии, когда Высокопр. *Филарет* был уже архиепископом в *Казани*, и в эту пору брат его скончался, оставивши большое семейство.

В заключение всего изложения об истинно-благостных, в духе архипастырско-отеческом, действиях и отношениях Преосв. *Филарета* ко всем без изъятия своим пасомым мы должны указать и на то, с каким глубоким участием относился он и к тем, кои по слову св. Апостола, *от нас* (из среды Православных) *изыдоша, но не быша от нас*. Это – раскольники, которых, как уже замечено, было весьма немалое число и в самой *Калуге*, и в особенности, как в главном их гнездилище, – в г.

Боровске. Каково было это участие, или прямее сказать, как болела, ревнующая о спасении всех ближних, христолюбивая душа сего Архипастыря, мы тоже видели уже из его прощальной речи с его Калужской паствой, где он от полноты и глубины чувства, взывал ко Господу: «Господи, Сердцеведче, Ты веси, сколько сердце моё воздыхало, и будет воздыхать к Тебе, да сей знаменитый благочестием и добродетелями град очистится от последних останков заблуждений и суеверия. Соверши над ним милость сию. Да будут все – едино стадо, и Ты един Пастыреначальник». Что эти воздыхания были не одни лишь выражения чувствований, но были отражением и отголоском самой ревностной деятельности Преосв. *Филарета*, на это в делах архива Калужской епархии имеются несомненные, разнообразные данные. Цитируемый не раз нами, Автор[369], имевший под руками этот самый источник, пишет: «Охранение стада Христова от расхищения, предохранение от увлечения бреднями раскольников и обращение последних на путь истины – было одним из самых главных делом, которое предстояло вниманию *Филарета* на епископстве в *Калуге*. Изворотливость и хитрость раскольников в деле совращения истинных сынов Церкви Христовой сильно смущали его, и ему предстояла немаловажная борьба; но эту борьбу он вёл всегда, как добрый воин Христов, облечённый во всеоружие слова Божия, не прибегая однако, к мерам насилия и стеснения. Он боялся оскорбить человека насильственным посягательством на его свободу, и потому употреблял лишь нравственные меры убеждения, которые с тем вместе, и выражал всегда в самых искренних молитвенно-благожелательных чувствованиях и в сердечных воздыханиях, о коих торжественно засвидетельствовал сам в своей прощальной речи. Есть сведение, что Высокопр. *Филарет* вступал в частные или общие собеседования с раскольниками не иначе, как повторяя про себя все те ектенийные прошения и ту молитву, которые положено возносить по чинопоследованию в »*Неделю Православия*«, и которые он от слова до слова знал наизусть. А чтобы смягчить, насколько возможно, предубеждение и даже ожесточение некоторых из слышавших его собеседования в том отношении, что-де «архиереи и попы делают обращение и увещание к раскольникам или из своих видов, или только по приказу», Высокопр. *Филарет* в большинстве употреблял многие, самые подлинные выражения из ектении и молитвы, этим самым наперёд давая разуметь упорствующим, – в каком духе, в каких чувствах и в каких видах предлагаются им увещания[370]. «Для подобных личных собеседований, – говорится в сведениях, – Преосв. Калужский *Филарет* нарочито ездил

иногда в г. *Боровск*, и там по нескольку часов кряду вёл с раскольниками общие собеседования, в которых раскрывал им всю несправедливость их взглядов. А дабы успешнее действовать на заблуждающихся и с тем вместе оградить пасомых, могущих уклоняться на сторону раскольников, он в те места, – где особенно был распространён раскол, назначал людей достойных и особливо хорошей нравственности; письменно и устно давал им наставления, как обращаться с отпадшими от Православной Церкви, советуя обходиться с ними кротко и мирно».

Насколько же сам Преосвящ. *Филарет* обладал особенной способностью обхождения с заблуждавшимися и через это действительно имел всегда личное влияние на некоторых бывших в расколе, об этом мы уже видели отчасти факты. Приведём здесь ещё факт следующий, сообщённый записавшему его лицу впоследствии в *Киеве*. Купец в *Калуге NN* втайне был расположен к расколу, но приобщался от единоверческого священника, который однако обязан был приходить к нему на дом со Св. Дарами. Владыка *Филарет*, бывший Калужским Архиереем, узнав об этом, прямо говорил этому купцу: «Смотри, ты вот не хочешь теперь сам приходить ко Христу Спасителю и чуждаешься Церкви: зато придёт время, когда и пожелаешь прийти, но не придёшь, да и к тебе Христос Спаситель не придёт». Не вразумившийся Пастырским советом умер без покаяния[371]. А что вообще личное влияние Преосв. *Филарета* на заблуждавшихся, как было в своё время, так и оставалось надолго в среде последних. По сказанию доставителя сведений, при самых проводах Преосв. *Филарета* было немало лиц из раскольников, даже в храме соборном, и на иных из них самые слова молитвенного воззвания архипастырского произвели истинно небывалое для них впечатление. По словам их самих, они как бы не верили, чтобы у нынешних архиереев была такая Христоподражательная ревность о спасении заблудших. По рассказам, лично нами слышанным в последнее время в 1884 г. в бытность в *Калуге*, между единоверчествующими и всецело обратившимися в Православие имя Преосв. *Филарета* остаётся до днесь в предании, как приснопамятного Архипастыря и в особенности как усердного молитвенника и как церковного «*собеседовника*». Потому и печатные его «*толковательные Беседы*» сохраняются у многих и единоверчествующих и даже некоторых держащихся раскола, в ряду книг истово учительных; равно имеются у иных списки, писанные полу-уставом, с самой его последней, прощальной речи, – и даже с того поучение, которое произнесено было Высокопр. *Филарет*ом по поводу начавшегося распространяться издания книг Св. Писания, – к чему он сам с первого раза относился с полным сочувствием

и располагал пасомых; но впоследствии изменил свой взгляд и убеждение в отрицательную сторону, собственно против изданий Библейского Общества, а затем и против дальнейших предприятий подобного рода, оканчивая самым даже тем, которое возникло по рассуждению самого Св. Синода в 1856–1857 г.

Отдел VII. Отношения Высокопреосвященного Филарета к делу о переводе Священного Писания на Русский язык

Глава XIX. Библейское Общество. Официальное отношение Высокопр. Филарета к Обер-Прокурору Св. Синода Графу А.П. Толстому по делу о переводе Священного Писания на Русский язык

«Изложив сии мои мысли с глубочайшим смирением пред Богом, словом Его святым и Православной Церковью, приближаясь ежедневно к кончине моей и готовясь предстать пред нелицеприятный Суд Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, всем сердцем молю Его Благость, да не по мудрованиям человеческим, а по Премудрому Промыслу Своему Сам Он устроит, якоже весть, лучшее и полезнейшее касательно сего чрезвычайно важного дела, и да сохранит мир в Православной Церкви Своей»[372].

В своём месте[373] сделано было нами предуказание на особое изложение дела по вопросу о переводе Священного Писания В. и Н. Завета на Русский язык, предпринятом ещё в 20 годах бывшим тогда Библейским Обществом и затем возобновлённом в 1856–1857 гг. Хотя это дело по окончательному своему результату, на котором, со своей стороны, остановился Высокопр. *Филарет* в отрицательном смысле вопреки общему его решению в Св. Синоде, относится к самому концу его жизни (1856–1857 г.), но мы считаем необходимым изложить это дело в настоящем именно месте потому, что

– во-первых, сам Высокопр. *Филарет*, в изложении оснований и соображений для своего отрицательного результата в разрешении этого дела, сделал, прежде и главнее всего, указание на самый первоначальный источник его – «*источник*, – по буквальному его выражению, – *мутный* и *ядовитый*, разумея под сим последним именно *Библейское Общество*.

– Во-вторых, этого изложения в настоящем месте (за описываемую пору служения преосвященного *Филарета* собственно в *Калуге*) требуют особые обстоятельства, сопривходящие в историю Библейского Общества и других мистических и пропагандистских его действий.

– В-третьих, в самом ходе дела, начатого Св. Синодом (в Сентябре 1856 г.) о потребности перевода Св. Писания на Русский язык, против чего выступил со своим отрицательным мнением Высокопр. *Филарет* Киевский, не раз встречаются официальные указания со стороны, опровергавшего это мнение, Высокопр. *Филарета* Московского, – именно на время служения первого ещё в *Калуге*, – указания в том прямом смысле

и значении, что в эту-де пору (в 1824–1825 гг.) он (*Филарет* Киевский) судил о том, что теперь (в 1857 г.) отрицает, совершенно иначе... именно, стоял за потребность перевода на Русский язык[374]. Наконец,

– в-четвёртых, изложение всего этого дела здесь теперь, по нашему мнению, необходимо в тех видах, что в излагаемом деле изобразятся, наперёд представятся взору читающих, весьма рельефно многие отличительные, самые высокие, светлые черты личности жизнеописуемого Первосвятителя, «совершенно вопреки тому, что в роде немалой тени, налагаемо было на его личность в своё время как по отношению к настоящему делу, – (отрицаемому им переводу Св. Писания), так и по части иных, доходивших будто бы у него до крайности, и консервативных его взглядов и убеждений в делах и вопросах по разным сторонам Церковного управления и духовно-религиозной жизни»[375].

Сведения о существовавшем (1812–1826 гг.) Библейском Обществе и, в частности, о переводе Св. Писания на Русский язык вошли уже в последнее время в историю[376]. Из этих исторических данных мы возьмём только несколько сведений, и то самых кратких, чтобы ознакомить читающих с сутью деятельности и направления Библейского Общества.

Библейское Общество было открыто в 1812 г. и деятельность его с первого же раза пошла весьма быстро и успешно. Сам Государь АЛЕКСАНДР I отнёсся к Обществу с полным сочувствием и записался в число членов его, с ежегодным взносом от себя по 10.000 руб. ассигнациями и единовременно на первых порах внёс 25.000 руб. ассигнациями. Впрочем, в эту начальную пору Общество имело задачей распространение Св. Библии собственно между живущими в России иностранцами и инородцами и только на их языках. Затем, в 1814 г. Общество получило от Государя право издавать Библию и на языке Славянском для Русских. Наконец, в 1816 году бывшим Председателем Общества князем *Голицыным* было заявлено, что «многие из Русских, по свойству получаемого ими воспитания, будучи удалены от знания Славянского наречия, не без крайнего затруднения могут употреблять, издаваемые для них на сём единственном наречии св. книги»[377]. Чтобы устранить такое явление, Русское Библейское Общество, в лице своего Президента, того же князя *Голицына*, вошло в Св. Синод с предложением о дозволении предполагаемого перевода Библии на Русский язык. Св. Синод, найдя это предложение совершенно законным и полезным, положил «поручить Комиссии духовных училищ, чтобы она избрала в Санкт-Петербургской Духовной Академии способных лиц для этого важного дела»[378]. Комиссия духовных училищ 16 Мая 1816 года определила:

«предоставить перевод Библии Ректору Санкт-Петербургской духовной Академии Архимандриту *Филарету* с прочими членами её, избранными самой Комиссией». С этого времени дело перевода Библии на Русский язык и пошло на первых порах довольно быстро, так что в продолжение двух-трёх лет было переведено около десяти священных книг. Но дело встретило скоро несочувствие со стороны некоторых влиятельных духовных и светских особ: к числу первых принадлежал и *Филарет*, Митрополит Киевский, бывший тогда Епископом Калужским.

При указании здесь на личность *Филарета*, в ряду не сочувствовавших делу Библейского Общества, должно заметить, что это несочувствие с его стороны не было и не могло ещё быть вполне заявлено самым делом в описываемую пору по самому иерархическому положению. Несочувствие его в прямом смысле выразилось уже после совершенного прекращения (в 1826 г.) самого существования Библейского Общества, именно в первый раз тогда, когда снова начали появляться (в 1840–1842 гг.) опыты переводов Св. Писания Ветхого Завета на Русский язык – Протоиерея *Павского* и Алтайского миссионера Архимандрита *Макария*, и когда Высокопр. *Филарет* по званию Члена лично присутствовал в Св. Синоде; во второй же раз, когда был поднят и решаем в самом Св. Синоде (в 1856–1857 гг.) вопрос о необходимости перевода всей Библии на Русский язык. Но, как уже замечено нами, по этому последнему делу Высокопр. *Филарет* в самых первых строках своего отрицательного мнения прямо указал на бывшее по этому предмету дело Библейского Общества и тут же засвидетельствовал в отношении к нему не только своё несочувствие, но прямое отвержение его, как явившегося из *мутного* и *ядовитого* источника. Вот буквальное изложение в его отношении к бывшему Обер-Прокурору Св. Синода, Графу *Ал. Петр. Толстому* (от 1 Января 1857 г.).

«Ваше Сиятельство! Изволите усмотреть, из какого *мутного* и *ядовитого* источника явилась на святой Русской земле мысль о переводе Библии, блаженным предкам нашим чуждая. Поручаю Вашему благоразумию и усердию к святой Православной Церкви и отечеству употребить сии сведения к сохранению неприкосновенности родного нам Славянского текста священного Писания, который я в глубине души моей почитаю отечественной святыней нашей. До сведения Его Императорского Величества, вероятно, ещё не дошли все подробности сего дела... На Вас лежит обязанность всеподданнейше доложить Помазаннику Господню[379] обо всём обстоятельно, по долгу служения Вашего. Бог свидетель! я не имею в душе моей ни малейшей мысли предосудительной для моих

собратий и сослужителей, согласившихся на восстановление перевода священного писания Ветхого и Нового Завета на Русское наречие. Я всех сердечно почитаю ревнителями Православия и пастырями, пекущимися о назидании вверенных им паств. Но при всём моём глубоком уважении к их достоинствам и к дружбе, не могу с ними согласиться на восстановление перевода».

Почти одновременно с этим, в другом отношении, на имя того же г. Обер-Прокурора[380] и Высокопр. *Филарет* писал ещё, между прочим так: «Хотя, по немощам моим, нахожу весьма трудным для себя дать Вам вполне удовлетворительный ответ в деле столь великой важности, но призвав Господа Бога на помощь, пастырским долгом моим поставляю изложить мои мысли, по крайнему моему разумению и по убеждению совести моей, пред очами Божиими, без малейшего пристрастия. Я не участвовал ни в переводе Библейским Обществом Св. Писания на Русское наречие, предпринятом у нас в начале нынешнего столетия, ни в остановлении сего перевода, вскоре за тем и последовавшем, но по долгу звания моего тщательно следил за *ходом сего важного дела* во всё течение долговременного служения моего Святой Православной Церкви и Отечеству».

Из сейчас приведённых документов очевидно, что Высокопр. *Филарет* питал несочувствие к бывшему переводу Библейского Общества ещё в самое время его совершения и, что главное, в какой мере он особенно тщательно следил впоследствии за ходом сего дела, в такой же не только не изменялось его несочувствие, а постепенно более и сильнее возрастало, так, что когда от него потребовалось официальное, открытое слово, мы видим не несочувствие только, но прямое отрицание и даже в смысле протеста против вновь начавшегося дела – перевода Библии на Русский язык. «Ещё прежде – писал Высокопр. *Филарет* в сказанном отношении к Графу *А.П. Толстому,* – во время пребывания Вашего Сиятельства в *Киеве,* в личной беседе со мной угодно было Вам предложить мне вопрос: «нужно ли и полезно ли перевести теперь Св. Писание на Русское наречие? Что и как я отвечал Вам тогда, тоже и так же и теперь ответствую. В настоящее время настоит у нас надобность не в переводе Св. Библии на Русское наречие, а напротив, в особенном прилежном изучении Славянского языка во всех наших духовных и во всех светских заведениях и в повседневном прилежном чтении всеми Православными на этом языке Священного Писания. Иначе, чего Боже сохрани, если после перевода Библии вздумают и начнут переводить на язык Русский и книги Богослужебные, составляющие главное после

Библии и вернейшее и полезнейшее средство для всех сынов Российской, Православной Церкви к назиданию их в вере и благочестии».

При первом взгляде на эти суждения и отзывы Высокопр. *Филарета*, можно бы прийти к мысли, что это голос только консерватизма, и что последний исходил главным образом из личного, глубочайше религиозного настроения души его и такого же благоговения перед Священным Писанием и пламеннейшей ревности о ненарушимости Богодухновенных истин даже в слове; – но не то встречаем во всех тех основаниях и соображениях, какие находим в подлинном, пространном сообщении его Обер-Прокурору. Читающие и без всяких комментариев[381] восчувствуют и сознают всю глубину и неотразимость силы и значения этих оснований и соображений.

Приводим в подлиннике указываемое сообщение Высокопр. *Филарета* Графу *А.П. Толстому*.

Прежде всего до́лжно обратить внимание на пути Промысла Божия, Который без сомнения, паче всех бодрствует и премудрее всех мудрований человеческих печётся как о распространении между народами Слова Божия, так и сохранении его во всей чистоте и не повреждённости. Так:

1) Богу угодно было первоначально сообщить Слово сие избранному народу Своему – Израилю, на одном только Еврейском языке, и хотя народный язык с течением времени, с ходом исторической жизни народа Божия, конечно изменялся, а особенно после плена Вавилонского далеко стал уже не тот, каков был прежде и на каком писаны Священные книги. Однако же Богу не угодно было, чтобы они переложены были на новый народный язык, а оставались они неприкосновенными на древнем языке, тщательно хранились от малейших изменений, а для уразумения народу читаемы были в синагогах с объяснением от учителей народных – священников и левитов, Самим Богом на сие поставленных.

2) Когда приближалось время пришествия Христова, то Бог, предвидя что Евреи отпадут от истинной Церкви Божией и что, не признав Иисуса Христа Мессиею, они из ненависти к Христианству могли бы решиться на повреждение Еврейского текста, особенно в Пророческих книгах, ясно обличающих их заблуждение, премудрым Промыслом Своим так устроил, что сами же Евреи, и притом учёнейшие из них, перевели книги Ветхого Завета на Греческий, тогда общеупотребительный язык, и таким образом перевод *семидесяти толковников* поставлен Самим Богом твёрдым и нерушимым оплотом против ожесточённых врагов Христианства, – Еврейских раввинов. Перевод этот принят Новозаветной Церковью, как совершённый и под несомненным руководством Духа Божия, и под

особенным смотрением Промысла Божия так, что даже Апостолы приводили места из Ветхого Завета по сему самому переводу, а Отцы Вселенской Церкви постоянно имели оный, равно как и книги Нового Завета, написанные уже Апостолами на сём же самом языке, непогрешимым руководством в определении догматов Веры и в деле спасения, и Вселенские Соборы им руководствовались в составлении Православного исповедания Веры и обличении еретиков.

3) Матерь наша, Церковь Восточная, Греческая, перевод *семидесяти* вместе с первоначальным текстом Нового Завета с самых первых веков постоянно признавала столь Священным и неприкосновенным, что никогда не покушалась и не признавала нужным перелагать Священные книги на какое-либо новое наречие, несмотря на то, что с течением времени язык Греческий видоизменялся и более и более удалялся от языка Священных книг. Хотя же ещё в первых веках известны были другие переводы Ветхого Завета, как то: *Акилы, Симмаха, Феодотиона*, но сии переводы сделаны не Церковью, а частными лицами, не признаны и не утверждены Церковью и не были отнюдь в общенародном употреблении. Вместо перевода на народный язык Отцы Греческой Церкви внушали народу читать Св. Писание на том самом языке, на котором оно первоначально принято, а для уразумения его смысла старались объяснять оный народу, причём держались главнейшим образом перевода семидесяти.

4) Такое глубокое уважение к древнему Греческому тексту Священных книг и живое убеждение в его неприкосновенности было всегда, и доселе продолжается в Церкви Греческой. Она и ныне, под тяжким игом Магометанства, как твёрдо хранит во всей чистоте догматы Православной веры и Богослужение на древнем своём языке, так имеет у себя и единый только текст Священных книг – древний, и не помышляет о переводе на новое наречие. Хотя же в новейшее время сделан и напечатан был перевод Нового Завета – и только Нового – на ново-Греческий язык, и хотя в предисловии, напечатанном при издании Нового Завета на Русском наречии сказано: «что из отчёта Российского Библейского Общества за 1814 год видно, что в Церкви Греческой Патриаршей грамотой одобрено народу чтение Священного Писания Нового Завета на новейшем Греческом наречии, но свидетельство Библейского Общества не есть свидетельство самого Патриарха. Если бы действительно существовала таковая грамота, то она верно, напечатана была бы при издании Нового Завета на новейшем Греческом языке. Но сего нет, а потому и существование таковой грамоты подвержено сомнению. Напротив

известно, что этот перевод сделан вовсе не Греческой Церковью, а под влиянием Английского Библейского Общества. И сделан не только не с благословения Иерархов Греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле, и в недавнее ещё время, при Патриархе Константинопольском *Григории*, отвергнут, осуждён и множество экземпляров оного отобрано у народа и сожжено.

5) Когда приспело блаженное время обращения в Христианскую Веру Славянских народов, Промысел Божий так устроил, что и для них сделан был перевод Священного Писания на родной им Славянский язык и Ветхозаветные книги переведены не с Еврейского текста, а именно с Греческого *семидесяти толковников*, – сделан мужами Святыми, можно сказать Равноапостольными, *Кириллом* и *Мефодием*, следовательно несомненно, под особенным смотрением и руководством Духа Божия. Сей перевод предки наши приняв, хранили неприкосновенным, как неоценённый дар и благословение свыше; от них и мы получили сие драгоценное наследие. Сколько веков прошло уже и сколько тысячей тысяч перешло из недр Церкви Русской в Царствие небесное, и какие великие угодники явились при руководстве Слова Божия, читаемого или слушаемого на древнем родном нашем языке! Между тем никогда блаженные предки наши, подобно как и в Греческой Церкви, не помышляли и не считали нужным делать новый перевод, смотря по видоизменениям народного языка в разные времена. Только по временам Иерархами нашими, – равно как в прошедшем столетии при Императрице ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ Святейшим Синодом при новом издании Библии, делаемы были незначительные перемены в словах или выражениях, и тёмные, либо не точные и вкравшиеся ошибкой заменяемы другими, или поставляемы были на полях, либо под чертой пояснения; но самый основной текст оставался неприкосновенным.

6) Церковь Болгарская, Сербская и другие у единоплеменных нам Славянских народов, оставшихся Православными, также хранят у себя неприкосновенным древний перевод Св. Писания, и несмотря на то, что их народные языки ещё более удалились от древнего библейского языка Славянского, чем наш Русский, не покушаются перевести на теперешний свой язык как Библию, так и Богослужебные книги. И я совершенно согласен с Вами, так как и сам глубоко убеждён в том, что в этом обстоятельстве точно есть особенное премудрое устроение Промысла Божия, все Славянские народы, разделённые политическим своим положением, связующего как единством Православной Веры, так и единством языка, на котором все они читают Слово Божие и совершают

Богослужение.

7) Хотя в начале нынешнего столетия возникла у нас мысль о переводе Св. Писания на Русское наречие и изданы были на сём наречии Новый Завет и Псалтирь: но эта мысль родилась отнюдь не в Церкви Русской, ни в Иерархии, ни в народе, а точно так же, как и мысль о переводе на Новогреческий язык, в Англии, гнездилище всех ересей, сект и революций, и перенесена оттуда Библейскими Обществами, да и принята первоначально не в Святейшем Синоде, а в Канцелярии Обер-Прокурора оного, и развита в огромных размерах в бывшем Министерстве Духовных Дел. Такое начало, а равно и последствия сего дела, ясно показывают, что на нём не было благословения свыше: ибо и Министерство Духовных дел, вследствие сего особенно обстоятельства, уничтожено, и один из главных деятелей сего дела со стороны Иерархии, покойный Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский *Серафим*, когда увидел последствия сего дела, то восстал на сие со всей силой и перевод был остановлен Высочайшей волей блаженной и вечно-незабвенной памяти Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, хотя и были покушения к восстановлению такового перевода, но Он, проникнув политическую цель, столь враждебную Православной Церкви и Отечеству нашему, Английского Библейского Общества, во всё время славного царствования Своего до самой кончины не разрешал возобновлять сие дело.

Что касается до возобновления вопроса о переводе Св. Писания на Русское наречие в настоящее время, то мне не известны причины, побудившие к сему, а изложенные в присланной Вами ко мне *Записке*[382] отнюдь не удовлетворительны:

1) «Святые Пророки и Апостолы, – сказано в первом пункте *Записки*, – писали Священные книги на природном и общеупотребительном языке тех народов, к которым первоначально должны были поступить сии книги, и передавали оные в общее употребление в церковных собраниях и вне оных. Они же показали нам пример перевода с первоначального языка на другой, более употребительный. Так, Св. *Златоуст* пишет, что Св. Евангелист *Матфей* от Иудей веровавшим Еврейским языком сложи Евангелие, но в то же Апостольское время оно переведено на Греческий». Но и для Славянских народов, а следовательно и для нас, переведено Св. Писание на природный наш Славянский язык, общеупотребительный доселе у нас во всех церковных собраниях, и нельзя сказать, что непонятный для Русских и вне церковных собраний. Иное дело перевод Писания на язык целого единоплеменного народа, как то: на Греческий, Славянский, Латинский, Грузинский и проч.; что совершенно согласно с

путями Промысла Божия и Им Самим устрояемо было, а иное дело перевод на частное наречие одноплеменного народа. Если переводить на Русское наречие, то почему же не перевести потом на Малороссийское, на Белорусское и проч.?

2) «Святые Отцы, – говорится в *Записке*, – всегда побуждали верующих к чтению Св. Писания». Но побуждали к чтению на том самом языке, на каком оно было у них, отнюдь не помышляя, как сказано было выше, о переводе на народный язык. А для того, чтобы для народа было сколько возможно понятно Писание, они старались изъяснять смысл священных слов в церковных поучениях и особых истолковательных своих творениях. Это нужно и у нас[383], хотя бы и переведено было Писание на Русское наречие. Ибо, на каком бы наречии ни было оно издано, по высокости и глубине своей оно всегда будет требовать истолкования.

3. «Язык Славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в своё время, – говорится в *Записке*, – не таков уже в настоящее время. Для одной части Православного народа он становится вразумительным посредством прилежного упражнения в церковном Богослужении и чтении, но другая, более многочисленная, не имеет сего преимущества и требует Русского перевода книг, как пособия к уразумению Св. Писания». Итак, предполагаемый перевод назначается для тех, которые хотели бы, чтобы Св. Писание было для них вразумительно без прилежного упражнения и чтения!.. Но слово Божие есть кладезь глубокий, есть сокровище; так и нужно, чтобы разумение смысла его доставалось не ленивым, а прилежным искателям оного. Св. *Златоуст*, внушая постоянно своим слушателям читать слово Божие, вот как, между прочим, о сём учит: «Много нужно нам возлюбленные попечения, много бодрствования для того, чтобы иметь возможность проникать в глубину Божественных Писаний. Ибо иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла их: а нужно тщательное исследование, потребна кроме того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище слова Божия» (Беседа 21 на Евангелие Иоанна). Уже ли после сего, без прилежного упражнения и чтения, Св. Писание будет вразумительно, коль скоро мы будем иметь его на Русском наречии? Кто же читает его, с должным слову Божию благоговением, для того быть не может, чтобы оно не было вразумительно на Славянском языке, по крайней мере большей частью, особенно же книги Нового Завета, и для большей части Русского православного народа. Св. *Златоуст* опять так о сем рассуждает: «Что же, – скажут, – если мы не понимаем того, что содержится в Писании? Если бы ты и не понимал того, что содержится в Писании, всё-таки от самого

чтения ты получаешь великое освящение. Впрочем, и быть не может, чтобы ты ровно всего не понимал. В самом деле, кому не понятно то, что написано в Евангелии? Кто напр. слыша: »*блажени кротции, блажени милостивии, блажени чистии сердцем*« и другое сему подобное, будет иметь нужду в учителе, дабы уразуметь это? А знамения, чудеса, повествования не каждому ли ясны и понятны? Это только предлог, отговорка, покров для лености. Ты не понимаешь того что здесь содержится? Но и можешь ли когда-либо понять, когда ты вовсе не заглядываешь туда? Возьми в руки Библию, прочитай всю историю и, содержа в памяти понятное, чаще пересматривай непонятное и неясное. Если же не можешь и при постоянном чтении уразуметь то, что читаешь, пойди к тому, кто мудрее, сходи к учителю, объяви ему о том, что написано, покажи всё усердие. Бог видя, что ты прилагаешь столько старания, не презрит твоего тщания и заботливости. Если человек не объяснит тебе желаемого, то Он Сам без сомнение откроет тебе» (Беседа 3 о Лазаре).

4) «Что есть в Славянском переводе Библии места, – сказано в *Записке*, – в которых состав речи не вразумителен, и которые требуют сличения с первоначальным текстом Еврейским и Греческим», – это основание недостаточно к тому, чтобы делать перевод. Ибо *во-первых*, всё нужное ко спасению и необходимое к разумению всех вообще Христиан в Св. Писании и на Славянском языке, как сказано было выше, ясно, а этого для большей части народа и довольно и предовольно; *во вторых*, приходское духовенство в настоящее время довольно образованное в духовно-учебных заведениях и наставляемое там особой наукой в разумении труднейших мест Писания, по тому самому не нуждается в переводе, а для людей светского звания, желающих разуметь Св. Писание в полноте и совершенстве, нужно толкование, а не перевод. Обращаются к иностранным переводам разве те, которые не только малосведущи в Славянском языке, но мало уважают и Русский; таковые будут предпочитать иностранные переводы и Русскому, если бы он и был у нас. И здесь вина не в не имении у нас Русского перевода, а вообще в несчастном пристрастии к иностранному, которое ограничивать нужно другими мерами. Впрочем думаю, что число таковых и не так велико, дабы для них именно предпринимать столь неудобоисполнимое и опасное дело.

5) и 6) На сии пункты касательно начавшегося было у нас и потом остановленного перевода замечания изложены уже выше, и в них я не только не вижу достаточного основания к возобновлению сего дела, а напротив вижу причины, которые должны удержать от нового покушения

на сие.

7) Чтобы существовало народное требование именно Русского перевода Св. Писания, это не только не доказано, но и несправедливо. Из ста тысяч Православного народа может быть от десяти до двадцати требуют и покупают его, и из них ещё верно, наполовину только по любопытству, а не для назидания[384]. Между тем что народ удовлетворяется Славянском переводом, это ясно доказывается тем, что из одной Типографии Киево-Печерской Лавры ежегодно расходится великое число экземпляров Псалтири и Нового Завета на Славянском языке. Не доказывает народного требования на Русский перевод и то, если к нам вторгаются иностранцы со своим изданием Библии на Русском языке. Притом это очень важное обстоятельство должно быть расследовано внимательно, и нельзя в сём деле основываться только на свидетельстве других видевших, и против такового незаконного вторжения до́лжно принять надлежащие меры Правительство. Впрочем, с распространением Русского перевода, таковое вторжение не только не прекратится, но вероятно сделается ещё сильнее. Притом, имея в виду некоторых Русских, желающих иметь Св. Писание в Русском переводе, число коих впро́чем едва ли значительно, при рассуждении о сём деле отнюдь не до́лжно упускать из виду заблуждающихся братий наших – старообрядцев и раскольников, которым новый перевод Библии подаст без сомнения новый повод к упорному отчуждению от Православной Церкви и послужит к распространению раскола. Ибо если исправление Богослужебных книг подало повод к расколам: то чего не может последовать, когда явится новый перевод книг Св. Писания? Известно, что в то время, как учреждены были у нас Библейские Общества и появился Русский перевод некоторых книг, раскол усилился и распространился в больших размерах.

На основании изложенных в *Записке*, приложенной при отношении Вашего Сиятельства, соображений, составлено и *Положение* касательно возобновления дела о переводе Св. Писание на Русское наречие. Относительно сего Положения представляю следующие замечания:

1) В *первом* пункте сказано, что «дело это должно быть возобновлено не иначе, как с крайнею осторожностью, какой требует важность оного»; в *пятом* пункте также говорится, что «ход сего дела не может быть поспешен». Совершенно соглашаясь с этим, я по тому самому считаю необходимым, не спеша начинать дело сие, предварительно обсудить его со всей основательностью и со всех сторон; вполне признаю справедливым, что предварительно должно бы войти о сем в совещание и соглашение с Греческой Церковью: ибо выше сказано мною, что Греческая

Церковь у себя не допускала никогда и доселе не допускает для народного употребления никакого нового перевода Библии. Очень может случиться, что она и наш новый перевод Писания не признает Православным, и вследствие того огласит нашу Церковь, уклонившейся от Православия. Ибо известно, что и теперь в минувшую войну *Лорд Редклиф*, посланник Английский в Турции, требовал от Патриарха Константинопольского *Анфима*, дабы он объявил Церковь Русскую не Православной. Весьма нужно так же иметь в виду и то, что через новый перевод Библии нарушится союз единения нашего с прочими Славянскими Православными Церквами, который особенно блюдётся именно тем, что мы с ними имеем Библию и Богослужение на одном и том же Славянском языке. Ибо так же известно, что на Западе существует особое общество, утверждённое Папской буллой, для совращения Славян как в Австрийских, так и в Турецких владениях из Православия в латинство. По сему без сомнения общество сие, употребляющее для достижения своей цели всевозможные хитрые меры, воспользуется и новым переводом Св. Писания на Русское наречие, и миссионеры их станут внушать Славянам, что мы Русские, имеем и текст Св. Писания не тот уже, который предан всем Славянским народам Святыми *Мефодием* и *Кириллом*; и это тем опаснее, что латиняне считают сих просветителей Славян принадлежащими к их Церкви, и тогда к крайнему несчастью Православия, прервётся и последняя связь, соединяющая Славянские племена с нашим Отечеством.

2) "Во *втором* пункте сказано: «принять за правило, чтобы перевод был всевозможно точен и, чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными»; в *четвёртом* пункте, касательно перевода Псалтири замечено ещё, что *прежний перевод* до́лжно "*исправить по сличению Греческого и Еврейского текста*«. Вот и всё, что положено учинить касательно способа привести в исполнение дело такой чрезвычайной важности, как перевод слова Божия. Кому будет поручено это дело, где оно должно быть производимо, какие меры имеют быть приняты, чтобы оно совершилось вполне благонадёжно и благоуспешно, об этом ни слова. «Перевод должен быть по возможности точен». Но это правило крайне не определённо и при нём кто может ручаться, что новый перевод будет совершеннее прежнего, на котором например, в Псалтири некоторые места переведены совершенно не согласно с тем, как они приводятся в Новом Завете Апостолом *Павлом*, и что не явится такой же *нечестивый перевод пророческих книг*, какой не так давно был налитографирован в нескольких сотнях экземпляров и преподан в уроках в Санкт-Петербургской Духовной Академии?!

3) В *пятом* пункте сказано, что «производимый постепенно перевод имеет быть на первый раз «печатаем в одном из периодических изданий духовного Ведомства, чрез что откроется удобность усматривать суждения об оном и пользоваться ими для усовершения перевода». И не прилично и не безопасно для Божественной важности Священного Писания передавать для народного чтения незрелые опыты перевода оного, а особенно Пророческих книг, и затем вызывать ещё суждения о сём переводе всякого читающего[385]. Вообще по моему мнению, это дело отнюдь не может быть *делом школы* и предметом *школьнического занятия в Академиях*. Не так производились известные древние переводы: перевод *семидесяти*, перевод *наш Славянский*, даже Латинский. Точно, как и вы замечаете, одна учёность недостаточна для уразумения силы Богодухновенных словес Писания.

Вместо того, чтобы переводить Св. Писание на Русское наречие, я признал бы полезными для споспешествования народу в разумении слова Божия, следующие меры:

1) Оставив навсегда неприкосновенным основной текст Славянского перевода по примеру предков наших и Церкви Греческой, которая во всё время согласно с Российскою Церковью признавала его как освящённый древностью и преданный нам от Святых Славянских Апостолов – *Мефодия* и *Кирилла*, не излишне позаботиться о том, чтобы при новых изданиях Библии постепенно вводить некоторые частные исправления в тех местах, которые в самом деле, особенно не вразумительны, заменяя одни слова и даже целые выражения другими, яснейшими и точнейшими, или поставляя их на полях, либо под чертой в виде замечаний и пояснений, держась впрочем, строго Славянского склада и оборота речи.

Например: в книге Бытия в 3 главе в 15 стихе, очень можно и нужно против слов: *той твою блюсти будет главу*, под чертой или на полях заметить: *Той твою сокрушит главу*. Или в той же книге, в главе 49, ст. 10, против или даже вместо слов: *дондеже приидут отложенная ему*, поставить: *дондеже приидет Примиритель*, и т. п. Или же в Новом Завете, в Евангелии Матфея в 11 главе, стих 12 исправить так: *Царствие небесное с усилием восприемлется, и усильнии искатели восхищают е*. Или в 15 гл. Иоанна в стих. 22, вместо: *вины не имут о гресе своем*, поставить: *извинения* не имут; или ещё: в Послании Иакова, в главе 5, стих. 12, вместо: *да не в лицемерие впадете*, поставить: *да не осуждению подпадете* и проч. Пример сему мы имеем, достойный подражания, в издании Библии, сделанном Святейшим Синодом при Императрице ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ.

2) Дело сие можно начать первее всего, с издания Нового Завета, а потом приступить к Псалтири и целой Библии, и притом не делать оного предметом школьнических занятий, а составить для сего особенные Комитеты в *Киеве*, *Петербурге* и *Москве*, под непосредственным и личным руководством Епархиальных тамошних Архиереев, из лиц по их выбору, самых благонадёжных не только по образованию, но наипаче по благочестию, частью служащих при Академии, а частью и наипаче, если можно, совершенно свободных от учебных занятий, каковым Комитетам иметь главным образом пребывание в Лаврах. Сим Комитетам дело должно быть разделено по частям, впрочем, так, чтобы они обо всём взаимно сносились и соглашались между собой, для соблюдения должного единства в деле, а окончательная редакция всех поправок должна принадлежать непосредственно самому Святейшему Синоду.

3) Для Нового Завета в руководство должен быть принят подлинник Греческий, как с иностранных самых тщательных изданий, так наипаче употребляемый ныне Церковью Греческой; причём полезно иметь в виду и древние Славянские экземпляры, как то: Остромирово Евангелие, изданное *Востоковым* и Острожское издание. Для Ветхого же Завета, главнее всего до́лжно иметь руководством перевод семидесяти, толкование Св. Отец Церкви Греческих, а затем уже принимать в соображение, весьма впрочем осторожно, Еврейский подлинник: ибо на верность нынешних изданий Библии Еврейской полагаться никак нельзя, чему доказательством служит Русский перевод Псалтири, заключающий в себе, как справедливо замечаете Вы, нередко противоречие с истинным, т. е. с Православным смыслом Пророчеств[386].

4) Независимо от сего необходимо позаботиться о том, чтобы составить для народа и издать, краткое по возможности, толкование всего Св. Писания, выбранное из Отцов Церкви. Это дело может быть поручено по частям, как Академиям духовным, так и духовным лицам, известным своим образованием, благочестием и способностью к такому делу. Толкование печатать можно постепенно в периодических изданиях, выходящих при Академиях. Здесь, если что случится и не так, опасности не будет и ошибку легко будет поправить без соблазна для народа.

5) Так как знание Славянского языка в простом народе гораздо лучше сохраняется от того, что он усерднее посещает Богослужение и внимательнее слушает церковное пение и чтение, и весьма многие, даже из неграмотных, знают наизусть много Псалмов и песней церковных, – а слабо это знание преимущественно в высшем классе по пристрастию к иностранному, и по редкому, и невнимательному слушанию

Богослужения, а главнее всего от того, что дети сего класса начинают учиться не по Славянским азбукам, а по Русским: то, по мнению моему, надобно обратить на это самое строгое внимание. Должно издать от Святейшего Синода для обучения детей азбуки Славяно-Русские, по примеру старинной нашей азбуки, со статьями для первоначального упражнения в чтении на Славянском и Русском языках, выбранными из Библии, Богослужебных книг, Творений св. Отцов, в особенности *Дмитрия Ростовского*, и из Русских, самых назидательных и благочестивых книг, и требовать, при содействии Правительства, чтобы эти только азбуки были в исключительном употреблении у народа всех классов. Азбуки же и книжки, издаваемые ныне у нас во множестве, для обучения и первоначального чтения детей частными людьми, вовсе не признанными к сему, и наиболее для одной промышленной спекуляции, в которых не только совершенно вытеснен Славянский язык, но вместо благочестивых статей для первоначального чтения предлагаются самые пустые, если не вредные, сказки, басни и рассказы, – непременно следует изъять из употребления и издание подобных книг частным лицам впредь воспретить совершенно. Равным образом должно просить Министерство Народного Просвещения, Управление Военно-учебных заведений и Главный Совет женских учебных заведений, дабы и там принято было за непременное правило требовать, чтобы дети, поступающие в училища, непременно обучены были по тем же, от Святейшего Синода издаваемым книжкам и умели читать по-Славянски наравне с Русским. Эта мера, кроме того, что посредством её чтение Св. Писания на Славянском языке будет доступно и понятно для всех, может быть весьма полезна и в других отношениях: в детях, только что начинающих учиться, будет полагаться начало истинной премудрости – благочестие и страх Божий; и знание на память с ранних лет молитв, псалмов, Богослужебных песней и проч. на всю жизнь будет для них чрезвычайно благотворно, вместо того, что теперь, учась по гражданским азбукам, они и нередко, как жалуются Законоучители в учебных заведениях, поступая в училища, не знают даже самых первых молитв: Царю Небесный и Отче Наш, и не умеют вовсе читать по Славянски. Хотя после в Гимназиях они учатся нарочито Славянскому языку, но это уже мало приносит пользы, а в других заведениях, напр. в Военных Институтах и того нет.

6) Не излишне было бы наконец, для светских людей и вообще не знающих Славянского языка составить и издать словарь Славянских слов, употребляемых в Св. Писании с переводом и объяснением их значения на Русском.

Изложив мои мысли с глубочайшим смирением перед Богом, Словом Его Святым и Православной Церковью, приближаясь ежедневно к кончине моей и готовясь предстать пред нелицеприятный суд Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, всем сердцем молю Его благость, да не по мудрованиям человеческим, а по премудрому Промыслу Своему Он Сам устроит, яко же весть, лучшее и полезнейшее касательно сего, чрезвычайно важного дела, и сохранит мир в Православной Церкви Своей после того, как даровал благодатный мир Отечеству нашему через Помазанника Своего, Благочестивейшего Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Читая всё это изложение, поистине благоговеешь пред богомудренными взглядами и суждениями приснопамятного Архистарца – Первосвятителя. Как всё взвешено и исторически, и политически, и практически, и научно, – и притом сколько в отношении к бывшему, столько же, как бы прозорливо, и ко всему последующему, оканчивая самым настоящим, переживаемом нами фазисом в отношении к рассматриваемому предмету и делу. Чтобы не нарушить личного внимания и рассуждения всякого из прочитавших всё изложение, мы не берёмся даже делать какие-либо подробные комментарии. Так здесь всё полно, точно, веско, ясно и назидательно в каждом положении и в каждом пункте, и во всех выражениях. Это – истинно документ, достойный быть как бы законоположительным актом для руководствования на все времена в деле разрешения всякого подобного вопроса и начинания.

Со своей стороны мы обратимся теперь, собственно к тому, чтобы показать, – насколько действительно тщательно следил в Бозе Почивший, – как он сам засвидетельствовал об этом, – за всем ходом бывших разновременных переводов Св. Писания, из коих и указано им на перевод напр. Протоиерея *Павского*, названный им прямо *нечестивым*, а равно, несомненно, разумелся им и перевод архимандрита *Макария* (*Глухарева*), бывшего Алтайского Миссионера. В частности же и прежде всего мы не можем не указать, для окончательной полноты и ясности излагаемого дела на то, что хотя Высокопр. *Филарет* не участвовал, по его собственному свидетельству, «ни в переводе, предпринятом Библейским Обществом, ни в остановлении сего перевода, вскоре затем последовавшем», но нижеследующие данные покажут, что он не был безучастным и в этом деле, хотя и посредственно, и в особенности по поводу, напр. Катехизиса, составленного Высокопр. *Филаретом*, бывшим ещё тогда Архиепископом Московским, и подвергшегося запрещению в силу разных причин, а между тем одной, заключавшейся *тоже* в новомодном тогда *употреблении*

текстов Св. Писания вместо Славянского языка на Русском, взятых целиком из перевода, сделанного Библейским Обществом.

По поводу всего этого мы живо приводим себе на память, а многое было нами и записано, что высказываемо было покойным Высокопреосв. *Антонием* (бывшим Архиепископом Казанским) который, при разборе более важных биографических документов, каков в особенности и настоящий, сообщал много своих объяснений на основании ему известных от своего дяди сведений и своих личных воспоминаний и соображений. Имеются у нас подобные же сведения, сообщённые нам при личных собеседованиях о настоящем предмете с покойным Высокопр. Митрополитом Киевским Арсением и Андреем Николаевичем Муравьёвым[387]. Наконец такие же сведения имеются у нас в дневнике, ведённом бывшим Наместником Лавры. Изложение всех этих сведений будет в следующей главе.

Глава XX. Продолжение дела о переводе Священного Писания

«Там как хотят, а я сказал своё мнение; умолчать же или человекоугодничать в таком важном деле я почитаю самым ужасным преступлением. Притом меня спросили. Если бы не спросили, может быть так и прошло бы... Но когда меня спросили, я должен сказать правду не обинуясь. Впрочем, странно, – старик, готовящийся каждый день умирать, подал голос, – и вот до сих пор дело это лежит»[388].

Я и доднесь как нельзя более живо представляю, – рассказывал покойный Высокопр. *Антоний*, – все те свидания Владыки-дяди с Графом *Ал. Петр. Толстым*, тогда ещё не бывшим Обер-Прокурором Св. Синода, а находившимся в *Киеве* в конце Крымской войны по званию его Начальником Нижегородского ополчения, при которых у них велись беседы касательно предположений о переводе Библии на Русский язык. Я бывал и сам всегда при этих собеседованиях; к тому же Граф *Ал. Петр*., посещая меня в Академии[389], много высказывал своих мнений по чувству известной его христианской ревнительности относительно перевода, не скрываясь при этом, что он также беседовал не раз и с Митрополитом Московским *Филарет*ом, прямо признающим это дело благопотребным и даже необходимым. Не скрывал и я пред Графом, что готов бы сразделять это мнение, хотя Граф заметно был не на этой стороне. Но вот, когда дело дошло до беседований его с Владыкой- дядей, более решительных, тут-то я подивился, – откуда что бралось... Слушая его, я чувствовал себя бывало, именно *яко сидящий при ногах Гамалиила*... Владыка изумлял даже самой памятливостью при таких его старческих летах и недугах... Он не только сообщал факты, но иногда целиком повторял, как бы с подлинника, некоторые из мнений бывших деятелей во дни ещё Библейского Общества и pro и contra, особливо последних – как например, *Шишкова*, *Сперанского*[390] и Архимандрита *Фотия*, хотя и признавал последнего, не столько разумевшим самоё значение дела, сколько явившимся рьяным и иногда резким до крайности обличителем тогдашнего религиозного вообще направления, и направлявшего свои стрелы в особенности против, страшно им подозреваемого в неправославии, и якобы заправлявшего всем делом перевода Св. Писания, *Филарета* (Московского), как главного Члена бывшей по этому делу Комиссии... Для меня, сказать по правде, почти всё это было новостью, так как в печати не было ещё тогда почти ничего[391].

Когда же Граф *А.П.* ссылался, между прочим, на суждение *Филарета*, Митрополита Московского, то Владыка сначала как будто не дослыхивал... а затем, вызнавши больше и больше суждений, передаваемых Графом от лица *Филарета* Московского, с грустной улыбкой заговорил: «Оха, оха! Кому бы, как не нам обоим, доживающим уже тот предел жизни, в коем *труд и болезнь* суть неотлучные спутники наши, по изречению Псалмопевца... кому, как не нам бы и до́лжно последовать и другому изречению того же Псалмопевца: *помянух дни древние и поучихся*... Владыке же Московскому (которого никто, позволю себе сказать, в жизни не почитает так глубоко, как я), подобает ведать и выполнять это изречение гораздо-гораздо тщательнее, чем мне... Я-то из этих древних дней *бывшие самые начальные* только знаю, насколько для меня было доступно, – а он был прямым участником, даже в ряду самых главных в том, что тогда творилось под фирмой Библейского Общества... Я был уже, как и он совместно со мной, деятелем лишь в позднейшее время, когда явился *нечестивый* перевод Протопопа *Павского* и когда выявлялся новый, ещё не званный, не прошенный призванник на это – Архимандрит *Макарий*, – да и то не знаю, как Господь сподобил миновать могущей возбудиться тогда бури... Это и Вы, Ваше Сиятельство, конечно знаете... Помните как *оный*, который и сам не знал, как именовать себя в своём новом звании и которого, между тем, другие ведавшие называли *ловким шаркуном с саблей и шпорами*... помните, как он *шаркнул* нас обоих в 1842 г... и за что же? Да вот, за подобное же дело, хотя оно было именно *только подобное*, потому что заключало в себе некую только часть того, что теперь предполагается к начинанию, – а на прежнее-то я и теперь вполне согласен[392]. Ведь История всё покажет, – она неумолима, чтобы не сказать правды и истины… И потому нам, искушённым слава Богу, многими собственно-личными опытами и скорбями, не сугубо ли непростительно будет, коль скоро мы, поставленные по сану и возрасту во главе стражей Дому Божия, стали бы теперь на степень тех, коих мы же сами, хотя в ином и не без греха, иногда осуждали за несостоятельность в правах и власти первенствующих Членов Св. Синода[393]. Я не знаю впрочем, – сказал в заключение этой своей речи Владыка, – что думает об этом и теперешний первенствующий Владыка[394] и что предполагал бы окончательно и сам Владыка Московский. Во всяком разе я наперёд скажу одно, – что не отрицаюсь *противостать в лице* ему и всякому... Будь-то хоть Вы Обер-Прокурором, если станете приводить те же мысли, какие и теперь, по-видимому с убеждением высказываете, – я не отступлю от своих убеждений; с ними я готов предстать и на страшном судище

Христовом, на которое явиться *подобает ми* скорее других... Я не желал бы и дожить до времени начинания этого дела, – но во всём Единая Воля Того, Кто и *живит и мертвит*. Дóндеже продлит Господь дни живота моего, буду пламенно от всей глубины моего сердца молить Его Благость, да не по мудрованиям человеческим, а по единому Своему Премудрому Промыслу Сам да устроит, *якоже весть*, лучшее и полезнейшее касательно сего, чрезвычайно важного дела... Вот и теперь у нас страшная политическая буря... (Крымская война). Избави же Господи, если мы сами от себя породим зачатки бури внутренней в недрах самой матери – Св. Православной Церкви, *мняще службу приносити* к её благоуспеянию, и делая для неё как бы подпорки своего рукоделия, тогда как сказано: »*и врата адова не одолеют ю*..."

«Когда, наконец, – продолжал Преосв. *Антоний*, – получено было вот то самое отношение от Обер-Прокурора Графа *Александра Петровича Толстого* (от 20 Ноября 1856 г. за № 2457), – на которое последовал и настоящий ответ, – тогда Владыка-дядя на первый же раз, только что успевши наскоро прочитать его с приложениями, высказывал весьма многое в том же роде и тоне, что и в прежних беседах с Графом. В частности же он взялся, собственно, за то, что, как он выразился, больно уже *закрутили* делом. «Ну вот, так и видно, что одна метла явилась на это новенькая[395], – зато другой – старой-то[396] не подобало бы подходить под эту стать...» Я, – говорил Преосв. *Антоний*, – при этих словах ничего сначала не понимал, пока Владыка, указав мне на лежавшие на столе пред ним бумаги, не сказал: «вот получил я и на счёт ново-проектируемого перевода Библии на Русский язык: – теперь приводится уже писать официально по этому делу... Впрочем, я недаром сказал ещё, помнишь, прежде при беседах моих с Графом *Ал. Петр.*, что я не отступлю ни в чём от своего, что и тогда говорил; а что касается вот до этих приложений[397], то и они не ахти каковы... старые погудки на новый лад... и отвечать-то бы не хотелось, чтобы не утруждать себя при моих немощах, – но по важности дела невозможно без этого. Благо, что ты слышал все мои прежние рассуждения с Графом, в которых он, я знаю, вполне убедился; потому возьми теперь же эти бумаги, и насколько припомнишь всё моё прежнее, напиши по пунктам, по-раздельнее, чтобы я мог вставить, где что будет нужно; – а на некоторые новые-то положения ты пожалуй и не берись писать: я что знаю сам написать, то и напишу». Затем с обычным своих: Ох-ма, ох-ма! Владыка опять заговорил: «да больно-больно что-то *закрутили*… Не мнят ли, как можно скорее *ознаменовать новую* эру царствования этой новинкой... Между тем как для сердца-то Царёва, *еже в*

руце Божией, есть другая важнейшая, священнейшая и потому первейшая задача, для выполнения которой и *да возглаголет в Сердце его благая о людех своих*[398] и воздействует *силою многою во исполнение* Сам Царь царей и Господь господей...»[399].

«По известным уже из бесед Владыки с Графом мыслям и сведениям, – говорил владыка *Антоний*, – мне не трудно было вскоре же изложить, что нужно; хотя сказать правду, нечто внёс я и своё». Слушая моё изложение, Владыка сразу и как бы по чутью узнавал и говорил: «нет, – это не моё... исправь по-моему, – а это вовсе выбрось... и тут же продиктовывал сам многое. Ко всему же этому присовокупить, в отношении к Графу вот и это, что написано мной, и не сметь изменять ни в одной йоте... Пусть судят там, как хотят, – пусть хоть и осудят меня..., но я скажу навсегда и не яко Пилат, »*еже писах, писах*«... Подвинь-ка ко мне чернильный прибор... и тут же собственноручно в конце своего изложения написал: – «Изложив всё сии мои мысли с глубочайшим смирением пред Богом, словом Его Святым и Православной Церковью и приближаясь к кончине моей и готовясь предстать перед нелицеприятный суд Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, всем сердцем молю Его Благость, да не по мудрованием человеческим, а по Премудрому Промыслу Своему Сам он устроит *якоже весть* лучшее и полезнейшее касательно сего, чрезвычайно важного дела и сохранит мир в Православной Церкви Своей после того, как даровал Он Своею милостью благодатный мир Отечеству нашему через Помазанника Своего, Благочестивейшего Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА[400]. Снова заставив меня прочитать всё изложение, со всей точностью и особенной внятностью для него (в это время он был уже туговат на слух), Владыка сказал по выслушивании: «ну, да благословит же Господь во благий час! и сделав крестное знамение на себе и благословил самую рукопись, приказал немедленно же переписать её в двух экземплярах: в одном на имя Графа, а в другом экземпляре на имя Высокопр. *Филарета*, Митрополита Московского. «Пусть же не думают, что я готов будто бы тормозить дело даже в самом времени... Думал было я, написать нечто и Первенствующему[401], но *помыслих и размыслих*... Приводилось бы написать ему нечто и не малое, не по вкусу для него... А, пожалуй, от него и теперь может статься то же, что и по делу о твоей Догматике[402]; не пустился бы он и теперь в полемику против настоящего изложения... Да и немудрено; ведь он был тоже во дни оны *Библейско-общественником* в числе членов Комиссии и притом самых ярых ревнителей...[403] по переводу Св. Писания на Русский язык, избранных бывшей тогдашней Комиссией

Духовных Училищ – и каких же членов?! всё – академистов, молодятников, потому-то справедлив был *Шишков*, который помнится, выразился так: «перевод был брошен нескольким студентам Академии и притом с приказанием сделать это перевод как можно скорее»[404].

Кроме этих, устно переданных Высокопр. *Антонием* сведений, встречаем ещё многие, внесённые в своё время в дневник, ведённый бывшим о. Наместником лавры. Эти сведения особенно интересны: они раскрывают истинно сказать, *вся внутренняя души* в Бозе почившего в том именно отношении и значении, что вопрос о переводе и ответ его на него вышеизложенный были для него, так сказать, вопросом его жизни и мирного исхода в блаженную вечность... При чтении записанного в дневнике, это и со стороны всякого чувствуется с особенным даже умилением. Выписываем от слова до слова, хотя и не все записи в дневнике.

«А сказывал ли я тебе, – (писано в дневнике) – говорил Владыка, видимо всей душой чувствовавший глубокое удовольствие, – о письме ко мне Обер-Прокурора?! Он прислал мне выписку из письма *Сперанского* к дочери. Замечательно весьма, его мысли совершенно те же, какие и я лично высказал ему о переводе Библии на Русский язык; – на-ко прочитай». Затем продолжал: «Да как хотят, а я сказал своё мнение, а умолчать или человекоугодничать в таком важном деле я считаю самым ужасным преступлением. Притом, меня спросили. Если бы не спросили, может быть так и прошло бы. Но когда спросили, я должен был сказать правду, не обинуясь. Иные, молодые Архиереи, могли позволить себе и без дальних рассуждений согласиться... хотя и им не извинительно, но должно было стать за слово Божие: я же стою уже одной ногой в гробу. Да, вот видишь, как пишет *Сперанский* о Славянском языке, а теперь Митрополит (разумеется *Григорий* Санкт-Петербургский, о чём увидим ниже), сравнил язык Слова Божия с *гнилым логовищем*, – как это можно?! Перевод на Русский язык, – ведь это к чему поведёт? На слово Божие станут смотреть как на обыкновенное слово человеческое. Но видно и в моём мнении видят уважительные основания; вот до сих пор дело это лежит... Впрочем странно, старик, готовящийся каждый день умирать, подал голос и дело остановилось. Если оно вовсе остановлено будет, то это явный знак, что так Богу угодно». Я (Наместник) заметил: одно то уже, что Ваш голос заставил их не спешить этим делом и подумать о нём серьёзнее, и это уже очень важно. «Да, – заметил Владыка, – они хотели вдруг, как будто легко, и в какое время!! Разговор остановлен был прибытием Доктора»[405].

«Вечером, после всенощной, в келейной Владыки я и о. *Антоний*

(Ректор Академии) пробыли у Владыки до половины 8-го. При разговоре св. Владыка опять с заботливостью останавливался на проекте о переводе Св. Писания. «Вот статья о Лукарисе, говорил он, между прочим помещённая в Пчеле, прочитана, конечно, многими; на основании её, при первой вести о переводе, могут подумать, что Св. Синод хочет произвести реформацию... Враги Православия, пользующиеся всяким случаем клеветать на Православную Церковь, постараются распустить такой слух. Пойди тогда, оправдывайся! Это первое. Я напишу об этом Графу. А второе: слово Божие низведут на степень обыкновенного слова человеческого, как у Реформатов, – вот что из этого выйдет. А потом уничтожение Иерархии. Ведь Реформаты для того и дают народу в руки Библию, чтобы уничтожить все церковные учреждения. Притом Реформаты имели основание требовать Св. Писание на природном языке. И Папа виноват, что не удовлетворял требования. А у нас какое основание. Наш перевод Апостольский, можно сказать с буквальной точностью на коренном народном языке. Толкуют одно и одно, – что Славянский-де язык не понятен во многом для многих, тогда как Русский, само собой, наоборот... да тут сущность дела не в одной понятливости. Притом, если Русский, т. е. на наречии Великорусском, перевод будет понятнее для вообще Русских, – то что же сказать о Малороссах; для последних наоборот новый Русский перевод будет менее понятен, чем Славянский; значит и для них нужно будет сделать особый перевод на их Малороссийском языке...»[406].

«С особенной озабоченностью Владыка опять говорил о проекте перевода Св. Писания на Русский язык и о переводе на то же наречие (чего Боже сохрани) и Богослужебных книг, опыт чего найден в бумагах покойного Митрополита *Никанора*, как это упоминается в его жизнеописании. Владыка со всей силой убеждения повторил совершенное несогласие своё на эти новости, как на самое опасное дело для мира и единства членов Церкви Православной. «Как они хотят, я высказал своё мнение по этому делу, – говорил Владыка, – изменить этого мнения я не могу, с ним я умру, спокойный в совести, что не буду отвечать пред Богом. Суда человеческого я не боюсь; если бы даже произнесли против меня отлучение, и тогда я был бы покоен и не отказался бы от своего убеждения. Впрочем, как Богу угодно, если даже я ошибаюсь, то уповаю, что Бог не осудит меня. Я действую в этом важном деле по крайнему моему разумению и убеждению совести, заботясь не о себе, а единственно о благе Церкви, Государя и Отечества, а потому примут ли в уважение мнение моё или не примут, я покоен: для личности моей тут нет

нисколько оскорбления. Я исполнил свой долг, а они как хотят. Если они успеют в своём замысле, то верно Богу будет угодно попустить это по каким-либо особенным целям. Равно им гневаться на меня не за что». Пиша к Высокопр. *Григорию* (Митрополиту Петербургскому) я сказал, что разность в мнениях по такому важному из предмету не должна разрушать между нами братского союза, любви и мира. Разность мнений была по временам и между Апостолами, однако не производила между ними разъединения и не вооружала друг против друга; тут дело не о личностях и не о личных пристрастиях к тому или другому мнению. Личности в сторону. В деле Церкви всякий, призванный к нему, имеет право подать свой голос по крайнему разумению и убеждению, и этот голос должен быть выслушан с совершенным спокойствием и беспристрастием, ибо тут всякий принимает на себя ответственность пред Богом, Церковью, Государем и Отечеством. На замечание Преосв. *Григория*, – что Русского перевода Библии громко требует будто бы общее народное мнение, – Владыка изволил опять повторить, что это несправедливо; если бы это мнение было, оно сильно высказалось бы и в здешнем крае, но этого отнюдь не видно. И в бытность в Петербурге я не заметил в ходу этого мнения, прибавил Владыка. Против заметки, что сильное выражение нравится иногда более слуху, а не сердцу и что Апостол осуждает *чешемых слухом*, Владыка сказал: вот этого-то особенно нельзя опасаться от Священно-Славянского языка: он не способен *чесать слуха*; Божественная истина высказывается им со всею поражающей строгостью и прямотою, без всякой лести и обоюдности. Но особенно неуместным, несправедливым и оскорбляющим истину признал Владыка, – употреблённое Преосв. Григорием в письме его, – «*уподобление священно-славянского языка старому логовищу, гнилому и мёртвому*». В глубине души моей я признаю священный Славянский язык нашей отечественной святыней, так выразился я (сказал Владыка) во вчерашнем письме Графу. На языке Славянском передано для нас и сохранилось Промыслом Божиим слово Божие. На нём читается в храме Св. Евангелие и Писания Апостольские, на нём совершается Богослужение наше и все спасительные Таинства Церкви, и этот язык, который один, по выражению *Шишкова*, сохранился чистым и не осквернённым называть логовищем! Как это пришло ему – Митрополиту – в голову?! Скорее, – это чистый, свежий родник живой воды, это драгоценное хранилище Божественной истины, неприкосновенная сокровищница Божия слова. Странное дело, – прибавил Владыка, – надобно же всему этому быть; думал ли я, что Граф будет Обер-Прокурором, когда он был здесь; мог ли я думать, что давний вопрос

о переводе опять будет поднят при моей жизни; а вот как будто и жизнь моя продлилась для того, чтобы мне подать справедливый голос против опасного нововведения, на которое все, по-видимому, так легко решались. Странное дело: когда я служил в Московской Академии, то дело о переводе начиналось. Митрополит Московский тогда ещё был Ректором Петербургской Академии и он писал тогда мне об этом деле; но я и тогда отвечал ему, что это не нужно и предлагал делать по временам где нужно, замену некоторых неясных слов более понятными, не изменяя языка, и при этом указал на некоторые неправильности в первом опыте, изданного тогда на Русском языке, Нового Завета. Так, напр., в беседе Иисуса Христа с Никодимом выражение *сын человеческий* было переведено *сын человека*, или слово в беседе Самарянской: «аз есмь глаголяй с тобой, – это я, который говорю с тобой». (К чему тут: *это*?) Или 3 стих 1-й главы Иоанна прежде переведённый так: и без Него ничто не произошло, что произошло, или ст. 14 той же главы *и Слово стало плотию*. Или глава 18 «Это я» вместо – Аз есмь. Всё это Владыка говорил с самым глубоким, живым участием сердца и разговор продлил до 8 часов от 6, вопреки обычаю Владыки отпускать от себя в 7 часов (когда он оставался один на правило), и я опасался, что это может вконец растревожить и возмутить дух Владыки, и потому готов был доложить: не время ли отдохнуть ему. Но к моему успокоению это сделалось без слов. Часы пробили 8 и Владыка вспомнил, что речь идёт довольно долго; но ещё примолвил, – благословивши уже меня: «Да, вот в оное время Митрополит *Серафим*, когда получил словесное Высочайшее разрешение действовать к закрытию действий Библейского Общества, то целые тысячи экземпляров, вновь изданного перевода Пятикнижия Моисеева на Русский язык распорядился немедленно перевезти на Лаврские кирпичные заводы и там сжечь оный дотла...»[407].

«Владыка получил ответное письмо г. Обер-Прокурора по делу о переводе Св. Писания от 8 Января. Граф собственной рукой свидетельствует живейшую и усерднейшую благодарность Владыке за прямодушный отзыв, обещает представить оный Государю Императору и испросить Высочайшее разрешение внести этот отзыв в Св. Синод на рассмотрение, а копию с отзыва препроводил к Митрополиту Московскому, в уверенности, что по прочтении оного Митрополит *Филарет* во многом, если не во всём, переменит свои мысли по этому делу. К *Григорию* же, Митрополиту Петербургскому Граф дал мысль Владыке, вместо ответа на его (Митрополита *Григория*) письмо, послать копию с того же отзыва. Копия эта ныне и послана с исключением из

отношения к Графу всего того, что относится собственно к Графу. Письмо Графа я (Наместник) испросил у Владыки позволение приобщить к делу о переводе св. Писания, а самое дело все, со всеми относящимися к нему документами, а главное отзыв Владыки по этому делу, хранить в ризнице Лаврской, как отеческий и предсмертный его завет, на память и в научение будущим временам. Владыка изъявил на это совершенное согласие и при этом прибавил: «Да! теперь мне хорошо бы умереть; в таком случае мой отзыв точно был бы как предсмертный завет и имел бы всю силу». «Не высказывается ли и в сих словах, – сказано в дневнике, – готовность Владыки запечатлеть высказанные убеждения самой смертью, если бы дошло до того…, не дорога ему жизнь, если бы должно было пожертвовать оной для полного торжества веруемой и исповедуемой истины»[408]. Но к величайшему прискорбию приходится сказать, что высказанное в дневнике желание писавшего его и соизволение самого в Бозе почившего – «сохранить навсегда сказанные документы в Лаврской ризнице, – остались неисполненными...» В бытность мою (пишущего) в *Киеве* (в Октябре 1887 г.) я употребил и истощил все средства и способы, чтобы увидеть эти документы, как драгоценнейшую находку... Но увы! в ризнице ничего не оказалось и о. Екклисиарх (Архимандрит *Валентин*) готов был клятвой подтвердить, что ничего подобного не было сделано бывшим о. Наместником *Иоанном*... Думал было я, – не находятся ли искомые документы в Лаврской Библиотеке, но и тут не нашлось ничего. Наконец обращался я в Лаврский Духовный Собор с вопросом: нет ли в делах там чего-либо, по крайней мере не было ли проведено самоё дело об этом предмете путём формальным; – но ни в реестрах входящих бумаг, ни в архивных описях ничего подобного не найдено. Впрочем, остаётся успокоительная уверенность, что все выше приведённые нами сведения вполне достаточны для удовлетворения читающих и по содержанию, и значению в отношении как к рассматриваемому предмету, так и к личному состоянию в Бозе почившего, действительно засвидетельствовавшего и запечатлевшего всеми своими истинно Святительскими убеждениями и действиями всю чистоту и прямоту и глубину богопреданности и *нелицемерной совести* до самопожертвования, *даже до смерти* в непреложном и непреодолимом ничем и никем, его *исповедничестве* святой спасительной Веры. Не без основания он любил, в чувствах особенно глубокого благоговения, самосвидетельствовать о себе: «Заслуг у меня немного, а может быть и никаких, – зато дерзаю рещи со Апостолом: »*Веру соблюдох*".

Такую же непреложность убеждений и неизменность действий

увидим мы и в дальнейшем повествовании об этом же предмете, где в Бозе почивший не заочно, не в келейном своём уединении, но лицом к лицу и *усты ко устом*, и в заседаниях Св. Синода, и в частных сорассуждениях в среде сочленов и своих и других, власть имеющих, являл всегда себя верным себе, не поступаясь ни в чём своими убеждениями, с тем вместе не страшась, по слову Апостола, *противустать в лице всякого, аще кто зазорен бе*... (Гал. 2:11).

После приведённых частных воспоминательных сведений, мы обращаемся к изложению данных, уже внесённых в Историю, относящихся тоже к переводам Св. Писания Ветхого Завета на Русский язык. В этом изложении однако, мы последуем порядку обратному против хронологического. От изложенных доселе фактов за 1856–1857 год, перейдём сначала к 1841–1842 гг. (т. е. к делу о переводе Протоиерея *Павского*), а затем почти одновременно бывшему переводу Архимандрита *Макария* (*Глухарева*), бывшего Алтайского миссионера: напоследок же всего придём к началу всего настоящего повествования, именно к концу служения Высокопр. *Филарета* в Калужской Епархии (1824–1825 гг.). Такой порядок, образовавшийся у нас по своим причинам, не правилен, но значение дела не в форме изложения, а в верности, ясности и полноте фактов, которые преднамечены были в самом начале настоящего отдела – именно в этом порядке. Надеемся, что и читающие сами признают указываемый порядок отнюдь не затрудняющим их внимания и разумения.

Глава XXI. Дело о переводе Протоиерея Павского

«Я не устрашусь, если бы меня и вовсе уволили от кафедры; но я страшусь за последствия подобных действий, которых не желалось бы, и от которых избавить силен токмо Един Верховный Кормчий Своей святой Церкви – Господь Иисус Христос»[409].

Факт 1841–1842 гг. к которому мы хотим теперь перенести внимание читателей, сколько прямо относится к рассматриваемому вопросу о переводе Библии на Русский язык (собственно о переводе Протоиерея *Г.П. Павского*), столько же служит решением вопроса: – от чего оба Первосвятителя – Московский и Киевский, эти бывшие *истинные столпы* в делах управления Русской Церкви были порушены, можно сказать в один час и безвозвратно, – разумеем безвозвратное увольнение их (в 1842 г.) от присутствования в Св. Синоде? Сколько доселе ни остаются *прикровенными* обстоятельства этого, в своём роде напоминающего отчасти подобные события в общей древней истории Церкви Вселенской, факта, – но при посильном изучении данных многое становится понятным и ясным... Указываемое время (с 1837 г.) было можно сказать, переломом в состоянии нашего Церковного управления... Но не об этом наша речь, или точнее *не наша речь* об этом... Для частного характеризования мы приведём только несколько данных, – уже внесённых в последнее время в летописи, и следовательно, не могущих быть не известными для читающих и интересующихся ими. Это, впрочем, уже предуказано нами и в выражениях Высокопр. *Филарета* об известном лице – *шаркун с саблей*, который не знал даже и сам, *как называть себя* в новом его звании... Сведения об этом последнем факте были помещаемы в разных повременных изданиях, но мы не придавали бы им значение достоверности, если бы не встретили сведения об этом в Записках Костромского Архиепископа *Платона*, внесённого им в свои Записки (дневник) из письма к нему, находившегося на покое в Бабаевском монастыре, Преосв. *Игнатия*, бывшего Епископа Кавказского, – более же всего знаменитого по-своему архимандритству в Сергиевой (близ *Петербурга*) пустыни (*известного Брянчанинова*). Последний писал к Преосв. *Платону*: «никакое светское возвышение не приводило *возвышенного* в такой восторг, как назначение его в Обер-Прокуроры. Когда Графа *Протасова* сделали Обер-Прокурором, он приехал к своему знакомому Генерал-Адъютанту *Чичерину* и говорит ему: «поздравь меня!.. я – министр, я – Архиерей... я – ч…т знает что...» В присутствии моём, –

писал Игнатий Брянчанинов, – эти слова были переданы Киевскому Митрополиту *Филарету*. "*Одно последнее справедливо*, – печально ответил Первосвятитель-старец»[410].

Покойный Высокопр. *Антоний*, по прочтении этой, указанной ему мной заметки, сказал: да, это верно. Владыка-дядя и сам высказывался мне однажды об этом неосторожном его выражении, дошедшем между тем, до самого Обер-Прокурора, – так что с этой поры пошли на него разные невзгоды, которыми он, однако, нисколько не тяготился. Он даже радовался[411], что его за это оный *шаркун шаркнет* тотчас же, – но очевидно время не приспело... Да и не было причин и поводов, хотя и престарелый Митрополит Санкт-Петербургский *Серафим* был уже, как говорится, подбит к этому. Последний по словам Владыки, более всего опасался воздействия Московского, которого он так всегда называл без имени (*Филарет*)[412]. «Ведь они такие, – говорил Митрополит *Серафим*, – что их водой не разгонишь: а кто из них мудрёнее, я и разгадать хорошенько не могу...»[413].

Но вдруг неожиданно открылось составляющее собственно предмет нашего настоящего изложения, обстоятельство, которое, между прочим, как объяснял Преосв. *Антоний*, едва не послужило было к разъединению между неразрывными, единомышленными духовными друзьями, Первосвятителями – *Филарет*ами. По крайней мере, дядя Владыка всегда вспоминал об этом с глубокой грустью. Дело это[414] состояло в следующем, как читаем в «Истории перевода Библии на Русский язык».

В конце 1841 г. Член Святейшего Синода, Киевский Митрополит *Филарет* получил в *Санкт-Петербурге* письмо, присланное из *Владимира*, без подписи имени писавшего[415], следующего содержания: «Недавно вышел в *Петербурге* литографированный Русский перевод учительных и пророческих книг Ветхозаветного Канона (исключая Псалмов). Перевод показывает, что над ним трудился человек, сведущий в Еврейском языке и способный владеть Русским словом. Для христианина слово Божие есть семя духовной жизни, хлеб питающий и укрепляющий его на утомительном пути сей жизни, вода утоляющая жажду его в пустыни сего мира. Он ищет того же и в переводе и с плачем отходит, находя в нём не *глаголы Бога живаго* и истинного, но злоречия древнего змия, извратившего первую заповедь Божию и низвергшего всё человечество в бездну вечного отчуждения от лица Божия. Можно бы почесть неважным сие дело, если бы оно произошло от неопытности и ошибочного выбора иностранных пособий. Но когда переводчик не раз, не два, пересматривал свой перевод, когда при каждом пересмотре вводил новые лжесловия и

когда авторитет его учёности и слава многоведения грозят обширным распространением переводу: то ни молчание неуместно, ни терпение не спасительно».

«Высокопреосвященнейший Владыко! Мысль, что Господь поставил Вас стражем Своей Церкви, даёт смелость мне, последнему служителю Его, обратиться к Вашему Высокопреосвященству и представить Вашему вниманию некоторые отступления перевода от истины».

Указавши на неверности перевода, безымённый доноситель предлагает далее советы, как поступить с переводчиком, охранить Церковь от угрожающей ей опасности и удовлетворить потребностям сынов Церкви, жаждущих чтения слова Божия. «Нет нужды, – говорит он, – подвергать переводчика осуждению Церкви и отлучению. Ему нужно напротив, преподать пастырское наставление, нужно возложить на него временную епитимию, *да дух его спасётся в день Господа нашего Иисуса Христа*. Возвращаясь же опять к литографированному переводу, неизвестный автор обращает внимание на те последствия, которые могут произойти от распространения «произведения сего нового *Маркиона*», и заключает своё письмо так: «на Русском языке едва ли когда являлось такое богохульство, как в литографированном переводе».

Киевский Митрополит *Филарет*, препровождая письмо это к Обер-Прокурору Святейшего Синода, Графу *Н.А. Протасову* (19 Января 1842 г.), уведомлял, что по поручению его отыскан и доставлен ему один экземпляр этого перевода[416]. «И при самом поверхностном обозрении сего *нечестивого* творения, – писал он, – нельзя не видеть с глубоким прискорбием, какое великое зло для Православной Церкви и отечества нашего может произойти от распространения его в духовных учебных заведениях и в народе. Благочестивые предки наши, по особенному Промыслу Всевышнего о любезном отечестве нашем, принявши благочестивую и христианскую веру во всей чистоте её, богодухновенные книги Св. Писания, на котором она основывается, доселе с благоговением хранили от всякого нововведения, как драгоценнейшее наследие, как неоценённый дар Божий и залог временного благоденствия и вечного блаженства. Великая и священная обязанность наша, возложенная на нас Богом, есть – сохранить сей закон и передать потомству нашему во всей его чистоте, дабы не постыдно явиться пред лице Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в день откровения славы Его». Поспешая по долгу звания препроводить к его Сиятельству вышеозначенный экземпляр для принятия мер к открытию виновных в этом злоупотреблении и к прекращению распространения этой вредной книги в

учебных заведениях и в народе, Преосвященный *Филарет* просил Обер-Прокурора предложить немедленно об этом Святейшему Синоду для соборного рассмотрения этого важного дела; с этим же вместе назначить произвести строжайшее расследование во всех Академиях – Петербургской, Киевской и Московской. Когда же Граф высказал недовольство такими крайне настоятельными требованиями *Филарета* и отклонил их, – то Митрополит сказал: «В таком случае я дерзну лично предстать пред лице Государя…».

Митрополита Санкт-Петербургского *Серафима* не было, по болезни его, в Синоде при рассуждении об этом деле; но прочитав Синодский протокол 13/18 Февраля, он сообщил Обер-Прокурору своё мнение, которое от слова до слова следующее. «По болезни моей я не мог принять личного участия в рассмотрении поступившего в Святейший Синод дела об оказавшемся здесь *искажённом и нечестивом* переложении учительных и пророческих книг Ветхого Завета, изданном втайне и распространённом посредством литографирования. Но по особенной важности случая вменяю себе в обязанность, собрав на одре болезни остатки сил, сообщить Вашему Сиятельству соображения и мысли, какие внушают мне долг моего звания, святость присяги, сыновняя преданность к нашей древней, отечественной Православной Вере и опыты долголетнего служения святой Церкви. При известии об упомянутом переложении, я исполнился душевного прискорбия, как потому, что такое злоупотребление святыней очевидно угрожает той чистоте, в которой учение веры преподавалось в Отечестве нашем, ограждаемом от пагубных иноземных суемудрий помощью Божией и попечением благочестивейшего Государя Императора, так и потому, что такое злокачественное посягательство явилось от имени и посреди духовного юношества, от которого мы ожидаем верных и усердных пастырей и служителей Церкви, воспитывающей их своими трудами и пожертвованиями. Рассматривая сей случай со всех сторон, я к великому прискорбию усматриваю в нём горестное последствие тех, ложных на счёт употребления слова Божия, понятий, которые, быв некогда занесены к нам иноверцами и увлёкши умы некоторых у нас, угрожали Иерархии – подрывом во власти, народу – воспитанием в нём обольстительного, но вместе и гибельного, чувства независимости от Церкви, Православию – ниспровержением коренных начал его; ибо по учению Православной Церкви, Священное Писание предано Богом не народу, а сословию пастырей и учителей, и уже через них народу. Зловредные мнения, пресечение коих требовало великих усилий от истинного усердия к Церкви[417], возродившись ныне и явившись во всем

своём безобразии, на самом опыте показали, как глубоко вкореняются и с каким трудом врачуются подобные недуги. *Нечестивое* преложение Священного Писания тем больше возбуждает негодование и скорбь, что оно явилось тогда, когда Православная Церковь наша так недавно ещё и одними истинами своего неповреждённого учения возвратила к себе миллионы отпадших чад[418], когда начинают вразумляться и другие, погрешительно укоряющие нас в допущении перемен, и когда Церковь наша с утешением видит возрастающим благочестивое чувство в народе, возбуждённое примером благочестия в Государе».

Митрополиты – Московский и Киевский не знали об этом мнении Митрополита *Серафима*, сообщённом им Обер-Прокурору Св. Синода. Между тем, в связи с делом о переводе *Г.П. Павского*, «как-то в частной дружеской беседе двух Митрополитов (Киевского и Московского) зашла речь о неясности и неверности в разных местах Славянского перевода Библии. Рассуждая как бы поправить важнейшие ошибки и неточности не ожидая нового переложения, они пришли к такому заключению, что можно – где присовокупить истолкование, где заменить непонятное слово и неправильное выражение иным словом и выражением, где пояснить смысл в кратком перечневом содержании в оглавлении той или другой книги. Узнал об этом разговоре и Обер-Прокурор. Он является к *Филарету* Московскому и спрашивает его: «справедлив ли дошедший до него слух?» – Митрополит *Филарет* передал случившийся разговор слово в слово. Тогда Обер-Прокурор спросил: «не решится ли он дать ему Записку о таком важном вопросе, чтобы самому в него вдуматься и оценить мнение двух старших Членов Синода?» «Охотно, сказано в ответ; я не отрекусь от своих слов, и что говорил Вашему Сиятельству, то же скажу и на письме»[419]. Вследствие этого разговора Московский Митрополит *Филарет* изложил свои мысли в Записке и 28 Февраля препроводил её к Графу *Н.А. Протасову*.

Получив Записку и проверив между тем, рассказ одного Митрополита рассказом другого (Киевского), Граф *Н.А. Протасов* должен был поговорить о ней и с Первоприсутствующим *Серафимом*. Потом, с его слов, велел для соблюдения канцелярской тайны в своей Канцелярии, написать от него к себе отношение в том смысле, что нельзя допустить никаких толкований на Священное Писание[420]. Отношение Митрополита *Серафима* к Графу *Протасову* подписано 4 Марта.

Граф *Протасов* предложил о содержании этого отношения Святейшему Синоду. При этом однако ж, никаких рассуждений не было. Московский Митрополит полагал, что за несогласием

Первоприсутствующего с мыслями двоих из Членов Синода, предположение их само собой уничтожилось. Между тем Обер-Прокурор доложил об этом Государю как о разногласии, происшедшем между членами Синода.

16 Марта он объявил Святейшему Синоду, что бумаги эти вместе с отношением преосвященного Митрополита Киевского и протоколом Святейшего Синода 13/18 Февраля, представлял он на Высочайшее благоусмотрение Государя Императора, и что Его Императорское Величество Высочайше соизволил утвердить сказанное определение и вполне одобрить мнение Митрополита *Серафима*; с прискорбием же усматривая из настоящего случая виновность духовных начальств – в недосмотре или в допущении столь пагубного направления, вместе с сим Высочайше повелеть соизволил, чтобы со всею строгостью дознано было и донесено Его Величеству, – кто именно между начальствующими и вообще из духовенства виновен в соучастии по сему делу, и в какой степени, и чтобы Святейший Синод, согласно с мнением Митрополита *Серафима* и по прямому долгу своему, усилил меры к охранению книг Священного Писания в настоящем их виде *неприкосновенно* и к утверждению всего воспитания духовного юношества на истинных началах нашего древнего Православия, посредством скорейшего преподавания правильных к тому руководств.

При подписании протокола о выслушивании Высочайшего отзыва, *Филарет* Киевский настаивал, чтобы в протокол была введена справка о том, что в Синоде не было суждения об исправлении Славянской Библии, – что разговор об этом был в частной беседе двух товарищей на дому, – что если затевать дело, так надобно прежде предложить возбуждённый вопрос Присутствию, отобрать мнение всех Членов и тогда уже пойти с докладом к Императору. «Не менее того, отпрашиваясь на лето в свою епархию, он кротко, но твёрдо высказал всю свою правду Обер-Прокурору, т. е. что лучше было бы провести это дело через Синод. «Что ж, вы разве не вернётесь в Синод?» – «Прикажет Государь – не могу ослушаться. А сам по себе не вернулся бы». «Почему?» «Потому что так дела вести нельзя и опасно. Я не устрашусь, если бы меня и вовсе уволили от кафедры, – но я страшусь за последствия подобных действий, которых не желалось бы, и от которых избавить силен, всеконечно, Един токмо Верховный Кормчий Своей Св. Церкви – Господь Иисус Христос»[421].

Вслед затем составлена была *Комиссия, учреждённая для истребования объяснений от Протоиерея Г.П. Павского*. Комиссию составляли Митрополиты – Киевский и Московский и сам Граф *Протасов*.

Но Киевский Митрополит *Филарет*, вскоре же подал прошение об увольнении его в Епархию. 16 Апреля Граф *Протасов* предложил Святейшему Синоду о Высочайшем соизволении на увольнение преосвященного *Филарета* в *Киев* к исполнению лежащих на нём по епархиальному управлению обязанностей. *Филарет* выехал из *Санкт-Петербурга* 3 Мая; но с 16 Апреля уже не принимал участия в Комиссии[422]. Обязанности его возложены были на вызванного в *Санкт-Петербург* к присутствованию в Св. Синоде Рязанского Архиепископа *Гавриила* (товарища *Г.П. Павского* по Академии).

Московский Митрополит *Филарет* и Рязанский Архиепископ *Гавриил*, рассмотрев ответы Протоиерея *Павского*, журналом 12 Мая положили:

1) поручение Святейшего Синода признать *по возможности* исполненным;

2) ответы Протоиерея *Павского* вместе с самым журналом представить на дальнейшее усмотрение Святейшего Синода.

«Вслед за этим и Митрополит Московский *Филарет* отправился в *Москву*, получив Высочайшее соизволение на отправление к исполнению лежащих на нём по епархиальному управлению обязанностей и уже более никогда не был вызываем в *Санкт-Петербург*»[423]. Но к этим сведениям цитируемого Автора до́лжно присовокупить и то, что читаем на страницах Русской Старины[424]. "Уезжая в *Москву* и прощаясь с братией Троицкого в *Петербурге* подворья, Митрополит Московский *Филарет* плакал... На него сильно подействовал возмутительный образ действий Обер-Прокурора (*Протасова*), – сильно до того, что он готов был удалиться на покой с оставлением управления Митрополией[425]. Властолюбивый Обер-Прокурор, сломив постыдным образом противодействие Митрополита *Филарета* в делах Синодских, не оставил его и заочно в покое. Прискорбно даже и говорить, что Граф *Протасов* в отсутствие Митрополита *Филарета* на Петербургском Троицком подворье сделал обыск сундуков Владыки для дознания того – «*не заперты ли в сундуках какие-либо ереси*".

Итак, из изложенных исторических данных читатели сами видят, – насколько во-первых, прежде приведённые сведения, сообщённые Преосв. *Антонием* в его воспоминаниях, совпадают с этими историческими данными; во-вторых, что главное, каких был Высокопр. *Филарет* убеждений в рассматриваемом деле, каковым убеждениям он остался неизменно верным до гроба, (как это и засвидетельствовано было им в его мнении в 1856 г., по поводу возобновлённого вопроса о переводе Библии

на Русский язык), и наконец, в-третьих, читающие ясно видят, что сила положений и доказательств в последнем мнении Высокопр. *Филарета* против возобновления перевода (1856 г.) состояла именно в живых для него, исторических опытах, как в переводе Библейского Общества, так и Протоиерея Павского, одинаково исходивших из *мутного, ядовитого и нечестивого* источника.

Обращаемся к другому, бывшему почти одновременно[426] с делом по переводу Протоиерея *Павского*, делу по переводу Архимандрита *Макария* (*Глухарева*), бывшего Миссионера Алтайского[427].

Глава XXII. Дело о переводе Архимандрита Макария (Глухарева)

«Ну, уж тогда смотрите!.. не *Макарию* только достанется, а и иным... Я не скрою пред Самим Государем, – откуда ветер-то дует, кто сыр бор-то подпаливает... Так ты и скажи Московскому»[428].

«Μαίνῃ; – τὰ πολλά σε γράμματα εἰς μανίαν περιτρέπει»[429].

Д

ело по переводу Св. Писания Ветхого Завета на Русский язык, составленному Архимандритом *Макарием*, не имело в своё время общеизвестности и интереса, как дело по переводу Протоиерея *Павского*. Причины этому, естественно были в том, что последний перевод принадлежал лицу общеизвестному в Столице, и самоё дело перевода оказалось в стенах Столичной духовной Академии, и производилось в секрете, открытие которого, само собой, и возбуждало более всего любопытства. Самый, наконец, результат этого дела ещё более послужил к общеизвестности; так как столь высоко стоявшее лицо, – бывший в течение пятнадцати лет Законоучителем Наследника Престола АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА – Протоиерей *Г.П. Павский* немедленно же был уволен от своего высокого поста, хотя как видим в одном авторитетном свидетельстве[430], «по низложению его (*Павского*) приезжал к нему его Августейший Ученик и со слезами с ним прощался и оставил ему в подарок бриллиантовый крест». Да и самоё немедленное одновременное увольнение из Св. Синода навсегда, бывших главных доселе деятелей-Членов, обоих Митрополитов *Филарет*ов Московского и Киевского, как раз вслед за окончанием настоящего дела, послужило к увеличению той же общеизвестности. Дело же по переводу Архимандрита *Макария* могло оставаться почти в неизвестности для других, кроме лиц, которым надлежало его ведать, – хотя для последних оно составляло сколько важный предмет, столько же и затруднительный, особливо когда конец его совпал как раз с текущим тогда ещё делопроизводством по переводу Протоиерея *Павского*. В этом отношении можно сказать даже, что дело по переводу А. *Макария* усилило самые причины, по которым произошёл сказанный результат – выбытие двух Митрополитов *Филарет*ов из Св. Синода навсегда. Всё это увидят читающие из последующего изложения настоящего дела.

Прежде всего нужно заметить, что Архимандрит *Макарий*, бывший Начальник Алтайской Миссии в Томской губернии, вёл своё дело

слишком смело по отношению к самому Св. Синоду. Он как бы не признавал и власти последнего над собой и над начатым им делом перевода Св. Писания Ветхого Завета на Русский язык. Это был в своём роде чистый фанатизм как бы до ослепления, – в силу которого А. *Макарий* дерзал обращаться даже прямо к Лицу Государя Императора со своими прошениями, или, как он называл их, «письма на Высочайшее Имя»[431], а также и к светским высокопоставленным лицам, рассчитывая на их влиятельное содействие к успеху своего дела[432]. Сколько ни интересны были бы хотя некоторые из этих писем по оригинальности и в содержании и самых слововыражениях, но мы не можем излагать их здесь в подлинном, хотя и кратком содержании[433], дабы не расширять и без того, пространного нашего изложения. Скажем лишь то, что собственно относится к личному участию Высокопр. *Филарета* в этом деле.

«Владыка-дядя в нередких своих воспоминаниях, говорил нам Преосв. *Антоний*, выражался так между прочим, что по поводу этого дела ему приводилось быть, как говорится, между двух огней, а с тем вместе бывать по пословице – после чужого пира в похмелье. «Владыка-де Московский, говорил он, не вполне себя выдерживал, а, видимо, мирволил *Макарию*... Это было отчасти и естественно с его стороны потому, что *Макарий* (в миру *Михаил Яковлев Глухарев*) обучался в Академии (Петербургской) при Ректорстве *Филарета*, который и тогда имел к нему особенную благосклонность[434] по его отличным дарованиям и успехам, и, между прочим, в изучении Еврейского языка, в чём отличался он как и *Павский*, воспитанник 1 академического курса и назначенный на кафедру этого языка. У *Павского*-то *Глухарев* особенно и успевал в изучении *Еврейского языка*, а началоположником изучения этого языка был сам *Филарет*, составивший тогда же известные «Записки на Книгу Бытия» на основании почти исключительно языковедения Еврейского. Это было отчасти и при мне, – говорил Владыка, – при моём Инспекторстве в Санкт-Петербургской Академии, и я не скрываюсь, что мне тогда же сдавалось что-то неладное в столь усиленном проведении этого научного элемента, равно как и в самых Записках на Книгу Бытия у меня проявлялись взгляды на нечто, не подходящее к духу и характеру самопервейшей книги Божественного Откровения. Но тогда не моё было дело... *я мал бех в братии*... хотя недаром же эти *Записки* вместе *с Катехизисами Филарета* Московского одинаково подвергались опале и временному запрещению».

«Потому-то, – продолжал Владыка, – когда началась своего рода история (в 1837–1839 гг.) по поводу перевода Алтайского *Макария*, сделанного им на некоторые книги В. З. и когда он выказал себя крайне

резким в своих настояниях относительно всенепременной и неотложной потребности в переводе всей Библии на Русский язык, и когда это дело перешло в ведение Св. Синода, где главными деятелями приводилось быть тогда по преимуществу нам двоим с Митрополитом *Филарет*ом, тогда-то мне, как говорится, отрыгнулось всё прежде известное по части пресловутого гебраизма... Зная, однако, насколько глубоко проникнут сам Владыка Московский этим гебраизмом, – я воздерживался всячески, чтобы не высказать чего лишнего. Впрочем, Владыка Московский, видимо волей-неволей, относился к моим взглядам и суждениям с доверенностью. Первенствующий же Член Митрополит *Серафим* не только был одних со мной мнений, но он прямо называл этот перевод *реставрацией нечестивого перевода Библейского Общества* и страшным образом вознегодовал на виновника дела – *Макария*. Негодование это, в своей мере, он питал и выражал, нередко заочно тоже весьма сильно и на Московского Митрополита, а нераздельно с ним и на меня, подозревая, первого в прямой неискренности и как бы в укрывательстве своих действий по отношению и к *Макарию* и его *нечестивому* предприятию, а меня будто бы в содействии в этом укрывательстве, или как бы в двусмысленном с моей стороны посредничестве между ним – *Серафимом* и Московским. Все эти личные отношения Митрополита *Серафима* к нам обоим ещё более усилились, когда, как на грех, подкатил сам Алтайский *Макарий* в *Петербург*, испросивши на это разрешение для излечения какой-то его болезни. Митрополиту *Серафиму* это показалось подозрительным, да и со стороны, как оказывалось, ему проводили прямую мысль, что прибытие Архимандрита *Макария* имело целью то, чтобы дать направление делу по переводу им Библии в пользу его, о чём сам *Макарий* лично всюду заискивал содействия со стороны лиц светских, высокопоставленных и влиятельных в *Петербурге*, и Синодских. Правда *Макария* то скоро угомонили по определению Св. Синода; но так как в эту же пору выступило новое дело по переводу *Павского*, то, по тожеству и совместности этих двух дел, Митрополит *Серафим* окончательно стал непримиримым ни с чьими взглядами и рассуждениями и, главное, с нашими. Потому и оставалось одно – убираться подобру-поздорову *восвояси*...".

От этих воспоминаний обратимся на время к официальному ходу дела, именно к тому, чем как выразился Высокопр. *Филарет, угомонили* Архимандрита *Макария*. Не касаясь самого значения перевода, подвергавшегося впрочем, рассмотрению Конференции Академии, и оказавшегося не выдержавшим критики, всё дело в Св. Синоде было

направлено и сведено к тому, чтобы воздействовать на самого виновника возбуждённого дела – *Макария* властью и судом церковным. Поэтому определение Св. Синода (11 Апреля 1841 г.) состоялось следующее[435]:

1) что Архимандрит *Макарий*, употребляя перед Святейшим Синодом настояние о продолжении перевода Священного Писания на Русское наречие, преступает пределы своего звания и своих обязанностей, и тем более, что входит в суждения, несогласные с решением, уже принятым по сему предмету Высшей властью;

2) что неосмотрительная ревность его основывается на погрешительном мнении, будто Церковь Российская не имеет всего Священного Писания на природном наречии Российского народа, тогда как она имеет оное на природном Славяно-русском языке, который употребляется и в церковном Богослужении, и на котором и простолюдины Священное Писание читают и разумеют, и некоторые даже охотнее читают, нежели в переводе на ново-русское наречие;

3) что рассуждение Архимандрита *Макария*, в которых он разные бедствия представляет как бы наказанием за неисполнение его мысли – переложить всё Священное Писание на новое Русское наречие, – сколько неосновательны и нелепы, столько же несообразны и с должным повиновением к постановленной от Бога власти и с духом смирения, в противность которому он поставил себя непризнанным истолкователем Судеб Божиих;

и потому Преосвященному Томскому поручить – вызвать Архимандрита *Макария* в архиерейский дом и, вразумив его о вышесказанном, внушить ему, что он за свой дерзновенный и нетерпимый поступок подлежал бы строгой ответственности, по силе 55 правила Святых Апостол, если бы Св. Синод не взирал на него со снисхождением, по уважению к людям, которым он приносит и ещё может принести пользу миссионерским своим служением. Для такового вразумления удержать его в архиерейском доме от трёх до шести недель, смотря по надобности, и для очищения совести его от поступка, не сообразного со смирением и с долгом подчинённости, назначить ему молитвенную епитимию с поклонами по силе и по усмотрению Преосвященного. Затем отпустить его к месту служения с подтверждением, чтобы данные Богом способности и время употреблял на то служение, к которому Богом же через власть Церковную призван, и которого верное прохождение должно оправдать его перед Богом и начальством. Сие служение призывает его к переводу Священного Писания не на Русское наречие, а на язык инородцев, которым он проповедует».

В промежуток этого времени Архимандрит *Макарий*, как сказано выше, сам приехал в *Петербург* и пробыл около года. О действиях его во всё это время в официальном отношении желающие знать увидят в истории перевода Библии[436]. Мы же обращаемся к нашим мемуарам, при которых будем однако, делать указание и на исторические данные, – через что те и другие будут рельефнее иллюстрировать ход дела. Факты же, которые мы будем приводить, получены нами в самых откровенных рассказах от известного *Андрея Николаевича Муравьева*[437], находившегося всегда, как и в описываемую пору, в самых близких искренних отношениях ко всем троим Митрополитам – *Серафиму* и обоим *Филаретам*[438].

В бытность мою в Киеве в 1867 г., собственно для собирания материалов для биографии Высокопр. *Филарета, Андрей Ник. Муравьев*, проживавший в *Киеве*, при первом свидании моём с ним, расспросивши у меня, – какие, откуда и сколько мог я собрать материалов, сказал: «ну вот и я не хочу быть в долгу, чтобы не поведать вам, что я знаю лично сам о приснопамятном великом Иерархе». После некоторых, сообщённых им сведений, которые были впрочем, отчасти мне уже известны, *А.Н.* заинтересовал меня именно теми, которые прямо относятся к излагаемому делу – о переводе о. *Макария*. «Я уверен, – примолвил *А.Н.* – что то, что я вам теперь сообщу, вы ниоткуда не получите. Это происходило чисто келейным образом. В 1830 г. прибыл в *Петербург* Алтайский миссионер Архимандрит *Макарий*, известный, между прочим, гебраист и рьяный ревнитель перевода всей Библии на Русский язык[439], который ещё ранее представил свой перевод на некоторые книги В.З., сделанный им с Еврейского языка. Надобно вам сказать для ясности и полноты моего рассказа, что Митрополит Петербургский *Серафим* после только что угомонившейся истории о подобном же переводе Библейского Общества (о чём может быть вам известно), не мог слышать без взрыва страшного негодования о каком бы то ни было переводе Библии на Русский язык. Когда прибыл в *Петербург Макарий*, то Митрополит Серафим не только приказал не допускать его и до крыльца, но грозил, что вышлет его из столицы с жандармами. В известное время прибыли в *Петербург*, по званию Членов Синода, Митрополиты Московский и Киевский. *Макарий* проживал по благословению Московского Митрополита на Троицком подворье и, что было ясно, пользовался его благоволением по сочувствию к самым трудам его по переводу. Митрополит Московский как известно, сам глубокий знаток Еврейского языка и поклонник его, что особенно выразилось в его самом ревностном участии в делах Библейского

Общества, именно по переводу Библии на Русский язык, и чем он тогда уже навлёк на себя сильное недовольство Митрополита *Серафима*. В рассматриваемое время случилось мне быть вечером у Митрополита Серафима. Прибытию моему он как бы обрадовался. И первые его слова были: «ну вот добро пожаловать... как нельзя лучше кстати... Если не *при двою свидетелех*, то и при одном станет всяк глагол... Я сегодня позвал к себе Киевского, – и он должен быть скоро... А впрочем, чтобы было *при двою свидетелех*, то поди-ка прикажи моим (слугам), чтобы позвали сюда и *Иону*[440]. Пока ещё не прибыли званные, маститый Первосвятитель не выдержал... «Вот увидишь, зачем я их звал. Ведь ты знаешь дело о *Макарии*, – этом безумном фанатике и попросту пройдохе... А вот Московский то, что сделал... чистое пристанодержательство... Этот пройдоха клянчил себе отпуск на прибытие в *Петербург* ради поправления зрения... а смотри-ка, что он делает... Мне сообщил N, что он как докучливая ворона, постоянно залетает во многие большие и высокие хоромы... Ну уж если на то пойдёт, то я знаю, что и как сделать...» Я старался как можно успокоить Митрополита, чтобы он по крайней мере мог высказаться спокойнее по существу самого дела перед ожидавшимися званными Митрополитами. При этом я сказал: – Вашему Высокопреосвященству следовало бы, кажется, пригласить и Владыку Московского для общего собеседования... но этим чуть было не испортил всё дело. Старец-Первосвятитель просто вспылил... «Ты у меня вот что: молчи, да только слушай...» Минуты через две видимо успокоившись, сказал: ты сам-то видел *Макария* где-нибудь и говорил с ним?! Да, – ответил я, – у Владыки Московского, да ещё у *Т.Б. Потёмкиной*, где сказать по правде, *Макарий* показался и мне каким-то своеобразным, как высказывалась об нём и *Т.Б.*[441].

Прибыли ожидавшиеся Митрополиты. Владыка видимо пришёл в спокойствие. «Ну, подумал я, после минутного затишья не быть бы сугубой буре! Оба Митрополита явились вместе потому, что *Филарет* завернул сначала к Митрополиту *Ионе*, чтобы несколько минут вздохнуть; и тут узнал, что и самого *Иону* только что позвали к *Серафиму*. «Зачем бы это, спрашивали они друг друга»?! *Иона* в простоте сердца говорил: вероятно на чай, ведь Старцу скучно бывает, как он сам мне частенько говорит. *Филарет* же сказал: «ну... а мне сдаётся, не на чай только, а и на пунш с ромом, т. е. *с громом*[442].

«Приняв спокойно явившихся и приказав тотчас же подать чай, Митрополит *Серафим* обратился с вопросом к *Филарету*: «а что ваш (разумея обоих *Филарет*ов) пришлец – *блаженный* (*Макарий*[443]), или

точнее блаженствующий (т. е. юродствующий), или просто – блажной, с которым и ладу нет?! «Я не знаю почти ничего лично о нём» ответил *Филарет*. Как не знаешь? Ведь он на Троицком (подворье) у Московского, где у вас общее сходбище... Да я тебе, помнится, прямо говорил, чтобы ты передал Московскому... что я посмотрю, подожду... да пожалуй сделаю предложение в Синоде о высылке *Макария* с жандармами... Или вы хотите, чтобы я исполнил это самым делом?! Слушай же и знай, что я говорю это в последний раз и передай немедленно Московскому... А чтобы он понял вполне, то напомни ему 23-й и 24-й годы... Ты тогда ещё здесь не был, но ты знаешь в чём дело; – ты, я знаю, писал ему ещё из *Калуги* по этому поводу. Помнится, ты было –обращение ко мне (*А.Н.*), – передавал мне содержание письма его к Московскому, которое мне тогда понравилось и имело влияние; да я и сам тогда всячески содействовал к его успокоению[444]. А потом, когда миновала беда, и он снова стал на сторону Библейского Общества, – тогда (когда в 1826 г. он прибыл в *Петербург*), я сказал ему свой ультиматум[445]. А теперь опять на ко, вот что?! Давно ли только подавили проклятую гидру *чужеродную* (разумелось Библейское Общество) и теперь воздымает голову *своеродная*?! Речь пока шла всё спокойно; были паузы, каждый пил чай. После первой чашки, Митрополит *Серафим* опять к *Филарету*: так вот смотри же: – *при двою свидетелех станет всяк глагол* – помни, что я тебе говорю теперь... и Старец опять было начал повторять прежние слова. Надобно заметить – говорил *А.Н.*, – что у *Серафима* от глубокой старости была крайняя забывчивость и особенно, когда он бывал в тревожном состоянии; – эта забывчивость была вообще по отношению к тому, что было недавно, хотя бы даже накануне... зато удивительнейшая была у него памятливость к давно бывшему; когда он говорил о последнем, то речь его была во всем пунктуальной точности верной бывшим фактам и даже документам. Причиной, усиливавшей забывчивость Старца по отношению к текущим данным, служила и глухота его, не дозволявшая ему очевидно, выслушивать и усвоять всё содержание ему передаваемого, а потому и ускользавшего так скоро из его памяти. Эта же глухота в частности возбуждала в нём и частые порывы вспыльчивости, хотя бы минутной; выслушивая что-либо отрывочно, он вдруг от одной фразы какой-либо заключал к целому, – что случалось и при слушании дел в Синоде[446]. Эту глухоту свою, он однако старался прикрывать, а память свою наоборот – выказывать[447]. Долго бы, и ещё быть может пробрюзжал Старец, повторяя свою речь почти в одних и тех же выражениях и обращаясь всё к Митрополиту Киевскому, – но последний, зная уже из опытов эту манеру Митрополита *Серафима*, и

желая между тем сколько-нибудь разогнать накопившиеся предубеждения Старца, – стал говорить:

«Ваше Высокопреосвященство! Ведь сколько известно и более всего Вам, дело о переводе *Макария* не теперь только входит в рассмотрение Св. Синода. Ещё прежде в 1836–1837 г. он представлял книгу Иова в Русском переводе и она была подвергнута Комиссией Училищ (Председатель был сам Митрополит *Серафим*) цензуре..., затем та же Комиссия препоручила (в Январе 1839 г.) Вашему Высокопреосвященству ещё другой перевод его, на книгу Прор. Исайи препроводить для цензуры же в здешнюю Академию, что Вы и изволили сделать[448]... Да к тому же оба эти перевода, известно, А. *Макарий* имел дерзновенно представить в особых списках при письмах своих Государю Императору[449], воля Которого относительно этого предмета нам никому не известна»...

Но не успел почти и кончить своих слов *Филарет*, как Старец почти затрясся, что отозвалось явственно на чайной его чашке... «Что, что?! Какие это ты делаешь указки-то мне – не в бровь, а прямо в глазки?! По твоему значит, я-то и есть самый главный виновник тому, что сыр бор снова загорелся... Нет, ты спроси-ка лучше того, кто вернее всего надудил тебе эти слова... или оба вы так спелись... А ты лучше спроси-ка его о том, о чём он думает, быть может что я будто не знаю... Потому ты лжёшь, что *Макарий* Алтайский высунулся со своим переводом только в 1836 или 1837 году... А не к Московскому ли же он писал ещё прежде об этом... А этот-то по обычаю схитрил, никому не заявил[450], а *Макарию* то послал, чуть ли может быть, не Патриаршее благословение на его дело..., – к тому же и *Макарий* то, у него же ещё в Академии начерпался мудрости книжной еврейской[451], которой заразил тогда Московский-то через свои Записки на книгу Бытия. А что поступила тогда Комиссия так, а не иначе, – то видно потому, что твоих указок-то теперешних она не имела, да и знать-то не хотела... А ты ведь а-яй, больно совок на указки-то... Ты и теперь тычешь мне в глаза, что-де воля Государя нам никому не известна... Знай же, что мне Государь изволил выразить чуть не нагоняй за то, что *Макарий* дерзнул обратиться к Государю Императору, наговоривши в писании своём и Бог знает что... Потому то и теперь избави Бог, если сдуру этот проходимец *Макарий*, шныряющий всюду, сделается как-нибудь известным Государю по своей назойливости в знатных высших домах... Ну уж тогда смотрите, – не *Макарию* только достанется, а иным… я не скрою перед Государем, откуда ветер-то дует и кто сыр бор-то подпаливает. А *Макария* то, придётся кажется, спятить в Спасо-Евфимиев...[452]. Так и скажи Московскому; смотри же и ты в оба, да

Московскому то не больно подпевай: ты то хоть и совок, да благо что откровенен и прям, а он-то – ох какой дипломат… недаром бывши ещё Архимандритом, ректором здешней Академии, он руководил и чуть за нос не водил и государственных сановников, восседая на первых креслах в частных собраниях...[453]. Да кто знает, насколько он был безучастен и в том деле, когда спровадили Митрополита *Амвросия* (*Подобедова*) из Первенствующих Членов в Новгород – в монастырь[454]. Но меня то никто не спровадит[455], а кто-нибудь кого... Так ступайте же теперь по домам; я умаялся. А ты у меня завтра же повидайся– сказано было Митр. Киевскому, – с Московским».

Как известный путешественник-мемуарист, *А.Н. М-в* продолжал свой рассказ с возможной и, как видно было, желательной подробностью, хотя с его обычной скороговоркой, едва уловимой. «На другой день, – говорил он – я, по условию побывал сначала у Митрополита Киевского, а вечером мы были у Владыки Московского на Троицком. Вы хорошо припомните – было обращение ко мне – и ту комнату, в которой обыкновенно принимал для беседы Московский Митрополит. Митрополит Киевский и отчасти я наскоро передали всё, бывшее накануне у Митр. *Серафима*. Хозяин выслушивал всё как бы дипломатически. Но не успели собеседники начать свои рассуждения, как (буквально сказать) ворвался в комнату о. Архимандрит, Алтайский *Макарий*. Как бы по чутью догадываясь, или вероятнее, как человек со своей idee fixe…, он едва только успел принять благословение от Иерархов, прямо сам начал речь о своём предмете. Итак что же?, доколе же будет ещё продолжаться..., кажется сказал: »*общее затмение умов*«?! – говорю «кажется» потому что внезапностью и своими вольными приёмами А. *Макарий* действительно озадачил нас, кроме разве Митрополита Московского, которому подобные приёмы, очевидно были уже известны[456], и который тут же несколько, как говорится, осадил его... Но после нескольких минут спокойного собеседования, Архимандрит *Макарий* снова вошёл в свою роль и даже резче, чем в начале. Он соскочил, бросился на колени перед образами и, воздев руки, пошёл и пошёл причитывать... И чего тут не было наговорено – и всё страшно обличающим и угрожающим карами Небесными языком и тоном, невзирая на присутствие двух Первосвятителей, хотя и в домашней беседе?! При этом *А.Н.* высказал несколько выражений Архимандрита *Макария*, напр., «что на седалищи Моисеевом возседоша снова те, которые имея ключи царствия, и сами не входят и других воспящают, – и что даже самые бедствия, постигшие *Петербург* (наводнение, пожар зимнего дворца) и всю Россию – холера (1830 г.) были явным знамением кары Божией за

прекращение перевода и издание Библии на Русском языке...» Впрочем, – говорил *А.Н.*, – всё говорённое А. *Макарием* было очевидно не под влиянием экстаза или вдохновения, как он хотел это представить, – а по готовому, затвержённому. Он, как стало известно вскоре же, в своём донесении Св. Синоду, при представлении исправленного им перевода, написал именно вроде сказанного...[457].

Сцена эта, наконец закрылась. Возможно успокоив А. *Макария*, то тот, то другой Митрополит говорили ему кротко и внушительно… и он, склонив голову, был яко глух и нем... посматривая изредка по преимуществу на *Филарета* Киевского, более всего говорившего... Когда же последний кротко, любовно сказал *Макарию*: Не прогневайся отец, если я припомню тебе слова, которые не шли к тому, кому они были сказаны, – а к тебе пожалуй идут... и произнёс по Греческому тексту из Деяний Апостольских: Μαίνῃ; – τὰ πολλά σε γράμματα εἰς μανίαν περιτρέπει[458]. Лишь только произнёс эти слова *Филарет* Киевский, – А. *Макарий*, сделав какой-то двусмысленный поклон, молча в ту ж секунду выскочил... После этого, оба Владыки взаимно объяснились относительно всего высказанного накануне Митрополитом *Серафимом*; причём Киевский *Филарет* вспомянул братски Московскому и о бывших, во времена оны, неприятностях для последнего по поводу, как бывшего перевода Библейского Общества так и его Катехизисов.

Глава XXIII. Несколько слов о гонениях на Катехизис Филарета Московского. Сочувственный отклик Филарета, Епископа Калужского

«Господа Иисуса Христа ради поберегите себя для святой Церкви Его и не давайте скорби разрушить здоровье Ваше, которым Вы так нещадно жертвовали для Бога, Церкви и Отечества»[459].

Обращаемся теперь к тому времени, которое совпадает как раз со временем служения Высокопр. *Филарета* в *Калуге*. История о Катехизисах, (Пространном и Кратком), составленных *Филарет*ом Московским, неразрывно соединена с историей Библейского Общества. В какой мере *Филарет* Московский имел самое деятельное участие в переводе Библии на Русский язык, как Член сего Общества, в такой же, вместе с преследованиями сего Общества, подверглись и его Катехизисы, хотя рассмотренные, утверждённые и уже изданные Св. Синодом. Произошло же это собственно от личных, неумеренно ревностных взглядов и действий тех лиц, о коих было указано уже прежде (*Шишков* и Архимандрит *Фотий*), от которых последний, по поводу закрытия Библейского Общества выражался в письме своём к другу его – одному Московскому Архимандриту, даже так: «Порадуйся, старче преподобне, нечестие пресеклось, армия богохульная диавола паде, ересей и расколов язык онеме...»[460]. Под этим-то языком подразумевался и *язык* в Катехизисах *Филарета* Московского, а также в его Записках на Книгу Бытия, начиная с того, что в Катехизисах и Записках тексты Св. Писания были приведены на Русском языке. Несмотря на то, что издание Катехизисов и Записок были с разрешения Св. Синода, *Шишков* (бывший тогда Министр Народного Просвещения), испросив Высочайшее разрешение, формально потребовал от самого Св. Синода, чтобы Катехизисы – и Пространный и Краткий, в которых молитвы (?) – «*Верую во Единого* и *Отче наш* и *Заповеди* переложены на простонародное Русское наречие, печатанием и рассылкой приостановить». Такому же запрещению подверглись и Записки *Филарета*, а наконец, простёрто было обвинение в неправоучении в одной проповеди *Филарета* «на Благовещение», – Архимандрит *Фотий*, как и сам по себе ярый фанатик и как бывший в руках у других своего рода «застрельщиком», восставал особенно против *Филарета*, так что в одном доносе Государю свидетельствовал, что будто бы все Архиереи, и духовные, и господа, и

купцы, и народ считают *Филарета неправоверным* и просил Государя не вызывать его более в Синод...»[461]. Таким образом, в данное время (1828–1824 гг.) вся буря против Библейского Общества готова была разразиться над *Филарет*ом, тогда ещё Архиепископом Московским, и тем более, что он во всё это время находился дома – в *Москве*, где между прочим, якобы не зная о распоряжениях Министра, вследствие которых Петербургский Комитет (по делам Библейского Общества) давно уже замолчал, *Филарет* продолжал печатать в Московских Ведомостях известия о действиях Московского Библейского Общества. За это-то *Шишков* (и К°) особенно сильно рассердился на *Филарета*,– и вследствие этого в особенности и подвергнуты были преследованию Катехизисы[462].

Вестью об этом преследовании, о чём сообщил ему Преосв. *Григорий* (*Постников*), бывший тогда Викарий Митр. *Серафима*, – *Филарет* Московский был крайне глубоко возмущён. Он немедленно же написал (от 8 Декабря 1824 г.) Митрополиту Санкт-Петербургскому *Серафиму* самое сильное письмо, в котором при всей своей сдержанности и обычной дипломатичности в подобных делах, не утерпел, чтобы не задеть самого «*богословствования*» ополчившихся на него генералов[463].

«Болезную о том, – писал *Филарет*, – что должен писать к Вашему Высокопреосвященству; но думаю, что должен писать. Известным сделалось мне, что указом Святейшего Синода типографской Конторе предписано остановить печатание и продажу Катехизиса (Пространного), в прошедшем году рассмотренного и одобренного Святейшим Синодом и изданного по Высочайшему Его Императорского Величества повелению.

Не знаю о чём идёт дело: но не представляется иной догадки, как что дело идёт о Православии. Непонятно кем и как и почему приведено ныне в сомнение дело, столь чисто и совершенно утверждённое всем, что есть священного на земли. Не великая была бы забота, *естьли*[464] бы сомнение угрожало только личности человека, бывшего орудием сего дела; но не угрожает ли оное Иерархии? Не угрожает ли Церкви?.. Если сомнительно Православие Катехизиса, столь торжественно утверждённого Святейшим Синодом, то не сомнительно ли будет Православие самого Святейшего Синода? Допущение сего сомнения не потрясёт ли Иерархии до основания, не возмутит ли мира Церкви? Не произведёт ли тяжкого церковного соблазна?.. Не нужно сказывать Вашему Высокопреосвященству, что над деянием Святейшего Синода касательно учения веры, верный и достойный принятия суд по правилам Святой Соборной и Апостольской Церкви может быть не иной, как суд чрезвычайно полного собора поместного или Вселенского, под

покровительством Благочестивейшего Государя Императора.

Мне кажется, особенного Высочайшего Указа о Катехизисе нет, ибо если бы он был, то был бы дан Святейшему Синоду по принадлежности. А если запрещение Катехизиса выведено из опубликованного Высочайшего Указа, 17 дня прошедшего Ноября, то сие выведено не по силе сего Указа, а в противность Высочайшего Указа, утверждающего именно Катехизис, одобренный Святейшим Синодом. Теперь же сделалось мне известным, что в отношении Г-на Министра Народного Просвещения, которое прописано в указе Святейшего Синода типографской Конторе, Символ Веры назван не Символом, или исповеданием Веры, но *"молитвой"*. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здесь столь сбивчивое понятие о делах церковных!.. И с таким понятием неизвестные действователи вземлют суд себе над Святейшим Синодом! Утверждение на Тя надеющихся, утверди Господи Церковь»!

В ответ на это письмо немедленно же писал Митрополит *Серафим Филарету* Московскому (в Декабре 1824 г.) следующее: «История Катехизиса Вашего, которую Вы возобновляете в памяти моей, мне весьма известна по тому участию, которое я имел в оном. Я его читал с Вами и без Вас один, я его одобрил и признал его достойным напечатания, нашедши его во всех частях с учением Св. Церкви нашей согласным и потому Православным. И сие письмо моё будет Вам доказательством сего. Святейший Синод, никого не исключая, также не менее моего уверен в Православии Ваших Катехизисов, как Пространного, так и Краткого. Теперь спрашиваете Вы, – почему их остановили? Остановили по Отношению Министра Просвещения, который ни слова не сказал о том, чтобы они не согласны были с Православием (чего он, яко сам православный сын Церкви, сказать не мог), а требовал остановить их впредь до Высочайшего повеления потому только, что Символ веры, Отче наш, Десятословие изложены в них Русским, а не Славянским языком. И сия-то причина прописана в Указе Святейшего Синода Московской Типографии. Из сего Вы изволите видеть, что до Православия катехизисов Ваших никто ни малейше не коснулся, а потому честь Ваша, яко Православного пастыря Церкви, и остаётся без всякого пятна, равно достоинство или важность Святейшего Синода нимало сим случаем не унижены. Вы спросите, почему Русский язык не должен иметь места в Катехизисе, а наипаче кратком, который предназначен для малых детей, не знакомых вовсе со Славянским языком, а потому неспособных понимать истин веры, которые им излагаются на языке сём, тогда как он, т. е. Русский язык доселе удерживается в священных книгах Нового завета

и в Псалмах? На сей и на другие многие вопросы, которые по сему случаю сделать можно, я удовлетворительно ответствовать Вам никак не могу. Надеюсь, что время объяснит нам то, что теперь нам кажется темно. А время сие скоро, по моему мнению, настанет. Я чувствую, что положение Ваше тяжело и скорблю о сем от всего сердца, что не имею возможности облегчить Вас от бремени. Итак, потерпите, – терпение не посрамит; оно доставит Вам опытность, которая впоследствии времени крайне полезна Вам будет».

Насколько могло это письмо успокоить глубоко смущённого *Филарета*, это мог чувствовать и сознавать и вполне только он сам. Но если судить и со стороны о содержании этого письма, особливо о последних выражениях, где Митрополит *Серафим* явно уклонился, и притом в силу невозможности для него самого отвечать удовлетворительно на все вопросы, и назвал самоё положение дела тёмным, а наконец, хотя в благожелательном смысле, указал *Филарету* на все совершающееся так, что оно доставит ему опытность, которая в последствии времени будет для него крайне полезной, – то здесь же скрывается нечто и как бы укорительное именно за допущенную *Филарет*ом своего рода неопытность, или прямее за неумеренно-ревностное отношение к делам Библейского Общества... Этот смысл укоризны тем более естественен был и в душе самого Митрополита *Серафима*, что он незадолго перед этим, предостерегал *Филарета* и через Викария своего Преосв. *Григория*, и даже сам писал как бы по секрету – по латыни: «Interim svadeo Tibi, ne quid de rebus biblicis in Novellis typo imprimendum mittas, uti praeteritis diebus fecisti. Urgente quadam necessitate, potes huc mittere, ut in diario biblico imprimatur)[465]. С другой стороны, это выражение укоризны *Филарету* естественно было вызвано тем, что самому *Серафиму* приходилось, как говорится, жутко вследствие именно того, что действовавшие против *Филарета* (за его неугомонное действование по Библейскому Обществу) стали действовать и против других Членов Синода, как бы не чуждых, по их убеждению пристрастия, представляя самому Государю о необходимости даже заменить их другими. Да и на самого Митрополита *Серафима* они стали так напирать, что последний вынужденным нашёл себя войти к Государю с представлением «о вреде всеобщего обращения Библии, о союзе Библейских Обществ с мистическими заблуждениями и о необходимости закрыть их"… А при этом, указывая на слабость своего здоровья и преклонные лета, просил Государя дать ему сотрудника и совещателя такого, совокупно с которым он мог бы действовать к прекращению распространяющегося зла... и

указал прямо на потребное ему лицо – Киевского Митрополита *Евгения* (*Болховитинова*), как известного по Православию, учёности и благонамеренности, на вызов которого в Синод, писал Государю *Серафим*, выразил своё полное одобрение и Министр Просвещения с готовностью пользоваться советами *Евгения* в важном деле воспитания[466].

Итак, если взять во внимание эти все обстоятельства и приложить их к вышесказанным (в конце письма) выражениям Митрополита *Серафима* к *Филарету*, именно, что «само время объяснит, что кажется теперь темно, и время это скоро настанет», – то *Филарету* Московскому, естественно не много было оснований, чтобы успокоиться содержанием письма Митрополита *Серафима*. Напротив, зная через посредство других – (в особенности Преосв. *Григория*) – о сказанных обстоятельствах, *Филарет* (как передавал нам лично о. Наместник Троицко-Сергиевой Лавры Архимандрит *Антоний*) крепко приуныл и можно сказать сильно струсил... Он ясно видел, что место присутствования его в Св. Синоде уже занято..., а так как к занятию сего места был избран самим Митрополитом *Серафим*ом, кандидат, к тому же по соглашению с Министром, то явно, – ожидать было нечего кроме того, что и вновь избранный Член Синода будет в явном согласии с Министром и К° (разумея *Аракчеева* и Архимандрита *Фотия*). Владыка, – рассказывал о. А. *Антонии*, – никак не думал даже, что он останется и в *Москве*, и тем более не надеялся, что будет тут и Митрополитом... Он скорее предполагал, что его переместят в Грузию в Экзархи, о чём было предположение ещё и прежде, в 1821 г., когда он был Архиепископом Ярославским[467]. Что не сбылось это, хотя действительно снова предполагалось в описываемую пору, Владыка приписывал собственно тому, что как известно стало в последствии, Государь Александр Павлович сделал его (в 1828 г.) главным хранителем (совместно с Кн. *Голицыным* и самим *Аракчеевым*) великой Государственной тайны о наследии Престола, вместо *Константина Павловича*, НИКОЛАЕМ ПАВЛОВИЧЕМ, и поручил ему написать даже самый Манифест об этом, который должен был храниться до кончины Императора в Успенском Соборе. Правда Владыка, успокаивался было по его словам тем, что наряду с Киевским Митрополитом *Евгением* взамен других, уволенных из Синода Архиереев[468], имели было в виду вызвать *Филарета*, бывшего тогда Калужского[469] (впоследствии Митрополита Киевского), как искреннейшего его духовного друга, – но это не состоялось... А что Владыка, – как я сказал, – приуныл сильно от бывших для него тогдашних сильных по его рассказам невзгод, хотя уныние это было в значении скорби душевной пред Богом, – об этом свидетельствует

написанная им молитва или точнее как бы самоисповедь пред Богом под влиянием тяжких, скорбных обстоятельств. У меня есть копия, доставшаяся мне, хотя и не из первых рук, так как это было ещё за десять лет до поступления моего в Лавру».

Выписываем эту копию от слова до слова.

«Господи Боже, Создателю и Спасителю мой, благословенно да будет имя Твоё святое!

Благодарение и слава Тебе, Господи, о всех благих, яже приях от Тебе в житии сем.

Ныне же скорбь и болезнь обретох и имя Твоё призываю.

Поношения нападоша на мя; положиша мя в рове преисподнем, в тёмных и сени смертней. Скорблю о сем и по сей скорби разумеваю, яко согреших пред Тобой, и по грехам моим приидоша на мя беды. Ибо праведники Твои не унывающе, и в темницах пояху Тебе, и во страданиях радовахуся.

Но аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит? Яко несть человек, иже не согрешит.

Ты Един, Господи, грехи всего мира носиши и покаянием очищаеши. Верую, что мене грешного не отвержеши от лица Твоего. За весь мир Единородный Сын Твой Свою Божественную кровь излия. Верую, что и мене грешного от грехов моих омыти можеши и хощеши.

Сего ради с Давидом глаголю: исповем на мя беззаконие мое, Ты же, яко благ, остави нечестие сердца моего.

Страшуся суда и осуждения человеческого, но наипаче да будет мне в страх Твой неумытный суд и и вечное осуждение.

Аще неправда воста на мя: дерзаю словом Давидовым молитися Тебе: услыши. Господи, правду мою и вонми суду моему, и правдою Твоею избави мя.

Аще же аз неправду сотворих, милосердием Твоим неправду мою уврачуй.

Не попусти уклонитися сердцу моему во словеса лукавствия, к сокрытию истины и к ложному оправданию.

Помози мне и уразумети и возненавидети неправду мою, возлюбити же правду и во истине обрести облегчение душе моей. Облегчи бремя бедствия моего. А еже понести мне суждено, да понесу с терпением ради очищения грехов моих и ради умилостивления Твоего правосудия.

Аще и стыд покрыет мене пред некиими человеки, да потерплю со смирением, да умилостивлю Тебе, Господи, да не постыжден буду пред лицем всего мира на страшном суде Твоём.

Прихожду к Тебе скорбный и печальный, не лиши мене духовного утешения.

Прихожду к Тебе омраченный, яви мне свет упования спасения.

Припадаю к Тебе изнемогший, возстави и утверди мене благодатию Твоею.

Паче же всего даруй мне желание и помози мне, Господи, творити во всем Твою волю, да в мире совести прославлю имя Твоё святое Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

При чтении этой скорбно-молитвенной самоисповеди нельзя не видеть, сколько вообще состояние лица, изливавшего свои чувствования, столько и указание на некоторые обстоятельства. Таковы, например, выражения: *Страшусь суда и осуждения человеческого… Аще неправда возста на мя… или аще аз неправду сотворих… Аще же и стыд покрыет мя пред человеки, да терплю...*

Но вот в то самое время, когда *Филарет* Московский находился среди тяжких испытательных для него обстоятельств, другой *Филарет*, в своё время в бытность ещё Архимандритом, получивший от первого подаренную ему для ношения на персях святительскую панагию, – от всей глубины сердечных молитвенно успокоительных чувств является перед ним со своим писанием, – и едва ли не ожиданным, так как из письма не видно, чтобы оно было ответным.

Высокопреосвященнейший Владыко,

Милостивый Архипастырь и отец!

«Господа Иисуса Христа ради поберегите себя для святой Церкви Его и не давайте скорби разрушить здоровье Ваше, которым Вы так нещадно жертвовали для Бога, Церкви и отечества. Молитва о Вас от всех истинных сынов Церкви прилежная дойдёт до Господа; и Господь Бог скоро прогонит мрак, изведёт истину во свет. Скорблю о Вас до глубины сердца. И молю Господа и Спасителя нашего, да подаст Сам Он Вам силы с терпением святых Его перенести искушение веры Вашей и чистой любви Вашей к Нему, а в Нём и ко всем. Ибо не ведят, что творят. Любовь Господа Иисуса Христа единая всесильная да утешит, да укрепит, и да растворит сердце Ваше радостью в скорбях в причастии крестной Его на земли жизни.

Поручая себя Святым молитвам Вашим, с истинной и, никогда не изменяющеюся в Господе нашем Иисусе Христе, любовью имею во веки пребыть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга *Филарет*, Епископ Калужский. Калуга. 12 Декабря 1824 года».

Вместо своих комментариев относительно значения этого письма мы

воспользуемся теми, какие сделаны были ещё в своё время, при первом опубликовании этого письма[470]. Это письмо относится к тому времени, когда Святитель Московский испытывал тяжкие скорби по поводу нареканий на составленный им Катехизис. «Муж веры, вере которого дано свидетельство, можно сказать от лица всей Православной Церкви[471], в течение всей жизни не избегал и он разных нареканий относительно правоты его веры, подобно многим великим служителям её, со стороны ревнующих о ней не по разуму. С мужеством и терпением переносил он эти скорби, с дерзновением правды, но и со смирением защищаясь от таких нареканий и не ослабевая в подвигах веры. Но если таков христианский долг подвергающихся подобным скорбям, то долг ведающих чьи-либо подобные скорби – облегчать их словом доброго участия. Есть много разного рода печалей, для облегчения которых немного значат и самые добрые слова, а нужна быстрая, деятельная помощь: здесь же и слово есть уже дело. Поучительный пример исполнения этого отрадного (и, однако же, часто ли и многими ли исполняемого?) долга представляет в настоящем случае другой, соимённый Московскому, приснопамятный Святитель, – тогда Епископ Калужский, впоследствии Митрополит Киевский, *Филарет*; и при воспоминании о первом благовременно теперь привести на память эту черту из жизни второго. При всей простоте его утешительного письма, обычной и в поучениях этого Архипастыря, каким дышит оно духом веры, упования, любви! И по своей частной ближайшей цели это самое письмо какой представляет достоподражаемый пример истинного сопастырского сочувствия к состоянию того, кто за подвиги ревности до *нещадного* – говоря словами писавшего – *самопожертвования* для Бога, для Церкви, для отечества подвергнут был столь скорбным испытаниям; – такое сочувствие могло быть именно в душе только того, кто сам был во многих и тяжких испытаниях и готов быть верным правде и истине и любви Христоподражательной до степени того же нещадного самопожертвования».

Но кроме этого письма Высокопр. *Филарета*, в бытность его Епископом Калужским, к Высокопр. *Филарету* Московскому были ещё два – именно в 1824 г. и в Январе 1825 г. Письма эти обнародованы были самим же, получившим их, *Филаретом* Московским и собственно по поводу того мнения Высокопр. *Филарета* (Киевского), которое он представил от себя против предпринятого в 1856–1857 гг. нового перевода Библии на Русский язык, и в опровержение которого писал свой отзыв Митрополит Московский *Филарет*. Здесь-то он и привёл содержание указываемых писем в доказательство как бы неверности *Филарета*

Киевского самому себе в своих взглядах и убеждениях относительно перевода Библии, как их он держался прежде (в 1824–1825 гг.) и какие изложил в своём последнем мнении (в 1856 г.).

Мы приводим оба указываемые письма в настоящем месте по неразрывной связи с письмом предыдущим, и позволяем себе предложить содержание их особенному вниманию читающих, в тех собственно видах, чтобы для всякого удобнее, яснее и вернее возможно было определить значение их по самому существу дела и по тому смыслу, в каком они приведены обнародовавшим их в пользу своего отзыва, (который в подлиннике увидят читающие), против мнения Высокопр. *Филарета*, отрицавшего предпринятый перевод Библии на Русский язык.

Первое из этих писем помещено в самом отзыве Митрополита Московского в пункте XI против мнения Высокопр. *Филарета* Киевского. «Несчастие для Церкви, достойное плача, – писано в письме, – что между тем как *перевод Нового Завета на Русский язык и Катехизис*[472] всеми приняты очень спокойно и с уважением, и с надеждой можно бы ожидать благословенного плода, – какой-то неприязненный дух родил в нескольких мечтательных головах мнимую от сего опасность для Церкви. И сии мечты принимаются за основательные. Я готов торжественно свидетельствовать, что в моей Епархии, может быть более других привязанной к старинным мнениям и обычаям церковным, ни малейшего следа нет к сомнению о переводе и Катехизисе. Откуда же взято таковое сомнение? Неужели от других пастырей, которые поставлены стражами в дому Господнем, последовали представления о сём Св. Синоду или Первосвятителю?.. А ежели их нет, то не явная ли клевета на дело столь чистое и святое? Именем Господа Бога и Церкви Его святой прошу не молчать, а свидетельствовать истину в таком деле, которое касается до мира Церкви и достоинства Иерархии. Молю Господа и Спасителя нашего, да откроет Вам способ говорить Самому Помазаннику Господню о столь важном для народного благосостояния деле, ежели то нужно будет». После этой выписки письма Митрополит Московский в своём отзыве написал: «Таково было мнение Митрополита Киевского о переводе Нового Завета в 1824 г., когда он судил о нём смотря на самое дело, не быв подвержен влиянию тех предубеждений, которыми он объяснял тогда перемену мыслей покойного Митрополита *Серафима*"[473].

Второе письмо (от 5 Января 1825 г.) приложено было при особом письме Высокопр. *Филарета* Московского к Обер-Прокурору Графу *Толстому*, писанном в дополнение к данному уже им формальному отзыву. Вот подлинное содержание письма, писанного (из *Калуги*)

Высокопреосв. *Филарет*ом. «Получив любезное писание Вашего Высокопреосвященства, от 31 Декабря минувшего 1824 г.[474], возблагодарил я Господа Бога, что Он укрепляет дух Ваш миром Своим среди искушений и скорбей. Сего и надеялся я от Вашего благочестия и от благости к Вам Господа, Которому верно служите. Из письма Владыки[475] усматривается ясно, что он, в самом деле, не был действователем в остановке *Катехизиса*[476], а только страждущим. В доказательство сего и для Вашего соображения посылаю к Вам копию с письма, нечаянно мне попавшегося. Болезненно видеть, каких мечтателей слушают и в какие важные дела допускают людей, не призванных ни Богом, ни начальством. По ревности моей, хотел было я, послать сию штуку к Владыке (Санкт-Петербургскому) и просить его Господом Богом, чтобы Он от сих возмутителей остерегался для блага и мира Церкви и для собственной своей чести и безопасности. Но без совета Вашего к сему не решился приступить. Ещё в доказательство того, что Владыка был только страждущим, и может быть, не довольно твёрдым, прилагаю и копию с отношения Министра Просвещения. Как бы то ни было, но Церковь зело болезнует, и дай Бог, чтобы болезни её кончились рождением радости».

«Вызов Киевского Митрополита (*Евгения*), по необычайности своей, много заставляет думать. Но мне помнится, что или в Московских Ведомостях, или в Библейских отчётах напечатан был одобрительный его отзыв о переводе Нового Завета, которому противоречить, кажется, для него будет неуместно. Желательно, чтобы хоть он заставил молчать мечтателей. Впрочем, един Господь Иисус Христос утверждение Своей Церкви, и Он, вечная Премудрость Бога Отца, верно найдёт способ извести во свет истину, *ими же весть судьбами*"[477].

Препровождая это письмо к Обер-Прокурору, Графу *А.П. Толстому*, при письме своём (от 18 Августа 1857 г.), Высокопр. *Филарет* (Московский) в самом начале последнего выразил следующее: «Прискорбно мне, что я принуждён был входить в состязание с суждениями досточтимого мужа. Но уважение к истине не должно поставлено быть ниже уважения к лицу. По справедливости можно пожалеть, что Высокопреосвященнейший Митрополит Киевский, имея в виду мнение полного собрания Святейшего Синода, не обратился со своими сомнениями непосредственно к Членам Святейшего Синода, через что образовались бы конфиденциальные частные сношения для приведения дела в бóльшую ясность, и можно было бы достигнуть того, чтобы дело вошло в Святейший Синод, уже освобождённое от вида разногласия, что конечно было бы благовиднее. Прежде так поступаемо

было». В самом же конце письма читаем следующие строки: «Сказанное в сём письме может подать мысль: не войти ли теперь в новое сношение с Высокопреосвященнейшим Киевским, прежде внесение дела в Св. Синод? Но это уже поздно и может вести к новым затруднениям. В предварительных конфиденциальных, так сказать, домашних совещаниях удобно модификовать мнение, и различные приближать к единству, через что прежние различные обращаются в ничто. Сие удобство миновало, когда мнение высказано официально, и о сём даже доведено до Высочайшего сведения. Остаётся в точности исполнить Высочайшее повеление о внесении дела в Св. Синод. – А вот ещё, любопытное по сему делу, соображение. В отношении от 21 Декабря 1856 г. Высокопреосвященнейший Киевский желает поправить важное и тёмное в Славянском тексте место книги Бытия, гл. 49, ст. 10, и предлагает вместо слов *«отложенная ему»* поставить слово *«Примиритель»*. А это слово взято из того перевода, который сожжён на кирпичном заводе»[478].

Читая в этом письме Высокопр. *Филарета* Московского к Графу *Толстому* всё выраженное и в начале и в конце, всякий конечно ясно видит здесь ту же мысль писавшего, которую он выразил и прежде в своём официальном отзыве, т. е. что «мнение Высокопр. *Филарета* Киевского о переводе (в 1824 г.) было не такое, когда он судил о нём смотря на самоё дело, не быв подвержен влиянию предубеждений и пр., нежели какое изложено им в самое последнее время. А что касается того, где писавший выразился, что «по справедливости можно пожалеть, что Высокопр. Митрополит Киевский, имея в виду мнение полного Собрания Св. Синода, не обратился со своими сомнениями к Членам Св. Синода и пр., то всякому читающему уже известно, – почему так поступил Высокопр. *Филарет* Киевский. Именно потому, что к нему официально обратился с просьбой доставить ему своё мнение сам Обер-Прокурор, Граф *Толстой*; а между тем Святейший Синод со своей стороны не сделал никакого обращения к Высокопр. *Филарету* Киевскому, как Члену Синода, тогда как увидим, что Святейшим Синодом (как буквально выражено в акте рассуждения полного Собрания Св. Синода) было сделано обращение к находившемуся уже на покое Члену, бывшему Архиепископу Ярославскому *Евгению*.

Впрочем, имея в виду представить в следующей главе полное изложение, взятое целиком из подлинных документов, всего настоящего дела под рубриками:

а) Случай к Синодальному рассуждению;

б) Ход Синодального рассуждения;

в) Изложение самого рассуждения и решение, и наконец

д) Мнение Высокопр. *Филарета* Киевского и рассмотрение сего мнения, или точнее – отзыв Высокопр. *Филарета* Московского на это мнение,

мы и не продолжаем более здесь речи о настоящем предмете. Нам остаётся закончить весь, доселе специально изложенный, отдел тем, что должно выходить прямым результатом всех представленных в нём фактов и сведений.

Читающие знают, что весь настоящий отдел был изложен с тою собственно целью (как было сказано об этом в самом начале), чтобы изобразить отличительные черты и личного характера, и истинно Святительского духа и образа действий Высокопр. *Филарета*. В каком же виде и в какой мере эти черты действительно отразились в изложенных фактах и сведениях, мы, сколько предоставляем самим читающим судить и ценить всё это, столько же со своей стороны со всецелой беспристрастностью свидетельствуем, что эти самые факты и все сведения, по их сущности и значению, превосходят многие, если не все другие в ряду административных деяний, по которым обыкновенно судят о достоинстве и заслугах святительских вообще. Не без основания сама св. Церковь особенно молит: »*Их же* (Святителей) *даруй, Господи, в мире целых и право правящих слово Твоея истины*«. В этом отношении и самое дело о переводе Св. Писания не есть только временное событие и не относится к области лишь научного ведения и книжного разумения, и тем ещё более, – не дело личных лишь стремлений с одной стороны и оппозиций с другой, а напротив содержит в себе то, что составляет краеугольный камень для Церкви Христовой в её основании и утверждении. И вот в этом-то, именно последнем значении, и явился таким ревностным, непоколебимым и нелицеприятным участником и направителем в разрешении сего дела Высокопреосв. *Филарет*, начиная с первой своей Святительской кафедры Калужской, и оканчивая тем мнением (протестом), с каким выступил он (в 1856 г.) против снова возникшего вопроса по этому делу. Что высказанные в этом протесте мысли и убеждения действительно относятся по самому времени к Калужскому служению Высокопр. *Филарета*, это ясно из слов его, что «он не только не участвовал в переводе Библейского Общества, но тогда же не сочувствовал» и пр. И если бы, как предполагалось, он был вызван в Синод (в 1824 г.) то, вне всякого сомнения, явился бы не менее самого Митрополита *Серафима* и других *против* деятелей Библейских... – что и доказал он впоследствии по делу о переводе *Павского*, а также и *Макария*

Алтайского. Сказать возможно более, – если бы и *Филарет* Московский подвергся преследованиям не за Катехизисы, а прямо за неумеренно-ревнительное его участие в переводе Библейским Обществом всей Библии, а не Нового Завета только, то тот же самый *Филарет* Калужский не отнёсся бы к нему с таким сочувствием, какое видели мы в приведённых письмах... Наконец, если бы Господь не воззвал Высокопр. *Филарета,* вскоре же после предъявленного им протеста против вновь возникшего вопроса о переводе Библии, – то позволительно думать, что едва ли бы это дело было исполнено, и, по крайней мере, не так бы скоро и не в том, быть может, виде. Последнее тем более вероятно, что сам бывший тогда Обер-Прокурор Св. Синода Граф *А.П. Толстой* не сочувствовал и прямо не соглашался с мнением прочих Членов Св. Синода и собственно на основании того, что было ему известно из личных бесед его с Высокопр. *Филарет*ом, и что наконец изложено было в мнении последнего, – какового мнения он сам от себя нарочито требовал и представил его отдельно Государю Императору[479], и потом скорее решился испросить себе у Государя увольнение от Обер-Прокурорства, чем согласиться с решением о новом переводе. Впрочем, если бы в эту пору не был Первоприсутствующим в Св. Синоде Митрополит *Григорий,* (назначенный Петербургским Митрополитом в Сентябре 1856 года), то это дело не приняло бы такого поспешного хода, так как Митр. *Григорий* был одним из самых жарких поборников за перевод ещё Библейского Общества, хотя он и не дожил до времени и начинания этого нового перевода[480]. Равно и сам *Филарет* Московский, возобновивший было свой прежнюю подобо-Библейскую ревность, тоже едва узрел лишь первые начатки... А если бы оставался в живых *Филарет* Киевский, то более чем вероятно, *Филарет* Московский и не проявил бы такой своей ревности, а преклонился бы перед силой того единомыслия со своим Соименником, каковому начало положено было ещё в их сослужении на поприще учебно-воспитательном в духовных Академиях, и которое сохранялось всегда неизменно. И недаром он же сам, и после уже данного им официального отзыва в опровержение мнения Высокопр. *Филарета* Киевского, проводил мысль, – чтобы войти в новое сношение с последним, хотя и признавал это дело поздним уже в силу того, что было уже Высочайшее повеление внести дело в Синод, а к этому должно добавить, и в силу того, что это сношение и не могло уже состояться по самому времени скоро последовавшего блаженного исхода Высокопр. *Филарета* от сей жизни в вечную, в которую он и желал переселиться по его собственному свидетельству, с непреложнейшим убеждением в истине, правоте и чистоте своих

убеждений, готовый предстать с ними и на Суд Христов.

Но *да будет память* сих Первосвятителей *во благословениих, и да почиют от трудов своих, – дела бо их в след их грядут* (Откр. 14:13).

Обращаемся к изложению всех тех подлинных документов, которые предуказаны выше по делу, совершавшемуся в полном Собрании Членов Святейшего Синода, о приступлении к переводу всей Библии на Русский язык.

Глава XXIV. Мнение Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, о переводе Священного Писания на Русский Язык и отзыв на это мнение Высокопр. Филарета, Митрополита Московского

«Поелику Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть, чтобы сие мнение сообщено было мне, и требуется от меня отзыв, то нахожу необходимым извлечь из оного мысли, составляющие основание оного мнения, дабы с основанием дать мой посильный отзыв»[481].

«С прискорбием покоряясь необходимости, прошёл я поприще состязания с мыслями, изошедшими от мужа досточтимого. И, остановясь, скорблю о некотором, хотя и частном недостатке единства там, где оно наиболее вожделенно»[482].

Всё дело по переводу Библии на Русский язык, предпринятому Св. Синодом в 1856 г., мы изложим целиком по подлинным документам, напечатанным в Сборнике мнений и отзывов Высокопр. *Филарета*, Митрополита Московского. Изложение наше, однако будет в ином виде, именно в том, в каком оно было внесено на рассуждение Св. Синода при предложении г. Обер-Прокурора. Разность этого изложения состоит в том, что в «Сборнике» мнение Высокопр. *Филарета* (Киевского) изложено в сокращениях, или точнее в отрывках из целого изложения его мнения, из которых против каждого, взятого в отдельности, отрывка напечатано изложение и отзыва Высокопр. *Филарета* Московского. Само собой понятно, что такой вид изложения мнения, представленного в отрывках, и изложение отзыва против каждого пункта в отдельности, с одной стороны затрудняет и читающих, чтобы с полным вниманием выследить и уразуметь всю силу и значением мыслей и pro и contra, а с другой стороны весьма трудно и почти невозможно всякому читающему определить и уяснить для себя то, – какие именно пункты и, главное почему они обойдены в отзыве «*проходившего поприще состязания с мыслями, исшедшими от мужа досточтимого*» и почему именно такие, а не иные мысли, оставлены им без всякого, так сказать, прикосновения к ним. Мы берём изложение, точь в точь с того вида, в каком читано было нами всё дело в Архиве Св. Синода[483]. Здесь всё, что заключается под указанными нами прежде рубриками, – как-то:

а) Случай к Синодальному рассуждению;

б) Ход Синодального рассуждения;

в) Изложение Синодального рассуждения и самого решения и

д) Мнение Митрополита Киевского и отзыв против него Митрополита Московского,

изложено *в двух столбцах*. В этом-то именно виде печатаем и мы настоящее изложение, при котором для читающих всего удобнее видеть и наглядно следить и уразумевать суть дела как по отношению к мнению, так и отзыву, непосредственно сопоставляя и ту и другую сторону. Что же касается самого содержания всех излагаемых документов, то с нашей стороны не сделано никакого буквально и прикосновения, чтобы сказать что-либо в значении комментария. С этой стороны мы позволяем себе свидетельствоваться двумя изречениями Писания, – в отношении к себе самим: «*Бых яко трость книжника скорописца*», – а в отношении к читающим: «*чтый да разумеет!*".

Мнение Высокопреосвященного Митрополита Киевского *Филарета* от 21 Декабря 1856 года

Почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 2 Ноября сего года № 2457, я имел честь получить. Хотя по немощам моим нахожу весьма трудным для себя дать Вам вполне удовлетворительный ответ в деле столь великой важности: но, призвав Господа Бога на помощь, Пастырским долгом моим поставляю изложить мои мысли по крайнему моему разумению и по убеждению совести моей, пред очами Божиими без малейшего пристрастия. Я не участвовал в переводе Св. Писания на Русское наречие, предпринятом у нас вначале нынешнего столетия, ни в остановлении сего перевода, вскоре затем последовавшем; но по долгу звания моего тщательно следил за ходом сего важного дела в течение долговременного служения моего

Отзыв Высокопреосвященного Митрополита Московского *Филарета* от 21 Июля 1857 года

В достопамятный день Священного Коронования и Миропомазания Их Императорских Величеств Святейший Синод явился в такой полноте своего состава, особенно по числу Архиереев, в какой едва ли бывал со времени своего учреждения. Его составляли 8 Архиереев (в том числе 4 Митрополита и 4 Архиепископа) и 2 Протопресвитера. Кроме сего находились налицо 4 Архиерея, не присутствовавшие в Святейшем Синоде. По наставлению Соломона: *спасение есть во мнозе совете* (Притч. 11:14), Святейший Синод решился воспользоваться сим обилием совещающихся, чтобы достопамятное время ознаменовать совещаниями о некоторых предметах особенной важности для Православной Церкви и в числе их о

Святой Православной Церкви и Отечеству.

Во время пребывания Вашего в Киеве, в беседе со мной угодно было Вам предложить мне вопрос: нужно ли и полезно ли перевести Священное Писание на Русское наречие. Я как тогда отвечал, так и теперь ответствую, что

переводе Нового Завета и некоторых других книг Священного Писания на Русское наречие.
После неоднократных частных предварительных совещаний, в Заседании Святейшего Синода, 10 Сентября, происходило о сём предмете обстоятельное рассуждение, которое привело к единогласному заключению, что нужно приступить к сему делу с должной предосторожностью и некоторыми ограничениями, внушаемыми осторожностью.
В сём заседании не присутствовал по болезни тогдашний Первенствующий Член, блаженной памяти Митрополит Новгородский *Никанор*: но единогласие его с состоявшимся в сём Заседании решением совершенно известно было из предварительных частных совещаний.
Нижеподписавшемуся прочими, бывшими в сём Заседании, поручено было изложить письменно рассуждение и состоявшееся заключение. Сие исполнено вскорости: но как Заседание, 10 Сентября, было последнее в *Москве*, то составленное изложение не могло уже быть представлено собранию Святейшего Синода для выслушания, а препровождено в двух списках к нынешнему Первенствующему Члену Святейшего Синода (который и признал оное согласным с бывшим в Заседании Святейшего Синода

рассуждением) и к г. исправлявшему должность Синодального Обер-Прокурора. По местной удобности означенное изложение сообщено также Синодальному Члену, *Евгению,* Архиепископу, бывшему Ярославскому, который также признал оное согласным с бывшим в Заседании Святейшего Синода рассуждением.

Изложение сие состоит в следующем: 1856 года Сентября 10 дня Святейший Синод имел рассуждение о переводе Нового Завета и некоторых других книг Священного Писания на общевразумительное Русское наречие, и принял в соображение следующее:

1) Святые Пророки и Апостолы писали Священные книги на природном и общеупотребительном языке тех народов, к которым первоначально поступить должны были сии книги, и предавали оные в общее употребление в церковных собраниях и вне оных. Они же показали нам пример и перевода с первоначального языка на другой, более употребительный. Так Святой *Златоуст* (на Матфея Беседа 1) пишет, что Святый Евангелист Матфей *от Иудей веровавшим Еврейским языком сложи Евангелие:* но в то же Апостольское время оно переведено на Греческий.

2) Святые Отцы всегда побуждали всех верующих к чтению Священного Писания. Святой

Златоуст (на Матфея Беседа 2) говорит к мирянам: *Сие-то есть, еже вся повреди, яко единым монахом чтение Божественных Писаний мните потребно быти, в нихже много вящщу оных вы потребу имате.* И ещё*: не подобаше изшедшим из Церкве в неприличествующие Церкви входити вещи; но абие в дом пришедшим книгу прияти, и жену и дети к общению реченных призвати.* И в другом месте (Беседа 54) о врачевании больной грехом души говорит: *покажи ту недугующую Павлу; приведи Матфеа; близ посади Иоанна, слыши от них, что подобает творити тако страждущу. Всячески рекут и не скрыют, не умроша бо, но живут и вещают.* То есть читай у себя в доме священные книги и веруй, что чрез них Священные писатели, как живые, действуют спасительно на твою душу.

3) Язык Славянского перевода Библии общеразумительный и общеупотребительный в своё время, не таков уже в настоящее время по своей древности. Для одной части Православного народа он становится вразумительным посредством прилежного упражнения в церковном Богослужении и чтении: но другая, более многочисленная часть не имеет сего преимущества и требует Русского перевода, как пособия к разумению Священного

Писания.
4) Неоспоримо то́, что в Славянском переводе Библии есть многие места, в которых состав речи не вразумителен, и некоторые требуют сличения с первоначальными текстами Еврейским и Греческим. Но как знание сих языков мало распространено: то многие, по нужде, обращаются к иностранным переводам Библии, сделанным вне Православного Исповедания, по духу чуждых вероисповеданий, и могут впадать в неправые толкования и заражаться несчастным предрассудком в пользу чужого. В сём отношении пособие Русского перевода нужно многим и из приходского, особенно сельского, Духовенства.
5) В вышесказанном можно видеть причины, по которым Святейший Синод в 1813 году с Высочайшего соизволения разрешил приступить к переводу Священного Писания на русское наречие, а в следовавшие потом годы сделать перевод Нового Завета под смотрением и с участием приснопамятных Первенствующих Членов Святейшего Синода, Митрополитов – Новгородских *Амвросия, Михаила* и *Серафима*.
6) В следующие далее годы дело перевода Священного Писания на Русское наречие и издание оного не по рассуждению Святейшего Синода, но по причинам официально не объяснённым, приостановлено: впрочем

напечатанные экземпляры продолжали поступать в общее употребление и, между прочим, через Общество Попечительное о Тюрьмах, дотоле, пока запас их, в недавние уже годы, истощился.

7) Последствием истощения печатных экземпляров Нового Завета на Русском наречии в главном хранилище их, – в ведомстве Святейшего Синода, сделалось то, что экземпляры, вышедшие перед тем в вольную продажу, начали продаваться необычайно дорогой ценой, что с одной стороны показывает народное требование, с другой подаёт повод к жалобам. Другое, ещё более неблагоприятное последствие есть то, что появились в немалом числе экземпляры сей книги иностранных изданий, сделанных не только с погрешностями, но, как свидетельствуют видевшие, и с переменами, вероятно намеренными. Такое положение сего дела не безопасно от вреда и даёт благовидность нареканию, что дальние Алеуты, с благословением Святейшего Синода, пользуются некоторыми книгами Священного Писания на своём общевразумительном языке, а Православные Россияне не только мимо сего благословения, но и незаконно могут удовлетворять подобной потребности.

По всем выше изложенным

соображениям Святейший Синод усматривает нужным и должным учинить следующее:
1) Дело перевода Нового Завета на Русское наречие, а потом постепенно и других частей Священного Писания, возобновить, но с крайнею осторожностью, какой требует важность оного, и с назначением сего перевода для употребления вне церковного Богослужения, в пособие к разумению Священного Писания.
2) Перевод Нового Завета на Русское наречие, как первый в сём роде опыт, от которого нельзя было и требовать полного совершенства, тщательно пересмотреть, причём принять за правило, чтобы он был всевозможно точен и чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными.
3) Сей перевод по исправлению должен быть освидетельствован Святейшим Синодом, прежде издания оного.
4) Русский перевод Псалтири, который сделан большей частью применительно к Еврейскому тексту, без достаточного соображения с текстом Греческим (что сколь нужно по церковному преданию, столь же справедливо по исследованию), исправить по сличению Еврейского и Греческого текста.

5) После Псалтири из книг Ветхого

Завета особенно требуют возможного приведения в ясность книги Пророческие. К сему полезным признаётся приступить таким образом, чтобы не издавать оные вдруг, но чтобы, по сделанию Русского перевода одной книги, и по дополнению оного краткими объяснениями, особенно в отношении к Новозаветному исполнению Пророчеств, на первый раз напечатать оный в одном из периодических изданий Духовного ведомства, чрез что откроется удобность усматривать суждение об оном, и пользоваться ими для усовершения перевода, прежде вступления оного в полный состав Священных книг. Такой ход дела не может быть поспешен: но зато сколько он будет осторожен, столько же, при помощи Божией, будет благонадёжен.

6) Как в 1813 году дело сие начато было с Высочайшего соизволения, то и ныне о возобновлении оного представить на Высочайшее благоусмотрение.

В последствии времени, отсутствующий Член Святейшего Синода, *Филарет*, Митрополит Киевский, изъявил по сему предмету своё рассуждение и мнение, несогласное с решением Синодального Собрания.

Поелику Его Императорскому Величеству благоугодно было повелеть, чтобы сие мнение сообщено было мне, и требуется от

меня отзыв: то необходимым нахожу пересмотреть мысли, составляющие основание оного, дабы с основанием дать мой посильный отзыв.

что Русское наречие не может передать Священного Писания со всей той силой и верностью, какими отличается перевод Славянский,

Нельзя с сим согласиться: 1) потому что Русское наречие обладает обилием Славянского и присовокупляет к нему своё обилие, следственно представляет или не менее, или ещё более средств к верному выражению Священного текста; 2) потому что языки, менее обильные, нежели Русский, выдерживают удовлетворительное переложение Священного текста. Славянское наречие в некоторых выражениях преимуществует краткостью и важностью, как употребляемое в Богослужении. Но преимуществом Русского перевода Священного Писания должна быть ясность, качество нужнейшее для чтения назидательного и душеполезного.

в котором доступно понятию всё то, что только нужно для назидания верных к вечному их спасению;

Сие справедливо в отношении к главным истинам и правилам жизни: но не полезно и не удобно было бы оставить большую часть Православных христиан в таком положении, чтобы они разумели только малую часть Священного Писания, и особенно в такое время, когда при распространяющейся образованности и усиливающемся движении естественного разума неведение в предметах веры унижало бы её пред глазами разума, производило бы холодность к ней и

что Русский перевод будет вытеснять Славянский язык, и без того не довольно знакомый образованным из наших соотичей, для которых таким образом, может сделаться наконец непонятным Богослужение Церковно-Славянское, составляющее главное, вернейшее и надежнейшее средство для всех сынов Российской Православной Церкви к назиданию их в вере и благочестии, и что по всему этому теперь надобность настоит не в переводе Библии на Русский язык, а в прилежном изучении Славянского языка во всех наших духовных и светских училищах и в повседневном прилежном чтении на нём Священного Писания. Сии мысли мои основываю я на следующих соображениях: Прежде всего, до́лжно обратить внимание на пути Промысла Божия, который без сомнения, паче всех бодрствует и премудрее всех мудрований человеческих печётся как о распространении между народами Слова Божия, так и о сохранении его во всей чистоте и неповрежденности. Так:

1) Богу угодно было первоначально сообщить Своё слово избранному порождало бы вредные сомнения. Святые Отцы поощряют первых читать Священное Писание, следственно и достигать, по возможности, разумения оного; а потому нужен для оного общевразумительный язык. Последняя мысль есть доказательство потребности Русского перевода. Опасение же, чтобы Русским переводом не был вытеснен Славянский, устраняется тем, что Славянский неизменно останется в Богослужебном употреблении, что и будет побуждать к изучению Славянского наречия, а сему доставлено будет удобство, если, как было и прежде, Новый завет издан будет на Славянском и Русском наречии совокупно. Как блаженной памяти, Митрополиту Новгородскому, *Никанору* не представлялось опасения издать в Русском переводе вместе со Славянским значительную часть книг Богослужебных, именно: каноны на все великие праздники, великий канон великого Поста, Акафист Божией Матери, каковое издание и совершил он в 1855 и 1856 годах непосредственным своим наблюдением: так не представляется опасения издавать в Русском переводе книги Священного Писания, которых издание в таком переводе несравненно нужнее и полезнее.

народу своему Израилю на одном только Еврейском языке, и хотя народный язык с течением времени, с ходом исторической жизни народа Божия, конечно изменялся, а особенно после плена Вавилонского далеко стал уже не тот, каков был прежде и на каком писаны Священные книги:
однако же Богу неугодно было, чтобы они переложены были на новый народный язык, а оставались они неприкосновенными на древнем языке, тщательно хранились от малейших изменений, а для уразумения народу читаемы были в синагогах с объяснением от учителей народных – Священников и Левитов, Самим Богом на сие поставленных.
2) Когда приближалось время пришествия Христова, то Бог предвидя, что Евреи отпадут от истинной Церкви Божией и что, не признав Иисуса Христа Мессией, они из ненависти к Христианству могли бы решиться на повреждение Еврейского текста, особенно в Пророческих книгах, ясно обличающих их заблуждение, премудрым Промыслом Своим так устроил, что
сами же Евреи, и притом учёнейшие из них, перевели книги Ветхого Завета на Греческий, тогда общеупотребительный язык, и таким образом перевод Семидесяти толковников поставлен Самим Богом твёрдым и нерушимым оплотом против ожесточённых врагов

Не угодно было сие Богу без сомнения потому, что Еврейский язык оставался ещё понятным народу; и сие можно усмотреть из книги Деяний Апостольских (Деян. 21:40–22:2), в которой повествуется, что когда Апостол Павел перед многочисленным собранием Иерусалимского народа начал говорить на Еврейском языке, то его слушали с особенно глубоким вниманием и следственно понимали речь на Еврейском языке. Итак, сей пример не может быть возражением против настоящего дела.

Христианства, – Еврейских раввинов. Перевод этот принят Новозаветной Церковью, как совершённый под несомненным руководством Духа Божия и под особенным смотрением Промысла Божия, так что даже Апостолы приводили места из Ветхого Завета по сему самому переводу, а Отцы Вселенской Церкви постоянно имели оный, равно как и книги Нового Завета, написанные уже Апостолами на сём же самом языке, непогрешимым руководством в определении догматов Веры и в деле спасения, и Вселенские Соборы им руководствовались в составлении Православного исповедания Веры и обличении еретиков.

3) Матерь наша, Церковь Восточная – Греческая, перевод Семидесяти, вместе с первоначальным текстом Нового Завета, с самых первых веков постоянно признавала столь Священным и неприкосновенным, что никогда не покушалась и не признавала нужным перелагать Священные книги на какое-либо новое наречие, несмотря на то, что с течением времени язык Греческий видоизменялся и более и более удалялся от языка Священных книг. Хотя же ещё в первых веках известны были другие переводы Ветхого Завета, как то: *Акилы*, *Симмаха*, *Феодотиона*, но сии переводы сделаны не Церковью, а частными лицами, не признаны и не утверждены Церковью и не были отнюдь в общенародном

Для Евреев же, которые живя между язычниками, особенно в Египте, менее сохранили знание своего природного языка, по устроению Божию сделан перевод Священных книг на Греческий, как более употребительный язык.

употреблении. Вместо перевода на народный язык, –

Отцы Греческой Церкви внушали народу читать Св. Писание на том самом языке, на котором оно первоначально принято, а для уразумения его смысла старались объяснять оный народу, причём держались главнейшим образом перевода Семидесяти.

Сему так и надлежало быть, потому что сей язык был общеупотребительный и общепонятный. А потому и сей пример не может быть возражением против настоящего дела.

4) Такое глубокое уважение к древнему Греческому тексту Священных книг и живое убеждение в его неприкосновенности было всегда и доселе продолжается в Церкви Греческой. Она и ныне, под тяжким игом магометанства, как твёрдо хранит во всей чистоте догматы Православной веры и Богослужение на древнем своём языке, так имеет у себя и единый только текст Священных книг древний, и не помышляет о переводе на новое наречие. Хотя же в новейшее время сделан и напечатан был перевод Нового Завета – и только Нового на Новогреческий язык, и хотя в Предисловии, напечатанном при издании Нового Завета на Русском наречии, сказано: что из отчёта Российского Библейского Общества за 1814 год видно, что в Церкви Греческой Патриаршей грамотой одобрено народу чтение Священного Писания Нового Завета на новейшем Греческом наречии, но свидетельство Библейского Общества не есть свидетельство самого Патриарха.

В Греческой Церкви, бедствующей «под тяжким игом магометанства», не всё происходит так, чтобы могло быть образцом для других Церквей. Так, например, Константинопольская Церковь не старается дать Православным Славянам духовенство национальное, а даёт обыкновенно Греческое, не понимаемое народом. Без сомнения о сём до́лжно скорбеть, а не подражать сему. Посему, если и справедливо, что

Если бы действительно существовала таковая грамота, то она, верно, напечатана была бы при издании Нового Завета на новейшем Греческом языке. Но сего нет, а потому и существование таковой грамоты подвержено сомнению. Напротив известно, этот перевод сделан вовсе не Греческой Церковью, а под влиянием Английского Библейского Общества, и сделан не только не с благословения Иерархов Греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле, и в недавнее ещё время, при Патриархе Константинопольском Григории, отвергнут, осуждён и множество экземпляров оного отобрано у народа и сожжено.

5) Когда приспело блаженное время обращения в Христианскую Веру Славянских народов, Промысл Божий так устроил, что и для них сделан был перевод Священного Писания на родной им Славянский язык и Ветхозаветные книги переведены не с Еврейского текста, а именно с Греческого Семидесяти толковников, – сделан мужами Святыми, можно сказать, Равноапостольными, – *Кириллом* и *Мефодием*, – следовательно несомненно под особенным смотрением и руководством Духа Божия. Сей перевод предки наши, приняв, хранили неприкосновенным, как неоценённый дар и благословение свыше; от них и мы получили сие

Греческая Церковь не старается сделать Священное Писание вразумительным народу: сего нельзя принимать за образец, достойный подражания.

Если один Патриарх поспешил одобрить Новогреческий перевод Нового Завета по домогательству Англичан, а другой Патриарх осудил сей перевод за то, что он предпринят был *Иларионом*, Митрополитом Терновским, без предварительного Патриаршего благословения: и то и другое не даёт основание к важным заключениям.

драгоценное наследие.

Сколько веков прошло уже и сколько тысячей тысяч перешло из недр Церкви Русской в Царствие небесное, и какие великие угодники явились при руководстве Слова Божия, читаемого или слушаемого на древнем родном нашем языке! Между тем никогда блаженные предки наши, подобно как и в Греческой Церкви, не помышляли и не считали нужным делать новый перевод, смотря по видоизменениям народного языка в разные времена. Только по временам Иерархами нашими, равно как в прошедшем столетии при Императрице ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ Святейшим Синодом при новом издании Библии, делаемы были незначительные перемены в словах, или выражениях, и тёмные, либо не точные и вкравшиеся ошибкой заменяемы другими, или же поставляемы были на полях, либо под чертой пояснения; но самый основной текст оставался неприкосновенным.

Это было тогда, когда язык сей был более общепонятным, ибо Русское наречие более прежнего уклонилось от Славянского, и сие сделалось менее общепонятным в недавнее время. Итак, и сей пример не может быть возражением против настоящего дела.

И сей пример не может быть возражением против настоящего дела: потому что наши предки не имели такой нужды в новом переводе Священных книг, какая открылась ныне, и не имели довольно способов к усовершению существующего перевода. Впрочем, по мере нужды и возможности, и предки наши старались сделать священные книги общепонятными, и для этого устаревшие слова и обороты речи заменяли новыми. Ныне, когда Русское общеупотребительное наречие несравненно более прежнего удалилось от Славянского, для приближения Священного Писания к общенародному разумению, уже не довольно изменения некоторых слов и выражений, а требуется перевод. Притом вообще не всегда древнее время может быть образцом новому, имеющему новые потребности. До Моисея все благочестивые люди жили и спаслись, не имея священных книг: из сего нельзя вывести такого заключения, что и ныне можно совсем отложить священные книги.

6) Церковь Болгарская, Сербская и другие у единоплеменных нам Славянских народов, оставшихся Православными, также хранят у себя неприкосновенным древний перевод Св. Писания, и несмотря на то, что их народные языки ещё более удалились от древнего библейского языка Славянского, чем наш Русский, не покушаются перевести на теперешний свой язык, как Библию, так и Богослужебные книги. В этом обстоятельстве есть особенное премудрое устроение Промысла Божия, все Славянские народы, разделённые политическим своим положением, связуются как единством Православной Веры, так и единством языка, на котором все они читают Слово Божие и совершают Богослужение.

И сей пример не может быть возражением против настоящего дела. Болгарская Церковь не имеет образованной национальной Иерархии, и не имеет способов достаточно снабдить себя Славянскими Богослужебными книгами: и потому неудивительно, что вопрос о переводе Св. Писания на общепонятное наречие не мог ещё в ней возникнуть.

7) Хотя в начале нынешнего столетия возникла у нас мысль о переводе Св. Писания на Русское наречие, и изданы были на сём наречии Новый Завет и Псалтирь: но эта мысль родилась отнюдь не в Церкви Русской, ни в Иерархии, ни в народе, а точно так же, как и мысль о переводе на Новогреческий язык, в Англии, – гнездилище всех ересей, сект и революций, и перенесена оттуда Библейскими Обществами, да и принята первоначально не в Святейшем Синоде, а в Канцелярии Обер-Прокурора оного, и развита в огромных размерах в бывшем Министерстве Духовных Дел. Такое начало, а равно и последствия сего

Но Русский перевод Нового Завета одобрен Первенствующими Членами Святейшего Синода, Митрополитами: Амвросием, Михаилом, Серафимом, и издаваем был по благословению Святейшего Синода, следственно нет сомнения,

дела ясно показывают, что на нём не было благословения свыше: ибо и Министерство Духовных Дел, вследствие сего особенно обстоятельства, уничтожено, и один из главных деятелей сего дела со стороны Иерархии, покойный Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим, когда увидел последствия сего дела, то восстал на сие со всей силой и перевод был остановлен Высочайшей волей блаженной памяти Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, хотя и не было объявлено об этом официально по причинам весьма уважительным.

что это дело церковное.

Сие замечание возлагает на меня обязанность представить здесь точную выписку из письма самого Митрополита Киевского Филарета, в бытность его Епископом Калужским, собственноручно писанного ко мне 17 Декабря 1824 года, и хранящегося у меня в целости: «Несчастие для Церкви достойное плача, что, между тем как перевод Нового Завета на Русский язык и Катехизис всеми приняты очень спокойно и с уважением, и с надеждой можно бы ожидать благословенного плода, какой-то неприязненный дух родил в нескольких мечтательных головах мнимую от сего опасность для Церкви. И сии мечты принимаются за основательные!? Я готов торжественно свидетельствовать, что в моей Епархии, может быть более других привязанной к старейшим мнениям и обычаям церковным, ни малейшего следа нет к сомнению о переводе и о Катехизисе. Откуда же взято таковое сомнение? Неужели от других Пастырей, которые поставлены стражами в дому Господнем, последовали представления о сём Святейшему Синоду или

Первосвятителю? А ежели их нет, то не явная ли клевета на дело столь чистое и святое? Именем Господа Бога и Церкви Его святой прошу не молчать, а свидетельствовать истину в таком деле, которое касается до мира Церкви и достоинства Иерархии. Молю Господа и Спасителя нашего, да откроет Вам способ говорить Самому Помазаннику Господню о столь важном для народного благоденствия деле, ежели то нужно будет».

Таково было мнение Митрополита Киевского о переводе Нового Завета в 1824 году, когда он судил о нём, смотря на самоё дело, не быв подвержен влиянию тех предубеждений, которыми он объяснял тогда перемену мыслей покойного Митрополита Серафима.

В начале царствование блаженной и вечно незабвенной памяти Благочестивейшего Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, хотя и были покушения к восстановлению такового перевода, но он, проникнув политическую цель, столь враждебную Православной Церкви и Отечеству нашему, Английского Библейского Общества,

Сие показание не точно. В 1827 г. при рассмотрении по Высочайшему повелению в секретном Комитете проекта об улучшении духовной части, в котором упоминалось, между прочим, о переводе

во всё время Царствования своего до самой кончины не разрешал возобновлять сие дело.

Священного Писания на Русское наречие, в данном мною мнении сказано было:

«Не известно, что думал сочинитель проекта, когда требовал обратить внимание на Российский перевод книг Св. Писания. Должное к сему делу внимание в важнейших случаях употреблено и употребляется, и потому, оное не требует каких-либо чрезвычайных распоряжений. Перевод сей, сколько его доныне издано, окончательно рассмотрен под непосредственным надзором Первенствующих Членов Святейшего Синода и принят всей Российской Иерархией так, что ни от кого из сведущих в сём деле людей, никаких догматических сомнений об оном не изъявлено. Если же прежде была торопливость в распространении сего перевода между народом, теперь она остановлена. Перевод сей особенно полезен и нужен для духовных Училищ и для духовенства: ибо то известно, что основательного познания оригинальных языков Св. Писания и в духовенстве достигли по настоящее время ещё немногие; а то неоспоримо, что Славянский перевод во многих местах для многих невразумителен».

На мнении моём, которого часть здесь выписана, в Бозе почивший Государь Император в 29 день Августа соизволил собственноручно написать: «Справедливо».

Следственно в сие время Государь Император НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ не возбранял перевода Священного Писания[484]. И в течение многих лет царствования Его, Новый Завет на Славянском и Русском наречии, пока не истощились экземпляры, продавался под ведомством Святейшего Синода без всякого прекословия и со стороны Митрополита Серафима. Только перевод пяти книг Моисеевых в продажу не поступал, хотя и был напечатан. Из сего видно, что и Митрополит Серафим допускал перевод Нового Завета, а не допускал только перевода книг Ветхого Завета. И Митрополит Киевский, многие годы присутствуя в Святейшем Синоде, против продолжавшейся продажи Русского перевода Нового Завета не протестовал.

Что касается до возобновления вопроса о переводе Св. Писания на Русское наречие в настоящее время, то мне неизвестны причины, побудившие к сему, а изложенные в присланной Вами ко мне Записке отнюдь неудовлетворительны.
1) «Святые Пророки и Апостолы, – сказано в первом пункте Записки, – писали Священные книги на природном и обще-употребительном языке тех народов, к которым первоначально должны были поступить сии книги и передавали оные в общее употребление в церковных собраниях и вне оных.

Они же показали нам пример перевода с первоначального языка на другой, более употребительный. Так Св. Златоуст пишет, что Св. Евангелист Матфей от Иудей веровавшим Еврейским языком сложи Евангелие, но в то же Апостольское время оно переведено на Греческий». Но и для Славянских народов, а следовательно и для нас, переведено Св. Писание на природный наш Славянский язык, обще-употребительный доселе у нас во всех церковных собраниях, и нельзя сказать, что непонятный для Русских и вне церковных собраний. Иное дело перевод Писания на язык целого единоплеменного народа, как то: на Греческий, Славянский, Латинский, Грузинский и проч.; что совершенно согласно с путями Промысла Божия и Им Самим устрояемо было, а иное дело перевод на частное наречие одноплемённого народа.

Если переводить на Русское наречие, то почему же не перевести потом на Малороссийское, на Белорусское и проч.?

Ответствуется: потому что Русское наречие, есть наречие общее Русское и образованное, а Малороссийское и Белорусское суть наречия небольшого меньшинства и малообразованные; потому что Малороссияне и Белорусцы, особенно умеющие читать, понимают Русское наречие, и на нём могут читать Св. Писание; наконец потому, что для единства церковного и гражданского полезнее, чтобы оное Русское наречие господствовало и в Малороссии и Белоруссии

Малороссии и Белоруссии.
На сие ответствуется, что язык, на котором было у них Св. Писание, был народный и потому не было причины думать ни о каком переводе. Древний Греческий язык до падения Восточной Империи был народный и уже во время порабощения и рассеяния Греков, через смешение его с другими языками и изменение некоторых форм образовалось Новогреческое наречие.
Ответствуется: что и перевод Св. Писания на Русское наречие предполагается с тою целью, чтобы он служил некоторым образом вместо толкования. А к книгам Пророческим полагается присоединить и краткое толкование.

2) Святые Отцы всегда побуждали верующих к чтению Св. Писания. Но побуждали к чтению на том самом языке, на каком оно было у них, отнюдь не помышляя, как сказано было выше, о переводе на народный язык. А для того, чтобы для народа было сколько возможно понятно Писание, они старались изъяснять смысл священных слов в церковных поучениях и особых истолковательных своих творениях.

Это нужно и у нас, хотя бы и переведено было Писание на Русское наречие. Ибо на каком бы наречии ни было оно издано, по высокости и глубине своей оно всегда будет требовать истолкования.

3. «Язык Славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в своё время, для одной части Православного народа он становится вразумительным, посредством прилежного упражнения в церковном Богослужении и чтении, но другая, более многочисленная не имеет сего преимущества и требует Русского перевода как пособия к уразумению Св. Писания».
Итак предполагаемый перевод назначается для тех, которые хотели бы, чтобы Св. Писание было для них вразумительно без прилежного упражнения и чтения! Но слово Божие есть кладезь глубокий, есть сокровище; так и нужно, чтобы

разумение смысла его доставалось не ленивым, а прилежным искателям оного. Св. Златоуст, внушая постоянно своим слушателям читать слово Божие, вот как между прочим, о сём учит: «Много нужно нам возлюбленные попечения, много бодрствования для того, чтобы иметь возможность проникать в глубину Божественных Писаний. Ибо, иначе предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла их: а нужно тщательное исследование, потребна кроме того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище слова Божия (Беседа 21 на Еван. Иоанна)». Уже ли после сего, без прилежного упражнения и чтения Св. Писания будет вразумительно, коль скоро мы будем иметь его на Русском наречии? Кто же читает его с должным слову Божию благоговением, для того быть не может, чтобы оно не было вразумительно на Славянском языке, по крайней мере большею частью, особенно же книги Нового Завета, и для большей части Русского православного народа. – Св. Златоуст опять так рассуждает: «Что же скажут, если мы не понимаем того, что содержится в Писании? Если бы ты и не понимал того, что содержится в нём, всё-таки от самого чтения ты получаешь великое освящение. Впрочем, и быть не может, чтобы ты ровно всего не понимал. В самом деле, кому не понятно то, что написано в Евангелии? Кто слышит: «*блажени кротции, блажени*

Это сказано как бы в обличение несообразности, но несообразности здесь нет, если вникнем в сказанное. В изложении Синодального рассуждения сказано, что Славянский перевод для части народа становится вразумительным посредством прилежного упражнения в Богослужении и чтении. Как речь шла о языке, а не о глубоких таинственных изречениях Священного Писания, то сказанное имело такой смысл, что часть народа посредством ежедневного слушания Церковного Богослужения и прилежного чтения Св. Писания, приобучается понимать Славянское наречие: но другая часть, не могущая часто быть при Богослужении и часто читать Св. Писание, остаётся малоразумеющею Славянское наречие, а потому и самое Писание, Русский перевод назначается для того, чтобы уже не нужно было изучать незнакомое наречие, и чтобы потому, и не

милостивии, блажени чистии сердцем» и другое сему подобное, будет иметь нужду в учителе, дабы уразуметь это? А знамения, чудеса, повествования не каждому ли ясны и понятны? Это только предлог, отговорка, – покров для лености. Ты не понимаешь того что здесь содержится! Но и можешь ли когда-либо понять, когда ты вовсе не заглядываешь туда? Возьми в руки Библию, прочитай всю историю и, содержа в памяти понятное, чаще пересматривай не понятное и не ясное. Если же не можешь и при постоянном чтении уразуметь то, что читаешь, поди к тому, кто мудрее, сходи к учителю, объяви ему о том, что написано, покажи всё усердие. Бог видя, что ты прилагаешь столько старания, не презрит твоего тщания и заботливости. Если человек не объяснит тебе желаемого, то Он Сам без сомнения откроет тебе (Беседа 3 о Лазаре)». 4) «Что есть в Славянском переводе Библии места, в которых состав речи не вразумителен, а которые требуют сличения с первоначальным текстом Еврейским и Греческим», – это основание недостаточно к тому, чтобы делать перевод. Ибо во-первых, всё нужное ко спасению и необходимое к разумению всех вообще Христиан, в Св. Писании и на Славянском языке, как сказано было выше, ясно, а этого для большей части народа и довольно и предовольно; во вторых, приходское духовенство в настоящее могущие ежедневно быть при Богослужении, при раскрытии Священной книги, без особого обучения понимали язык её, как обыкновенный для них. Разумение же глубоких таин Священного Писания, и при чтении его на знакомом языке, требует не только упражнения, но и молитвы и подвига. Итак, нет причины сделать такой вывод, будто Русский перевод назначается только для не прилежных к слову Божию. Впрочем, он назначается и для них, но с тем, чтобы удобопонятностью языка возбудить в них прилежание к слову Божию.

время довольно образованное в Духовно-Учебных заведениях и наставляемое там особой наукой в разумении труднейших мест Писания, по тому самому не нуждается в переводе, а для людей светского звания, желающих разуметь Св. Писание в полноте и совершенстве, нужно толкование, а не перевод. Обращаются к иностранным переводам разве те, которые не только мало сведущи в Славянском языке, но мало уважают и Русский; таковые будут предпочитать иностранные переводы и Русскому, если бы он и был у нас. И здесь вина не в не имении у нас Русского перевода, а вообще в несчастном пристрастии к иностранному, которое ограничивать нужно другими мерами. Впрочем, думаю, что число таковых и не так велико, дабы для них именно предпринимать столь неудобо-исполнимое и опасное дело. 5 и 6) На сии пункты касательно начавшегося было у нас и потом остановленного перевода замечания изложены уже выше, и в них я не только не вижу достаточного основания к возобновлению сего дела, а напротив вижу причины, которые должны удержать от нового покушения на сие дело.

7) Чтобы существовало народное требование именно Русского перевода Св. Писания, это не только не доказано, но и несправедливо. Из ста тысяч Православного народа

Приятно было бы согласиться с сим мнением, но к прискорбию, опыт не убеждает в сём, особенно в отношении к сельскому духовенству. Сельские Священники большей частью из второго разряда учеников Семинарии, большею частью Греческий язык знают несовершенно, а Еврейского не знают, Библии Греческой и Еврейской и вообще духовной библиотеки, руководствующей к разумению Священного Писания, по бедности церквей и их самих, не имеют. В Семинарии всё Св. Писание с толкованием изучить и всё изученное сохранить в памяти не можно. Русский перевод может быть для них значительным пособием к разумению Св. Писания.

может быть, от десяти до двадцати требуют и покупают его, и из них ещё, верно, наполовину только по любопытству, а не для назидания. Между тем, что народ удовлетворяется Славянским переводом, это ясно доказывается тем, что из одной Типографии Киево-Печерской Лавры ежегодно расходится великое число экземпляров Псалтири и Нового Завета на Славянском языке. Не доказывает народного требования на Русский перевод и то, если к нам вторгаются иностранцы со своим изданием Библии на Русском языке. Притом это очень важное обстоятельство должно быть расследовано внимательно, и нельзя в сём деле основываться только на свидетельстве других видевших, и против такового незаконного вторжения должно принять надлежащие меры Правительство. Впрочем, с распространением Русского перевода, таковое вторжение не только не прекратится, а сделается ещё сильнее. Притом, имея в виду некоторых Русских, желающих иметь Св. Писание в Русском переводе, число коих, впрочем, едва ли значительно, при рассуждении о сём деле отнюдь не до́лжно упускать из виду заблуждающихся братий наших – старообрядцев раскольников, которым новый перевод Библии подаст, без сомнения, новый повод к упорному отчуждению от

Напротив, сие доказывается тем, что экземпляры Нового Завета на Славянском и Русском наречии покупаемы были в Духовном ведомстве до тех пор, пока истощились; и после ищутся и дорого покупаются у вольных книгопродавцев, и что Новый Завет на одном Русском наречии выписывается из-за границы. В 1855 г. в Московскую Таможню вдруг принесено было 12 экземпляров Нового Завета и 12 экземпляров Псалтири на Русском наречии Лейпцигского издания. О сем производилось дело по Московской Консистории, и все сии экземпляры представлены от меня в Святейший Синод. А продажа из Киевской Типографии многих экземпляров Нового Завета на Славянском наречии не может служить доказательством того, что нет народного требования Русского перевода. Когда нет Русского, необходимо покупать Славянский Новый Завет, чтобы не остаться совсем без Священных книг.

Православной Церкви и послужит к распространению раскола: ибо если исправление Богослужебных книг подало повод к расколу, то чего не может последовать, когда явится новый перевод книг Св. Писания.

Известно, что в то время, как учреждены были у нас Библейские Общества и появился Русский перевод некоторых книг, раскол усилился и распространился в больших размерах.

Не доказано, что усиление раскола совпадает со временем появления Нового Завета на Русском наречии, и в числе причин усиления раскола (изложение которых не относится к настоящему делу), полагать Русский Новый Завет нет ни малейшего основания. Раскольники восстают против Православной Церкви за церковные книги и Богослужение: церковные книги и Богослужение на Славянском языке сохраняются неизменно, и, потому со стороны Православной Церкви не дано раскольникам никакого нового повода к упрёкам против неё.
Со стороны раскольников, от времени до времени появляются полемические сочинения против Православной Церкви, распространяемые в рукописях. Ни в одном из них не встречено упрёка на Русский перевод Нового Завета. Сего не встречено никогда и в личных сношениях духовенства с раскольниками и при увещании совращённых в раскол. Раскольники никогда не упрекали Православных за домашнее чтение Св. Писания в разно-язычных переводах латинского и лютеранского исповеданий: тем паче не имеют причины упрекать за домашнее, не

по правилу, а по произволу, чтение Нового Завета на Русском наречии.

На основании изложенных в Записке, приложенной при отношении Вашего Сиятельства, соображений, составлено и положение касательно возобновления дела о переводе Св. Писания на Русское наречие. Относительно сего положения представляю следующие замечания: 1) В первом пункте сказано, что дело это должно быть возобновлено не иначе, как с крайней осторожностью, какой требует важность оного; в пятом пункте также говорится, что ход сего дела не может быть поспешен. Совершенно соглашаясь с этим, я по тому самому, считаю необходимым, не спеша начинать сие дело, предварительно обсудить его со всей основательностью и со всех сторон; вполне признаю справедливым, что предварительно должно бы войти о

Такое сношение *во-первых, не нужно*. Как Писания Св. Отцов, по потребности Российской Церкви, переводятся на Русское наречие для домашнего чтения без надобности сношения с Церковью Греческой, точно также может быть предпринят и перевод Священных книг по той же потребности, для той же цели. *Во вторых, оное не удобоисполнимо по предмету*. Чтобы судить, нужен ли Русский перевод Св. Писания, надобно вполне знать Славянское и Русское наречие, сколько одно от другого удалено, до какой степени и

сем в совещание и соглашение с Греческой Церковью: ибо выше сказано мной, что Греческая Церковь у себя не допускала никогда и доселе не допускает для народного употребления никакого нового перевода Библии. Очень может случиться, что она и наш новый перевод Писания не признает Православным, и вследствие того огласит нашу Церковь, особенно при содействии врагов, уклонившеюся от Православия. Ибо известно, что и теперь в минувшую войну Лорд Редклиф, посланник Английский в Турции, требовал от Патриарха Константинопольского Анфима, дабы он объявил Церковь Русскую не Православною.

Весьма нужно так же иметь в виду и то, что через новый перевод Библии нарушится союз единения нашего с прочими Славянскими Православными Церквами, который сколько многим из Русского народа понятно, или не понятно Славянское наречие. Греческая Иерархия не может иметь всех сих сведений и потому Русский перевод Священных книг совсем не может быть предметом её суждения. Для уверенности Греческой Церкви в единомыслии с нею Церкви Российской достаточно то, что сия и ныне, как прежде, чтит Греческий перевод Св. Писания, и древний Славянский перевод имеет в качестве собственно церковного, а Русский перевод только в качестве пособия к разумению Св. Писания. В третьих, совещание с Греческой Иерархией неудобно по её настоящему затруднительному положению. Патриарх Константинопольский поставляется не по чистому избранию церковному, но под влиянием неверного Правительства, по произволу сего Правительства сменяется; и потому, особенно со времени последней войны, не имеет полной церковной свободы действовать и изъявлять своё мнение; и нельзя надеяться, чтобы он мог устроить соборное совещание всей Восточной Иерархии.

особенно блюдётся именно тем, что мы с ними имеем Библию и Богослужение на одном и том же языке. Ибо также известно, что на Западе существует особое общество, утверждённое Папской буллой, для совращения Славян, как в Австрийских, так и Турецких владениях из Православия в латинство. По сему без сомнения, общество сие, употребляющее для достижения своей цели всевозможные хитрые меры, воспользуется и новым переводом Св. Писания на Русское наречие, и миссионеры их станут внушать Славянам, что мы Русские, имеем и текст Св. Писания не тот уже, который предан всем Славянским народам Святыми Мефодием и Кириллом; и это тем опаснее, что латиняне считают сих просветителей Славян принадлежащими к их Церкви, и тогда к крайнему несчастью Православия прервётся и последняя связь, соединяющая Славянские племена с нашим отечеством. 2) Во втором пункте сказано: «принять за правило, чтобы перевод был всевозможно точен и чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными»; в четвёртом пункте, касательно перевода Псалтири замечено ещё, что прежний перевод «должно исправить по сличению Греческого и Еврейского текста». Вот и всё, что положено учинить касательно

Но Богослужение и в Богослужении Священное Писание и впредь, как ныне, мы будем иметь на одном и том же языке с сими Церквами; и следственно и союз единения будет сохраняться. Для сих Церквей ничего не будет значить то, что некоторые Россияне, кроме Славянского, будут по своему желанию у себя дома читать и Русский перевод Св. Писания.

способа привести в исполнение дело такой чрезвычайной важности, – как перевод слова Божия.

Кому будет поручено это дело, где оно должно быть производимо, какие меры имеют быть приняты, чтобы оно совершилось вполне благонадёжно и благоуспешно, об этом ни слова. «Перевод должен быть по возможности точен». Но это правило крайне неопределённо и при нём кто может ручаться, что новый перевод будет совершеннее прежнего, на котором, например, в Псалтири, некоторые места переведены совершенно несогласно с тем, как они приводятся в Новом Завете Апостолом Павлом (Евр. 10:5, Пс. 39:7) и

Когда рассматривался главный вопрос, тогда ещё не время было рассуждать о подробностях исполнения. Если Бог поможет удовлетворительно разрешить главный вопрос: тогда конечно, Святейший Синод не преминет определить подробности исполнения, сколь возможно благонадёжным образом.

что не явится такой же нечестивый перевод Пророческих книг, какой не так давно был налитографирован в нескольких стах экземплярах и преподан в уроках в Санкт-Петербургской Духовной Академии?

В изложении Синодального решения, в 3 пункте сказано, что исправленный перевод должен быть освидетельствован Святейшим Синодом прежде издания оного. Можно надеяться, что при содействии благости Божией, Святейший Синод отличит менее совершенный перевод от более совершенного, и только сей последний допустит до издания. И думаю, каждый Епископ Российской Церкви поручится, что Святейший Синод не допустит перевода «нечестивого».

3) В 5 пункте сказано, что, переводимый постепенно перевод имеет быть на первый раз «печатаем в одном из периодических изданий

духовного Ведомства, через что откроется удобность усматривать суждения об оном и пользоваться ими для усовершения перевода». И неприлично и не безопасно для Божественной важности Священного Писания передавать для народного чтения незрелые опыты перевода оного, а особенно Пророческих книг, и затем вызывать ещё суждение о сём переводе всякого читающего. Вообще, по моему мнению, это дело отнюдь не может быть делом школы и предметом школьнического занятия в Академиях. Не так производились известные древние переводы: перевод Семидесяти, перевод наш Славянский, даже Латинский: одна учёность недостаточна для уразумения силы Богодухновенных словес Писания. Вместо того чтобы переводить Св. Писание на Русское наречие, я признал бы полезными, для споспешествования народу в разумении слова Божия, следующие меры: 1) Оставив навсегда неприкосновенным основной текст Славянского перевода, по примеру предков наших и Церкви Греческой, которая во всё время согласно с Российской Церковью признавала оный, как освящённый древностью и преданный нам от Святых Славянских Апостолов – Мефодия и Кирилла, – не излишне позаботиться о том, чтобы
при новых изданиях Библии постепенно вводить некоторые частные исправления в тех местах,

которые, в самом деле, особенно невразумительны, заменяя одни слова и даже целые выражения другими, яснейшими и точнейшими, или поставляя их на полях, либо под чертой в виде замечаний и пояснений, держась, впрочем, строго Славянского склада и оборота речи[485]. Например в книге Бытия, в 3 главе в 15 стихе, очень можно и нужно против слов: *той твою блюсти будет главу*, под чертой или на полях заметить: *той твою сокрушит главу*. Или в той же книге в главе 49 ст. 10 против, или даже вместо слов: *дондеже приидут отложенная ему*, поставить: *дондеже приидет Примирить*, и подобное. Или же в Новом Завете, в Евангелии Матфея в 11 гл, ст. 12 исправить так: *Царствие небесное с усилием восприемлется, и усильнии искатели восхищают е*. Или в 15 главе Иоанна в ст. 22 вместо: *вины не имуть о гресе своём*, поставить: *извинения не имуть*; или ещё в Послании Ап. Иакова в гл. 5 ст. 12 вместо: *да не в лицемерие впадете*, поставить: *да не осуждению подпадёте*; и проч. Пример сему мы имеем достойный подражания в издании Библии, сделанном Святейшим Синодом при императрице ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ.

2) Дело сие можно начать первее всего, с издания Нового Завета, а потом приступить к Псалтири и целой Библии, и притом, не делать Нельзя признать, чтобы сие было удобно и соответственно цели сделать Священные книги более удобными к разумению. Введение в Славянский текст новых слов, по настоящему состоянию двух наречий, будет приставлением плата не белена к ризе ветхой, и сделает текст Библии таким пёстрым, что он будет ни Славянским, ни Русским, и не будет привлекать, а отталкивать читателей. С удержанием же форм Славянских неясность останется и после сего исправления[486].

оного предметом школьнических занятий, а составить для сего особенные Комитеты в Киеве, Петербурге и Москве, под непосредственным и личным руководством Епархиальных тамошних Архиереев из лиц, по их выбору, самых благонадёжных не только по образованию, но наипаче по благочестию, частью служащих при Академии, а частью и наипаче, если можно, совершенно свободных от учебных занятий, каковым Комитетам иметь главным образом пребывание в Лаврах. Сим Комитетам дело должно быть разделено по частям, впрочем, так, чтобы они обо всём взаимно сносились и соглашались между собой, для соблюдения должного единства в деле, а окончательная редакция всех поправок должна принадлежать непосредственно самому Святейшему Синоду.

3) Для Нового Завета в руководство должен быть принят подлинник Греческий, как с иностранных самых тщательных изданий, так наипаче употребляемый ныне Церковью Греческой; причём полезно иметь в виду и древние Славянские экземпляры, как то: Остромирово Евангелие, изданное Востоковым и Острожского издания. Для Ветхого же Завета, главнее всего, должно иметь руководством перевод Семидесяти, и толкование Св. Отец Церкви Греческих и, затем уже принимать в соображение, весьма

впрочем осторожно, Еврейский подлинник: ибо на верность нынешних изданий Библии Еврейской полагаться никак нельзя, чему доказательством служит Русский перевод Псалтири, заключающий в себе, нередко противоречие с истинным, т. е. с Православным смыслом Пророчеств.

4) Независимо от сего необходимо позаботиться о том, чтобы составить для народа и издать, краткое по возможности, толкование всего Св. Писания, выбранное из Отцов Церкви. Это дело может быть поручено по частям, как Академиям духовным, так и духовным лицам, известным своим образованием, благочестием и способностью к такому делу. Толкование печатать можно постепенно в периодических изданиях, выходящих при Академиях. Здесь, если что случится и не так, опасности не будет, и ошибку легко будет поправить без соблазна для народа.

5) Так как знание Славянского языка в простом народе гораздо лучше сохраняется от того, что он усерднее посещает Богослужения и внимательнее слушает церковное пение и чтение, и весьма многие, даже из неграмотных, знают наизусть много Псалмов и песней церковных, а слабо это знание преимущественно в высшем классе по пристрастию к иностранному, и по редкому и невнимательному слушанию

Богослужения, а главнее всего от того, что дети сего класса начинают учиться не по Славянским азбукам, а по Русским: то, по мнению моему, надобно обратить на это самое строгое внимание. Должно издать от Святейшего Синода для обучения детей азбуки Славяно-русские, по примеру старинной нашей азбуки, со статьями для первоначального упражнения в чтении на Славянском и Русском языках, выбранными из Библии, Богослужебных книг, Творений св. Отцов, в особенности Дмитрия Ростовского, и из Русских, самых назидательных и благочестивых книг, и требовать, при содействии Правительства, чтобы эти только азбуки были в исключительном употреблении у народа всех классов. Азбука же и книжки, издаваемые ныне у нас во множестве для обучения и первоначального чтения детей частными людьми, вовсе непризнанными к сему, и наиболее для одной промышленной спекуляции, в которых не только совершенно вытеснен Славянский язык, но вместо благочестивых статей для первоначального чтения предлагаются самые пустые, если не вредные, сказки, басни и рассказы, – непременно следует изъять из употребления и издание подобных книг частным лицам впредь воспретить совершенно. Равным образом до́лжно просить Министерство Народного

Просвещения, Управление Военно-учебных заведений и Главный Совет женских учебных заведений, дабы и там принято было за непременное правило требовать, чтобы дети, поступающие в училища, непременно обучены были по тем же, от Святейшего Синода издаваемым, книжкам и умели читать по-Славянски наравне с Русским. Эта мера, кроме того, что посредством её чтение Св. Писания на Славянском языке будет доступно и понятно для всех, может быть весьма полезна и в других отношениях: в детях, только что начинающих учиться, будет полагаться начало истинной премудрости – благочестие и страх Божий, и знание на память с ранних лет молитв, псалмов, Богослужебных песней и проч. на всю жизнь будет для них чрезвычайно благотворно, вместо того, что теперь, учась по гражданским азбукам, они и нередко, как жалуются Законоучители в учебных заведениях, поступая в училища, не знают даже самых первых молитв: Царю Небесный и Отче Наш, и не умеют вовсе читать по-Славянски. Хотя после в Гимназиях они учатся нарочито Славянскому языку, но это уже мало приносит пользы, а в других заведениях, например: в Военных, Институтах, и того нет.

6) Не излишне было бы, наконец, для светских людей и вообще незнающих Славянского языка составить и издать словарь Славянских слов,

употребляемых в Св. Писании, с переводом и объяснением их значения на Русском.

С прискорбием, покоряясь необходимости, прошел я поприще состязания с мыслями, изшедшими от мужа досточтимого. И, остановясь, скорблю о некотором, хотя и частном недостатке единства мыслей там, где оно более вожделенно. Утешаюсь однако, видя, что с нынешним единогласно рассуждением Святейшего Синода согласно и рассуждение Митрополита Киевского, которое имел он в 1824 году. Вижу также надежду полного единогласия в том, что Митрополит Киевский, рассматривая изложение рассуждения Святейшего Синода о переводе Св. Писания на Русское наречие и приведя из первого пункта оного, что дело сие должно быть возобновлено с крайнею осторожностью и из пятого пункта, что ход сего дела не может быть поспешен, заключает от себя: «совершенно соглашаясь с сим, считаю необходимым, – не спеша, начинать сие дело, предварительно обсудить его со всею основательностью и со всех сторон». Следственно, и после строгих отзывов своих о сём деле, он полагает, что оно может быть «начато», но только не спеша и по довольном обсуждении. Будучи обязан дать по назначенному делу отзыв, призываю Бога, Творца

Изложив мои мысли с глубочайшим смирением перед Богом, Словом Его

Святым и Православной Церковью, приближаясь ежедневно к кончине моей и готовясь предстать пред нелицеприятный суд Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, всем сердцем молю Его благость, да не помудрованиям человеческим, а по премудрому Промыслу Своему Он Сам устроит, яко же весть, лучшее и полезнейшее касательно сего, чрезвычайно важного дела и сохранит мир в Православной Церкви Своей, после того, как даровал благодатный мир Отечеству нашему через Помазанника Своего Благочестивейшего Государя Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Священного Писания, давшего в лице Св. Апостолов Церкви Своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а потом и читали написанное слово Его, каждый на понятном языке и наречии, – Бога призываю, чтобы Он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благоугодно и полезно Церкви его вообще и душам Христианским порознь. Подчиняясь совету Владыки Киевского, вновь прохожу посильно внимательною мыслию рассуждение и решение Святейшего Синода и возбуждённые сомнения, вышеизложенные и рассмотренные: и после сего остаюсь убеждённым пребыть в совершенном согласии с рассуждением Святейшего Синода 10-го Сентября 1856 года. Римская церковь, по её особенному догматическому направлению, удерживает Священное Писание в руках духовенства, а чтение оного народом не так свободно допускает, как Восточная Кафолическая Церковь, но и она не лишает перевода оного на обще-вразумительные языки, и мы видим оное в переводах французском и немецком. На сем последнем языке в 1838 году третьим уже изданием напечатан перевод Библии, сверенный с оригинальным текстом и посредством кратких замечаний объяснённый Доктором И.Ф. Аллиоли с одобрения Папского

престола и по одобрительным отзывам многих Архиепископов и Епископов. Кольми паче Православная Российская Церковь не должна лишить Православный народ чтения слова Божия на языке совершенно обще-вразумительном. Ибо такое лишение было бы несообразно с учением Святых Отцов, с духом Восточно-Кафолической Церкви и с духовным благом Православного народа.

Всё изложение мнения и отзыва в том именно виде, в каком напечатано оно у нас, было внесено в Св. Синод при предложении г. Исправляющего должность Обер-Прокурора Тайного Советника *К.С. Сербиновича* от 16 Сентября 1857 г. (№ 5692). Журнал по этому делу состоялся 24 Января 1858 г. в котором Св. Синодом *определено*: Рассмотрев внимательно, доставленные Преосвященными Митрополитами – покойным Киевским *Филаретом* и Московским *Филаретом*, мнения по предмету перевода книг Св. Писания на Русский язык, Святейший Синод находит со своей стороны, что перевод на Русский язык, сначала книг Нового Завета, а потом постепенно и других частей Св. Писание необходим и полезен, но не для употребления в церквах, для которых Славянский текст должен оставаться неприкосновенным, а для одного лишь пособия к уразумению Св. Писания, и что к переводу сему по особенной важности настоящего дела до́лжно приступить со всевозможной осторожностью через лиц, испытанных в знании Еврейского и Греческого языков, по избранию и утверждению Св. Синода». *Приказали*: «Предоставить г. Обер-Прокурору Графу *Александру Петровичу Толстому* доложить о сём Государю Императору»[487].

В заключение всего нашего изложения мы приведём здесь нижеследующее изложение Автора «Истории перевода Библии на Русский язык», где он вкоротке изобразил ход дела по этому переводу, после закрытия Библейского Общества, начиная с переводов Протоиерея *Павского* и Архимандрита *Макария* и оканчивая сейчас сказанным решением Св. Синода о необходимости последнего перевода. В этом изложении Автора читающие с одной стороны увидят всё в смысле, так называемого resume, а с другой стороны будут иметь возможность сделать

сопоставление между сказанным у Автора и между изложенным в целом нашем отделе. Вот эти слова Автора.

«После закрытия Российского Библейского Общества перевод Библии на Русский язык официально был остановлен; но частные лица, по разумному и опытному убеждению в пользе этого дела, продолжали его и тем положили основание для последующего, предпринятого снова уже в настоящее царствование, издания Библии на Русском языке. Мы разумеем переводы книг Священного Писания Ветхого Завета с Еврейского языка на Русский, *Протоиерея Г.П. Павского* и *Алтайского миссионера, Архимандрита Макария (Глухарева)*. Оба они вышли из Санкт-Петербургской духовной Академии[488], которой по справедливости, принадлежит честь ведения этого дела во всё время его продолжения».

Нельзя отрицать, что этим возбуждением в пользу перевода Библии Академия обязана Московскому Митрополиту *Филарету*, к чести которого вообще нужно сказать, что он всегда был душой этого полезного для Церкви предприятия и сохранил убеждение в пользе и даже необходимости перевода Библии до конца жизни, прошедши с ним через тесное время противодействия этому убеждению и делу и всяких попыток, направленных к его подавлению. Несправедливо было бы укорять его тем, что он, особливо в первое время царствование НИКОЛАЯ I, не показал большей настойчивости к возобновлению этого дела, так как трудно и предположить, чтобы Государь согласился с его мнением – против решительного заявления Митрополита *Серафима*, а с ним вместе Митрополита *Евгения* и Архиепископа, потом Митрополита *Филарета* (Киевского). Другой случай, где он мог выразить своё сочувствие этому делу, представлялся при обнародовании перевода *Павского*. Митрополит *Филарет* думал отделить общее дело от частного, предложив сделать новый церковный перевод, а перевод *Павского* взять из употребления; но и в этот раз попытка его не удалась. Ему довелось, однако, дожить до перемены обстоятельств к лучшему и настоять на возобновлении перевода Библии с изданием его от лица Святейшего Синода и принять в этом деятельное участие.

С почтением и благодарностью мы должны назвать ещё одно лицо, глубоко проникнутое убеждением в пользе Русского перевода Библии, и по мере сил всегда содействовавшее этому делу, – покойного Митрополита Санкт-Петербургского *Григория*. Ученик и почитатель *Филарета*, *Григорий* был после него Ректором Санкт-Петербургской духовной Академии, Членом Комиссии духовных училищ, участвовал с самого начала в переводе Библии и потом был в числе лиц, составлявших

Присутствие Св. Синода в 1856 г., постановившее определение о возобновлении перевода Библии на Русский язык; а в 1858 г., когда надлежало дать этому делу решительный ход, *при противодействии тому со стороны тогдашнего Обер-Прокурора Св. Синода*, он был Первоприсутствующим в Синоде, состав которого состоял в то время, кроме Митрополитов *Филарета* (Московского – не присутствовавшего в Св. Синоде) и *Григория*, из Киевского Митрополита (ныне Санкт-Петербургского) *Исидора*, Духовника Их Величеств, Протопресвитера *В.Б. Бажанова* и Протопресвитера *В.И. Кутневича*. Киевский Митрополит *Филарет*, сохраняя звание Синодального Члена до смерти своей, (последовавшей в 1857 г.), не присутствовал в Синоде и противодействовал этому делу. Впрочем, – говорит Автор, – последовательно-историческое изложение событий лучше всего может выяснить значение и достоинство каждого из деятелей в этом великом предприятии»[489].

Это последовательно-историческое изложение сделано Автором пространное и подробное, из которого мы и брали нужные для нас сведения, как документальные, а на прочие указывали желающим ознакомиться с ними в самой «Истории» достопочтенного Автора. Насколько же наше изложение, основанное, между прочим, на известных нам биографических данных, сходится с изложением Автора Истории, и в какой мере оно представляет всю сущность дела, а равно и значение и достоинство каждого из бывших деятелей – участников в нём, предоставляем судить всякому благовнимательному читателю.

Обращаемся к окончанию повествования о служении в Бозе почившего в Калужской Епархии.

Отдел VIII. Перемещение преосвященного Филарета из Калужской Епархии в Рязанскую

Глава XXV. Прощание Преосв. Филарета с Калужской паствой

«Калужская паства и в своё время и поднесь молит Господа, да пошлёт Он ей в утешение подобного Отца-Архипастыря, каков был приснопамятный *Филарет*".

«Последним словом своим Владыка *Филарет* тронул всех, в чрезвычайном множестве присутствовавших в храме, до всей глубины души; и слёзы – искреннейшие знаки искреннейшей приверженности всех, свидетельствовали о печальных чувствованиях горестного разлучения». «При самом же прощании и проводах были такие умилительные сцены, которые возможно только чувствовать сердцем, а выразить словами – нет»[490].

Читающие припомнят, что мы закончили повествование о служении Высокопр. *Филарета* в Московской Духовной Академии словами, бывшего воспитанника этой Академии, новонаречённого Епископа *Иоанна* в речи его Святейшему Синоду, – словами, как нельзя более, верно характеризующими дух, характер и образ всего Академического служения. Мы и в настоящий раз не можем отказать себе, чтобы не воспользоваться словами этого же духовного витии[491], в которых столь же верно охарактеризованы дух, характер и образ Святительского служения, каковые в достойной мере могут быть приложимы и к самому начальному служению Высокопр. *Филарета* в Калужской Епархии, а тем паче в связи с изложенными по делу о переводе Св. Писания на Русский язык историческими данными.

Впрочем, чтобы воспользоваться содержанием указываемой речи Преосв. *Иоанна*, мы имеем для этого и право и даже долг по следующим обстоятельствам. Когда покойный Преосвященный был уже Епископом Смоленским, непосредственным преемником Высокопр. *Антония*, и я находился, в течение первого года его служения, тоже в *Смоленске*, и в ту пору начинал собирать материалы для биографии Высокопр. *Филарета*, тогда сам же Преосв. *Иоанн* заинтересовался этим моим делом, по отношению собственно к лицу и памяти жизнеописуемого. Имевши честь сыздавна, ещё во время его ректорства в Казанской и Санкт-Петербургской Академии, быть в знакомственных отношениях к Преосв. *Иоанну* и зная его личный характер, что он не любил быть словоохотливым по каким-либо частным предметам, я даже удивлялся, что при настоящем моем деле он проявил в себе совсем иную сторону своего характера. Он явился столь

сочувствующим и интересовавшимся, что подобное что-либо в других лицах, бывших, сколько мне известно, в очень близких отношениях к в Бозе почившему Первосвятителю – Высокопр. *Филарету*, мне весьма немного приводилось встретить...

«Да, – говорил он, – вот ровно двадцать пять лет[492], как я в первый раз, он же был и последний, узрел лицом к лицу этого великого силой духа Святителя Русской Церкви. Это было, – как теперь помню, – в Мае 1842 г., когда покойный Митрополит *Филарет* был в нашей Московской Академии, на пути его в Киев из *Санкт-Петербурга*, из которого он тогда возвращался навсегда. В лице его, и под белым клобуком с блистающим на нём крестом и при всех орденских отличиях на его персях, я впервые узрел, сколько истинный внутренний образ истинного Святительства, исполненный духа, жизни, силы, света, любви, составляющих ореол... столько же в нём я видел как бы воплощение всего, что возможно и желалось бы всей душой вообразить себе в лице и состоянии *великого Аввы*... Но, видно, такова доля подобных *избранных* в среде земнородных и в частности, пожалуй, даже в среде носящих тоже звание, – что эти *избранные* и при жизни не находят себе пьедестала, а вернее сказать, никогда сами же они не ищут и не помышляют о нём, и по кончине своей остаются *под спудом*... Я знаю, например, что о некоторых уже заранее приготовлены скрижали писанные...[493]. Но, вероятнее всего, эти скрижали *каменные*... И вот я наперёд готов высказать вам моё недовольство, если, и начинаемое вами, жизнеописание будет в чём-либо похожим на такие скрижали... Не честь, не хвала и Преосвященному Антонию, что он в течение целых десяти лет не взял на себя долг и труд начертать во всем достойном изображении, хотя и в кратких чертах, жизнь великого Святителя – *Филарета*, образ которого так живо, глубоко, назидательно всегда предносится мне»... После этих слов я, между прочим, высказался перед Преосв. *Иоанном* со всею искренностью, соответствующею его собственной, что мне весьма желалось бы иметь у себя сочинение Вашего Преосвященства «*о Монашестве Епископов*»,.. и собственно для того, чтобы проверять, в известных отношениях, многие черты и качества в Бозе почившего не как только Святителя, но нераздельно как схимонаха»... В ту же минуту вынес Преосвященный экземпляр своего сочинения и, отдавая его мне, сказал: «знайте же, что писавши это сочинение, я сам представлял себе образ почившего, и как великого Святителя, и как великого Аввы»... При этих столь искренне-откровенных словах Преосв. *Иоанна*, мне подумалось тогда же, а потом и при повторительном не раз чтении вышеуказанной речи его при наречении в Епископы, что, вероятно,

представлялся ему образ Высокопр. *Филарета* и при изложении самой речи. Приводим из этой речи следующие мысли.

«Церковь требует, – говорил новонаречённый Епископ, – от своих Святителей – пастырей, чтобы светить светом Христовой истины, проводя её в народ в её живом действенном духе, в ярких и сильных чертах Евангелия, а не в одних общих словах отвлечённых поучений, или в неясных безжизненных образах школьной науки; светить светом собственного духа, внося в церковную деятельность ясную мысль, сознательное убеждение, неизменные начала и твёрдую систему, а не одни преходящие мнения и случайные соображения... – светить светом жизни, чтобы оправдывать учение делами и побеждать всякое лжемыслие столько нравственно и практически, сколько умственно и догматически». Далее, сказав, что как Церковь наша была полна жизни и силы в лице своих Святителей от *Илариона* Киевского до *Тихона* Воронежского, новонаречённый Епископ говорит, что «эта жизнь и сила выражалась в неизъяснимой теплоте сердца, – словом в любви, горячей и пламенной любви к своему званию, своему служению, своим подвластным и пасомым, к своей Церкви. И вот это-то и было истинное пастырское Богословие, великая наука пасти души человеческие (христианские)! У тех, духом горевших, Пастырей вся наука эта (и вся деятельность) заключалась почти в одном слове: любить, – любить, чтобы со всей полнотой душевного сочувствия исполнять свой долг и любовью препобеждать все его трудности..., чтобы неустанно и неусыпно стоять на страже Веры и Церкви, в непрерывной борьбе с её врагами внутренними и внешними – любить, чтобы и люди любили и нас и Церковь и Бога».

Да сколько быть может, ни не полно во всех подробностях и отчасти не определённо, по недостатку и не точности некоторых сведений, наше повествование о жизни и служении в Бозе почившего за время управление его Калужской паствой, но сейчас приведённые из речи, истины и мысли едва ли, но в большинстве совпадают с изложенными данными. Вся Калужская паства, всеконечно не желала обольщать себя и обманывать других, когда, по свидетельству одного из доставителей сведений «и в своё время и по днесь молит Господа, да пошлёт ей в утешение подобного отца-Архипастыря, горевшего любовью ко всем и располагавшего всех любить его, как истинного служителя Божия и Пастыря Церкви, каким явил себя соделавший навсегда незабвенным для неё своё имя и память – Преосв. *Филарет*"[494].

Впрочем, представляемые в таком виде и значении Святительские достоинства Калужского Епископа *Филарета* и личные его качества не

оставались, как оказывается, безызвестными и вдали – в самом *Петербурге*. То, что приведено было нами прежде в виде слуха, как и передавало нам упоминавшееся лицо (о. Наместник Сергиевой Лавры А. *Антоний*), т. е. что, вместе с вызовом в Синод Киевского Митрополита *Евгения* (в 1824 г.), имелся в виду и Калужский Епископ *Филарет*, подтверждается действительными данными[495]. «Архимандрит (Юрьевский) *Фотий*, – читаем в «Истории» г. *Богдановича*, пользовавшийся авторитетностью и доверенностью Государя Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА[496], – в доносе своём (от 18 Мая 1824 г.) говоря о том, кого нужно сменить из присутствовавших в Синоде, (разумея, само собой, во главе *Филарета* Московского, – в это время, впрочем, не бывшего в Синоде), и кого лучше вызвать в Синод для присутствования, и указав во-первых на Киевского Митрополита *Евгения* (*Болховитинова*), что «сей человек умнее *Филарета* (Московского), мудрее, старее и опытнее, – писатель и историк отличный, притом *правоверен*, он[497] и в *Питере* не бывал и *партий не имеет*[498] и вообще может быть надёжен ко всему, – присовокупил: «на всякий случай на вид представлю, хотя и не знаю лично, славящихся благочестивой жизнью, *правоверием* и учёностью доброй, Архиереев: 1) Могилёвского Архиепископа *Иоасафа*, 2) Калужского Епископа *Филарета*, 3) Курского Епископа *Владимира*, 4) Владимирского – *Парфения*".

Этот факт, хотя представляет свидетельство из уст одного частного лица – А. *Фотия*, но во-первых, это лицо имело доступ представлять доносы или доклады Самому Государю, а во вторых самое то, что А. *Фотий* представлял о кандидатах в том числе и о *Филарете* не как лично ему известных[499], то и самые мнения одобрительные были, значит в большей, или меньшей мере в ходу в среде лиц, в обществах, которых он вращался, – лиц разумеется высокопоставленных. Во всяком случае, имевшийся в виду и доходивший даже до слуха Московского *Филарета*, вызов *Филарета* Калужского на высший почётный пост служения в среде Присутствующих в Св. Синоде, имел ближайшим последствием то, что вскоре же Высокопр. *Филарет* был перемещён из Калужской епархии на высшую кафедру – в епархию Рязанскую[500].

Перемещение это состоялось по Высочайшему повелению, изображённому в Указе Св. Синода 12 Января 1825 года.

Таким образом, управление в Бозе почившего Калужской епархией продолжалось всего шесть лет с несколькими месяцами. Но очевидно, здесь имело значение не количество времени, а качество святительского служения. О последнем же мы видели свидетельство, что Калужская

паства и в своё время и поднесь молит Господа да пошлёт ей в утешение подобного отца – Архипастыря и пр. Потому-то, – читаем у другого доставителя сведений – «и при прощании и проводах Владыки *Филарета* были такие умилительные, трогательные сцены, которые возможно только чувствовать сердцем, а выразить словами – нет».

На прощания и проводы, о коих мы хотим сказать, многие, правда, смотрят двусмысленно, а иные, пожалуй, положительно видят в них один лишь обычай, обряд, или просто – церемонию, хотя для духовенства обязательную, как заведённый и сохранившийся от старины порядок. Но да позволено будет, прежде всего, обратиться к подобным многим с вопросом, так резко и метко выраженным в известном стихотворном изречении: «*С кого портреты они пишут. Где разговоры эти слышат*»?! Странное, в самом деле, явление! На эти ли же самые лица, если бы дело коснулось их личной, как говорится, живой струны, вроде например, того, когда на каком-либо заздравном, или прощальном обеде нужно бывает почтить какое-либо лицо, иногда и заочно, то не первые ли они готовы бывают разразиться на перерыв каким-либо спичем, оглушительными кликами и рукоплесканиями, или отнестись с адресом, или отправить телеграмму?! И во всём этом они же готовы всеми силами доказывать, что здесь не обычай только, а излияние душевных, и будто бы, священных чувств и проч. Итак, если у автора-поэта вопрос его не остался без известного ответа, то и в настоящем месте он ясен сам собой...

Да, прощания и проводы, какие в большинстве, к утешению, доднесь видим и слышим мы при разлуке Архипастырей со своими паствами, берут основание и побуждения не из другого источника, как из религиозного настроения, и истекают из той внутренней духовной связи, где паства становится истинно *едино тело и един дух* со своим Архипастырем – святителем... Говорим – паства, а не избранные лишь и представительные лица её, так как, что замечательно, всегда при подобных событиях, все даже сословия как бы уничтожаются, – все сливаются как бы в одну семью, все одинаково простирают свои взоры и руки, чтобы не пропустить последнего взгляда, не проронить последнего слова, не остаться без последнего благословения со стороны своего бывшего Архипастыря. А что здесь действует не одно лишь общечеловеческое чувство, доказательство в том, что можем ли мы указать подобные чувствования и отношения к кому-либо при подобных расставаниях и проводах; – бывает ли, например, это при отъезде Начальников губерний и других равностепенных лиц?! Может быть, из сотен случаев один пример, и то не в таком роде и виде. Нет, – кроме Помазанников Божиих – Царей и

Августейших Лиц, ни к кому не относится Русский Православный народ с такими единодушными чувствами, какие видим мы и в отношении к Святителям и при встречах, и при проводах; – следовательно, эти чувства прямо приносятся на алтарь Церкви и Престола, освящаемого Церковью же. Самый церковный колокольный звон имеет при этом свою особенную знаменательность. Производить же эти явления из обычаев старины, собственно говоря, не значит ослаблять и унижать их значение, а напротив, только лишь подтверждать их истинность, естественность, законность и священность. Желающий пусть раскроет страницы из жизнеописаний древних великих Святителей Церкви, напр. св. Иоанна *Златоустого*, и уразумеет, как этот Святитель, громоносно обличавший и поражавший всякое раболепство, ласкательство в среде своей паствы, не исключая даже самого двора, в то же время понимал и принимал те заявления и выражения чувств, какими сопровождали его и при разлуке с {ним}, и при встрече при его возвращении Православные жители *Царьграда*. Для примера развернём свиток его златословесной беседы, которую он говорил по возвращении своём из Азии, когда в несметном множестве и с громкими кликами встретили его пасомые чада его. «Радуюсь и восхищаюсь, как бы воспаряю от восторга и не могу выразить, как велика моя радость. Что скажу любви вашей и тому благорасположению, какое показали вы, когда радостные восклицания ваши проникали в небо?! Самый воздух освятили вы, и город соделали церковью: почтён был я, а прославлен Бог!»[501]. Думать ли, что тогда были особые времена и обстоятельства, в которых и паствы и пастыри имели особенные причины и побуждения иметь такую тесную, внутреннюю и внешнюю связь между собой?! Но кто же дал нам право не признавать эту же самую связь, ту связь чувств и отношений, в силу которой и Калужская паства молила Господа, да пошлёт ей в утешение подобного отца и архипастыря, – и сам в Бозе почивший в своей прощальной беседе взывал молитвенно ко Господу перед лицом, оставляемой им, паствы: «Господи Сердцеведче! Ты веси, сколько сердце моё воздыхало и будет воздыхать к Тебе, да сей знаменитый град, цветущий благочестием и добродетелями отцов наших, очистится от последних останков заблуждение и суеверия».

Сведения о прощаниях и проводах Преосв. *Филарета*, при отъезде его из *Калуги* в *Рязань*, доставлены от различных лиц – очевидцев, и в общем их составе они состоят в следующем:

«12 Января 1825 года был получен указ Св. Синода о назначении Преосв. *Филарета* во второклассную епархию Рязанскую – (хотя в звании Епископа же). Выезд его последовал в первую неделю великого Поста – в

Воскресенье. С Семинарией Преосвященный простился ещё накануне после вечерни. Когда собрались все начальствующие, учащие и ученики в покои его Преосвященства, сколько могли вместиться. Преосвященный вышел и сказал с чувством: »*О если бы нам увидеться такими чистыми на суде Господнем!*«, ибо в тот день сподобились приобщения Св. Таин; а затем, обратившись к Ректору Семинарии, сказал ему: »*попекитесь о детях; пусть они будут иметь недостатки в познаниях, только были бы истинные христиане*«. В самый же день отбытия своего из Калужской епархии в неделю Православия (15 Февраля), Преосв. *Филарет*, по совершении Божественной Литургии соборно, прощальным словом своим тронул и всех присутствовавших во храме, собравшихся в чрезвычайном множестве, до всей глубины души, – и слёзы-искреннейшие, знаки искреннейшей приверженности свидетельствовали о печальных чувствованиях горестного разлучения. По окончании молебствия пред Иконой Калужской Божией Матери с коленопреклонением, происходившего в присутствии всего городского духовенства, маститый старец кафедральный, Протоиерей *Иоанн* от лица всей паствы произнёс пред Его Преосвященством благодарственную речь, в которой, прерывающимся от лет и чувствительной горести голосом, изъявил совершеннейшую признательность пасомых к истинно-пастырскому управлению сею паствой и отеческим благодеяниям Его Преосвященства. Все Калужское духовенство в глубокой скорби и слезах поверглось к стопам Его Преосвященства и принимало его благословение. За сим Преосвященнейший изволил прощаться со всеми сословиями паствы своей и изъявил особенную признательность, пред лицом всего собрания, за усердие к святой церкви и благочестивый пример. Его Превосходительству, г. Гражданскому Губернатору *Н.К.О.* также и духовенству – за отличное его поведение. В два часа по полудни начался в соборе благовест к сопровождению Архипастыря, а в три часа Его Преосвященство, приложившись к св. иконам в домовой церкви и будучи напутствован речью, произнесённой Архимандритом Ректором Семинарии *Венедиктом*, сопровождаемый искренними благословениями всех жителей *Калуги*, при многочисленнейшем стечении всякого звания людей, со слёзными рыданиями провождавших своего доброго Архипастыря, коими наполнена была вся площадь около собора, и при колокольном звоне во всех церквах, изволил отправиться в путь свой по московскому тракту. Духовенство и граждане проводили его за город до часовни, известной под именем Креста, где Преосвященнейший, по молитве о благосостоянии Калужской паствы, паки прощался со всеми,

желая всему граду благословения от Господа. Граждане напутствовали Его Преосвященство хлебом и солью. Народ толпился и бежал вслед за своим Архипастырем, провождая его взорами, доколе не потерял совершенно из виду.

Но можно ли описать такие трогательные сцены, которые сердце лучше может чувствовать! Преосвященнейший *Филарет* оставил признательной пастве своей вечный памятник своего истинно-пастырского служения по духу Пастыреначальника – Христа Спасителя. Его святая и подвижническая жизнь – пример толико назидательный для нынешнего христианства, мудрое правосудие, бескорыстное, примерное милосердие, отеческое внимание, покровительство и ободрение учащих и учащихся в духовной Семинарии и училище, искреннейшая сострадательность к бедным и беспомощным, которым, не имея возможности удовлетворить иным образом, столь часто уделял он в пособие от своего имущества, – кроткое и необыкновенно терпеливое снисхождение и смиренное обращение со всеми, в котором никогда не отказывал и последнему нищему, – назидательнейшие его поучения и беседы, которые он, из желания спасения всей пастве своей, почти каждый воскресный день предлагал в церкви, – дали ему имя незабвенного и добрейшего Отца-Владыки. Сиротствующая Калужская паства молит Господа, да пошлет ей в утешение подобного отца и архипастыря».

На пути своём Преосв. *Филарет* заезжал в г. *Боровск* и там также прощался с паствой в Боровском Пафнутьевом монастыре, о чём свидетель-очевидец пишет следующее: «Прощание происходило в тёплой Рождественской церкви, куда собраны были и все ученики Боровского духовного училища. Когда начали петь: *Ныне отпущаеши*... то, с каким глубоким благоговением преклонил Преосв. Владыка святительские колена свои перед престолом Благодати, и как долго и умилённо молился! По окончании моления вышел на амвон и начал говорить речь, но слёзы помешали и он замолк. В это время подошёл к Преосвященному наместник монастыря о. *Феофил*, наш бывший о. Смотритель училища и, не могши произнести от слёз речь, прочитал её по тетради. За ним приблизился к Владыке родной брат его – о. Протоиерей *Гавриил Егорович* (*Амфитеатров*), который начал было тоже говорить речь, но горькие слёзы его смешались со слезами брата-Архипастыря, и мы все заплакали. Простившись с братией, благосердый Архипастырь начал прощаться и со всеми учениками, каждого благословлял, некоторых целовал в голову, и на не многих возлагал святительскую руку и проч. (а чем ознаменовались эти архипастырские действия, читатели уже знают из прежде сделанной нами

выписки из этого же самого письма[502]).

Путь свой из *Калуги* направил Преосв. *Филарет* не прямо в *Рязань*, а отправился сначала в *Москву*. Вот что писал он об этой поездке, а равно и о прибытии своём в *Рязань*, в самом первом письме[503]. «Очень-очень тяжело мне было разлучаться с любимой Калужской паствой. От сего я ещё в *Калуге* был довольно болен, но Господь помог перенести всё. Бывши в *Москве*, я в тамошних холодных соборах простудился и потерял было голос, но не смотря на простуду, слетал в Троицкую Лавру к свышнему Покровителю моему по Господе, Св. Угоднику Преподобному *Сергию* в один день. А на другой день с простудой отправился в *Коломну* и целую ночь был в дороге. Но смотрите, как Господь ко мне милостив. Отправляясь уже из *Москвы*, узнал я, что недалеко от большой дороги находится в Епархии моей Николаевский Радовицкий монастырь, в котором чудотворная икона Святителя *Николая*, издревле прославленная чудесами и всеми здесь почитаемая, и монастырь весьма устроенный и богатый. Узнавши о сём, я тотчас решился прибегнуть, прежде *Рязани*, к Святителю и испросить его помощи на предлежащий мне подвиг, а вместе и отдохнуть. Довольно больной явился я в обитель угодника Божия 2 Февраля. Помолился Святителю, и целую неделю провёл в обители в тишине и безмолвии, и совершено оздоровел молитвами Святого. 28 Февраля вечером прибыл весьма благополучно в Троицкий монастырь, находящийся в предместье *Рязани*. Тут отслушал всенощное бдение и переночевал, а в воскресенье, 1 Марта, с наступлением первого весеннего месяца, вступил в *Рязань*. Жители с великой радостью встретили меня. От мала до велика все стеклись на сретение своего пастыря. Встреча с Литургией продолжалась с три часа с лишком, и я хотя и устал, но всё кончил с посильным усердием весьма благополучно и теперь чувствую себя здоровее, нежели в *Калуге*, при разлучении моем с вами – болезненном. Возблагодарите за моё недостоинство Господа Иисуса Христа. Ваш всегда усердный Богомолец *Филарет*, Епископ Рязанский».

P. S. Возок вам возвращаю во всей исправности. Он так был для меня полезен, что без него едва бы доехал я до *Рязани*.

В течение последующей жизни Высокопр. Владыки *Филарета*, читаем в заключении прежде приводимой выписки[504], «Калужская паства дважды имела счастье видеть его, именно: в 1837 и 1842 годах, когда он был уже Митрополитом Киевским. В оба эти раза он заезжал в *Калугу* на пути из *Санкт-Петербурга* в *Киев*, и из *Калуги* в оба же раза ездил он в любимую им Оптину Пустынь». При описании посещения Высокопр. *Филарет*ом этой Пустыни в 1842 г. мы приводили знаменательный факт, –

как во время совершения им Богослужения и молебна в Церкви, по свидетельству составителя истории этой Пустыни, «внезапно была ниспослана благодать Божия на тамошние пределы, а именно: после долговременной страшной засухи (в течение всего Мая) пролился на землю обильный благотворный дождь и оросил, почерневшие уже от засухи, поля и пр. В это же время при бытности Высокопр. *Филарета* и в *Калуге* совершилось то же и ещё более знаменательно. По случаю той же страшной засухи были уже совершаемы особые церковные молебствия; но когда прибыл Высокопр. *Филарет*, то жители и города и ближайших окрестных селений приняли это самое прибытие его как бы знамением, и потому все обратились к нему с усерднейшими просьбами, чтобы он вознёс свои тёплые святые моления о своей бывшей любимой пастве, угрожаемой бедствием неурожая и голода. И помимо просьб, тронутый до глубины души таким постигшим Калужскую паству, бедствием, Первосвятитель явил всю свою готовность вознести с прежними пасомыми общее моление. Совершив Божественную Литургию в Соборе, он, когда только вышел с крестным ходом на ближайшую площадь, переполненную народом, тогда уже было замечено что-то вроде подвигавшегося облака, хотя и самого не большого и тонкого. Но как только совершена было ещё половина молебна, облако внезапно увеличилось и сгустилось, затем, в самое чтение молитвы с коленопреклонением, вдруг хлынул дождь как из ведра и, затем более и более усиливался. Все так и думали, что вот-вот, Владыка Митрополит, как бывший в полном праздничном облачении, в котором совершал он Литургию, почтёт нужным поспешить в Собор, а иные из сослужащих, готовы были бы и просить его об этом из опасения, между прочим, чтобы он, промоченный насквозь ливнем, не получил последствий вредных для здоровья; – но, говорил нам очевидец, Владыка поступил наоборот: – во первых, он обратился ко всему народу с поучением из текста: »*аще имате веру, яко зерно горушичное* и пр. и продолжал ещё несколько минут; во вторых, когда народ, буквально, бросился к нему за благословениями, а другие с издалека преклонялись пред ним на землю, то он почти не двигался с места, пока мог благословить всех, двигавшихся к нему массами, – причём снова продолжил разные поучительные изречения в назидание и утешение всех. После окончания этого молебствия, когда Владыка, разоблачившись в Соборе, вышел, народ снова обступил его и он, вместо того, чтобы сесть в поданную уже карету, опять продолжал преподавание благословения.

После прибытия в архиерейский дом, куда собрались вслед за ним избранные из представительных лиц города, местный Преосвященный и

другие из присутствующих высказались перед Владыкой, что они крайне опасались, что его совсем затолкает народ, потому что не было сил и самой полиции ограждать его от натисков и толчков... Владыка отвечал: «А знаете ли, что это-то толкание нас и есть особенная милость Божия... Худо и горе, когда нас перестанут так толкать... Ведь эти-то толкающие (разумея простой народ) толкают нас именно от того, что их самих толкает внутреннее чувство веры, столь обильной в простых сердцах их. В этих толканиях их, несомненно, исполнение слов Господа: *толцыте и отверзется вам – просите и дастся*... И я верую, что они-то так сильно и толкали всей силой своей веры в самые двери неба, что оно отверзлось и излило столь неожиданный и обильнейший дождь... И я помню, не по памяти только одной, а паче по сердцу чувствую как теперь, – как меня толкали и прежде мои добрые пасомые Калужские, и особливо, между прочим, при прощанье и проводах из *Калуги*, несмотря на тогдашнюю зимнюю, сильную стужу… значит, и самая стужа не могла охладить их горячих чувств... Вот вы говорите ещё, что для самой полиции не было сил ограждать от натисков и толчков... Это опять новое свидетельство той же истины... Запрещали, чуть рот не зажимали и слепцу, сидевшему на пути шествия Господа Спасителя, отталкивали и отгоняли и жену Хананейскую, вопиявшую во след Его же... но ведомо нам, что сие означало и чем завершилось…[505]. Кстати скажу вам, что бывало со мной на опыте в Казанской пастве, где многое множество инородцев из язычников и татар некрещённых и крещённых, хотя и мало утверждённых в Христианской Вере. У последних оказывалось особенное предубеждение против Архиереев. Когда я в первый раз обозревал Епархию, то при въезде в тот или иной приход из новокрещённых встречали меня у церкви священник с причтом и земский чиновник с урядниками. Народ же стоял, бывало, далеко на полуверсту... Что это значит? спрашивал я. «Не смеют – отвечали мне...» – Как не смеют? И я приказал тут же священнику и чиновнику звать всех... Они придвинулись, а я к ним, и начал благословлять их всех, и детей, которым и раздавал тут же и пятачки серебряные и крестики и иконки маленькие, и всё преобразилось... Когда же я приезжал в следующие разы, то те же, не смевшие прежде, везде спешили ещё за околицы ко мне навстречу... Случилось однажды, что нужно было освятить церковь в новокрещенском приходе, и я назначил было для этого миссионера – Архимандрита. Но не тут-то было... Прихожане – мещеряки новокрёщенные пристали ко мне: нет – нет, бачка, так не можна... айда сам... Я хотел объяснить им причину... но они своё: нет-нет, – наша сама тащим твоя... айда!.. И надо было видеть и паче

чувствовать, как эти же самые, не смевшие прежде и приближаться, затаскали и затолкали меня во всё время моего пребывания на освящении церкви в их селении, куда собрались в огромном множестве и из ближайших селений. Всё это так живо сердечно чувствуется мне и до днесь, и молитва моя об них – этих истинно простодушных овечках выну в душе моей[506]. Эти же чувства унесу я и теперь и сохраню навсегда и о сегодняшнем дне, в который слава Богу, потискали и потолкали меня своею любовью добрые незабвенные мои, бывшие пасомые Калужские. Этим же чувствам и словам бывшего Архипастыря может ли быть большее и достойнейшее соответствие со стороны пасомых, как то, которое выражено доставителем сведений, а именно: «Калужская паства и в своё время и поднесь молит Господа, да пошлёт Он ей в утешение подобного Отца – Архипастыря, каков был приснопамятный *Филарет*"[507].

Переходим к повествованию о служении в Бозе почившего в Рязанской Епархии.

Отдел IX. Служение Преосв. Филарета в Рязани

Глава XXVI. Трёхлетнее управления Рязанской епархиею. Возведение в сан Архиепископа. Вызов его в Санкт-Петербург для присутствования в Св. Синоде

«Вообще нам там хорошо всегда, и не может быть лучше, где Сам Господь нас поставит, нежели где бы мы сами предустроили... Потому-то и не толкуйте и вы, что при таком-де Архиерее было то и то, а при другом не так-то…»[508].

«Один отец скончался, зато другой жив остался»[509].

«Велит ли Бог мне ещё увидеть тебя, моя возлюбленная паства Рязанская?! Нет и нет!»[510]

Служение Высокопр. *Филарета* в Рязанской Епархии, сравнительно со всеми другими местами его епископства, было весьма непродолжительно. Рязанской епархией он управлял всего *три года*; а как в продолжение этого времени он был вызываем в *Петербург* для присутствования в Св. Синоде, то личное его пребывание на кафедре епархиальной продолжалось всего *один год и девять месяцев*[511]. По Высочайше утверждённому докладу Св. Синода, в 25 день Февраля 1828 г. Преосвящ. *Филарет* перемещён был в Казанскую Епархию.

Относительно подобных скороврeменных перемещений Святителей из одной Епархии в другую существуют мнения, высказывавшиеся и в печати, не в пользу этого обычая и порядка. Представляют обыкновенно, что в подобных случаях дело не может обходиться без ущерба и для благосостояния епархий, в которых, в одно, напр. десятилетие, переменится иногда два-три Епископа, и для самых лиц переменяемых. Таковы мнения особенно о тех Епископах, которые поступают на епархию с самого первого времени принятия сана святительского, следовательно, приемлют свою паству как *первенца* своего духовно-благодатного рождения и воспитания, или как *невесту обручённую* им...[512]. Естественно, что такие Святители с первого раза всегда готовы бывают особенно возлюбить свою паству, соединиться с нею всеми узами духа, жизни и всех пастырских отношений, – и потому обращаются к ней со всей энергией, посвящая все силы, усердие, умение, чтобы упрочить всё своё влияние на неё, имея в виду именно долгое в ней пребывание. Между тем, когда вдруг, воспоследует перемещение, – многие истинно благие начинания редко-редко не остаются без желанных плодов; а на новых паствах те же Святители могут быть менее энергичны. И самые паствы,

так часто, по буквальному церковно-каноническому выражению вдовствующие, естественно могут вообще терять или ослаблять в себе силу чувств к пастырям при частых их переменах.

Останавливаться на этих мнениях ни pro ни contra, конечно здесь не место. Но, тем не менее, мы не можем не указать на то, что даст нам самое содержание повествования. В этом отношении нет сомнения, что лучшим ответом на сказанные мнения служит именно то, что мы узнаём из подлинных писем самого же жизнеописуемого, в которых самым живым и беспристрастным образом представляется и его собственное состояние и состояние паствы (Калужской), с которой он расстался, и той, в которую вступил. Прочитаем несколько писем в Бозе почившего на самых же первых порах его служение в *Рязани*, писанных в *Калугу*.

«Знаю, что вам очень грустно разлучаться с пастырями. Но поплакали и погрустили пред Господом и довольно; уже теперь пора перестать, а всю печаль свою возложить на Господа, Который вся устрояет на пользу и спасение душ наших. Ибо милостивее Его к нам грешным никто не может быть: а вы знаете меня и уверены, что от Его десницы получил я после Калужской Рязанскую паству. Так грешно бы было грустить о том, что Господу угодно; вообще же нам там хорошо всегда, и не может быть лучше, где Сам Господь нас поставил, нежели где бы мы предустрояли».

«Благодарю (писано в другом письме), что писаниями вашими возбуждаете и мою немощь писать часто. И на будущее время прошу меня пожуривать, чтоб здесь в удалении от вас я не избаловался. В самом деле, я очень виноват и перед вами и перед многими. Но что мне делать с бумажными делами, которых оставлено мне многое множество и которыми занимаясь, я почти одичал. Поверите ли, что, приехавши в *Рязань*, ни одних даже газет не читал и совсем не знаю, что на свете делается. К тому же, целое лето обстраиваю обветшалый дом и доселе ещё живу в экономских кельях. Впрочем, надеюсь перейти в свой дом 4 числа Октября. И там может быть сколько-нибудь успокоюсь. К хлопотам моим присоединилась ещё зубная болезнь, которой страдал с самой Пасхи; но теперь, слава Богу, недели три не чувствую оной. Много употреблял лекарств от сей несносной болезни; но не от них, а от Господа получил исцеление. Помолившись Господу, положил я на больные зубы и масло от гроба Господня, и с тех пор совсем не чувствую боли. Молитвами вашими Господь хранит моё здоровье». «Поздравляю всех вас с новым добрым Архипастырем. Преосвященным *Григорием*. Имейте его в любви, как и меня грешного имели. Господь услышал и моё недостойное моление; ибо я всегда желал и молил Господа, чтоб был назначен в любимую мне

Калужскую паству Преосв. *Григорий*[513]. Он истинно добрый, благонамеренный и просвещённый Пастырь Церкви Православной. Когда извещусь о прибытии его в *Калугу*, буду его просить, чтоб он вас и утешал и укреплял в немощах ваших, – а вам заповедую пастырским моим словом иметь его воистину Отцом и Архипастырем».

«Располагаюсь в Июле месяце (писано в другом письме) обозреть епархию и отправиться в уездные города. Климат здесь здоровьем не уступает *Калуге*. И город изрядный, только мал и беден; а народ к церкви усердный и весь Православный. Только *Калуга* по всему лучше *Рязани*. А впрочем, опять скажу: нам там хорошо, где Бог нас поставил. Посему-то и не толкуйте и вы, что при таком де Архиерее было то и то, а при другом не так-то... Прочитайте с благоговейным вниманием, что благовествует Св. Апостол к Коринфянам: »*Егда глаголет кто от вас: аз убо есмь Павлов; другий же – аз Аполлосов, или Кифин: не плотстии ли есте? Кто убо есть Павел, кто же ли Аполлос?... Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти. Темже ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Бог. Насаждаяй же и напаяяй едино суть: кийждо же свою мзду приимет по своему труду*« (1Кор. 3:4–8)».

Наконец ещё читаем в одном из писем: «Господь возвратил мне по вашим молитвам здоровье, хотя и чувствую некоторую слабость. Впрочем, Един же Господь Сам видит, что я стараюсь жить только для единого служения Ему, а потому Он же дарует столько и сил, сколько Ему угодно и мне потребно».

Итак, из этих, приведённых из писем, данных становится ясным ответ на существующие суждения не в пользу архиерейских перемещений из одной епархии в другую. Понятно, что всё дело здесь зависит от духа и характера Святителей в значении истинного их призвания к их столь высокому служению. Потому каковым был Преосв. *Филарет* в Калужской пастве, таковым увидим его и в Рязанской, при всей кратковременности его служения, которой он, конечно не мог предвидеть. Первым свидетельством об этом служат следующие сведения, взятые из дел Рязанского Консисторского архива. Составитель этих сведений пишет от слова до слова так:

«Из дел, производившихся в Рязанской духовной Консистории, усматривается: Высокопреосвященнейший *Филарет* во время трёхлетия управлял Рязанской епархией мирно и кротко. Он заботился о нравственном состоянии белого и чёрного духовенства; невоздержанных исправлял с отеческой снисходительностью, а не исправлявшихся в поведении предавал законному суду. На священно-церковно-

служительские места определял не иначе, как по строгому испытанию в знании предметов, необходимых для церковно-священно-служителя. Особенную оказывал сострадательность к вдовствующим и сиротствующим, строго внушая благочинным ограждать и защищать их от притеснителей и причиняющих им какие-либо обиды. Изыскивал способы к увеличению доходов попечительства о бедных духовного звания. Устное предание свидетельствует, что он был милостив ко всем бедным и нищим, а потому жители г. *Рязани* называли его – Владыку – *Филаретом милостивым*, каковое приятное название и доселе ещё сохраняется в устах, помнящих его человеколюбие и щедрость. Его Высокопреосвященство имел великое попечение о благолепии храмов Господних, попечителям и строителям оных изъявлял архипастырскую признательность и благословение»[514].

Читая эти сведения, хотя в общих и кратких чертах, кто не видит в них как бы буквального повторения всего, изложенного в подробности об этих же самых свойствах и действиях в бытность в Бозе почившего в Калужской епархии?! Если же и есть какая разность, то не более, как в том, в чём естественно, могла открыться надобность по требовании местных обстоятельств и условий. Во всяком случае, служение в Рязанской епархии было не иное, как продолжение Калужского, разумеем по духу и характеру и вообще по внутренним началам, которые очевидно остались неизменными. В этом же последнем отношении и самая кратковременность не могла иметь большого значения и влияния; сущность дела здесь, как говорится, не в количестве, а в качестве. На этом-то основании мы и предпослали читателям мысль – почему в повествовании о Калужской жизни и деятельности в Бозе почившего считали нужным изложить факты и действия с особенной подробностью и характеристичностью, именно, чтобы не повторять одного и того же.

С так называемой формулярной стороны служение Преосв. *Филарета* в Рязанской епархии тот же составитель архивных сведений говорит. «Перемещение Высокопр. *Филарета* из Калужской епархии в Рязанскую последовало по случаю открывшейся вакансии за смертью бывшего Архиепископа Рязанского *Сергия*. Впрочем, при самом назначении в *Рязань*, Преосв. *Филарет* не был возведён в сан Архиепископа, а пожалован был этим званием уже спустя год с лишком, именно 1826 года Августа 22 дня, по случаю священного Коронования блаженной памяти Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, при котором (короновании) он удостоился лично находиться и участвовать в священно-служении. Вслед за этим повышением в сане, Архиепископ *Филарет* был

призван и к высшему посту служения вне епархии. В том же 1826 г. Высочайшим повелением, от 6 Ноября, он был вызван в *Санкт-Петербург* для присутствования в Св. Синоде, а через три месяца назначен, независимо от присутствования в Св. Синоде, Членом, существовавшей тогда Комиссии духовных училищ. Не успев и возвратиться в свою Рязанскую епархию, в Бозе почивший, по Высочайше утверждённому в 25 день Февраля 1828 г. докладу Св. Синода, назначен был на Казанскую епархию, старейшую из всех архиепископских кафедр. Пред временем же этого нового назначения, именно не далее как за два месяца (31 Декабря 1827 г.) он удостоен Высочайшей награды – сопричтения к ордену Св. Анны 1 степени»[515].

Смотря на эту службу с одной формулярной стороны, нельзя не сказать, что в столь короткое время Высокопреосв. *Филарет* прошёл быстро и много ступеней к его очевидному возвышению. Что же послужило для него к такому благоуспешному восхождению? Прямым и справедливейшим ответом на это служат слова Высочайшей Грамоты, в подлинном тексте которой изображено: «Долговременное служение ваше Церкви, управление паствой, вам вверенной, и труды по делам Святейшего Синода и Комиссии духовных училищ дают вам справедливое право на особенное Наше благоволение»[516].

Эта Высочайшая награда, свидетельствующая о достойности служения Высокопреосв. *Филарета*, хотя относится ближайшим образом к описываемой поре, но с тем вместе, очевидно, обнимает собой и всё предшествующее время его управления паствой Калужской: иначе нельзя было бы и называть это служение долговременным. А через это ясно засвидетельствовано и то, что управление Рязанской паствой именно было продолжением управления паствой Калужской, – что указано и в приведённых прежде кратких сведениях.

Впрочем, кроме этих кратких сведений, в доставленной выписке из дел Рязанской Консистории, читаем ещё некоторые, взятые из самых фактов частнейших.

Один из этих фактов изложен в той же выписке Консисторской с достаточной подробностью. «По прибытии в *Рязань*, Его Высокопреосвященство обратил особенное внимание на тёплый кафедральный Рождественский собор в г. *Рязани* и нашёл нужным оный возобновить, потому более, что в нём помещались три придела, которые делали храм сей тесным и темным. Архипастырское Его Высокопреосвященства по сему предмету распоряжение началось в Мае месяце 1825 г. (следовательно, через какие-нибудь три месяца по

прибытии его в *Рязань*), а в 1827 г. храм этот окончательно возобновлён и освящён, за отсутствием Владыки, Ректором Рязанской Семинарии Спасским Архимандритом *Гедеоном*. Храм сей, за упразднением в нём двух приделов, теперь составляет один. Стены подняты на три с половиной аршина, потолок же поддерживается шестнадцатью колоннами, которые придают сему храму вид самый величественный. Ширина его двадцать один, а длина сорок с половиной аршин. Сей соборный храм возобновлён собственным иждивением благочестивого гражданина г. *Рязани*, Статского Советника и Кавалера *Гавриила Васильевича Рюмина*, и стоимость сего возобновления простирается до тридцати тысяч[517].

Что же свидетельствует этот факт? С первого взгляда, конечно, в нём не представляется ничего кроме обыкновенного дела, т. е. перестроен и возобновлён храм соборный по требованию встретившихся нужд и обстоятельств и – только. Но в чём заключались эти нужды и обстоятельства? В одном из писем Преосв. *Филарета* мы уже видели, как отзывался он о Рязанском народе, – что он весь Православный и к церкви усердный... Нужно ли договаривать, что и сам Высокопреосв. *Филарет*, несомненно, явился и в *Рязани* так же, как и в *Калуге*, самым ревностным совершителем Богослужения, не исключая и неопустительного служения преждеосвященных Литургий в великий Пост, во время которого он и прибыл. Поэтому, сколько по новости самого Архипастыря, столько же и по новости сего последнего служения, граждане Рязанские на перерыв стали стекаться к Богослужению в собор: от этого же стечения, естественно, тотчас же и ощутилась теснота. Со своей стороны Высокопреосв. *Филарет*, видя на первых же порах многочисленность молящихся и уповая видеть то же и впредь, естественно, мог обратить сам же первый внимание на замеченный недостаток в соборном храме и принял к устранению его свои заботы и меры, – хотя средств на это совершенно не было никаких наготове, да и не предвиделось их в достаточности, чтобы можно было распорядиться ими и для самого начинания работ. Явились же эти средства совершенно нежданно и посланы именно особенным знаменательным путём Божиим на столь благопотребное святое дело.

Выше сказано, что соборный храм перестроен и возобновлён собственным иждивением благочестивого гражданина Рязанского, – Статского Советника Рюмина. Но что побудило и расположило этого мужа к такому пожертвованию? Ответ на это читаем в тех же сведениях: «В то время, когда Высокопреосв. *Филарет* приготовлялся приступить к возобновлению соборного храма, г. *Рюмин* был одержим жестокой

болезнью и напутствован уже св. Таинствами Церкви – исповедью, причащением и елеосвящением. Владыка посетил больного. Больной не имел уже никакой надежды на восстановление своего здоровья и просил Владыку помолиться о нём Господу Богу. Владыка обещал с готовностью исполнить его прошение, вместе же с тем предложил ему совершить какое-либо Богоугодное дело, указав ему, между прочим, на необходимость перестройки соборного храма. На это предложение *Рюмин* изъявил полное душевное своё согласие. После архипастырского посещения на другой день больной извещает Владыку, что ему стало лучше, а потом вскоре и совершенно он выздоровел. В знак благодарности Господу, исцелившему его от смертельной болезни святительскими молитвами Владыки, г. *Рюмин* и возобновил упомянутый соборный храм собственным иждивением»[518].

Не думаем, чтобы на этот факт взглянул кто-либо с какой-либо своеобразной стороны, вроде напр. того, что Высокопреосв. *Филарет* воспользовался здесь для расположения к благотворительности таким состоянием человека, при котором он, не видя себе иного исхода, кроме могилы, мог решиться по одному страху безысходности на какое угодно пожертвование... Искренно говоря, при одном только представлении возможности подобной профанации, мы опасаемся, как бы не оскорбить благочестивое чувство тех, кои наоборот, при одном рассказе о сейчас изложенном факте, несомненно сложили уже в сердцах своих всю знаменательность и назидательность его. Посещение болящего Святителем, прошение первого молитв за себя у второго, и наконец, прямое и решительное обещание последнего исполнить сие прошение с упованием и дерзновением со своей стороны, а с тем вместе с расположением самого просящего к возблагодарению Господа ещё прежде получения просимого, как бы уже дарованного, – всё это составляет такое явление, подобное которому встречается лишь, по преимуществу в примерах первых времён, цветущего духом веры и благочестия и силой благодатных дарований и знамений, состояния Церкви Христовой. И замечательно, что как в Калужской пастве засвидетельствовано было такое состояние Высокопреосв. *Филарета* по случаю пожара, которому подвергся тёплый кафедральный собор, после которого собор был исправлен и обновлён, – так и здесь в *Рязани*, необходимость в исправлении собора же послужила поводом к проявлению силы и действия его молитвенного дерзновения перед Господом, как засвидетельствовал сам первый исцелившийся от болезни жертвователь, и что не замедлило тотчас же, конечно, перейти в общее народное сведение, как предмет

благоговейного верования. О последнем недаром доставитель сведений говорит, между прочим так: «О случае, расположившем г. *Рюмина* к возобновлению соборного храма и доднесь говорит народное предание с благоговением».

По части храмоздательства, в связи с перестройкой соборного храма, в тех же сведениях говорится, что один из упразднённых в соборе приделов во имя Рождества Св. *Иоанна* Предтечи Господня перенесён в архиерейский дом и обращён в крестовую (домовую) церковь[519]. Кроме сего попечением Его Высокопреосвященства в 1826 г. устроено при архиерейском доме парадное крыльцо, а во внутренности оного пространный ход, который был прежде весьма тесен и для входящих затруднителен[520]. Ясно, что устройство этого домового храма сколько зависело от удобного случая, т. е. что от упразднённого соборного придела остались готовые и удобные к делу материалы и церковные принадлежности, столько же, несомненно, здесь руководило желанием устроителя его примерная любовь к храму Господню и стремление к постоянному слушанию Богослужения. А как в храм сей не замедлили учащать и многие из усердствующих к Богослужению и особенно желавших участвовать в нём под одним кровом и в непосредственном общении со своим Святителем – молитвенником, поэтому самому открылась уже, между прочим, потребность и в распространении входа в дом святительский.

С другой стороны, чтобы понять, от чего прежнее крыльцо и вход в покои Преосв. *Филарета* оказались тесными и затруднительными для входящих, – довольно только припомнить содержание прежде сделанной нами выписки. Насколько любвеобильное и сострадательное сердце архипастыря было отверсто широко и безотказно ко всем, нуждающимся в чём-либо, настолько понятной становится и теснота входа и помещения для последних. Как Высокопреосв. *Филарета* жители г. *Рязани*, по сказанному в выписке, именовали не иначе, как *Филаретом милостивым*, то подобно своему св. тезоименнику, который сам стоял у врат своего дома или у дверей житниц своих, чтобы принимать и удовлетворять всякого, и Владыка *Филарет* с такой же целью устроил в доме своём и парадное крыльцо и пространный вход в свои покои.

Но не в одних покоях своих действовал так Преосв. *Филарет*: он оказывал своё участие и помощь, не тем только, кто сам приходил к нему и обращался с личной просьбой: он предусматривал и предупреждал и нужды других ещё прежде прошения их и таким образом *обретался*, по выражению слова Божия, и не ищущим его. О таких именно действиях

Преосв. *Филарета* один из доставителей сведений свидетельствует следующими словами: «В Рязанской епархии и доселе сохранилась о нём поговорка: *один отец скончался, зато другой жив остался*», – т. е. так обыкновенно утешали детей-сирот по смерти их родного отца. И, действительно, он был истинным отцом для сирот. Одним из первых его дел по поступлении его на Рязанскую епархию было то, что он потребовал подробных сведений о сиротах, особенно же не пристроенных, и на них прежде всего, обратил пастырское своё внимание[521]. Насколько успел осуществить столь благие начинания свои Высокопреосв. *Филарет*, особливо, когда суждено было пробыть ему лично в *Рязани* только один год и девять месяцев, на это мы не имеем определённых данных. Но как свидетельствуют все его действия, он любил свои намерения выражать не на словах только, а приводить их в дело. В этом убеждает и сохранившееся в предании, данное Преосв. *Филарету* жителями г. *Рязани*, наименование *Филарета милостивого*, и та поговорка между духовными по отношению к осиротевшим детям: «*один отец скончался, зато другой жив остался*». Наконец сам в Бозе почивший, ведя частую дружественную переписку (с 1844 по 1857 гг.) с бывшим в это время Рязанским Архиепископом *Гавриилом*[522], нередко выражал прямое участие в своих письмах, в смысле совещательном, по некоторым делам управления Рязанской епархии, особливо напр. в распределении приходов по вновь вышедшим штатам, выражая скорбное опасение, дабы через штатное размещение наличного духовенства не оставить кого-либо напрасно без места. При этом как бы прямо указывал на тот порядок, каким руководился он сам (как мы видели в выписке). Вообще же он, до самой кончины своей, сохранил самые искренние чувства и отношения к бывшей некогда его пастве Рязанской. «Богоспасаемой пастве Вашей – Рязанской, *мне всегда любезной*, благословение Отца Небесного. Вашему Высокопреосвященству желаю много лет управлять ею. А моя земная храмина день от дня приближается к разрушению». Так писал он Архиепископу *Гавриилу* в последнем письме своём от 15 Апреля 1857 года, – следовательно за восемь только месяцев до своей кончины.

Такое выражение особенного воспоминания о *своей любезной* бывшей пастве Рязанской с преподанием ей благословения Отца небесного кроме того значения, что оно было последнее, предсмертное, прощальное засвидетельствование архипастырских чувств и отношений, имело и другое значение. Это было как бы восполнение того последнего прощания, которое не могло быть сделано в своё время, – именно при личном расставании с паствой, при отъезде его в *Санкт-Петербург* для

присутствования в Св. Синоде. Как подобные назначения для присутствования бывают временные и на срок определённый, почти всегда не более годичного, – то и расставание Преосв. *Филарета* с Рязанской паствой было временное. Но оказалось, что предполагавшееся *на время* обратилось *в расставание навсегда*. По миновании годичного срока, Преосв. *Филарет* был оставлен в *Санкт-Петербурге* и на дальнейшее время, а затем, вскоре же был назначен на новое место служения – на архиепископию Казанскую. И как это назначение состоялось по особенным важным обстоятельствам в положении Казанской епархии, требовавшим безотлагательного прибытия туда Высокопреосв. *Филарета*, то он и отправился из *Санкт-Петербурга* прямо в *Казань*, не имея ни времени, ни возможности даже заехать в свою Рязанскую епархию.

Впрочем, в истинно возлюбившем паству сердце Архипастыря было не только предчувствие, но даже как бы предведение, что выезд его из Рязанской епархии был безвозвратный. Вот что знаем мы об этом из собственных уст маститого – 82-летнего старца, отца Архимандрита *Павла*, бывшего настоятеля, (а затем жившего в заштате на покое) Солотчинского второклассного монастыря Рязанской епархии, в описываемую же нами пору, бывшего казначеем архиерейского дома и сопутствовавшего Преосв. *Филарету* в *Санкт-Петербург*. «Когда мы, отправившись в *Санкт-Петербург* 13 Декабря 1826 года, – говорил о. Архимандрит, – подъезжали к г. *Коломне* и стали переезжать реку *Оку*, служащую граничной межой между Рязанской и Московской губерниями, – вдруг преосвященный Владыка приказал остановиться. Вышедши из экипажа и обратившись лицом туда, где по направлению находилась *Рязань*, он начал класть молитвенные поклоны земные, и положив три поклона и, затем троекратно осенив своим благословением эту же сторону, с глубоким вздохом и слышным для нас голосом произнёс: *Велит ли Бог мне увидеть ещё тебя, моя возлюбленная паства Рязанская?!* И затем, как бы подумав что-то, сказал: *Нет и нет!* Так и сбылось, как прорекли его святительские уста. Из *Санкт-Петербурга*, впоследствии, мы проводили святого Владыку прямо в *Казань*, – а сами, т. е. вся свита, бывшая при нём, возвратились сиротами в Рязань[523].

По порядку времени и по ходу нашего повествования обратимся к сведениям о жизни и служебной деятельности Высокопр. *Филарета* в *Санкт-Петербурге*.

Глава XXVII. Пребывание Высокопр. Филарета в Санкт-Петербурге. Отношение к нему столичного общества. Замечательный факт по случаю бывшего наводнения в Санкт-Петербурге. Назначение Высокопр. Филарета на Казанскую Архиепископскую кафедру

«Преосвященнейший Владыка жил и держал себя в *Петербурге* во всём попросту, как и обыкновенно всегда, а не по столичному, как может быть делают некоторые другие. И за это-то, по всему было видно, особенно его любили и уважали многие знатные в столице люди. Служить он любил, как и всегда прежде в *Рязани*, весьма часто; и в церковь нашу, бывало, собиралось много богомольцев всякого звания; – бывали и знатные лица целыми семьями и после обедни всегда захаживали в покои Владыки для беседования назидательного, так как он разговоров мирских светских не подлюбливал вести и слушать...»[524].

Вызванный в *Санкт-Петербург* для присутствования в Св. Синоде в начале Ноября 1826 г. Высокопр. *Филарет* имел там пребывание до начала Марта 1827 г. В повествовании нашем об этом пребывании его неминуемо должна быть неполнота, по крайней мере, сравнительно со всем прежним изложением, и именно по части подробностей и характеристики служебной деятельности. Неполнота такого рода естественна. Причина главным образом та, что указываемая сторона служебной деятельности в большинстве, так сказать, поглощается в общем состоянии Высшего Церковного Управления, – и потому, понятно, трудно исчерпывать в отдельности, что относится к частным деяниям лиц, участвующих в этом Управлении и тем более, что служение это обыкновенно бывает временное и продолжающееся не подолгу. В настоящем разе для нас довольно знать только, что вызванный для присутствования в Св. Синод прошёл это поприще нового служения, по возлагаемым на него обязанностям, достойнейшим образом, так что, как мы видели уже в Высочайшей Грамоте, труды его по делам Св. Синода и Комиссии духовных училищ приобрели ему справедливое право на особенное благоволение Монарха.

В частности же, если какое-либо специальное занятие Высокопр. *Филарета*, в описываемую пору, может свидетельствовать о его особенных достоинствах и вообще личном характерном образе действования, – то мы не можем не указать и не признать последнего условия в служебной деятельности его по званию Члена Комиссии духовных училищ, которое

оставалось за ним навсегда, как титул служебный. Назначение – состоять Членом Комиссии, последовало спустя лишь месяц с небольшим после прибытия Преосв. *Филарета* для присутствования в Св. Синоде, и отнюдь не исключало его от занятий по делам и в Св. Синоде, так как и самая Комиссия хотя и составляла отдельную административную коллегию, но относилась к ведению Синода, как часть к своему целому. В описываемую же пору, не обинуясь должно сказать, Комиссия достигала своего, так называемого, апогея. И вот в состав её наличных деятелей и назначен был Архиепископ *Филарет*. Излишне, кажется, и представлять вопрос, – чего могла ожидать Комиссия для успеха в своей деятельности от такого нового Члена-деятеля? Одно то, что этот новый Член был тот, кто сам и учился, и учил, и начальствовал в учебных заведениях, существовавших ещё на старинных положениях; – затем был наставником и начальником в двух высших заведениях при самом начале их преобразования, так что в одном из сих заведений он полагал сам и начало и всю основу сего преобразования; наконец, как епархиальный Архиерей в двух епархиях был самым неусыпным попечителем о благосостоянии тамошних духовных заведений, так что не стеснялся сам быть иногда преподавателем уроков (в Калужской Семинарии), не говоря о том, что неопустительно производил сам лично испытание учеников; – одно это, говорим, не составляло ли само собой такой своего рода диплом относительно достоинств его, как специалиста, чтобы по всему праву занять ему первостатейное место в составе Комиссии?! Наконец нужно знать, как сам, по собственному чувству и убеждению, в Бозе почивший относился к значению бывшей Комиссии духовных училищ за всё время её существования. По его всегдашним собственным отзывам, Комиссия была одним из положительно-рациональных и благодетельных учреждений в области всей нашей духовной администрации по отношению к учебным заведениям. Когда, по обстоятельствам, приходил конец существованию Комиссии с заменой её другими учреждениями – Духовно-учебным и Хозяйственным управлениями при Св. Синоде, а совместно с этим составлялся проект о преобразовании и самых заведений по части программ учебных предметов, – то едва ли кто был более в пользу первой и против последних, как в Бозе почивший, хотя конечно, как выражался он сам словами пословицы: *один в поле не воин*, – о чём услышим речь впоследствии.

Что же касается до прочих сторон и условий житейского положения, временно пребывающих в столице Святителей, особливо в давнюю описываемую пору, то по рассказам покойного Высокопр. *Антония*

(Архиеп. Казанского), дядя его – Высокопр. *Филарет*, при воспоминаниях об этом положении, выражался *больно не красно*, а в письмах своих даже до крайней, по-видимому, резкости, именуя своё пребывание в *Петербурге* пресельничеством «*Вавилонским*». Какую подлинно грустную, хотя с тем вместе глубоко назидательную, картину можно было представить, – говаривал покойный Владыка *Антоний* (Казанский), – из воспоминаний дяди обо всей внешней обстановке и о состоянии внутренней жизни наших смиренных Святителей в столице, начиная с разбросанности самых местожительств их на так называемых подворьях[525]. Один лишь, едва-едва заметный, водружённый над этими зданиями св. крест ради обозначения находящегося здесь храма Господня, их единого и единственного прибежища и утешения, – один этот крест своим миниатюрным видом служит как бы знаменем их смирения, чтоб не сказать – уничижения среди людей мира сего!.. Такое состояние Святителей есть именно состояние страннопришельничества и обуреваемого плавания среди волн столичного шумного житейского моря!.. Что это отнюдь не есть, так называемая, иеремиада, послушаем, как отзывался сам в Бозе почивший о своём состоянии, которое переживал, находясь в разные времена в *Санкт-Петербурге*. В письме своём от 17 Сентября 1841 г. писал он из *Петербурга* именно к родному племяннику своему, бывшему тогда Инспектором в Киевской Духовной Семинарии Иеромонаху *Антонию*, покойному Архиепископу Казанскому: «Всеобщей ко мне любовью здешних хотя я и утешаюсь в *странничестве моём*, но сердце моё всё во святой чудотворной Лавре. Там я и молюсь, там и живу духом». В письме же к бывшему Преосв. Архиепископу Рязанскому *Гавриилу*, только что возвратившемуся из *Санкт-Петербурга* с чреды присутствования в Св. Синоде, писал так: «Сорадуюсь Вашей радости о мирном и безмятежном пребывании среди вверенной Вам паствы. По всему чувствую и знаю цену возвращения *из Вавилона в Сион*[526]. А как это письмо было ответное, то очевидно, и сам Преосв. *Гавриил не красно* отзывался о своём бывшем житье-бытье в столице…

Такой отзыв в Бозе почившего, по которому он уподоблял столицу Вавилону, правда, представляется чересчур резким и щекотливым особливо для людей мира... но, конечно, употребление подобных выражений нужно понимать в значении особой терминологии, – именно духовной свято-подвижнической, что показывают и те выражения, где писавший называет пребывание своё в столице странничеством, именно по отношению к Св. Чудотворной Лавре Киево-Печерской, где он заочно и молится и живёт духом. Между тем и живя в столице, он имел даже, как

сам свидетельствовал, своё душевное утешение, видя к себе всеобщую любовь и сам сочувствуя любящим. Об этих благоприятных отношениях Высокопр. *Филарета*, в описываемую именно пору пребывания его в *Санкт-Петербурге*, упомянутый нами прежде старец Архимандрит *Павел* сообщил нам хотя краткий, но характерный рассказ о домашней жизни Преосв. *Филарета* и об отношениях к нему столичного общества, и ещё об одном факте, который сохранился особенно глубоко в благоговейном памятовании старца рассказчика, о чём он и сам просил нас записать на память. «Преосвященнейший Владыка жил и держал себя во всём попросту, как и обыкновенно всегда, а не по-столичному, как может быть делают некоторые другие... И за это-то, по всему было видно, особенно его любили и уважали многие знатные в столице люди. Служить он любил, как и всегда прежде в *Рязани*, весьма часто: и в церковь нашу, бывало собиралось много богомольцев всякого звания, и бывали и знатные лица целыми, бывало, семьями, и после обедни захаживали всегда в покои Владыки для беседования назидательного, так как он разговоров мирских, светских не подлюбливал вести и слушать. Что же касается его келейного образа и правила жизни, то и говорить нечего. Молитва для него была чуть ли не первым отдыхом после всяких трудов по разным делам, от коих он нередко не знал, что есть день, что ночь... Бывало, дивишься не надивишься, как сил у него доставало, а времени, видимо, не доставало. И подлинно молитва его только и укрепляла его силы и как бы удлиняла и умножала для него и самое время». И вот к слову о молитве и в частности о благодатной силе и действенности её в состоянии в Бозе почившего о. Архимандрит *Павел* сообщил нам тут же, свидетельствуемый им самим благоговейным и умиленнейшим призыванием имени Божия, факт такого рода.

«Знаете, конечно, – говорил о. Архимандрит, – и вы сами, что в 1827 г. в Ноябре в *Санкт-Петербурге* было одно из самых сильных и ужасных наводнений. Мы жили в то время на Псковском подворье, что на Васильевском острове. Вот, когда только началось это гибельное событие, когда стали раздаваться и один за другим и один другого сильнее и чаще известные сигнальные выстрелы, а вода с каждой минутой поднималась всё быстрее и быстрее, – что было делать?! Ужас сразу объял всех нас. Я, как главный в доме, прежде всего, разумеется, осведомился и окликал всех своих из нашей свиты, а также и прислугу и кучеров. С тем же вместе всё, что было в нижних местах, распорядился взносить вверх на второй и третий этажи. О самом же Владыке, сказать правду, как бы и забыл; благо, думал себе, что он дома. Да, пожалуй, и беспокоить и тревожить его не

желалось. Только когда вода стала уже заливаться и на второй этаж, я вспомнил про лошадей в конюшне: они бедняжки начали сильно ржать и биться, поднятые водой почти совсем от пола. Тотчас же, не смотря на опасность, упросил я кучеров как-нибудь добраться до конюшни, чтобы отвязать лошадей и переправить к дому. Но куда было девать их? Приходилось провести лошадей в одну из просторных комнат, вроде коридора, служившую проходом со двора к нашей домовой церкви. И как наводнение всё более и более усиливалось, и надо было так или иначе убрать к месту лошадей, – то я тут же и решился идти ко Владыке, чтобы доложить обо всём, что произошло и что сделано, и в особенности просить о позволении поместить лошадей в помянутой комнате. Комнаты Владыки были все притворены; отворяю и вхожу прямо, куда следовало, и вижу, что Владыка стоит на коленах и молится. Постоявши несколько, я осмелился сказать ему о своём приходе, но ответа не последовало, даже не заметно было, чтобы он сколько-нибудь пошевельнулся, или вздрогнул от внезапности моего прихода и говора. Я ушёл, но беда не уменьшалась, а увеличивалась. Я снова к Владыке, – и опять тоже... и так же в третий раз, что было делать?! Решился перевести лошадей, куда предполагал прежде. Но вдруг, выходит Владыка из своих покоев, и так тихо и кротко и ласково говорит: *Ну, а что?.. Вода пошла назад?!* Сказал он эти слова, как бы спрашивая нас. И лишь только мы хотели отвечать, хотя и не знали – что и как... потому что не могли определить уровень воды, он, не дав нам выговорить, продолжал: *ну слава Богу! Бог ведь милостив! Успокойтесь же! Скоро и всё пройдёт...* В этот же самый момент, действительно, бывшие внизу люди от радости закричали, что вода пошла на убыль и весьма быстро». Сказав это, старец не удержал своих слёз и, видимо, радовался им, как благодатному утешению, и сквозь слёзной улыбки договаривал свой рассказ: «Да! вот какой я счастливец, что удостоился быть свидетелем такого истинного чуда от силы и действия молитвы нашего бывшего Владыки, которому во всё время я служил, как он был нашим Архипастырем Рязанским. И не диво впрочем, что он так был дерзновенен и силён в молитвах своих перед Господом Богом, как верный раб и истинный служитель Его. Силой его молитв, ещё прежде, как известно всякому из Рязанцев, был исцелён от тяжкой смертной болезни и тот самый господин Статский Советник *Рюмин*, который на свой счёт впоследствии возобновил в *Рязани* тёплый кафедральный собор. А гораздо прежде, когда Владыка служил ещё в *Калуге*, то же совершилось, что и во время наводнения в *Санкт-Петербурге*. Здесь молитвы его имели силу и действие над стихией водной, а там в *Калуге* – над стихией огненной, ибо

известно, по дошедшим и к нам в Рязань рассказам, что в то время, когда загорелся тёплый собор, смежный со стенами покоев архиерейских, Владыка дотоле не вставал с подвига своей молитвы, пока его силой вытащили из комнаты, в которую дым начал уже пробиваться: а между тем пожар тут же и прекратился».

Так окончил свой рассказ достопочтенный собеседник наш. Так и мы закончим наше повествование о первых годах святительского служения в Бозе почившего (1819–1828 г.) в трёх переменных местах его жительства – в *Калуге, Рязани* и *Санкт-Петербурге*, – закончим с той назидательной для нас и читающих мыслью, что и подлинно ни время, ни место, никакие перемены по служебным, частным и общественным условиям и отношениям в жизни не могут изменить истинного духа и характера (и во внутренних и внешних состояниях) в том, кто истинно верен своему призванию о Господе и приемлет его как талант по слову Свято-Евангельскому, дабы употреблять и приумножать его, не *в себя, а в Бога богатея*. Эта истина по отношению к лицу в Бозе почившего, как несомненно, увидит и убедится всякий, оправдается так же верно и во всей дальнейшей жизни и служении его до самой блаженной кончины (1857 г.), – ближайшим образом на архиепископской кафедре Казанской (1828–1836 гг.) и наконец, на кафедре Киевской Митрополитской (1837–1857 г.).

Повествование об этом *двадцатидевятилетнем* периоде жизни и святительского служения в Бозе почившего составит содержание *второго и третьего* тома настоящего нашего сочинения. В первом из этих томов будет изложено повествование о служении в Бозе почившего в Казанской Епархии, а в последнем о служении его в Киевской Епархии.

Примечания

[1] - Слова, прочитанные в Бозе почившим в видении, которые начертаны были на стене в его моленной.

[2] - Мф. 5:19.

[3] - Сир. 31:12–13.

[4] - Слова, содержащиеся в своём месте в настоящей биографии.

[5] - Это жизнеописание было издано мною в двух томах в 1885 году.

[6] - Слова из духовного завещания в Бозе почившего.

[7] - Принадлежность этой местности и образовавшегося на ней села Высокого, как собственности помещиков фамилии Колычевых, свидетельствуется, между прочим, церковными клировыми ведомостями. В последних значится, что церковь каменная трёхпрестольная построена тщанием помещика Колычева в 1835 г.

[8] - См. биографический очерк «Я.К. Амфитеатров». Киев 1857 г. стр. 1 и сведения, доставленные Прот. Н. Амфитеатровым, племянником в Бозе почившего Митрополита Филарета. Эти подробные топографические сведения приводятся здесь потому, что в детской жизни в Бозе почившего Первосвятителя указываемая местность, окрестности села и прочая обстановка сельского быта имели весьма важное влияние и значение в деле его нравственного и физического развития.

[9] - Относительно года рождения Высокопр. Филарета оказываются разности. Так:а) в последних днях жизни Высокопр. Филарета – в некрологе – (1857 г. Киев),б) в заметках Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского о Высокопр. Филарете (1879 г. Казань) ив) в статье – «Высокопреосвященнейший Филарет, Митрополит Киевский» (Калужские епархиальные Ведомости 1884 г. в Прибавлениях № 6 стр. 140) год рождения означен 1778 г. Этот же год был поставлен и нами, собственно на основании «Некролога и заметок», в изданном нами сочинении: Высокопреосвященный Антоний (Амфитеатров) Архиепископ Казанский» (изд. 1885 г. Казань). Но при составлении настоящего нашего труда мы обращались к самым подлинным данным, – и по этим последним мы по всей подлинности и точности удостоверялись, что год рождения Высокопр. Филарета есть не 1778, а 1779 г. Апреля 17 дня. Указываемые теперь данные абсолютно не подлежат никакому сомнению. Эти данные: во-первых, собственноручное духовное завещание в Бозе почившего, где буквально сказано: «родившись от благочестивых родителей, иерея

Георгия и Анастасии, 17 Апреля 1779 г. и пр.»; во-вторых, надпись, вырезанная на бронзовой доске, прикреплённой к стене над местом могилы в Бозе почившего, на которой значится: «здесь покоятся останки Синодального Члена Высокопреосвященнейшего Митрополита Киевского и Галицкого Священно-Архимандрита Киево-Печерской Лавры Филарета в схимонахах Феодосия. Родился 17 Апреля 1779 года и пр.». Таким образом, во всех вышеисчисленных сочинениях год рождения в 1778 г. должен быть признан поставленным не верно.

[10] - Яков Космич имел прежнюю родовую фамилию по отцу «Красин», но во время обучения его в семинарии, переименован был в фамилию «Амфитеатров» по распоряжению начальствовавших тогда лиц. Основанием и побуждением к такой перемене фамилии, – обычной, впрочем, в те времена, служило именно то, что имя Филарета, его дяди, получило уже тогда значительную известность; а с другой стороны самый ученик Красин, – племянник Филарета, имел прекрасные способности и отличался такими же успехами и благонравием. Дававшие Красину новую фамилию Амфитеатров, сделали это именно из почитания к Филарету и для поощрения племянника идти по стопам дяди.

[11] - См. Биографический Очерк, Я.К. Амфитеатров.

[12] - Феодор–Филарет был вторым по рождению из пяти сыновей. Самый старший сын был Василий, следующий за Филаретом был Гавриил (отец преосвященного Антония, Архиепископа Казанского), четвёртый Симеон, пятый Никита. Первые двое были в духовном звании, именно – Василий был Священником в селе Гиани Орловской епархии, а Гавриил Протоиереем в г. Калуге. Последние же двое были в светском звании. Симеон, принявший при поступлении в Московский университет фамилию Раич, был известным в своё время литератором. Известны его переводы «Вергилиевых Георгик» с латинского языка и поэмы Тасса «Освобождённый Иерусалим» с итальянского языка. Из дочерей Евдокия и Анна были в замужестве за священниками, а Марья за диаконом. См. «Заметки Преосв. Антония о жизни Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского». Казань, 1879 г.

[13] - По некоторым сведениям, которые приводилось пишущему слышать от Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского, младенец Феодор родился почти слепеньким. Родители были в сильной печали и почти в отчаянии за новорождённого несчастненького сына. Один только дед Никита смотрел на дело иначе, именно свято-евангельски; так как при первых же усмотренных признаках слепоты у младенца, он от всей

глубины веры повторил слова Господа Иисуса Христа о слепорождённом: ни сей не согреши, ни родители его, яко слеп родися, но да явятся дела Божии на нём (Ин. 9:3). Чтобы не давать много тужить самой матери над слепотой младенца, дед Никита сам нянчился с ним, пеленал, клал в люльку и пр. и давал его матери только для кормления грудью. Когда же у младенца стало открываться зрение, тогда и родители и прочие семейные приписывали это как бы чудо молитвам о. Никиты, – говоря, что Господь услышал эти молитвы собственно за такую любовь и неусыпную попечительность деда в отношении к своему внучку. Высокопр. Филарет впоследствии во всю свою жизнь, если не был положительно слаб зрением, зато выглядел подслеповатым или, как говорится, мокроглазым. Против этой слабости зрения он употреблял, как увидим, в известные весьма продолжительные годы своей жизни одно средство, хотя и по секрету, – так как это средство было – нюханье табаку. А с другой стороны эта физическая болезнь – мокроглазие было и следствием обильнейшего излияния им слёз молитвенных, сколько среди протерпенных им тяжких скорбей, столько и от образовавшегося в душе его – дара духовного умиления. Это слёзное умиление было у него настолько глубоко и сильно, что он не мог читать в келейном уединении ни молитв, ни любимой им Псалтыри, ни Св. Евангелия без слезоистечения. В самые последние предсмертные минуты, когда читан был канон на исход души (говорится в описании его кончины), Высокопр. Филарет благоговейно слушал чтение и осенял себя постоянно крестным знамением при каждом возглашении «Пресвятая Богородице спаси нас», а из померкавших уже и полузакрытых очей его постоянно струились слёзы».

[14] - Из сведений, доставленных Протоиереем Николаем Амфитеатровым.

[15] - Последние дни жизни Филарета, Митрополита Киевского. Киев 1858 г. стр. 2.

[16] - Слово при погребении Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, сказанное бывшим Инспектором Киевской Духовной Академии, Архимандритом Иоанникием, – нынешним Высокопр. Митрополитом Московским.

[17] - Излагаемый рассказ передавал мне Высокопр. Антоний, слышавший его ещё в детстве от своего отца.

[18] - Целовать при чтении св. книг известные в них строки или слова, в коих находилось имя Господа Иисуса Христа или другое из имён Божественных, – как читаем в последних днях жизни, – у Высокопр.

Филарета было правилом или точнее неотразимым влечением чувства благоговения и умиления во всю его жизнь. Об этом он сам свидетельствовал в предсмертные дни свои в следующих словах: «Вот я уже теперь не могу читать Божественное Евангелие, но зато и во сне и при всяком полузабытьи я вижу пред собой раскрытое Евангелие и будто читаю, и хочу по обычаю моему поцеловать самые слова в нём..., но только что стану наклоняться, чтобы приложиться устами, – вдруг просыпаюсь… и смотрю – Евангелия нет. (См. последние дни жизни – стр. 16).

[19] - См. в надгробном слове, сказанном инспектором Киевской Духовной Академии Архимандритом Иоанникием.

[20] - Из сведений, доставленных Протоиереем Николаем Амфитеатровым.

[21] - Там же.

[22] - Из сведений, доставленных Протоиереем Евфимием Остромысленским.

[23] - В Клировых церковных ведомостях за 1832 г. значится: «Церковь в селе Высоком деревянная с таковой же колокольней; когда и кем построена – неизвестно; в настоящее время ветха в крыше, стенах и фундаменте. В дальнейших годах значится: Церковь каменная с таковой же колокольней, во имя Покрова Пресвятой Богородицы с двумя пределами, построена в 1835 г. тщанием помещика Колычева.

[24] - Из сведений, записанных со слов самого Высокопр. Филарета.

[25] - См. последние дни жизни Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, стр. 71.

[26] - См. последние дни жизни Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, стр. 71.

[27] - правильно будет 1841 – прим. электронной редакции.

[28] - Эти схимонашеские одежды и возложены были на него по кончине его сверх всех Святительских облачений согласно его желанию, выраженному в дополнительном завещании; равно и на доске бронзовой, прикреплённой к стене над местом его могилы, вычеканены посредине митра с омофором, дикириями и пр. и с одной стороны митрополичий клобук с крестом, а с другой куколь с одеянием схимническим.

[29] - Подробный рассказ будет в своём месте.

[30] - Из записок Высокопр. Филарета.

[31] - Эти слова Св. Апостола буквально излагаются в так называемой

ставленной священнической грамоте, которую с тем вместе повелевается прочитывать почасту. Например, в инструкции благочинному, составленной Митрополитом Московским Платоном, повелевалось: «Подтверждать, чтобы священники и диаконы ставленную грамоту каждый воскресный день обеднею дома у себя прочитывали (см. § 29). Притом эта грамота, по заведённому с издревле обычаю и порядку, должна быть в рамке за стеклом и висеть на стене и приличном и всегда видном пред глазами месте. Последнее введено в обычай и правило с той нарочитою целью, чтобы и прочие члены семейства грамотные, и в особенности возрастающие дети, могли также читать сию грамоту и назидаться, видя, какова должна быть жизнь их родителя, и каковы они должны быть сами, чтобы не уронить чести и звания своего родителя и самим предуготовлять себя к тому же званию с детства. Высокопр. Филарет действительно с детства знал твёрдо наизусть Священническую родительскую грамоту, изучивши её именно на стене, за этим он следил, бывши архиереем во время поездок по обозрению епархии.NB: знавший это, Высокопр. Антоний при чтении и исправлении настоящей нашей рукописи приписал после сейчас приведённых слов о значении священнической грамоты следующую заметку: «Да всё это было когда-то, да ныне сплыло?! Сыновья и дочери священников ныне стыдятся даже, когда говорят об них, что этот-де попович, а эта-де поповна. Потому такие детки не дозволят и висеть грамоте-то отцовской на видном переднем месте, а навешивают тут картин, которые, так и видно, что из так называемых премий к газетам и журналам светским, – а потому и содержания-то такого же... Впрочем, что и дивиться этому, когда вот недавно, совсем почти что распудили сословие духовенства, издавши положение, по которому дети священников и пр. не принадлежат к духовному званию, хотя и пишутся в клировых ведомостях и воспитываются в духовных заведениях на духовно-церковные капиталы и посвящаются даже в стихарь за два года до окончания курса…»

[32] - Покойный Владыка Антоний при этом сделал такую приписку: «От этого-то и нам, Архиереям, беда и горе, когда нет почти, как говорится, отбоя от священников, являющихся с просьбами о перемещениях – нередко очень частых и видимо-превидимо ради хлеба куса, или точнее, ещё ради большей кормы, которая видится ими на просимом новом месте, хотя и занимаемое не скудное; у иных обращается это даже в привычку, похожую, не в обиду будь сказано, на quasi цыганскую... Впрочем, я помню, что и покойный Владыка (Филарет) употреблял этот термин и самих-то попрошаек титуловал прелазниками во

дворы чужие"…

[33] - Сведения из письма Протоиерея Н. Амфитеатров.

[34] - Преосвященный Евлампий был впоследствии Архиепископом в Тобольске, откуда переселился на покой в Казанскую губернию в Свияжский монастырь, в котором и скончался 17 Марта 1862 г.

[35] - Сведения эти взяты из письма Протоиерея Евфимия Остромысленского.

[36] - Вестник Западной России 1870 г. книжка XII, отделение IV, стр. 91.

[37] - Таковы указы были, между прочим, в 1740, 1742,1744 гг.

[38] - Брата Гавриила – отца Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского.

[39] - Самое имя Сергий наречено было этому племяннику самим Филаретом по особенному благоговейному чествованию Угодника Св. Препод. Сергия Радонежского, из лавры которого – из Ректоров Академии – он непосредственно был назначен Епископом в Калугу, где при нём и родился этот племянник – Сергий.

[40] - Письмо 17 Октября 1832 г.

[41] - Яков – это впоследствии Антоний, Архиепископ Казанский.

[42] - Письмо 2 Июня 1832 г.

[43] - В заседании Московского губернского училищного Совета, 30 Декабря 1865 года, рассуждавшего о распространении в народе грамотности и религиозно-нравственного образования, между прочим, вот что было выражено: «Правительство вполне понимает, чего требует народ от грамотности. Народ хотя и начинает сознавать пользу грамотности для своего внешнего быта, но главная цель обучения детей грамоте и ныне у народа та же, – какая была и в течение всех веков его жизни в христианстве: приобретение из книг познания, – как угодить Богу и спасти свою душу. Народ, по унаследованному от предков религиозному чувству, знает лучше, что для него потребно, нежели люди других сфер. Правительство доказало, что оно вслушалось в голос народный. Правительство и народ всегда будут зорко следить за действиями учительства и строго преследовать всё, что может вкрасться в него противного религиозно-нравственному началу. (Духовные Беседы. Церковная летопись 1866 г. Февраль NB). Высокопр. Антоний сделал здесь такую заметку: «Да, так рассуждали и духовные и светские во дни оны... Рассуждения эти осуществились – было и на самом деле в начавших

учреждаться в большом числе церковно-приходских школах... Но вдруг подуло другим ветром... При ново-учреждаемых ныне министерско-земских народных училищах, как будто вышибло этим ветром из головы самих же рассуждавших всё, что было так верно и хорошо обсуждено и признавалось самим даже Правительством. И уже ли это безвозвратно?! Да не будет!»

[44] - Письмо Протоиерея Н. Амфитеатрова.

[45] - В предисловии к малому Часослову говорится, между прочим: «Сего ради, в общую пользу всех православных христиан, напечатася сия книга, именуемая Часослов, содержащая в себе молитвы, псалмы и хвалы повседневно от Церкви Богу воссылаемые, и иная в Церкви потребная, да учащеся дети письмен чтению, купно обыкнут молитися Господу Богу о всяческих нуждах и славу Ему воссылати о даянии благ присно творимых и да обычай сей вглубить корение свое в сердцах их, еже бы оному пребывати в них до кончины живота с прозябанием добродетелей христианских. Сию убо книгу, вы родители благочестивые, яко начало положение жития христианского стяжуще, чадом вашим вручайте ко учению, увещающе их неусыпно навыкновению в ней содержимых. Вы же, чада христоименитая, радостно приемлюще сию книгу, тщитеся чести, и разумети напечатанная: да и чтуще молитеся, и молящеся чтете, и да тако вы с Богом глаголете, и Бог вам собеседует».

[46] - Письмо Протоиерея Н. Амфитеатрова (от 14 Июля 1859 г.)

[47] - Из того же письма.

[48] - См. Записки, лист 1, стр. 1.

[49] - См. Странник 1860 г. Сентябрь. Отдел II, стр. 187–188.

[50] - См. слова и речи Филарета, Митрополита Московского – Изд. 2, 1848 г. Часть II, стр. 94.

[51] - Этот рассказ содержится в отдельной пространной рукописи, которая была доставлена Высокопр. Антонию вскоре по прибытии его в Казань, когда только автор её узнал о составляемой биографии Митрополита Киевского Филарета.

[52] - Покойный Высокопр. Антоний в рукописи на поле против этого рассказа написал: «Это оставить бы... Словесно же объяснил мне, что содержание этого рассказа отзывается неделикатностью... и вообще тем, что недаром-де и сам Владыка не разделил этих воспоминаний хозяина, а отнёсся к ним с молчанием. Но мы, держась положения, »из сказки или песенки словечки не выбрасывают«, приведя этот рассказ, предоставляя

читателям судить, насколько он уместен.

[53] - См. Записки, лист 1, на обороте.

[54] - Там же.

[55] - См. Записки лист 1 на обороте.

[56] - Биографический очерк Я.К. Амфитеатрова соч. Аскоченского. Киев. 1857 г. стр. 3–4.

[57] - Биографический очерк Я.К. Амфитеатрова соч. Аскоченского. Киев. 1857 г. стр. 6.

[58] - Письмо было писано из Казани от 13 Ноября 1831 года.

[59] - Обе эти пустыни – в Орловской губернии.

[60] - Странник 1862 г. т. I и из других сведений.

[61] - Слова одного из воспоминателей.

[62] - Слова из рассказов о. Георгия – родителя Высокопр. Филарета.

[63] - Из письма Протоиерея Н. Амфитеатрова.

[64] - Покойный Высокопр. Антоний (Архиепископ Казанский) к этому рассказу присовокупил ещё следующий, относящимися именно к этому выражению – »что жених не нравился невесте«. Когда и я (Антоний) кончил курс в Академии и оставался целый год ещё светским, то матушка моя, приезжавшая в эту пору погостить у меня, чаяла, что авось я тоже подумываю жениться... о чём она мне отчасти и намекала. Бывавши же в это время часто у Владыки, попросту по-родственному, матушка моя заговорила и с ним обо мне в этом же роде. Владыка выслушал её довольно внимательно... После же речи матушки Владыка обратился ко мне. «Ну что Яков?! Вот что мать-то толкует о тебе, – хочет, чтобы ты женился... Может и ты сам-то тоже понадумываешь... Что же ты мне не говорил об этом ничего доселе? Скрытность, чадо, здесь не статна»... Я промолчал; но в молчании этом дал уразуметь совсем противное... я сконфузился и покраснел... Тогда Владыка полушутливо обратился к матушке: «эх мать, мать!.. Много ты детей народила, да ума-то в голове мало накопала... Ты видно уж и совсем забыла, как Господь в один год восхотел взять у тебя троих детей… и думаешь, что не Сам же Господь восхочет взять у тебя вот и его, хотя и не тем путём, а иным... А тебе втемяшилось, как видно, одно, чтобы просто схватить его по рукам и за самую шею, лишь бы не пускать от себя. Слушай же, что я тебе скажу: и меня мой батюшка в своё время так же, как и ты, совсем было собрался женить; возил он даже на показ разным невестам. Но, видно, Господь так устроил, что невесты-то были не дуры... чтобы выйти за такого молодца, каков я был и казался на их глаза.

Правда батюшка-то мой инде и улаживал было дело, и иные родители невест готовы были приневолить даже их к согласию, но я грешный, признаюсь тебе, хитрил при этом немножко. И без того я выглядывал больно не обтёсанным… бурсаком, а тут-то представлялся чистым батраком, хомяком... Инде в домах, где хотели бы то сосвататься, составлялись уж и вечериночки – называемые смотрины, приглашались знакомые; а я, бывало, как раз к этой-то поре пойду на двор посмотреть лошадок, дать им корму, сводить напоить их, да и около повозки-то тоже повожусь, – при чём само собою повыпачкаюсь порядочно, а умыться будто позабуду, или не успею, да так и явлюсь в горницу-то в среду гостей... Станут мне подносить угощение орехами, да пряниками и проч. а по обычаю тогдашнему подносила сама же невеста; – глядь, а у меня на руках-то и грязь и дёготь. Сами, я будто и не замечаю этого, а посмотрю на других; – они и шушукают промеж себя, а затем вестимо, невеста-то прямо на попятную, – а мы-то с батюшкой от ворот поворот... И, в конце концов, вышло, что куда мы ни заезжали – только не солоно хлебали. Сие глаголю не в притчах... и потому имеяй уши слышати да слышит, – сказал Владыка, взглянувши пристально на меня.NB: Заметим здесь, кстати, для читающих о самом говоре Высокопр. Филарета. Во-первых, произношение его, в значение так называемого жаргона, было на «а» (например, харашо, абайдемся и т. п.); во-вторых, звуки его выходили с большим пришамкиванием (от старости); в-третьих, говорил он протяжно, в чём выражались какое-то спокойствие и с тем вместе величавость, свойственная его лицу и сану; в-четвёртых, речь вёл всегда самым простым образом и особенно любил употреблять простонародные слова и выражения с разными поговорками, пословицами и прибаутками и весьма остротно, сколько и приятно и всегда к месту и к делу. Но вышесказанное произношение – на «а» он не позволял себе употреблять при Богослужении и чтении священных книг, – и не терпел, когда произносят например: Ва имя Атца и Сына и Святова Духа… и делал замечание об этом.

[65] - Из письма Протоиерея Евфимия Остросмысленского, см. в Страннике 1862 г. т. 1, стр. 12–13.

[66] - См. письмо Протоиерея Н. Амфитеатрова.

[67] - См. Записки, лист 1 на обороте.

[68] - См. Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. т. IV (с 6 Ноября 1796 г. по 1798 г.) Изд. 1830 г. № 18.273.

[69] - Определение Синода о сем Указе состоялось 11 Февраля 1798

года.

[70] - См. Записки, лист 1, на обороте.

[71] - На своём месте увидим, что и сам Высокопр. Филарет совершил так же точно рукоположение одного Иеродиакона в Великой Лаврской Церкви, который был впоследствии Благочинным Лавры.

[72] - См. в Записках, лист 1, в слове, сказанном Архимандр. Иоанникием при погребении, – в подстрочном примечании на странице 94.

[73] - См. в Записках, лист 1.

[74] - См. в Записках, лист 1.

[75] - См. Заметки о жизни Высокопр Филарета (1879 г. Казань). К этому покойный Высокопр. Антоний присовокупил следующее: «По причине столь долго мучившей Владыку Филарета болезни – лихорадки, он в Январе 1802 г. ездил, по обещанию, на богомолье в Киев, где был Митрополитом тогда Гавриил (Бонулеско), весьма приветливо отнёсшийся к юному учёному монаху. Тут же он особенно хорошо (в значении духовно-иноческом) познакомился и с бывшим тогда Наместником Киево-Печерской Лавры Архимандритом Антонием, отличавшимся примерно-высокою духовною жизнью и бывшим с этой стороны известным и почитаемым Самим Государем АЛЕКСАНДРОМ I, Который поэтому Сам лично изволил назначить Архимандрита Антония Епископом в Воронеже, где при его Святительстве обретены и открыто прославлены Св. мощи Святителя Воронежского Митрофана». Со своей стороны присовокупим, что оба духовные знакомцы – Антоний и Филарет имели ещё личное свидание в Воронеже, куда приезжал по особенному же обещанию и по причине болезни же, Филарет, бывший уже Архиепископом Казанским, на поклонение новоявленному тогда угоднику Святителю Митрофану. Это было в Апреле 1836 г., когда Высокопр. Филарет вызван был из Казани в Санкт-Петербург для присутствования в Св. Синоде, – каковым вызовом он и воспользовался, чтобы на пути в Санкт-Петербург заехать в Воронеж. Об этом свидании будет сказано нами подробно в своём месте. – Авт.

[76] - Автобиография П.И. Турчанинова в Домашней Беседе, 1863 г. вып. 4, стр. 90–91.

[77] - Из письма Протоиерея Н. Амфитеатрова.

[78] - См. Биографический очерк «Амфитеатров Я.К." соч. Аскочинского. Киев. 1857 г. стр. 2.

[79] - В 1867 г. пишущий сам посещал эту местность, где в эту пору

находилось духовное училище. И что же? Вместо всяких осматриваний оставалось только покачивать головой и повторять слова Премудрого: »видение паче слуха"...

[80] - См. Записки, лист 1, стр. 1.

[81] - См. Записки, лист 1, стр. 1.

[82] - Покойному Антонию (Амфитеатрову) бывшему Архиепископу Казанскому.

[83] - В Записках, лист 2.

[84] - Брошюра: «Пути Промысла Божия в моей жизни». Записки Протоиерея Луки Ефремова СПб, 1862 г. изд. 2, стр. 7.

[85] - См. в Записках, лист 1.

[86] - Потому-то Протоиерей Турчанинов и выразился (как видели читатели), – что Преосв. Досифей имел к нему совершеннейшее расположение, чуть не родственное.

[87] - Сведения об этом передал мне лично Высокопр. Митрополит Киевский Арсений, когда я был в 1867 г. в Киеве для собирания биографических материалов. Ему же – Арсению, по словам его, сообщил это сведение в дружеской беседе сам Владыка Филарет в 1856 г., когда Арсений гостил у него, заехав из Варшавы на пути в Москву на Коронацию. Покойный Высокопр. Антоний тоже подтвердил это сведение, присовокупив, что главным-то освободителем заключённого в башню был именно Протоиерей Турчанинов, сумевший воспользоваться содействием архиерейских домовых лиц, близко ему знакомых.

[88] - Слова, виденные Филаретом, начертанными на стене в его молитвенной келье.

[89] - Слова из письма Филарета к Петру Ив. Турчанинову.

[90] - Этот брат Гавриил был при нём в Севске, обучавшись там в Философском классе. Здесь в Уфе он поступил в класс Богословский и, по окончании курса, был определён учителем Немецкого языка в Семинарии. В Уфе он женился и поступил в священники.

[91] - Записки, лист 1, стр. 4.

[92] - Скудость эта объясняется тем, что монастырь, хотя существовал прежде с давних пор, но в Царствование ЕКАТЕРИНЫ II был упразднён и все бывшие угодья были отобраны. Восстановлен же он в 1801 году, следовательно, за три только года до прибытия Филарета, а потому по самой новости своей не мог иметь почти никаких средств – ни денежных, ни экономических. О скудости Уфимского монастыря достаточно сказать,

что он до тридцатых и более годов в общем местном выражении именовался Плетнёвым, так как был огорожен плетнём.

[93] - Из сведений, доставленных Як. Григ. Несмеловым, учившимся в Семинарии при Филарете и затем при нём же в МДА. Был он старшиной Совета Губернского Правления в Могилёве, – оттуда и доставлены были им эти и другие сведения. На сестре этого Несмелова был женат родной брат Высокопр. Филарета Гавриил, – отец покойного Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского.

[94] - См. Исторический краткий очерк Оренбургской Семинарии и вообще развития духовного просвещения в Оренбургском крае. Очерк этот был составлен пишущим по случаю совершившегося в 1850 году пятидесятилетия Оренбургской Семинарии, открытой в 1800 г. 25 Сентября. Очерк напечатан был в местных Губернских Ведомостях за 1852 г.

[95] - См. Записки, лист 1.

[96] - Преосв. Августин, когда выражал и перед другими крайнее своё недовольство Филаретом, приговаривал: «да, ведь, он (Филарет) и в Севске-то был ай-яй каков!» Мне описал всё подробно тамошний Преосвященный, который рад радёшенек, что сбыл его от себя».

[97] - Из последующих данных действительно оказывается так.

[98] - Биографический очерк жизни Преосв. Августина напечатан в 1866 г. в журнале «Странник».

[99] - Там же.

[100] - Это было действительно так – что подтверждается фактом, значащимся ниже.

[101] - Подобные взгляды и мнения тем более могли быть со стороны Митрополита и самого Св. Синода, что, кроме личных официальных преследований Филарета на месте, Преосв. Августин многократно делал доношения Св. Синоду с представлением подлинных следственных дел с прямыми обвинениями Филарета.

[102] - Из сведений, доставленных Я.Г. Несмеловым.

[103] - Из сведений, доставленных из Казани от 25 Января 1858 г. Это сведение по справкам оказывается подлежащим сомнению. Оно вероятно смешано с другим – нижеследующим в нашем изложении, – т. е. ездил на козлах не Ректор, а Священник Попов.

[104] - Из сведений, доставленных Я.Г. Несмеловым.

[105] - Из брошюры Протоиерея Луки Ефремова: «Пути Промысла

Божия в моей жизни».

[106] - Впоследствии увидим из подлинных документов Консисторских, что пресвятой Августин в описываемую пору, назначил формальное следствие по делу, о якобы самопроизвольно собранных и безотчётно израсходованных Филаретом на постройку церкви деньгах – 6.506 р. 21 коп. ассигнациями, о чём было донесено Преосв. Августином и Св. Синоду.

[107] - Прозвище "жучка" дал Филарету Августин, собственно, по весьма смуглому цвету лица его и весьма чёрным волосам. Хитрость же и лукавство приписывает ему потому, что в среде всего городского общества Филарет пользовался искренним глубоким сочувствием и почитанием, как смиренный истинный монах, а это-то и относил Августин к пронырству и заискиванию Филарета.

[108] - См. в автобиографии Протоиерея Петра Ивановича Турчанинова, напечатанной в Домашней Беседе за 1864 год.

[109] - Слова в одной из надгробных речей. См. «Последние дни жизни».

[110] - См. Странник 1870 г. Март, стр. 250. Биографический очерк Преосв. Поликарпа, Епископа Орловского.

[111] - См. в Записках и в надгробном слове.

[112] - См. в Записках и в надгробном слове.

[113] - См. заметки о жизни Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, составленные Казанским Архиепископом Антонием, – в предисловии. Казань 1879 г.

[114] - См. в указанной прежде «Автобиографии П.И. Турчанинова», напечатанной в Домашней Беседе.

[115] - См. Странник, 1866 г. Май, отд. 1, стр. 92.

[116] - См. заметки о жизни Высокопр. Филарета, составленные Архиепископом Казанским, Антонием, стр. 15.NB: Такое ходатайство перед Св. Синодом принял на себя Высокопр. Филарет даже по праву и долгу, потому что он, в это время был перемещён из Казанской Архиепископии на Ярославскую, в которой и находился Варницкий монастырь, где проживавший на покое Преосв. Августин оказывался, таким образом, состоявшим под властным ведением Филарета. В Ярославской епархии, впрочем, и не привелось быть вовсе Высокопр. Филарету, так как находясь ещё в Петербурге в 1837 году, 17 Апреля, он был назначен Митрополитом Киевским.

[117] - Из рассказа мне пишущему, лично сообщённого Казначеем

Ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря о. Иеромонахом Николаем, который читал не раз эти копии с письма у разных лиц. К сожалению, мне не удалось приобрести эту копию.

[118] - Из рассказа о. Константина, Иеромонаха Ростовского Спасо-Преображенского Дмитриева монастыря.

[119] - Рассказы эти изложены в рукописи г. Карачева, доставленной им покойному Антонию Архиепископу вскоре же по прибытии его в Казань.

[120] - Этот очерк был напечатан (хотя и не во всём полном его изложении) в Оренбургских Губернских Ведомостях в 1852 г. – и в выдержках в Географическом Обществе.

[121] - Слова из акта жертвователя помещика Оренбургской губернии г. Тоузакова.

[122] - Инспектором в Санкт-Петербургской духовной Академии и в Московской – сначала Инспектором, а потом Ректором в 1814–1819 гг.

[123] - Первым преподавателем был родной брат Ректора Филарета – Гавриил Амфитеатров, приехавший с ним из Философского класса Севской Семинарии и здесь в Уфе докончивший курс. Этот Гавриил Амфитеатров, впоследствии бывший священником в Миасском заводе Оренбургской губернии – отец покойного Высокопр. Антония, Архиерея Казанского, родившегося в этом заводе – в 1815 году, 15 Октября.

[124] - Г. Тоузаков, помещик Бугурусланского уезда, тогдашней Оренбургской губернии. Он сделался известным на всю губернию несчастной смертью: по интригам жены и её фаворита он был усыплён и заживо схоронен. Высочайше назначенным следствием всё это злодеяние было обнаружено. – Портрет Г. Тоузакова, прекрасно написанный в натуральный вид, хранится доднесь в Семинарской Библиотеке.

[125] - Этот термин употреблялся в деловых семинарских бумагах.

[126] - При разборе дел Семинарского архива по поводу составления мною Исторического Очерка к юбилею Оренбургской Семинарии я интересовался, между прочим, сведениями о трудах и успехах учащих и учащихся, из которых некоторые в эту пору занимали заслуженные высшие в епархии места и должности, и с которыми я был весьма хорошо знаком. Все эти архивные сведения указываемые лица вполне признавали и с глубокою благодарностью относили все успехи свои бывшему их Ректору Филарету, от которого, по их искреннему признанию, они переняли и унаследовали из его личного характера и образа жизни и служебной деятельности всё то, чему обязаны они и в последующих

успехах по своим служебным должностям и вообще по житейскому положению. Таковы были следующие лица: А.А. Кандарицкий, Кафедральный Протоиерей и Член Консистории, – И.А. Бреев, тоже Протоиерей и Член Консистории, – два родных брата, Протоиереи же, Члены, П.Г и И.Г. Несмеловы, – Прот. и Благочинный городской М.Е. Борецкий и ключарь Собора Протоиерей А.С. Лепоринский. Из светских А.Г. Несмелов, бывший Старший Советник Губернского Правления, и другие, из коих мы не можем не указать, в частности, на одно лицо. Это, бывший по рождению, сын священника Стерлитамакского уезда Оренбургской епархии и семинарист, впоследствии же сделавшийся известным по своим огромным финансовым средствам и пр., Иван Феодорович Базилевский, который из Оренбургской Семинарии был послан для усовершенствования в науках в бывшую в то время Казанскую Академию. Что И.Ф. Базилевский сохранил во всю свою жизнь, несмотря на своё богатое и знатное положение, живую благодарную память к месту своего начального образования, – это доказано им тем, что незадолго до кончины своей он пожертвовал в собственность бывшей Оренбургской, нынешней Уфимской, Семинарии капитал в десять тысяч руб. серебром с тем, чтобы проценты с этой суммы ежегодно выдавались двум, оканчивающим полный семинарский курс, студентам, стоящим по списку под № 1 и № 2. Когда впоследствии Высокопр. Филарет живал, по званию Члена Св. Синода, в Санкт-Петербурге, где проживал и И.Ф. Базилевский, то между ними было близкое искреннее знакомство, начавшееся именно по памяти о давнем житье-бытье в Уфе. Ив. Ф-ч бывал, впрочем, и прежде у Высокопр. Филарета в бытность его Архиепископом Казанским. В Казань же приезжали к нему и некоторые из упомянутых духовных лиц, именно – Протоиереи Несмеловы, Кандарицкий и Лепоринский. Авт.

[127] - В среде духовенства сложилась даже рифмованная поговорка, – или так называвшаяся горемычная песенка. "Коли Августин на кого напустил, – так тому уж не стать-сдобровать; хоть горюй, хоть тужи, хоть молебны служи; будет всё понапрасну; Августин Архиерей страх ужасный».

[128] - Как из этой подписи, так и из других, известным нам, сведений оказывалось, что духовенство не приглашено было к участию в этом иждивении. Зато экземпляры портрета приобретены были во все приходы. По поводу этого бывали рассказы, слышанные и нами не раз о том, как памятен был Преосв. Августин в среде духовенства необычайно строгими его взысканиями за нравственные проступки и, в частности, за

винопийство. Когда кому-либо из духовных приходила охота выпить, или когда собиралась у кого-либо дружеская компания, по обычаю нужно было угощаться и по части чарочной, – то не прежде будто бы решались поставить чарочное угощение, как предварительно обернувши портрет Августина лицом к стене... Иначе, говорили некоторые, просто не удержишь чарку, – и от заочного страха и трепета руки трясутся. В этих самых рассказах, передаваемых хотя в смысле в тоне забавном, всё-таки ясен голос той правды, что Преосв. Августин оставил по себе память как Архипастырь с сильным и действенным влиянием на нравственную сторону в жизни духовенства.

[129] - По завещанию же его присланы были в Семинарскую Библиотеку весьма многие редкие и ценные книги из древних фолиантов, – а как денег не осталось после покойного ни копейки, то исполнители завещания не могли доставать эти книги, которые, наконец, были пересланы на счёт Семинарских сумм в 1846 г.

[130] - Замечательно, что такое же самое выражение употребил и Высокопр. Филарет, Митрополит Московский, при следующих обстоятельствах: В Июне 1836 г. Московский Владыка приезжал на освящение храма, в Ростовском Ставропигиальном Преображенском, иначе именуемом Яковлевско-Дмитриевском монастыре, созданного усердием и средствами известной Графини Анны Алексеевны Орловой, которая сама лично просила Митрополита прибыть на освящение храма, хотя монастырь и был вне его Епархии. Находясь по этому поводу в Ростове, Митрополит Московский пожелал посетить все тамошние монастыри и в особенности Варницкий, ознаменованный известным событием в отроческой жизни Св. Преподобного Сергия Радонежского, – и с тем вместе лично посетить, проживавшего тут, Преосв. Августина, узнав предварительно, что он находится дома. Преосв. Августину дано было знать об ожидаемом посещении монастыря Митрополитом Московским. Митрополит действительно прибыл и, по осмотру монастыря, пошёл посетить Августина, о котором ему доложили, что он дома. Но когда подошли к крыльцу, к удивлению всех, оказался замок снаружи на дверях. Спросили, кого следовало: где преосвященный, – и не вышел ли он разве на прогулку? Но последовал ответ, что он де, Преосв. Августин сам лично приказал заблаговременно приготовить свою тележку и тайно от всех уехал из монастыря, вероятно, в своё родное село, в которое езжал нередко, как находившееся невдалеке от Ростова. Владыка Московский нисколько не смутился этим, а только проговорил вслух всех: «Да,

недаром замечено, что отличный соловей никогда не любит сидеть на месте своего гнезда, а порхает и распевает, где ему свободнее и приятнее». Этот факт значится «в биографическом очерке (Странник 1866 г.), и я лично слышал рассказ об этом, при описанном выше посещении мною Варницкого монастыря.

[131] - Монастырь Варницкий (названный так от бывших тут солеварниц) основан был, действительно, на том поле с дубравой, где отрок Варфоломей (имя Св. Пр. Сергия при крещении) искал лошадей родительских и встретил тут явление ему Божественного Старца... На называемых Святых воротах теперешнего монастыря написано иконное изображение сего события.

[132] - Это достоподражание и осуществилось в лице и состоянии самого Высокопр. Филарета, который действительно, уволившись в эту пору навсегда от личного присутствования в Св. Синоде и избрав себе Голосееву пустынь для уединённого по временам пребывания, – вместо шёлка и бархата облекался там в простые схимнические одеяния, приняв потаённо и самый постриг – схимнический с именем Св. Преп. Феодосия Киево-Печерского.

[133] - Указ об этом был от 10 Ноября 1810 г. за № 3072.

[134] - Указ Св. Синода от 9 Декабря 1810 г. за № 3771.

[135] - Слова в постраничной подписи Архимандрита Филарета на экстракте одного дела.

[136] - Слова в Указе Св. Синода от 9 Декабря 1810 г. за № 3771.

[137] - В 1886 г. в Июле я нарочито ездил в Уфу, чтобы рассмотреть все дела с 1804 по 1810 г. относившиеся к лицу в Бозе почившего Высокопр. Филарета по службе его в Уфе, как Настоятеля монастыря, Члена Консистории, Ректора Семинарии и с тем вместе учителя Богословия.

[138] - Для извлечения указываемых данных из дел Синодального Архива, равно как и других сведений, относящихся к биографии Высокопр. Филарета, пишущий тоже был нарочито в Санкт-Петербурге в Августе и Сентябре 1887 г.

[139] - О. Усович, быв Префектом Семинарии в Уфе, состоял в то же время штатным Протоиереем г. Бузулука (Оренбургской епархии), куда обыкновенно он и отправлялся во время вакационное.

[140] - В деле стр. 13.

[141] - Стр. 14.

[142] - При рассматривании многих архивных дел Консистории почти

всюду встречалось обилие невозможных узаконений, выписанных в справках при журналах и других постановлениях Консистории. Такого порядка требовал Преосв. Августин своими прямыми резолюциями с указанием даже от себя на те или иные узаконения. От чего это так – считаем уместным объяснить. Преосв. Августин слыл во всё время епископства за великого юриста-законоведа; это наконец стало известно и Св. Синоду, когда Преосв. Августин, в последние годы перед отставкой, стал представлять от себя в Св. Синод целые тонны свода узаконений по Церковному управлению и вообще по ведомству духовному, настоятельно прося и требуя от Св. Синода надлежащего рассмотрения и утверждения этих узаконений в смысле законодательном ... Но оказалось, что Св. Синод, находя в представляемых Августином огромных томах чрезмерное обилие материалов, и не выдерживающих, а во множестве и не заслуживающих критики, пришёл к мысли, что Преосв. Августин увлёкся этой своей специальностью, как говорится, до plus ultra, и в самых своих представлениях выражал иногда нечто в этом же роде... А с тем вместе, усматривая из текущих дел по управлению Епархией тот же, прежний тягостный образ действования, который был поставлен ему на замечание, Св. Синод, сколько известно по верным сказаниям, признал потребным предложить ему уволиться по его прошению на покой... Но Преосв. Августин, и проживая на покое, продолжал излюбленные им занятия. По смерти его оказалось сорок огромных томов, с включением прежних, – которые и хранились у наследников, обречённые, конечно, если не на продажу на вес, то на совершенную безызвестность под спудом. Но, – что весьма замечательно, – из-под спуда этого извлечены были все сорок томов на свет мира и когда же, и кем?! Ответ на это, быть может, многие из читателей знают и сами из газетных известий, (вполне достоверных), за тот период времени, когда выступил вопрос и вырабатывался самый проект о пресловутой «Церковно- и духовно-судной Реформе». В газетных известиях сообщалось, что по распоряжению Высшего духовного Начальства вытребованы были от наследников Преосв. Августина все сказанные тома в распоряжение бывшего Комитета по предмету помянутой реформы, – в видах употребления их в дело. Когда об этом было прочитано мною из одной газеты покойному Архиепископу Казанскому Антонию, и при этом передано было о прежней судьбе всего многотомного труда Августинова, начиная с того, какой взгляд в своё время имел сам Св. Синод и на труд и труженика, – то Владыка Антоний улыбнувшись сказал: «а знаешь ли, что в сию же минуту мелькнуло у меня в голове?! О взгляде-то Св. Синода ты выразился слишком скромно; а я

сам знаю, что Св. Синод признавал Августина почти помешавшимся в уме, – почему и предложил ему уволиться по прошению... А отсюда не логически ли и исторически-фактически выходит, что Святейшему-то Синоду и теперь следовало бы и по Закону, и по всей сущей правде, признать и всех теперешних затейщиков, и коноводов по делу духовно-судебной реформы не только не в меньшей, но ещё в большей степени того же Августиновского состояния. Да-да! Ты не забудь пожалуйста, поместить эту мою сентенцию, где будет нужно в Биографии дяди Владыки, который сам же и рассказывал мне о многотомном труде Августина, – причём он отзывался, однако, что в этом труде было довольно много дельного, и потому потребного и полезного для общего свода церковно-духовных законов и правил по Синодальному и Епархиальному управлениям». – В этом последнем отношении мне пишущему привелось действительно услышать отзыв о труде Преосв. Августина в самое недавнее время от профессора Киевской духовной Академии П.А. Лашкарева, (моего сотоварища по Академии). При личном разговоре и (в бытность мою в Киеве в Окт. 1887 г.) о составленной мною биографии помянулось как-то и имя Августина... Пётр Александрович тут же проговорил: «А знаете ли, что я знаком с этим Августином по его труду авторскому... Мне поручено было, вследствие распоряжения Духовного Учебного Комитета, рассмотреть несколько его томов по части Церковного Законодательства. И я нашёл довольно-таки стоящего внимания»... Авт.

[143] - Подпись на этом прошении была сделана: «Сие прошение сочинял, набело переписывал и к оному руку приложил – Ректор Архимандрит Филарет». (В деле – стр. 56).

[144] - По описи архивной 1807 г. № 398.

[145] - Читатели, несомненно сами припомнят, – сколько было лошадей в монастыре, и какие могли быть экипажи, когда Настоятелю не на чем было выезжать... а отсюда понятно, могли ли быть какие-либо конюхи, да и самые конюшни, когда для помещения братии были мазанки и монастырь огорожен плетнём!

[146] - По описи архивной дело № 115.

[147] - В своём месте увидим такой факт: в 1809 г. с 1 по 18 Сентября Ректор Филарет не мог преподавать уроки. Преосв. Августин во-первых, удержал у него жалованье в количестве 100 руб. во-вторых, назначил по этому случаю следствие, которое продолжалось до 22 Декабря и наконец, в-третьих, донёс об этом Св. Синоду вместе с другими фактами,

обвинительными против Филарета.

[148] - Указ Консистории Семинарскому Правлению – от 10 Августа 1806 г.

[149] - Побуждением к подаче этого прошения послужило притязание Консистории к Филарету с прямым обвинением его в допущенных им будто, беспорядках в сдаче Библиотеки Семинарской, – о чём будет речь в своём месте.

[150] - Отношение от 13 Марта за № 566.

[151] - Представление в Синод от 28 Октября 1808 г.

[152] - Дело описи № 204 – на 26 листах.

[153] - Дело по архивной консисторской описи № 1204 на 16 листах.

[154] - Указ 1 от 9 Декабря 1810 г. № 3771.

[155] - Указ 1 от 9 Декабря 1810 г. № 3779 и указ 2 от 19 Декабря 1810 г. за № 3839.

[156] - Этого-то, понятно, более всего и хотелось Преосв. Августину!

[157] - Наконец, тут же в-четвёртых было и обвинение «в употреблении – и как буквально выражено в доношении Преосв. Августина, – им, Архимандритом Филаретом, на строение каменной в монастыре церкви сборной суммы – 6.056 р. 21 коп. ассигнациями без письменного на то от Епархиального Начальства дозволения».

[158] - Указ Св. Синода от 9 Декабря 1810 г. за № 3771.

[159] - Указ этот последовал от 19 Декабря 1810 года за № 3839, следовательно, через 10 дней после предшествовавшего – (от 9 Дек. № 3771).

[160] - Дело по описи архива 1818 г. № 4296.

[161] - В биографическом очерке, прежде нами упоминаемом, (см. Странник 1866 г.), есть сведения в подобном же роде, т. е. Преосв. Августин, любивши часто писать к высокопоставленным лицам, как напр. Князю Голицыну, нередко описывал своё положение в таком виде, что приводится терпеть скудость в средствах и лишения в насущном иногда содержании, так как он и имеющиеся средства денежные необходимо должен был употреблять на восполнение нужд по епархиальному управлению, – как например, на вспомоществование служащим в Консистории и даже на поездки по Епархии и пр.

[162] - Слова Санкт-Петербургского Митрополита Амвросия Протоиерею Турчанинову.

[163] - Слова из донесения Тобольского Архиепископа Амвросия

Митрополиту Санкт-Петербургскому о Филарете.

[164] - Ровно через два месяца последовало и другое определение Св. Синода (16 Декабря 1810 г.) об определении Филарета и Ректором Семинарии и даже Благочинным над монастырями; (так значится в формулярном списке).

[165] - Священник Несмелов сказывал, что Преосв. Августин проговорил ему такие слова: «ты сам-то вероятно недавно стал носить сапоги… а прежде хаживал же когда-нибудь и в лаптях. Смотри же у меня, чтобы тебе не пришлось обуться снова в лапти…»

[166] - Оказывается, что Преосв. Августин узнал о ходатайстве П.И. Турчанинова за Филарета перед Митрополитом Амвросием и перед другими в Синоде. Этому он приписывал и самые решения Св. Синода в пользу Филарета и в неблагоприятность ему, какие были изложены в двух последних Указах Синодальных.

[167] - Впоследствии это оправдалось; и о. Григ. Андр. Несмелов приезжал в Калугу, где Филарет был Епископом и куда перемещён был им брат его Гавриил с семейством.

[168] - Сведения эти были доставлены покойному Высокопр. Антонию, – но от кого неизвестно; письмо, при котором они присланы, не сохранилось.

[169] - Приводимые сведения были доставлены из Тобольска покойному Владыке Антонию тем же лицом, нам неизвестным, о чём сказано выше.

[170] - Достопочтенный кафедральный Протоиерей в г. Красноярске Василий Дмитриевич Касьянов сообщил настоящие сведения в письме своём ко мне, от 6 Июля сего 1885 года, когда узнал, из изданной мною биографии Высокопреосвященного Казанского Антония, что я приготовляю к изданию и биографию Высокопр. Митрополита Киевского Филарета.

[171] - Самое слово греческое φιλάρετος по переводу на русский язык, значит: «любитель добродетели".

[172] - Яков – имя покойного Высокопр. Антония.

[173] - Сведения, относящиеся к этому предмету, изложены подробно в Биографии Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского; приводить их здесь было бы излишне.

[174] - Описываемое посещение своего брата Филаретом было в Январе 1814 г. а сын Яков – Высокопр. Антоний, родился в 1815 г., 15 Октября.

[175] - Слова из надгробного слова, сказанного бывшим Инспектором

Киевской Духовной Академии Архимандритом Иоанникием, нынешним Митрополитом Московским.

[176] - Лично беседовать с ним об этом я имел счастье не раз в бытность мою в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре в Августе и Сентябре 1866 г. для собирания собственно материалов по настоящей биографии, из коих по некоторым предметам, например, по части двух ревизий в Московской Академии, я докладывал Высокопр. Филарету некоторые вопросы для разъяснения. Об этом сказано будет в своём месте.

[177] - См. в прежде упоминаемой брошюре Протоиерея Луки Ефремова.

[178] - В определении Комиссии духовных училищ от 22 Июня 1809 г. сказано: «Комиссия, удовлетворяя достохвальному желанию Преосв. Феофилакта, Архиепископа Рязанского, жалованья ему не полагает». Обер-Прокурор Св. Синода довёл, о принятии на себя Преосв. Феофилактом должности профессора, до сведения Государя Императора, и Его Величество изъявил за сие ему Своё Благоволение (История СПб. Духовной Академии, стр. 188).

[179] - Впоследствии Иона был экзархом Грузии и скончался в 1849 г. 22 Июня в сане Митрополита, который носил 20 лет. (См. Историю СПб. Академии, стр. 240–247).

[180] - Там же, стр. 247–248.

[181] - Журнал Комис. дух. учил. 12 Января 1810 г. отд. IV, стр. 16.

[182] - См. в изд. «Пятидесятилетие СПб Духовной Академии 17 Февраля 1859 г. стр. 4.

[183] - См. История СПб. Академии, стр. 178.

[184] - Там же, стр. 237.

[185] - История СПб Духовной Академии, стр. 237.

[186] - Архиепископы Михаил и Серафим по кончине Митрополита Амвросия, оба были Митрополитами Санкт-Петербургскими – сначала первый, потом второй.

[187] - История Санкт-Петербургской Духовной Академии, стр. 234–235.NB: Этот акт избрания трёх кандидатов на докторство изложен здесь не точно, по крайней мере, не в полном содержании, и отсюда выходит неопределённость по отношению к самому основанию избрания этих лиц. Мы восполним это из подлинных документов. Авт.

[188] - Воспитанник Георгий Постников, в монашестве Григорий, – впоследствии Доктор Богословия и бывший Митрополит Санкт-

Петербургский.

[189] - См. Историю СПб. Академии, стр. 236–236.

[190] - См. в «последних днях жизни Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского». Эти слова его были буквальные – перед самой кончиной.

[191] - Этот документ найден мною, в бытность мою в СПб. в Сентябре 1887 г. в архиве Канцелярии Новгородского и Санкт-Петербургского Митрополита. См. дело 1814 г на трёх листах; по архивной описи № 709. На него то и указано было прежде, где замечено нами было о неточности или в неполноте изложения этого дела в Истории СПб Духовной Академии.

[192] - См. Историю СПб. Духовной Академии, стр. 258.

[193] - Там же, стр. 238.

[194] - См. Записки, лист 2, стр. 1.

[195] - Что действительно были в этом роде понимавшие взаимные отношения двух соименников – Филаретов, во всё время их служения, когда они оба занимали уже первосвятительские кафедры, об этом пишет например автор «Записок о жизни и времени Святителя Филарета», именно по вопросу о буквальном значении самых членских кресел. – «Митрополит Московский давно уже занимал первое, после Первоприсутствующего в Синоде, место, как, старший в нём Член. При возведении же архиепископа Казанского Филарета в сан Митрополита Киевского, внезапно пронёсся откуда-то вопрос по всем кружкам и слоям Санкт-Петербургского общества: которому же из двоих Филаретов должно достаться кресло старшего Члена в Синоде? Московский имел на него право и по давности обладания им и по иерархическому старшинству архиепископского служения своего, и по пребыванию в сане Митрополита ещё с 1826 года. Право Киевского опиралось на старшинстве вверенной ему епархии. Не понимавшие ни глубины смирения, ни ясности просвещённого и освещённого благодатью ума Московского первосвятителя, ожидали с тупым любопытством первой встречи двух митрополитов в Синоде: какое тут возникнет состязание? Кто увлечёт на свою сторону большинство голосов? За кого станет Первоприсутствовавший? Кто одержит победу и овладеет креслом старшего Члена? Дело же кончилось очень просто. Филарет Московский радушно приветствовал Филарета Киевского, указал сам ему на своё место и занял второе.Соименные Митрополиты взаимно уважали друг друга и остались во всю жизнь в единении духа. При суждениях об особенно важных предметах и случаях, они постоянно сходились во мнениях.

Пользуясь, однако, случаями и угловатостью простодушного и доверчивого Филарета Киевского, иные пытались поставить его против Филарета Московского, чтобы не сказать – старались поссорить их между собою, – но не удавалось». См. «Записки о жизни и времени Святителя Филарета Московского Митрополита» составлен Н.В. Сушковым. Изд. 1868 г. Москва, стр. 140–141.

[196] - Из записок самого Высокопр. Филарета.

[197] - Слова из письма Московского Архиепископа Августина к Санкт-Петербургскому Митрополиту Амвросию.

[198] - Лица эти следующие: Григорий Левицкий, Иван Носов, Пётр Розанов, Михаил Гажанов, Василий Херсонский, Василий Кутневич, Арсений Тяжелов и Григорий Ориевский.

[199] - См. «Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения». Кн. XIII, Отдел. I, стр. 57.

[200] - См. там же, стр. 55.

[201] - «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения». Кн. XIII, 1871 г. в примеч. к 3 части под № 191.

[202] - См. Записки, лист. 2, стр. 1.

[203] - Там же, лист 2, стр. 1.

[204] - Дела архива Московской Духовной Консистории 1814 г. № 998 и дела архива бывшей Троицкой Семинарии 1814 г. №№ 180, 183, 186, 197.

[205] - См. «Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения». Кн. XIII, 1871 г. в примеч. к 3 части под № 189.

[206] - Об исторической судьбе этих зданий, вот что читаем в исторической Записке по случаю пятидесятилетнего юбилея Московской Академии: «Место, где мы теперь находимся, почтенные представители и любители духовного просвещения, за триста лет пред сим было местом богомольного жительствования первого Царя Русского: здесь был дворец царя Иоанна Васильевича. Через полтораста почти лет после него, на сем месте воздвигнут дворец первого Императора Русского. При благочестивой Дщери его устроены сии чертоги и водворена здесь впервые духовная наука: в первый год царствования Императрицы ЕЛИЗАВЕТЫ в царских чертогах открыта была Троицкая Семинария».

[207] - См. сочинение под заглавием: «Взгляд на собственную прошедшую жизнь» – Измайлова, бывшего воспитанника 2 курса Московской Академии, стр. 119–120.

[208] - См. Странник. Март 1866 г. от «Архимандрит Гермоген,

настоятель Спасо-Андронникова монастыря», стр. 135.

[209] - См. Сочинение Измайлова, стр. 135.

[210] - Сведения эти заимствованы нами ещё в 1866 г. – отчасти из исторической Записки, составленной по случаю пятидесятилетнего юбилея Московской Академии, и из рукописи, заключающей в себе полную историю сей Академии, составленную профессором МДА С.К. Смирновым, которая приготовлена была им тогда к изданию, и прочитана Высокопр. Филаретом, но признана последним рановременною.

[211] - См. Московские Ведомости 1814 г. № 82, и ещё «Сочинение на случай открытия МДА». Москва 1815 г.

[212] - См. в Исторической юбилейной Записке, стр. 10, 11.NB: Высокопр. Антоний, Архиепископ Казанский, когда лишь прочитано было ему это место в моей рукописи, с каким-то особенным глубоко скорбным чувством произнёс своё обычное «охма, охма"… и продолжал: «да, что может быть драгоценнее и потому достоподражательнее этого образа и порядка, истинно образцовейших в научно-образовательном процессе самодеятельного живого развития юных питомцев науки?! А между тем всё это сделалось теперь лишь »преданием старины глубокой«; да ещё найдутся в избытке такие педагоги с выспренними своеобразными взглядами, что и о самом этом предании готовы сказать »свежо предание, но верится с трудом«. Потому-то к этим велемудрым педагогам можно справедливо, без всякой личной обиды, приложить такую сентенцию: «если они с трудом, или вовсе не верят указываемому преданию, то не выходит ли, что этим самым они попирают по слову свято-Евангельскому, истинный бисер подобно тем, к коим относится это попирание ногами» и за то не сюда ли как бы само собой вызывается и другое слово Свято-Евангельское о состоянии того злосчастного, который желаше насытитися от рожец, яже ядяху те же самые поправшие бисер – с той, впрочем, разницей, что рожцов-то оному злосчастному никто же даяше…, а нынешним желающим насытиться хотя бы quasi от рожец, сии последние подсыпаются щедрой рукой… Конечно, жестоко слово сие... но ведь оно не приточное; я беру положение дела с натуры, с живых официальных фактов, – чему ты и сослужащие в здешней Семинарии все свидетели... Сколько раз не мне ли приводилось давать резолюции на журналах по предмету выписки книг для ученической библиотеки, в числе коих сколько предназначалось именно quasi рожцов для умственного и нравственного питания духовных юношей...? Этого мало, – сколько было примеров, и конфиденциально и официально доводимых до моего

сведения, что если мало оказывалось подобных продуктов в своём казённом запасе – библиотечно-ученическом, то желающие насыщаются собственно таковыми, иже от рожец, с жадностью бросались, хотя бы даже и тайком в библиотеки – и городскую публичную и в частные?.. Значит, так сильно страстно развился вкус к этим рожцам вместо апельсинов, или иначе вкус этот образовался до совершенной безразличности между первыми и вторыми... И это совершенно естественно, так как известно, что в городских библиотеках такой подбор книг, да с тем вместе бывает иногда и такой подбор лиц, которые, избирая по своему вкусу книги для чтения, в то же время хвалятся, не нахвалятся и перед другими удовлетворением их содержание до услаждения... а послушавшие их, по самой своей незрелости юношеской, оказываются готовыми хотя бы то отведать, а потом и втянуться во вкус похваленного питания. Между тем будь бы что-либо, хотя в малом виде подобное тому, что ты сейчас прочитал в рукописи о бывших учёных беседах и чтениях в среде студентов Московской Академии, при соучастии даже самих лиц начальнических и наставнических, – то не осуществлялось бы то же самое, что прочитал ты сейчас в самом конце изложенного в Исторической Записке. Прочти-ка эти слова ещё для отрады душевной после столь грустного моего сказания». Я прочитал: «Как много говорит в пользу студентов это учреждение »учёных бесед«… Как значит, дорожили они временем самого досуга! Как заняты были они насущными вопросами науки!»

[213] - Там же, стр. 11. 12. В.И. Кутневич, впоследствии Протопресвитер и главный Священник армии и флотов.

[214] - Историческая юбилейная Записка, стр. 12.

[215] - Вот что засвидетельствовал об этом сам бывший Ректор СПб. Академии Филарет, силой и влиянием которого скоро миновалось это разрозненное направление. «При двух первых ректорах, предшествовавших мне, Академия (Санкт-Петербургская), вследствие внешних влияний, имела разрозненное направление. Были студенты, почти оставившие занятия богословскими науками, потому что академик-преподаватель возбуждал в них сильную страсть к математическим наукам. Я пришёл без достаточного приготовления к тому, что мне предлежало. Мне до́лжно было преподавать то, что не было мне преподано. Наши тогдашние библиотеки не скудны были старыми книгами, но не доставляли сведений о движении наук в ближайшее время. При всём том, когда студентам изъяснено было, что нужно единство и

усиление того направления, которое соответствовало бы их назначению и достоинству Духовной Академии: сие оказалось семенем, брошенным на добрую землю; посильные уроки мои были принимаемы со вниманием; занятия студентов усилились и, наконец, из страстных любителей математики вышли достойные магистры Богословия». (См. письмо в Бозе почившего Высокопр. Филарета, Митрополита Московского, на имя ректора СПб. Академии Протоиерея И.Л. Янышева в ответе на адрес сей Академии по случаю пятидесятилетнего служения его в сане Святительском).

[216] - См. в Калужских Ведомостях, прибавления № 6, 1884 г. 31 Марта, стр. 149 и 150.

[217] - См. «Взгляд на собственную прошедшую жизнь» Измайлова. Стр. 132, 137 и в Истории МДА С. Смирнова, стр. 47.

[218] - См. там же в Предисловии.

[219] - См. в Исторической юбилейной Записке, стр.12.

[220] - См. в Истории СПб. Академии, стр. 188.

[221] - Там же, стр. 271–272.

[222] - В своём месте увидим, что и Догматическое Богословие, составленное бывшим Ректором Киевской Семинарии и Академии Архимандритом Антонием, обязано непосредственному участию его же – Высокопр. Филарета.

[223] - См. в Истории МДА С. Смирнова.

[224] - NB: Это указание в исторической Записке сделано, очевидно, ошибочно; Архимандрит Филарет получил степень Доктора ранее – ещё на службе инспекторской в СПб. Академии и при самом назначении его в Академию Московскую, когда никаких ещё учёных трудов им не было заявлено. – Авт.

[225] - Ещё в первый месяц по открытии МДА, из Комиссии Духовных Училищ препровождён был в Академию конспект богословских наук, составленный бывшим Ректором СПб. Академии Евграфом (Мозулевским). Конспект этот рекомендовал следовать руководству, составленному Иринеем Фальковским. По уставу назначено было пользоваться, как пособием системами Буддея, Голлазия, Турретина, Сарданьи и др. авторов, но под условием строгой разборчивости и утверждения чтений на свидетельствах св. Отцов Восточной Церкви.

[226] - Экземпляр их был получен мною на время (в 1866 г. от бывшего тогда Профессора МДА Сергия Констант. г. Смирнова, а ему доставлен

был от Вятского Кафедрального Протоиерея Азар. Шиллегодского.

[227] - Usus и glorificatio не составляют достояния, пресловутой и преследуемой ныне, схоластики; это – необходимый и самый естественный атрибут истинного изложения вероучения, – так как последнее не есть какая-либо отвлечённая теория, философема и т. п. Учение Христово дух и живот, – или иначе – глаголы живота, – следовательно, духовно-нравственное воздействие здесь весьма уместно и необходимо. В позднейших Богословиях Догматических Макария и Антония так же есть по местам и usus и glorificatio. Авт.

[228] - Эти два слова (2-е и 3-е) мы нашли в 1866 г. в собраниях слов разных авторов, находившихся в библиотеке бывшего экстраординарного проф. МДА Протоиерея Филарета Александровича Сергиевского, доставшиеся ему по наследству от отца его – Бакалавра той же Академии Алекс. Иродионовича Сергиевского.

[229] - См. Московские Епархиальные Ведомости 1870 г. 11 Октября в статье под заглавием: «Библиографическое Недоумение». Покойный Высокопр. Антоний по этому поводу сказал, что у него есть печатный экземпляр этого слова, принадлежащего Филарету (Митрополиту Киевскому), – но к несчастию не мог отыскать его в своей библиотеке.

[230] - Разуметь до́лжно здесь выпуск воспитанников 1 курса, при котором присутствовал Высокопр. Августин на экзаменах.

[231] - Архиепископ Августин скончался в Москве и был отпеваем в Чудове монастыре, где говорено было слово 8 Марта Ректором Московской Духовной Семинарии, настоятелем Ставропигиального Заиконоспасского монастыря, Архимандритом Парфением, – затем тело его было перевезено в Лавру и погребено в Успенском соборе.

[232] - См. Душеполезное Чтение 1866 г. Март, Отдел I, стр. 227, 219–220.

[233] - Настоящее сведение сообщено мне – пишущему Преосв. Антонием, Архиепископом Казанским, которому рассказывал о настоящем факте сам Высокопр. Филарет.

[234] - См. Душеполезное Чтение, стр. 220–221.

[235] - См. Взгляд на собственную прошедшую жизнь Измайлова, стр. 133.

[236] - Из воспоминаний г. Измайлова.

[237] - Лицо это – магистр 1 курса Московской Академии Никита Григорьев. Троицкий, бывший кафедральный Протоиерей г. Смоленска и

законоучитель Смоленской Гимназии, скончавшийся на 84 году своей жизни.

[238] - Это двукратно повторенное выражение, не есть ли самое живое подтверждение свидетельства Архиепископа Тобольского об Архимандрите Филарете, где употреблено было это же выражение?!

[239] - Письма эти были к покойному Высокопр. Антонию, Архиепископу Казанскому, передававшему нам эти письма в подлинниках.

[240] - Письмо это было от 15 Мая 1864 года, и мною было получено от К.С. Смирнова на время, в конце 1866 года, вместе с лекциями.

[241] - Магистр 1 курса Московской Академии, в миру Матфей Добров, в монашестве Михаил, бывший Епископ. Уфимский, где и скончался в 1858 году на покое, проживая в монастыре, настоятелем которого был некогда Филарет.

[242] - Стр. 117–118.

[243] - Стр. 129.

[244] - Об описываемом случае рассказывал мне лично, ещё бывший на покое в Уфе Преосв. Михаил, в миру Матфей Добров, магистр 1 курса Московской Академии, причём не скрывал, что ему, не успевшему выбежать, по его неизворотливости досталось порядочно по спине от трости Ректорской. Рассказ этот в подробности помещён в биографии Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского.

[245] - Стр. 129–132.

[246] - Стр. 132–133.

[247] - Сведения эти доставлены от Як. Григ. Несмелова, дяди покойного Высокопр. Антония по его матери.

[248] - См. у Измайлова, стр. 147–148.

[249] - Известно, что в Лавре в числе богомольцев всегда находится большое число бедных, нуждающихся.

[250] - Надобно знать, что этот студент (Як. Григ. Несмелов) приходился родственником Филарету, брат которого, Гавриил, женился в Уфе на родной сестре этого студента; потому-то Филарет и мог обратиться к нему за деньгами, о которых, несомненно, знал прежде.

[251] - Сведения эти доставлены Я.Г. Несмеловым.

[252] - См. у Измайлова, стр. 160.

[253] - См. Историческую Записку стр. 19–20.

[254] - Воспоминание юности, Графа М. Толстого. См. Душеполезное Чтение. Июль. 1866 г. Отд. 11, стр.47.

[255] - Там же стр. 46.

[256] - Высокопр. Филарет был тогда Ректором Санкт-Петербургской Академии и дважды приезжал ревизовать Московскую Академию и Вифанскую Семинарию. Сведения эти были сообщены мне лично сыном А.Р. Сергиевского Протоиереем Филаретом Ал-чем Сергиевским бывшим в эту пору (в 1866 г.) Экстра-ординарным Профессором МДА.

[257] - Когда бывало рассуждал об этом покойный Высокопр. Антоний, то высказывался так: Да! речено в притче Господней: «не доброе ли семя сеяно бысть, откуду же убо плевелы...» И был ответ: «враг человека сотвори сие,.. который, спящим приставником, всеял это семя плевельное...» и действительно совершается в последнее время подобное всеяние плевельное, которое, избави Бог, может оказаться таким же произрастанием, о котором говорится, что ни орут, ни сеют, а само оно родится... Об этом изложено подробно фактически в Биографии Высокопр. Антония, потому здесь говорить было бы повторением. – Авт.

[258] - Слова в Исторической Записке по случаю юбилея.

[259] - Покойный Владыка Антоний, Архиепископ Казанский, сделал при этом приписку в своей рукописи такую: «Да! А ныне-то что видим?! Если кто из семинарских наставников изъявляет желание принять сан священства, то уж непременно с условием, чтобы дан был ему приход и возможно лучший, или же проситель-призванник прямо метит, чтобы кроме наставнической должности при Семинарии занять одновременно должность законоучителя в каком-либо светском заведении. А о призванничестве к монашеству воспитанников Академии вот уже десять лет и слыхом не слышно; даже и вдовые священники, поступающие в Академию, не возгревают в себе этого призвания, как особенного дара духовного.

[260] - В Исторической Записке, стр. 3.

[261] - В миру Андрей Казанцев, – в монашестве Евгений, бывший впоследствии Архиепископ Ярославский. Приводимые теперь слова мы берём из надгробного слова, сказанного при погребении сего Святителя бывшим Московским Протоиереем А.О. Ключаревым, ныне Амвросий, Архиепископ Харьковский.

[262] - В автобиографии в Бозе почившего Платона, Митрополита Московского, читаем: «Всю суету мирской жизни воображая, Платон ублажал безженную жизнь и уединённую, а оную мирскую оплакивал, а

через то и борьбу плоти облегчал. Уединённая монашеская жизнь, – рассуждал он, – кроме того, что подаёт меньше случаев ко греху, много содействует и к богомыслию, и к приобретению просвещения беспрепятственным упражнением в мудрости не токмо духовной, а и мирской. Так рассуждал Платон, и потому, когда впоследствии Государыня Императрица ЕКАТЕРИНА II, избирая его, Платона, в учители к сыну своему Государю Наследнику, спросила: – «почему он избрал монашескую жизнь»? – Платон ответствовал, что «по особой любви к просвещению». На сие Императрица сказала: «да разве нельзя в мирской жизни умножать просвещение?» – «Льзя, – ответствовал Платон, – но не столь удобно, сколько в монашеской жизни, где он по всему свободен». – Сей ответ решил Императрицу в избрании его в учители». – Душеполезное Чтение 1887 г. Август, стр. 385».NB: Нужно заметить, что автобиография писана была Платоном в третьем лице. – Платон был пострижен в монашество на 21 году от рождения – 14 Августа 1758 г.

[263] - Указание было прежде – именно в слове о. Ключарёва.

[264] - См. в Истории Сибирской академии, стр. 183.

[265] - Надгробное слово, сказанное бывшим Инспектором Киевской Духовной Академии Архимандритом Иоанникием.

[266] - В само́м церковном чинопоследовании пострижения в монашество отнюдь не выражается ничего подобного, а напротив ясно изображается «вся жестокость жития иноческого"...

[267] - Письмо это было написано в 1840 г. бывшему в мире Якову Гавриловичу Амфитеатрову, покойному Высокопреосвящ. Антонию, Архиепископу Казанскому.

[268] - См. письмо к П.С. Алексинскому, писанное в Бозе почившем из Казани, в бытность его здесь Архиепископом.NB: В своём месте увидим, что Высокопр. Филарет некоторых лиц в Киевской Академии даже отклонял от принятия монашества, а иным предсказывал недоброе впоследствии, что и сбывалось к прискорбию.

[269] - Слова из Высочайшей Грамоты.

[270] - Слова из письма Обер-Прокурора Князя Голицына к Августину, Архиепископу Московскому.

[271] - См. в Исторической Записке – в речи Высокопр. Филарета, Митрополита Московского, при праздновании юбилея Академии.

[272] - См. Исторические Записки, стр. 2.

[273] - Во время служения Филарета в Московской Академии были

только без ревизии, а третья была уже после него через год, о чём увидим позже.

[274] - См. Записки Филарета, лист 2, стр. 1 и последние дни жизни его, стр. 22.

[275] - Тотчас, по кончине Высокопр. Филарета Киевского, была послана бывшим тогда Ректором Киевской Академии, Архимандритом Антонием (покойным Архиепископом Казанским) телеграмма к Высокопр. Филарету Московскому. Тотчас же и от него последовала ответная в следующих буквальных словах: «Разделяю печаль не только Киевской паствы, но всей Российской Церкви, а потом и вашу. Припадите к стопам в Бозе почившего Владыки с мыслию обо мне и с последним на земле от меня целованием благоговения и любви, да помолится, да иду по нём в мире». (Подлинная телеграмма хранится у меня в целости).

[276] - См. Записки о жизни и времени Святителя Филарета Митрополита Московского, составл. Н.В. Сушковым, – в Приложениях стр. 40.

[277] - См. некоторые воспоминания о Митрополите Московском Филарете Мих. Мих. Евреинова. Душеполезное чтение, Апрель, 1870 г. отд. II, стр. 134.

[278] - См. Исторические Записки, стр. 19–20.

[279] - См. Душеполезное чтение. Март 1866 года, стр. 218–219.

[280] - См. в Чтениях Московского Общества любителей духовного просвещения в примечании № 201. Отношение Князя Волконского к Преосв. Августину от 27 Августа 1816 г.

[281] - См. в Исторической Записке, стр. 37.

[282] - Слова из тропарей Св. Преподобному Сергию Радонежскому Чудотворцу.

[283] - Из разговоров между Высокопр. Филаретом и бывшим Наместником Лавры Архимандритом Антонием в 1842 г.

[284] - В Бозе почивший великий Первосвятитель Филарет Московский удостаивал меня не раз своих воспоминательных бесед о Высокопр. Филарете Киевском именно во время проживания его в Ските Гефсиманском в описываемую пору. Одно из заметнейших при этом выражений его было таково: «Да, поистине по имени его (Филарета Киевского) было тако и житие его». Со скорбью вспоминал он при этом, что не виделся с Киевским Филаретом, при жизни его, в течение 14 лет (с 1842 г.); причём прибавил: «и это собственно моя уже вина и, даже точнее,

невыполнение моего обета сподобиться когда-либо побывать в Киеве и в Св. Печерской Лавре. Было мне от Киевского Владыки не раз и напоминание об этом, но немощи мои напоминали об одном – сидеть дома». В архиве духовного собора Киево-Печерской Лавры есть собственноручное письмо Высокопр. Филарета Московского, в котором он, выражая сказанные мысли, препроводил от себя священные сосуды в приношение Лавре с просьбой дать им место и употребление в одной из пещерных церквей. Письмо это в полуофициальной форме было на имя Высокопр. Филарета Киевского и им сдано с резолюцией в Лаврский Духовный Собор к исполнению. Копию с этого письма, имеющуюся у нас, мы помещаем здесь во всей точности:«Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Архипастырь и Отец!И моё многолетнее желание и Ваше неоднократное, привлекательное для меня, приглашение до сих пор не достигли того, чтобы я мог прийти во святую Киево-Печерскую Лавру, и повергнуться пред её Святыней. И на недальний путь к Лавре Преподобного Сергия, вот несколько уже месяцев смотрю и не знаю, будет ли, наконец, дано мне пройти его на сих днях. Когда так неудобно нести по желанию тело тленное, по выражению Премудрого отягощающее душу: да пошлётся в желаемый путь хотя нечто, не так неудободвижное, – мысль благоговения, желание любви и молитва веры, поскольку даровано моему недостоинству иметь сии, и при сём какое-нибудь знамение богомольца, отдалённого телом, но подвизающегося приближаться духом к избранной Обители Пресвятой и Преблагословенной Владычицы нашей Приснодевы Богородицы и к Собору Святых Печерских Подвижников и Чудотворцев Антония и Феодосия и прочих.В сих расположениях при сём препровождаю к Вашему Высокопреосвященству священно-служебные сосуды для Божественной литургии и покорнейше прошу сие смиренное приношение удостоить есть ли (так в подлиннике) не ежедневного, то частого употребления в одном из Пещерных храмов, по Вашему благоусмотрению и ко мне снисхождению. Уповая при сём на Вашу любовь, что немощная моя молитва подкреплена будет Вашей молитвой, с совершенным почтением, и я же о Христе Господе, любовью пребываю Вашего Высокопреосвященства, покорнейший слуга Филарет, Митрополит Московский. Москва Июня 24 д. 1845 г.» – Резолюция Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Киевского, последовала на подлинном письме таковая: «17 Августа 1845 г. Пожертвованные Его Высокопреосвященством, сребро-позлащенные сосуды, внося в опись, отдать в Ближне-Пещерную Преподобного Антония Церковь для всегдашнего употребления при совершении Божественной

Литургии».

[285] - «Теперешний академический сад, – пишет в своих воспоминаниях юности Граф М. Толстой, – насаждён студентами VII курса, причём и я работал вместе с ними». См. Душеполезное чтение, Июнь 1866 г. Отд. II, стр. 48.

[286] - Высокопреосв. Филарет рассказывал, что в бытность в Московской Академии он часто хаживал на пруды Вифанские и там тайком удил рыбу, в чём однако же, смиренно признавался бывшему тогда Архиепископу Августину. См. в Записках его.

[287] - В Записках Н.В. Сушкова (изд. 1868 г., стр. 38) говорится: у юного монаха (Филарета Дроздова) было, как говорят, любимой мечтой удостоиться по времени встать «гробовым у раки св. Преподобного Сергия".

[288] - О. Наместник, очевидно, разумел здесь Автора Н.В. Сушкова, который за несколько лет до кончины Высокопр. Филарета Московского начал составлять «Записки о жизни и времени его» и издал их немедленно по кончине его – в самом начале 1868 г.

[289] - О. Наместник А. Антоний был тоже духовником своего Владыки Митрополита Московского Филарета.

[290] - См. Душеполезное Чтение 1866 г. Июнь. Отд. II стр. 48–53.

[291] - Вот эти лица:I. Наместник Лавры о. Архимандрит Афанасий, определённый на эту должность около 1819 г. – а прежде известный – послушливый и смиренный Иеромонах, дух смирения в котором столь был высок и глубок, что когда упрекали его как Наместника в излишней снисходительности, – он говорил только: «куда мне исправлять других! сам я окаянный грешник».II. Духовник Лаврской братии соборный Иеромонах Иона, из вдовых Протоиереев и настоятелей Московской университетской церкви, наложивший, между прочим, на себя обет молчания и исполнивший его в течение шести лет.III. Монах Игнатий из монастырских штатных служителей, строгий постник и подвижник, и составитель, при всей своей малограмотности, многих длинных, как сказано в подлиннике, хартий о духовных предметах, даривший эту свою работу академистам и преимущественно Ф.А. Голубинскому, – которою этот христианский философ весьма дорожил.IV. Монах Леонтий со св. Афонской горы, пришествие которого в Лавру было буквально пророчественно, предуказано Митрополитом Платоном по особенному ему откровению. Он был назначен на служение при часовне Божией Матери, которое и нёс до самой кончины, оставшись навсегда, по

глубокому своему смирению, простым монахом.V и VI. Монах Харлампий, в старости принявший схиму с именем Харитона, – и схимник Матфий. Оба они были старцы благоговейные и строгие постники. По кончине их вскоре открылось и засвидетельствовано событие, ясно указующее, какие благодатно духовные дары стяжали они ещё в дни своей смиренно-подвижнической жизни.Событие это следующее: «одна девица пожелала поступить в монастырь, но Игуменья никак не согласилась принять её без надлежащего взноса денег, которых просительница не имела. Когда однажды, среди тяжкого горя, девица уснула в келье одной из монахинь, то увидела во сне, что два схимника молятся о ней перед иконой Божьей Матери. Через эту икону Матерь Божия ответила им, что исполняет прошение их. Икона скрылась, а схимники обратились к девице, сказали: «завтра иди к Игуменье «будешь принята». Девица во сне бросилась к ногам старцев и спросила: «батюшки, как же мне вас назвать и откуда вы? Старцы ответили: »мы из скита Гефсиманского, Схимонахи – Харитон и Матфий. На другой день, когда девица явилась к Игуменье и пала к ногам её, то Игуменья, поднимая её, сказала: «приходи, приходи; приму и ничего не надо: видишь, за тебя восстают схимники Гефсиманского скита». (См. Душеполезное Чтение, 1866 года, стр. 53 и монастырские письма, изд. 2, стр. 39–41).

[292] - Так, например, в кратком жизнеописании Преосв. Кирилла, впоследствии Архиепископа Каменец-Подольского), по Академии же Московской бывшего непосредственным преемником ректора Филарета, – пишется следующее: «С юных лет моих (Преосв. Кирилл был из воспитанников Троицкой Семинарии и к тому же, из числа так называвшихся Платонников) Вифания была предметом услаждения. Во дни Митрополита Платона мало ещё населена была пустыня Вифанская, но слыла вместе с Корбухой вместилищем красоты, и природы и наслаждений (deliciarum)». См. полное собрание слов и речей Кирилла, Архиепископа Каменец-Подольского и Брацлавского (Часть 1, Москва, 1854 г., стр. 11). В частности привлекали к местностям Вифанской и Корбуховской, находившиеся там пруды, обиловавшие в своё время рыбой. О Филарете, Митрополите Московском, говорится в Записках о его жизни, – что «он любил потешиться ловлей рыбы: смело с рыбачьей сетью впереди своих товарищей на заводи, как говорится у рыбаков, носился юноша (Василий Дроздов на Вифанских глубоких прудах» (стр. 33). Высокопр. Филарет (Киевский), как уже было замечено, в бытность в Московской Академии часто хаживал на пруды Вифанские и там тишком удил рыбу. Покойный Ярославский Архиепископ Леонид, вспоминая о

молодых годах своей жизни, писал также, что он любил ездить верхом по местностям Вифании и Корбухи, тогда бывшей ещё глухой лесистой чащею (см. Воспоминание о Высокопр. Леониде, составленном Высокопр. Саввой, Архиепископом Тверским).

[293] - Факт этот изложен в числе других из жизни в Бозе почившего Высокопр. Филарета, бывшего Еп. Самар. Герасимом и напечатан в Самар. Епар. ведом. 1871 г. № 18. Мне – пишущему приводилось слышать об этом ещё ранее от О. Наместника Лавры А. Антония – именно в 1866 г.

[294] - Хотьков женский монастырь в 12 верстах от Сергиевой Лавры основан на месте погребения блаженных родителей Св. Преп. Сергия – Кирилла и Марии.

[295] - Речь была произнесена при наречении Иоанна в Епископа Ревельского – Викария СПб. Митрополии 15 Января 1865 г., а Юбилей например Московской Академии был 1 Октября 1864 г. – а Санкт-Петербургской Академии, в которой был Ректором Преосв. Иоанн ещё ранее.

[296] - См. Последние дни жизни. Киев, изд. 1858 г.

[297] - Слова в официальной выписке, составленной из дел архива Калужской Консистории и из других документов.

[298] - Высочайшее назначение Высокопр. Филарета Митрополитом Киевским в 1837 г. было тоже в первый день св. Пасхи, 17 Апреля.

[299] - Замечательно, что всё подлинное делопроизводство о назначении, наречении и посвящении Высокопр Филарета в Епископы, начиная с этого Указа, помеченное рукой Митрополита Московского Серафима – так: «Получ. 1819 года Апреля 28 дни. Отослать в Консисторию для надлежащего по указу сему исполнения» и оканчивая самым экземпляром подлинной, собственноручно подписанной Архимандритом Филаретом, Архиерейской присяги, оказалось в его бумагах, как его собственность, а не попала в надлежащий архив. Из этого-то подлинного делопроизводства мы извлекаем настоящее изложение.

[300] - В биографии Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского, вкрались у нас ошибки в том, что под именем Архиепископа Досифея указано на Досифея Орловского, бывшего недоброжелателя Высокопр. Филарета, в бытность его на службе в Севской Семинарии. В настоящем месте разумеемый Архиепископ Досифей был из Грузинов, Архиепископ Телавский, проживавший на покое в Москве с 1817 года. Орловский же Досифей в этом же 1817 г. уволен был на покой и управлял Трубчевским-Чемским монастырём, где и скончался в 1827 г.

[301] - Указ от 29 Мая за № 396.

[302] - Составить эту выписку и доставить просил покойный Преосвящ. Антоний, Архиепископ Казанский, как необходимый материал для биографии Высокопр. Филарета, в первых же годах по кончине последнего.

[303] - Многие из этих сведений достаточно восполняются другими подобными же подлинными сведениями, взятыми из дел архива Калужской епархии, и изложенными у прежде поминавшегося Автора статьи (в Калужских епархиальных Ведомостях), а также некоторыми частными, письменными сведениями, которые все, по их значению, и войдут в наше изложение.

[304] - В Записках, на листе 3.

[305] - См. выписку стр. 3.NB: У автора статьи в Калужск. епарх. Ведомост. в прибавлениях (№ 7 и № 8) 1884 г. 30 Апреля) допущена, очевидно, ошибка в словах, что Преосв. Филарет служил литургию ежедневно(?) Самая ссылка его на Правосл. Собеседн. 1879 г. оказывается тоже неверною. – Авт.

[306] - Слово при прощании с Калужской паствой. См. Воскр. Чтение, издававшееся Киевской Академией, год XI.

[307] - Касательно образа действования на раскольников и самих мер к устранению совращений в раскол Высокопр. Филаретом были составлены пространные правила, которые будут изложены в своём месте за время служения его в Казанской епархии. Изложение этих правил на двух с половиной листах имеется у нас написанное рукой Высокопр. Филарета с перемарками по местам собственноручными же. – Авт.

[308] - См. выписку, стр. 7.

[309] - Это письмо Священника Иакова Андр. Зверева к покойному Преосв. Антонию, бывшему тогда ещё Викарию Киевскому, которому писавший Священник был товарищем по риторическому классу в Калужской Семинарии.

[310] - См. выписку, стр. 2.

[311] - Таково известное свидетельство о Св. Иоанне Златоусте, при котором видимо присутствовал св. Ап. Павел, когда первый излагал толкования на Послания последнего.

[312] - Издание этих бесед, действительно, тогда же распространилось не только в Калужской пастве, но и по разным местам, так что можно встречать и теперь экземпляры в библиотеках при учебных заведениях,

монастырях, церквах в разных губерниях и у многих частных лиц.

313 - А впоследствии увидим, что Высокопр. Филарет выступил (в сороковых годах) открыто против возобновлявшихся попыток перевода В.З. на Русский язык. А наконец, пред самой кончиной (в 1856–1857 г.) и когда самим Св. Синодом было решено приступить немедленно к такому переводу всей Библии, – он вошёл со своим особым мнением в отрицание этого предприятия.

314 - Это – отношение к бывшему Обер-Прокурору Св. Синода Графу А.П. Толстому было от 21 Декабря 1856 г. За № 1233; оно же, с тем вместе, по местам, выправлено так, что было адресовано и на имя Высокопр. Филарета Митрополита Московского.

315 - См. Историю перевода Библии на Русский язык. Христ. Чтение. 1873 г. Май, стр. 57.

316 - Прибавление к Калужским епарх. Ведомостям № 7 и № 8, 1884 г.

317 - Архив Калужской духовной консистории, дело за 1820 г. № 4260.

318 - Там же, за 1821 год, № 4480.

319 - Там же. Дела за 1820–1824 гг. № 4425, 4785, 4276, 4336, 4240, 4327, 4454, 4744, 4480, 4940, 4150 и 4245.

320 - Архив Калужской Духовной кон. Дело за 1824 г. № 4936.

321 - Там же. Дело за 1823 г. № 4578.

322 - Там же. Дело за 1824 г. № 4782.

323 - Там же. Дело за 1824 г. № 4909.

324 - Там же. Дело за 1824 г. № 4744.

325 - См. выписку, стр. 2.

326 - См. выписки, стр. 5–6.

327 - См. Записки, лист 2 на обороте.

328 - Дело 1819 г. № 4174.

329 - См. Прибавл. к Калуж. епарх. Ведомостям 1884 г. № 7–8, стр. 174.

330 - См. Записки, лист 2 на обороте.

331 - Издан в 1862 г.

332 - Слова из Исторического описания Скита.

333 - Слова, сказанные Высокопр. Филаретом Козельскому Голове в бытность его, в сане уже Митрополита Киевского, в Ските проездом в 1837 г.

334 - Это же самое совершилось, но особенным знаменательным образом, в самом городе Калуге, где был перед посещением пустыни

Высокопр. Филарет. Этот последний факт передан мне лично одним очевидцем – ныне Генералом Серг. Павл. Толстым, живущим в г. Казани, где он знал лично, бывши ещё мальчиком, Высокопр. Филарета в бытность его Архиепископом Казанским. Указываемый факт мы приведём в своём месте.

[335] - Действительно, с Мая 1842 г. Скит не имел более утешения видеть в скромном уединении своём любимого Владыку до самой его блаженной кончины (последовавшей 21 Декабря 1857 г.)

[336] - Самое историческое описание Скита (изд. 2, 1862 г.) украшено также портретом в Бозе почившего Митрополита Филарета.

[337] - Слова из выписки Консисторской.

[338] - Из сведений об отъезде и проводах Преосв. Филарета из Калуги.

[339] - См. выписку, стр. 3.

[340] - То же увидим и во время служения его в Казани, где он устроил было собственно для себя помещение в Раифской пустыни, наконец и в самом Киеве, где устроена была им для сего Голосеева пустынь.

[341] - Черновые собственноручные прошения его имеются у нас в материалах.

[342] - См. Последние дни, стр. 7–17.

[343] - Даже и в общественно-политических, что увидим в своём месте по поводу крестьянско-помещичьих движений в Киевском крае (1846–1847 г.). Факт этот, весьма замечательный, будет изложен с подлинных документов.

[344] - Письма эти напечатаны в Полтав. Епарх. Ведомостях 1865–1866 гг. В числе этих писем находятся и письма Высокопр. Филарета к Настоятелю Оптинской пустыни – о. Игумену Даниилу. Содержание этих писем по местам будет представлено в выдержках.

[345] - См. в прибавл. к Калужск. Епарх. Ведомостям 1884 г.

[346] - См. выписку, стр. 4.

[347] - Архив Калужской Духовной кон. Дела за 1819, 1821 и 1823 г. № 4243, 4269 и 4847.

[348] - В своём месте было замечено, как свято чтил сам Высокопр. Филарет самые выражения слова Божьего, когда даже благоговейно целовал их, и в самом произношении их не дозволял употреблять обыкновенное, разговорное произношение, например, вместо Отца – атца, вместо во имя – ва имя, святого – святова.

[349] - Архив Калуж. Духовной консистории. Дела за 1819 г. № 4177,

4171, 4159, 4160, 4144, 4141 и др.

[350] - Там же. Дело за 1819 г. № 4220 и др.

[351] - Письмо Священника А.И. Ростиславова от 23 Марта 1859 г.

[352] - См. тоже письмо А.И. Ростиславова.

[353] - В 1884 г. мы осматривали эти помещения, тогда как незадолго перед этим временем приобретён уже новый дом для жительства архиерейского – в далёком расстоянии.

[354] - См. выписку, стр. 2.

[355] - См. письмо Священника Ростиславова.

[356] - Слова из рассказа о. Георгия, родителя Высокопр. Филарета.

[357] - Слова из рассказа родной сестры Высокопр. Филарета.

[358] - Это лицо, бывший законоучитель Орловского Бахтиво-Кадетского Корпуса – заслуженнейший о. Протоиерей Евфимий Остросмысленский, с которым я имел честь лично беседовать по излагаемому предмету в бытность в Орле в 1871 году, причём он сообщил мне некоторые дополнения к ним.

[359] - В одном из писем Высокопр Филарета к Иннокентию (Херсонскому) читаем: Я сам до самой философии ходил в лаптях, а иногда и босиком,.. и не только в халате, но в сером зипуне. – Труды Киевской Дух. Акад., 1884, Апрель.

[360] - Забавность собственно для детей-внучат представлена в Биографии Высокопр. Антония, – что знают читавшие. О весёлости же характера его было замечено ещё при проводах Владыки Филарета из Уфы в Тобольск.

[361] - Высокопр. Филарет действительно награждён был ещё в 1839 г. уже орденом Св. Ап. Андрея Первозванного по случаю воссоединения Униатов в Белорусском крае, торжество которого совершено было им в г. Витебске, в послужении с ним бывшего тогда Епископа Полоцкого и Витебского Исидора, нынешнего Высокопреосвященнейшего Митрополита Санкт-Петербургского.

[362] - Вообще о Преосвященном Августине он свидетельствовался подобно тому, как это было при посещении им впоследствии самой могилы, о чём уже известно читателям.

[363] - Письмо это было из Казани от 2 Июля 1832 г. к П.Ст. Алексинскому вскоре после смерти брата Владыки Филарета о. Гавриила и по поводу сиротства его семейства.

[364] - Яков Григорьевич Несмелов, в бытность мою у него в Могилёве в

1867 г., сам передавал мне подробный излагаемый разговор, выразившись между прочим, так: «да, меня Филарет сильно тогда пропекал при моем батюшке за то, что я не кончив курс в Московской Академии, перешёл в Университет, но и тут тоже не докончил курса».

[365] - Эти сыновья – Пётр и Иван Григорьевичи Несмеловы впоследствии были оба заслуженными и особенно чтимыми в городе Уфе Протоиереями, особливо первый. О работах своих при постройке дома они любили и сами рассказывать, – равно как и ещё о постройке церкви на кладбище, когда они собственными же трудами участвовали в этом деле, и, главнее всего, сами лично были сборщиками всяких средств. Об этом будет речь в своём месте.

[366] - Эта привычка о. Григория делать всё своими руками, сохранившаяся до глубокой старости, послужила причиной и самой смерти его. Он щипал лучину и так усердно нажимал на косарь ногой, что натёр страшную мозоль, которая прорвавшись, разболелась так, что образовался антонов огонь, отчего старец и скончался.

[367] - Письмо из Санкт-Петербурга от 29 Ноября 1838 г.

[368] - Жертвование эти были гораздо ещё в большем количестве, как увидим в своём месте.

[369] - См. в Калужских Епархиальных Ведомостях 1884–85 гг.

[370] - В виду того, что к удивлению и прискорбию, в среде и Православных и даже образованных лиц, и едва ли не справедливо сказать, в самом большинстве, содержание указываемых ектенийных возношений и молитвы, положенных в чинопоследовании в Неделю Православных, не известно, а напротив самое это чинопоследование понимается своеобразно, именно в смысле одних лишь страшных прещений, выражающихся в анафематствованиях, в значении исключительных будто бы проклятий, – почитаем уместным выписать здесь несколько выражений из подлинного текста ектении и молитвы.«Не хотяй смерти грешных обрати всех отступивших к Святой Твоей Церкви, да и противящиеся обратившеся, в купе с верными истинною верою и благочестием Тебе Бога нашего прославят... и да истинная любовь царствует в сердцах всех и коегождо к ближнему своему, – молимтися, Спасителю наш»! (Это в ектении).В молитве же, читаемой обыкновенно Архиереем, глубоко знаменательные слова, между прочим следующие: «Исповедуем, Господи, великое Твое и бесприкладное человеколюбие и милосердие во еже быти спасенным нам всем, укрепляемым всесильною Святого Твоего Духа благодатью. Но, видящее многих поползновение, прилежно Тя, Всеблагий

Господи, молим: призри на Церковь Твою и виждь, яко Твое спасительное благовестие аще и радостно прияхом, но терние суеты и страстей творить оное в неких малоплодно, в неких же и бесплодно, и по умножению беззаконий, овии ересьми, овии расколом противяся Твоей Евангельской Истине, отступают от достояния Твоего, отревают Твою Благодать и повергают сами себя суду Твоего Пресвятого Слова. Премилосердый и Всесильный, не до конца гневайся, Господи! буди милостив, – молит Тя Твоя Святая Церковь, представляя Тебе Начальника и Совершителя спасения нашего Иисуса Христа, буди милостив нам, укрепи нас в Православии силою Твоею, – заблуждающим же просвети разумные их очи светом Твоим Божественным, да уразумеют Твою истину: умягчи их ожесточение и отверзи слух их, да познают глас Твой и обратятся к Тебе Спасителю нашему. – Подаждь, Господи, и пастырем Церкви Твоея святую ревность, и попечение их о спасении и обращении заблуждающих духом Евангельским раствори: да тако вси руководими достигнем, и деже совершение веры, исполнение надежды и истинная любовь, и тамо с лики честнейших небесных Сил прославим Тебя Господа нашего – Отца и Сына и Святого Духа вовеки веков, – аминь.Что Высокопр. Филарет действовал сам так, а не иначе, именно в молитвенном настроении духа, при собеседованиях с заблуждающими со святою целью их вразумления и обращения, – об этом читающие увидят особенно назидательные сведения в делах миссионерства его в Казанской Епархии в среде инородцев. В этом именно духе и образе действования им была составлена подробная Инструкция и для всех миссионеров. Вот например, самый первый § в этой инструкции:«Как обращать сердца человеческие к спасительной истине, принадлежит Единому Богу: то миссионерам, назначенным на сие важное, святое служение, перед начатием сего подвига надлежит приготовить себя постом, молитвою и проч.». Покойный Высокопр. Антоний, при чтении настоящего изложения, сделал самые краткие заметки карандашом, а потом повторил их более подробно в следующих словах: «Да, вот где и для нас всех истинная инструкция, как поступать во всех подобных действиях... А мы-то что и как делаем?! Мне самому частенько приходит мысль: ладно ли мы делаем, что например, сами же отыскиваем и пускаем на дело собеседования с раскольниками людей разного рода и звания, о которых, положим, узнаем достаточно, что они знакомы, как начётчики, с учением раскольническим... и могут так или иначе преодолевать их при взаимных словопрениях… но, увы! в каком духе, в каких чувствах всё это может происходить, – а отсюда и каков может быть плод…, не такой ли, как речено, какой от кимвала бряцающего и меди звенящей?! Правда,

когда из этих званных принимают иные духовное звание и даже сан священный, есть ещё ручательство за нечто лучшее; но по наблюдениям и опытам не оказывается, что в лице таковых, как книжных начётчиков, сбывается и другое речение, – τὰ πολλὰ γράμματα εἰς μανίαν ἀυτοῦς περιτρέπει... (по славянскому тексту: многие книги в неистовство их прелагают)... Мне небезызвестно, хотя по секрету, что иные из этих поллаграммотников, в своих объяснениях по части догматических истин проводят иногда, конечно по невежеству, а с тем вместе ради показания своего многознайства, своеобразные мысли и толкование... Итак, что ни говорить, а больше бы нужно взять нам в руки и инструкцию дядину миссионерам и его собственноличный образ и характер действования в отношении к заблуждающим, и паче всего – твёрдо-глубоко слагать в сердце своём, подобно ему же, всё содержание церковных молитвословий, которые ты, кстати, вместил здесь».

[371] - Дневник 1857 года 10 Сентября. Стр. 21.

[372] - Собственные слова Высокопр. Филарета, – последние, заключительные в его отношении к Обер-Прокурору Св. Синода Графу А.П. Толстому, по делу о переводе Св. Писания на Русский язык.

[373] - В конце главы XIV, стр. 293.

[374] - См. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского и Коломенского. Т. IV. Москва. 1886 г. стр. 244–262. Из всего изложения этого дела мы представим в конце все нужные, подлинные сведения, заключающиеся в отзыве Высокопр. Филарета Московского и в других документах по рассматриваемому делу, принадлежащих перу сего же Первосвятителя.

[375] - См. в Калужских Ведомостях.

[376] - О Библейском Обществе см. например «Чтение из Истории Русской Церкви за время царствования Императора АЛЕКСАНДРА I» соч. П. Знаменского 1885 г. О переводе же Библии на Русский язык см. Христианское Чтение 1872–1873 гг. Соч. г. Чистовича.

[377] - Вестник Европы 1868 г. кн. 8, стр. 613.

[378] - Христ. Чтение, 1872 г. кн. 3, стр. 423.

[379] - Государь Император АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ только что восприял св. Миропомазание на Царствование.

[380] - От 21 Декабря 1856 г. за № 1223.NB: Это же самое отношение было приготовлено тогда же и к Высокопр. Филарету, Митрополиту Московскому в буквальном изложении с малейшими лишь поправками

карандашом; но едва оно было отослано, о чём не вполне утвердительно высказывался покойный Высокопр. Антоний. Из последующих документов увидим, что это отношение Высокопр. Филарета Киевского не было отправлено к Филарету Московскому, так как, во-первых, оно было препровождено к последнему от г. Обер-Прокурора Св. Синода и притом по Высочайшему личному Повелению, а во-вторых, сам Филарет, Митрополит Московский в одной из своих бумаг к Обер-Прокурору как бы укорительно написал буквально так: «По справедливости можно пожалеть, что Высокопреосвященнейший Митрополит Киевский, имея в виду мнение полного Собрания Святейшего Синода, не обратился со своими сомнениями непосредственно к Членам Св. Синода, через что образовались бы частные конфиденциальные сношения для приведения дела в большую ясность, и можно было достигнуть того, чтобы дело вошло в Св. Синод, уже освобождённое от вида разногласия, что конечно было бы благовиднее. Прежде так и было поступаемо». И ещё: «Не войти ли теперь в новое сношение с Высокопреосв. Митрополитом Киевским прежде внесения дела в Св. Синод... Но это уже поздно и может вести к новым затруднениям,.. и тем паче, когда о сем даже доведено до Высочайшего сведения». Впрочем, в своём месте читающие увидят всё это в полном изложении. – (См. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского, т. IV, стр. 259, 260 и 262).

[381] - По местам, однако, мы не могли не сделать некоторых заметок в подстрочном тексте, в объяснение изложенных в подлинном сообщении мыслей в отношении к тому, что оправдалось в последующее время до наших дней. Заметки эти были отчасти высказываемы и покойным Высокопр. Антонием – Архиепископом. Казанским.

[382] - Записка, присланная от г. Обер-Прокурора Св. Синода Графа А.П. Толстого, была составлена Высокопреосв. Филаретом Митрополитом Московским и им доставлена была 14 Сентября 1856 года при письме к исправляющему должность Обер-Прокурора Св. Синода А.И. Карасевскому, которым она передана была вскоре же назначенному Обер-Прокурору Графу Толстому. В самом начале письма сказано так: «Святейший Синод поручил мне составить изложение, бывшего в оном 10 сего Сентября, рассуждение о переводе священных книг (Ветхого и Нового Завета) на Русское наречие» и пр. Это-то изложение и было озаглавлено словом: «Записка». (См. Собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского, т. IV, стр. 133).

[383] - Опыт и пример этого и показал сам же Высокопреосв. Филарет,

начиная с самого первого служения на пастве Калужской и оканчивая Киевом, где он экспромтом всегда говорил, вместо обыкновенных проповедей, беседы толковательные.

[384] - Это совершенно точно оправдалось и на новоизданном Русском переводе последнего времени. Например, в г. Казани, по нарочито собранным по желанию покойного Высокопр. Антония справкам, во всех книжных магазинах оказывается, что в самый первый год по издании Библии на Русском языке из 100.000 Православных жителей Казани было куплено частными лицами (в том числе и приезжими) только десятка два экз., а в последующее годы менее и менее.

[385] - Между тем это делалось во время составления нового перевода: так печатался, например, перевод бывшего Алтайского Архимандрита Макария (Глухарева) в Православном Обозрении.

[386] - Замечательно, что в письме своём к Обер-Прокурору Св. Синода, Графу А.П. Толстому (от 18 Августа 1857 г.) и сам Высокопр. Филарет Московский признал перевод Псалтири более не удовлетворительным, чем перевод Пятикнижия, которого несколько тысяч экземпляров (т. е. Пятикнижия) было сожжено. «Вот подлинные его слова в письме: «В переводе Псалтири критика могла найти более неудовлетворительного, нежели в переводе Пятикнижия Моисеева, но Псалтирь тогда оставлена была от суда свободною, а Пятикнижие осуждено». (См. Собрание мнений и отзывов, т. IV, стр. 261).

[387] - Эти последние сведения выслушаны были мною в 1867 г. в Киеве, когда были собираемы мною там биографические материалы.

[388] - Собственные слова Высокопр. Филарета. См. в Дневнике 1857 г. 7 Декабря, стр. 29.

[389] - Преосв. Антоний был в это время Ректором Киевской Академии.

[390] - При указании на Графа Сперанского, – говорил Преосв. Антоний, – дядя Владыка повторил почти слово в слово письмо Сперанского относительно несостоятельности Русского языка для вполне точного и удовлетворительного выражения при переводе Св. Писания собственно на Русское наречие. О письме этом мы встретили сведение и в дневнике бывшего Наместника Лавры, впоследствии Архиепископа Полтавского, Иоанна, – о чём и скажем в недалёком месте настоящего изложения.

[391] - «Все подобные выслушиваемые сведения, – говорил Преосв. Антоний, – даже записывал для себя вкоротке. И вот теперь, когда (в 1872–1873 гг.) стал читать я «Историю перевода Библии» соч. Чистовича,

напечатанную в Христ. Чтении, и что прочитал уже и ты, – то и вижу, что Владыка был посвящён во все, можно сказать тайны тогдашнего образа действий, начиная со времени Библейского Общества. Что я говорю теперь тебе, ты всем этим по возможности воспользуйся; это весьма важно в Биографии Владыки».NB: Выполнение этого и видят читающие, и да не осудят, если мы быть может, слишком продолжительно остановим их внимание на излагаемом деле. – Авт.

[392] - Здесь разумеется то, чтобы в новых изданиях Библии постепенно делать и вводить некоторые частные исправления, поставляя их на полях, или под чертой, – о чём сказано и в самом отношении к Обер-Прокурору. Самые же обстоятельства этого дела будут изложены в своём месте.

[393] - Разумеется здесь Санкт-Петербургские Митрополиты – Амвросий и Серафим.

[394] - Высокопреосв. Никанор – Митрополит Санкт-Петербургский.

[395] - Разумеется здесь Митрополит Санкт-Петербургский Григорий, поступивший только что в Сентябре 1856 г.

[396] - Разумеется Филарет, Митрополит Московский.

[397] - В этих приложениях изложены:а) Случай к Синодальному (в Москве в Сентябре 1866 г.) рассуждению о необходимости перевода Св. Писания;б) Ход Синодального рассуждения ив) проект этого дела, составленный Митрополитом Московским Филаретом. Приложения эти читающие увидят в своём месте.

[398] - Слова в молитве на литургии Св. Василия Великого, Владыка Филарет особенно любил повторять их… при подходящих предметах в разговорах.

[399] - Здесь, – говорил Преосв. Антоний, – разумеется вопрос об освобождении крестьян, – о чём действительно Высокопр. Филарет радел от всей глубины души, – что и засвидетельствовал в самые последние дни и даже часы своей жизни, о чём увидят читающие в своём месте в подлинных словах в Бозе почившего, записанных в дневнике бывшего Наместника Лавры и в напечатанных последних днях.

[400] - Эти самые слова читающие видели в заключении отношения к Обер-Прокурору от 21 Декабря 1856 г. за № 1233.

[401] - Первенствующим Членом Св. Синода стал быть в конце Сентября 1856 г. Высокопр. Григорий, Митрополит Санкт-Петербургский, бывший Архиепископ Казанский.

[402] - Сведения об этом деле подробно изложены в Биографии Преосв.

Антония; мы приведём их в своём месте за время служения Высокопр. Филарета в Киеве.

[403] - Из Истории перевода читаем: «Когда в 1824 г. не было уже Филарета Московского в Санкт-Петербурге, он был выслан в Москву и когда Митрополит Серафим поручил Григорию, бывшему тогда Викарию Санкт-Петербургскому, написать Митрополиту Филарету, чтобы он ничего не делал по Библейскому Обществу, – Епископ Григорий присовокупил от себя: «Он (Серафим) перевода Библии продолжать не велел нам: но мы, однако, будем продолжать... У нас всё ещё идёт брожение... и пр. (См. Христ. Чт. 1872 г. Апрель, стр. 668).

[404] - В Истории перевода (Чистовича) читаем: В переводе Нового Завета трудились: Архимандрит Филарет, Ректор Академии, – Архимандрит Поликарп, Ректор Петербургской Семинарии, – Архимандрит Григорий, Инспектор Санкт-Петербургской Академии (впоследствии Митрополит Санкт-Петербургский), – Иеромонах Кирилл (впоследствии Архиепископ Подольский), – Иеромонах Моисей (Архиепископ, Экзарх Грузии) и Священник Г.П. Павский. (См. Христиан. Чт. 1872 г., стр. 397).

[405] - Дневник 1857 г., стр. 29–30 на обороте.

[406] - Дневник 1857 г., стр. 30–31 на обороте.

[407] - Дневник 1857 г. 2 Янв. стр. 24 на обороте и 25–28.

[408] - Дневник 1857 г. 18 Января, стр. 8 на обороте.

[409] - Собственные слова Высокопр. Филарета Киевского, сказанные Обер-Прокурору Графу Протасову.

[410] - См. Душеполезное Чтение, стр. 183 в статье из записок Преосв. Платона.

[411] - Надобно заметить, что Высокопр. Филарет в эти годы дважды подавал прошения об увольнении его навсегда от присутствования в Св. Синоде; но ни одному прошению не давали ходу.

[412] - Есть печатный (в Рус. Старине факт такого рода. У Митр. Серафима были в частном собрании вечернем митрополиты: Киевский, Московский, и Иона (бывший Экзарх Грузии). Митрополит Серафим вдруг за разговором сказал: «да что же нам не подают чаю. Поди ка ты, Московский, распорядись, – Филарет со смиренным поклоном приказывающему, пошёл, распорядился… и чай принесли».

[413] - Подробный рассказ об этом помещён нами в Биографии Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского.

[414] - Дело это изложим мы в возможно сокращённом виде, чтобы только дать читающим понятие о сущности и ходе дела и, в частности об участии и прямых действиях по этому делу Высокопр. Филарета.

[415] - Автором этого письма был бакалавр Московской Академии Иеромонах Агафангел, позже Епископ Вятский, наконец, Архиепископ Волынский. Сушкова, Записки о жизни м. Филарета, стр. 89. Чтения в Общ. Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. 4, смесь, стр. 184. Наконец «собрание мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского», изданное под редакцией Преосв. Саввы, Архиепископа Тверского, т. III.

[416] - Экземпляр этот доставлен Киевскому Митрополиту по его требованию Ректором СПб. Духовной Академии, Архимандритом Афанасием (Дроздовым).NB: Все эти сведения мы заимствовали из «Истории перевода Библии на Русский язык» соч. г. Чистовича, где буквально изложенное здесь же приписывается Филарету, Митрополиту Киевскому. (См. Христиан. Чтение 1872 г. Май стр. 102–103). Но это же самое в том же буквальном изложении мы встретили в недавно вышедшем (в 1887 г.) «Дополнительном пятом томе «Собрания мнений и отзывов Филарета, Митрополита Московского, именно под № 28 на стр. 93–94. Спрашивается: где более правды? В «Истории» ли, или в «Собрании»? Предоставляем это разрешить людям сведущим. Недоумеваем мы ещё и о том, что фамилия Графа Обер-Прокурора в Истории всюду напечатана «ПрАтасов – а в Собрании – всюду же – «ПрОтасов». Мы держались последнего.

[417] - Разумеется запрещение Библейских Обществ в России.

[418] - Разумеется воссоединение Униатов с Православной Церковью, последовавшее в 1839 году.

[419] - См. в Записках г. Сушкова об увольнении Киевского и Московского Митрополитов в епархии, в Чтениях в Обществе Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. IV, Смесь, стр. 184.

[420] - Чтения в Обществе Ист. и Древ. Росс. 1869 г. кн. IV, Смесь, стр. 185. Другое составление этого отношения приписывали тогдашнему Ректору Санкт-Петербургской духовной Академии, Архимандриту Афанасию (Дроздову). Впрочем, одно другому не противоречит.

[421] - Чтение в Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. кн. IV. Смесь, стр. 185.

[422] - Трудно сказать, – замечает Автор Истории перевода Библии, – было ль это отбытие Киевского Митрополита в свою епархию до окончания сделанного Комиссии поручения, случайностью или действием, устроенным преднамеренно: но во всяком случае, после него Комиссия

стала относиться к делу мягче и проще сравнительно с тем, как повела его сначала. К этому примечанию Автора Истории перевода мы должны присовокупить, что последнее (т. е. преднамеренность) было несомненно. Это видно из прежде изложенного разговора между Филаретом и Графом, а с другой стороны – из прямых слов Митрополита Серафима, которые встретим в своём месте и которые относились к обоим Филаретам в том именно смысле, что им скоро-скоро придётся быть спроваженными... Да и сам Высокопр. Филарет прямо высказывал, что его шаркнули из Синода. Наконец, если Филарет Киевский выехал с полным благодушием и даже с радостью из пленения, – по его выражению, – вавилонского во свою сторону Сионскую, – зато сейчас увидим, что было с Филаретом Московским и что и как должен был чувствовать последний...

[423] - См. в Истории перевода у г. Чистовича.

[424] - Русская Старина Декабрь 1885 г. стр. 498.

[425] - Читающие припомнят рассказ Наместника Лавры об устроении Скита на Корбухе и о самом состоянии Митрополита Филарета в эту именно описываемую пору…

[426] - Перевод Архимандрита Макария выходил по частям и появление его было отчасти ранее перевода Павского.

[427] - Берём часть материалов из той же Истории перевода Библии г. Чистовича, а всё прочее из известных нам данных.

[428] - Слова Митрополита Серафима Санкт-Петербургского, сказанные лично Филарету, Митрополиту Киевскому по случаю взаимных между ними рассуждений по делу о переводе Архимандрита Макария (Глухарева).

[429] - Слова Высокопр. Филарета (Киевского), сказанные лично Архимандриту Макарию. По Славянскому переводу эти слова: – Беснуешися ли… многия тя книги в неистовство прелагают. (Деян. 26:24)

[430] - Это свидетельство покойного Преосв. Леонида, пользовавшегося известностью, Викария Московского и затем бывшего Архиепископом Ярославским. (См. Воспоминание о Высокопр. Леониде, Архиепископе Ярославском и Ростовском. Составлено Саввой, бывшим Епископом Харьковским, ныне Архиепископ Тверской и Кашинский. В особом приложении, стр. 23. Изд. Харьков. 1877 г.), В своих воспоминаниях Преосв. Леонид пишет, что «он знал Павского, который был прежде законоучителем в пансионе, где обучалась его старшая сестра, и что при нём было и то, когда приехал к нему придворный лакей и подал пакет, из которого тут же стало известно, что Павский назначается законоучителем

к Наследнику Престола. Большой рост, но неуклюжий стан, большое лицо с рябинами, курчавая голова Павского действовали на меня очень неприятно». Там же, стр. 22–23.

[431] - В Истории перевода Библии на Русский язык читаем: «Архимандрит Макарий начал свой перевод с книги Иова и вероятно, потому, что Библейское Общество довело свой перевод до этой только книги. Следовательно, А. Макарий явился продолжателем дела Библейского Общества. Отправляя в 1837 г. свой перевод в Комиссию Дух. Училищ, Макарий послал в то же время прошение, или как он сам называет его, письмо на Высочайшее Имя, прося Высочайшего повеления о рассмотрении перевода его в Комиссии Дух. Училищ и об издании его на суммы Комиссии. В этом пространном прошении или письме замечательно, напр. одно то, что выражение: «Всемилостивейший Государь, Всемилостивейший Государь употреблено в начале почти каждого пункта, так что выходит по счёту около десяти раз. «Затем в 1839 г. Архимандрит Макарий представил Государю перевод книги Прор. Исаии также с прошением или письмом. И полагая, что первое его письмо на Высочайшее Имя по обстоятельствам затерялось (?), или что множество дел не оставляло Его Величеству досуга на то, чтобы прочитать его, – Макарий «счёл за нужное, по важности истин, изображённых в том письме, снова представить список с него Государю»...

[432] - В этом роде он писал в особенности к Князю Голицыну.

[433] - Для примера выписываем одно место из письма на Высочайшее Имя, чтобы читающие могли видеть действительную в своём роде фанатичность или что-то похожее на это состояние по самой оригинальности в слововыражениях писавшего. «Всемилостивейший Государь! Нет возможности воспроизвести в России Римскую церковь св. Петра; но Ваше Величество можете из чистейших, дражайших веществ Российского слова создать словесный храм Премудрости Божией в такой прочности, правильности и точности, в таком вкусе, в таком великолепии и изяществе, что он будет выше всего великого и прекрасного в мире, будет истинной славой Православия нашей Церкви пред лицом всех церквей, будет вечной, неувядаемой, любезной Богу и человечеству славой Вашего царствования и веселием неба. Ваше Величество можете совершить сие святое здание, столь торжественно начатое и столь высоко возведённое в царствование АЛЕКСАНДРА Благословенного. Токмо Ваше слово Царское изречёте и Российская Библия явится во всей полноте и красоте своей; и после Божественного оригинала, который может только

один быть, Российская Библия будет первой и превосходнейшей в христианстве, потому что само Провидение Божие дарует нам как бы в добычу, опыты, успехи, немощи и древних и новейших веков в испытании святых Писаний; и сие есть знамение особенного благоволения Божия в Российской Церкви, венец чести, который ей предназначен и принадлежит, и который, впрочем легко может предвосхитить другая церковь, например, великобританская, (?) когда ускорит, для успехов царствия Божия в человеческом роде, подарить России полную Библию на чистом Российском наречии. «Поспешайте делать добро, говаривал нам бессмертный Суворов»... (См. в Истории перевода Библии, соч. г. Чистовича, Христ. Чтение 1872 г. Сентябрь, стр. 14–15).

[434] - В Истории рассматриваемого перевода Архимандрита Макария (См. Христ. Чтение, Сентябрь, 1872 г. стр. 3) действительно читаем: «К Макарию Филарет (Московский) сохранит приязнь до самого конца его жизни».

[435] - См. Историю перевода Библии в Христ. Чтении. 1872 г. Сентябрь, стр. 37–39.

[436] - См. стр. 29–34.

[437] - Личное знакомство моё (пишущего) с А.Н. Муравьевым началось с 1857 г. когда я был ещё светским. Находясь в Петербурге около двух месяцев, я жил по благословению Высокопр. Филарета Московского на Троицком Подворье, где в покоях Митрополита жил А.Н.М. Высокопр. Митрополит Филарет сам рекомендовал меня ему собственноручным письмом. А.Н. со своей стороны пожелал лично приблизить меня к себе. Сближение это тем более утвердилось, что в эту пору А.Н. вёл известную полемическую переписку с вероотступником Князем Гагариным, перешедшим в католичество и находившимся в Риме, в самом Ватикане. А.Н. собственноручно писал обыкновенно так неразборчиво, что и сам не мог прочитывать написанного им. Потому он всегда просил меня помогать ему – именно писать под его диктовку. Велось это дело, впрочем и так: А.Н. бывало целый час и более проговорит во всей логической строгости, или как будто изложит на бумаге свои мысли, а я с карандашом в руке успевал, хотя намёками, записывать течение речи... Потом в своей комнате излагал на перегнутых в половину листах... Изложенное мною я прочитывал ему и он тут же или дополнял или изменял. После переписки набело особым писцом, отделы переписки своей А.Н. каждый раз отправлял в Москву, для предварительного прочтения, Высокопр. Митрополиту Филарету.

[438] - Митрополиты желали и чаяли было, что после Обер-Прокурора Нечаева, будет назначен Обер-Прокурором именно Андрей Н. Муравьев... Но совершенно нежданно для всех определён был Граф Протасов, бывший тогда не более как в чине Полковника Гвардии. Высокопр. Филарет (Киевский) сказал по этому поводу: «ну вот тебе... избавились от Нечаева, а тут новая нечаянность... Новый-то (Обер-Прокурор Протасов) как бы не протасовал нас по своему... и тогда последняя будут горша первых. Эти слова оказались как бы пророческими... Это сообщил мне А.Н. Муравьев, слышавший от Митрополита Ионы – Члена Св. Синода.

[439] - В эту пору – именно с 1860 по 1867 гг. был уже окончен печатанием в Православном Обозрении перевод Арх. Макария с Еврейского языка на Русский всех книг Пророческих, и других. См. Христ. Чтение, Сентябрь, 1872 г. стр. 49.

[440] - Иона – Митрополит, бывший Экзарх Грузии, был Членом Синода и проживал в Александро-Невской Лавре.

[441] - Татьяна Борисовна Потёмкина много благодетельствовала Алтайской Миссии, что продолжалось и до последующего времени. Я сам, служивши в Томске в 1860–1861 гг., лично знал о присылаемых ею пожертвованиях собственно в пользу новокрещаемых, – особенно лиц женского пола и детей.

[442] - Это мне передал сам Владыка Филарет, говорил А.Н. на другой же день, на который пригласил меня он при нашем расставании, при выходе от Митрополита Серафима.

[443] - Макарий – слово греческое – значит блаженный.

[444] - Здесь разумеется история о Катехизисах Филарета Московского (в 1823–1824 г.), имевшая с тем вместе непосредственную связь с Историей перевода Библейского Общества..., о чём будем речь в своём месте.

[445] - В Истории г. Чистовича читаем следующее: «В Москве, в бытность Митрополита Серафима на Коронации (в Августе 1826 г.), было личное объяснение между ним и Филаретом Московским. Преосв. Серафим – говорил Филарет в своих воспоминаниях, – прежде был ко мне расположен, а тут вышло неудовольствие из-за Катехизиса. Но судя по последующему надо полагать, что объяснение их касалось и перевода Библии, (разумеется здесь перевод Библ. Общ.) Горячие объяснения Филарета усилили это неудовольствие. Когда после того – продолжает Преосв. Филарет, – приехал я в Петербург, Преосв. Серафим встретил меня такими словами: «если только будешь настаивать на продолжении

перевода Св. Писания, – я выйду в отставку»... Это разномыслие, возникшее ещё по случаю самого закрытия Библейского Общества, – замечает г. Чистович, – между Митрополитами Серафимом и Филаретом, продолжалось между ними до самой смерти Митрополита Серафима и было поводом к возобновлявшимся несколько раз жгучим объяснениям между ними. Ставши раз на эту дорогу, под влиянием к тому же возбуждений со стороны, Митр. Серафим уже не сходил с неё до конца жизни, относясь враждебно ко всем попыткам возобновления этого дела – (т. е. перевода Библии на Русский язык). См. Христ. Чтение, 1872 г. Май.

[446] - Вот, между прочим факт, который видим в Записках бывшего Енисейского Епископа, Преосв. Никодима... Поступило в Синод дело с рецензиями магистерских сочинений Московской Академии, данными Преосв. Кириллом весьма резкими, так что все Члены изумились, а Филарет Московский раздражился. Приехавши из Синода, Преосв. Кирилл рассказал мне всё это, изумляясь: «Ну брат, я сегодня в Синоде вытерпел такую бурю, какой я не помню в жизни. Московский Владыка пришёл в великую досаду за замечания мои на сочинения Московских студентов. Во всю эту сцену прочие Члены Синода молчали; разглагольствовал один Митрополит Серафим и смешил собою. Например, о рассуждении одного студента Преосв. Кирилл написал: «Рассуждение сие (о вечности мучений) не представляет новых взглядов на этот предмет». Серафим недослышавши, подхватил: «Благодарю тебя Преосвященный. Замечание хорошее... У них ведь всё новые взгляды нынче». «Изумились все и светские и духовные, а иные улыбнулись». См. стр. 68.

[447] - Относительно этой глухоты Высокопр. Митрополита Серафима вам доводилось слышать рассказ от близких к тому времени лиц, и также от Преосв. Антония, вероятно слышавшего от своего дяди – Митр. Филарета. «В 1840 г должна была совершиться торжественная встреча Высоконареченной тогда Невесты Марии Александровны, Благочестивейшей Императрицы, Супруги Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. При этой встрече назначено было произнести речь от Лица Синода. Произнести эту речь по праву Первенствующего Члена Синода надлежало Митрополиту Серафиму. Но никто не мог подумать, чтобы он мог это сделать. Но не тут-то было... Речь была приготовлена отчасти им, отчасти выправлена. Положено было однако, через посредство Министра Двора доложить Императору НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ из опасения, чтобы не вышло чего-либо при самом произношении речи. Государь напротив, вполне соизволил, чтобы речь была произнесена

Серафимом, хотя бы даже и по написанному, а не наизусть... Но Митрополит Серафим вызвался непременно на последнее. И вот начались репетиции. Келейный Митрополита, Иеродиакон, бывший постоянным Иподиаконом, был суфлёром, обязанным стоять за спиной Митрополита. Дело всё уладилось; Митрополит в состоянии был повторить всю речь, как говорится без запиночки, хотя суфлёр, твёрдо знавший степень глухоты Митрополита, ловко успевал подсказывать по местам. Настало торжество встречи… Митрополит, естественно ослаб от усталости, ослабла и память… Но всё-таки начал речь бодро..., а потом стал нуждаться и в суфлёре... Последний, действовал сколько мог, (хотя это было видно для всех присутствующих и для самого Государя)... Наконец Митрополит совсем сбился и в недовольстве на самого же суфлёра вдруг сказал: Да ну, подсказывай громче... я почти ничего не могу расслышать». Факт этот подтверждается и следующим подобным, о котором свидетельствует в своих Записках бывший Епископ Енисейский Никодим: 5 Декабря было назначено Миропомазание Невесты Государя Наследника Марии Александровны (нынешней Императрицы), а 6 числа обручение Её с АЛЕКСАНДРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, ныне Императором Всероссийским. Слышно было, что Императрица Александра Феодоровна хотела, чтобы всё это совершил Митрополит Московский. Серафим об этом узнал и написал Императору: «Государь! не обижайте старика». Император НИКОЛАЙ отменил намерение Своей Супруги. Вообще же о старческих странных приёмах и выходках Митрополита Серафима можем судить по свидетельству сего же Преосв. Никодима, о следующем напр. факте. «Хоронили Архиепископа Подольского Кирилла в Понедельник на Св. Пасхе 31 Марта. Литургию служил Митрополит Московский Филарет с четырьмя Архимандритами (я был третьим). Отпевание совершали пять Архиереев, в том числе все Митрополиты, во главе же всех Митрополит Серафим. Литургия началась в 10 часов, погребение же кончилось в 3 ч. пополудни. Митрополит Серафим во всё время отпевания странничал, как дитя: кряхтел, чесал голову, кричал...» – (См. о Филарете, Митр. Московском. «Моя память», 73 и 85).

[448] - Сведение об этом читаем и в Истории г. Чистовича. Христ. Чтение, 1872 г. Сентябрь.

[449] - Тоже.

[450] - В Истории г. Чистовича об этом сказано довольно и притом так, что М. Филарет действительно не дал письму Макария (в 1834 г.) известности и собственно потому, что высшая духовная администрация

того времени враждебно относилась ко всем попыткам подобного рода, – но это не остановило Макария. Он потому-то и начал перевод с книги Иова, что Библейское Общество довело свой перевод до этой книги. Следовательно, Макарий явился прямо продолжателем дела Библ. Общества. (Христ. Чтение, 1872 г. Сентябрь, стр. 11–12).

[451] - Макарий был студентом 2 курса Санкт-Петербургской Академии при ректорстве Филарета, и слушал уроки по Еврейскому языку у Павского, у бывшего студента 1 курса и определённого Бакалавром.

[452] - Спасо-Евфимиев монастырь для духовных лиц то же почти, что Петропавловская Крепость для прочих сословий.

[453] - В Записках Сушкова об этом говорится же, но с отличной, наоборот, стороны.

[454] - Там же, – но без всякого отношения к Филарету; виновник был Феофилакт, Архиепископ Рязанский. У Сушкова описан самый случай и окончательный повод к тому, чтобы уволиться Митрополиту Амвросию, случай в своём роде не безынтересный. Две Дочери Императора АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, скончавшиеся в самом раннем младенчестве, погребены были в Лаврской Духовской Церкви. Гробовые покровы их с горностаевой подшивкой оставлены были в собственность Лавры. Начала портить их уже моль. Митрополит Амвросий вздумал употребить их на саккос тёплый для крестных ходов на Иордан, – и в 1818 г. облачился в новоустроенный саккос. Тут и подняли говор, что Митрополит служил в Царском облачении – горностаевом. Император выразил неудовольствие сказав, что только к маститым летам Митрополита оказывает снисхождение. Митрополит уволился.

[455] - За заслугу, оказанную Митрополитом Серафимом своим Архипастырским влиянием на взбунтовавшийся народ в Декабре (14 ч.) 1825 г. Причём Митрополит подвергал свою жизнь явной и решительной опасности, и причём находился с ним и прежде упомянутый келейный его – суфлёр). Государь изволил выразить тогда свою неизменную волю, что Митрополит Серафим должен быть на своём месте до последних минут жизни... и потому всегда питал к нему особеннейшее расположение и полнейшую доверенность, дав ему право являться к Нему лично.

[456] - Что подобные приёмы и выходки в смысле вольности со стороны Архимандрита Макария были, об этом свидетельствует в своих Записках, прежде упоминавшийся Енисейский Преосв. Никодим. У него читаем, например, следующий факт: «В 1840 году, в Вознесение Господне, 4 Мая, я попросился служить с Митрополитом Филаретом в его домовой Церкви,

на Троицком подворье. Прихожу в Церковь. Вижу другого Архимандрита, тоже готовящегося служить с Владыкой. Это – Архимандрит Макарий, Алтайский миссионер. Служили с Владыкой. После служения, по обычаю, пошли к Владыке на чай. Полна гостиная господ и почти одни женщины. Нам с о. Макарием, едва достали два последних стула. Выпив по чашке чаю, мы с о. Макарием встали, приняли благословение у Владыки, и вышли. В зале о. Макарий меня остановил и стал спрашивать, – кто я, откуда и что здесь делаю. Сказав в пяти словах отрывисто, я просил о. Макария выйти из залы и в его келье я обещался говорить с ним, сколько он пожелает. Макарий не послушал, и начал прогуливаться взад и вперёд по зале, держа меня за руку и прося рассказать о себе шире и шире. Я был как на иглах, ежеминутно опасаясь выхода гостей от Владыки. И что же? Отворяется гостиная, боярыни выходят, вертясь обычно и нежно кланяясь Владыке. Владыка вышел было в залу за боярынями, но, увидев нас, вспыхнул, в глазах блеснула молния; он быстро повернулся назад, и хлопнул за собой дверью так, что зазвенели окна. Так-то полу-юродивый Архимандрит Макарий ввёл меня в искушение. Он в это время приехал в Петербург, между прочим, со своим переводом Пророков с Еврейского на Русский. Он просил Св. Синод дозволить напечатать сей его перевод. Но тогда это казалось святотатством. Митрополит Серафим сказал (якобы) в Синоде о сём переводе Пророков: «В печь этот перевод!» – См. о Филарете Митр. Москов. «Моя память». Стр. 56–57.

[457] - В Истории перевода Библии у г. Чистовича приводится бо́льшая часть содержания этого донесения (Христ. Чт. 1872 г. Сентябрь, стр. 30–37), где действительно заключаются самые резкие выражения. На это есть прямые указания и в вышеприведённом определении Св. Синода, по которому А. Макарий был присуждён к епитимии, хотя бы за свой дерзновенный и нетерпимый образ действий должен бы подлежать строгой ответственности (лишению сана и монашеского звания).

[458] - По Славянскому тексту: «Беснуешися ли; многия тя книги в неистовство прелагают». Эти слова были сказаны Правителем Римским Фастом Св. Ап. Павлу после продолжительной защитительной речи на суде. (Деян. 26:24).

[459] - Слова из письма Высокопр. Филарета, в бытность его Епископом Калужским, к Филарету Московскому.

[460] - См. Чтение Г. Знаменского, стр. 64.

[461] - См. Чтение Г. Знаменского, стр. 63.

[462] - Там же, стр. 70.

[463] - См. в Чтениях Знаменского, стр. 71. Под генералами разумеются Шишков и ставший с ним на одну сторону Аракчеев.

[464] - В подлиннике так, и это оригинальное употребление союза естьли вместо общепринятого если у Высокопр. Филарета Моск. было постоянное.

[465] - По-русски: «Советую тебе ничего о делах Библейского Общества для печатания в газетах не посылать, как ты сделал в прошедшие дни. В случае какой-либо настоятельной необходимости можешь присылать сюда для печатания в дневнике Библейском. – (Письмо это было от 16 Сент. 1824 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. кн. 1, стр. 18).

[466] - Христ. Чтение. Апрель, 1872 г. стр. 676–677.

[467] - Об этом читаем и в печати. См. Христ. Чтение. Апрель, 1872 г. стр. 648.

[468] - Уволены были по настоянию Шишкова – Димитрий (Сулима), Архиепископ Кишинёвский и Иона (Повинский), Архиепископ Тверской.

[469] - Это предположение действительно было и даже доводимо было до сведения Государя Императора АЛЕКСАНДРА I.

[470] - Письмо это было напечатано впервые в Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1868 г. кн. 1, – а (приводимый теперь) комментарий в Воскресном Чтении в том же 1868 г. стр. 907–908.

[471] - Указание на бывший Юбилей пятидесятилетнего Святительства Высокопр. Филарета, Митр. Московского, исполнившийся 5 Августа 1867 года.

[472] - Мы обозначили курсивом эти слова, дабы указать, что дело здесь разумелось о переводе не всей Библии, а только о переводе Нового Завета и совместно о Катехизисе, – тогда как мнение Высокопр. Филарета в 1856 г. было именно против первого, т. е. перевода всей Библии.

[473] - См. Собрание мнений и отзывов Митроп. Московского Филарета. Том IV, стр. 250–251.

[474] - Это писание Высокопр. Филарета Московского было ответное на первое письмо Высокопр. Филарета (Калужского), писанное в братское утешение первого.

[475] - Митрополита Санкт-Петербургского Серафима.

[476] - Мы и здесь отметили эти слова курсивом для того же, что и прежде, т. е. чтобы обозначить, что дело разумелось именно только о Катехизисе и переводе только Нового Завета, а не всей Библии.

[477] - См. Собрание мнений и отзывов Высокопр. Филарета, Митр.

Московского. Том IV, стр. 261–262.

[478] - Из секретных бумаг, хранящихся в Канцелярии Обер-Прокур. Св. Синода. 1856 г. № 192; листы 63–68. См. в Собрании мнений и отзывов Филарета, Митр. Московского. Том IV, стр. 259–260, 262.

[479] - См. об этом, между прочим у г. Сушкова. Хотя г. Сушков и проводит свои мысли прямо на сторону Филарета Московского (стр. 136–138), но эти мысли сами изменяют ему в сказанных далее словах: «Впрочем (подлинные слова г. Сушкова), как бы дело (т. е. начатый новый перевод) ни делалось, – всё же оно будет сделано, если и не безупречно (?!), то и не неудовлетворительно уже и потому, что имеются в виду готовые переводы и Библейского Общества (?) и протопресвитера Павского (?) и Алтайского Макария (?)… Четыре Академии занимаются этим переводом. Первое издание, разумеется (?), вызовет замечание знатоков(?) в Св. Писании (каких и откуда?), а второе и третье будут усовершенствованы в возможной (на сколько?) степени». Так и видно, что г. Сушков не видал и не слыхал, как в протесте Митроп. Киевского Филарета всё это предусмотрено и наперёд отвергнуто, как дело оскорбительное для Божественного Писания, чтобы при переводе его заниматься такой школьнической работой и почерпать из таких мутных нечестивых источников готовые материалы для перевода.

[480] - Покойный Владыка Антоний придавал этому особенное значение в силу как бы неблагословения свыше на это начинание, против которого недаром так крепко и дерзновенно свидетельствовал Владыка Киевский.

[481] - Слова, изложенные Высокопр. Филаретом, Митр. Московским в самом начале отзыва на мнение Высокопр. Филарета Киевского по поводу перевода Библии на Русский язык.

[482] - Его же слова, изложенные в самом конце того же отзыва.

[483] - См. По Архивн. Описи № 3440.

[484] - Осмеливаемся сделать здесь одно указание именно на то, чего не можем исторгнуть из нашей памяти и что, конечно, твёрдо памятно и читающим по отношению к настоящему предмету. В своём месте приведено было в нашем изложении о переводе Протоиерея Павского следующее документальное сведение, взятое нами из «Истории перевода Библии на Русский язык» соч. Чистовича. – (См. Христ. Чтение 1872 г. Май, стр. 117–118). 16 Марта 1842 г. Обер-Прокурор Граф Протасов объявил Св. Синоду, что Его Императорское Величество Высочайше соизволил утвердить определение и вполне одобрить мнение Митрополита Серафима, и чтобы Св. Синод, согласно с мнением Митрополита

Серафима и по прямому долгу своему, усилил меры к сохранению книг Св. Писания в настоящем их виде неприкосновенно".

[485] - Осмеливаемся и здесь сделать указание, подобное прежде сделанному, именно на то, что сказанное в мнении Высокопр. Филарета Киевского о том, «чтобы постепенно вводить некоторые частные исправления в тех местах Библии, которые, в самом деле, особенно невразумительны, заменяя одни слова и даже целые выражения другими яснейшими и точнейшими, или поставляя их на полях, или под чертой и пр.» принадлежало столько же и Высокопреосв. Филарету Московскому. Об этом было нами приведено прежде документальное сведение в нашем изложении, взятое целиком из «Истории перевода Библии на Русский язык» соч. г. Чистовича. Повторим здесь ещё это же самое сведение. «Как-то в частной дружеской беседе двух Митрополитов – Киевского и Московского зашла речь о действительной неясности и неверности в некоторых местах Славянского перевода Библии. Рассуждая, как бы поправить важнейшие ошибки и неточности, они пришли к такому заключению, что можно – где присовокупить истолкование, где заменить непонятное слово и неправильное выражение иным словом и выражением и пр... Узнал об этом разговоре (обоих Митрополитов) и Обер-Прокурор (Протасов), который и обратился к Митрополиту Московскому с вопросом: – справедлив ли, дошедший до него – (Прокурора), слух? – Митрополит Московский передал бывший разговор слово в слово. Тогда Обер-Прокурор спросил его: – не решится ли он дать ему Записку о таком важном вопросе, чтобы самому ему в него вдуматься и оценить мнение двух старших Членов Синода?» – «Охотно, – сказано было в ответ: – я не отрекусь от своих слов, и что говорил теперь Вашему Сиятельству, то же скажу и на письме». – (См. Христ. Чтение. 1872 г. Май, стр. 111–112). При настоящем сопоставлении сказанного в мнении Высокопр. Филарета Киевского, очевидно, в совершенную согласность с прежде бывшим (в 1842 г.) взаимным единомысленным сорассуждением обоих Первосвятителей по этому же именно предмету, – и сказанного в отзыве Высокопр. Филарета Московского, очевидным становится совершенно иное противоположное во взглядах последнего на тот же самый предмет. Делая это документальное указание, мы, само собой, не дерзаем делать никакого вывода.

[486] - См. предыдущую сноску.

[487] - Исполнено 22 Марта 1858 г.

[488] - Г.П. Павский из студентов 1; Макарий Глухарев из студентов 2

курса Санкт-Петербургской Духовной Академии.

[489] - См. «Истор. перевода Библии на Русский язык», соч. г. Чистовича. Христиан. чтение. 1872 г. Май стр. 74–76.

[490] - Слова разных доставителей сведений.

[491] - Речь эта была напечатана, между прочим, в журнале «Странник» 1865 г. Январь. Отд. IV, стр. 5–8, откуда мы и заимствуем её содержание.

[492] - Излагаемый рассказ относится к 1867 г.

[493] - Это было указание на Записки г. Сушкова о Высокопр. Филарете, Митрополите Московском, писанные ещё при жизни последнего. Нужно сказать, что Преосв. Иоанн имел чувства и отношения к Высокопр. Филарету Московскому и также к Высокопр. Григорию, Митрополиту Санкт-Петербургскому нерасположительные. Чтобы сказать всю сущую правду, Преосв. Иоанн и при настоящем разговоре не скрывал этого... Он, между прочим, употребил, особенно памятное для меня по самой оригинальности, выражение, когда наименовал того и другого Первосвятителя регламентёрами и притом самодумными, действовавшими в силу своего авторитета, сколько и личного характера.. Такой отзыв в устах Преосв. Иоанна, конечно, был естествен, (хотя бы и не верен), собственно потому, что ему самому лично пришлось испытать по поводу, между прочим, проповеди его, сказанной в Казанской Академии, по крестьянскому вопросу, и судя по тому, как поступлено было с самым журналом – «Православным Собеседником», когда отдали его под опеку Московской Академии. (Об этом см. в Биографии Высокопр. Антония, Архиепископа Казанского).

[494] - См. сведения об отъезде и проводах Преосв. Филарета из Калуги в Рязань.

[495] - Ни в Истории перевода Библии на Рус. язык соч. г. Чистовича, ни в Чтениях из Истории Русской Церкви за время царствования Императора АЛЕКСАНДРА I соч. г. Знаменского, указаний на это почему-то нет. Но приводимые теперь нами сведения мы встретили у г. Богдановича в его «Истории Царствования Императора АЛЕКСАНДРА I (Том VI в прилож. к главе LXXIX, стр. 46 – под заглавием: «Донос Архимандрита Фотия").

[496] - В описываемую именно пору Архимандрит Фотий пожалован был редкой для архимандритского сана наградой – «панагией драгоценной». (Там же, и у других).

[497] - Намёк на Московского Филарета.

[498] - То же.

[499] - Зато этот же самый о. Архимандрит Фотий, когда уже стал знать лично Высокопр. Филарета, то всего более понимал и высоко ценил его достоинства и притом в отношении именно его значения в личном участии и делах Св. Синода, в котором он, по званию Первосвятителя Киевского, занял старейшее место после Первенствующего Члена. В этом отношении особенно замечательны самые выражения и чувства, в каких писал по этому предмету о. Архимандрит Фотий к Преосв. Иннокентию (Борисову), бывшему в эту пору Викарием Киевским. Вот в подлинной орфографии письмо А. Фотия."О радости Киева и твоей, Владыко святый, я поздно уже пишу тебе: за две недели я видел видение во сне, что Филарет тот сделан в Киеве, который уже и сделан; не хотел веровать и жалел даже на время малое в Киеве ему числиться. Ибо мню, что не будет он до конца в Киеве... Но уже теперь за верное он в Киев сделан Митрополитом: и в Пасху был в белом клобуке. Единственный твой благодетель и любитель: верь мне. Ты теперь на время в полной радости. Но вот что скажу тебе по секрету: не мани его к себе под разными видами: епархия всегда имела своего Владыку налицо. Ему надобно быть в Синоде, и будет: и посему пиши ему, что всё Бог устрояет и устроит. И более пиши умненько, дабы он не спешил посещать паству новую, так как нужды более в нём на том месте, где он светит... Ты меня понимаешь, к чему все нужно делать Бога ради сие». – (См. Христ. Чтение 1887 г. Письмо XV, стр. 756–757).

[500] - С прежних давних времён все епархии в Российской Империи разделялись на классы по старейшинству на основании исторического значения главных городов, бывших в своё время столицами Российских удельных Князей. Рязанская епархия была в разряде второго класса; и до настоящей поры, хотя классы эти уничтожены, осталась всё-таки в особом значении, что доказывается тем, что архиереи Рязанские всегда, как и в последнюю коронацию, вызываются на это священное торжество; таки точно, как увидим в своём месте, из Рязани же Высокопреосв. Филарет был вызван на Коронование Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА в 1826 г 22 Августа.

[501] - См. «Подробное описание жизни и пастырской деятельности св. Отца нашего Иоанна Златоустого», составленное священником Василием Лебедевым. Москва. 1860 г., стр. 383.

[502] - См. письмо Свящ. Иоан. Андр. Зверева к Преосв. Антонию.

[503] - Из писем Высокопр. Филарета, митрополита Киевского к монахине Калужского монастыря Агнии – напечатанных в Полтав. Епарх. Ведомостях в 1866 г. по распоряжению тамошнего Архиеп. Иоанна,

родственника Высокопр. Филарета.

[504] - См. выписку стр. 8 и историч. Описание Оптиной Пустыни и Скита.

[505] - Приведённый рассказ был выслушан нами из уст в Бозе почившего Высокопр. Арсения, Митроп. Киевского (в 1867 г.), который сам слышал его от очевидцев. Часть этого рассказа записана и в дневнике о. Наместника Лавры.

[506] - Приводимый рассказ в кратком содержании записок в дневнике Наместника под 8 числом Декабря 1857 г. следовательно, за 12 дней до кончины Высокопр. Филарета, – под заглавием: «Вспоминал Владыка и о Казани...». Значит действительно, молитвенная память его о новокрещенцах Казанских была неизменна навсегда до гроба.

[507] - См. эти слова в эпиграфе в настоящей главе.

[508] - Слова из писем Высокопр. Филарета из Рязани в Калугу.

[509] - Выражение, вошедшее в поговорку между сиротствующими в среде духовенства.

[510] - Слова Высокопр. Филарета на пути из Рязани в Санкт-Петербург.

[511] - См. сведения, составленные из документов Рязанской духовной Консистории, стр. 2.

[512] - В знаменование сего обручения у Римских Католиков всякому новопоставленному Епископу даётся перстень, который, как известно, они и носят всегда при служебных отправлениях. Один из бывших архиепископов [именно бывший Полоцкий и Витебский Василий Лужинский], как бывший из униатских Епископов и потому имевший в своё время подобный же перстень, с особенною ревностью высказывался за это церковное установление в силу именно того, что Епископ собственно не должен разлучаться со своей паствой до конца жизни или выходить в отставку. Сам он так и оставался, доколе перемещён был в Члены Св. Синода без управления Епархией. Бывали примеры, что Епископы наши оставались навсегда в одной епархии от самого рукоположения до кончины своей: когда же и были предназначаемы они в другие высшие епархии, то смиренно отказывались. Таковой пример недавний был в лице Архиеп. Калужского Григория [Миткевича], прослужившего в одной епархии свыше 30 лет и до самой своей кончины остававшегося епархиальным Архиереем. Таковы же примеры и ещё в лице двух Архипастырей, именно: Полтавского Архиепископа Иоанна, прослужившего на одном месте с 1861 г. по 1887 и вышедшего по

прошению на покой, и Архиепископа Тульского, Высокопр. Никандра, с 1860 г. по настоящее время управляющего одной и той же Тульской Епархией.

[513] - Преосв. Григорий был впоследствии преемником Высокопр. Филарета и на Казанской пастве, хотя и не непосредственно после него, именно с 1848 по 1856 г. Как воспитанник 1 курса Санкт-Петербургской Академии Высокопр. Григорий (Георгий Постников) имел Высокопреосв. Филарета своим Инспектором (1813 г.).

[514] - См. сведения, составленные из документов Рязанской духовой Консистории, стр. 3–4.

[515] - См. сведения из Рязанской Консистории, а также формулярный список.

[516] - Высочайшая Грамота дана 31 Декабря 1827 г.

[517] - См. сведения из Рязанской Консистории, стр. 4–5.

[518] - См. сведения из Рязанской Консистории, стр. 5–6.

[519] - См. там же, стр. 5.

[520] - Там же стр. 6. В одном из писем своих в Калугу, сам Преосв. Филарет писал об этом так: «Дом у меня в Рязани преогромный и великолепный; только вход тесный и лестница так высока, что тебе по старости и слабости сил очень трудно будет взойти, ибо живу на третьем этаже. Скоро непременно займусь перестройкой, чтобы устранить неудобство».

[521] - См. письмо Священ. Ростиславова от 23 Марта 1859 года на имя Преосв. Антония, бывшего тогда Викария Киевского, впоследствии Архиепископа Казанского.

[522] - Письма, в количестве 13, доставлены Преосвящ. Архиеп. Гавриилом, при собственноручном письме от 20 Декабря 1858 г. Преосв. Антонию, с назначением их для биографии Высокопреосвящ. Филарета.

[523] - Рассказ этот, равно как и другой, помещённый ниже, мы слышали от о. Архимандрита Павла, при личной встрече с ним (22–24 Августа 1866 г.) в св. Троице-Сергиевой Лавре.

[524] - Из рассказа Архимандрита Павла, бывшего экономом при бытности Высокопр. Филарета в Санкт-Петербурге.

[525] - Покойный Владыка Антоний рассказывал, что Высокопр. Филарет часто и с чувством явного недовольства высказывался о том, что жизнь на подворьях особенно стеснительна в отношении помещения свиты и самого совершения Богослужения архиерейского. «Известно всем

и каждому, что всякий Архиерей должен непременно привозить с собой в Петербург несколько лиц: Иеромонахов не менее 4–5, Протодиакона, и ещё Диаконов двух, да двух Иподиаконов, и наконец, певчих человек около двадцати и даже более, привозить с собой также ризницу всякого рода и архиерейскую и прочую, притом по преимуществу приличную. А служить-то приводится почти исключительно в подворьевской церкви, и тесной, и тёмной... А мне так бы думалось, что́ я и высказывал не раз: в Петербурге два Собора – Казанский и Петропавловский, а вот скоро и ещё Исаакиевский; в этих соборах когда-когда бывает архиерейское служение... Между тем, что́ благоприличнее как в этих-то соборах и назначить бы Присутствующим в Синоде Архиереям совершать Богослужение во все праздничные дни, да и во все воскресные. А так как в этих соборах и штат наличных священнослужителей – Протоиереев, и священников, и Диаконов со старшим во главе весьма достаточный, да и певчие свои соборные прекрасные, и ризничные все облачения и принадлежности для архиерейского служения тоже имеются, то и вышло бы, что приезжающим для присутствования в Синоде Преосвященным вовсе не приводилось бы тянуться из своих епархий целыми обозами на такие огромные пространства, как напр. из Киева, и по дорогам таким, что по местам Боже упаси ехать-то. При Архиерейских же постоянных служениях в Соборах, столь пространных, несомненно, и молящихся собиралось бы во множестве. Для совершения же Богослужения в домовых церквях на подворьях достаточно было бы привозить из епархий только несколько человек, сравнительно с настоящим числом втрое меньше, да и забот и разной возни с ними – всеми свитниками, чтобы держать их всех в подобающем порядке и приличии в среде столичного населения, уменьшилось бы вдесятеро...»N.B.: «Относительно неудобств и положительных крайних затруднений в путешествиях в Петербург читаем в одном из писем Высокопр. Филарета к Преосв. Иннокентию (от 11 Ноября 1840 г.) следующее: «Мы уподобились человеку некоему, сходящему от Иерусалима в Иерихон и впадшему в разбойники. Видно, не благовременно оставили мы наш Российский Иерусалим. Едва-едва дотащились к утру в Козелец (вёрст 60 от Киева) по несносной дороге, всю ночь ехавши и ни сколько не спавши. Из Козельца ехать вовсе невозможно. Ужасная грязь полузамёрзшая отнимает даже надежду продолжать далее наше путешествие. Десять лошадей и то́ не везут экипажа моего, да и никакой экипаж не вынесет такой ужасной дороги. Сидим с утра в Козельце и ночуем тут в ожидании другого утра. Но, кажется, не дождёмся лучшего. А без перемены на лучшее принуждены

будем возвратиться в Иерусалим, и сидеть там, Дóндеже облечемся силою свыше... – Видно недаром мне зело не хотелось оставлять Иерусалима и отправляться в такую опасную дорогу. Впрочем, мы пока ещё всё живы и здоровы. А дорога так дурна, что и до Киева надлежит ехать не менее суток».

[526] - Письмо к Преосв. Гавриилу от 3 Января 1844 г. – Подобное содержание встретим впоследствии в письмах к другим лицам. Например, в письме к своему Викарию Преосв. Иеремии (от 31 Марта 1842 г.) писано было так: «Ах, помолитесь усердно, Владыка святый, да возглаголет Господь в сердце Царевом благое о моём недостоинстве... (Здесь разумеется решительное желание Высокопр. Филарета об увольнении навсегда от личного присутствования в Синоде, о чём приготовлено было уже и прошение). Истинно, нет сил и возможности продолжать ещё разорительные и бесплодные для Св. Церкви разъездки в столицу и пр...»

Содержание

Высокопреосвященный Филарет в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время. Том 1 архимандрит Сергий (Василевский) 1

Отдел I. Время от рождения до окончания курса семинарского образования (1779–1798 г.) 3

Глава I. Место рождения Высокопреосвященного Филарета, его родители и родословная. Первые отроческие впечатления и проявления душевных свойств 4

Глава II. Домашнее воспитание отрока Феодора. Обучение Феодора Амфитеатрова в духовном училище и Семинарии 15

Отдел II. Время служения в Орловской духовной Семинарии в г. Севске (1798–1804 г.) 31

Глава III. Испрошение от родителя благословения на поступление в монашество на 19 году от роду. Первые годы монашества и учительства Филарета. Филарет – Префект и Ректор Семинарии в г. Севске на 24 году от роду. Перемещение его в Уфу 32

Отдел III. Время служения в Орловской духовной Семинарии в г. Уфе (1804–1810 г.) 49

Глава IV. Первоначальная служба его в Уфе. Служение его под начальством Преосв. Августина. Самые тяжёлые отношения Преосв. Августина к Филарету 50

Глава V. Состояние Оренбургской Семинарии в административном, учебном и педагогическом отношении 67

Глава VI. Изложение судных дел по службе Филарета Настоятельской и Ректорской, возникавших по личным преследованиям Преосв. Августина. Перемещение Филарета в Тобольск, как человека крайне нехорошего 78

Отдел IV. Время служения Архимандрита Филарета в Тобольске и в Санкт-Петербурге. (1810–1814 гг.) 92

Глава VII. Служение Филарета в Тобольске; восстановление его репутации и вызов в Санкт-Петербург на чреду 93

священнослужения
Глава VIII. Перемещение его в Настоятели Волоколамского Иосифова монастыря. Назначение Филарета Инспектором Санкт-Петербургской Академии. Возведение его в степень Доктора богословия. Отношение к нему Ректора Санкт-Петербургской Академии Филарета, впоследствии Митрополита Московского. Перемещение Филарета в новооткрываемую Московскую Духовную Академию 105
Отдел V. Время служения в Московской Духовной Академии (1814–1819 г.) 116
Глава IX. Состав лиц Московской духовной Академии и открытие её. – Деятельность Архимандрита Филарета в Академии 117
Глава X. Характеристика Ректора Филарета, как воспитателя и начальника 138
Глава XI. Влияние личного благочестивого образа жизни Ректора Филарета на призвание воспитанников к иночеству 149
Глава XII. Двукратные ревизии Московской Духовной Академии, произведённые Филаретом, Ректором Санкт-Петербургской Академии. Личное Высочайшее посещение Московской Академии Государем Императором АЛЕКСАНДРОМ ПАВЛОВИЧЕМ 156
Глава XIII. Участие, которое принимал Филарет в избрании Корбухи близ Сергиевой Лавры для Скита. Знаменательный факт исцеления от тяжкой болезни Игуменьи Хотьковского монастыря 163
Отдел VI. Служение Епископа Филарета в Калуге (1819–1825 г.) 176
Глава XIV. Назначение Филарета Епископом Калужским и Боровским. Отличительные качества его как Епископа 177
Глава XV. Ревностная заботливость Преосв. Филарета о построении храмов Божиих, о распределении церковных приходов, об улучшении содержания причтов, о благоустройстве монастырей и учреждении новых 195
Глава XVI. Особенное расположение Преосв. Филарета к Оптиной пустыни и устройство им в ней Скита 205
Глава XVII. Административная деятельность Преосв.

Филарета, отношения его к духовенству, объезд епархии, внимание к сиротам и вдовам. Отношения его к учащимся в Семинарии и училищах 213
Глава XVIII. Отношения Филарета к родственникам. Заботы о раскольниках 226
Отдел VII. Отношения Высокопреосвященного Филарета к делу о переводе Священного Писания на Русский язык 241
Глава XIX. Библейское Общество. Официальное отношение Высокопр. Филарета к Обер-Прокурору Св. Синода Графу А.П. Толстому по делу о переводе Священного Писания на Русский язык 242
Глава XX. Продолжение дела о переводе Священного Писания 259
Глава XXI. Дело о переводе Протоиерея Павского 269
Глава XXII. Дело о переводе Архимандрита Макария (Глухарева) 277
Глава XXIII. Несколько слов о гонениях на Катехизис Филарета Московского. Сочувственный отклик Филарета, Епископа Калужского 287
Глава XXIV. Мнение Высокопр. Филарета, Митрополита Киевского, о переводе Священного Писания на Русский Язык и отзыв на это мнение Высокопр. Филарета, Митрополита Московского 301
Отдел VIII. Перемещение преосвященного Филарета из Калужской Епархии в Рязанскую 344
Глава XXV. Прощание Преосв. Филарета с Калужской паствой 345
Отдел IX. Служение Преосв. Филарета в Рязани 357
Глава XXVI. Трёхлетнее управления Рязанской епархиею. Возведение в сан Архиепископа. Вызов его в Санкт-Петербург для присутствования в Св. Синоде 358
Глава XXVII. Пребывание Высокопр. Филарета в Санкт-Петербурге. Отношение к нему столичного общества. Замечательный факт по случаю бывшего наводнения в Санкт-Петербурге. Назначение Высокопр. Филарета на Казанскую Архиепископскую кафедру 368
Примечания 374

Примечания 374